

*Памяти
Вадима Эразмовича Вацуро*

Этой книгой Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге продолжает издание уникального четырехтомника, впервые предлагающего читателю полный свод литературно-критических отзывов о Пушкине, вышедших при его жизни.

Пушкинская Третьера

Каждое следующее издание серии призвано открывать новые и неожиданные научные, исторические и художественные аспекты пушкинского творчества.

Редколлегия:

В. Б. Бухаев
А. Вуд (Великобритания)
В. С. Непомнящий
В. Э. Рецепттер (редактор серии)
И. П. Саутов
С. А. Фомичев
М. М. Шемякин

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

П·У·Ш·К·И·Н

В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ

1828–1830

*Под общей редакцией
Е. О. Ларионовой*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2001

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Е. О. Ларионовой

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ, КОММЕНТАРИИ:

А. М. Березкин

В. Э. Вацуро

С. В. Денисенко

О. Н. Золотова

Т. А. Китанина

Т. И. Краснобородько

Е. О. Ларионова

Е. В. Лудилова

Г. Е. Потапова

А. И. Рогова

С. Б. Федотова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор филологических наук В. Д. Рак

доктор филологических наук С. А. Фомичев

РЕДАКТОР

О. Э. Карпеева

ХУДОЖНИК СЕРИИ

А. В. Дзяк

*Научная подготовка издания осуществлена
по гранту РГНФ № 99-04-00390а*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Российской Федерации*

ISBN 5-85080-027-8

© Е. О. Ларионова, вступительная статья, 2001

© Коллектив авторов, составление, подготовка текстов, комментарии, 2001

© А. В. Дзяк, оформление, 2001

© Государственный Пушкинский театралыный центр в Санкт-Петербурге, 2001

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА...»

(Журнальные отношения Пушкина в 1828—1830 гг.)

К началу 1828 г. русское общество, казалось, наконец преодолело кризис 1825 г. Виселица на Кронверке Петропавловской крепости стала хотя и ближайшей, но уже историей, а существование сотни каторжников — повседневностью, частной трагедией отдельных семей. В обществе укоренилось непонятно как возникшее и на чем основанное убеждение, что новое царствование несет России обновление, что грядут важнейшие преобразования, тщетно ожидавшиеся от покойного императора, что новый царь бодр, деятелен, честен и справедлив. Впрочем, некоторые начинания Николая на первых порах (перемены в министерствах, инспекции и вскрытие злоупотреблений в важнейших государственных учреждениях, создание специальных комитетов для разработки реформ — военных, образовательной системы и т. д.) способствовали общему оптимизму.

Пушкин, волею нового императора возвращенный из михайловской ссылки, также был не чужд иллюзий и готов деятельно сотрудничать с властью. Окончательно укрепившаяся за ним в годы ссылки слава первого поэта России, силу которой он почувствовал в первые же дни пребывания в Москве в сентябре 1826 г., налагала уже на него обязанности человека общественного. Его симпатии к молодому императору также, думается, были вполне искренни. Новая позиция поэта была открыто заявлена в «Стансах» («В надежде славы и добра...»), написанных в декабре 1826 г. Впрочем, сохранить изначальные иллюзии и симпатии с течением времени оказалось не так уж легко.

Прежде всего, Пушкин сразу же почувствовал всю тяжесть императорской милости: личная цензура императора делала публикацию произведений поэта совершенно затруднительной. После получения очередного письма Бенкендорфа Пушкин был вынужден остановить печатание всех своих сочинений¹. Ему запрещались, однако, не только публикации, но и публичное чтение новых произведений, не прошедших высочайшую цензуру. Это касалось трагедии «Борис Годунов», которую Пушкин несколько раз в сентябре—октябре 1826 г. читал в Москве. Судьба трагедии, центрального произведения творчества Пушкина 1820-х гг., не могла не занимать поэта в первую очередь. Некогда друзья поэта, а может быть, и сам Пушкин,

¹ См. письмо Пушкина к М. П. Погодину от 29 ноября 1826 г. — XIII, 307.

надеялись что покойный царь его «простит за трагедию»¹. Новый император «изволил прочесть оную с большим удовольствием», но рекомендовал переделать ее «в историческую повесть или роман на подобие Вальтера Скотта»². Вторичное представление трагедии высочайшему цензору в 1829 г. вновь вызвало требование перемены некоторых мест, «слишком тривиальных». Только после новых настоятельных просьб поэта 28 апреля 1830 г. было получено дозволение издать трагедию «под его собственной ответственностью»³. В отношении же печатания мелких своих сочинений Пушкин уже к 1828 г. начал прибегать к некоторым хитростям, таким как, например, полуанонимная публикация «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» и стихотворения «Череп» в «Северных цветах» на 1828 г.⁴ Кроме того, высочайшая цензура вовсе не освобождала от общей. Общая же, несмотря на принятие в апреле 1828 г. либерального цензурного устава, в значительной мере негласно контролировалась III Отделением.

Деятельность Пушкина в «государственной» сфере тоже не имела успеха. Написанная по заказу царя записка «О народном воспитании» вызвала неудовольствие Николая, которое было высказано поэту Бенкендорфом в достаточно резком письме. «Его величество при сем заметить изволил, — писал шеф жандармов, — что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочтеть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному»⁵. Это было кратким изложением идеологических основ нового царствования, за распространением которых в обществе также должно было следить созданное императором III Отделение, получавшее все новые и новые властные полномочия. Внутренний режим неприметно ужесточался. «Да помолись же европейскому Богу, чтобы он призвал меня на свое лоно, на свой просвещенный континент! — зывал Вяземский к А. И. Тургеневу. — Я, право, здесь, как несчастный Робинсон, брошенный на острове, окруженном океаном варварства и скуки»⁶.

На этом общем фоне складывались новые литературные отношения Пушкина.

* * *

Пушкинский литературный круг по-прежнему не имел своего издания. К 1828 г. его отсутствие стало очевиднее, чем когда-либо. Прежде всего, за 1827 г. существенно осложнились отношения Пушкина с издателями

¹ См. письмо Пушкина П. А. Вяземскому от 7 ноября 1825 г. — XIII, 240.

² См. письмо А. Х. Бенкендорфа к Пушкину от 14 декабря 1826 г. — XIII, 313.

³ См.: Пушкин. 1935. Т. 7. С. 424—427.

⁴ См. подробнее примеч. 1 и 8 к статье Ф. В. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» — наст. изд., с. 331, 333.

⁵ Письмо от 23 декабря 1826 г. — XIII, 315.

⁶ Письмо от 14 ноября 1828 г. — ОА. Т. 3. С. 183.

«Московского вестника». Журнал, рождение которого Пушкин год назад горячо приветствовал и в котором обещал печатать большую часть своих новых сочинений, не стал для него «своим». В молодых «любомудрах», юношах образованных и принадлежащих к хорошему обществу, к тому же восторженно встретивших поэта в сентябре 1826 г. в Москве, Пушкин, казалось, нашел литературных единомышленников. Осенью 1826 г. он настоятельно призывал Вяземского прекратить сотрудничество с Полевым, который, по его мнению, не удовлетворял двум требованиям к издателю: «1) знать грамматику русскую 2) писать со смыслом» и которому «невозможно доверить издания журнала, освященного нашими именами», и объединиться с «любомудрами». «Надо завладеть одним журналом, — считал Пушкин, — и царствовать самовластно и единолично». Сначала он предполагал даже быть «хозяином нового журнала»¹. Однако первоначальные иллюзии Пушкина быстро рассеялись. Во-первых, он стал даже не соиздателем, а просто одним из сотрудников «Московского вестника». Во-вторых, журнал не оправдал коммерческих ожиданий Пушкина, при том что сами эти ожидания вызвали глухое раздражение «любомудров», откровенно осуждавших меркантилизм поэта. Наконец, в третьих, между ними намечались достаточно глубокие эстетические разногласия. «Любомудры» требовали «мысли» и «философичности» в духе новейших немецких идеалистических учений, они даже не задумывались об имманентной цели поэзии, об отсутствии внеположенного смысла литературной деятельности, о том, что (говоря словами Пушкина) «критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает»². Кроме того, вся французская литературная составляющая пушкинской поэтической системы — стихия легкой поэзии, вольтерьянское остроумие и острословие в сочетании с рационалистическим субстратом просветительской эстетики — вообще, по видимому, оставалась чуждой и неприемлемой для «любомудров». Ближайшие друзья и литературные единомышленники поэта — Дельвиг, Вяземский и др., отчасти даже и более знакомый им Баратынский, — воспринимались москвичами как пушкинские эпигоны, творцы гладкой, правильной, но «бездумной» и, с их точки зрения, не имеющей будущего поэзии³. Пушкин, в свою очередь, иронизировал над тяжеловесной ученостью своих журнальных соратников. «Ты пеняешь мне за “Московский вестник” — и за немецкую метафизику, — писал он Дельвику 2 марта 1827 г. из Москвы. — Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... — “Московский вестник” сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? <...> А время вещь такая, которую с никаким “Вестником” не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают» (XIII, 320)⁴. В то же

¹ См. письмо к Вяземскому от 9 ноября 1826 г. — XIII, 304.

² Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина» — VI, 540; наст. изд., с. 306.

³ См., например: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 216—217 (автор раздела В. Э. Ваууро).

⁴ Ср. в дневниковой записи М. П. Погодина 4 марта 1827 г.: «К Пушкину — декламировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в целености им говоренного» (П. в восп. Т. 2. С. 15).

время и «любомудры» пытались всеми силами удержать Пушкина при себе, и Пушкин не торопился расстаться с «Вестником»¹.

Осложнение отношений Пушкина с «Московским вестником» шло на фоне конфликта в самой редакции журнала. Осенью 1827 г. круг ведущих сотрудников выдвинул редактору «Вестника» М. П. Погодину «ультиматум», требуя фактического соредакторства С. П. Шевырева. Шевырев стремился «оживить» журнал, в частности за счет текущей критики и литературной полемики; не случайно его поддерживали В. П. Титов и В. Ф. Одоевский, уже несколько времени жившие в Петербурге, успевшие осмотреться и сориентироваться в петербургском литературном мире, в общих чертах определить свою «партийность» и желавшие вывести «Вестник» на арену большой журналистики. Погодин, мучительно переживавший отсутствие внутреннего равенства со своими литературными соратниками, был вынужден согласиться, обнажив свое болезненное самолюбие, как всегда, лишь на страницах дневника².

С приходом Шевырева, опубликовавшего в первом же номере «Московского вестника» 1828 г. «Обозрение русской словесности за 1827-й год» с резкой критикой сочинений Булгарина, журнал, как и ожидалось, был вовлечен в бурную журнальную полемику³, которая продолжалась весь год. Погодин, в момент появления статьи находившийся в Петербурге и вполне дружелюбно общавшийся с Булгариным, разумеется, этой полемике не сочувствовал и даже по мере сил старался ее потушить. «Зачем баловать мальчика, который кусает себе ногти», — мотивировал он свое нежелание поддерживать Шевырева⁴. Однако и Пушкин не поддержал войну с «Северной пчелой»: антибулгаринские выступления Шевырева в пушкинском окружении были встречены с достаточной долей иронии. «О герой Шевырев! О витязь великосердый! — подвизайся, подвизайся!» — писал Пушкин 19 февраля 1828 г. Погодину (XIV, 5). Дельвиг, проезжавший в конце января через Москву и повидавшийся с «низшей братией московской», сообщал Пушкину 18 февраля: «Видел я поющих, вопиющих, зывающих и глаголющих. Шевырев пел, вопиял и зывал, но не глаголил; гнев противу “Северной пчелы” носил его на крилиих ветра, он не касался до земли, разве изредка носками сапожными» (XIV, 4). Думается, дело было не в том, что Пушкин считал упреки Шевырева Булгарину несправедливыми или необоснованными, — некоторое время спустя совершенно такая же критика открыто зазвучала из ближайшего пушкинского круга. Личные симпатии поэта тоже, надо полагать, были на стороне Шевырева.

¹ «Вспомни, что у меня на руках “Московский вестник” и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина», — писал Пушкин Дельвигу 31 июля 1827 г. из Михайловского (XIII, 334).

² См.: П. в восп. Т. 2. С. 16.

³ О реакции на «Обозрение» Шевырева см. подробнее наст. изд., с. 336–337.

⁴ Барсуков. Т. 2. С. 169; о постоянных внутриредакционных разногласиях Погодина с Шевыревым см. там же, с. 178–179. Погодин и в дальнейшем не переставал упрекать своих сотрудников за полемизму 1828 г. В письме к Шевыреву от 26 сентября 1829 г. он сетовал: «Как мне жаль, горько, что я по обстоятельствам принужден действовать на низком поприще с презренными бойцами. Говорил я вам, господа, что не должно нападать на них до тех пор, пока сами не представят чего-либо важного. Вы не послушали меня и компрометировались. Ну, скажи мне, прав ли я был?» (РА. 1882. № 5. С. 111–112).

Когда «Московский вестник» напечатал письмо Гёте с одобрением шевыревской статьи о «Фаусте», Пушкин, например, писал Погодину: «Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего Германского Патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова»¹. Но ссора Шевырева с Булгариным была явно несвоевременна и нарушала атмосферу всеобщего примирения, складывавшуюся к началу 1828 г. в русской литературе и журналистике. Пушкинская ирония скрывала под собой и внутренние расхождения с редакцией «Московского вестника», и нежелание быть втянутым на стороне москвичей в литературный скандал.

Двойственность в отношениях Пушкина с большей частью «любомудров» — взаимная симпатия и одновременно отталкивание и непонимание — существовала и в дальнейшем. Попадающие в Петербург москвичи — Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, В. П. Титов, Шевырев, И. В. Киреевский — неизменно оказывались в орбите пушкинского круга и начинали в той или иной мере испытывать личное и литературное влияние Пушкина. При этом Пушкин совершенно не соответствовал представлениям «любомудров» о том, каким должен быть национальный поэтический гений, достойный олицетворять Россию в кругу европейских литератур: Пушкин не производил на них впечатления человека ученого и вообще способного к последовательному труду, он искал не уединенных занятий, а рассеяния и светского общества; москвичей шокировало бытовое поведение поэта — беспрепятственно сменявшиеся любовные увлечения и ожесточенная карточная игра². Сомнения, охватывавшие «любомудров» относительно Пушкина, находили богатую пищу и в общем мнении, звучащем в эти годы, как правило,

¹ Письмо от 1 июля 1828 г. — XIV, 21. О шевыревском разборе «Фауста» и отклике Гете см. подробнее: *Мани Ю. В.* Русская философская эстетика (1820—1830-е годы). М., 1969. С. 156—159.

² Ср. в письме В. П. Титова к сотрудникам «Московского вестника» от 18 июля 1827 г.: «Что касается Пушкина, величайшая услуга, какую бы я мог оказать вам, это бы держать его в узде; да не имею к тому способов. Дома он бывает только в 9-ть утра, а я в это время иду на службу царскую; в гостях бывает только в клубе, куда входить не имею права. К тому же с ним надобно пяничиться, до чего я не охотник и не мастер» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 694); в письме М. П. Погодина к С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г.: «Пушкин собирается писать историю Малороссии; но я не думаю, чтобы он был способен к труду медленному и часто мелочному по необходимости. Он теперь увивается в Москве около Ушак<овых>» (РА. 1882. № 5. С. 80—81); в дневниковой записи С. П. Шевырева 19 октября 1830 г.: «В Пушкине тип чисто русский, Пушкин — гений с запоєм: это явление только в России и возможно. Оно есть следствие нашего климата и правительства или воспитания, что все равно. У нас в доме был столяр — гений: запи его и не давай ему пить вина, он мастерски работает, но продал работу, получил деньги — в кабаке, пьет запоєм и никуда не годится. Пушкин выражает тот же тип, но в высших благороднейших чертах, но в высшем значении, в XIX веке, в образованной европеи России, в лучшем кругу ее общества. Император Александр запер его в ссылку, он отрезвился и написал «Бориса». Николай дал ему волю, и это пагубно для его гения» (*Липшиченко И.* Из дневника С. П. Шевырева // Известия Одесского библиографического общества. 1913. Т. 2, вып. 2. С. 54). Некоторые важные аспекты взаимоотношений Пушкина с группой «Московского вестника» проанализированы в работе Н. Н. Мазур «Пушкин и «московские юпоши»: Вокруг проблемы гения (1820-е годы)» (Пушкинские чтения в Степфорде. М., 2001 (в печати)).

не в пользу поэта. «...Мне кажется, — писала в ноябре 1828 г. А. П. Голицына П. А. Вяземскому, — с некоторого времени стало слишком очевидно, что он пишет стихи только для денег, и у меня создается впечатление, что его поэма “Онегин” так затрудняет его, что постоянно замечаешь, что он пишет без плана, без цели, без определенной, установившейся идеи. Он будет злоупотреблять своими возможностями сколько сможет, и признаюсь Вам, что я не могу видеть без огорчения, как компрометируется за карточным столом сверкание такой блестящей репутации»¹. Сообщая Вяземским 20 марта 1829 г. об отъезде Пушкина из Петербурга на Кавказ, С. Н. Карамзина замечала: «...что касается нас, то мы мало сожалели о его отъезде, потому что он стал неприятно угрюмым в обществе, проводя дни и ночи за игрой, с мрачной яростью, как говорят. <...> Каждое новое известие о нем доказывает, что он никогда не вернется на хорошую дорогу, и вызывает огорчение»².

Нараставший критицизм в отношении литераторов «Московского вестника» к Пушкину³ не мог иногда не прорываться на страницы журнала — пример тому можно видеть хотя бы в сдержанных отзывах Погодина о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина»⁴. И хотя «Вестник» устойчиво сохранял внешнюю лояльность к поэту, Пушкина не могло не задевать возникавшее между ним и москвичами непонимание. 9 декабря 1828 г. Пушкин читает Погодину стихотворение «Поэт и толпа», первоначально названное им «Чернь». Стихотворение, опубликованное в первой части «Московского вестника» 1829 г., заключало в себе ответ на требования моральной дидактики (нравственной пользы), предъявлявшиеся в том или ином виде к Пушкину, но ответ этот был адресован не только Булгарину и Федорову. Общее отрицание «целесообразности» поэзии, звучавшее в «Поэте и толпе», равным образом относилось и к «любомудрам», с характерными для них, по справедливому наблюдению современного исследователя, верой в «учительность» литературы, в служение общественному благу, взглядом на творчество как на «социальную функцию» и постоянным «смещением этических и эстетических критериев»⁵. Интересно, что полемичность стихотворения, видимо, осталась совершенно неясной Погодину,

¹ ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 84 (оригинал по-франц.).

² ЛН. Т. 16–18. С. 88–89.

³ До каких пределов он доходил, видно, например, из следующего отзыва Н. А. Мельгунова, в декабре 1831 г. писавшего Шевыреву: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту, ибо одно с другим неразлучно. Я не говорю о Пушкине, творце “Годунова” и пр.; то был другой Пушкин. То был поэт, подававший великие надежды и старавшийся оправдать их. Тщеславный Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща и который вместо того, чтоб смотреть прямо в лицо Аполлона, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и признаться, мне весьма жаль этого. О честолюбие и златолюбие! Он избавляет меня от трудов списывать тебе его новые произведения, ибо их нет» (Цит по: Кирпичников А. И. Между западниками и славянофилами. Н. А. Мельгунов // Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. М., 1903. Т. 2. С. 167–168; то же со сверкой по автографу: Мазур Н. Н. Указ. соч.

⁴ МВ. 1828. Ч. 7, № 4. С. 461–468; подпись: N. N.; наст. изд., с. 42 и 347.

⁵ См. подробнее в указанной выше работе Н. Н. Мазур.

менее других членов кружка склонному к абстрактным философско-эстетическим спекуляциям. «Прочел мне стихотворение о пользе превосходное», — сделал он запись в дневнике в декабре 1828 г.¹

К лету 1828 г. относится неосуществленный замысел «Пира поэтов» — по-видимому, стихотворения, от которого сохранился лишь черновой план:

[Юноша. Председатель пира, тебе и первая чара etc.]

Старый поэт. Благодарю за живость — вы почитаете во мне старость, а не гений — он угас.

Юноша. [Мы] почитаем в тебе твою славу.

Старый поэт. Что слава? Я ею наслаждался, но она прошла. Другие времена, другие вдохновенья, другой поэт.

Первый. Спой нам что-нибудь.

Старый поэт. Что я вам буду петь?²

Среди юношей «Московского вестника» Пушкин чувствовал себя «старым поэтом»: они его плохо понимали, ему нечего было для них спеть.

План «Пира поэтов» был записан среди черновиков «Полтавы», над которой поэт работал с апреля 1828 г. Новая поэма, вышедшая в последних числах марта 1829 г., собрала едва ли не большее число критических откликов, чем любое из ранее изданных пушкинских произведений, но вместе с тем именно после ее появления с большей или меньшей очевидностью можно говорить о падении массовой популярности Пушкина. Внешне выдержанная в композиционно-стилистических принципах традиционной романтической поэмы, «Полтава» явилась первой попыткой обновления уже канонизированного жанра. «Большой стиль» эпического полотна, проникнутого явным национально-историческим пафосом, в читательском сознании плохо сочетался с любовной интригой, мелодраматизм которой был предельно заострен исторической конкретностью деталей. Документально подтвержденная достоверность любовного сюжета создавала несвойственное байронической поэме напряжение внутреннего драматизма в разработке характеров. В болдинских полемических заметках («<Опровержение на критики>») Пушкин называет «Полтаву» «самой зрелой» из своих стихотворных повестей; он пишет также о «глубокой, трагической тени», пленившей его в изображаемом сюжете и, кажется, прошедшей мимо внимания всех, даже защищавших «Полтаву», критиков³.

Полемика вокруг «Полтавы», мало касаясь собственно литературных, поэтических особенностей поэмы, сосредоточилась главным образом на вопросах исторической точности характеров и психологической достоверности любовной коллизии. Место, отведенное ей в «<Опровержении на критики>», позволяет предположить, что прием «Полтавы» публикой и критикой вызвал особенно болезненную реакцию поэта. В подтверждение

¹ П. в восп. Т. 2. С. 17.

² ПД 838, л. 17 об.; о датировке плана (июнь 1828 г.) см.: *Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг.* (ПД № 838). (История заполнения) // ПИМ. Т. 10. С. 242—243.

³ См.: XI, 158, 160; наст. изд., с. 289, 291.

собственной высокой оценки поэмы Пушкин ссылается на мнения Жуковского, Гнедича, Дельвига и Вяземского (XI, 158), — круг людей, в котором можно было рассчитывать на полное понимание, постепенно сужался. В феврале 1828 г., в связи с критикой четвертой и пятой глав «Онегина», Баратынский писал Пушкину, что «в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех», что по мере того, как он становится глубже и оригинальнее, «пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием», он теряет связь с молодыми людьми, ранее находившими в нем «почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски», «он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза» (XIV, 6). В 1830 г. в незавершенной статье о творчестве Баратынского Пушкин почти буквально повторит эти слова. Адресованные теперь самому Баратынскому, они тем не менее звучат неприкрыто автобиографично: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от них и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185). На этом фоне пушкинский сонет 1830 г. «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...») приобретает характер продуманной эстетической декларации.

В столь больно задевшей Пушкина полемике вокруг «Полтавы» литераторы, близкие «Московскому вестнику», участвовали минимально — статьями И. В. Киреевского и М. А. Максимовича, появившимися во второстепенных московских журналах «Галатей» и «Атеней»¹. «Московский вестник» не мог уже служить журнальной трибуной даже для «любомудров»: в 1829 г. вместо двухнедельного журнала стали издаваться литературно-исторические сборники, перешедшие практически в единовластное ведение Погодина. Шевырев уехал за границу, предварительно отрехшись навсегда от журнальной полемики. «Душа просит других занятий — и все ей отвечает: да, — писал он Погодину, попав осенью 1828 г. в Петербург. — Какая прекрасная перспектива в жизни открылась мне здесь. Сколько впечатлений новых, свежих. Я москвич, я литератор, но не журналист»². В 1830 г. журнал несколько оживился. В это время острая литературная борьба вокруг «Литературной газеты» заставила Пушкина, забыв о недовольствах и разногласиях, настоятельно искать союзников и объяснять Погодину, что «*«Московский вестник»* и *«Литературная газета»* одно и то

¹ Галатей. 1829. Ч. 4, № 17. С. 41–50; Атеней. 1829. Ч. 2, № 11. С. 501–515; наст. изд., с. 142–145, 183–188.

² Цит. по: Барсуков. Т. 2. С. 180 (ср.: ЛН. Т. 16–18. С. 700).

же»¹. Погодин, однако, не принял протянутой ему руки: «Этѡ не наши; они смотрели на нас сверху, не хотели помогать нам и ободрить нас; так и мы от них прочь»². Тем не менее именно на страницах «Вестника» появились два журнальные выступления в поддержку Пушкина (единственные напечатанные не в «Литературной газете»), правда, оба не принадлежали издателю³. Сам Погодин мечтал о дальнейшем журнальном сотрудничестве с Надеждиным: «Московский вестник», несмотря на все труды издателя насчитывавший в феврале 1830 г. всего 250 подписчиков, должен был быть заменен двухнедельным журналом «Фонарь» с тремя прибавлениями, два из которых, «Литературная расправа» (или «Меч и щит») и «Московская вестовщина», были задуманы как полемические и сатирические по преимуществу⁴. Можно с уверенностью предполагать, что совместное надеждинско-погодинское издание по духу было бы резко антагонистичным пушкинскому литературному кругу. Так кончалось журнальное сотрудничество Пушкина с «московскими юношами».

В конце 1827 г., когда уже явно определились сложности с сотрудничеством Пушкина в «Московском вестнике», потерял свою журнальную трибуну и Вяземский, вынужденный после доносов Булгарина на «Московский телеграф» почти прекратить свою работу в журнале Полевого⁵. Правда, со следующего, 1828 г. альманах «Северные цветы» начал печатать регулярное обозрение словесности, но в пределах одной годичной обзорной статьи у издателей не было возможности в полной мере определить свою литературную позицию. Альманах не был периодическим изданием и не мог динамично реагировать на меняющуюся литературную ситуацию. По мере того как сужался круг пушкинских литературных единомышленников, как все с большим трудом проникали их мнения на страницы печатных изданий, росла их внутренняя потребность в «своем» регулярном органе. С этой точки зрения появление «Литературной газеты» было в определенной степени стимулировано неотвратимо надвигавшимся конфликтом пушкинского круга с изданиями Булгарина и Полевого, конфликтом, предвещавшим окончательное размежевание литературных партий в русской словесности.

* * *

Во второй половине 1820-х гг. в русской литературной практике определились некоторые тенденции, ставшие в последующее десятилетие едва ли не определяющими в развитии журналистики и критики. В первую

¹ См. запись в дневнике Погодина от 21 марта 1830 г. — П. в восп. Т. 2. С. 19.

² РА. 1882. № 5. С. 117.

³ «Письмо к издателю “Московского вестника”» С. Т. Аксакова и анонимная статья «Некоторые замечания о критических статьях в “Сынне отчества”, в “Северной пчеле” и “Московском телеграфе”» — см.: МВ. 1830. Ч. 2, № 6. С. 201–204; Ч. 3, № 9. С. 75–84; наст. изд., с. 237–238, 276–279.

⁴ См. письма Погодина к Шевыреву 27 января и 19 февраля 1830 г. — РА. 1882. № 6. С. 129, 134.

⁵ См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 158–166.

очередь, речь идет о формировании журнальных союзов, скрепленных, как правило, не общностью эстетических или социально-политических позиций, а соображениями издательской конъюнктуры, коммерции или сиюминутной тактикой литературной борьбы. Ярким примером такого тактического объединения стал союз Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и Н. А. Полевого.

До середины 1827 г. журнал «Московский телеграф» Полевого находился в состоянии жестокой войны с изданиями Булгарина и Греча — «Северной пчелой» и «Сыном отечества»¹. Полемика их, однако, успела изрядно надоесть публике; бессмысленность ее становилась очевидной. Инициатива примирения исходила от Булгарина. Его трезвый, прагматический взор уже отчетливо различал черты грядущей коммерциализации литературы, для которой главными становились вопросы сбыта, тиражей и, таким образом, успеха у массового читателя, а вернейшим средством борьбы за этого читателя оказывалась журнальная монополия.

Ничто, казалось, не могло помешать издательскому предприятию Полевого: «Московский телеграф» набирал силу и имел своих поклонников во всех слоях общества, преимущественно же среди молодежи. В июле 1827 г. Полевой обратился в Московский цензурный комитет с просьбой разрешить ему в дополнение к «Телеграфу» издавать газету политических и литературных новостей «Компас» и журнал «Энциклопедические летописи отечественной и иностранной литературы». Ученые журналы Булгарина интересовали мало, но политические новости до этого момента оставались прерогативой «Пчелы». Кроме того, Булгарин уже по опыту «Пчелы» знал, что регулярная газета дает возможность более тесного контакта с читателем; у журналиста, появляющегося перед публикой в своей газете раз в три дня, разумеется, больше, чем у издателя двухнедельного журнала, возможностей добиться известности и популярности у своей аудитории, а соответственно, и больше возможностей прямо влиять на мнения этой аудитории. Допустить конкуренцию «Северной пчеле» Булгарин не мог и прибегнул к прямому политическому доносу в III Отделение — надежному и хорошо ему знакомому средству литературной борьбы. Булгарин писал, что «дух газеты всегда зависит от образа мыслей издателя», что «Полевой по происхождению своему принадлежит к среднему сословию, которое по натуре вещей всегда более склонно к нововведениям, обещающим им уравнение в правах с привилегированными классами», что в «Московском телеграфе» постоянно «помещаются статьи, запрещаемые с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранных книг, запрещенных в России», что вдохновителем Полевого является князь Вяземский, известный своим либеральным образом мыслей, наконец, что «Москва, удаленная от центра политики, всегда превратно толковала происшествия» и потому опасно и неразумно вообще позволять там политическую газету². Новые издания Полевого, уже одобренные министром народного просвещения А. С. Шиш-

¹ С 1829 г. «Сын отечества», издававшийся Гречем, объединился с журналом Булгарина «Северный архив» в единое издание под заглавием «Сын отечества и Северный архив». В обиходе журнал по-прежнему продолжали называть «Сын отечества».

² См.: Видок Фиглярин. С. 192–196; Полевой. С. 462–473.

ковым, были запрещены. Все же, пока существовал «Телеграф», окончательно победить Полевого было Булгарину не под силу — оставалось превратить его хотя бы в видимого союзника. В августе 1827 г., как раз когда Полевой приезжал в Петербург хлопотать о разрешении новых изданий, а Булгарин писал на него доносы, они встретились на обеде у Свиньина и, по свидетельству Булгарина, «говорили вежливо о посторонних предметах»¹. Вероятно, после этой встречи Булгарин послал Полевому любезное письмо и только что вышедшее издание своих «Сочинений». Полевой (разумеется, так никогда и не узнавший подлинного виновника своей петербургской неудачи) откликнулся положительным отзывом в «Телеграфе»; несколько ранее в журнале была напечатана благожелательная рецензия на «Практическую русскую грамматику» Н. И. Греча². Таким образом, примирение состоялось. Весной 1828 г., во время поездки в Петербург Ксенофонта Полевого, новый журнальный альянс был окончательно закреплен³.

Булгарин рассчитал правильно — на протяжении трех лет журнальный «триумvirат» Булгарина, Греча и Полевого достаточно согласованно вершил суд в современной словесности. Само собой разумеется, многочисленные читатели «Телеграфа» встречали на страницах журнала только самые лестные отзывы о литературных трудах Булгарина. Так, «Телеграф» восторженно приветствовал появление в свет романа «Иван Выжигин», объявив его первым удачным опытом оригинального русского романа и отметив «ум, наблюдательность, приятный рассказ», а также «самую чистую нравственность», которой проникнута каждая страница произведения⁴. В другом месте Полевой называл «Выжигина» «самым громким и блестящим явлением в современной нам прозаической словесности русской, где все спят спокойным сном и жалуются, когда, пробудившись, видят, что человек деятельный далеко ушел вперед»⁵. На следующий роман Булгарина — «Димитрий Самозванец» и второе издание его «Сочинений» журнал Полевого опять откликнулся хвалебными рецензиями⁶. «Северная пчела» отвечала тем же: она была, например, единственным изданием, последовательно поддерживавшим «Историю русского народа» Полевого⁷. «Пчела» рекомендовала своим подписчикам «Московский телеграф» как единственный примечательный и достойный чтения журнал, сопровождая эти рекомендации резким приговором всем его московским конкурентам: «“Вестник Европы” есть настоящая руина, погрязшая в пыли и мусоре; руина, из которой по долгом безмолвии раздается свист и шипенье противу всего,

¹ Письмо Булгарина к В. А. Ушакову от 6 января 1828 г. — РС. 1909. № 11. С. 351—352.

² МТ. 1827. Ч. 18, № 24, отд. 1. С. 312—315; № 22, отд. 1. С. 140—145.

³ См.: Полсвой. С. 270—275.

⁴ См.: МТ. 1829. Ч. 26, № 7. С. 344.

⁵ Там же. Ч. 28, № 13. С. 65—79.

⁶ Там же. 1830. Ч. 32, № 6. С. 193—237; Ч. 33, № 9. С. 97—99.

⁷ См.: СПч. 1829. № 129, 26 октября; № 130, 29 октября; 1830. № 4, 9 января; № 110, 13 сентября. О практически единогласной резко негативной оценке исторического труда Полевого см.: Полсвой. С. 448—451 (коммент. В. Н. Орлова).

что только выступает из пределов златой посредственности, кровной хозяину сих развалин. <...> Другой московский журнал “Атеней”, равный тяжестью “Вестнику Европы”, постоянно поддерживает заслуженную им репутацию невежества и безвкусыя. <...> Новый журнал, “Галатей” (с позволения сказать), есть эссенция невежества двух первых с примесью площадной брани, превосходящей все, что до сего времени видано было в литературе»¹. Оценки «Пчелы» во многом были справедливы: в Москве ни одно издание не равнялось с «Телеграфом», как и в Петербурге ни одно было не сопоставимо с «Пчелой». Поэтому можно без преувеличений утверждать, что в развернувшейся с начала 1830 г. полемике против «литературных аристократов» Булгарин и Полевой представляли практически всю русскую журналистику.

Выступление в 1830 г. «Северной пчелы» и «Московского телеграфа» единым фронтом против пушкинского круга писателей не предполагало общей литературной платформы. Взгляды на литературу, представления о целях и задачах журналистской деятельности, сами методы ее у Полевого и Булгарина коренным образом расходились. Что касается Булгарина, то трудно даже сказать, была ли у него вообще сколько-нибудь оформленная система эстетических воззрений. Собственные его литературные опыты достаточно архаичны: нравственно-сатирические очерки, романы, выстроенные по линейной авантюрно-плутовской схеме, при этом ни малейшего интереса к характерам, ни малейшей попытки психологического или социально-исторического анализа. Булгарин потакал вкусу среднего, массового читателя, не воспитывая его, в меру развлекая и отчетливо проговаривая выдержанные в духе официальной морали политические и нравственные идеологемы (в их выборе и интонационной окраске Булгарин никогда не ошибался благодаря своему долголетнему сотрудничеству с III Отделением)².

До выхода «Выжигина» в русской словесности царил — или почти царил — мир. 31 августа 1827 г. новоселье О. М. Сомова отмечали вместе Булгарин, Греч, Н. А. Полевой, Пушкин, Дельвиг; беседа была оживленная,

¹ СПч. 1829. № 122, 10 октября.

² См., например, заключительную фразу авторского предисловия к «Дмитрию Самозванцу»: «Нравственная цель моего романа есть удостоверение, что все козни властолюбия, все усилия частных лиц к достижению верховных степеней косвенными путями всегда кончаются гибелью пропырливых и дерзких властолюбцев и бедствием отечества; что государство не может быть счастливо иначе, как под сению законной власти, и что величие и благоденствие России зависит от любви и доверенности нашей к престолу, от приверженности к вере и отечеству» (Булгарин Ф. В. Дмитрий Самозванец. СПб., 1830. Ч. 1. С. XXVII–XXVIII). Все названные качества Булгарина полностью оправдал и даже теоретически обосновал его новый сторонник Полевой: «Писателей можно разделить на два рода: одни возвышают публику до себя, другие наклоняются до публики; г. Булгарин, несомненно, принадлежит к последнему разряду. Может быть, это вредит его таланту, но вместе и делает его любимцем публики. <...> Не достигая высоты своих европейских собратий по литературе, он самый сильный из русских литераторов. Публика наша едва достигает до высоты Булгарина. Если бы он поднялся еще выше, то наши читатели не увидели бы его и он не производил бы на них впечатления» (МТ. 1829. Ч. 28, № 13. С. 78–79).

в духе вполне благонамеренном¹. В ноябре того же года Пушкин обедал у Булгарина, за что, правда, получил выговор от Вяземского². В декабре Пушкин присутствовал на обеде, данном Булгариным в честь посетившего Петербург Погодина³. В начале 1828 г. Пушкин завтракал с Булгариным и разрешил перепечатать в «Северной пчеле» московские строфы седьмой главы «Онегина», ранее с ошибками опубликованные в «Московском вестнике» (кстати, вызвав этим резкое неудовольствие Погодина)⁴. Тем не менее взаимное раздражение постепенно нарастало. К концу 1829 г. полный разрыв Булгарина с пушкинским кругом стал неизбежностью. Он был определен целым рядом причин.

30 мая 1828 г. Булгарин написал очередной донос в III Отделение, обращая внимание правительства на «партию», составившуюся из кружка «Московского вестника», а с ними Пушкина и Вяземского — якобы «для издания газеты политической, ежедневной, под названием “Утренний листок”»⁵. Донос не имел под собой реальных оснований, но содержал откровенно клеветнические характеристики и политические обвинения. Надо сказать, что обращение в III Отделение для Булгарина было привычным ходом в конкурентной борьбе за газетную монополию. По его доносам были остановлены издательские проекты Б. М. Федорова, В. С. Филимонова, Н. А. Полевого⁶. Причем для Булгарина донос был делом чисто прагматическим, в каком-то смысле профессиональным, не зависящим от его личных отношений с людьми. Так, донос на Полевого в августе 1827 г. был написан в те дни, когда Булгарин вполне дружелюбно общался с Полевым в Петербурге, донос на Погодина в декабре 1827 г. — приблизительно в те дни, когда Булгарин давал обед в честь Погодина петербургским литераторам. До поры до времени эта сфера «журналистской» деятельности издателя «Северной пчелы» оставалась в обществе неизвестной. Но с булгаринским сообщением от 30 мая 1828 г. об «Утреннем листке» случилось непредсказуемое: донос был послан Бенкендорфу, находившемуся в свите императора в действующей армии, и попался на глаза бывшему там же товарищу министра внутренних дел Д. В. Дашкову, литератору «арзамасцу», другу Жуковского и Вяземского (кстати, Дашков, вместе с В. А. Жуковским и Д. Н. Блудовым, также упоминался Булгариным как один из возможных посредников между собравшейся «партией» либералов и властью). Дашков, сразу предположивший авторство Булгарина, написал подробное опровержение, а по приезде в Петербург, по-видимому, не

¹ См. записку Булгарина в III Отделение — Видок Фиглярин. С. 205—206.

² См. письмо Вяземского к Пушкину от 22 ноября 1827 г. — XIII, 348.

³ См.: Барсуков. Т. 2. С. 166.

⁴ См.: МВ. 1828. Ч. 7, № 1. С. 5—12; СПЧ. 1828. № 17, 9 февраля; письмо Погодина от 19 февраля 1828 г. с ответными замечаниями Пушкина и письмо Пушкина Погодину от 19 февраля 1828 г. — XIV, 2—5; также: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 74, 255—256.

⁵ См.: Видок Фиглярин. С. 289; см. также в примеч. к «Обозрению литературных русских журналов» С. П. Шевырева — наст. изд., с. 369.

⁶ См.: Видок Фиглярин. С. 192—196, 213—214, 346—348.

сохранял в тайне эту историю. Тем более что Булгарин не остановился и 6 июня 1828 г. подал новый донос — он опять обращал внимание правительства на существование «либеральной, или лучше сказать, злонамеренной партии» во главе с Вяземским. Донос содержал и прямые обвинения Вяземского в разврате и беспутной жизни. Через московского генерал-губернатора Д. В. Голицына Вяземскому был сделан правительственный выговор, ему даже угрожали «строжайшими мерами». Оскорбленный Вяземский защищался, дело это тянулось почти год, широко обсуждалось в дружеском кругу и закончилось в апреле 1830 г. примирением Вяземского с властями и вступлением в службу¹. «Я никогда не имел случая положительно разведать, — писал сам Вяземский, — что могло подать повод к этому непонятному и глупому оскорблению, мне нанесенному. Известно только, что во время Турецкой кампании был прислан в главную квартиру донос на меня. По всем догадкам, это была булгаринская штука. Узнав, что в Москве предполагают издавать газету, которая может отнять несколько подписчиков у “Северной пчелы”, и думая, что буду в ней участвовать, он нанес мне удар из-за угла»².

Связь Булгарина с III Отделением получила, таким образом, огласку. Более того, в конце 1829 г. в печати появились первые отрывки из нового исторического романа Булгарина «Димитрий Самозванец», и близкий пушкинский круг, знавший «Бориса Годунова», открыто заговорил о заимствованиях Булгарина из ненапечатанной пушкинской трагедии³. От утверждения знакомства Булгарина с текстом «Бориса Годунова» был лишь шаг до еще более важного предположения. Когда в декабре 1826 г. император советовал Пушкину переделать пьесу «в историческую повесть или роман на подобие Вальтер Скотта» и требовал «некоторого очищения» определенных мест, не основывались ли его суждения на мнении негласного литературного консультанта и не с этого ли времени следует отсчитывать знакомство Булгарина с пушкинской трагедией? Булгарин превращался в своего рода символическую фигуру: продажный журналист, послушно следующий и угождающий вкусам самого массового и эстетически неискушенного читателя, начинал определять культурные ориентиры верховной власти.

Что же касается самого Булгарина, то у него тоже не было никаких оснований сохранять к пушкинскому кружку лояльность. Если первое собрание сочинений Булгарина 1827–1828 гг., включавшее уже печатавшиеся ранее его журнальные очерки, фельетоны и повести, при несомненном своем успехе не открыло публике нового писателя, то с изданием в 1829 г. романа «Иван Выжигин» у Булгарина появилась реальная надежда добавить к славе самого могущественного русского журналиста славу самого популярного автора. И это в то время, когда он был почти гласно объявлен шпионом, а пушкинская «партия» объединялась вокруг новой «Литератур-

¹ См.: Письма. Т. 2. С. 294, 324–325; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. С. 176–179; Видок Фиглярин. С. 299, 302–303.

² *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1963. С. 311 (Лит. памятники).

³ См. в примеч. к статье Ф. В. Булгарина «Анекдот» — наст. изд., с. 451–452.

ной газеты», антибулгаринская позиция которой была хорошо программируема. Кроме того, Булгарин никогда не заблуждался в мнении о себе Пушкина и его друзей: он был многолетним предметом насмешек и остроумнейших эпиграмм Вяземского и Баратынского, которые ему читались прямо в лицо¹, к тому же догадывался, что его считают плохим писателем, бесчестным, а может, даже и неумным человеком². В полемике 1830 г. Булгариным двигала, в первую очередь, личная неприязнь, желание во что бы то ни стало дискредитировать Пушкина и его друзей, смешать с грязью в глазах читателя и просто как можно больше лично задеть.

Совсем иначе обстояло дело с Н. А. Полевым, в отличие от Булгарина имевшим и социально-политические, и литературные убеждения. К концу 1820-х гг. Полевой представлял из себя сложившегося идеолога третьего сословия — сословия, составляющего, как он не устал повторять, основу современного государства. Путь к национальному процветанию выглядел в системе взглядов Полевого как укрепление во внутренней жизни государства роли именно этого сословия, что предполагало прежде всего его просвещение. В 1828 г. Полевой выступил на торжественном акте Московской практической коммерческой академии со своей знаменитой «Речью о невещественном капитале (*capital immatériel*) как одном из главнейших оснований государственного благосостояния и народного богатства», где утверждал, что «просвещение есть главнейшее основание благосостояния каждого государства, ибо оно составляет часть народного богатства, более важную, нежели богатство вещественное; оно есть невещественный капитал, без коего капитал вещественный не только маловажен, но совершенно ничтожен»³. Роль просветителя он отводил себе и своему журналу, сознательно ориентируя его не на культурную верхушку, но на самые широкие читательские массы. В отличие от Булгарина, Полевой не угадал вкуса своего читателя, а, наоборот, стремился его формировать. Он болезненно реагировал на любые проявления социальной или интеллектуальной казновости, видя в них уклонение от прямой дороги прогрессивного общественного развития. В молчаливом нежелании писателей пушкинского круга считать его равным, в их снисходительно-иронических отзывах, которые не могли до него не доходить⁴, Полевой чувствовал отказ признать за ним право быть представителем и пророком грядущего просвещения.

¹ См., например, в письме А. И. Тургенева Вяземскому от 3 июня 1824 г.: «Получил письмо твое от 26-го мая с описанием сильных впечатлений и с сильною эпиграммой на Булгарина, напомнившей тебя прежнего. Прочту ему самому» (ОА. Т. 3. С. 51).

² См., например, впечатления от знакомства с Булгариным Д. В. Веневитинова, высказанные им в письме к Погодину 7 января 1827 г.: «С тех пор, как я видел Булгарина, имя его сделалось для меня матерным словом. Я полагал, что он умный ветреник, но он площадной дурак. <...> Говорит, что сам знает, что он интригант; по это сопряжено с благородной целью и все поступки его клонятся к пользе отечественной словесности» (ЛН. Т. 16—18. С. 687).

³ Полевой Н. Речь о невещественном капитале... М., 1828. С. 10.

⁴ См., например, в письме Пушкина Погодину от 1 июля 1828 г.: «Растолковали ли вы Телеграфу, что он дурак? Ксенофонт Телеграф, в бытность свою в С.-Петербурге, со мною в том было согласился (по сие да будет между нами; Телеграф добрый и честный человек, и с ним я ссориться не хочу)» (XIV, 21).

Талантливый литератор, по праву считающийся одним из основоположников исторического подхода в литературной критике и в этом смысле — прямым предшественником Белинского, Полевой тем не менее вряд ли мог претендовать на роль мыслителя. В полной мере свойственная Полевому буржуазная вера в прогресс придавала его социологическим и историко-литературным построениям излишнюю линейность, накладывая на них неизгладимый отпечаток упрощенного эволюционизма. Как критик Полевой старался подойти к литературному явлению или факту исторически, оценивая их относительно, в исторически и социально определенных рамках. Другое дело, он был искренно убежден, что может вершить суд, поскольку находится на более высокой ступени человеческого совершенствования: «...мы родились *позднее* и, следовательно, *должны быть опытнее*, ибо человечество идет вперед и совершенствуется с каждым поколением»¹.

Окончательное расхождение Полевого с кругом дворянских писателей рано или поздно должно было произойти; формальным поводом к нему стала рецензия Полевого на двенадцатый, изданный посмертно, том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Литературные соратники и младшие друзья Карамзина свято чтили и берегли его память; к любому, с их точки зрения, не вполне уважительному упоминанию имени Карамзина в печати они относились как к сознательной идеологической акции. Публикация в 1828 г. в № 19/20 «Московского вестника» критических замечаний Н. С. Арцыбашева на карамзинскую «Историю» с предварявшим их предисловием редактора журнала вызвала бурю негодования и принесла немало неприятных минут М. П. Погодину. «Черт дернул его напечатать одну критику Арцыбашева на Карамзина в своем журнале, — писал о Погодине И. В. Киреевский С. А. Соболевскому 26 апреля 1829 г., — и это сделало ему *заклятых врагов* изо всех друзей Карамзина. Дмитриев, Блудов, и пр., и пр. подали пример, а вся остальная братия за ними. В месте ему отказано, знакомства с ним разорваны, его бранят, делают ему всякого рода неприятности, а он ни телом, ни душой не виноват, потому что сам не согласен с Арцыбашевым. А зачем напечатал? Сам черт не разберет»². Вяземский сразу по выходе статьи Арцыбашева напечатал в «Московском телеграфе» свое старое стихотворение «Быль»³, написанное в защиту Карамзина еще в 1818 г. и тогда направленное против критиковавшего «Историю» на страницах «Вестника Европы» М. Т. Каченовского. Карамзина Вяземский сравнил с зодчим, создавшим прекрасный храм, а его критиков — с «семейством сов», «ночным ареопагом», позорящим труд зодчего своим «дерзким криком». В ходе объяснений с Погодиным, вызванных публикацией «Были», Вяземский писал ему: «Ваше суждение о Карамзине такое, что едва ли Карамзин позволил бы себе объявить оное о вас: в ваших словах отзываются ободрительная доброже-

¹ МТ. 1829. Ч. 26, № 6. С. 194.

² Цит. по: РА. 1882. № 5. С. 81—82. О скандале, возникшем вокруг публикации критических замечаний Арцыбашева в «Московском вестнике» см. подробнсс: Барсуков. Т. 2. С. 234—259.

³ МТ. 1828. Ч. 23, № 19. С. 271—272.

лательность, покровительство, всегда неуместные, когда их выказывают, но тем более неприличные, когда дело идет о Карамзине. <...> Соглашаюсь с вами, что новое поколение учится лучше прежнего, что в Московском университете более студентов против прежнего, но признаюсь также: если преподаваемое ныне учение ведет к образу мыслей, изложенных вами, если оно ведет к тому, чтобы при весьма слабых правах в литературе говорить подобным диктаторским тоном о представителе нашего просвещения и образованности, то нельзя не пожалеть о худом направлении учения и не сознаться, что рассудительность, смирение и уважение к заслугам, видно, не приведены под итог преподаваемых наук»¹.

Если такой отпор был дан откровенно вздорной статье Арцыбашева, то можно представить возмущение, вызванное появившейся в следующем году в «Телеграфе» статьей Полевого, где Карамзин был объявлен «писателем не нашего века», «не выдерживающим строгой критики» как «философ-историк», а «История государства Российского» — несостоятельной с точки зрения современной исторической науки². Упреки Вяземского, адресованные Погодину, в гораздо большей степени были приложимы к Полевому, говорившему о Карамзине с высокомерием представителя новейшего образования. К тому же вслед за рецензией на двенадцатый том «Истории» Карамзина последовало объявление подписки на «Историю русского народа» самого Полевого. Уже одно название нового исторического труда позволяло предположить, что он будет полемичен по отношению к карамзинскому. В обществе заговорили, что Полевой «для того незадолго выставил “Историю государства Российского” неудовлетворительную, чтобы дать ход своей книге»³. Сам Полевой, похоже, воспринимал все обрушившиеся на него критики как интригу «аристократической партии», бьющейся за сохранение культурного и интеллектуального господства, обороняющей от «чужаков» русский литературный пантеон. С этого момента «Московский телеграф» везде начал искать происки «аристократов», руководимых Пушкиным и Вяземским, и выступил беспощадным их гонителем.

¹ Цит. по: Барсуков. Т. 2. С. 247—248. Вяземский здесь вполне выражает позицию всего пушкинского круга, сформулированную уже однажды в письме Дельвига Баратынскому: «...с должным почтением не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет недальновиден» (Дельвиг. Соч. С. 330). Пушкин, впрочем, в кампании против Погодина не участвовал. См. записи в дневнике Погодина от 6 декабря 1828 г.: «Приехал в Москву Пушкин. Вот пашумят ему в уши Вяземский и пр.»; от 8 декабря: «К Пушкину. Гораздо хладнокровнее Вяземского и проч. и смотрит на дело яснее, хотя и осуждает помещение» (П. в восп. Т. 2. С. 17).

² См.: МТ. 1829. Ч. 27, № 467—500. Спустя годы К. А. Полевой вспоминал: «Князь Вяземский, когда прочел в “Московском телеграфе” критику творения Карамзина, расстался навсегда с братом моим, хотя лучше, нежели кто другой, мог знать и оценить достоинства его ума и души. Надобно ли после этого называть других, которые общим хором признали, что Н. А. Полевой дерзкий вероломец, предатель, словом — преступник, достойный всеожжения?» (Полевой. С. 289).

³ Полевой. С. 289.

Война, в 1830 г. объявленная пушкинскому кружку Булгариным, с одной стороны, и Полевыми — с другой, была по-настоящему спланированной и организованной. По свидетельству М. А. Максимовича, Полевые, например, «шпионичали ежесубботными доносами Булгарину и Гречу на московских литераторов»¹. Максимович, бывший в течение многих лет хорошим другом Полевых, не мог продолжать с ними отношения, после того как Ксенофонт Полевой, по-видимому, в поисках новостей о «Литературной газете» тайно вытащил у него из кармана письмо О. М. Сомова². Этот эпизод показателен как характеристика нравственного уровня развязанной против Пушкина и его друзей кампании. С легкой руки Булгарина памфлет и пасквиль вытеснили с газетных и журнальных страниц литературно-критические разборы. На литературную сцену выступили люди вроде издателя газеты «Северный Меркурий» М. А. Бестужева-Рюмина, давнего врага Пушкина и Дельвига и одного из самых активных участников полемики³. А. В. Веневитинов, в какой-то мере сторонний наблюдатель, так описывал 26 апреля 1830 г. в письме С. П. Шевыреву в Рим состояние современной отечественной словесности: «...если до тебя доходит шум, произведенный нашими литераторами-самозванцами, то, верно, ты знаешь, как Булгарин и Полевой уже смело восстают против корифеев нашей словесности и ругают Пушкина и Жуковского уже не в бровь, а в глаз, самым наглым образом. Вот до чего мы здесь дожили! Как эти люди ни глупы и ни жалки, но все-таки они совершенно останавливают всякое движение в нашем ленивом литературном мире, ибо имеют свою партию, составленную из всех тех, которые не умеют порядочно повязать галстуха...»⁴. Литературные вопросы полемики оказывались тесно связанными с социальными.

* * *

Сейчас трудно даже сказать, кто именно первый в полемике 1830 г. произнес слово «аристократы», — им пользовались обе стороны. Третье-сословная (в историческом словоупотреблении — демократическая) журналистика была склонна заострять социальный аспект понятия, выступая против кастовости, против любых манифестаций социальной исключительности. Это был ответ на ироничные замечания в адрес сатириков и бытописателей, берущихся изображать большой свет, о котором они, не при-

¹ См. письмо М. А. Максимовича Погодину от 11 июня 1870 г. — РА. 1882. № 6. С. 184.

² Там же. С. 184—185.

³ «Светскими манерами этот господин не отличался: речь его, пересыпанная площадными, извозничьими выражениями, делалась неестественно по-гостинодворски учтива, с прибавкой *съ* почти к каждому слову, когда он хотел с кем-нибудь быть вежлив по-своему, голос же его отличался постоянною неприятною хрипотой, свойственною голосу людей, находящихся в том положении, которое называется с перепоя» (*Петербургский старожил* В. Б. [Бурнашев В. П.]. Мос знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // РВ. 1871. № 9. С. 254).

⁴ ЛН. Т. 58. С. 94.

надлежащие к «хорошему обществу», знают лишь понаслышке. Позднее на страницах пушкинского «Современника» В. Ф. Одоевский, определяя литературный генезис проблемы, будет писать об искажении «демократического духа, составляющего особый колорит в европейских романах», но при перенесении на русскую почву обратившегося «в безусловные похвалы черни и в нападки на высшее общество, большею частию недоступное нашим сатирикам»¹. Социальная демаркация, таким образом, и здесь уходила корнями в вопросы литературные.

В плоскость чисто литературной полемики попытался перевести дискуссию Вяземский. В своем программном полемическом выступлении — статье «О духе партий; о литературной аристократии», напечатанной «Литературной газетой» под рубрикой «Объяснение некоторых современных вопросов литературных», Вяземский, отмечая желание некоторых современных критиков ввести в русскую словесность «какой-то дух партий», «восстановить какую-то аристократию имен», писал: «У нас можно определить две главные партии, два главных духа, если непременно хотеть ввести междоусобие в домашний круг литературы нашей <...>. К первому разряду принадлежат литераторы с талантом; к другому литераторы бесталаные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслием и сочувствием? Мудрено ли, что Расин, Мольер, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вероятно, связь их духом партии, заговором аристократическим»². Далее же Вяземский объявлял в принципе неправомочными любые рассуждения об «аристократическом союзе». Подлинная «аристократия дарований», согласно Вяземскому, лишена всякого веса в современной русской словесности: «Мы живем в веке промышленности: теории уступили поле практике; надежды — наличным итогам». «Майоратами» печати, источником настоящего могущества владеют литературные промышленники, которые единственные и могут быть ныне признаны «существенной аристократией нашего века»³. Примечательно, что ход рассуждений Вяземского почти буквально повторяется Пушкиным, которого, однако, может быть единственного среди своего круга, в первую очередь интересовала проблема социальных отношений.

Для Пушкина полемика о «литературной аристократии» попала в широкий спектр напряженных социологических и исторических размышлений. Пушкин не мог не замечать, как динамично идет в России процесс формирования нового бюрократического государства, опиравшегося на «чинов-

¹ См.: *Одоевский В. Ф.* О вражде к просвещению, замечасмой в новейшей литературе // *Совр.* 1836. Т. 2. С. 212–213. И в публицистических сочинениях, и в своих литературных произведениях Одоевский неоднократно выступал против правописателей, рисующих жизнь гостиной «из слухового окна, а иногда <...> и из передней», откуда до них доходит «псевянтный говор, шарканье, фракы, лорнеты, поклоны, лостры — и только» (см.: [*Одоевский В. Ф.*] Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринсем Модестовичем Гомозейкою, изданные В. Безгласным. СПб., 1833. С. 137–138).

² ЛГ. 1830. Т. 1, № 23, 21 апреля. С. 182.

³ Там же. С. 183.

ную аристократию», так называемое «новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию». Старое же, родовое дворянство реформами Петра I и его последователей было низведено, по мнению Пушкина, до уровня «среднего состояния»¹. Вместе с тем в глазах Пушкина именно родовое дворянство являлось носителем традиции и исторической памяти — неотъемлемых составляющих истинного просвещения, интеллектуальной независимости и внутреннего самостояния личности. В 1829 г. в одном из своих первых, незавершенных, прозаических опытов, «<Романе в письмах>», Пушкин писал: «Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейственные воспоминания у детей коллежского асессора?» (VIII, 53). Немногим позднее, в прозаическом наброске «Вы так откровенны и снисходительны...», датированном 1830 г. и предположительно связываемом исследователями с работой над повестью «Гости съезжались на дачу...», Пушкин завершил сходные рассуждения почти афористической сентенцией: «неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (VIII, 42). В написанных осенью 1830 г. в Болдине «Опыте отражения некоторых не-литературных обвинений» и «<Опровержении на критики>» Пушкин в каком-то смысле подвел итог своих предшествующих размышлений, увязав в то же время конфликт родовой и новой аристократии с полемической войной третьесословной журналистики против дворянской литературы. Тема эта и в дальнейшем не исчезла из творчества Пушкина, хотя, по справедливому наблюдению современного исследователя, «позднейшая проза Пушкина уже не смыкается так тесно с публицистикой, как это имело место в “Романе в письмах” и в набросках “светской повести” 1828–1830 годов. Даже тогда, когда впоследствии в своей прозе Пушкин ставил проблемы большой социальной значимости (“Дубровский”, “Капитанская дочка”), их художественное воплощение исключало уже введение “чистых” публицистических мотивов, не препятствуя, однако, обнаружению остроты и злободневности этих проблем»². Исключение представляют, пожалуй, несколько первых строф «<Езерского>», — тем знаменательней их публикация в «Современнике» 1836 г. (Т. 3. С. 152–157)⁷² под заглавием «Родословная моего героя» — некий знак преемственности и внутренней связи нового пушкинского издания с «Литературной газетой».

В болдинских полемических заметках, размышляя об аристократии и старом дворянстве, Пушкин касается и истории собственного рода, — возможно, именно здесь следует искать начало нового обращения поэта к автобиографии. Но важнейшее значение этих размышлений было все же в другом. Они вплотную подводили Пушкина к новому, социально опре-

¹ См. в «Опыте отражения некоторых не-литературных обвинений» — XI, 173; наст. изд., с. 305.

² Сидяков Л. С. Публицистика в художественной прозе Пушкина (Незавершенные произведения рубежа 1830-х годов и опыт «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 57.

деленному пониманию характера, к новому, нелинейному, аналитическому изображению общества, иначе говоря — к новой манере бытописания. С этой точки зрения полемика с Полевым и Булгариным превращалась в сознательную демаркацию художественных систем¹. В шуме литературных споров 1830 г. Пушкин вступал в заключительный период своего творчества.

Е. Ларионова

¹ См.: Вацуро В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // ПИМ. Т. 6. С. 150–160.

ГАЛЛЕЯ

ЖУРНАЛЪ

ПОСЛЕДНИЙ МОДЪ

МОСКОВСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ

ЧАСТЬ

МОСКОВСКИЙ

ТЕЛЕГРАФЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ

ИЗДАТЕЛЬ

СЪВЕРНЫЕ

ЦВѢТЫ

НА 1828 ГОДЪ.

МОСКОВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

СТА СЕМЕНА,
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ.

—❧ 1·8·2·8 ❧—

О. М. СОМОВ
ОБЗОР РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ЗА 1827 ГОД

<Отрывок>

<...> Поэзия наша в прошлом году богатела произведениями Пушкина. Кроме тех, которые были рассеяны в двух или трех альманахах и в разных книжках «Московского вестника», напечатаны особо его поэмы «Цыганы» и «Братья разбойники» и третья глава поэтического романа «Евгений Онегин». Рассказ первой поэмы состоит из отдельных картин или как бы из отрывков: поэт, изображая небогатую приключениями жизнь кочевого полудикого племени цыганов, боялся однообразия и повторений и с отличным искусством избегал их. Промежутки времени между главными событиями поэмы мелькали пред его глазами и слились в одно прекрасное целое. И какая во всем полнота, какая свежесть картин и положений! Движение, быстрота, смелые переходы, живая игра страстей — все это в таком согласии с предметом, что, можно сказать, читатель, перенесенный поэтом в шумный табор, не успевает опомниться и сравнить цыганский быт с жизнью образованных горожан. — Та же живость картин, та же быстрота повествования в другой небольшой поэме Пушкина «Братья разбойники»: рассказ у него кипит, как буйные страсти в сердцах отшатнувшейся от законов вольницы. Напротив того, в третьей главе «Онегина» страсти уже заключены в узы приличий. Татьяна пишет к Онегину, но чувствует и знает, что она уклоняется от принятых правил. Борьба сих правил, сих приличий с самовластной страстью в душе молодой девушки изображена превосходно. В «Онегине» поэт вводит нас в круг людей, стоящих на известной степени образования, и слегка осмеивает странности, подмеченные им в светском быту. Прочитав сряду все сии три произведения Пушкина, кто не подивится гибкости его дарований, верности соображений и меткости, с какою он ловит природу в разных ее видах? <...>

Ф. В. БУЛГАРИН

РАССМОТРЕНИЕ РУССКИХ АЛЬМАНАХОВ НА 1828 ГОД

1. «Северные цветы»

<Отрывки>

<...> «Отрывки из писем, мысли и замечания». Автор скрыл свое имя, но мы под секретом скажем нашим читателям, что это сочинение одного из остроумнейших современных поэтов¹. Здесь каждая строка имеет свое достоинство. Особенно забавны мысли автора о женщинах. Приведем мысли его о русской словесности: «Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не игранный и не напечатанный*. Забавная словесность!»³ — Надобно сперва знать, говорил ли путешественник в настоящем и будущем времени о впечатлении, которое произведут вышепомянутые сочинения. О достоинстве их он мог судить, *во-первых*, по рукописям, а *во-вторых*, по печатному, ибо «Корректурные листы», отрывки из «Русского Жилблаза» и комедии «Горе от ума» были уже напечатаны, когда г. Ансело был в России. Впрочем, г. Ансело пропустил еще одну трагедию, а именно «Борис Годунов», соч. А. С. Пушкина, которая также находится в рукописи, но из которой напечатанные отрывки заставляют каждого верить, что она прославит автора более, нежели все доселе изданные им сочинения⁴. Вот и незабавная словесность — в этом отношении! <...>

Воля ваша! я не имею ни духа, ни терпенья разбирать все пиесы, напечатанные в альманахе, хотя уверен, что каждая из них дорога автору. Скажу о главном и начну *маленькою* диссертациею о *большом* предмете, а именно о нравственности.

Что значит *нравственное* и что значит *безнравственное* сочинение? Нравственное сочинение есть то, где порок представлен в таком виде, что возбуждает к себе омерзение, или где действующее лицо представлено в столь неприятном виде, что ни один из читателей не хотел бы быть на его месте; наконец, где действующее лицо изображено таким, что вымышленное имя оно становится упреком и каждый читатель, видя ничтожность или смешное положение сего лица, радуется, что он не похож на него и вследствие того намеревается поступать так, чтоб и впредь не быть на него похожим. Безнравственное сочинение есть то, где под самыми благовидными формами автор скрывает пороки, и хотя избегает нескромных сцен и речей, но одними положениями своего героя в свете доказывает, что и порочный может избежать общего презрения и укрыться от наказания. Легковерный читатель или юноша видит одни розы на пути порока и

* «Русская грамматика» Н. И. Греча; «Иван Выжигин, или Русский Жилблаз», соч. Ф. Булгарина и «Горе от ума», соч. А. С. Грибоедова, которая хотя не напечатана вполне, но известна целой России. О содержании и расположении сей комедии были споры в журналах до приезда г. Ансело в Россию².

думает, что в свете можно избежать шипов, т. е. избегнуть презрения и наказания за дурное поведение⁵.

Если смотреть на предметы с сей точки зрения, «*Граф Нулин*»⁶, повесть в стихах, соч. А. С. Пушкина, есть пиеса нравственная в полном смысле слова. *Граф Нулин* изображен в таком виде, что ни один юноша не захочет быть на него похожим. Барич, воспитанный по моде, шеголь и фанфарон, едет за границу, проматывается, возвращается в отечество с кипю новых фраков, помады и духов, воображая, что он великий человек, мудрец. Он бранит свое отечество, выхваляет одну Францию и в полноте своего невежества и гордости думает, что ему только стоит открыться в любви, чтобы получить взаимное признание. (Когда я пишу сии строки, у меня так и мерещатся перед глазами толпы *Нулиных*, в которых у нас нет недостатка.) — На пути у графа Нулина ломается экипаж; он заезжает в дом к помещику, который в это время на охоте, открывается в любви жене его — и получает пощечину за дерзость и самонадеянность. Это не повесть, а картина нравов. Жизнь помещика, дом его, охота и романтическая супруга описаны прелестно и с натуры. Быстрота в слоге, блеск в изображениях переменяющихся на сцене лиц и картин, веселость, легкость рассказа, плавность и сладкозвучие стихов поставляют сию пиесу в число первоклассных произведений поэзии. Некоторые любители поэзии, привыкшие к чтению серьезных сочинений, недовольны тем, что А. С. Пушкин пишет более легкие пиесы. В трагедии своей «*Борис Годунов*» он доказал, до какой степени гибок талант его, как он умеет владеть языком и с каким искусством употребляет слог важный. «*Цыганы*» есть одно из лучших созданий поэзии в Европе, а не в одной России. Впрочем, каждая из напечатанных его пиес имеет свое особенное, свойственное ей достоинство. Можно ли повелевать вдохновением, приказывать гению? Нет! Поэт (т. е. поэт истинный, а не умный человек, пишущий стихи по желанию писать), поэт пишет, что представляет ему его воображение, что диктует сердце. Он не может, подобно математику, разрешать темы или писать на заданные рифмы. Великий Шиллер, создавший «*Дон Карлоса*» и «*Валленштейна*»⁷, писал застольные гимны. Гете, творец «*Фауста*», любил отдыхать воображением в изображении сцен любви и пиров. Как можно требовать от поэта, чтобы он беспрестанно доказывал нравственные задачи! — Картины природы, сцены из общественной жизни, высокие порывы и заблуждения сердца человеческого, ум и безумие — одним словом, все, что только существует в природе, принадлежит поэзии, которая все украшает собою, говорит особенным языком. Нет науки быть поэтом; для поэзии нет правил, исключая механизма стихов. Все, что хорошо, превращается в правило для потомства, и все роды хороши, если исполнены так, как исполняет их Пушкин.

Отрывок из трагедии сего же поэта «Борис Годунов». Явление происходит в 1604 году, 16 октября, на границе литовской. Я не могу удержаться, чтоб не украсить «*Пчелы*» этим отрывком, и, прося извинения у издателей «*Сев<ерных> цветов*», выписываю эту сцену, которая мне кажется совершенством по слогу, по составу и по чувствам. Какое познание характеров, сердца человеческого, местных обстоятельств. Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь!

*Кн. Курбский и Самозванец; оба верхами.
Полки приближаются к границе.*

Курбский (*прискакав первый*).

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд; пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. Теперь твоя душа,
О мой отец, утешится — и в гробе
Опальные возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет,
За своего надежу-государя!..

Самозванец (*едет тихо,
с поникшей головой*).

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебе:
Сын Курбского, воспитанный в изгнании,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься, законного царя
Ты возвратишь отечеству... Ты прав:
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский.

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич!
Там ждут тебя сердца твоих людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава!

Самозванец.

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч: вы чисты!
Я вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца!
Вперед!

Курбский.

Вперед! и горе Годунову!..

*(Скачут. Полки переходят через границу).
(Окончание вперёд).*

Кроме «Графа Нулина» и отрывка из трагедии «Борис Годунов», в сем альманахе помещены две пьесы с подписью А. С. Пушкина: «Элегия» и «Ангел». Каждое из сих стихотворений превосходно в своем роде; но первое есть только голос сердца, а второе — отблеск творческого гения поэзии в высоком его полете. Только одно стихотворение «Череп» может равняться достоинством с произведениями Пушкина⁶. <...>

П. И. ШАЛИКОВ

ОБ АЛЬМАНАХАХ НА 1828 ГОД

<Отрывок>

Альманахи в отношении к литературе похожи на дамские наряды: лишь только станет приближаться годовая праздник, модные магазины наполняются ими; лишь только станет приближаться Новый год, все журналы наполняются известиями об альманахах и, подобно модисткам, наперерыв, один перед другим, выхваляют сии литературные обнови с тою, однако ж, маленькою разницею, что первые своими похвалами обогащаются, а последние в своих приносят великодушную жертву... Принесем же и нашу двум альманахам, а именно: «Северным цветам» и «Московскому альманаху»¹.

Ежели бы «Северные цветы» как-нибудь и пострадали от северных морозов, то наше *красное солнышко* оживотворило бы их: Пушкин явился в сем альманахе и своею особою, и с своими стихами — в портрете, чрезвычайно сходном, и с поэмою, чрезвычайно забавною, но только для *мужчин* (не говоря о других стихотворениях сего *благодетельного* светила нашей поэзии). Эта поэма — «Граф Нулин» — довольно. Не *начиная началом*, которое, *par parenthèse*^{*}, в новом альманахе не очень ново², очень длинно и с большими грехами против законов логики и литературных истин, скажем, что за сею *пушкинскою* поэмою тотчас следует стихотворение «Море»³, но это море не *Пушкино*, нет, — а *мутная вода*, течение которой прерывается частыми плотинами; в которой *упивается слух*, постигается *баснословная святыня*, из которой богиня красоты, очаровательница мира, дивная дева *веют речи*, а в них слышно *прежнее бытѣе* и, наконец, *лепет* — дивной девы, очаровательницы мира, богини красоты, ибо это одно и то же лицо, означающее *женщин*, если не ошибаемся; а мудро ли ошибаться там, где *над душой, как звезды, светят сны, давно померкшие в тумане, которые так ясно ране горели в небе старины?*^{**} Но мы отдохнули при «Элегии» Батюшкова⁴, которая подле самого моря, *пространного и глубокого*, как будто нарочно для того, чтобы служить фаросом⁵ для несчастных плователей.

Видите ли, любезные читательницы, *одно только море* требовало от нас того, что называется *mer à boire*^{***}, и что сам *пират* захлебнулся в нем!..

* между прочим (*франц.*). — *Ред.*

** См. 18 стран<ицу> в *Поэзии* «Северных цветов».

*** большого труда (*франц.*; игра слов: буквальный перевод франц. идиомы — выпить море). — *Ред.*

Как же пускаться далее? И потому рекомендуем вам самим погулять в царстве Флоры, где найдете прекрасные цветы, а между ними лучшие под следующими названиями: «Падающие звезды»⁶, «Череп» и «Отрывки из писем, мысли и замечания», в которых приведено несколько *примеров невежливости*. Примеры заразительны: нам кажется, что автор «Отрывков» сам подпал маленькой невежливости в одном из примеров оной, сказав от себя: «это напоминает известное решение: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер»⁷. *Известное решение?! По крайней мере, надлежало бы из вежливости назвать подобное известное решение нелепым.* Мы хотели бы присовокупить к сим примерам невежливости еще следующий. Нет сомнения, что первая грамматика была сочинена мужчиною, который не посовестился первым *родом* поставить *мужеской*, в то время когда из *вежливости* надлежало бы сие преимущество уступить *женскому*, потому более, что вся область ее носит женское имя; а один новейший грамматик поступил еще *невежливее*: он вздумал женщин ставить ниже бездушных вещей (говоря словами его *вежливого* критика), т. е. помещать женский род после среднего. <...>

С. П. ШЕВЫРЕВ

ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1827-й ГОД

<Отрывок>

<...> Если просвещеннейшие государства Европы, судя по направлению их умов к знаниям существенным, историческим, достигают уже поры зрелого мужества, той поры мудрого опыта, которая граничит с возрастом старости, — то мы зато пользуемся преимуществом сил юных, бодрых, неистощенных, находясь в счастливой поре середины между юностью и мужеством. Так, у нас не прошло еще время вдохновения, время поэзии. Мы имели уже Ломоносова, имели Державина необразованного¹; но с тех пор, как его не стало, мы, кажется, не столько творили, сколько готовили материалы для творца будущего, а именно: очищали язык, отгадывали тайну его гармонии, обогащали его разнообразными размерами, оборотами, звучной рифмой, словом — приуготовляли все для нового гения, для Державина образованного, который, может быть, уже таится в России.

Поэтов наших можно справедливо разделить на три поколения. К старому принадлежат те, которые уже довершили свое поприще и сделали все то, чего могло от них ожидать отечество. Теперь настала очередь поэтов среднего поколения, на которых устремлены внимательные взоры уповаящих сограждан. Их слава уже утверждена; они уже развились; они показали, что могут совершить, упрочили о себе надежды, но еще не созрели. Рассмотрим, что принесло в прошедшем году литературе сие поколение.

Первые взоры просвещенной публики обращены на *Пушкина*. Приятно и поучительно следовать за ним в постепенном его развитии. Не голосом льстивой похвалы, но голосом правды будем говорить о нем. Им подарены

публике четыре следующие произведения: «*Братья разбойники*», «*Цыганы*», *третья песнь «Онегина»* и *сцена из «Бориса Годунова»*, напечатанная в I-й книжке «Москов<ского> вестника»². В первых двух произведениях еще не совсем исчезли следы глубоких впечатлений Байрона; на характерах еще заметен отпечаток меланхолии британского поэта. В разбойнике старшем виден также голод души, ненасыщаемой преступлениями и за удары судьбы, к нему неприязненной, неправо мстящей всему человечеству; разбойник младший напоминает своей участью меньшого брата Шильонскому узнику³. Алеко есть также человек, недовольный человечеством и тщетно ищущий самозабвения в таборе кочующей вольности. Это эгоист, нам уже знакомый, который, напрасно обвиняя человечество, вину всех своих несчастий в самом себе заключает. Но идеализированный поэтом характер цыганов, равнодушных ко всем ощущениям, к переворотам судьбы, не ведающих законов и, след<овательно>, ни добра, ни преступления, нов, ярк и обнаруживает кисть зрелую. В сем произведении заметна какая-то странная борьба между идеальностью байроновскою и живописною народностью поэта русского. Черты лиц также набросаны темно; но окружающие предметы блещут яркостью разнообразных красок. Сия борьба причиняет какое-то разногласие и неполноту в целом произведении, которое потому остается не совсем понятно для иных читателей. В сей борьбе видишь, как поэт хочет изгладить в душе впечатления чуждые и бросается невольно из своего прежнего мира призраков в новую атмосферу существ, дышащих жизнью. Но в *третьей песни «Онегина»* свободный и мужающий поэт совершенно отклоняет от себя постороннее влияние. В сей песни он подарил нас характером Татьяны своего собственного создания. Ее физиогномию вы живо себе представляете: можно сказать, что поэту не во сне она предстала, но в светлом видении. Он в каком-то тумане неясно видел Черкешенку, Марию и Зарему; но на Татьяну смотрел с открытыми веждами, замечал в ней каждое чувство в постепенном его развитии, каждое движение. В этом характере мы находим более отчетливости, более подробностей, и потому смело из него заключаем, что Пушкин более и более зреет.

Но всего важнее, всего утешительнее появление *сцены из «Бориса Годунова»* между Пименом и Григорием, которая сама в себе представляет целое, особое произведение. В тесных границах непродолжительного разговора изображен не только характер летописца, но и вся жизнь его. Это создание есть неотъемлемая собственность поэта, и что еще отраднее — поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности. Всякий, постигающий важность сего явления, невольно произнесет правый укор нашим журналистам, которые даже не помянули о нем, и с негодованием осмеет тех ничтожных критиков, которые младенчески сожалели о том, что сей отрывок писан не с рифмами, и в этом отношении отдавали преимущество отрывку из соименной трагедии г. Федорова⁴.

Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления «Бориса?» — Нужно ли говорить о том, как вместе с ним зреет язык его, или язык русский? — Мы удивляемся, как наши дамы, прочитав письмо Татьяны и всю третью песнь «Онегина», еще до сих пор не

отказываются в обществе от языка французского и как будто все еще не смеют или стыдятся говорить языком отечественным⁵.

Еще одно слово о любимце нашей публики. Мы заметили из разных отзывов о его произведениях странные от него требования. Хотят, чтоб он создавал в своих поэмах существа чисто нравственные, образцы добродетели. Напомним строгим Аристархам⁶, что не дело поэта преподавать уроки нравственности. Он изображает всякое сильное ощущение в жизни, всякий характер, носящий на себе оригинальную печать или одной мысли или одного чувства. Если поэзия есть живая картина необыкновенной человеческой жизни, то не ангелов совершенных должны представлять нам поэты, но человек с их добром и злом, разумеется, выходящих из тесного круга светской жизни, не вседневных, но таких людей, которые сильнее мыслят, сильнее чувствуют и потому живее действуют. Если впечатления, произведенные поэтом, привели душу в желанное согласие, они изящны, и поэт совершил свое дело. Если иногда таковые впечатления производят действие нравственно злое на душу человека, не поэта обвиняйте, который волен как сама природа в создании людей и как судьба в создании происшествий, картин порока или добра, — но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сии впечатления⁷. <...>

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

АЛЬМАНАХИ НА 1828 ГОД

<Отрывки>

«Северные цветы» по-прежнему берут преимущество над прочими своими собраниями, не по наружности, а по внутреннему достоинству. Они украшены портретом Пушкина, который поражает и сходством и искусством художника. — Сей альманах по-прежнему ошибочно делится на *Прозу* и *Поэзию*. Вследствие такого разделения, которое показывает сбивчивость в понятиях, и «Падение Вендена», повесть г. Булгарина, и «Гайдамак» г. Байского¹, и «Аллегория» г. Глинки², и его же «Картина с натуры», и «Бедуинка», арабская повесть³, не имеют в себе совершенно ничего *поэтического*. Вследствие этого и роман *В. Скотта*, и «Гец фон Берлихинген» *Гёте*, и «Вертер» его⁴, писанные прозою, изгоняются из области поэзии. Мы весьма бы рады предполагать во всех литераторах наших *достаточную степень познаний и образованности* для того, чтобы уметь отличать надлежащим образом форму от содержания, прозу от поэзии; но часто, видя на деле противное, мы (в оправдание упрека, сказанного нам г. Сомовым) невольно принуждены обратить внимание некоторых на *старые уроки и повторить им общее ученическое место*, что поэзия может быть и в стихах, и в прозе, и потому, основываясь на форме, следует делить сочинения на прозу и стихи, а не на прозу и поэзию⁵. <...>

* Да не обвинят нас в том, что мы к словам привязываемся! — Неправильное употребление слов в нашей литературе показывает, что мы не ясно определили те понятия, которые словами означаются, а от этого смешения столько заблуждений и предрассудков вводится в теорию словесности.

В «Отрывках из неизданных записок» мы встретили много остроумных замечаний, но иные не удовлетворительны по недостатку доказательств.

В статье о «Жизни и сочинениях Карамзина» мы не знаем, что нового хотел сказать сочинитель (ужели вся жизнь Карамзина состояла в переименовании его из чина в чин?), а в статье о «Стихотворениях г. Баратынского» мы не поняли, что именно хотел сказать автор⁶.

Стихотворная часть сего альманаха, за исключением пьес Пушкина и немногих других, окажется не столь богатою, как прежние. Лучшие напечатаны: «Нулин», «Череп», отрывок из «Бориса», «Море», «Ангел», отрывок из «Бального вечера»⁷. Сам г. издатель на этот год принес слишком немногие цветы и тем не оправдал ожидания публики, которую он первыми своими прекрасными дарами приучил к своенравной взыскательности. Лучшие из его пьес суть «Дева и роза (на смерть В...ва)»⁸ и «Идиллия». Они малы, но дышат истинным чувством поэзии. «Нулин» доказывает, что мастер поэт и шутит поэтически. Предмет его картины не важен, но какая зрелая и легкая кисть, какой верный глаз, зорко уловляющий малейшие подробности в описании! Строгие аристархи спрашивают о нравственной цели в этой пьесе. Вот она, если им того хочется: *нескромные желания людей худо награждаются!* Отрывок из «Бориса» должен производить более действие в целой трагедии, нежели отдельно, — и потому любители поэзии, вероятно, вкусят вдвое большее наслаждение, когда прочтут его в целом⁹. «Череп» пленяет звучными и живописными стихами. «Море» (к<нязя> Вяземского) отличается многими новыми, светлыми мыслями, стройностию и гладкостию стихов: последнее замечаем мы потому в особенности, что своенравный поэт обыкновенно не обращает на них внимания¹⁰. В отрывке из «Бального вечера» (Баратынского) встречаем новое и живое описание туалета и убора дамского. «Последняя смерть» (его же) не ясна*; но надо знать, что это отрывок. Неясная в нем мысль может объясниться в целом, хотя (скажем мимоходом) напрасно помещаются отрывки, в самих себе не заключающие полного смысла. <...>

«Невский альманах» щеголяет перед другими своею наружностью; но и по достоинству (не ручаемся за будущее) он займет второе место после «Северных цветов», хотя и на немалом от них расстоянии. Мы думали в «Невском альманахе», судя по оглавлению, встретить новую сцену из «Бориса Годунова» и весьма удивились, увидев в ней старую знакомую, которую г. издатель перенес из «Москов<ского> вестника»¹². Хотя отделение стихов не весьма разнообразно, однако между поэтами мы встретили имена Пушкина, Глинки, Козлова, Языкова и других. Лучшие пьесы принадлежат последнему: особенно пленил нас «Кудесник». В нем отзывается что-то русское. <...>

«Этерна. Подарок любительницам и любителям пения на 1828-ой год»¹³. <...>

Жаль, что у нас нет ареопага литературного¹⁴. Этот подарок мог бы быть предметом тяжбы, и не знаем, как отвечал бы неизвестный собиратель

* Издатель «Московского телеграф» находит в этой пьесе *слабые вдохновенной поэзии с философическою идеею*¹¹. Жаль, что он выразился темно и не определил самой идеи.

песен, если бы ему предложили следующий вопрос: имел ли он от всех поэтов, стихотворения коих помещены в его альманахе, законное на то полномочие? Вероятно, он не нашел бы на то удовлетворительного ответа; но по крайней мере в оправдание свое мог бы сослаться на давность таких злоупотреблений при составлении песенников и на других, даже известных, литераторов, которые то же самое делают. А что бы отвечал собиратель, если б литературный ареопаг предложил ему вопросы еще потруднее, а именно: по какому праву он с такими ошибками печатал стихи Пушкина «Вчера за чашей пуншевою» и «Кубок янтарный»? По какому праву так бесчеловечно искажил их и поднял руку на поэта — любимца публики? Что сказал бы собиратель, если б обвинители представили ему следующие, им безжалостно изувеченные стихи:

Еще попей: ты, слава Богу,
Друзей не проводил.

Или

К груди приникнув головою,
Я скоро просвистал.

Или припев в 3-й и 4-й строфе:

Сказал и замолчал.¹⁵

Или в «Кубке янтарном»:

Бранной забавы
Любить нельзя.

Но всего забавнее ошибка в первых стихах. Вместо «Еще по ней» издатель, руководствуясь неправильным списком, прочел и напечатал «Еще попей». Мы сочли бы это за опечатку, если б двоеточие, следующее за словом *попей*, не уверило нас в противном. Против этого вопиет ареопаг здравого вкуса, но против одного ли этого? За недостатком ареопага литературного он тем более обнаруживает права свои и торжественно обвиняет издателя в безвкусном выборе пиес, в неумении отличить элегии от романса, в дурном издании, в дурной бумаге, в дурной виньетке, в дурной обертке и проч. и проч. <...>

«Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И.»¹⁶

Сей альманах, украшенный портретом Карамзина¹⁷, берет решительное преимущество над всеми своими соперниками, кроме «Северных цветов»; даже и над сими последними достоинством прозы. Почти все лучшие литераторы обеих столиц разнообразно исписали листы сего альбома, привлекающего для всех любителей изящного. <...>

«Тоска» неизвестного, вероятно, утешит прекрасных читательниц, в особенности после того неучтывого нападения, которое претерпели они в «Северных цветах» от неизвестного сочинителя неизданных записок, страшного мизогина¹⁸. Здесь они прочтут свое назначение и как в зеркале увидят то свое качество, которое составляет их лучший перл и счастье их обожателей. Вот слова самого автора, из коих они узнают, что мы разумеем:

«Как раненый голубь жмет свои крылья и покрывает и хоронит стрелку, в него вонзенную, такова-то и природа женщины, чтобы скрывать от света тоску оскорбленной склонности. Любовь нежной женщины застенчива и безмолвна»¹⁹. — Не правда ли, прекрасные читательницы, что «Альбом муз» лучше «Северных цветов»? — В вашей безмолвной улыбке мы читаем да, сладкое для издателя «Альбома»; но читаем и то, что ваше убеждение не всегда... не смеем договорить²⁰. <...>

Сей альбом обилен и хорошими стихами. Читатели найдут здесь новые произведения Пушкина, оригинального и нравственного Глинки, остроумного Вяземского, чувствительного Козлова, нежного Раича, благозвучного Языкова, мечтательного Туманского и других. В особенности обратим внимание читателей на «Талисман» Пушкина, пленяющий новым счастливым оборотом мысли, всегда оригинально выражающейся под пером поэта искусного; на свежее «Утреннее чувство» г. Глинки; на «Воспоминание» и отрывок из повести «Меченосец Аран» г. Языкова. Честь издателю «Альбома», который своим собранием умел поддержать славу альманахов нынешнего года.

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
**АЛЬБОМ СЕВЕРНЫХ МУЗ. АЛЬМАНАХ
 НА 1828 ГОД, ИЗДАННЫЙ А. И.**

СПб., в типографии Александра Смирдина,
 1828. — 248 стр., в 16 д. л.

<Отрывок>

<...> Из 59 стихотворений «Альбома северных муз» многие будут прочтены с удовольствием, а другие и затвержены. К сим последним по неотъемлемому праву принадлежит «Талисман», одно из прекрасных стихотворений Пушкина, показывающее, как гибок и применчив ко всем родам поэзии талант сего любимца муз. Чудною силою своего «Талисмана» он как будто бы уносит нас с собою на Восток. «Меченосец Аран» и некоторые другие стихотворения Языкова, также несколько пьес кн. Вяземского, И. И. Козлова, Ф. Н. Глинки, г. Подолинского и доселе еще неизвестного молодого поэта г. Щастного украшают прочие листки «Альбома муз».

Какой-то неизвестный критик, подписавшийся *-ствъ -овъ*, поместил в «Северной пчеле» (№ 33) довольно длинную статью об «Альбоме муз»¹. Этою речистою статьею доказал он снова, что можно много наговорить и ничего не сказать. Безотчетные похвалы так же мало приносят пользы литературе, как и привязчивые суждения. Так, говоря о «Талисмани», стихотворении Пушкина, близорукий критик следующим образом *определяет достоинство* сей пьесы: «Для *точного определения* ее достоинства довольно сказать, что в ней виден Пушкин». Если бы Пушкин писал всегда в одном роде, это бы еще можно было сказать; но Пушкин чрезвычайно разнообразен, так что дивиться и не веришь, читая разные его произведения, чтоб их написал один и тот же поэт. «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Онегин», «Братья разбойники», «Цыганы», «Годунов»,

«Граф Нулин»... — где во всех сих произведениях виден один и тот же Пушкин? Остается одно общее — в сладости стихов; но и тут Пушкин неуловим в изменчивости тонов: прочтите друг за другом сцену из «Бориса Годунова», отрывок из «Бахчисарайского фонтана» и «Графа Нулина», и вы согласитесь в истине сего положения.

С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ

Г. Шопен, французский литератор (живший несколько лет в России и издавший записки свои в 1822 году под заглавием «De l'Etat actuel de la Russie, ou observations sur ses moeurs, son influence politique et sa littérature; suivies de poésies traduites du russe»), приводит к окончанию перевод свой поэмы Пушкина «Цыганы» и намеревается посвятить его одному русскому любителю словесности¹. Удачный перевод «Бахчисарайского фонтана», сделанный г-ном Шопеном, о котором говорено было в «Revue Encyclopédique» (июнь 1826, с. 819—821) и в «Телеграфе» (сентябрь 1826, № 17, с. 74—78)², предупреждает в пользу нового перевода и заставляет радоваться, что лучшие произведения русской музы достаются на долю таким искусным прелазгателям, каков г. Шопен. Приятно заметить, что иностранцы час от часу более стараются знакомить своих единокземцов с цветами русской поэзии и перестают чуждаться ее прелестных произведений. Г. Шопен намерен, кажется, обогащать французскую словесность всем, что у нас ни есть лучшего и достойнейшего внимания. Он приступает также к переводу «Кавказского пленника», «Онегина» и вместе с приятелем своим г-м Геро, отличным литератором, намеревается особенно знакомить Францию, а следовательно, и весь просвещенный мир, со всеми замечательнейшими произведениями русской словесности. Желаем скорого исполнения сему намерению, которое не может быть безуспешным, и нетерпеливо ожидаем появления стихотворного перевода «Цыган», чтобы сообщить о нем известие читателям «Телеграфа»³.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВЫ IV И V

СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1828. 92
страницы в 12 д. л.

В сих двух новых главах «Онегина» поэт изобразил в IV-й изустный ответ Онегина Татьяне на письмо ее (помещенное в III-й главе); любовь

* Известие присланное. Нельзя не порадоваться предприятиям г. Шопена и Геро и не пожелать, чтобы они успешно исполнили свои предположения. *Издатель*.

** Продастся в С. Петербурге во всех книжных лавках по 10 р. за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 80 коп.

Владимира Ленского и Ольги. Многие прекрасные отступления, как-то: выходки против светских друзей, против альбомов и т. п. — составляют как бы придаточные украшения к сим живым картинам. В V-й главе поэт описывает святочные гадания, сон Татьяны и провинциальную пирушку в доме Лариных. Сон Татьяны есть одно из удивительных созданий игривого воображения поэта: чудовища, которые он выдумал и обставил так замысловато, дивят своею уродливостию, смешат воображение читателя; но во всем этом нет ни капли излишества, не переведена ни одна черта за пределы вкуса и *поэтически возможного*. Тонкое ощущение нашего поэта указало ему сии пределы, не ясные для умов обыкновенных, светлые для гения. Сельский бал у Лариных есть ряд забавных карикатур, весьма верно обрисованных и живо раскрашенных. Вообще в сей пятой главе очень много движения и жизни, и под конец, после всех странных и смешных явлений, сердце замирает в каком-то грустном ожидании от следствий ревности, умышленно пробужденной Онегиным в бесхитростной, чистой душе Ленского.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

А. С. Пушкин сдержал свое обещание перед публикою и подарил ее 4-ю и 5-ю главами «Евгения Онегина»¹. Дай Бог, чтобы поэты всегда так были верны своим обещаниям! Нетерпеливые подруги Татьяны теперь узнали, чем кончилась любопытная встреча в саду. Они, вероятно, полюбили Евгения, с радостью нашли в нем благородную черту, достойную души высокой, и на опыте убедились, что светская ветренность не мешает прямодушию характера. Описания осени, зимы, гаданий, провинциального съезда, обеда, бала показывают, как разнообразна и как свежа кисть нашего поэта-живописца. Но всего пленительнее сон Татьяны. Это фантазмагория поэтическая, живая, быстрая, чудесная. Верно, читательницы с ужасом ожидают обещанной дуэли. Ну что если погибнет Ленский? — Вот после этого не верьте снам, Татьяны, не гадайте о том, что сбудется! — Сии две песни посвящены г-ну Плетневу. В посвящении поэт несколькими стихами означает содержание своего «Онегина» и в особенности новых глав:

Прими собранье пестрых глав;
 Полумешных, полупечальных,
 Простонародных, идеальных,
 Небрежный плод моих забав,
 Бессонниц, легких вдохновений,
 Незрелых и увядших лет,
 Ума холодных наблюдений
 И сердца горестных замет.

И. В.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕСТИ

<Отрывок>

Любители изящного увидят новое издание некоторых образцовых произведений любимца муз А. С. Пушкина. «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила», с портретом автора, скоро появятся в свете вторым дополненным изданием¹. Сии сочинения печатаются на иждивении комиссионера Московского университета А. Ф. Смирдина, который приобрел сие право за семь тысяч рублей². — Из очаровательного романа «Онегин» готовы к напечатанию четвертая и пятая главы*. <...>

М. П. ПОГОДИН

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ, СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, ПЕСНЬ 4 И 5

Санкт-Петербург. В типографии Департамента
народного просвещения. 1828. В 16 д. 92 с.

4-я и 5-я песни «Онегина» составляют в Москве общий предмет разговоров: и женщины, и девушки, и литераторы, и светские люди, встречаясь, начинают друг друга спрашивать: читали ли вы «Онегина», как вам нравятся новые песни, какова Таня, какова Ольга, каков Ленский и т. д. — Мы подслушивали разные суждения и расскажем их, вместо собственных, нашим читателям:

* * *

Татьяна имеет все голоса в свою пользу, — некоторые даже желали бы, чтоб вся вышедшая часть романа (то есть 5 песней) названа была «Татьяной Лариной», а не «Евгением Онегиным». — Один молодой человек так живо представил себе эту милую дочь русской природы, что на вопрос своего приятеля на бале, как ему нравится одна девушка, — отвечал: «Очень, она похожа на Таню».

* Они уже напечатаны и уже читаются в Москве. Мы также имели удовольствие читать их: интересны чрезвычайно! Какое разнообразие картин и лиц! Какая свежесть красок и верность кисти! Какие знакомые карикатуры! Сколько нравственных истин!..

Врагов имеет в мире всяк;
Но от друзей спаси нас, Боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них подаром вспомнил я.

Верим. *Издатель*.

* * *

Характером Онегина не довольны, или лучше — его не любят, хотя судьбы благогоразумнее говорят, что этот характер надобно рассматривать, хвалить, порицать, осуждать, объяснять только в психологическом отношении, как явление нравственное, а в художественном — советуют смотреть только на его изображение: не противуречит ли он сам себе и т. п.; здесь не надобно, говорят они, вдаваться в рассуждение, хорош ли этот характер или нет, а только как он изображен, — точно как в портрете: смотрите, похож ли он на свой подлинник, хорошо ли написан, а не распространяйтесь о том, что нос широк, а брови густы.

* * *

Одни говорят, что Онегин изображен не в ясных, не в резких чертах, что нельзя себе представить его личности (индивидуальности¹), как Дон-Жуана Байронова, как некоторые лица Валтер Скоттовы; другие, напротив, бьются об заклад, что по полученным *данным* они отгадают все будущие решения Онегина — как станет он действовать в тех или других обстоятельствах. «Ну, примет ли он вызов Ленского?» — спросил атлет из первой партии одного из своих противников. — Тот задумался, но наконец отвечал: «Это может зависеть от разных посторонних обстоятельств; вероятно, Онегин употребит усилие для того, чтобы кончить распрю. Впрочем, может быть, и примет вызов». — «Изверг! изверг!» — воскликнули все присутствовавшие дамы. Многим сделалось дурно, и бедные насилу очнулись, и то выливши по стклянке Eau de Cologne² на виски².

* * *

Дамы вообще в ужасном негодовании на Пушкина за то презрение, которое он к ним при всяком случае обнаруживает в стихах своих, за злость, с которою придирается³. Это — *lèse-Majesté*⁴, нашептывают им их чичисбеи⁴, и мы не знаем, каково будет жить поэту на свете, если могущественные дочери Евы внемлют духу мести.

* * *

Вызов Ленского называют несообразностью. Il n'est pas du tout motivé⁵, все кричат в один голос. Взбалмышный Онегин, на месте Ленского, мог вызвать своего противника на дуэль, а Ленский — никак. Да и за что было Онегину бесить его?

* * *

Жалеют, что Ленский только описывается, а не представляется в действии.

* одсколона (франц.). — Ред.

** оскорбление величества (франц.). — Ред.

*** Он совсем не мотивирован (франц.). — Ред.

* * *

В Ленском находят вот еще какую несообразность: он, идеалист, поэт, никак не мог сказать Онегину, начав с ним говорить об Ольге:

Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь.

«Tout au plus*, — заметил один молодой поэт, — Ленский мог говорить о глазах Ольгиных, а о груди, плечах — никак». Другие стали было оправдывать эти слова тем, что Ленский хотел примениться тоном к Онегину, но безуспешно.

* * *

Пятой песни отдается преимущество перед четвертой, которую автор заметно хотел наполнить чем-нибудь, и заговаривается, хотя и очень мило.

* * *

Нить повествования ведена лучше в первых трех песнях, чем в последних двух, замечают также многие. Читатель по прочтении четвертой и пятой остается в каком-то тумане: прекрасные подробности и эпизоды слишком развлекают его внимание.

* * *

Охотники до новых рифм восхищаются Гарольдом — со льдом, Оле — боле, бланманже — уже.

* * *

Онегин, сказал некто, родился под звездой Донжуана, но в нем много русской правды.

* * *

Кстати, о бланманже. Для классиков очень соблазнительными кажутся стихи:

Между жарким и бланманже
Цимлянское несут *уже*.

А романтики в последнем стихе находят какую-то аналогию с неловким подчиваньем провинциалов.

* * *

Иные вовсе отказались видеть в «Онегине» что-нибудь целое. Пусть поэт надает нам приятных впечатлений, все равно — мелочью или гуртом. У нас будет несколько характеров, описания снов, вин, обедов, времен

* Самое большее (франц.). — Ред.

года, друзей, родных людей, и чего же больше? Пусть продолжается «Онегин» а l'infini*. Пусть поэт высказывает нам себя и в эпизодах, и не в эпизодах.

* * *

«Создать такой характер, как у Онегина, невозможно, — сказал один. — Чтоб описать его, надобно самому быть им». — «Согласен с вами, — отвечал другой, — может быть, автор — Онегин, но только не в святые минуты вдохновения, по будням, а не в праздник,

Когда не требует поэта
К священной жертве Аполлон⁵».

«В таком случае, — сказал третий, — гораздо лучше верить самому автору. Вот что говорит он об этом:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт;
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом (см. гл. I)».

* * *

До чего простирается разность в суждениях! Одним очень нравится небрежность, с которою пишется этот роман: слова льются рекою, и нет нигде ни сучка, ни задоринки. Другие, свысока, видят в этой натуральной небрежности доказательство зрелости Пушкина: поэт, говорят они, уже перестает оттачивать формы, а заботится только о проявлении идей; третьи — каково покажется? — небрежность эту называют неучтивостью к публике: Пушкин зазнался и проч. — Четвертые толкуют о порче вкуса.

* * *

Сном Татьяны восхищаются все — и охотники до бреда, и охотники до истины, и охотники до поэзии. — Был, однако ж, один, который утверждал, что такого сна систематически-уродливого видеть невозможно. — «Впрочем, слава Богу, — отвечал другой, — что мы наяву увидали его. В театре видит же публика сны вместо спящих героев пьесы».

* * *

Многим очень нравится также описание Я:

* до бесконечности (франц.). — Ред.

Кого ж любить? кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда:
Кто не наскутит никогда?

* * *

Все с большим удовольствием приняли тонкую похвалу Жуковскому:

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно... Так и быть...
С Татьяной нам не ворожить⁶.

* * *

Удачно воспоминание о «Чужом толке» Дмитриева⁷.

Припомни, что сказал сатирик.
Чужого толка хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?

Были, однако ж, недогадливые, которым должно было растолковывать, что «Чужого толка хитрый лирик» значит — хитрый лирик, представленный в «Чужом толке».

* * *

Ответ Онегина Татьяне совершенно в его характере. Он не мог поступить иначе. По этому ответу, однако ж, подозревают некоторые, не бывал ли Онегин на Кавказе?⁸

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

<ОБ «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»>

С Онегиным давно познакомились все русские читатели, и нам некоторым образом уже поздно говорить о нем; но как издатели журнала мы обязаны прибавить свой голос к голосу общему и сказать о нем хоть несколько слов. Вот наше мнение.

Вторая песнь по изобретению и изображению характеров несравненно превосходит первую. В ней уже совсем исчезли следы впечатлений, оставленных Байроном, и в «Северной пчеле» напрасно сравнивают Онегина

с Чайльд-Гарольдом¹. Характер Онегина принадлежит нашему поэту и развит оригинально. Мы видим, что Онегин уже испытан жизнью; но опыт поселил в нем не страсть мучительную, не едкую и деятельную досаду, а скуку, наружное бесстрашие, свойственное русской холодности (мы не говорим русской лени). Для такого характера все решают обстоятельства. Если они пробудят в Онегине сильные чувства, мы не удивимся: он способен быть минутным энтузиастом и повиноваться порывам души. Если жизнь его будет без приключений, он проживет спокойно, рассуждая умно, а действуя лениво.

О стихах ни слова. — Если мы опоздали говорить о самом Онегине, то хвалить стихи Пушкина и подавно поздно.

М. А. ДМИТРИЕВ

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». РОМАН В СТИХАХ.
СОЧ. АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА**

Глава IV и V. СПб., в типографии Департамента народного просвещения. 1828, 92 стр. в 16 д. л.

Не бойся едких осуждений,
Но упонительных похвал.
*Баратынский.*¹

Прошло, кажется, счастливое время, когда критик, рассматривая какое-нибудь стихотворение, развертывал благоговейно курс пиитики, отыскивал род и вид, к которому сочинение по названию принадлежало, сличал правила с произведением и по количеству точек соприкосновения производил приговор свой. В наш век работа критика сделалась труднее: он часто имеет дело с таким сочинением, о котором ни автор не может дать отчета, почему оно так написано, ни читатель — объяснить себе, почему оно ему нравится. Название *романтическое* вручает стихотворение от всех притязаний здравого смысла и законных требований вкуса. Этого мало: вера в непогрешительность романтизма обнаруживается в наше время со всею силою партий и решительно осуждает на невежество всякого, кто осмелился бы возвысить голос свой не в лад с общею хвалебною гармонией какому-нибудь романтическому кумиру².

Поэзия, как и всякое изящное искусство, имеет две стороны: *вымысл* и *исполнение*. Превосходство в одном не всегда ведет за собою превосходство в другом. Много прекрасных вымыслов, дурно изложенных или выживших уже из красоты словесного выражения; так, как много есть прекрасных звуков, в которых, может быть, нет ни вымысла, ни даже смысла. Очевидно, что и суждения о произведениях поэтического искусства могут быть двойственные: об изяществе вымысла, как обнаруживающейся деятельности зидательной способности человека, и о тонкости искусства стихосложения. Суждения о первом должны основываться на признанных законах ума; оценка второго — на принятых правилах и видимых свойствах языка.

По изданным пяти главам «Онегина», конечно, мы не вправе еще заключить о качестве плана целого; но можем видеть качество характеров, выведенных для действия, и способов, как это действие раскрывается. В повествовательном роде, несмотря на форму, это главное: достоинство описаний, картин, мыслей и замечаний зависит от соотношения с целым: содействуют соразмерности общего — они хороши; нет — могут быть и не быть, не составляя красоты поэмы.

Действие в поэме должно быть результатом того отношения, в каком поставляются действующие лица склонностями своими, страстями и выгодами. С того времени, как поэт создал в уме и ввел в соотношение действующие лица, он теряет уже свободу произвольно располагать их действиями. Они должны действовать так, как в самом деле действовали бы люди определенных характеров в данном случае. Все творчество поэта заключается в умении сблизить или привести в соприкосновение страсти, которые, взаимно действуя друг на друга, образовали бы завязку и по естественному ходу, от силы и превозможения той или другой, доводили бы действия к развязке. Следственно, чем страсти разнороднее, чем долее удерживают они свою самостоятельность при действии на них сил противоположных, тем действие продолжительнее, живее и занимательнее. Соблюдением этих только условий искусство может приобрести таланту славу творчества.

Как характеры созданы в «Онегине»?

Евгений, избалованный, ветреный, который

В красавиц (он) уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь (стр. 14),

читает предлинное наставление Татьяне, в котором и тени нет языка разговорного (стр. 16, 17, 18 и 19). Катон³ с одною сестрою, он в то же время Ольге, невесте своего приятеля,

...наклонясь шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал
И руку жмет (<стр.> 91).

Тихий, мечтательный Ленский за то, что друг его провальсировал лишний раз с его невестою,

Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Как раз решат судьбу его (<стр.> 92).

Бесстрастная Ольга, помолвленная за Ленского, после того, как

Владимир сладостной неволе
Предался полной душой.
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое (<стр.> 27),

накануне почти свадьбы, при первой ласке Онегина, забывает жениха...

...чуть лишь из пеленок
Кокетка, ветреный ребенок (<стр.> 92).

Печальная Татьяна, раз, и то мельком, видевши молодого мужчину, пишет ему спустя полгода самое жалкое письмо, уверяя, что Онегин послан ей Богом!

Естественно ли все это?

Нет характеров; нет и действия. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляет несколько оное. От этого и эти две главы, подобно предшествовавшим, сбиваются просто на описания то особы Онегина (строфы IX и X), то утомительных подробностей деревенской его жизни (XXXVII, XXXVIII и XLIV), то занятий Ленского (XXV, XXVI, XXVII), то опять автор принимается за характер Татьяны (IV, V, VI, VII, VIII), хотя об ней слишком уже много было толковано и во второй главе; то возвращается к природе; описывает осень (XL, XLI, XLII), зиму. — От этого такая *говорливость* у него; так много заметных повторений, возвращений к одному и тому же предмету и кстати, и некстати; столько отступлений, особенно там, где есть случай посмеяться над чем-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себе. — Некоторые называют затеями воображения, а другие подобные замашки — вероятно, литературные старожеры — поэтической кристаллизацией, или просто наростами к рассказу по примеру блаженной памяти Стерна. Отымите несколько строк подобного содержания: стихотворение столь же мало потеряло бы в содержании, как мало и выиграло бы, если бы автор потрудились покороче познакомить нас с подробностями жития своего.

Стихосложение, бесспорно, есть дело второстепенной важности в поэзии; но все-таки оно важно: по крайней мере относительно совершенствования языка. Всякая *теперь* преодоленная трудность избавляет от труда *после* и опрастывает дорогу прочим⁴. В сем отношении достоинство стихосложения Пушкина общепризнанно. В его стихотворениях можно указать на такие места, которые по благозвучию равняются с признанными образцами русской поэзии. Едва ли кто писал стихами на русском языке с такую легкостью, какую замечаем во всех стихотворениях Пушкина. У него не приметно работы: все непринужденно; рифма звучит и выкликает другую; упрямство синтаксиса побеждено совершенно: стихотворная мера нимало не мешает естественному порядку слов. Дарование редкое. Но этой же легкости мы должны приписать и заметную во многих стихах небрежность, употребление слов языка книжного с простонародным, без всякого внимания к их значению; составление фигур без соображения с духом языка и с свойствами самих предметов; ненужное часто обилие в выражениях и, наконец, недосмотр в составе стихов (стр. 65 и 67).

Приведем несколько доказательств:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим,
Средь обольстительных сетей (<стр.> 11).

Тут поэзии меньше, нежели правды. Если бы эти стихи не имели чести принадлежать Пушкину, то едва ли бы их удостоили даже названия стихов.

Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских *времен* (<стр.> 12).⁵

Следственно, Державин ошибся, сказав:

Глагол *времен*.

Но к ней (Татьяне) Онегин подошел
И *молвил*... (<стр.> 16)

Глаголом *молвить* до сих пор на русском языке выражалось коротко оканчивающееся действие: *сказывать*. Он *молвил* слово. Позвольте мне *вымолвить*. Здесь же Онегин *молвит* целую исповедь.

Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел (<стр.> 16).

Привязчивые критики замечают, что по порядку надобно бы прежде поставить *супругом*, затем уже *отцом*. Я замечу только, что *жребий*, по смыслу этого слова и по изъяснению «Словаря Российской Академии» (часть II, стр. 468), есть как бы знак приговора судьбы, а не самая судьба⁶. Сам автор чрез несколько строк употребляет слово сие в другом, правильном уже значении:

Ужели *жребий* вам такой
Назначен строгою *судьбой* (<стр.> 19).
.....
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть *миг единый* (<стр.> 17).
.....
Нашед ли прежний идеал (<стр.> 17).

Нашед в разговорном слогe неупотребительно.

Любви *безумные страданья* (<стр.> 28).

Звучные слова, но без значения; точно так же, как и

Разумные отрады,

если бы кому-нибудь угодно было щегольнуть новизною.

Улыбка, девственный покой,
Пропало все, *что* звук пустой (<стр.> 26),⁷

вместо: подобно звуку. В последние писанных одах Державина мы было уже распростились с этим оборотом.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день (<стр.> 26).

Трудно понять, кто кого одевает: тень ли бури одевается днем, или день одевается тенью? Притом посудим, что такое *тень бури*? Для простосмыслов чересчур уже отважно и подобное выражение: буря тенью застилает едва рождающийся день.

Поэт описывает состояние души Татьяны:

Любви безумные страданья
Не перестали волновать
Ее души.

А чрез несколько строчек продолжает:

Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит (<стр.> 26).
.....
Увы! Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит (<стр.> 26).

Усиливается ли выражение словом *молчать*? Что оно после увядает и гаснет?

Меня стесняет сожаленье (<стр.> 27).

Сожаленье чувство внутреннее; а *стеснять* показывает действие извне. *Меня стесняют обстоятельства* сказать можно, но *меня стесняет соболезнование*, так же как и *сожаление*, едва ли.

Вы, украшенные проворно (<стр.> 31).

Тут должны пострадать или слоудоударение, или стопосложение: жертва для спасения стиха неизбежна.

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что (?) все подружки измарали (<стр.> 29).
.....
Два века ссорить не хочу (<стр.> 35).

Кажется, есть правило об отрицании *не*, а то вместо ссорить *кого*, выдет — *много ли времени*.

Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творения (<стр.> 35).

В числе народных выражений есть и *говорить в глаза*, но мы до сих пор не слышали, чтобы кто-нибудь сказал: *читать в глаза, писать в глаза, рисовать в глаза* и т. п.

Младой и свежий поцелуй (<стр.> 38).

Мы вправе ожидать, что этот поцелуй *постареет, увянет* со временем: не соображено качество с предметом.

Гусей крикливых караван (<стр.> 40).

Это, разве, можно сказать о тех гусях, которых привозят зимою в Москву замороженных. Караваном называется обоз, составленный из разных повозок, принадлежащих разным хозяевам.

В *избушке*, распевая, *дева*
Прядет (<стр.> 41).⁸

Как кому угодно, а *дева в избушке*, то же, что *дева на скале*⁹.

.....зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней (<стр.> 41).

Лучинка, друг ночей зимних, *трещит* перед *девою, прядущею в избушке!*.. Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкин, досталось бы ему от наших должностных Аристархов.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед (<стр.> 41).

В извлечении для смысла: ребяташки катаются по льду¹⁰.

На *красных лапках* гусь тяжелый
Задумав плыть по лону вод (<стр.> 41).

Не уплывет далеко на красных лапках. — Не верно также выражение: плыть по лону; лоно означает глубину, недро.

Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет (<стр.> 42).

Эпитет *неверный* ко льду едва ли *верен*. Лошадь падает не от того, что *цепляет* лед, а потому, кажется, что не цепляет, скользит.

Вдался в *задумчивую* лень (<стр.> 43).

Модное, часто повторяемое выражение, в котором и с *раздумчивым вниманием* не скоро добьешься смыслу.

Но *изменяет пеной шумной*
Оно желудку моему (<стр.> 44).

Может ли это кого занять, кроме врача, заботящегося о пищеварении автора; и что такое: *изменять желудку шумною пеной?*¹¹

*И я бордо благоразумный
Уж нынче предпочел ему (<стр.> 45).*

Бордо благоразумен. Открытие. Попьем, попишем: может быть, откроем в нем и еще какие-нибудь достохвальные качества.

К аи я больше не способен (<стр.> 45).

Скажите, где публика, где читатели?..

*Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой
И своенравной и пустой (<стр.> 45).*

Будем снисходительны: согласимся, что любовница может быть и живая, и ветренная, но *блестящая и пустая* — образы без лиц.

Иль тихий разделять досуг (<стр.> 45).

То же, что и задумчивая лень.

*.....И теплотю
Камин чуть дышит (<стр.> 46).*

Некоторым покажется это выражение более нежели смелым, но эти *некоторые*, вероятно, не заботятся о питическом обогащении языка. Бездарные, они, пожалуй, не найдут значения и в этом выражении:

*.....Светлый кубок
Еще шипит среди стола (<стр.> 46).
.....
И тайна брачных постели
И сладостный любви венок
Его восторгов ожидали (<стр.> 48).*

Покорнейше прошу читателя переложить это в прозу.

*Мой бедный Ленский, сердцем он
Для оной жизни был рожден (<стр.> 49).*

Творительный падеж на русском языке означает отношение по вопросу *кем* или *чем*. Он предан ему *душою*. Он любим *музами*, но — он рожден *сердцем*?..

*Стократ блажен, кто, в теплой вере
Холодный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге (<стр.> 49).*

Угомонивши *холодный ум* в *теплой вере*, *покоиться в сердечной неге!!!*
Жаль только, что это не может угомонить *холодного рассудка!*

*Зима!. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь (<стр.> 54).*

В первый раз, я думаю, *дровни* в завидном соседстве с *торжеством*.
Крестьянин торжествуя выражение неверное.

Летит *кибитка удалая* (<стр.> 54).

Помнится, в первой главе были уже *дрожки удалые*. Подробности:

Ямщик *сидит на облучке*
В тулупе, в красном кушаке,

живописны.

Сиянье розовых снегов (<стр.> 58).

Озаренный заходящим солнцем, снег может казаться розовым, но *сиянье снега...* воля ваша, гг. нововводители!

По старине *торжествовали*
В их доме *эти вечера* (<стр.> 66).

За неимением лица действие относится к *вечерам*; т. е. вечера торжествовали по старине. Скажут: привязка. Что делать, как читаю, так и понимаю.

.....Надежда им
Лжет детским *лепетом* своим (<стр.> 59).

Надежда лжет лепетом?!

Татьяна на широкий двор
В *открытом платьице* выходит (<стр.> 60).

.....
То в хрупком *снеге* с ножки *милой* (<стр.> 65).

.....
Упала в снег, медведь *проворно*
Ее *подъемлет* и несет (<стр.> 68).

.....
Визг, хохот, свист и хлоп
Людская молвь и *конский топ*.

Неужели первый стих ямба, и четырехстопный? Порадуемся счастливой гибкости нашего языка: хлопанье и топот не местятся в стих — можно последние слоги оставить. Будем надеяться, что эта удачная придумка обрежет слоги многим упрямым русским словам, которые не гнутся теперь в стих. Как приятно будет читать:

роп вм. ропот,
топ вм. топот,
грох вм. грохот,
сляк вм. слякоть.

Нельзя не полюбоваться также и *людскою молвю*¹². Татьяна во сне зашла в *шалаш убогий* (<стр.> 66), а к концу сна очутился *шалаш хижиню!*

.....*Хижина* шатнулась (<стр.> 91).

Это, впрочем, во сне.

Но вот багряною рукою
Заря, от утренних долин,
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин (<стр.> 74).

Шутка над Ломоносовым.

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.

Так, кажется, старик начинает оду свою на день восшествия на престол императрицы Елисаветы.

Какая радость: будет бал;
Девчонки прыгают заране (<стр.> 77).

Как эти *девчонки*, готовящиеся на бал, забавны пред *девою*, прядущею в избушке.

.....
Так пчел из *лакомого улья*
На ниву шумный рой летит (<стр.> 83).

Как у наборщика не дрогнула рука набрать этот *лакомый улей*?

Все *жадной скуки* сыновья (<стр.> 84).
Пред *сонной скукою* полей (<стр.> 85).

Есть ли какой-нибудь из европейских языков терпеливее русского при налогах имен прилагательных: что хочешь поставь пред существительным, все выдержит. Скука — жадная, хладная, алчная, гладная, сонная и пр. и пр.

Однообразный и *безумный*,
Как вихорь жизни молодой,
Крутится вальса вихорь шумный (<стр.> 83).

Однообразный, шумный, безумный вихорь, подтверждение выше замеченной гибкости языка нашего относительно имен прилагательных. Не назвать ли нам эпитетов, подобных *удалой* кибитке, *лакомому* улью, *безумному* вихрю, не имеющих приметного отношения к своим существительным, вместо прежнего *имена прилагательные* новым словом: *имена прилепительные*. В таком случае мы по крайней мере не затруднились бы, куда отчислить и

лица *самолубивые* (<стр.> 91),
и негодование *ревнивое* (<стр.> 91),

и сотню других мелочей, которые так заживо цепляют людей, учившихся по старым грамматикам¹³.

М. П. ПОГОДИН
МЫСЛИ, ЗАМЕЧАНИЯ И АНЕКДОТЫ

У всякого художественного произведения есть точка, одна точка, с которой оно представляется во всем своем величии. Взгляните вблизи на декорацию Гонзаго¹, это — мазанье; но из кресел, в надлежащем расстоянии, освещенное, оно очарует вас. Многие ошибаются в своих суждениях потому, что не попадают на точку, с которой должно смотреть на произведение.

В «Атене» кто-то насчитал множество ошибочных выражений в «Онегине». — Читал ли г. критик, занимаясь своими грамматиками², прочие стихотворения Пушкина? Заметил ли он, что у Пушкина особое достоинство — верность и точность выражения и что это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин, следовательно, мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только 1/10 справедливо), но у него именно, кажется, было целию оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности. Он рассказывает вам роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении «Онегин» есть феномен в истории русского языка и стихосложения.

К нему удачно можно применить, что Тасс говорит о Софронии:

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
 Se caso od arte il bel volto compose.³

Чем больше мнений о каком-нибудь предмете, тем лучше, тем скорее обнаружится истина. Французы недавно целый год твердили de 3 et 5 pour 100^{**} и увидели наконец все дело как на ладони⁴. — В литературе так же. — Ясное доказательство нашего младенчества в ней есть то, что у нас на многие важные предметы нет даже по одному мнению. У нас даже странным кажется, если кто решится сказать свое вслух; невыгодное мнение (нужды нет, искреннее ли оно или неискреннее) считают личным оскорблением, никак не могут понять, что можно знать, даже уважать, любить человека и между тем осуждать его сочинения или находить в нем недостатки. — Сказать искренно свое мнение в таком случае, прекрасно выразился Б., есть подвиг честного человека. Пусть больше совершается таких подвигов, и в литературе нашей увеличится движение, жизнь. — Притом всякое сочинение есть собственность публики, и члены ее, не

* Искусство, случай ли слепой,
 Убранство иль небрежность
 Очарованьем были в ней,
 Не отгадают взоры.
 (Пер. с итал. С. Е. Раича). — *Ред.*

** О трех и пяти процентах (*франц.*). — *Ред.*

говоря уже о должностных, имеют полное право хвалить и порицать его, как кому Бог на ум положит. — Даже на форму хвалы и порицания не должно сердиться слишком. Всякий говорит по-своему, один дискантом, другой басом, один жестко, другой мягко. При всем моем благоговении к Карамзину (Карамзину) я с удовольствием читал замечания на его «Историю», которые начали было помещать в «Вестнике Европы», как ни противен мне был образ их изложения⁵.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВЫ IV И V

СПб., 1828 г., in 12, 92 стр.

Поэт сдержал свое слово: 4-я и 5-я главы «Онегина» изданы тотчас после 3-й.

В них рассказывает он следствия свидания Татьяны с Онегиным; сватанье Ленского за Ольгу; святки в доме Лариных; сон, который видела Татьяна, загадав на суженого; праздник в доме Лариных в день именин Татьяны; сельский бал и ссору Онегина с Ленским. Сон Татьяны должно причислить к отличным произведениям Пушкина. Сельский бал списан им с природы.

...Вот багряною рукою
 Заря от утренних долин
 Выводит с солнцем за собою
 Веселый праздник именин.
 С утра дом Лариной гостями
 Был полон; целыми семьями
 Соседи съехались в возках,
 В кибитках, в бричках и в санях.
 В передней толкотня, тревога;
 В гостиной встреча новых лиц,
 Лай мосек, чмоканье девиц,
 Шум, хохот, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилиц крик и плач детей.

С своей супругою дородной
 Приехал толстый Пустяков;
 Гвоздин, хозяин превосходный,
 Владелец нищих мужиков;
 Скотинины, семья седая,
 С детьми всех возрастов, считая
 От тридцати до двух годов;
 Уездный франтик Петушков;
 Мой брат двоюродный Буянов,
 В пуху, в картузе с козырьком
 (Как вам, конечно, он знаком),
 И отставной советник Флянов,

Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

Множество других лиц является на сцену; обедают; после обеда играют в вист. Между тем является полковая музыка —

...чай несут; девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались.
Обрадован музыки громом,
Оставя чаю чашку с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков...

Начинается бал —

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета мелькает за четой...

Мазурка началась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале все дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же; их не изменила
Лихая мода, нам тиран,
Недуг новейших россиян.

.....
Подковы, шпоры Петушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучат; Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот — по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше дров;
Теперь пошло на молодцов:
Пустились, только не в присядку.
Ах! легче, легче: каблуки
Отдавят дамские носки!¹

Мы поговорим о всех пяти песнях «Онегина» особенно, а между тем, пусть читатели послушают, что говорят другие журналисты о 4-й и 5-й песни. «Атенею» они очень не нравятся. Что делать! «Атенею» любит стихи классические².

Б. М. ФЕДОРОВ

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». РОМАН В СТИХАХ, СОЧИНЕНИЕ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВА IV и V

С<анкт>П<етер>бург. 1828. 92 стран<ицы> в 12 долю.

Наконец главы «Онегина», к удовольствию читателей Пушкина, стали появляться скорее, одна за другою. В новых главах содержание сего романа более раскрывается автором, а прелесть стихов Пушкина, очаровательность картин его всегда одинакова; разумеется, там, где поэт не своенравен, а Пушкин иногда умышленно небрежен, может быть, для того, чтоб подразнить критиков, замечающих неумышленные небрежности.

В посвященных стихах П. А. Плетневу¹ Пушкин говорит о своем романе:

...собрание пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений —
И сердца горестных замет.

Эта пестрота *Пушкина* кажется читателям прелестью разнообразия; это слияние веселости и уныния согласно с человеческим сердцем; холодные наблюдения ума представляют верную картину общества; простонародное в сем романе сохраняет драгоценные черты русских нравов. В «Онегине» соединяются почти все роды поэзии, шутливость, остроумие и характеры комедии, страстное трагедии, черты сатиры, колкость эпиграммы, картины описательной поэзии. — Из «Онегина» видно, чем бы мог быть Пушкин, если бы захотел быть.

Я не намерен хвалить безотчетно и при всем уважении к нашему любимому поэту не скрою того, что мне кажется недостатком в «Евгении Онегине». — Я даже уверен, что истинный поэт предпочтет беспристрастное замечание пристрастной похвале; легко могу ошибаться в суждении, но, по крайней мере, желаю исполнить долг благонамеренного критика, замечая небрежности *Пушкина* не для того, чтоб отличаться прихотливостию своего мнения, но потому, что и небрежности славного поэта могут найти подражателей и превозносителей.

Возьмем в пример *сон Татьяны*. Начало сего сна прекрасно:

Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,

Положены через поток,
И пред шумящею тучиной*,
Недоумения полна,
Остановилася она.

Но вдруг является большой взъерошенный медведь, и она в страхе переходит по мостку через ручей. —

...и что ж? медведь за ней.
Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг**;
Но от косматого лакея***2
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный...****

Следует превосходная картина зимней ночи в лесу:

Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.
Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей.

Это живая природа. Как одним словом Пушкин рисует вполне предметы! — В нахмуренной красе, отягчены клоками снега, глубоко в снег погружены, — все это принадлежит к таким картинам природы, которые в поэзии представляются воображению живее, чем в живописи.

Далее в прелестных стихах, в которых Пушкин счастливый соперник Богдановича, читаем описание бед Татьяны, милой соперницы Душиньки³. — Медведь все преследует ее — она упала в снег — и медведь уносит ее в шалаш, где оставляет на пороге. — Татьяна опомнилась, глядит —

Медведя нет; она в сених,
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку —

* Название шумящей тучины не соответствует ручью.

** За три стиха пред сим сказано: «и боязливими шагами перебралась через ручей». — Боязливый шаг, кажется, не означает поспешный шаг. О человеке, идущем поспешно, нельзя сказать: он перебирается поспешными шагами. Одно другому противоречит.

*** Лакея сказано для шутки, но читатель, невольно принимая участие в Татьяне и разделяя его чувства, не приготовлен к шуткам.

**** Слово несносный кажется слабо при ужасном положении девушки, за которою гонится медведь.

И что же! видит... за столом
Сидят чудовища кругом...

Между них Онегин. Но, к сожалению, поэт отдалил эту разительную неожиданность для читателя. Пусть бы уже он ограничился картиною, сходною с народными преданиями и вымыслами суеверия... Положим, что Татьяна могла видеть, что из чудовищ

Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с собачьей головой⁴,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут шевелится хобот гордый,
Там карла с хвостиком и проч.

Но поэт, забыв возбуждаемое им участие к Татьяне, хочет забавлять читателей изображением таких чудовищ, какие и во сне не приснятся.

Там *суетливый* еж в *ливерее*,
Там *рак* верхом на *пауке*,
Там череп на *гусиной шее*
Вертится в *красном колпаке*,
Там мельница в мундире пляшет
И крыльями трещит и машет:
Визг, хохот, свист и хлоп',
Людская моль и конский топ.

Еж вовсе не суетлив, и может ли присниться еж *в ливерее*⁶? Во сне часто представляются странные мечты — и чего нет в природе, но такие мечты неясны и мгновенно исчезают из памяти, а здесь поэт обрисовывает отдельно мечты, каких и сон не представит. — Надобно признаться, что *рак на пауке, череп на гусиной шее, в красном колпаке*, — настоящий сумбур, но это даже не забавно. — Хотя бы этот *хаос слов* и представлял *хаос сновидений* — все неприятно видеть исковерканную природу⁷. Страх подумать, какие чудовища теперь расплодятся у подражателей Пушкина!

Онегин за столом сидит
И в дверь украдкою глядит.
Он знак подаст: и все хлопочут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеялся: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно...

Удивительная живость рассказа! — Красота сих стихов вознаграждает за причудливое описание чудовищ.

И Тане уж не так ужасно...

Прекрасная черта ослепления страсти!

* В этом стихе пропущена *стопа*. — *Моль* — новое слово, за которое, может быть, и благодарят поэта⁵.

И любопытная теперь
Немного растворила дверь...

Читатель ожидает чего-то необыкновенного — любопытство его увлекается поэтом; можно сказать, что он прислушивается с Татьяною...

Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных,
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола, гремя, встает —
Все встали: он к дверям идет.

Татьяна испугалась... силится бежать:

Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может...

Чрезвычайно верное выражение испуга во сне.

И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико...

Все чудовища указывают на нее, все кричат: *мое! мое!* — Картина была бы ужасна, если б не были вмешаны в нее

Хвосты, хохлатые клыки,
Усы, кровавы языки...

Читатель смеется — и действие рассказа слабеет.

Мое! — сказал Евгений грозно. —

И все скрылись. Онегин остался один с Татьяной в темноте...⁸

Вдруг входит Ольга с Ленским, Онегин бранит незваных гостей; спорят — Евгений заколол Ленского — Татьяна проснулась.

Главный недостаток сего романа есть недостаток связи и плана. При всей прелести разнообразия множество непрерывных отступлений от главного предмета наконец становится утомительным — так же, как сладкое наконец становится *приторным*. Пусть прочтут для проверки пять глав

* Тут есть стишки:

*Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И хлопит голову свою
К ней на плечо...*

Замечу, что «Московский вестник» *разрежился* сном Татьяны и объявляет, что в IV и V главе «Онегина» этот сон «*всего пленительнее*».

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей — спаси нас Боже!

Онегина *сряду*. Видно, что поэт нисколько не хотел затруднять свое воображение, не хотел обдумывать, а писал все, что приходило на мысль, и оттого отступления в сем романе напоминают разговор одного Валтер-Скоттова лорда (в «Маннеринге»)⁹, который, заговорив об чем-нибудь, тотчас сбивается на другой предмет. Лорд простоват, а в «Онегине» блещет остроумие, однако ж, читая остроумные стихи, стихи *Пушкина*, читатель тем не менее устает в *лабиринте* отступлений. Представим, что посетитель мастерской Рафаэля пришел полюбоваться на лучшую картину сего художника, но если б сам Рафаэль беспрестанно развлекал его внимание, отзывая от своей картины и показывая разные свои очерки, головки, карикатуры, дорогие мелочи и прекрасные безделки, то не правда ли, что посетитель мог бы подосадовать? — Пушкин может быть Рафаэлем в поэзии, но для чего он сам отвлекает читателей от картин, достойных его, к мелочам? — И везде ли в «Онегине» можно сравнить Пушкина с Пушкиным? — Узнаешь ли его в следующих стихах?

Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит, но девы томной
 Заметя трепетный порыв,
 С досады взоры *опустив*,
Надулся он и, *негодую*,
 Поклялся Ленского взбесить
 И *уж* порядком отомстить...

Не гонит уж коров из хлева...**

...строй рюмок узких, длинных,
 Подобных талии твоей,
 Зизи, кристалл души моей...

 Ты, от *кого* я пьян бывал***.

Ее смущение, усталость
 В его душе *родили* жалость.

* Пушкин сам сознается в сем недостатке своего романа. — «Пора мне (см. стран<ицу> 88), — говорит он,—

...эту пятую тетрадь
 От отступлений очищать».

Автор шутит над самим собою, следовательно, он не столько ошибается, сколько шалит. Применяя музыку к поэзии, можно сказать о нем: *это Роде, который пробует скрипку, а играть не хочет*¹⁰.

** Частица *уж* (вместо *уже*) часто необходима, но в IV и V главе «Онегина» *уж* чрезвычайно часто встречается! Можно оттуда выписать целую страницу стихов с *ужами*.

*** Надобно было сказать: от *которой*, а не от *кого*. Это напоминает стихи:

Как у Вандиковой *мадонне*...
 Семинариста в желтой *шале*...¹¹

и прочие шутки Пушкина над грамматикою. — Радуйтесь, imitatores! истребляйте грамматику!

Он (воск) чудно вылитым узором
Ей что-то чудное *гласит*...

Сосед *сопит* перед соседом.*

Елены *пакостной* твоей.

Девчонки прыгают *заране*.

Надулся, коровы, пьян, родили в душе, воск гласит, девчонки, пакостной — все это недостойно Пушкина¹².

Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и *пустой*.

Что такое пустая любовница? — *Пустое слово!* Но остряки «Московского вестника» скажут: пустая привязка!

...пышет *бурно*,
В ней *тайный жар*, ей душно, *дурно*.

Дурно! Особенно — *пышет бурно*¹³.

Автор много говорит об самом Онегине, но очерки мыслей и чувств Онегина сбивчивы. — Что сказать об нем? — Сам автор называет его — *чудака* (см. стран<ицу> 80); кажется, в *бесхарактерности* Онегина он хотел представить характер *светского человека*. — В Евгении Онегине собраны наблюдательным пером Пушкина черты странностей, привычек, вкуса и мнений светских людей; читая их, говоришь сам себе: я это видел, я это встречал в свете, но все сии черты могут ли слиться в один характер, в одном человеке? — Что касается до *Ленского*, то в его характере есть явные несообразности. — Добрый, скромный Ленский, который лишь только иногда осмеливается —

В смятенье нежного стыда
.....
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть
Иль край одежды целовать —

читает Ольге нравоучительные романы,

А между тем две-три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев, —

и этот скромница, добрый, нежный Ленский, друг Онегина, увидя, что Онегин, танцуя в *мазурке*, пожал руку Ольги и сказал ей *какой-то пошлый мадригал*, и услышав, что Ольга дала еще слово танцевать с Онегиным

* Картина с натуры — по все ли картины с *натуры* выставлять в поэзии?

котильон, этот добрый Ленский вызывает своего друга — как бы думали — стреляться!

Непонятно, как этот добрый Ленский уцелел до котильона? Если он из безделки мог в минуту покуситься на жизнь друга, то вероятно ли, чтоб до этой минуты, в течение многих лет, при таком смирном характере он мог уцелеть и сто раз не сделаться калекою? Не в шутку ли автор называет его *другом Онегина*?

Но Пушкин невыгодного мнения о светских друзьях:

Уж эти мне друзья! друзья!
 Об них недаром вспомнил я.
 А что? — Да так; я усыплюю
 Пустые, черные мечты,
 Я только *в скобках* замечаю,
 Что нет презренной клеветы,
 На чердаке вралем рожденной
 И светской чернью ободренной,
 Что нет нелепицы такой,
 Ни эпиграммы площадной,
 Которой бы ваш друг с улыбкой,
 В кругу порядочных людей,
 Без всякой злобы и затей,
 Не повторил сто крат ошибкой.
 А впрочем, он за вас горой:
 Он вас так любит... как родной.

В сих стихах мысль остроумна, но жаль, что автор недомолвил. Что такое, например: *нет клеветы, нет эпиграммы, которой бы не повторил ваш друг?* — Надо бы сказать: нет клеветы *на вас*, нет эпиграммы *на вас*, которой бы не повторил ваш друг.

Но как прекрасно Пушкин осмеивает самолюбие:

Кого ж любить? кому же верить?
 Кто не изменит нам один?
 Кто все дела, все речи мерит
 Услужливо на наш аршин?
 Кто клеветы про нас не сеет?
 Кто нас заботливо лелеет?
 Кому порок наш не беда:
 Кто не наскутит никогда?
 Призрака суетный искатель,
 Трудов напрасно не губя,
 Любите самого себя,
 Почтенный, милый мой читатель!
 Предмет достойный...

Этот *насмешливый совет* — лучше многих сатир.

Сколько стихов в Пушкине, которые останутся пословицами:

Врагов имеет в мире всяк,
 Но от друзей — спаси нас Боже!
 Уж эти мне друзья! друзья!

Какой-нибудь поэт армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.

А милый пол, как пух, легок.

Однако ж остроумие часто несправедливо и вопреки стихам:

Но наше северное лето —
Карикатура южных зим.

Лето на Севере едва ли не приятнее лета на Юге, где от палящего зноя вянет природа. — Северное лето кратковременно, но прекрасно своею свежестью, безбурными днями — и ясностью тихих ночей.

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Может быть, и справедливо, но иное дело — *желать нравиться*, иное дело — *губить, обольщая*. Зачем смешивать это в виде нравоучения?

Меж тем как мы, враги Гимена,
В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена.

Забавно, но зачем певец Онегина жертвует цветами поэзии для украшения легкомыслия? — Без Гимена нельзя обойтись и романтикам, или романтическая поэзия сама собою уничтожится¹⁴.

В IV и V главах «Онегина» строфы I, II, III, IV, V, VI и XLIII существуют только *мечтательно* в цифрах; здесь предоставляется воображению читателя выдумывать за автора, — что угодно. Трудно отгадать предмет сих строф¹⁵, но надобно сказать, что в IV и V главе «Онегина» есть не *идеальные* строфы, которые для читателя не яснее. Например, строфа XXXVII и XXXVIII.

Автор обращается к Омиру:

Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Пред И..... моей,
Пред нашим воспитаньем модным;
Но Таня (присягну) милей
Елены *пакостной* твоей.

*Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет еще не перестанет
Казнить фригийский бедный край,
Хоть вокруг почтенного Приама
Собрание стариков Пергама,*

*Ее завидя, вновь решит:
 Прав Менелай, и прав Парид.
 Что ж до сражений, то немного
 Я попрошу вас подождать:
 Извольте далее читать;
 Начала не судите строго...*

Не судя строго, спросим, что понимают читатели из стихов: «*Сто лет еще не перестанет казнить фригийский бедный край?*» Что такое «*прав Менелай, и прав Парид*»? — Признаюсь, что не понимаю сих стихов и напрасно стараюсь найти в них красоты *Пушкина*, красоты, которые я могу видеть и чувствовать¹⁶.

Обратимся к прекрасному. Вот картина зимы:

...Проснувшись рано,
 В окно увидела Татьяна
 Поутру побелевший двор,
 Куртины, кровли и забор,
 На стеклах легкие узоры,
 Деревья в зимнем серебре,
 Сорок веселых на дворе,
 И мягко устланные горы
 Зимы блистательным ковром,
 Все ярко, все бело кругом.
 Зима! —

Бразды пушистые взрывая,
 Летит кибитка удалая, *и проч.*

Вот картина гаданий в зимнюю ночь:

Морозна ночь; все небо ясно;
 Светил небесных дивный хор
 Течет так тихо, так согласно...
 Татьяна на широкий двор
 В открытом платье выходит,
 На месяц зеркало наводит,
 Но в темном зеркале одна
 Дрожит печальная луна...
 Чу... снег хрустит... прохожий; дева
 К нему на цыпочках летит,
 И голосок ее звучит
 Нежней свирельного напева:
Как ваше имя?

Рассмотрим красоты сих стихов:

Морозна ночь; все небо ясно...

Этот стих и просто и верно представляет природу.

Светил небесных дивный хор
 Течет так тихо, так согласно...

Здесь картина великолепно дополняется. *Дивный хор* — дает мысль о чудесном величии небесных светил, а следующий стих оживляет в душе то сладкое чувство, которое исполняет нас при виде звездного неба.

Татьяна на широкий двор
В открытом платье выходит.

Как здесь хорошо слово *широкий*, — давая более пространства для обозрения прекрасной природы. Как прелестно — *в открытом платье*. Милая простота сих слов открывает воображению более прелестей, указывая легкомысленную поспешность Татьяны в зимний холод и пылкость ее любопытства.

Надобно заметить, что Пушкин, постигая тайны поэзии, употребляет иногда слова, по-видимому, несоответственные, но развивающие мысль читателей и прелестно дополняющие картину в их воображении. — Мало того, что он выражает свою мечту, — он заставляет мечтать и тем более нравится. Он не всегда высказывает свою мысль, но одним счастливым намеком дает возможность представить картину его во всей полноте и прелести — и достигает своей цели.

На месяц зеркало наводит...

Этот простой, непринужденный стих живо рисует движение Татьяны.

Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна.

Здесь каждое слово показывает в поэте наблюдателя природы: *в темном зеркале* представляется противоположность с отсветом луны. — *Дрожит* здесь разливают на описание новую прелесть. Поэт уловил природу. В одно время представляешь себе луну, колеблющуюся в зеркале, и понимаешь, что Татьяна зябнет — и держит зеркало дрожащими руками.

Чу... снег хрустит... прохожий...

Чу... prepares the reader for a certain mystery... *Снег хрустит* — expresses nature by onomatopoeia:

...дева
К нему *на цыточках* летит,
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя?

Дева на цыточках — не очень нравится, но в двух последних стихах неподражаемая прелесть! В сих сладкозвучных словах мы чувствуем, как было сказано: «*Как ваше имя?*»

Смотрит он...

Сии слова прекрасно выражают удивление прохожего, не ожидавшего вопроса и пораженного приятнейшим голосом молодой девушки.

...Смотрит он...
И отвечает: Агафон.

Презабавно! Ни Татьяна, ни читатели не ожидали этого имени. Здесь поэт представил обыкновение русских девушек и один из тех случаев, которые часто бывают с любопытными гадальщицами.

Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель.
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло все. Татьяна спит.

Вот стихи, внушенные самими грациями. Какая легкость перехода из стиха в стих! *Поясок шелковый* очень мил, второй стих очень прост, а третий стих очарователен; особенно в слове: *вьется*. Зеркало — предмет гаданий милой девушки — лежит под подушкой ее. Ласкаемая мечтами любви, она уснула.

Утихло все. Татьяна спит.

Этот стих прелестно оттеняется красотой других стихов! —

И снится чудный сон Татьяне...

Я говорил уже об этом сне, а здесь прибавлю, не во гнев московскому охотнику до грез, что шесть стихов перед описанием сна Татьяны пленительнее 140 стихов сна ее.

Пробуждение Татьяны разительно противоположно страшного сна и приятного утра:

...страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В огне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь открылась. Ольга к ней
Авроры северной алей
И легче ласточки влетает;
«Ну, — говорит, — скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?»

Какая легкость, какая живость в описании! с какою прелестию представлена Ольга — двумя стихами, и как мил вопрос ее!

...скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?

Хотите ль полюбоваться картиною в другом роде? Послушайте, как съезжаются на праздник к деревенскому имениннику:

...целыми семьями
Соседы съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога,
В гостинной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

Сколько движения! Сколько забавных картин в немногих словах. В восьми стихах — галерея карикатур!

...и, крестясь,
Толпа гудит, за стол садясь.
На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздается звон.

Вот искусство описания. В стихах Пушкина картины общества чрезвычайно верны — то забавны, то привлекательны. Философия его непостоянна, но видно глубокое познание сердца:

Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Так! В юности мы не жалеем о минувшем, будущее является нам в светлых видах — и после невозвратимых потерь человек все любит гадать о будущем. — Как прекрасно поэт означил неверную расчетливость старости: гадает *сквозь очки*, и где ж?.. *у гробовой доски*. — Мысль, что надежды равно обольщают и старца и юношу, выражена прелестными стихами.

Вот замечание о *родных*:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они.

Остроумно, но несправедливо. — Есть многие люди, многие семейства, для которых имя родного любезно и священно, где родной почитается за друга, самим провидением к нам приближенного, где свидание с родными

утешительно, переписка с родными — одно из наслаждений души — и отсутствующие из них остаются в памяти сердца!

Зато поблагодарим поэта за нравственную истину, которую сказал его Онегин:

Что может быть на свете хуже
 Семьи, где бедная жена
 Грустит о недостойном муже —
 И днем и вечером одна;
 Где скучный муж, ей цену зная,
 Судьбу, однако ж, проклиная,
 Всегда нахмурен, молчалив,
 Сердит и холодно ревнив.

Надобно заметить, что IV и V глава «Онегина» обогащена картинами осени и зимы, которую поэт несколько раз принимался описывать — и каждый раз с новою прелестию в подробностях.

Мелькает, вьется первый снег
 Звездами падая на бег.

 Блится речка, льдом одета,
 Мальчишек радостный народ
 Коньками звучно режет лед.

Стих «*мальчишек радостный народ*» живо представляет воображению шумное, веселое, разнообразное сборище мальчиков, катающихся по реке. — В стихе «*коньками звучно режет лед*», кажется, слышишь бег, видишь след конька по льду.

С таким же искусством представлена Пушкиным *осень*:

Лесов таинственная сень
 С печальным шумом обнажалась,
 Ложился на поля туман,
 Гусей крикливых караван
 Тянулся к югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоял ноябрь уж у двора.
 Встает заря во мгле холодной;
 На нивах шум работ умолк;
 С своей волчиhoю голодной
 Выходит на дорогу волк;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпит — и путник осторожный
 Несется в гору...

Надеюсь, что читатели не упрекнут меня в доставлении им удовольствия выписками красот IV и V главы «Онегина». Я мог бы гораздо меньше выписать, если бы не считал нужным представить в подробности и то, что почитаю недостатком сих глав.

Выискивать одни небрежности в лучших писателях — неблагоприятно и прилично одним зоилам; но право превозносить писателей похвалами

приобретается беспристрастием. Определение достоинства книги должно быть основано на соображении ее красот и недостатков, свойственных каждому произведению человека.

Выставка красоты IV и V главы «Онегина», я еще прибавлю несколько слов о недостатках:

Объяснение Онегина Татьяне выказывает благородный характер, но что касается до стихов, то:

Сменит не раз младая дева, и проч.;

Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый —

не разговор светского человека и отзывается старою эпическою поэмою. Какой Онегин будет говорить об *едином миге*, о *младой деве*! Однако ж в оправдание Евгения можно сказать стихами Пушкина:

Быть может, *чувствий* пыл старинный
Им на минуту овладел¹⁷.

Зато автор Онегина иногда обращается к читателям в новом вкусе:

Мне грустно, *милые мои*,
Меня стесняет сожаленье,
Простите мне, я так люблю
Татьяну *милую мою*.

А что ж Онегин? Кстати, *братья!*

Счастливое время, когда можно называть читателей *братьями*, а читательниц, пожалуй, хоть *сестрами!*

В «Онегине» встречаются выражения неточные. Например:

И вспомнил он Татьяны милой
И *бледный цвет* и вид унылый...

Говорят: *бледный цвет лица*, но что такое: *бледный цвет Татьяны*? Пример Пушкина увлекателен; теперь того и жди, что какой-нибудь поэт «Московского вестника» начнет описывать *розовый цвет Дарьи, Лукерьи* и проч.

Встречаются остроты, для меня необъяснимые! Например, что такое:

...разрозненные томы
Из библиотеки *чертей*,
Великолепные альбомы,
Мученье *модных рифмачей*,
Вы, *украшенные* проворно
Г. кистью *чудотворной*
Иль Б. пером, и проч.

Слово *чудотворный* употребляется в значении необыкновенной красоты, но *проворно* — не похвала, и слову *украшенный* придано, как бы в шутку, старинное ударение¹⁸. — Можно подумать, что поэт хочет позабавиться над плохим стихотворцем и живописцем: легко представить себе, каковы *проворные стихи* и *проворная живопись* для библиотеки чертей! Однако ж во 2 № «Московского вестника» на сей год я, к изумлению, вместо буквы Т. увидел имя художника знаменитого, которого труды получили право на признательность отечества. Итак, неужели это была похвала?¹⁹. — Вот камень преткновения для переводчиков.

Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему — не знаю я.

Похоже ли это на стихи Пушкина? Однако ж, увы! это стихи из «Онегина».

Но я распространился о недостатках IV и V главы «Онегина» потому только, что почитаю гений певца Онегина, певца «Руслана и Людмилы»; почитаю более, нежели раболепные его перевозчики и творцы прежалостных стихов, напрашивающиеся на его дружбу. Скажу более: я горжусь Пушкиным, видя в даровании его новый, блистательный луч славы для отечества, если Пушкин предпочтет истинную, высокую цель поэзии похвалам ничтожным и рукоплесканиям легкомыслия. — До сих пор «Руслан и Людмила» едва ли не лучшая из поэм Пушкина. Прочие поэмы его походят на недоконченные картины, в которых искуснейший, но нетерпеливый художник, отделав многие предметы превосходно, другие, не хотев отделать, оставил в абрисе, а иные — замалевал своенравною кистью. — Правда, что живость, приятность, разнообразие картин, сладкозвучие стихов Пушкина, очаровывая читателей, отвлекает их внимание от недостатков выполнения поэм, но скажу откровенно: этого мало для *Пушкина*. Вот поэт, от которого можем ожидать своего Тасса, своего Шекспира, но Шекспира XIX века. В его воле оправдать сии ожидания.

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

НЕЧТО О ХАРАКТЕРЕ ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Отдавать себе отчет в том наслаждении, которое доставляют нам произведения изящные, есть необходимая потребность и вместе одно из высочайших удовольствий образованного ума: отчего же до сих пор так мало

* Промолчу о Б., который, если верить сим стихам, что-то чертит пером для библиотеки чертей заодно с *модными рифмачами*. Но лучше бы терпел один *Мартын Задека*! Автор называет его *гадателем* и *толкователем слов*. А Мартын Задека был швейцарский старик, который, умирая, оставил весьма известное политическое пророчество и никогда не сочинял *сонника*²⁰.

говорят о Пушкине? Отчего лучшие его произведения остаются неразобранными*, а вместо разборов и суждений слышим мы одни пустые восклицания: «Пушкин поэт! Пушкин истинный поэт! “Онегин” поэма превосходная! “Цыганы” мастерское произведение!» и т. д.? Отчего никто до сих пор не предпринял определить характер его поэзии вообще, оценить ее красоты и недостатки, показать место, которое поэт наш успел занять между первоклассными поэтами своего времени? Такое молчание тем непонятнее, что здесь публику всего менее можно упрекнуть в равнодушии. Но, скажут мне, может быть, кто имеет право говорить о Пушкине?

Там, где просвещенная публика нашла себе законных представителей в литературе, там немногие, законодательствуя общим мнением, имеют власть произносить окончательные приговоры необыкновенным явлениям словесного мира. Но у нас ничей голос не лишний. Мнение каждого, если оно составлено по совести и основано на чистом убеждении, имеет право на всеобщее внимание. Скажу более: в наше время каждый мыслящий человек не только может, но еще обязан выражать свой образ мыслей перед лицом публики, если, впрочем, не препятствуют тому посторонние обстоятельства; ибо только общим содействием может у нас составиться то, чего так давно желают все люди благомыслящие, чего до сих пор, однако же, мы еще не имеем и что, быв результатом, служит вместе и условием народной образованности, а следовательно, и народного благосостояния: я говорю об общем мнении. К тому же все сказанное перед публикой полезно уже потому, что сказано: справедливое — как справедливое; несправедливое — как вызов на возражение.

Но, говоря о Пушкине, трудно высказать свое мнение решительно; трудно привести к единству все разнообразие его произведений и приискать общее выражение для характера его поэзии, принимавшей столько различных видов. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворного языка, какие следы общего происхождения находим мы в «Руслане и Людмиле», в «Кавказском пленнике», в «Онегине», в «Цыганах» и т. д.? Не только каждая из сих поэм отличается особенностью хода и образа изложения (la manière); но еще некоторые из них различаются и самым характером поэзии, отражая различное воззрение поэта на вещи, так что в переводе их легко можно бы было почесть произведениями не одного, но многих авторов. Эта легкая шутка, дитя веселости и остроумия, которая в «Руслане и Людмиле» одевает все предметы в краски блестящие и светлые, уже не встречается больше в других произведениях нашего поэта: ее место в «Онегине» заступила уничтожающая насмешка, отголосок сердечного скептицизма, и добродушная веселость сменилась здесь на мрачную холодность, которая на все предметы смотрит сквозь темную завесу сомнений, свои наблюдения передает в карикатуре и созидает как бы для того только, чтобы через минуту насладиться разрушением созданного. В «Кавказском

* Все, что в «Сыне отечества», «Дамском журнале», «Вестнике Европы» и «Московском телеграфе» было сказано до сих пор о «Руслане и Людмиле», «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане» и «Онегине», ограничивалось простым извещением о выходе упомянутых поэм или имело главным предметом своим что-либо постороннее, как, например, романтическую поэзию¹ и т. п.; по собственно разбору поэм Пушкина мы еще не имеем.

пленнике», напротив того, не находим мы ни той доверчивости к судьбе, которая одушевляет «Руслана», ни того презрения к человеку, которое замечаем в «Онегине». Здесь видим душу, огорченную изменами и утратами, но еще не изменившую самой себе, еще не утратившую свежести прежних чувствований, еще верную заветному влечению, — душу, растерзанную судьбой, но не побежденную: исход борьбы еще зависит от будущего. В поэме «Цыганы» характер поэзии также совершенно особенный, отличный от других поэм Пушкина; то же можно сказать почти про каждое из важнейших его творений.

Но, рассматривая внимательно произведения Пушкина, от «Руслана и Людмилы» до пятой главы «Онегина», находим мы, что при всех изменениях своего направления поэзия его имела три периода развития, резко отличающихся один от другого. Постараемся определить особенность и содержание каждого из них и тогда уже выведем полное заключение о поэзии Пушкина вообще.

Если по характеру, тону и отделке, сродным духу искусственных произведений различных наций, стихотворство, как живопись, можно делить на школы, то первый период поэзии Пушкина, заключающий в себе «Руслана» и некоторые из мелких стихотворений, назвал бы я *периодом школы итальянско-французской*. Сладость Парни, непринужденное и легкое остроумие, нежность, чистота отделки, свойственные характеру французской поэзии вообще, соединились здесь с роскошью, с изобилием жизни и свободой Ариоста. Но остановимся несколько времени на том произведении нашего поэта, которым совершилось первое знакомство русской публики с ее любимцем.

Если в своих последующих творениях почти во все создания своей фантазии влетает Пушкин индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здесь является он чисто *творцом-поэтом*. Он не ищет передать нам свое особенное воззрение на мир, судьбу, жизнь и человека; но просто созидает нам новую судьбу, новую жизнь, свой новый мир, населяя его существами новыми, отличными, принадлежащими исключительно его творческому воображению. Оттого ни одна из его поэм не имеет той полноты и оконченности, какую замечаем в «Руслане». Оттого каждая песнь, каждая сцена, каждое отступление живет самобытно и полно; оттого каждая часть так необходимо влетается в состав целого создания, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушив совершенно его гармонии. Оттого Черномор, Наина, Голова, Финн, Рогдай, Фарлаф, Ратмир, Людмила — словом, каждое из лиц, действующих в поэме (выключая, может быть, одного: самого героя поэмы), получило характер особенный, резко образованный и вместе глубокий. Оттого, наблюдая ответственность частей к целому, автор тщательно избегает всего патетического, могущего сильно потрясти душу читателя, ибо сильное чувство несовместно с охотою к чудесному-комическому и уживается только с величественно-чудесным. Одно очаровательное может завлечь нас в царство волшебств; и если посреди пленительной невозможности что-нибудь тронет нас не на шутку, заставя обратиться к самим себе, то прости тогда вера в невероятное! Чудесное, призраки разлетятся в ничто, и целый мир невероятного рухнет, исчезнет, как прерывается пестрое сновидение, когда что-нибудь в его созданиях напомнит нам о действительности. Рассказ Финна, имея другой

конец, уничтожил бы действие целой поэмы: как в Виландовом «Обероне» один — впрочем, один из лучших отрывков его — описание несчастий главного героя, слишком сильно потрясая душу, разрушает очарование целого и, таким образом, отнимает у него главное его достоинство². Но неожиданность развязки, безобразие старой колдуньи и смешное положение Финна разом превращают в карикатуру всю прежнюю картину несчастной любви и так мастерски связывают эпизод с тоном целой поэмы, что он уже делается одною из ее необходимых составных частей. Вообще можно сказать про «Руслана и Людмилу», что если строгая критика и найдет в ней иное слабым, невыдержанным, то, конечно, не сыщет ничего лишнего, неуместного. Рыцарство, любовь, чародейство, пиры, война, русалки, все стихии волшебного мира совокупились здесь в одно создание, и, несмотря на пестроту частей, в нем все стройно, согласно, *цело*. Самые приступы к песням, занятые у певца Иоанны³, сохраняя везде один тон, набрасывают и на все творение один общий оттенок веселости и остроумия.

Заметим, между прочим, что та из поэм Пушкина, в которой всего менее встречаем мы сильные потрясения и глубину чувствований, есть, однако же, самое совершенное из всех его произведений по соразмерности частей, по гармонии и полноте изобретения, по богатству содержания, по стройности переходов, по непрерывности господствующего тона и, наконец, по верности, разнообразию и оригинальности характеров. Напротив того, «Кавказский пленник», менее всех остальных поэм удовлетворяющий справедливым требованиям искусства, несмотря на то, богаче всех силою и глубиною чувствований.

«Кавказским пленником» начинается *второй период пушкинской поэзии*, который можно назвать *отголоском лиры Байрона*.

Если в «Руслане и Людмиле» Пушкин был исключительно *поэтом*, передавая верно и чисто внушения своей фантазии, то теперь является он *поэтом-философом*, который в самой поэзии хочет выразить сомнения своего разума, который всем предметам дает общие краски своего особенного воззрения и часто отвлекается от предметов, чтобы жить в области мышления. Уже не волшебников с их чудесами, не героев непобедимых, не очарованные сады представляет он в «Кавказском пленнике», «Онегине» и проч. — жизнь действительная и человек нашего времени с их пустотою, ничтожностью и прозою делаются предметом его песен. Но он не ищет, подобно Гёте, возвысить предмет свой, открывая поэзию в жизни обыкновенной, а в человеке нашего времени — полный отзыв всего человечества; а, подобно Байрону, он в целом мире видит одно противоречие, одну обманутую надежду, и почти каждому из его героев можно придать название *разочарованного*.

Не только своим воззрением на жизнь и человека совпадает Пушкин с певцом Гяура⁴; он сходствует с ним и в остальных частях своей поэзии: тот же способ изложения, тот же тон, та же форма поэм, такая же неопределенность в целом и подробная отчетливость в частях, такое же расположение, и даже характеры лиц по большей части столь сходные, что с первого взгляда их почтешь за чужеземцев-эмигрантов, переселившихся из Байронова мира в творения Пушкина.

Однако же, несмотря на такое сходство с британским поэтом, мы находим в «Онегине», в «Цыганах», в «Кавказском пленнике» и проч.

столько красот самобытных, принадлежащих исключительно нашему поэту, такую неподдельную свежесть чувств, такую верность описаний, такую тонкость в замечаниях и естественность в ходе, такую оригинальность в языке и, наконец, столько национального, чисто русского, что даже в этом периоде его поэзии нельзя назвать его простым подражателем. Нельзя, однако же, допустить и того, что Пушкин случайно совпадает с Байроном; что, воспитанные одним веком и, может быть, одинаковыми обстоятельствами, они должны были сойтись и в образе мыслей и в духе поэзии, а следовательно, и в самых формах ее, ибо у истинных поэтов формы произведений не бывают случайными, но так же слиты с духом целого, как тело с душою в произведениях Творца. Нельзя, говорю я, допустить сего мнения потому, что Пушкин там даже, где он всего более приближается к Байрону, все еще сохраняет столько своего особенного, обнаруживающего природное его направление, что для вникавших в дух обоих поэтов очевидно, что Пушкин не случайно встретился с Байроном, но заимствовал у него или, лучше сказать, невольно подчинился его влиянию. Лира Байрона должна была отозваться в своем веке, быв сама голосом своего века. Одно из двух противоположных направлений нашего времени достигло в ней своего выражения. Мудрено ли, что и для Пушкина она звучала недаром? Хотя, может быть, он уже слишком много уступал ее влиянию и, сохранив более оригинальности, по крайней мере в наружной форме своих поэм, придал бы им еще большее достоинство.

Такое влияние обнаружилось прежде всего в «Кавказском пленнике». Здесь особенно видны те черты сходства с Байроном, которые мы выше заметили; но расположение поэмы доказывает, что она была первым опытом Пушкина в произведениях такого рода, ибо все описания черкесов, их образа жизни, обычаев, игр и т. д., которыми наполнена первая песнь, бесполезно останавливают действие, разрывают нить интереса и не вяжутся с тоном целой поэмы. Поэма вообще, кажется, имеет не одно, но два содержания, которые не слиты вместе, но являются каждое отдельно, развлекая внимание и чувства на две различные стороны. Зато какими достоинствами выкупается этот важный недостаток! какая поэзия разлита на все сцены! какая свежесть, какая сила чувств! Какая верность в живых описаниях! Ни одно из произведений Пушкина не представляет столько недостатков и столько красот.

Такое же или, может быть, еще большее сходство с Байроном является в «Бахчисарайском фонтане»; но здесь искуснейшее исполнение доказывает уже большую зрелость поэта. Жизнь гаремская так же относится к содержанию «Бахчисарайского фонтана», как черкесский быт к содержанию «Кавказского пленника»: оба составляют основу картины, и несмотря на то, как различно их значение! Все, что происходит между Гиреем, Мариєю и Зареюю, так тесно соединено с окружающими предметами, что всю повесть можно назвать одною сценою из жизни гарема. Все отступления и перерывы связаны между собой одним общим чувством; все стремится к произведению одного, главного впечатления. Вообще, видимый беспорядок изложения есть неотменная принадлежность байроновского рода; но этот беспорядок есть только мнимый, и нестройное представление предметов отражается в душе стройным переходом ощущений. Чтобы понять такого рода гармонию, надобно прислушиваться к внутренней музыке

чувствований, рождающейся из впечатлений от описываемых предметов, между тем как самые предметы служат здесь только орудием, клавишами, ударяющими в струны сердца.

Эта душевная мелодия составляет главное достоинство «Бахчисарайского фонтана». Как естественно, гармонически восточная нега, восточное сладострастие слились здесь с самыми сильными порывами южных страстей! В противоположности роскошного описания гарема с мрачностью главного происшествия виден творец «Руслана», из бессмертного мира очарований спустившийся на землю, где среди разногласия страстей и несчастьев он еще не позабыл чувства упоительного сладострастия. Его поэзию в «Бахчисарайском фонтане» можно сравнить с восточною Пери, которая, утратив рай, еще сохранила красоту неземную; она быстро и неслышно, как дух, как Зарема, пролетает мимо нас, одетая густым облаком⁵, и мы пленяемся тем, что видели, а еще более тем, чем настроенное воображение невольно дополняет незримое. Тон всей поэмы более всех других приближается к байроновскому.

Зато далее всех отстоит от Байрона поэма «Разбойники»⁶, несмотря на то, что содержание, сцены, описания, все в ней можно назвать сколком с «Шильонского узника». Она больше карикатура Байрона, нежели подражание ему. Бонивар страдает для того, чтобы

Спасти души своей любовь⁷;

и как ни жестоки его мучения, но в них есть какая-то поэзия, которая принуждает нас к участию, между тем как подробное описание страданий пойманных разбойников поселяет в душе одно отвращение, чувство, подобное тому, какое произвел бы вид мучения преступника, осужденного к заслуженной казни. Можно решительно сказать, что в этой поэме нет ничего поэтического, выключая вступления и красоту стихов, везде и всегда свойственную Пушкину.

Сия красота стихов всего более видна в «Цыганах», где мастерство стихосложения достигло высшей степени совершенства и где искусство приняло вид свободной небрежности. Здесь каждый звук, кажется, непременно вылился из души и, несмотря на то, каждый стих получил последнюю отработку, за исключением, может быть, двух или трех из целой поэмы: все чисто, округлено и вольно.

Но соответствует ли содержание поэмы достоинству ее отделки? Мы видим народ кочующий, полудикий, который не знает законов, презирает роскошь и просвещение и любит свободу более всего; но народ сей знаком с чувствами, свойственными самому утонченному общежитию: воспоминание прежней любви и тоска по изменившей Мариуле наполняют всю жизнь старого цыгана. Но, зная любовь исключительную, вечную, цыгане не знают ревности; им непонятны чувства Алеко. Подумаешь, автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного; где все свободно, но ничто не нарушает общей гармонии и внутреннее совершенство есть следствие не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природного. Такая мысль могла бы иметь высокое поэтическое достоинство. Но здесь, к несчастью, прекрасный пол разрушает все очарование, и, между

тем как бедные цыганы любят *горестно и трудно*, их жены, *как вольная луна, на всю природу мимоходом изливают равное сияние*⁸. Совместно ли такое несовершенство женщин с таким совершенством народа? Либо цыганы не знают вечной, исключительной привязанности, либо они ревнуют непостоянных жен своих, и тогда месть и другие страсти также должны быть им не чужды; тогда Алеко не может уже казаться им странным и непонятным; тогда весь быт европейцев отличается от них только выгодами образованности; тогда, вместо золотого века, они представляют просто полудикий народ, не связанный законами, бедный, несчастный, как действительные цыганы Бессарабии; тогда вся поэма противоречит самой себе.

Но, может быть, мы не должны судить о цыганах вообще по одному отцу Земфиры; может быть, его характер не есть характер народа. Но если он существо необыкновенное, которое всегда и при всяких обстоятельствах образовалось бы одинаково и, следовательно, всегда составляет исключение из своего народа, то цель поэта все еще остается неразгаданною. Ибо, описывая цыган, выбрать из среды их именно того, который противоречит их общему характеру, и его одного представить пред читателем, оставляя других в неясном отдалении, — то же, что, описывая характер человека, приводить в пример именно те из его действий, которые находятся в разногласии с описанием.

Впрочем, характер Алеко, эпизоды и все части, отдельно взятые, так богаты поэтическими красотоми, что если бы можно было, прочтя поэму, позабыть ее содержание и сохранить в душе память одного наслаждения, доставленного ею, то ее можно бы было назвать одним из лучших произведений Пушкина. Но в том-то и заключается отличие чувства изящного от простого удовольствия, что оно действует на нас еще больше в последующие минуты воспоминания и отчета, нежели в самую минуту первого наслаждения. Создания истинно поэтические *живут* в нашем воображении; мы забываемся в них, развиваем неразвитое, рассказываем недосказанное и, переселяясь таким образом в новый мир, созданный поэтом, живем просторнее, полнее и счастливее, нежели в старом действительном. Так и цыганский быт завлекает сначала нашу мечту; но при первом покушении присвоить его нашему воображению разлетается в ничто, как туманы Ледовитого моря, которые, принимая вид твердой земли, заманивают к себе любопытного путешественника и при его же глазах, разогретые лучами солнца, улетают на небеса.

Но есть качество в «Цыганах», которое вознаграждает нас некоторым образом за нестройность содержания. Качество сие есть большая самобытность поэта. Справедливо сказал автор обозрения словесности за 1827-й год*, что в сей поэме заметна какая-то борьба между идеальностью Байрона и живописною народностью поэта русского⁹. В самом деле: возьмите описания цыганской жизни отдельно; смотрите на отца Земфиры не как на цыгана, но просто как на старика, не заботясь о том, к какому народу он принадлежит; вникните в эпизод об Овидии — и полнота созданий, развитая до подробностей, одушевленная поэзией оригинальною, докажет вам, что

* См. I № «Моск<овского> вест<ника>» 1828-го года.

Пушкин уже почувствовал силу дарования самостоятельного, свободного от посторонних влияний.

Все недостатки в «Цыганах» зависят от противоречия двух разногласных стремлений: одного самобытного, другого байронического; посему самое несовершенство поэмы есть для нас залог усовершенствования поэта.

Еще более стремление к самобытному роду поэзии обнаруживается в «Онегине», хотя не в первых главах его, где влияние Байрона очевидно; не в образе изложения, который принадлежит «Дон-Жуану» и «Беппо», и не в характере самого Онегина, однородном с характером Чильд-Гарольда. Но чем более поэт отдаляется от главного героя и забывается в посторонних описаниях, тем он самобытнее и национальнее.

Время Чильд-Гарольдов, слава Богу! еще не настало для нашего отечества: молодая Россия не участвовала в жизни западных государств, и народ, как человек, не стареется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для русской деятельности; все роды искусств, все отрасли познаний еще остаются неусвоенными нашему отечеству; нам дано еще надеяться — что же делать у нас разочарованному Чильд-Гарольду?

Посмотрим, какие качества сохранил и утратил цвет Британии, быв пересажен на русскую почву.

Любимая мечта британского поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бедность, но избыток внутренних сил делает его холодным к окружающему миру. Бессмертная мысль живет в его сердце и день и ночь, поглощает в себя все бытие его и отравляет все наслаждения. Но в каком бы виде она ни являлась: как гордое презрение к человечеству, или как мучительное раскаяние, или как мрачная безнадежность, или как неутолимая жажда забвения, — эта мысль, всеобъемлющая, вечная, — что она, если не невольное, постоянное стремление к лучшему, тоска по недостижимому совершенству? Нет ничего общего между Чильд-Гарольдом и толпою людей обыкновенных: его страдания, его мечты, его наслаждения непонятны для других; только высокие горы да голые утесы говорят ему ответные тайны, ему одному слышные. Но потому именно, что он отличен от обыкновенных людей, может он отражать в себе дух своего времени и служить границею с будущим; ибо *только разногласие связует два различные созвучия.*

Напротив того, Онегин есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Он также равнодушен ко всему окружающему; но не ожесточение, а неспособность любить сделали его холодным. Его молодость также прошла в вихре забав и рассеяния; но он не завлечен был кипением страстной, ненасытной души, но на паркете провел пустую, холодную жизнь модного франта. Он также бросил свет и людей; но не для того, чтобы в уединении найти простор взволнованным думам, но для того, что ему было равно скучно везде,

...что он равно зевал
среди модных и старинных зал¹⁰.

Он не живет внутри себя жизнью особенною, отменною от жизни других людей, и презирает человечество потому только, что не умеет уважать его.

Нет ничего обыкновеннее такого рода людей, и всего меньше поэзии в таком характере.

Вот Чильд-Гарольд в нашем отечестве, и честь поэту, что он представил нам не настоящего; ибо, как мы уже сказали, это время еще не пришло для России, и дай Бог, чтобы никогда не приходило.

Сам Пушкин, кажется, чувствовал пустоту своего героя и потому нигде не старался коротко познакомить с ним своих читателей. Он не дал ему определенной физиономии, и не одного человека, но целый класс людей представил он в его портрете: тысяче различных характеров может принадлежать описание Онегина.

Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа; но форма повествования, вероятно, также к тому содействовала. Те, которые оправдывают ее, ссылаясь на Байрона, забывают, в каком отношении находится форма «Беппо» и «Д<он>-Жуана» к их содержанию и характерам главных героев¹¹.

Что касается до поэмы «Онегин» вообще, то мы не имеем права судить по началу о сюжете дела, хотя с трудом можем представить себе возможность чего-либо стройного, полного и богатого в замысле при таком начале. Впрочем, кто может разгадать границы возможного для поэтов, каков Пушкин, — им суждено всегда удивлять своих критиков.

Недостатки «Онегина» суть, кажется, последняя дань Пушкина британскому поэту. Но все неисчислимые красоты поэмы: Ленский, Татьяна, Ольга, Петербург, деревни, сон, зима, письмо и пр., и пр. — суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здесь-то и обнаружил он ясно природное направление своего гения; и эти следы самобытного созидания в «Цыганах» и «Онегине», соединенные с известною сценою из «Бориса Годунова»^{* 12}, составляют, не истощая, третий период развития его поэзии, который можно назвать *периодом поэзии русско-пушкинской*. Отличительные черты его суть: живописность, какая-то беспечность, какая-то особенная задумчивость и, наконец, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо как назвать то чувство, которым дышат мелодии русских песен, к которому чаще всего возвращается русский народ и которое можно назвать центром его сердечной жизни?

В этом периоде развития поэзии Пушкина особенно заметна способность забываться в окружающих предметах и текущей минуте. Та же способность есть основание русского характера: она служит началом всех добродетелей и недостатков русского народа; из нее происходит смелость, беспечность, неукротимость минутных желаний, великодушие, неумеренность, запальчивость, понятливость, добродушие и проч. и проч.

Не нужно, кажется, высчитывать всех красот «Онегина», анатомизировать характеры, положения и вводные описания, чтобы доказать превосходство последних произведений Пушкина над прежними. Есть вещи, которые можно чувствовать, но нельзя доказать, иначе как написавши несколько томов комментариев на каждую страницу. Характер Татьяны есть одно из

* Мы не говорим об мелких сочинениях Пушкина, которые обнаруживают также три периода развития его поэзии.

лучших созданий нашего поэта; мы не будем говорить об нем, ибо он сам себе себя высказывает вполне.

Для чего хвалить прекрасное не так же легко, как находить недостатки? С каким бы восторгом высказали мы всю несравненность тех наслаждений, которыми мы одолжены поэту и которые, как самоценные камни в простом ожерелье, блестят в однообразной нити жизни русского народа!

В упомянутой сцене из «Бориса Годунова» особенно обнаруживается зрелость Пушкина. Искусство, с которым представлен, в столь тесной раме, характер века, монашеская жизнь, характер Пимена, положение дел и начало завязки; чувство особенное, трагически спокойное, которое внушают нам жизнь и присутствие летописца; новый и разительный способ, посредством которого поэт знакомит нас с Гришкою; наконец, язык неподражаемый, поэтический, верный — все это вместе заставляет нас ожидать от трагедии, скажем смело, чего-то *великого*.

Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен* чтобы быть лириком; в каждой из его поэм заметно невольное стремление дать особенную жизнь отдельным частям, стремление, часто клонящееся ко вреду целого в творениях эпических, но необходимое, драгоценное для драматика.

Утешительно в постепенном развитии поэта замечать беспрестанное усовершенствование; но еще утешительнее видеть сильное влияние, которое поэт имеет на своих соотечественников. Немногим, избранным судьбою, досталось в удел еще при жизни наслаждаться их любовью. Пушкин принадлежит к их числу, и это открывает нам еще одно важное качество в характере его поэзии: *соответственность с своим временем*.

Мало быть поэтом, чтобы быть народным; надобно еще быть воспитанным, так сказать, в средоточии жизни своего народа, разделять надежды своего отечества, его стремление, его утраты, — словом, жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя. Пусть случай такое счастье; но не так же ли мало зависят от нас красота, ум, прозорливость, все те качества, которыми человек пленяет человека? И ужели качества сии существеннее достоинства отражать в себе жизнь своего народа?

Ф. В. БУЛГАРИН

В одном французском журнале напечатан следующий анекдот. Несколько молодых людей в Эдинбурге, досадуя, что никто не хочет печатать их стихов и критик, решились издавать соединенными силами журнал и назвали его «Эдинбургским вестником» («Edinb. Messenger»). Просьбами и лестными обещаниями молодые люди склонили лорда Байрона нигде не помещать своих стихов, кроме «Эдинбургского вестника», думая, что сим перемянут к себе всех читателей. Но у семи нянек дитя всегда без глаза.

* Мы принуждены употреблять это выражение, покуда не имеем однозначительного на нашем языке¹³.

Главный редактор не имел никакой власти, а мальчишки, усиливаясь преобразовать мир теориями, усыпляли читателей. Для нескольких стихков Байрона, которые и без того скоро расходились по рукам и перепечатывались, никто не хотел подписываться на пустой и детский журнал, и он стал гаснуть и упадать. Тогда один из сотрудников, несчастный поэт, собирает своих товарищей и произносит речь следующего содержания. «Господа! Журнал наш упадает, тогда как «Эдинбургский маяк» (“Edinb. Watchlight”), издаваемый одним только литератором, имеет несколько тысяч подписчиков. Я открыл тайну его известности. При мне пришел в книжную лавку один помещик подписаться на несколько журналов и, не зная всех заглавий, сказал книгопродавцу: “Дайте мне те журналы, которые жестоко бранятся”. Вообще люди любят, когда другие смело нападают на огромные репутации; это облегчает их ничтожность, а публика требует сильных ощущений (*des sensations fortes*). Начнем браниться со всеми журналами, разругаем в пух всех лучших писателей, поэтов и прозаиков, исключая лорда Байрона и самих себя. Сделаем обзорение всех журналов и скажем, что все они никуда не годятся. Это возбудит любопытство публики и даст почувствовать, что наш журнал лучше всех. Другие журналы станут отвечать нам, и читатели поневоле должны будут подписываться на наш “Вестник”, чтоб знать, об чем идет дело. Все писатели, раскритикованные в других журналах, пристанут к нам, и мы составим партию, а в книжных лавках станут спрашивать: “Где тот журнал, который всех ругает?”¹ — Предложение принято, и тихий «Эдинбургский вестник» завел жестокую брань с журналами и писателями целой Англии. Но как, по несчастию, между издателями не было ни одного человека с талантом, то ни один журнал, ни один писатель не отвечал на глупые критики; стихи Байрона также не спасли журнала: он, наделав много шуму в своем кругу, — упал, и один из бывших его сотрудников в предосторожность публике напечатал этот анекдот в «Эдинбургском маяке» с эпиграфом: *avis au lecteur**.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВА VI

СПб., в типогра<фии> Департ<амента> народн<ого> просвещения, 1828.
48 стр. в 12-ю д. л.

Глава сия заключает в себе дуэль Онегина с Ленским. На другой день после бала у Лариных, рано поутру, приезжает к Онегину новое лицо: это

* предупреждение читателю (*франц.*). — *Ред.*

** Продается во всех книжных лавках по 5 р.; за пересылку прилагается по 80 коп. за экз<емпляр>.

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный;
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Портрет Зарецкого очень полон. Поэт изобразил его молодые шалости, потом произвольное отшельничество, в котором он

Живет как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

Онегин был знаком с Зарецким, любил иногда слушать его суждения и *здравый толк о том, о сем*, хотя и не уважал в нем сердца. Посему Евгений не удивился раннему его посещению; но Зарецкий подал Онегину записку, которую сей прочел про себя:

То был приятный, благородный
Короткий вызов, иль *картель*:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.

Онегин отвечал, что он всегда готов. Скажем коротко: дуэль был, и Ленский убит.

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навывлет ранен;
Дымясь, из раны кровь текла.

Быстрота и живость рассказа в сей главе необыкновенны. Характер Зарецкого в противоположности с характерами двух друзей-антагонистов, пылкость Ленского и холодность Онегина, подробности дуэля — все сие чрезвычайно заманивает читателя, тем более что самый предмет сей главы уже возбуждает участие. Многие места трогают душу. Отступлений в этой главе почти нет, кроме некоторых выходов против дуэлей и заключительных стансов, в которых поэт обращается к собственному своему положению среди светской суеты и рассеянности. Сею шестою главою оканчивается I-я часть «Онегина». В конце помещены косыми буквами поправки некоторых опечаток и, кажется, некоторые варианты сочинителя. Жаль, что между опечатками не поправлена следующая:

В V-й гл., станс XXIII, ст. 2:

Завѣс кочующий купец
вм. Завез и пр.

О. М. СОМОВ

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА».
ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ

СПб., в типограф<фии> Департ<амента> народн<ого> просвещ<ения>, 1828. XV
и 159 стр. в 8 д. л.

Первое издание «Руслана и Людмилы» напечатано было в 1820 г. и, несмотря на привязки, кривые толки и прочие сего рода благонамеренные выходки гг. критиков, раскуплено было очень скоро. Через два года с трудом и за большую цену можно было достать экземпляры сей поэмы. Нынешнее издание оной замечательно по многим поправкам, которые сделал сам сочинитель: пространство газетной статьи не позволяет вычислять их. Скажем только, что поэт сгладил то, что казалось ему негладким, заменил другими те выражения и часто целые стихи, которые ему не нравились, прибавил несколько новых, прекрасных стихов; наконец, выпустил некоторые места, казавшиеся ему слишком вольными. Таким образом, песни его сделались не столь грешными**¹. Но самые важные и занимательные дополнения к сему новому изданию составляют предисловие, в котором Пушкин сделал свод почти всех критик на его поэму, появившихся вслед за первым изданием, и упомянул о прочих критиках, кои, будучи тяжелы на подъем и в чтении, не могли вместиться в его предисловии². Потом, за посвящением, следует вступление, или пролог, в котором поэт, как бы в волшебном фонаре, быстро переменяя картины, показывает целый ряд русской сказочной старины:

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем, и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Это тот *кот-самобай*, знаменитый в русских сказках. Далее следует вычисление чудес, известных нам из сказочных преданий.

.....

Там царь Кашей над золотом чахнет,
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

* Продается в книжном магазине издателя, А. Ф. Смирдина. Цена с портр<етом> А. С. Пушкина 12 р., без портр<ета> 10 р.

** Перифраза стиха, коим Пушкин заключил посвящение своей поэмы красавицам:
«На песни грешные мои».

Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Сим прологом, или, говоря языком наших сказочников, *присказкою*, поэма приняла форму более оригинальную, более русскую. Мы даже думаем, что это должно помирить с поэтом самых неукротимых приверженцев классицизма: они, может быть, согласятся, что после такого вступления поэту нельзя было начать первую песнь затверженным *пою* и обращением к видимым и невидимым; им, т. е. реченым приверженцам, остается одно: оспорить у произведения Пушкина название поэмы, назвать его просто русскою сказкою или произнести о нем какое-либо иное решение в этом роде. Не думаем, чтоб сие обидело нашего поэта: ему, может быть, часто удается слышать, что поэмы Байрона не поэмы, что трагедии Шекспира не трагедии и большая часть стихов Шиллера и Гете не стихи, потому что без рифм. И может ли для него быть обидно, когда его станут мерять тою же меркою?

Наконец, в заключении поэмы, находим эпилог, напечатанный прежде сочинителем отдельно, в «Сыне отечества»³. — Некоторые экземпляры сего издания украшены портретом Пушкина, тем самым, который был приложен к «Северным цветам».

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА».

ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ

СПб., 1828 г., в т<ипографии> Деп<артамента> нар<одного> просв<ещения>,
in 8, XV и 159 стр. с портретом Пушкина.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»,

РОМАН В СТИХАХ.

СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ГЛАВА VI

СПб., 1828 г., в т<ипографии> Деп<артамента> нар<одного> просв<ещения>,
in 12, 48 стр.

«Руслан и Людмила», первая поэма, которою ознаменованы были успехи Пушкина, явилась в 1820 году. Тогда же она была вся раскуплена, и давно

* Продаются в конторе «Телеграфа». «Руслан и Людмила» с портретом по 12 руб., без портрета по 10 руб. асс<игнациями>; за пересылку 1 рубль; «Онегин», глава VI, по 5 руб. асс<игнациями>; за пересылку 80 коп.

не было экземпляров ее в продаже. Охотники платили по 25 руб. и принуждены были списывать ее. Теперь книгопродавец А. Ф. Смирдин приобрел от автора право на новое издание «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» (которого 1-е издание также очень редко). Последняя из сих поэм явится в непродолжительном времени; первая уже выдана.

К ней приложен портрет Пушкина, писанный Кипренским и гравированный Уткиным (тот самый, который был при «Северных цветах» сего года). Вместо «Предисловия» находим выписки из критических замечаний, какие при появлении «Руслана и Людмилы» в 1820 году были помещаемы в разных журналах и которые ныне можно прочитать для забавы¹. В самой поэме есть перемены и прибавки. Драгоценное дополнение составляет новое начало 1-й песни: здесь целый мир русских сказок, в эскизе представленный рукою великого мастера русских былей и небылиц. Выписываем это начало вполне:

У Лукоморья дуб зеленый;
 Златая цепь на дубе том:
 И днем и ночью кот ученый
 Все ходит по цепи кругом;
 Идет направо — песнь заводит,
 Налево — сказку говорит.
 Там чудеса: там леший бродит,
 Русалка на ветвях сидит;
 Там на неведомых дорожках
 Следы невиданных зверей;
 Избушка там на курьих ножках
 Стоит без окон, без дверей;
 Там лес и дол видений полны;
 Там о заре прихлынут волны
 На брег песчаный и пустой,
 И тридцать витязей прекрасных
 Чредой из вод выходят ясных,
 И с ними дядька их морской;
 Там королевич мимоходом
 Пленяет грозного царя;
 Там в облаках перед народом
 Через леса, через моря
 Колдун несет богатыря;
 В темнице там царевна тужит,
 А бурый волк ей верно служит;
 Там ступа с Бабою Ягой
 Идет, бредет сама собой;
 Там царь Кашей над златом чахнет;
 Там русский дух, там Русью пахнет!
 И там я был, и мед я пил;
 У моря видел дуб зеленый,
 Под ним сидел, и кот ученый
 Свои мне сказки говорил.
 Одну я помню: сказку эту
 Поведаю теперь я свету.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Эпилог к «Руслану и Людмиле», напечатанный в нынешнем издании, уже давно известен был публике.

Шестую песнью «Онегина» оканчивается первая часть сего поэтического романа: Пушкин обещает со временем продолжать его; но не теперь, говорит он —

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него:
Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

Поэт прощается с юностью и с мечтами; но мы не боимся этого прощанья: оно похоже на ссору любовника. И в эпилоге к «Руслану и Людмиле», лет семь назад, Пушкин говорил об себе:

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой,
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений;
Восторгов краткий день протек
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений.

Впрочем, пусть и за прозу возьмется Пушкин. «He has such extent and versatility of powers in writing, — говорил Байрон о В. Скотте, — that, should his Novels ever tire the public, which is not likely, he will apply himself to something else, and succeed as well»². Мы осмеливаемся применить сии слова к Пушкину, думая, что гений его не сделает нас ложными предсказателями. Но и за поэзию русскую бояться еще нечего: трагедия Пушкина уже готова, и при нынешнем прощанье своем он не расстанется с поэзией —

...ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,

* «Скотт пишет с необычайною легкостью, и если б публике наскудили его романы, он прииялся бы за другой род и, верно бы, успел» (англ.). — Ред.

В мой угол чаще прилетай,
 Не дай остыть душе поэта,
 Ожесточиться, очерстветь,
 И наконец окаменеть
 В мертвящем упоенье света,
 Среди бездушных гордецов;
 Среди блистательных глупцов;

Среди лукавых, малодушных,
 Шальных, балованных детей,
 Злодеев и смешных и скучных,
 Тупых, привязчивых судей;
 Среди кокеток богомольных;
 Среди холопьев добровольных;
 Среди вседневных модных сцен,
 Учтивых, ласковых измен;
 Среди холодных приговоров
 Жестокосердой суеты;
 Среди досадной пустоты
 Расчетов, дум и разговоров...³

Шестая глава заключает в себе развязку *первой* части «Онегина». Оскорбление Ленского рождает ссору; два друга выходят на дуэль: описание дуэли образцовое; Ленский убит —

Недвижим он лежал, и странен
 Был томный мир его чела.
 Под грудь он был навyleт ранен;
 Дымясь из раны кровь текла.
 Тому назад одно мгновенье
 В сем сердце билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипела кровь:
 Теперь, как в доме опустелом,
 Все в нем и тихо и темно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окны мелом
 Забелены. Хозяйки нет —
 А где, Бог весть. Пропал и след...

Быть может, он для блага мира
 Иль хоть для славы был рожден;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучий, непрерывный звон
 В веках поднять могла. Поэта,
 Быть может, на ступенях света
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тень,
 Быть может, унесла с собою
 Святую тайну, и для нас
 Погиб животворящий глас,
 И за могильною чертою
 К ней не домчится гимн времен,
 Благословение племен...

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА.

ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ

СПб., в тип<ографии> Департ<амента> народн<ого> просвещения. 1828.

В 8 д. л., XV и 159 стран<иц>.

Здешний книгопродавец А. Ф. Смирдин приобрел от сочинителя право на напечатание сего 2-го издания и тем пополнил недостаток, дотоле весьма ощутительный для любителей поэзии Пушкина и для собирателей библиотек, ибо все экземпляры «Руслана и Людмилы» год от году делались реже и продавались очень дорого. Многие поправки, сделанные поэтом в сем втором издании, показывают более и более приобретаемую им чистоту и верность вкуса, равно как благородную его строгость к самому себе. Пример весьма полезный для молодых поэтов! Из них, даже из самых посредственных, не всякий способен к столь похвальному пожертвованию своими собственными стихами или, простыми словами, не всякий столь добровольно поднимает руку сам на себя. К дополнению сего издания принадлежат: *несколько новых стихов* в самой поэме; *предисловие* сочинителя, вступление, или *пролог*, поэмы — прекрасная, живая фантазмагория из русских сказочных преданий — и *эпилог*, не находившийся в первом издании, но давно уже известный¹. Чтобы покритиковать что-нибудь у Пушкина, скажем, что, по нашему мнению, эпилог его к «Руслану и Людмиле» не соответствует прологу и даже не в духе поэмы. Пушкин мог его написать по обстоятельствам, но с переменою оных, кажется, должен был бы отбросить и заменить новым². К «Руслану и Людмиле» как-то нейдет эпилог элегический, для чего бы поэту не закончить своей поэмы так же, как начал, т. е. напоминанием о былях и небылицах старой Руси в виде *присказней*? Это бы дало его поэме форму новую и совершенно русскую.

С. П. ШЕВЫРЕВ

**ОБОЗРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ
«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»**

<Отрывок>

<...> Некоторым известным писателям расточаются похвалы в «Северной пчеле». Но они скучны для читателей, а еще скучнее для самих авторов. Истинное дарование любит оценку умную, хотя и строгую, зевая смеется над пустыми речами болтливой лести и презирает брань привязчивой зависти или злобы. Образ критики в «Сев<ерной> пчеле» всего более обличает жалкую скудость ее суждений. Все рецензии лучших произведений в одной состоят в выписке некоторых отрывков, приправленной общими местами и пустыми восклицаниями, в маловажных замечаниях на

слова, правильно или неправильно употребленные, на ошибки грамматические, на опечатки и т. п. В доказательство ссылаемся, во-первых, на рецензии книг ученых, как, напр<имер>, «Оснований химии» г. Иовского¹, «Хозяйственной статистики» г. Андросова² и другие, ссылаемся на статью о выставке в Академии художеств³, ссылаемся на разборы «Сев<ерных> цветов»⁴, «Цыганов»⁵ и третьей главы «Онегина»⁶ и в особенности на разбор «Стихотворений» Баратынского, писанный одним из издателей⁷. Обыкновенно начинаются сии критики таким образом: «Новое, прелестное стихотворение такого-то!»⁸ — «Честь вам и слава, г-н поэт!» (№ 145)⁹. «Это вещь совершенно оригинальная» (№ 147)¹⁰. «Сии стихи жгут страстицы!» (№ 124)¹¹. Иногда после подобных восклицаний случаются объяснения эстетические, в которых всего заметнее и недостаток точки зрения, и нетвердость мыслей, и незнание науки вкуса. Так, напр<имер>, при разборе «Цыганов» (см. № 65), предложив несколько вопросов со стороны невежд в искусстве: «почему сочинитель не сделал того, не выполнил другого, не кончил третьего?» — оправдывают Пушкина тем, что *воображение поэта свободно как судьба*; что он не обязан *держат в голове, что в стольких-то комедиях действующие лица ссорятся из любви и мирятся чрез посредство слуг и служанок, что в стольких-то поэмах герой сходит в ад*, и проч.; *что поэт свободен в выборе формы и отделки стихов*¹². От такого оправдания, вероятно, откажется и сам поэт; ибо им можно оправдать и певца новой «Телемахиды»¹³. Вместо тех пустых вопросов не лучше ли бы, по законам логики, предложить себе вопрос: поэт, свободный как судьба, так же ли, как она, верен самому себе? Избравши сценою действия табор цыганский, цыганские ли выводит он характеры? — Вопросы, по-видимому, самые простые и естественные; но до них никогда не долетает «Сев<ерная> пчела»: она не снимает меда с произведений изящных, но, порхая около них, жужжит без цели или, приютившись на каком-нибудь листике, точит свое неострое жальцо. <...>

Н. А. ПОЛЕВОЙ

**«КОРСЕР»,
РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
С ХОРАМИ, РОМАНСОМ И ДВУМЯ ПЕСНЯМИ,
ТУРЕЦКОЮ И АРАВИЙСКОЮ,
ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ ЛОРДА
БЕЙРОНА, ПОД НАЗВАНИЕМ «THE CORSAIR».
СОЧИНЕНИЕ (?) В. Н. ОЛИНА**

СПб., 1827 года в тип<ографии> Эксп<едиции> загот<овления>
госуд<арственных> бумаг, in 8, 124 стр.

<Отрывок>

<...> Не знаем, чем оправдать издание «Корсера». Нельзя же, чтобы автор не чувствовал, что творение его не стоило бумаги, на него потраченной; нельзя полагать, чтобы он думал о славе, хоть о внимании публики,

издавая «Корсера», потому что малейшее соображение могло бы показать ему, что эта мнимая трагедия годится разве только для какого-нибудь примера при изучении пиитики и риторики? Но трагедия напечатана, и все догадки о том, *для чего* она напечатана, не у места.

Взять какую-нибудь поэму или роман, исковеркать его в разговоры, расставить где и как угодно явления и действия, прибавить восклицаний, точек, вклеить песню или две, хор, два, три — и дело кончено: *романтическая* трагедия поспела.

Скажут, что это покажет бездарность и безвкусие переписчика (ибо автором сочинителя подобного вздора назвать нельзя), прибавят, что такая трагедия будет урод литературный.

Но, м<илостивые> г<осударь>, разве не видите вы подобных творений? Разве трагедии, сделанные из «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана»¹, романов Дарленкура и В. Скотта, разве жалкие компиляции из Шекспировых творений не то? Разве не видели мы пьес из Дюкре-Дюменилевых «Виктора или дитяти в лесу» и «Целины или дитяти тайны»²? Если уж жалкий Дюкре-Дюмениль мог быть переделан для сцены, почему не переделать, например, «Евгения Онегина», «Цыган», «Кавказского пленника» и почему эти переделки уступят произведениям бульварных парижских театров или русским рукоделиям, например, «Убийце и сироте», «Обриевой собаке», «Сороке-воровке», «Пустыннику дикой горы», «Немому в горах Сиерры-Моррены», «Маргарите Анжуйской», «Иваню», «Фальстафу», «Финну», «Буре»³ и проч<ему> и прочему, что то и дело является во Франции, Германии и у нас под именем драм, мелодрам, романтических трагедий, трилогий, представлений, картин? — Что ни робеть, то хуже: давайте драматикам что хотите; из всего можно выкроить что угодно! Вот, например:

«Рецепт составления романтической трагедии из “Евгения Онегина”.

Общие правила.

1-е. Должно заставить все лица охать, восклицать и бредить громкими словами, чего нет у Пушкина.

2-е. Сцену позволяется перемещать до 40 раз.

3-е. Все, что Пушкин говорит от себя, можно заставить говорить действующие лица.

4-е. Перенести можно заднее наперед, вставить от себя, исковеркать все, как угодно.

5-е. Включить должно хоры, арии, песни. Буянов может пропеть на сцене XXII станс из 4-й главы; гости Лариной пропоют перед мосьё Трике XLV станс; он будет отвечать им XLVI стансом и проч. Когда Ленский будет убит, хор пропоет над ним VII станс из 2-й главы, и т. д.

6-е. Непременно должно включить балеты и танцы: это весьма важно! Первое действие может кончиться сном Татьяны. Тут какой богатый сюжет выставить на сцене пляски чудовищ! Второе действие кончится балом у Лариных: тут есть случай выпустить ловкого танцора, чтобы он пропрыгал pas de deux, pas de trois.

7-е. Писать можно в прозе и в стихах; последнее лучше, и стихи должны быть разной меры, чтобы вставить поболее стихов Пушкина. В таком

случае пошлые остроты* и дурные стихи переделывателя будут незаметны для кресел, а раек, не понимая стихов Пушкина, будет хлопать шуткам и стихам переделывателя».

Должно ли прибавить, что мы шутим, что уродованье таким образом творений великого писателя есть больше, нежели литературный грех? Но драматисты не думают так, составляя свои переделки; г-н Олин не думал так, композирюя своего «Корсера». <...>

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА» «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». ГЛ. IV и V

У нас, как в Англии, время около праздника Рождества Христова и Нового года начинает быть постоянною эпохою появления лучших новостей литературных и лучшим временем года для книжной торговли. Появление около этого времени альманахов и успешный сбыт их установили у нас пору сей, можно так назвать, книжной ярмарки; притом же зима, несмотря на ее развлечения, театры, балы, карточные съезды и пр., есть у нас самое приличное, самое удобное время для чтения.

С наступлением нынешнего года явилось в обеих столицах нашего отечества (кроме десяти альманахов для читателей всякого возраста) несколько замечательных произведений поэзии. Первое и главное место между ними, бесспорно, должны занять IV и V главы «Евгения Онегина», романа в стихах, сочиняемого А. С. Пушкиным. До сих пор журнальные критики, прочитывая только отдельные главы «Онегина», не следовали за поэтом в целом творении, по крайней мере до той точки, до которой он довел их. О каждой главе романа давали они отчет как о творении отдельном, не оглядываясь назад, не составляя себе полной картины если не происшествий, потому что они не кончены, то по крайней мере характеров, которые сочинитель успел уже развернуть, а более всего не угадывая намерения поэта, которые, однако ж, явными чертами отпечатываются в прекрасных стихах его. Между тем светские изустные критики предупредили критиков журнальных и с обычным своим легкомыслием (может быть, правильнее и ближе еще было бы сказать безмыслием) произнесли строгий свой суд новому произведению. С появлением каждой главы слышали мы в гостиных повторение одной и той же темы с некоторыми вариациями: «Что за роман, в котором так мало происшествий, действие подвигается так медленно, завязки почти не видно? в котором автор делает беспрестанные отступления, говорит нам о таких предметах, кои не в связи с главным его предметом и пр. и пр.?...»

* У комиков есть известные остроты, и их никто не смеет не включить в драматическое творение. Наглая двусмысленность, всегда могущая рассмешить, недоумения, подсказанные слова одного лица другому, — все это должно быть непременно, потому что забавляет молодежь и раек.

Но что такое роман? — Роман есть теория жизни человеческой, а наша жизнь внешняя не столько богата и разнообразна, как жизнь внутренняя. Другими словами, происшествия и случайности не так часто сменяют друг друга в вещественной жизни человека, как понятия, мысли, мечты, страсти и движения душевные в нравственной его жизни. Сколько бы человек ни предавался умственной лености, но способности души никогда не могут оставаться в совершенном бездействии. От сего-то мы более живем жизнью внутреннею, созерцательною, и она менее нас утомляет, нежели жизнь внешняя, деятельная. Роман, как верная и полная картина жизни, должен в ходе своем подчиняться тем же условиям, тому же порядку. Здесь необходимо должно вывести различие между романом и повестью, чтобы не смешивать их и от первого не требовать того, что требуется от последней. Роман изображает всю или по крайней мере несколько лет жизни человека; повесть описывает из сей жизни одно происшествие. Следовательно, в повести должно быть более движения, полноты и живости рассказа; в романе должны быть развернуты более и яснее нравственные свойства действующих лиц. Герой повести есть для нас приятный гость, от которого мы спешим пользоваться всеми удовольствиями беседы. Герой романа есть такое лицо, с которым мы хотим прожить несколько времени вместе и потому желаем вызнать его нрав, страсти, привычки, подмечаем его странности, вникаем в тайные его намерения; словом, стараемся надолго с ним ознакомиться, чтобы знать, чего должны ждать от него, чем можем в нем пользоваться и чего остерегаться. Посему нет ничего несноснее романов бесхарактерных: это все равно что знакомство с пустыми людьми; с ними та же скука, после них та же пустота в уме и в сердце.

«Евгений Онегин», созданный Пушкиным, весьма далек от сего упрека. Поэт наш, представив сперва своего героя светским, рассеянным молодым человеком, но не без правил и характера, не хотел оставить его в столице, где человек беспрерывно увлекается обстоятельствами, приличиями и условными правилами света, где вечно он кажется не тем, что есть на самом деле. Для сего поэт перенес его в деревню, поставил его в кругу людей, различающихся с ним и понятиями, и образом мыслей, и образом жизни. Чтобы еще более вывести и яснее обозначить характер охладевшего, равнодушного ко всему Онегина, он сблизил с ним юного, пылкого Ленского, мечтателя, который, не жив еще в свете, *подозревает в нем чудеса*. Во второй и третьей главе поэт ознакомил уже нас ближе с характерами Онегина и Ленского, с Ольгою, прекрасною и милою девушкою, но только прекрасною и милою, и, наконец, с Татьяною, которая хотя и не привлекает очей

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной,

но пленяет нас тем, чего не находим мы в Ольге: свою мечтательностию, своим умом, настроенным по сердцу и воображению, и своею верою в существенность идеалов. Вот до сих пор главные характеры романа; но как богато они обставлены, особливо в последних главах! Сколько при них портретов, то отделанных заботливо, то слегка набросанных; сколько

карикатур! И как искусно поэт меняет наши наслаждения! Он попеременно играет то умом, то чувством, то воображением, попеременно весел и задумчив, легкомыслен и глубок, насмешлив и чувствителен, едок и добродушен; он не дает дремать ни одной из душевных наших способностей и, не занимая каждой из них надолго, ни одной не утомляет. Роман с его действующими лицами — у Пушкина только рамы для картины обширнейшей: в ней, как видно, намерен он легкими очерками изобразить свет (принимая сие слово в смысле общества человеческого) с его совершенствами и недостатками нравственными; но чтобы придать картине более правдоподобия, он хочет оживить ее красками, свойственными месту и времени. Вот наше мнение, или, справедливее, догадка насчет поэтического романа, сочиняемого Пушкиным. Рассмотрим теперь две последние главы оного (IV и V).

В посвящении своем П. А. Плетневу поэт сам прекрасно, хотя и слишком скромно, начертал характеристику своего романа. Это, по словам Пушкина,

Небрежный плод *его* забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Начало IV-й главы связано с окончанием III-й. Там мы читали, что Онегин, получив прелестное письмо Татьяны, явился в доме Лариных. Здесь он откровенно говорит Татьяне, что не может отвечать на ее любовь, хотя и чувствует вполне всю цену ее. Несколько строф его речи яснее выскажут причины, заставлявшие его отречься от любви и семейного счастья:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б, кроме вас одной,
Невесты не искал иной.
Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я, верно б, вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства;
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,

Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей,
И, может быть, на много дней!

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна?
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моеи...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревце свои листы
Меняет с каждою весною,
Так, видно, небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет.

Эта черта благородного чистосердечия мирит с Евгением самого строгого читателя. Поэт наш хвалит за нее своего героя, прибавляя, что недобротство людей в нем не щадило ничего, что враги и друзья честили его так и сяк. Здесь следует сильная и, к сожалению, справедливая выходка против светских друзей и пр. и пр. Остальная часть главы заключает в себе описание любви Ленского к Ольге, нежной его угодливости своей невесте; занятый Онегина в деревне, картину русской зимы и пр.

В V главе действия более, быстрота и живость рассказа необыкновенная. Святочное гадание Татьяны (в котором так живо и прекрасно обрисованы народные русские поверья) показывает, что милая сия мечтательница не есть сама существо мечтательное, но верный портрет с живых подлинников: поэт в сем отношении не хотел поставить ее понятиями выше того круга, в котором она выросла и жила. Чудесный сон ее был следствием ее гаданий и предрассудков. Нельзя более и лучше придумать, набрать и перемешать толпы разных призраков, несбыточных, уродливых, смешных, как породило

их воображение поэта; и нельзя дать себе отчета в том диком наслаждении, какое они доставляют воображению читателя, особенно в сих стихах:

...дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

Из мира карикатур мечтательных поэт переносит нас в мир карикатур существенных.

...цельми семьями
Соседы съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога,
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

Но здесь же своенравный Онегин, мстительный из самолюбия, снова является рушителем счастья мирной, сельской семьи. Чтоб отплатить Ленскому досадою за досаду, в которую сей неумышленно вовлек его приглашением на именины Татьянины, он дразнит ревнивую любовь неопытного юноши. Поединок между двумя друзьями, кажется, неизбежен; но каков будет его жребий — о том поэт в VI главе расскажет нетерпеливо ожидающему читателю. — Вот содержание двух последних глав «Онегина»: самые взыскательные судьи сознаются в их заманчивости. Нужно ли прибавить, что они написаны прелестными стихами, из коих многие затверживаются с первого раза; стихами Пушкина, который, кажется, нарочно наложил на себя оковы 14-стишной строфы в этом романе, чтобы легкостию стиха, выливающегося у него в сих рамках свободнее самой легкой прозы, доказать, в какой степени овладел он стихосложением и богатым, звучным языком русским?

Р. С. Разбор сей давно уже был кончен, когда появилась VI глава «Онегина» и ею заключилась I-я часть романа. В сей VI главе описана дуэль Онегина с Ленским, предвиденная в конце главы V-й.

Окончание бала у Лариных, размещение на ночлег *тяжелых* гостей от сеней до самой девичьей и ночная грусть Татьяны, встревоженной появлением Онегина и его странном поступком с Ольгою, составляют начало VI главы. Вслед за сим выходит на сцену новое лицо — Зарецкий. Портрет его обрисован резко и живо.

.....
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще доньше
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

Бывало, льстивый голос света
В нем злую храбрость выхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженьях попадал;
И то сказать, что и в сраженьи,
Раз в настоящем упоеньи
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший регул, чести бог,
Готовый вновь предаться узам,
Чтоб каждым утром у Веры
В долг осушить бутылки три.

Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака
И много дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка;
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.
Умел он весело поспорить,
Остро и тупо отвечать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их,

Иль помириться их заставить,
Дабы позавтракать втроем,
И после тайно обесславить
Веселой шуткою, враньем.
Sed altri tempo! Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.
Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,

Капусту сажит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

Этого Зарецкого, по славе прежних его дуэльных походов, Ленский прислал к Онегину с вызовом. Он знал, что Онегину не легко было от него отыграться. «*Всегда готов*», — был ответ Онегина, и Зарецкий, строгий формалист в дуэльных делах, без объяснений уехал домой.

Евгений

...наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

И поделом: в разборе строгом
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так пошутил ввечер небрежно.
А во-вторых, пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

Но теперь уже поздно...

К тому ж, он мыслит, в это дело
Вмешался старый дуэлист:
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов;
Но шепот, хохотня глупцов...
И вот общественное мнение!
Пружина чести — наш кумир!
И вот, на чем вертится мир!

Эти стихи служат самым лучшим ответом для тех, которые находят лицо Онегина совершенно бесхарактерным и винят поэта за то, что он заставил двух друзей стреляться. Те из читателей, которые судят не поверхностно или по крайней мере дадут себе труд получше вникнуть в характер героя романа, увидят, что Пушкин глубоко и здраво обдумывал сей характер и показал в своем создании тонкое познание человеческого сердца. Его Онегин, произвольный пустынный, еще не вовсе распростился с светом, все еще прилеплен к нему образом мыслей и закоренелыми привычками. Мнение толпы мучит его: *что скажут об этом?* — есть руководитель его действий. Хотя он и позволяет себе некоторые странности, но они у него не что иное, как отрубленный хвост Алкивидаевой собаки¹: средство обратить на себя внимание и заставить о себе говорить. Ему

любо, весело дивить невежд необыкновенными поступками, но там, где дело идет о чести, хотя и в ложном применении сего понятия, — он не в состоянии сложить с себя оковы мнений и приличий светских. По сему-то он дерется с Ленским; а из ложного стыда, чтобы не сделать дуэли своей потехою для деревенских сплетчиков, он убивает своего друга и не прежде выходит из сего онемелого хладнокровия, как уже тогда, когда смерть друга ложится у него на душе.

Характер Ленского также хорошо выдержан до самого конца. Пылкий юноша нетерпеливо ждет Зарецкого с ответом, боится, чтоб Онегин не отшутился от дуэли, и, когда получает от него желаемое согласие, решается — не видеть более Ольги — и едет к ней:

Он думал Олиньку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
Навстречу бедного певца
Прыгнула Олинька с крыльца,
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

«Зачем вечер так рано скрылись?»
Был первый Олинкин вопрос.
Все чувства в Ленском помutilись,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностью взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой.
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенья,
Трепещет, не находит слов.
Он счастлив, он почти здоров.

.....
Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлелеян,
Всегда таков: нахмуря бровь,
Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды,
То, к Ольге взоры устремив,
Шептал: не правда ль? я счастлив!

Приехав домой, он осмотрел пистолеты, раскрыл Шиллера; но в мечтах его неотступно Ольга

С неизъяснимою красой.

Он берет перо, пишет и вслух читает прощальные к ней стихи, в которых зовет ее на свою могилу. Из сих стихов последние два поселяют какую-то томную унылость в душе читателя:

Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!..

Наконец он засыпает *на модном слове: идеал* и дремлет до той минуты, когда Зарецкий приезжает везти его на роковой барьер.

Обстоятельства дуэли описаны превосходно. Здесь поэт несколькими счастливыми чертами умел докончить портрет Зарецкого. Пока Онегин не явился, он осуждает жернов мельницы, близ которой назначена дуэль; видя Онегина одного, он с изумлением спрашивает:

«...Где ваш секундант?»
В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял — не как нибудь,
Но в строгих правилах искусства.

Когда ж Онегин представил за секунданта слугу своего, француза monsieur Guillot, то Зарецкий закусил губу и по окончании дуэли, подойдя к плавающему в крови Ленскому, решил хладнокровным восклицанием знатока-дуэлиста: «ну что ж, убит!», положил на сани холодный труп и повез его домой.

Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила
И полетели как стрела.

Мы не распространяемся о подробностях дуэли, боясь преждевременно разрушить удовольствие тех, которые еще не читали сей VI главы. Повторим только, что все сии подробности отменно живо и верно списаны с натуры. В заключение поэт, сожалея о судьбе Ленского, дополняет к памяти его догадки о том, как мог бы он исполнить или не исполнить прекрасные надежды, им поданные; указывает на скромный сельский памятник юноши и оканчивает первую часть своего романа обращением к собственному своему положению:

В мертвящем упоены света,
Среди бездушных горцев,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,

Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров,
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.²

В «Московском вестнике», «Атенеи» и «С<анкт>петербургском зрителе» помещены были статьи о IV и V главах «Онегина»³. Светские афоризмы «Москов<ского> вестника», приведенные вместо разбора, очень забавны. Еще забавнее les rouquoi* «Атенея»: они напоминают критики на Пушкина, печатанные в 1820 году, особенно одну из них, в которой Пушкина бранили за *мужицкие рифмы*⁴. Критик «Атенея» беспрестанно привязывается к словам, которые ему не нравятся, к рифмам, которые не ласкают его разборчивого слуха, и к выражениям, которые непонятны для него. Критику «С<анкт>п<етер>б<ургского> зрителя» не нравятся *дева на цыточках*, приветствие поэта читателям: *милые мои*, и весь сон Татьяны, — de gustibus non est disputandum!**

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК». ПОВЕСТЬ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СПб., 1828 г., в т<ипографии> Дел<артамента> народн<ого> просвещения,
in 8, 60 стр.

Это второе издание напечатано А. Ф. Смирдиным точно так же, как «Руслан и Людмила» второго издания, не великолепно, но опрятно. Мы не понимаем: почему названо это издание *исправленным*? Все отличия против *первого* состоят в перемене четырех или пяти стихов. Небольшое предисловие показывает благородную скромность автора. «Сия повесть, — говорит он, — снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов». Далее автор соглашается с общим голосом критиков, «справедливо», говорит он, «осудивших характер Пленника, некоторые отдельные черты и проч.». Публика должна понять, что подобное мнение объявляет авторская скромность, а не *критика*, которая, вероятно, скажет что-нибудь более о «Кавказском пленнике».

* вопросы, «почему» (*франц.*). — Ред.

** о вкусах не спорят (*лат.*). — Ред.

Н. А. ПОЛЕВОЙ
**«КИРГИЗСКИЙ ПЛЕННИК»,
 ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. Н. МУРАВЬЕВА.
 ВЗЯТА С ИСТИННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ
 ОРЕНБУРГСКОЙ ЛИНИИ (происшествие линии!)**

М., 1828 г., в т<ипографии> А. Семена, in 8, IX и 48 стр.

«РАЗБОЙНИК». СОЧ. ПЕТРА МАШКОВА

СПб., 1828 г., в т<ипографии> г. Иоаннесова, in 8, 40 стр.

<Отрывок>

Мы наскучили бы читателям нашим, если бы при появлении каждой новой поэмы, каждой новой *повести в стихах* входили в подробные исследования о духе и сущности оных. Замечая подробнее новости литературы, заслуживающие внимание, мы однажды навсегда хотим объяснить с читателями касательно поэм, подобных «Киргизскому пленнику».

В последнее время довольно поэм появилось и, вероятно, еще много явится, в которых вдохновителем не Аполлон и в которых не самобытный восторг облакает мысль поэтов в фантастические образы. Нет! в поэмах, о которых говорим, сочинители не думают и не воображают сами. Начитавшись сочинений Пушкина, затвердивши множество стихов его, поэты берутся за перья, придумывают что-нибудь похожее на сюжеты Пушкина и — далее не умеют и не смеют идти. Выбравши героя, похожего на лицо, уже представленное Пушкиным, они замечают, каким образом Пушкин представил это лицо, а потом своего героя представляют так же. Далее рассматривают они, как расположены части поэм Пушкина, как разделяются у него строфы, где вводятся песни, как рифмуют стихи его, принимаются сколь возможно ближе копировать все, ими замеченное, и — публика получает поэму! Так, кажется, составлены «Евгений Вельский», «Любовь в тюрьме», «Ермак», etc., etc.¹

Иные говорят, что Пушкин наделал много зла, показав способ писать легкие, прекрасные стихи и написав несколько поэм, потому что за ним *все* устремились писать на его манер и составлять поэмы. Забавное обвинение! Пушкин человек гениальный, писал, как внушало ему воображение, и не думал о своих подражателях. Неужели Пушкину не должно было писать легкими, прелестными стихами, не надобно было вводить романтической поэмы в русскую литературу, боясь, что за ним потащится длинный ряд *копиистов* литературных? Все, что сильно увлекает современников, будет иметь подражателей; это не новость. Напрасно думают, будто такой порядок дел вредит литературе; нимало! Человек, списывающий с другого, подражатель, никогда и ничего не сделает доброго в литературе. На него и надеяться нечего. Не будь Пушкина, стали бы подражать Жуковскому, Карамзину, Ломоносову, даже Тредьяковскому, если бы ни того, ни другого, ни третьего не было на свете. Если, насчитав десять подражателей Пушкину, вы скажете, что словесность русская увлечена Пушкиным, то выразитесь несправедливо: это значит, что вся словесность сосредоточилась в Пушкине и что других поэтов не является. Но у нас,

кроме Пушкина, есть Баратынский, Дельвиг, Языков, Козлов, Подолинский, поэты одного поколения с Пушкиным, неравные ему, но и не рабские подражатели его; следственно, смешное подражание Пушкину не есть удел *всей современной русской словесности*. <...>

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

**«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»:
«БАЛ», СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО,
И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА**

СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1827—1828,
45 и 32 страниц в 12-ю д. л.

Прекрасная анекдотическая поэма Баратынского «*Бал*», из коей отрывки помещены были в «Северных цветах» и в «Московском телеграфе», ныне является вполне, вместе с повестью Пушкина «*Граф Нулин*». Самое заглавие повести «*Бал*» показывает, что содержание ее взято из картины большого света. Действие происходит в Москве, в нынешние времена. Характер княгини Нины, светской дамы весьма нестрогих правил, обрисован превосходно: княгиня любила менять своих эфемерных обожателей, но к одному из них, Арсению, прилепилась со всею живостию страсти; она хочет гордо и самовластно завладеть всею его любовью. Уверясь о его измене, она не может снести сего удара, нанесенного любви ее и самолюбию, и сама себя обрекает на смерть. Строгие моралисты могут здесь найти следующий наставительный для нравственности урок: человек, привыкший гоняться за суетностью в вихре большого света, не подкрепляемый ни верою, ни правилами, считает все свое благо в пустой мечте и в угождении своим прихотям; с потерей ободряющих его призраков он гибнет, не оставляя по себе ни сожаления, ни соучастия. Так вел и так заключил поэт наш повесть княгини. — В Арсению представил он молодого человека, который, считая себя обманутым в любви подругою своего детства, ищет рассеяния в путешествиях и в шуму света; к княгине привязывается он также для развлечения или в угоду своему самолюбию, но не чувствует к ней истинной любви. Убедясь в несправедливости своих подозрений насчет молодой Ольги, он снова летит к ней душою и наконец женится на ней. — Князь***, супруг Нины, есть

Высокий идеал мужей большого света**:

он равнодушно смотрит на порочное поведение жены своей и прервнодушно отправляет богатые ее похороны. Старая няня с своею запоздавшею моралью служит весьма счастливым придаточным предметом (accessoire) в этой

* Продается у А. Ф. Смирдина, И. В. Сленина и других с.-петербургских книгопродавцев; в Москве у А. С. Ширяева. — Цена в бумажной обложке 6 руб., а в Москве и других городах 7 руб.

** Вншюсь в перифразе одного стиха комедии «Горе от ума»¹.

богатой картине². Многие черты местные и современные: описание бала, туалет княгини, похороны ее и пр., списаны верною, мастерскою кистью поэта-наблюдателя. Стихосложение свободное и звучное; множество прекрасных, западающих в память стихов, движение и живость рассказа и счастливая способность поэта рисовать воображению читателя часто одним словом предмет в настоящем и полном его виде. Вот в чем должны согласиться самые строгие критики, прочитав сие новое произведение.

«Граф Нулин», повесть А. Пушкина, была напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1828 год. В ней рассказывается приключение одного молодого графа, который, возвращаясь из чужих краев,

Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы,

заезжает в дом одного сельского помещика, безустального охотника, застаёт жену его одну, влюбляется в нее мимолетною любовью — и успевает получить пощечину в виде отказа. Маленькая сия поэма нравится необыкновенною легкостью слога: трудно высказать в прозе с большею свободою то, что Пушкин высказывает здесь в беглых, прелестных стихах. Сия-то легкость, сия-то свобода поэтического языка столь коварно обманывает молодых подражателей Пушкина! Они думают, что переняли у него этот неподражаемый дар — прелестными, живыми стихами передавать все, от предметов возвышенных до самых мелочей; но при них остаются только мелочи, и те, хотя иногда и в гладких стихах, пересказываются вяло, скучно и приторно.

ИЗ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНИН»

«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»: «БАЛ», СОЧ. БАРАТЫНСКОГО, И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА

Уведомив читателей о выходе в свет сих прелестных литературных игрушек, сказав имена авторов и прибавив, что книжка, в которой переплетены вместе сии две стихотворные повести, продается у комиссионера редакции «Русского инвалида» книгопродавца И. В. Сленина и у содержателя Библиотеки чтения А. Ф. Смирдина по 6 рублей, нужно ли рассыпать общие похвалы и изношенные фразы, которых в десять минут можно нанизать сотню? Например, можно бы весьма красиво сказать, что обе повести *«писаны верною, мастерскою кистью поэтов-наблюдателей; что в них — стихотворение свободное и звучное; что здесь находится множество прекрасных, западающих в память стихов, движение и живость рассказа и счастливая способность поэтов рисовать воображению читателя часто одним словом предмет в настоящем и полном виде»*¹. Но боясь колких, справедливых в сем случае насмешек гг. издателей «Сев<ерной> пчелы» за такую сентиментальную нелепицу, говорю просто: это стихотворения А. С. Пушкина и Баратынского.

**МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,**

ВЫДАЕМЫЙ
ПОЛЕВЫМЪ.

АТЛАСЪ

1829.

НОВАЯ, № 21.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Науки и Словесность.
Мелодіи и замѣчанія касательно современн
Русской Славянославіи..... Мату и
Матара Д
къ Сав
Дизъ И
Шоворен

Шено.
Ши
и
Ю воз
Соз
Ист
св
с

ГАЛЛТЕЯ

ЖУРНАЛЬ

ЛІТЕРАТУРЫ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ,

ВЫДАЕМЫЙ РАПЧЕМЪ.

ТОМЪ ПЕРВАЯ

МОСКВА,

У РАШЕТИНЪКОВА И УТКИНА

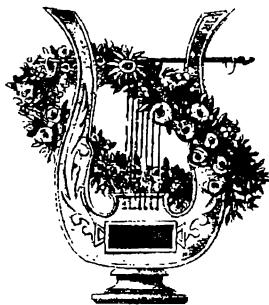
1829.

СЪВЕРША
1829.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИЦА.
1829.

—❧ 1·8·2·9 ❧—

О. М. СОМОВ

ОБЗОР РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1828 ГОД

<Отрывки>

<...> Поэзия и в прошлом году была у нас богаче прозы и количеством и качеством. Три новые главы «Евгения Онегина» (4, 5 и 6), коими оканчивается первая часть сего поэтического романа, заключают в себе более действия, нежели три прежние, и более их раскрывают характеры действующих лиц. В 1, 2 и 3<-й> главах романа мы узнали Онегина, Ленского, Татьяну и Ольгу как портреты, которые нравились нам своею выразительностию и чудным талантом поэта-живописца; в сих последних главах мы знакомимся с теми же лицами как с существами живыми, которые действиями своими и поступками утверждают в нас то понятие, какое мы составили себе о них по наружному виду. В Онегине рановременное пресыщение всеми наслаждениями, всеми приманками света и оттого совершенное охлаждение и пустота его души; в Ленском — порывы юного сердца узнать и вкусить то, что обольщает пылкое его воображение и чем друг его уже наскучил; в Татьяне — мечтательность, невинность сердца и совершенное незнание строгих законов света, скрывающих чувство в узы приличия; в Ольге — та же невинность, но более равнодушия, легкомыслия и женского самолюбия: вот главные характерные черты сих лиц, выводимые читателем из тех положений, в которых они были представлены поэтом. Подробности и предметы внешние, придаточные, являют нам героев поэмы в живой и разнообразной картине и делают их как бы осязаемыми: сельская жизнь и занятия Онегина, изображение русской зимы, гадание и сон Татьяны, именинный пир у Лариных, поединок Онегина с Ленским меняют наслаждения читателя и дивят его гибкостью дарования в поэте, который с такою легкостью и ловкостью переходит из тона в тон, от одного впечатления к другому. Не довольствуясь еще тем, что он, так сказать, играет ощущениями читателя, он представляет ему подчас пороки, странности и затеи света в таком смешном виде, что возбуждает в нем или горькую улыбку, или простодушный, веселый смех. Таковы выходки его против друзей, родных, женской верности, насмешливый совет любить самого себя, шутки над альбомами, элегиями, одами, и проч. Очаровательность стихов довершает волшебство, которым поэт-Протей¹ действует на воображение, ум и чувства читателей: свобода, легкость и звучность стихосложения у Пушкина неподражаемы. Иногда, резвясь, дает он легкие толчки грамматике, как будто бы для того, чтобы

порадовать неумолимых своих Аристархов², которые нашли нетрудный и неубыточный для ума способ расценивать произведения Пушкина, переводя его поэзию в прозу. <...>

Кстати о пародиях: в прошлом году досталось от них не одному покойнику Вергилию³, но и живому Пушкину; ибо как назвать, если не пародиями поэм Пушкина, следующие стихотворные произведения: «Евгений Вельский», «Признание на 30-м году жизни», «Киргизский пленник», «Любовь в тюрьме», «Разбойник»⁴ и проч. и проч.? Назвав их подражаниями, не выразишь настоящего качества сих песнопений, ибо в них часто *пародированы* стихи Пушкина: т. е. или исковерканы, или взяты целиком и вставлены не у места. Но пусть бы это были чистые пародии: тогда, встретя в новом, юморическом виде мечты и чувствования поэта, может быть, посмеялись бы и мы, и сам Пушкин; а то совсем не в шутку так называемые подражатели его без зазрения совести живут его вымыслами, описаниями, созданными им характерами и собственными его стихами. Вся разница в этих подражателях та, что один лучше, другой хуже пишет стихи, один следит за Пушкиным издали, другой без отдыха гонится за ним почти по пятам. Неужели подражание может до того затмевать ум и понятие, что показывает чужое своим? <...>

Читатели, конечно, с удовольствием остановятся мыслью на вторых изданиях «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника», изданиях, которых давно уже требовало нетерпеливое ожидание публики⁵. Первую из сих поэм Пушкин обогатил вступлением или *присказкою*, в которой чародей-поэт, как будто бы махом волшебной ширинки⁶, являет посменно воображению нашему всю сказочную русскую старину: и Кота-самобая, и заколдованных витязей и королевен, и бурого волка, и Бабу-ягу, и Кошечку бессмертного и проч. и проч. Несколько поправок и дополнений в самой поэме и эпилог в конце оной, а в начале книги небольшая прозаическая статья о печатных и словесных критиках на «Руслана» и портрет Пушкина, гравированный Уткиным, — вот преимуществва сего издания перед прежним. «Кавказский пленник» напечатан почти без перемен. <...>

ИЗ ГАЗЕТЫ «БАБОЧКА»

«ГРАФ НУЛИН». ПОВЕСТЬ (В СТИХАХ) АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, НАПЕЧАТАННАЯ ВМЕСТЕ С ПОВЕСТЬЮ «БАЛ» Г. БАРАТЫНСКОГО

СПб., 1828, в 12 д. л. 32 стр.

Дело, кажется, самое простое: был муж, помещик, собачий охотник, каких у нас много; была жена, воспитанница благородного пансиона эмигрантши Фальбала, Наталья Павловна, каких также у нас немало; ехал вблизи их дома незнакомый им граф Нулин, каких тоже, к несчастью, у нас еще довольно. У последнего изломалась коляска: он нечаянный гость Натальи Павловны, когда

В отъезде поле муж гарцует,

обедает с нею, говорит о Дарленкуре и Ламартине, проводит с нею вечер неприметно...

Глядишь — и полночь вдруг на двор.
 Давно храпит слуга в передней,
 Давно поет пегух соседний,
 В чугунову доску сторож бьет;
 В гостиной свечки догорели.
 Наталья Павловна встает:
 Пора, прощайте! Ждут постели.
 Приятный сон!.. С досадою встав,
 Полулюбленный нежный граф
 Целует руку ей. И что же?
 Куда кокетство не ведет?
 Проказница — прости ей, Боже! —
 Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
 Стоит Параша перед ней.
 Друзья мои! Параша эта
 Наперсница ее затей:
 Шьет, моет, *вести переносит*,
Изношенных капотов просит,
 Порою барина смешит,
 Порой на барина кричит
 И лжет пред барыней отважно.
 Теперь она толкует важно
 О графе, о делах его,
 Не пропускает ничего —
 Бог весть, разведать как успела.
 Но госпожа ей наконец
 Сказала: полно, надоела!
 Спросила кофту и чепец,
 Легла и выйти вон велела.

Граф Нулин лег тоже:

Несносный жар его объемлет,
 Не спится графу; бес не дремлет
 И дразнит грешною мечтой
 В нем чувство.

Он мечтает:

...теперь
 Отворена, конечно, дверь —

идет, «на все готовый», и — получает *пощечину*... Что может быть простее? Всё вещи знакомые, бывалые; но великий мастер поэтического дела создал из них *повесть*, у нас еще *небывалую*.

В этой повести все превосходно: живость рассказа, очерки лиц, изображения местностей. Она может служить образцом *остроумия* и *утонченного вкуса*.

Если бы в наше время жил еще *старичок Вольтер*, то, верно, он не отрекся бы подписать свое имя под повестью «Граф Нулин» — *Пушкина молодого*.

Стихов в образец красоты из сей повести приводить нельзя, ибо мы *перепечатывать* целых сочинений без позволения сочинителей не вправе.

Если бы кто решился *приказать* нам в повести «Граф Нулин» сыскать *непрерывно* слабый стих, тогда мы, покорствуя только приказу, указали бы из всей повести на один стих:

Уж подкрепив себя стаканом.

Что касается до:

...супруга

Одна в отсутствие *супруга*, —

то эти рифмы, вероятно, употреблены здесь с каким-нибудь намерением.

Н. И. НАДЕЖДИН

**ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ:
«БАЛ» И «ГРАФ НУЛИН»***

...Stulta est clementia, cum tot ubique
Vatibus occurras, periturae parcere chartae.
*Juven. Sat. I***

Напрасно восклицают брюзгливые старики, что *мир стареется*. Они судят обо всем по себе и думают, что когда сами подвигаются вперед, то и все туда же за ними движется. Ничего не бывало! Мир идет совершенно обратною дорогой: чем далее он живет, тем более молодится. Оглянитесь хоть на минутку назад: что вы там увидите?.. Седую древность, коея старушечье чело изрыто глубокими браздами сурового размышления и строгой отчетливости. Это — страшилище, коим можно только пугать настоящее цветущее время детской *шаловливости!* — У нас ныне живут, действуют, абонируются на славу и на бессмертие, не потея, по-старинному, в тяжелых и бесполезных трудах, а попросту — *притеваючи*. Оттого-то и произведения настоящего времени отличаются не стародавнюю грубою прочностью и полновесностью, а эфирною легкостью и миниатюрностью. Чтобы увериться в истине сего, не нужно ездить ни на Кузнецкий мост, ни в Ниренбергские лавки; в самых даже книжных магазинах и так называемых *конторах*, заключающих в себе изделия умственных фабрик, кои, кажется, менее всех прочих допускают жертвование *фасону* добротой, видно то же самое стремление к мелкотравчатости и щепетильности. Посмотрите на настоящие явления книжного мира! — Это — не книги, а *книжечки*, или

* СПб., 1828. В типографии Департамента народных просвещения.

** Школу проищи! Когда столько писак расплодилось повсюду,
Глупо бумагу щадить, все равно обреченную смерти.

Ювенал. Сатира I (пер. с лат. Д. С. Недовича). — *Ред.*

лучше, *книжоночки*, в собственнейшем смысле слова! Печать, чернила, бумага, обертка — загляденье! Формат — уместится в самом маленьком дамском работном ящичке; толщина — не утомит самых нежненьких беленьких ручек; содержание — не затруднит ни одну мыслью самой ветреной и резвой головки¹. То ли бывало в старину!.. Одно воспоминание о долговязых фолиантах, кубических *in quarto*^{*} тучных *in octavo*^{**}, под которыми крехтят полки старинных библиотек, производит содрогание. Старики не разумели верно смысла поговорки, ими же самими изобретенной: «Мал золотник, да дорог!».

Избираемые теперь нами для разбора *две повести в стихах* принадлежат к подобным *золотничкам*, кои чем меньше, тем дороже (цена книжки 7 рублей!). С первого взгляда на сие *chef-d'oeuvre*^{***} галантерейной нашей литературы нельзя не полюбоваться дружеским союзом, заключенным так кстати между «Балом» и «Графом Нулиным».

О дружество, союз священный,
Влиянно небом чувство нам!
И рок не страшен разъяренный
Тобою связанным сердцам.²

Вероятно, этот союз происходит оттого, что *Граф Нулин*, как человек светский, никак не может обойтись без *Бала*; но о том рассуждать не наше дело! — Книжки напечатаны, союз между сею прелестною двоицею заключен, и — славно! Иные пожалеют, правда, что издатели поскупились заказать для нее нарядное предисловьице с блестящими похвалами друзьям любезного фабриканта и с черными пятнами порицаний «Вестнику Европы». Уж так и быть!³

Кропотливые старики обыкновенно начинали свои разборы мелочным и педантическим разысканием о *роде*, под который надобно было бы подвести разбираемое произведение, чтобы точнее определить его эстетическое достоинство. В нынешние времена это, кажется, — стара штука. После того как самозаконные гении, закусив узду правил, пустились со *всех четырех ног, на славу*⁴,

*Не взвидя света, ни дорог*⁵,

смешно и совестно было бы измерять циркулем и подводить под математические формулы бурный бег их. Произведения подобных гениев всегда бывают *из роду вон*. А ни один еще Кювье не составил доселе полной систематической классификации для всех *выродков*, коих произведением иногда бывает угодно забавляться природе⁶.

Равномерно мы сделали бы ужасный литературный анахронизм, вздумав искать в разбираемых нами повестях *идеи*, которая составляла бы их эстетическую душу и по мересообразности с коею можно было бы про-

* в четвертую долю листа (*лат.*). — *Ред.*

** в восьмую долю листа (*лат.*). — *Ред.*

*** шедевр, произведение (*франц.*). — *Ред.*

изнести суждение о внутреннем поэтическом достоинстве самой наружной их отделки. Это значило бы искать *порожнего места*. Сотни Пигмалионов самыми жарчайшими лобзаниями не могли бы пробудить малейшей жизненной искорки в этих разряженных куколках. Да и к чему это?.. Статочное ли дело налагать на поэта тяжкую обязанность говорить о *чем-нибудь*? — Эта смешная *quidditas** годна только для студенческих диссертаций! — У нас главный закон: пиши, пока пишется, не размышляя о том, *что* пишется!.. Чем менее холодного смысла, тем острее поэзия.

Итак, самая необходимость заставляет нас теперь отступить от обыкновенной методы разборов. С волками надо и выть по-волчьи. Разбираемые нами повести излились из недр самозаконных гениев, презирающих *правила*; будем и разбирать их теперь *не по правилам*! Со всевозможною осторожностью, тихонько, легонько полюбуемся драгоценными произведениями новомодного поэтического нашего тканья, или лучше, *плетенья*!.. И если бы даже довелось нам усмотреть на них некоторые пятнышки, то избави Боже, чтобы мы на них *одних* основали наше суждение об их достоинстве! — У какой записной красавицы не развивается иногда пуколька или не изминается кружевной зубчик в пылу страстных восторгов?..⁷ <...>

«Граф Нулин» есть произведение корифея нашей поэзии. Оно пересажено сюда из оранжереи «Северных цветов», где явилось, назад тому уже год⁸, во всей полноте младенческого простодушия, утрачивающегося, как видно, с годами. И столь ослепительно яркое сияние славы поэта, в лучах коея вращается эта милая крошка литературного нашего мира, что еще доселе ни один дурной глаз (на недостаток коих грешно бы, однако, было пожаловаться) не изурочил ее внимательным рассматриванием и завистливым разбором. *Нулин... Пушкин!*.. Сие последнее имя обдавало невольным благоговением всех и повергало в безмолвное изумление. Честь и слава величию гения! Одно имя его есть уже фирма, под которою самое ничтожество пропускается беспощинно в храм бессмертия!..

Его сиятельство является теперь в другой раз на литературной сцене, почти особнячком, не без некоторой даже перемены в прозрачном своем костюме против первого дебюта**. Это показывает, что поэт не оставляет без отеческого внимания детища, им на свет пущенного; что ему хочется продлить, упрочить и всеобщее внимание, созываемое им на малютку. Будем признательнее к трудам высокомогущего повелителя в области нашей поэзии; откажемся бросить теперь скромный взгляд на сие драгоценное произведение, в котором, как в микрокосме, отпечатлевается тип всего поэтического мира, им сотворенного!

Но с чего начать обзор наш?.. «Дай мне точку!» — требовал некогда мудрец, пытавшийся повернуть вселенную¹⁰; мы бы удовольствовались теперь и *звательцом*¹¹, чтоб иметь по крайней мере что-нибудь, к чему

* придирика (лат.). — Ред.

** В пресвходной эпизодической картине *кота* («Гр<аф> Нул<ин>», стр. 23) поэт подменил пыле, если не обманывает нас память, *кошку мышью*: это перодело *жемалного* крысопольского Селадона в старинный обыкновенный костюм *Васьки* прожоры, более падающий чувство приличия, по менее оригинальный и не совсем гармонирующий с ходом целого⁹. *Соч<инитель>*.

можно было прикрепиться. Но, по несчастю, для нас в «Графе Нулине» нет даже и тех *точек*, коих длинные ряды украшают, подобно перлам, произведения нынешних гениев; это — да простит нам тень великого Паскаля! — это есть *кружочек*, коего *окружность* — *везде* и *центр* — *нигде!*¹² Если имя поэта (Ποιητής) должно оставаться всегда верным своей этимологии, по которой означало оно у древних греков *творение из ничего*, то певец «Нулина» есть *par excellence* поэт. Он *сотворил* чисто *из ничего* сию поэму. Но зато и оправдалась над ней во всей силе древняя аксиома ионийской философической школы, на которую столь нападали позднейшие креационисты, что *из ничего ничего не бывает* (*ex nihilo nihil fit*)¹³. Никогда произведение не соответствовало так вполне носимому им имени. «Граф Нулин» есть *нуль**, во всей математической полноте значения его слова. Глубокомысленный Кант поставял существенным характером *комического* то, что ожидание, им возбуждаемое, превращается в *нуль*¹⁴. Наш Нулин не может иметь и на то претензии. Он не возбуждает никаких ожиданий, кроме чисто *нулевых*. И мы — не без сердечного, конечно, раскаяния в позволяемом себе кощунстве — можем сказать языком великого Галлера: «Взгромождаю нули на нули, умножаю их, возвышаю в бесчисленные степени: и ты, *нуль!* остаешься всегда весь, всегда равен себе — предо мною!»¹⁵.

Итак — просим теперь не прогневаться, если мы увольняем себя от всегда скучной, но всегда и полезной работы: представить содержание разбираемой нами поэмы в анатомическом скелете. Что тут анатомировать?.. Мыльный пузырь, блистающий столь прелестно всеми радужными цветами, разлетается в прах от малейшего дуновения... Что же тогда останется?.. Тот же *нуль* — но вдобавок... бесцветный! А эта *цветность* составляет все оптическое бытие его!.. Скажем посему только *pro forma****: *граф Нулин проглотил пощечину* Натальи Павловны; гений поэта переварил ее с творческим одушевлением и... разрешился — «Нулиным». *C'est le mot de l'énigme!*..****

«*Fi donc!*»***** — закричат со всех сторон усердные *прихожане* нигилистического изящества, коим становится дурно от всякого *чтожества*: «Что за педантический тон? Что за школьное тиранство? Как будто от поэтического произведения, назначаемого единственно для наслаждения, непременно должно требоваться это несносное *нечто*, коим прожужжали нам уши *предики*¹⁶ и диссертации!.. *A bas le vandale! A bas le pedant!*..***** Нам не нужно ничего, кроме *картин* — одних *картин* и

* в высшей степени (*франц.*). — *Ред.*

** Один забавник, занимающийся литературною геральдикой, предлагает Нулину принять в графский герб свой, вместо девиза, тот арифметический знак, от которого происходит его знаменательное имя, = 0. Пожалуй — чего доброго!.. Если ввести этак алгебраическую схематику в область литературы, то мы увидим на опыте длинные ряды воображаемых только в математике чисел с *мигусами*. *Соч<инитель>*.

*** для видимости (*лат.*). — *Ред.*

**** Вот разгадка! (*франц.*) — *Ред.*

***** «Фу!» (*франц.*) — *Ред.*

***** Долой вандала! Долой педанта!.. (*франц.*) — *Ред.*

только! Поэт должен быть верным живописцем природы: *et voilà tout!** — Ваши покорные слуги, *mesdames et messieurs!*** Мы никогда и не думали отнимать у поэзии ее законного родового преимущества — живописать природу. И мы можем, с позволения нежного слуха вашего, прошепнуть в оправдание наше варварское изречение Горация, почитаемого корифеем педантов и идолом школ: *ut pictura, poësis!*...***¹⁷ Да и что ж иначе могло бы привлечь внимание наше на разбираемую теперь нами поэмку, если бы мы поэтическую живопись считали чисто за *нуль* в эстетическом мире?.. Не одно ли только это и сообщает ей призрак литературной вещественности?.. Иначе — нам пришлось бы ограничиться одним арифметическим действием вычитания: *нуль из нуля — нуль!* и — концы в воду!

Итак — *живопись*... поэтическая *живопись*!.. *A la bonne heure!***** Никто не может оспорить пальму поэтического живописца у певца «Нулина». Его произведения — и кто не знает их наизусть! — исполнены картинами, свхваченными с природы рукою мастерскою, одушевленной и — даже иногда слишком — верною. «Граф Нулин» представляет непрерывную галерею подобных картин. Самое начало повести есть образец живописи, коей не постыдились бы знаменитые мастера фламандской школы:

Пора! пора! рога трубят;
 Псаря в охотничьих уборах
 Чем свет уж на конях сидят,
 Борзые прыгают на сворах.
 Выходит барин на крыльцо,
 Все, подбочась, обозревает;
 Его довольное лицо
 Приятной важностью сияет.
 Чекмень затянутый на нем,
 Турецкий нож за кушаком,
 За пазухой во фляжке ром,
 И рог на бронзовой цепочке.
 В ночном чепце, в одном платочке,
 Глазами сонными жена
 Сердито смотрит из окна
 На сбор, на псарню тревогу.
 Вот мужу подвели коня;
 Он холку хватить и в стремя ногу,
 Кричит жене: не жди меня!
 И выезжает на дорогу (<стр.> 5, 6).

Не правда ли, что прекрасно?.. Но превосходнейшее *chef-d'oeuvre* сей прелестной галереи есть панорама сельской, или лучше, *дворовой*, природы, раскинутая магическим ковром пред глазами Натальи Павловны, героини повести:

* только и всего! (*франц.*) — *Ред.*

** дамы и господа! (*франц.*) — *Ред.*

*** поэзия подобна живописи (*лат.*) — *Ред.*

**** В добрый час! (*франц.*) — *Ред.*

Наталья Павловна сначала
Его* внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею *тихо* (?) занялась.
Кругом мальчишки хохотали;
Меж тем печально под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже.
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор... (<стр.> 9, 10)

Это уже — не первой чета! Здесь изображена природа во всей наготе своей — à l'antique!** Жаль только, что сия мастерская картина не совсем дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две-три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышных диванах топучей грязи, в блаженном самодовольствии и совершенно эпикурейской беззаботности о всем окружающем их, могли бы даже сообщить нечто занимательное изображенному зрелищу?.. Почему поэт, представляя бабу, идущую развешивать белье через грязный двор, уклонился несколько от верности, позабыв изобразить, как она, со всем деревенским жеманством, приподымала выстроченный подол своей пестрой понявы,

...чтобы ей воскресил
Не омочить *усыпленную* грязного моря волну?..¹⁸

Это едва извинительно в живописце великом и всеобъемлющем!.. Изображения внутренних душевных *ситуаций* не менее живописны. Кто не закраснеет хотя немножко при описании расстроенного положения сердечных дел графа Нулина, приготавливающегося к ночному пилигримству?

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу, бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский —
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею.
Ловить минутную затею.
Но время не ушло... (<стр.> 21, 22)

А!.. каково!.. Нельзя, право, не сотворить молитвы! Так живо изображено бесовское наваждение!.. Здесь интерес повести начинает возрастать по

* Т. с. роман.

** во вкусе древних (*франц.*). — Ред.

законам драматического искусства. *Опытный* читатель вместе со *влюбленным* графом

...в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит,
Желаньем пламенным томим,
Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрипит. Вот он подходит
К *заветной* двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно почивает
Иль притворяется, что спит.
Он входит, *ищет* (?), отступает —
И вдруг упал к ее ногам.
Она... (<стр.> 23, 24)

Поэт не столько милостив для читательниц: он просит *петербургских дам*, с их позволенья, самим

Представить ужас пробужденья
Натали Павловны..
И разрешить, что́ делать ей (<стр.> 24).

Это не совсем вежливо! Может быть, многие из наших московских дам, не бывавши в таких случаях, не будут и уметь дополнить сами собою этот пробел. Но — тс!.. что-то будет дальше?..

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Уже руки ее коснулся... (<стр.> 25)

*Hélas!..**

Но — тут опомнилась она; (ib<id>)

Слава Богу!..

Гнев благородный в ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха... (ib<id>)

Уф!..

Дает пощечину, да! да!
Пощечину, да ведь какую!..

Вот истинно высокое поэзии!.. Какой беспредельный океан вскрывается для взора и слуха читателя!.. Здесь живопись сливается с музыкаю; краски мешаются со звуками... и у меня по сю пору мерещится в глазах этот

* Увы!.. (франц.) — *Ред.*

бедный Нулин, облизнувшийся, как лысый бес, и отдается в ушах эта звонкая пощечина, разбудившая даже *косматого шпица* и верную Парашу.

Чудаки покачивают головою и говорят сквозь зубы: «Все это так! Все это правда! Все это верный снимок с натуры!.. Да с какой натуры?.. Вот тут-то и закавычка!.. Мало ли в натуре есть вещей, которые совсем не идут для показа?.. Дай себе волю... пожалуй, залетишь и — Бог весть! — куда! — от спальни недалеко до девичьей; от девичьей — до передней; от передней — до сеней; от сеней — дальше и дальше!.. Мало ли есть мест и предметов, еще более *вдохновенных*, могущих представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивых делателей!.. Немудрено дожидаться, что нас поведут и туда со временем! — Что ж касается до повесничеств и беспутств, то им *несть числа!*.. Выставляя их напоказ — значит оскорблять человеческую природу, которая не может никогда выносить равнодушно собственного уничтожения. Почему и желательно было бы, чтоб они не выходили никогда из того мрака, в коем обыкновенно и совершаются!» — *C'est bon, messieurs les camtschadales! c'est bon!** — Правду сказать, нельзя не признаться, что ваши опасения имеют вид справедливости. Сцена, происшедшая между графом и Натальей Павловной, без сомнения, очень смешна. Можно легко поверить, что ей от всего сердца

Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет (<стр.> 31).

Я и сам, хоть и не помещик, но, завалившись недавно еще за двадцать три года, не могу не разделить его смеха, хотя и не имею на то особых причин, какие, вероятно, имел он. Но каково покажется это моему почтенному дядюшке, которому стукнуло уже пятьдесят, или моей двоюродной сестре, которой невступно еще шестнадцать, если последняя (чего Боже упаси!), соблазненная демоном девического любопытства, вытаскивает потихоньку из незапирающегося моего бюро это сокровище?.. Греха не оберешься!.. С другой стороны, однако, должно согласиться, что певец «Нулина» не совсем еще отрешился от уз приличия и умеет иногда полагать границы своевольному своему гению. Так, напр<имер>, при подробном описании ночных утварей, которыми аккуратный *monsieur Picard* снабдил отходящего ко сну графа:

Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, *будильник*... (<стр.> 20)

Кто не чувствует, что последнее слово есть вставка, заменившее другое, равно созвучное, но более идущее к делу, слово, принесенное поэтом с истинно героическим самоотвержением в жертву тиранскому приличию?..¹⁹ То же самое чувство благородной снисходительности к людским предрассудкам выражается в полумимическом ответе графа на вопрос Натальи Павловны:

«Как тальи носят?» — «Очень низко,
Почти до... вот до этих пор».

* Хорошо, господа камчадалы! хорошо! (*франц.*) — *Ред.*

Какая любезная скромность!.. Поэт заставил героя своего не сказать, а *показать** то, для выражения чего язык наш не имеет книжного слова. Grand merci!..**

О стихосложении «Графа Нулина» и говорить нечего. Оно, по всем отношениям, прекрасно***. Стихи гладкие, плавные, легкие, как бы сами собою сливаются с языка у поэта. Это — пугае сапогае!****²³ Увлекаясь их пленительною гармониею, невольно иногда негодуешь и спрашиваешь: Зачем эти прекрасные стихи имеют смысл? Зачем они действуют не на один только слух наш?» Истинно завидна участь графа Нулина! За проглоченную им пощечину его сиятельство купил счастье быть воспетым в прелестных стихах, которыми не погнушались бы знаменитейшие герои.

Кончим рассмотрение наше общим замечанием об обеих повестях, нас занимавших. Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрелы: но...

Che chi ha, i duo'occhi il veda!..*****

С Патриарших прудов.

О. М. СОМОВ

«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»:
«БАЛ», СОЧИНЕНИЕ ЕВГ. БАРАТЫНСКОГО,
И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА

СПб., в типографии> Департамента народного просвещения, 1827—1828 г. В
12 д. л., 45 и 32 стр.

<Отрывок>

<...> Об анекдотической повести «Граф Нулин» не станем распространяться: ее многие уже знают наизусть, и все любители словесности давно уже согласились, что бойкость рассказа и живость стихов в ней единственны. Может быть, закоснелые любители старины, критики словесности

* Совсем иначе думал Превиль (Préville), отвечавший одному поэту: «Mon d<errière> aussi est dans la nature, et pourtant je ne le montre pas!» («Мой з<ад> тоже принадлежит природе, и тем не менее я его не показываю!») (франц.) — Ред.)²⁰. И то правда, однако, что вежливый граф Нулин показал не свое, а *чужое!*.. Соч<инитель>.

** Большое спасибо!.. (франц.) — Ред.

*** Строгие метроманы пападают на некоторые просодические вольности, которые позволял себе иногда певец «Нулина». Они особенно цитируют сей стих, с мрачным неудовольствием:

И *мамзель* Марс, увы! стареет (<стр.> 15).

Но топическое насилие, оказавшее здесь слову *мамзель*, есть дело совсем постороннее для трибунала русской просодии. Оно не наше, а французское. Французскому же языку — по делам и мука! От него произошло немало бед для нашей несчастной литературы²¹. Соч<инитель>.

**** звучные, но пустые стихи (лат.). — Ред.

***** Имсющий глаза да видит (итал.). — Ред.

и нравов, которые находят, что французские дамы времен регента и Людовика XV очень мило падали с табуретов, сердятся на Пушкина за пощечину, данную Натальей Павловной графу Нулину. Пусть их сердятся! Повесть Пушкина несколько от того не потеряет и все-таки останется в памяти у людей, которые умеют оценивать и любить прелестные игрушки поэзии.

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА И СЕВЕРНЫЙ АРХИВ»

<I>

ВОПРОСЫ Г. ЭКС-СТУДЕНТУ НЕДОУМКЕ

Милостивый государь мой! Зачем поселились вы на Патриарших прудах, да еще и с почтенным вашим дядюшкой, которому стукнуло пятьдесят лет, и с двоюродною вашею сестрицей, которой невступно еще шестнадцать? Зачем, когда сами вы думаете, что помянутая ваша сестрица может быть соблазнена демоном девического любопытства, зачем держите вы там повесть Пушкина «Граф Нулин» в незапертом бюро?¹ Зачем, если у этого бюро нет замка, не купите вы его? Зачем, если у вас нет денег на покупку замка, не берете вы с издателя «Вестника Европы» платы за ваши критические статьи? Зачем ходите вы с *Патриарших прудов* в дурное общество, каково описанное вами под именем *Сонмища нигилистов*? Зачем подслушиваете там всякий вздор, зачем помните его и пухлым, дурным слогом передаете другим? Зачем перенимаете у Чадских, Угаровых, Ветрогоновых² et autres gens de cet acabit* грубые мужицкие поговорки, площадные выражения*, шутовскую игру слов и другие замашки дурного тона? Зачем все это набираете вы в ваши критики и щеголяете такими диковинками в «Вестнике Европы»?

Les pourquoi, dit le Dieu, ne finirent jamais.**⁴

<II>

О ЧУТЬЕ КРИТИКА ИМЯРЕК, ЖИВУЩЕГО НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ

Similis simili gaudet.

*Подобный подобным и любит*ся — таков, кажется, смысл этой латинской поговорки, оправданной на деле г. критиком с *Патриарших прудов*. Сей критик жалеет, что «в широкой раме черного барского двора (описанного

* и людей того же пошиба (франц.). — Ред.

** Каковы, папр<имер>: *фальшивые потуги* («Вестник» Европы, кн. 2, стр. 113)³; *не все коту масляница, придет и чистый попельник* (там же, стр. 163); *по делам вору и мука* (там же); *туда и дорога! смерть — копейка, голова — нажитое дело* (там же, стр. 164); *облизнулся как лысый бес* (кн. 3, стр. 226); *вот тут-то и зававычка* (там же, стр. 227) и т. п.

*** Этим «почему», сказал Бог, не будет конца (франц.). — Ред.

Пушкиным в повести «Граф Нулин») не уместились две, три хавроньи» и что «баба, идучи развешивать белье, не подымала выстроченный подол своей пестрой понявы». Он же, г. критик, говорит: «Дай себе волю: пожалуй, залетишь и Бог весть куда! от спальни недалеко до девичьей; от девичьей до передней; от передней до сеней; от сеней — дальше и дальше!.. Мало ли есть мест и предметов еще более вдохновительных и пр. и пр.». Видим, куда залетел г. критик. Оставим его там. — Далее: он же, г. критик, подозревает, что принесенный Нулину слугою его будильник заменил другое, *созвучное, но более идущее к делу слово*: какое тонкое чутье!

Наконец, он же говорит о двух повестях, «Бал» и «Графе Нулине»: «Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрелы, но...

Che chi ha i duo'occi il veda!

И весьма кстати подписывает под этим итальянским стихом: «С Патриарших прудов».

Не правда ли, что у г. критика весьма тонкое чутье?.. Не правда ли, что он кстати выбрал себе местопребывание? Не правда ли, что *подобный подобным и любитесь?*

Кстати о *хавроньях*: вспомним, как в басне Крылова отвечает Хавронья пастуху на вопрос, что она видела в богатом и пышном барском доме:

Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор;
Я не заметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Вспомним также и прекрасный стих, которым баснописец наш начинает меткое применение своей басни:

Не дай Бог никого сравненьем мне обидеть! *и проч.*¹

<III>

О МОЛОДОСТИ ЛЕТ Г. КРИТИКА С ПАТРИАРШИХ ПРУДОВ

Г-н критик с Патриарших прудов извещает всех, кому весть о том надлежит, «что он недавно еще *завалился* за двадцать три года». Следовательно, он уже вышел из ребяч, хотя еще и незаметно в критиках его возмужалости. Жаль, что в эти лета он или близорук, или опрометчив и не может различить *кошки с мышью*: иначе он не сделал бы той грубой ошибки, которую поместил в примечании к своей критике на «Графа Нулина»*. Из человеколюбия советуем ему надеть очки, читать повнимательнее, помнить получше прочитанное и писать не наобум.

* «В<стпик> Евр<оны>», кн. III, с. 216¹. Там сказано: «В превосходной

До сих пор этот альманах, бесспорно, был лучшим из всех русских альманахов. Хвалить его у нас вошло уже почти в привычку, и потому в прошедшем году гг. журналисты были несколько расточительны в своих панегириках и возвеличили «Северные цветы» не по достоинству. Но прошедшее в сторону... «Северные цветы» в нынешнем году по-прежнему разделяются на два отделения: прозаическое и стихотворное. Рассмотрим каждое из них отдельно.

Из пьес в прозе первое место занимает 4<-я> глава из исторического романа А. Пушкина¹. Описания верные, рассказ живой, игривый; нигде ничего нет лишнего, язык правильный, знание наших старинных обычаев, наконец, везде слышен дух русский.

Заметим, что Кирилл Петрович едва ли мог сказать: «по мне жена как хочешь наряжайся: хоть кутафьей, хоть богдыханом, только б не каждый месяц заказывала себе новые платья, а прежние бросала новешенькие. Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан, а нынешние робронды — поглядишь — сегодня на барыне, а завтра на холопке». Так жаловались наши отцы, много что деды, но не при Петре Первом: тогда мода не часто переменялась.

В речи Гаврилы Афанасьевича слово *кстати* показалось нам (может быть, иные и рассмеются на это замечание) излишним; наконец — педантическое замечание: нехорош оборот, которым оканчивается глава: «гости остались в столовой, шепотом толкуя об этом неожиданном посещении, и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль». Два деепричастия, относящиеся к одному глаголу, должны стоять рядом и никак не могут разделяться своим глаголом. Здесь должно бы выразиться иначе.

Нашим причудникам, может быть, не понравятся еще некоторые выражения: *брюхо, кургузый, животик, перетянутый так, что еле не перервется, исподницы, напяленные на обручи, морда* и проч. — но что на них смотреть!

«Уединенный домик на Васильевском», соч. Тита Космократова². Эта повесть, которую гораздо приличнее было бы назвать сказкою, показалась нам самою худшею прозаическою статьею в альманахе. Сочинитель, изу-

эпизодической картине *кота* поэт подменил пьесе, если не обманывает нас память, *кошку мышью*. Это передело жеманного крысопольского Селадона в старинный быткповешный костюм *Васьки-прожоры*, более падающий чувство приличия, по менее оригинальный и не совсем гармонирующий с ходом целого. — Здесь что слово, то спасибо. *Крысопольский Селадон* и *Васька-прожора* — все это очень хорошо и совершенно гармонирует с понятиями, вкусом и чувством *приличия* г. критика с Патриарших прудов. Жаль только, что построшенные им городки сами собою рассыпаются: придуманной так удачно г. критиком *кошки* пет и не бывало ни в «Нулине», помещенном в «Северных цветах», ни в «Нулине», напечатанном в особой книжке. Охотники до справок и проверок могут взглянуть на 16<-ю> страницу стихотворений в «Северных цветах» 1828 <г.> и на 23<-ю> стр<аницу> повести «Граф Нулин», напечатанной вместе с повестью «Бал».

чивший, как видно, все подобного рода немецкие бредни последней четверти прошедшего столетия, вздумал и у нас на Руси вывестъ на сцену сатану и приманивать читателей нескладною бесовщиною. Скажем откровенно, что попытка и выдумка его самые неудачные. Изобретение вялое, не обнаруживающее в изобретателе ни тени художественного таланта, лишено всякого, даже поэтического, вероятия и на каждой строчке бросается в глаза своими несообразностями. Способ изложения сухой и утомительный; язык неровный, педантический и часто грешный против грамматики. Заметим еще, что в этой повести попадаются выходки довольно грубые, несвойственные общепринятому тону образованного общества и которых весьма не хотелось бы встречать в одном из лучших наших альманахов. Приглашаем любопытных взглянуть на страницы 183, 186, 187: там увидят они, как отличился почтенный Тит Космократов, но довольно о бездарном. <...>³

Пушкин на этот год принес небогатую дань «Северным цветам», но «Подражание Анакреону», «Город пышный», «Два ворона» носят печать его пера и гибкого таланта⁴. <...>

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

Поэма «Мазепа» в 3-х песнях, сочинение А. С. Пушкина, уже печатается. Многие из первоклассных здешних литераторов, слышавшие чтение сей поэмы, когда она была еще в рукописи, отзываются о ней с великими похвалами. Характеры Мазепы и Кочубея представлены в ней с необыкновенным искусством: первого, как расчетливого, хитрого честолюбца, коварного обольстителя и хладнокровного злодея; второго, как человека гордого, прямодушного, твердо стоящего за честь своего семейства и за благо родины. Описание Полтавского боя отличается силою и правдоподобием, и в пылу сего боя являются два великие соперника, Петр I и Карл XII. Одною чертою поэт превосходно обрисовал характер храброго полковника Палея... Но мы не станем пересказывать всего, что слышали о красотах сей поэмы, и предоставляем читателям по выходе ее в свет оценить достоинство ее собственными впечатлениями. Скажем только, что сею поэмою Пушкин прекрасно отвечал словесным и печатным критикам, которые шумели, что он пишет (по их понятию) одни только мелочи и не касается предметов более возвышенных, предметов исторических.

Н. А. ПОЛЕВОЙ

«ЧЕКА». УРАЛЬСКАЯ ПОВЕСТЬ. СОЧИНЕНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСЕЕВА

М., 1828 г., в т<ипографии> Театра, in 12, VII и 38 стр.

<Отрывок>

Счастье тому поэту, чье творение еще до выхода на белый свет лелеется ласковою рукою журналистов; по частям показывается публике на атласистых листках альманахов; приветствуется шепотом ожидания публики;

счастье ему по старинной пословице: *не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив!* Часто ничто, кроме этого счастья, не бывает причиною известности новой поэмы. И будь поэтическое создание с великими достоинствами, не уступай оно ни одному из произведений модных поэтов — без прихотливого счастья оно лежит забытое в пыли книжных лавок; не читаемое, дурно напечатанное, идет наряду с «Киргизскими пленниками», «Доннами Эльвирами», «Рыбаками», «Кудеярами», которых, конечно, никакая сила не вытянет в известность¹.

Так думал рецензент, прочитав «Чеку», небольшую поэму, написанную г-м Алексеевым. Уже несколько месяцев, как она напечатана, и нигде в наших журналах ни словечка об ней не было сказано. Не сомневаемся, что истинное достоинство и без журнального покровительства приобретет себе голос просвещенных знатоков; но тем не менее обязанность журналистов указывать на достойное замечания и незамечаемое в толпе других явлений словесности. Многими примерами можно доказать, что без указания долго надобно дожидаться благосклонности публики тому творению, которому счастливая судьба не дает известности иногда и до рождения. Прежде всего скажем несколько слов о новых русских поэтах.

Общее, главное достоинство их (говорим о замечательнейших) есть легкое стихосложение. Наши хорошие поэты так выучились теперь писать стихи, что, кроме стихов Пушкина, весьма трудно различить стихи Баратынского, Подолинского, Языкова, Плетнева, Шишкова и других поэтов, известных гармоническими стихами. Пушкин исключение из всех. Он принял от Карамзина четырехстопный ямб, усвоил его себе, пересоздал и так владеет им, что никто донныне из всех вышеозначенных нами последователей Пушкина не сравнился с ним и, вероятно, не сравнится, хотя все поэты наши, так же как Пушкин, приняли за главный тон песней своих четырехстопный ямб. Мы назвали новых поэтов наших последователями Пушкина и скажем, что имя это принадлежит им по многому. Писать стихи выучил их Пушкин; кроме того, он первый явился у нас представителем романтических поэм Байрона и увлек за собою всех. Только в последних сочинениях Баратынского является самобытность и отступление от форм и стихов Пушкина. Можем и от некоторых других поэтов ожидать того же и в сем случае с особенною надеждою смотрим на юный талант Подолинского²; но донныне все это надежды, и едва ли о ком-нибудь сказать можем, что они уже решительно исполнились. Принимая размер стихов Пушкина, поэты наши принимают и тот дух, те формы мыслей, коими донныне ознаменовывались все его поэмы. От сего главные недостатки: однообразие духа, в каком изображаются герои поэм; забвение форм, под коими должна бы являться национальность и частность героев и героинь. Прибавим к этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно держатся новые поэмы, оставление в тенях многих частей и отделку только некоторых, отчего поэма бывает только рядом картин, часто худо связанных; к этому ведет и самое деление поэм на книги, а книг, или глав, на строфы или куплеты. Заметим, что Пушкин с каждою поэмою удаляется от таких недостатков: «Цыганы» его были уже весьма чужды их, а «Мазепа»³, как говорят, есть творение, полное новой жизни и совер-

шенной самобытности. Вступление, напечатанное при 2-м издании «Руслана и Людмилы»⁴, «Утопленник»⁵, известные нам сцены из «Бориса Годунова» показывают, как хорошо понимает Пушкин национальность, местность, в которую должны облекаться действующие лица каждого из его творений. О последователях его ни об одном еще нельзя сказать этого; но скажем, что это и не отнимает у них прав на талант, а у нас надежды. Всякому своя доля. Пушкиновых и везде немного: это гений; но, охотно сознаваясь в этом, думаем, что и г-н Алексеев вместе с другими поэтами нашими может объявить свои некоторые права на почетное местечко в новой русской словесности.

Он подражатель Пушкина, неоспоримо. Но, приняв форму поэмы, расположение частей и самый образ стихосложения Пушкина, отделкою частей и стихами своими г-н Алексеев показывает, что он владеет поэтическим языком, что душа его есть душа поэта. Невольно думаешь: люди, ему подобные, созная талант свой в высшей степени, не подражая, мысля сами, изучая не Пушкина, а душу свою и природу, могли бы создавать творения самобытные, разнообразные. Впрочем, всякий платит дань веку и обстоятельствам, в которых живет, и гений должен увлекать за собою таланты, стоящие ниже его, особливо у нас; разгадка этого в нашем образовании, в нашем воспитании; а примеры — Пушкин и все окружающие его наши новые стихотворцы. <...>

Ф. В. БУЛГАРИН

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., в типографии Департамента народного просвещения.
1829, в 8°, 91 стр.

Вот новое произведение любимца нашей публики! О сей поэме объявлено уже было в «Северной пчеле». Сообщивший предварительное известие назвал сию поэму «Мазепа», но это то же самое сочинение, о котором было говорено¹. Заглавие переменено после. В сей поэме описаны любовь Мазепы к дочери Кочубея, Матрене, которая названа в поэме Мариєю; бегство сей несчастной из дома родительского; донос Кочубея и Искры; Полтавский бой; торжество Петра Великого; бегство Карла XII и Мазепы; встреча сего последнего с Мариєю, лишившеюся ума после смерти отца. Поэма разделяется на три песни; песни состоят из отрывков, или отдельных происшествий, представляющихся как в волшебном фонаре. В «Сыне отечества» будет помещен подробный разбор сего сочинения²; а теперь, чтобы дать читателям некоторое понятие о поэме, выписываем лучшее, по нашему мнению, место, а именно: изображение казака, везущего к Петру донос на Мазепу.

* Цена 10 рублей, за пересылку на города 1 рубль. Продается в книжном магазине А. Ф. Смирдина у Силего моста и у всех русских книгопродавцев в С.-Петербурге и Москве.

Кто при звездах и при луне
 Так поздно едет на коне?
 Чей это конь неутомимый
 Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
 Казак не хочет отдохнуть
 Ни в чистом поле, ни в дубраве,
 Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит,
 Мешок за пазухой звенит.
 Не спотыкаясь, конь ретивый
 Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булат потеха молодца;
 Ретивый конь потеха тоже, —
 Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
 Коня, червонцы и булат;
 Но выдаст шапку только с бою
 И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
 Затем, что в ней донос зашит,
 Донос на гетмана злодея
 Царю Петру от Кочубея.

Повторяем, что это лучшее, по нашему мнению, место в целой поэме, и невзирая на то, что целая поэма прекрасная, пушкинская, но если б в ней было таких десять страниц, то она была бы вдесятеро лучше. Без дальнейших объяснений (которые будут в «Сыне отечества») скажем, что поэму «Полтава» мы почитаем третьей по достоинству сочинений Пушкина, т. е. после «Цыган» и «Бахчисарайского фонтана». Это весьма много еще, чтоб поэма «Полтава» была читана, перечитана и расхвалена. Может быть, многие литераторы, друзья нашего первоклассного поэта, и он сам будут с нами в этом не согласны. Что ж делать? Это наше мнение, которое мы подкрепим доказательствами, а между тем поздравляем публику с новою прелестною поэмою, с новым перлом нашей словесности.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
 «ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., 1829 г., в типографии Деп<артамента> народн<ого> просв<ещения>,
 in 8, VII и 91 стр.

С появлением в свет сей поэмы Пушкин становится на степень столь высокую, что мы не смеем в кратком известии изрекать приговора новому его произведению. Доселе русские библиографы, и в числе их мы сами, следовали в отношении к Пушкину словам Вольтера, сказавшего о Расине, что под каждое его страницею должно подписывать: *прекрасно! превосходно!*¹ Впрочем, это естественный ход вещей: всякое необыкновенное явление сначала поражает и после уже дает время подумать об отчете самому себе.

Но, удерживаясь на сей раз от решительного суждения о «Полтаве», мы скажем, однако ж, что видим в ней при всех других достоинствах новое: народность. В «Полтаве» с начала до конца везде русская душа, русский ум, чего, кажется, не было в такой полноте ни в одной из поэм Пушкина. Сердце трепещет, когда читаете, например, следующий ответ Кочубея Орлику:

Так, не ошиблись вы! три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была —
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть!
Ее готовлюсь Богу снести.

Это голос русский, доходящий прямо до нашего сердца. Скажут, может быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута одним духом. Блестящих мест, в коих видна особенная сила гения, в ней множество. Выписываем одно: ночной разговор Мазепы с Орликом накануне Полтавской битвы.

Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкий и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом;
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражьей стлану;
Свалить, как нынче, казака
И обменять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен и кичлив;
Бог весть, какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлекся я на старость лет;

Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая.

Орлик

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решила непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовым
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листах его венца!
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Библиографическая точность заставляет нас прибавить здесь, что за несколько времени до выхода в свет «Полтавы» в некоторых из русских журналов было упоминаемо о поэме Пушкина, которую именовали «Мазепа»². Это одно и то же произведение, которое последним из сих имен называли по имени главного действующего лица. Впрочем, литературным вестовщикам не в первый уже раз ошибаться подобным образом. Пушкин при каждой из последних своих поэм поправлял их: они говорили «*Бакчисарайский фонтан*», а он написал «*Бахчисарайский*»; они писали «*Онегин*», «*Цыгане*», а он написал «*Онѣгин*», «*Цыганы*». Наконец, вместо «*Мазепы*» явилась «*Полтава*».

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»
 «ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., в типогр<афии> Департ<амента> народн<ого> просвещения,
 1829. в 8, 94 стр.

Никто из русских поэтов не расточителен так на произведения творческой фантазии, как А. С. Пушкин; у него почти к каждому годовому празднику готова обнова прихотливой музыки. Благодарим от лица публики эту прихотницу, не дающую отдыха своему любовнику, беспрестанно требующую от него нарядов и обворожающую нас красотою разнообразия. Речь о разнообразии. Любимый поэт наш и в этом отношении отличается от всех собратьев своих по Аполлону. Это Протей¹ в своем роде: он на лире своей перепробовал все струны, все тоны и полутоны. Не беремся решительно сказать, всегда ли удастся ему верно брать тоны и полутоны: в поэзии, как и в музыке, это камень преткновения. Отчего мы удивляемся великим поэтам древних и новых времен? Оттого, что их творения представляют что-то целое во всех отношениях, т. е. в отношении к общей идее, в отношении к плану, в отношении к слогу, или поэтическому колориту, наконец, если дело идет о родах сочинений повествовательных или драматических, в отношении к характерам действующих лиц и их группировке.

Некоторые упрекают Пушкина в неровности характеров, чувств и даже слога; но что нам за дело до некоторых. Публика всегда с нетерпением ожидает его произведений и с жадностью читает их; следовательно, он — *omne tulit punctum**. Может быть, иным не понравится выведенное нами *следствие*; но пусть говорят, что хотят, мы между тем в удовольствие читателей и почитателей Пушкина представим содержание «Полтавы» и лучшие в ней стихи.

Очерк Кочубея и дочери его Марии; бегство последней из дому отцовского к Мазепе; отчаяние и замысел Кочубея отмстить похитителю Марии; донос на гетмана царю Петру — вот содержание первой песни «Полтавы». Во второй изображается коварство Мазепы; оправдание его пред царем и казнь невинного Кочубея, которого Мария хотела спасти, но опоздала. Третья песнь почти вся посвящена описанию Полтавской битвы; к концу только поэт намекает о сумасшествии и отчаянии Марии и бегстве Карла XII с Мазепой с поля битвы.

Мы бы хотели сделать поэту один вопрос: почему назвал он свою поэму «Полтавою», которая поставлена у него почти в невидимом уголке? Главное действие только скользит, так сказать, мимо Полтавы. Может быть, Пушкин, редко повторяющий себя, дал новой поэме своей название точно с таким же намерением, какое было у него в виду при издании «Бахчисарайского фонтана», который также стоит в его поэме в едва приметном уголке. Впрочем, не наше дело разгадывать мысли поэта. Но мы заговорились. Зачем разочаровывать многочисленных читателей и почитателей Пушкина! Думаем, что мы больше доставим им удовольствия, если представим лучшие места из «Полтавы». Вот они:

* заслуживает полного одобрения (*лат.*). — *Ред.*

Свершилась казнь. Народ беспечный
 Идет, рассыпавшись, домой
 И про свои работы вечны
 Уже толкует меж собой.
 Пустеет поле понемногу.
 Тогда чрез пеструю дорогу
 Перебежали две жены.
 Утомлены, запылены,
 Они, казалось, к месту казни
 Спешили полные боязни.
 Уж поздно! — кто-то им сказал
 И в поле перстом указал.
 Там роковой намост ломали,
 Молился в черных ризах поп,
 И на телегу подымали
 Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
 Мазепа, грозен, удалялся
 От места казни. Он терзался
 Какой-то страшной пустотой.
 Никто к нему не приближался,
 Не говорил он ничего;
 Весь в пене мчался конь его.
 Домой приехав, что Мария? —
 Спросил Мазепа. Слышит он
 Ответы робкие, глухие...
 Невольным страхом поражен,
 Идет он к ней; в светлицу входит:
 Светлица тихая пуста —
 Он в сад и там смятенный бродит;
 Но вокруг широкого пруда,
 В кустах, вдоль сеней безмятежных
 Все пусто, нет нигде следов —
 Ушла!.. Зовет он слуг надежных,
 Своих проворных сердюков.
 Они бегут...

Вот эскиз сражения, набросанный легкою рукою поэта-живописца:

Горит восток зарею новой.
 Уж на равнине, по холмам
 Грохочут пушки. Дым багровый
 Кругами всходит к небесам
 Навстречу утренним лучам.
 Полки ряды свои сомкнули.
 В кустах рассыпались стрелки.
 Катятся ядры, свищут пули;
 Нависли хладные штыки.
 Сыны любимые победы,
 Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
 Волнуясь, конница летит;
 Пехота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ее стремления крепит.

И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там.
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.

Если бы мы не боялись слишком распространить журнальную статью, то бы выписали и эпилог. В нем, кроме картин, выказывается чувство.

Ф. В. БУЛГАРИН

**РАЗБОР ПОЭМЫ «ПОЛТАВА»,
СОЧ. АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА**

(См. № 39 «Северной пчелы»)

Прежние поэмы, так называемые классические, были не что иное, как подробное описание какого-нибудь происшествия, целой эпохи или вымышленного события, род стихотворной истории, украшенной вымыслами суеверия, преданий о волшебстве, о чудесном. В сих поэмах все почти страсти представлялись олицетворенными, и каждый герой действовал, как машина, по внушению какого-нибудь божества, волшебницы или чародея. В поэме не было ни одного лица, действующего произвольно, включительно до самого автора, который должен был подчинять злему школьному духу порывы своего восторга и воображения. Не нужно, кажется, повторять, что мы говорили о поэмах новой литературы, которые были сочинены по образцам «Илиады» и «Энеиды», с применениями к нравам новых времен. Между эпическими поэтами новых времен, до 19 столетия, Тасс, Ариост и Камюэнс сияют, как светила во мраке.

Но природа человеческая непостоянна, как воздух, вода и огонь, как все *видимые* предметы жизни. Этот род поэм наконец наскучил. В школах проповедовали о классицизме, ученики выучивали наизусть стихи и правила, — но умы дремали. Единообразная отчетливость в делах и происшествиях, описываемых в поэмах, утомительные битвы, сумасбродная любовь, олицетворенные страсти, заводящие сердце человеческое, как часы, в условленное время, когда должно герою действовать, волшебство или сила свыше, которые появляются всегда, когда автору нужно выпутаться из какого-нибудь хитросплетенного обстоятельства, — все эти дружины слишком ослабли от излишнего употребления, и множество поэм находило весьма мало читателей. Не менее утомительными сделались эти вечные приступы к песням, эпизоды, подробные описания местоположений, родословные героев и эти вечные восклицания: *пою!* или призывания музыки. Одним словом, люди требовали от поэм чего-то другого; чувствовали, что может быть что-нибудь лучше, сильнее, занимательнее, — и ожидали.

Явился гений — и сотворил новый род, или, лучше сказать, воспользовался всеми начинаниями и всеми созревшими материями для сооружения нового рода. Байрон, чувствуя потребность своего века, заговорил языком, близким к сердцу сынов девятнадцатого столетия, и представил образцы и характеры, которых жаждала душа, принимавшая участие в ужасных переворотах, потрясших человечество в последние времена. Байрон сделался представителем духа нашего времени. Постигая совершенно потребности своих современников, он создал новый язык для выражения новых форм. Методическое, подробное описание, все предварительности, объяснения, введения, изыскания *ab ovo** отброшены Байроном. Он стал рассказывать с середины происшествия или с конца, не заботясь вовсе о спаянии частей. Поэмы его созданы из отрывков, блистательных выдержек из жизни человеческой. Байроновы поэмы не суть огромные картинные галереи или многочисленные книгохранилища, где утомленный любитель должен скучать и мучиться, рассматривая посредственное и дурное, чтоб найти превосходное. Напротив того, поэмы сего современного гения суть собрание картин, избранных знатоком из творений первоклассных художников всех школ: не книгохранилище для удовлетворения страсти библиомана, но извлечение лучших мест из первоклассных писателей для угождения разборчивому вкусу, обильная пища сердцу и уму. Оттого-то люди образованные, просвещенные, люди с чувством и умом, бросились на поэмы Байрона, как алкающие в Аравийской пустыне к источнику ключевой воды; а педанты ужаснулись новости беспорядка и стали порицать то, чего постигнуть были не в состоянии. О невеждах молчим.

Байрон дал новое направление поэзии, возбудил новые желания в читающем, т. е. в мыслящем, сословии рода человеческого и, как каждый преобразователь, каждый сектатор, породил множество последователей и подражателей. Просим наших читателей не принимать сих двух слов синонимами. *Последовать* должно хорошему, и гений может *последовать* другому гению, имевшему счастье прежде его устремиться на новое поприще; но только одни мелочные умы, люди бесталантные могут быть *подражателями*. Вальтер Скотт создал новый род исторических романов,

* с самого начала (лат.). — Ред.

невзирая на то, что и прежде него писали исторические романы. Публика любит род, изобретенный Вальтер Скоттом, — итак, надобно писать в этом роде, не будучи подражателем, а извлекая существо дела из обычаев своей страны, излагая по-своему. Американцы называют Купера не *подражателем* Вальтера Скотта, а *последователем*, — так, как немцы своего Фан-дер-Фельда. Аддисон писал о нравах английских, и Жуи не *подражатель* Аддисона, а *последователь*¹. Это название не отнимает литературной славы, ибо, будучи *последователем*, можно быть оригинальным, изобретателем. У Байрона весьма много *подражателей* и весьма мало *последователей*, достойных того, чтоб их сравнивать с учителем. Некоторые из спутников сего светила озарились его светом и проникнулись его теплотою. Но до сих пор в Байроновой планетной системе солнце только одно!

Я сказал выше, что поэмы Байрона составлены из отрывков, из важнейших эпизодов жизни человека или блистательнейших событий, в которых герой поэмы играл главную или значительную роль. Между сими отрывками нет *риторической* связи, и они спаиваются узами общей занимательности. После Байрона все почти поэты стали таким образом писать свои поэмы или повести, называемые поэмами. Что ж из этого выходит? Так, как прежде скучно было единообразное разделение поэм на песни и эпохи, как утомительны были эти олицетворения, приступы с восклицанием *пою*, описания битв и родословные, так ныне скучны и единообразны все эти кучи отрывков, которые, как отломки разных сосудов, и драгоценных и самых обыкновенных, представляются нам в одном мешке, под именем поэм!² — От единообразия в формах и приемах все новые поэмы кажутся похожими одна на другую, как запас фраков или жилетов одного покроя. Таковы ли поэмы Байрона? — Нет. — Его «Лара» не похож на «Чайльд-Гарольда», «Гяур» не похож на «Дон-Жуана», «Абидосская невеста» не похожа на «Паризину»³. Одна из отличительных черт сочинений Байрона есть *разнообразие*; напротив того, отличительная черта не только его подражателей, но и большей части последователей — единообразие.

Сказав несколько слов о новом роде поэзии, введенной Байроном, обратимся к сему роду, введенному у нас Пушкиным.

Кто таков Пушкин в нашей словесности? На этот вопрос, может быть, не надлежало бы отвечать при жизни сочинителя, но как в журналах русских беспрестанно говорят о сем поэте, иногда с величайшим энтузиазмом и выспренными похвалами, иногда с неуважением, даже оскорбительным, то я почитаю себя также вправе беспристрастно высказать свое мнение.

Сомневаюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такие, которые бы не сознались, что он гений. Пушкин начал писать в таких летах, когда невозможно делать усилий, чтоб быть стихотворцем. Природа создала его поэтом.

Не упоминая о мелких стихотворениях Пушкина, из коих большая часть носит на себе отпечаток величайшего дарования и между которыми вовсе нет дурных пиес, сознаемся, что поэмы его дали другой вид нашей словесности. Первая его поэма, «Руслан и Людмила», составлена им в роде Ариостовом, и хотя писана в юности автора, когда он не мог глубоко постигать сердца человеческого, но воображение юного поэта дополнило недостатки естественности, и поэма причтена к первоклассным произведе-

ниям словесности. Должно предполагать, что Пушкин уже после сочинения «Руслана и Людмилы» проникнулся духом новой романтической школы и, так сказать, вступил в планетную систему Байрона, «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы», «Онегин» принадлежат к байроновской школе и вылиты в формы, созданные великим певцом Британии. Однако ж Пушкин есть не *подражатель* Байрона, а *последователь* его, и у нас имеет тем большее достоинство, что он первый ввел этот род и заставил полюбить его гениальными своими произведениями.

Описательная часть в «Кавказском пленнике», характер Заремы в «Бахчисарайском фонтане», характеры Земфиры и старца в «Цыганах», тюрьма в «Братьях разбойниках», подробности в «Онегине», множество отдельных стихотворений — суть истинно мастерские (*chef-d'oeuvres*) произведения, которые признаны были бы таковыми у всех народов. Для нас, русских, сии произведения гения тем драгоценнее, что мы, кроме общих питических красот, наслаждаемся прелестями языка родного, который под чародейским пером Пушкина во сто раз сильнее и благозвучнее.

Те, которые сравнивают Пушкина с Байроном, верно, не понимают в подлиннике произведений британского поэта. Байрон сотворил новый мир, населил его существами мрачными, презирающими человечество и все, что только создано человеком. Герои байроновские дышат не воздухом, а пламенем, и душа их, как адамант, не сгораема среди пожара страстей; железное сердце неприкосновенно ударам рока. Любовь байроновская — или исступление или разврат; дружба его — роковая клятва самоотвержения или союз расчета; наслаждение — истребление, гибель, опасности или совершенное бездействие. Одним словом, у Байрона во всем крайности, которые или приводят душу в ужас, или трогают ее до глубины, или возбуждают неизъяснимую холодность к человечеству. Ни одной строфы Байрона нельзя прочесть без того, чтоб все способности ума и души не пришли в движение. Характеры его героев отделаны вполне; картины природы писаны сильною кистью; язык Байрона есть наречие, которому нет названия. Байрон все изъяснил, все высказал, все описал, и те даже из его соотчицей, которым доступен высокий язык поэзии, могут только *понимать* Байрона, но не в силах изъясняться его языком. Надлежало как-нибудь назвать его, и поэты согласились называть его *языком байроновским*.

Напротив того, у Пушкина (кроме характера Заремы в «Бахчисарайском фонтане») вовсе нет сильных, пламенных, мрачных, неукротимых характеров байроновских. Язык Пушкина сладкозвучен и силен; фактура стихов легкая, приятная; но Пушкин только воспользовался красотами нашего языка, а не создал своего собственного; стихосложению дал он легкость и звучность россиниевской школы, а не сотворил новых форм⁴. Байрон везде глубокомыслен, даже в предметах легких; он каждый предмет, даже низкий, возвышает силою своего гения. Напротив того, Пушкин везде и во всем слишком легок, и даже в предметах величайшей важности; он только прикасается к предмету, а не углубляется в него. Поэмы Пушкина суть великолепные панорамы, природа в отдалениях; в этих видах много прекрасного, но все показывается что-то неясвенно.

Не менее того, заслуги Пушкина в русской литературе и языке чрезвычайно велики, и, не сравнивая его с Байроном, мы в теперешнем нашем быту должны почитать его вместе с Жуковским главами романтической школы, которая ныне в целой Европе берет верх над классицизмом. Не будучи ни Байроном, ни Шиллером, ни Гете, можно еще стоять очень высоко и быть первоклассным писателем.

Я не хочу продолжать сравнений, которые увлекли бы меня весьма далеко и заставили бы прибегнуть к разбору всех поэм Пушкина. Скажу кратко мое мнение о новой его поэме «Полтава».

Отчего она не произвела такого впечатления в публике, как другие произведения сего поэта? Оттого, что поэт был вправе не давать отчета в характерах и положениях *вымышленных* лиц, а от лиц *исторических* мы требуем полноты характера и желаем видеть события в их настоящем, правдоподобном виде даже в волшебном зеркале вымысла. Этого нет в поэме «Полтава». Разные эпохи и действия, представленные в отрывках, развлекают внимание и не сплочены так, чтоб составляли одно целое: общая занимательность гибнет в подробностях.

Как изображены характеры действующих лиц? Кочубей не из любви к отечеству пишет донос на Мазепу, а из мщения, за похищение своей дочери. Герой малороссийской истории, Кочубей представлен ниже самого Мазепы, ибо гетман открыл тайну свою Кочубею, как другу, и *честно* требовал руки его дочери, прежде нежели решился похитить ее из родительского дома, не насильно, но по добром согласию. Даже бунт произвел Мазепа, следуя общему мнению войска, как сказано в поэме. Напротив того, Кочубей представлен в самом черном виде, злобным, мстительным, вовсе чуждым дел отечественных, претерпевающим пытку, чтоб не открыть сокровищ, а между тем сознающимся в небывалых винах, из одного страха! Все это несогласно с историею. Жена Кочубея представлена злобною мстительною фуриею, а не нежною матерью. — Из чего бросился Искра в пропасть доносов? В поэме об этом не сказано. Должно догадываться, что или из дружбы к Кочубею, или из ненависти к Мазепе, но любовь к отечеству и верность к престолу также не входят в виды благородного Искры, героя правоты. Мазепа в поэме жестоко обруган, но не представлен в том виде, каким изображает его история. Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная в «Истории Малороссии» Бантыша-Каменского, сильнее рисует характер Мазепы, нежели все бранчливые эпитеты, данные ему автором поэмы «Полтава»⁵. Страннее всего, что автор хочет представить Мазепу безрассудным и мстительным старичишкой, который поднял знамя бунта за то, что Петр Великий подрал его за усы во время пиршества, хотя после осыпал своими милостями. В то время это не почиталось даже обидою, и на пирах нередко господа гетманы и полковники дрались между собою и с подчиненными. Мазепа мог некоторое время гневаться на эту шутку, но доказано, что главным побуждением к бунту его было честолюбие, а целию — желание сделаться независимым владетелем Малороссии. Мария, дочь Кочубея, непостижимое существо. Отчего она так сильно влюбилась в седого старца, презрела всех юношей, бежала из родительского дома и нежится с дряхлым, больным гетманом, как с Адонисом? Мне кажется, что не любовь, а женское тщеславие ввергло в пропасть дочь Кочубея. Но в поэме Мария представляется нежною, пламенною любовницей, а не

тщеславною красавицей, которая презрела все обязанности, чтоб быть первою в Малороссии, *панею гетманшею*. Читатель не может этому верить. Если б мы, напротив того, подслушали разговор соблазнителя с несчастною жертвою, в котором бы хитрый старец представлял юной красавице всю прелесть величия, знатности, могущества, то поверили бы, что неопытная девица могла забыться и последовать за *больным стариком с седыми усами и головою, с впальми глазами!* Но чтоб она могла влюбиться в старика, и еще в такого гнусного, как он представлен в поэме, этому верить не можем и не будем. — Кто таков Карл в поэме Пушкина?

Он *мальчик бойкий* и отважный;
 Два-три сраженья разыграть,
 Конечно, может он с успехом,
 К врагу на ужин прискакать,
 Ответствовать *на бомбу* смехом; (?)
 Не хуже русского стрелка
 Прокрасться в ночь ко вражьей стану;
 Свалить как нынче казака
 И обменять на рану рану;
 Но не ему вести борьбу
 С самодержавным великаном:
 Как полк, вертеться он судьбу
 Принудить хочет барабаном;
 Он *слеп*, упрям, нетерпелив,
 И легкомыслен, и кичлив,
 Бог весть какому счастью верит;
 Он силы новые врага
 Успехом прошлым только мерит —
Сломать ему свои рога (?!).
 Стыжусь; *воинственным бродягой* (?!)
 Увлёкся я на старость лет, *и проч.*

Итак, Карл XII — *мальчик бойкий и отважный, воинственный бродяга!* Помилуйте, Александр Сергеевич! это уж вольность пиитическая чрез край! Надобно при этом вспомнить, что Мазепа говорит так о Карле XII *прежде* Полтавского сражения, когда сам Петр Великий не верил своему успеху и не полагался на будущее. Вот, что говорит об этом сам же автор поэмы в своем предисловии:

«Ошибка шведского короля вошла в пословицу. Его упрекают в неосторожности, находят его поход на Украину безрассудным. На критиков не угодить, особенно после неудач. Карл, однако ж, сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит*, что наконец 25 т<ысяч> шведов, предводительствуемых своим королем, побегут пред нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, *яко зело опасного дела*. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастию: оно уступило гению Петра»⁶.

* Верно, опечатка — вместо: разбиваем. *Соч<инитель>*.

Вот как сам автор описывает обстоятельства того времени. Итак, когда сам Петр признавал план кампании Карла XII мудрым, когда сам автор называет его *умнее* Наполеона, можно ли назвать его *бойким мальчиком, воинственным бродягой*? Если Мазепа почитал его таким, зачем же соединил свою судьбу, судьбу своего отечества с прихотями безрассудного? — Мазепа изображен не честолюбцем, не хитрецом, не злодеем, но просто — *злым дураком*.

Характера Петра Великого нет в поэме, но есть прекрасный портрет его.

Допуская в романтическом роде все возможные вольности пиитические и не налагая никаких уз на воображение поэта, я не скажу, чтоб в поэме «Полтава» все лица были без характеров. Нет! всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и, следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характерами. Пружины слишком слабы для сильного действия, и оттого мы видим огромную машину — в бездействии. История побеждает вымысел, и оттого потеряна в нем занимательность.

Должен ли я разбирать все подробности, указывать на все стихи и выражения, которые заставили меня поставить сию поэму ниже бессмертного творения «Цыган» и прелестного «Бахчисарайского фонтана»? Следовало бы, чтоб не вовлечь в искушение бесчисленных подражателей А. С. Пушкина, которые, не будучи в состоянии возвыситься до красот его, рады, когда могут скропать стишки, подходящие к стихам, неудачно вылившимся из обворожительного пера первого русского поэта. Я было и начал, хотел выписать все, что мне не понравилось, как, например:

Вокруг высокого чела,
Как *тучи* локоны чернеют*, и т. п.

Хотел было распространиться, но наконец раздумал. Драгоценное ожерелье, отделанное со вкусом, не много потеряет из своей цены, если в нем отыщут несколько поблекших жемчужин или алмазов низшей воды от прочих. Предоставляю издателю «Славянина»⁷ удовольствие отрывать и нанизывать стихи и слова, не сияющие одинаковым блеском с другими, и обращаюсь к красотам поэмы.

...Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом;
Но в замке топот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленьи,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

* Не слишком ли сильна гиперболы: *локоны* как *тучи*? При сем замечу, что во время Мазепы не носили локопов в Малороссии. О пышных локонах можно это сказать, но только в насмешку.

Заутра казнь. Но без боязни
 Он мыслит об ужасной казни;
 О жизни не жалеет он.
 Что смерть ему? желанный сон.
 Готов он лечь во гроб кровавый.
 Дрема долит. Но, Боже правый!
 К ногам злодея, молча, пасть
 Как бессловесное создание,
 Царем быть отдану во власть
 Врагу царя на поруганье,
 Утратить жизнь — и с нею честь,
 Друзей с собой на плаху весть,
 Над гробом слышать их проклятья,
 Ложась безвинным под топор,
 Врага веселый встретить взор
 И смерти кинуться в объятья,
 Не завещая никому
 Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
 Обычный круг семьи, друзей,
 Минувших дней богатство, славу,
 И песни дочери своей,
 И старый дом, где он родился,
 Где знал и труд и мирный сон,
 И все, чем в жизни наслаждался,
 Что добровольно бросил он,
 И для чего? —

В темницу к Кочубею приходит клевет Мазепы, Орлик, и допрашивает его, где он скрыл свои клады. Ответ Кочубея — прелесть.

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
 В сей жизни были мне отрада.
 И первый клад мой — честь была,
 Клад этот пытка отняла;
 Другой был клад невозвратимый —
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь над ним дрожал:
 Мазепа этот клад украл.
 Но сохранил я клад последний,
 Мой третий клад: святую месть.
 Ее готовлюсь Богу снести.

Накануне казни Кочубея Мазепа приходит в светлицу дочери его, Марии, и находит ее спящею. Вот картина Рубенсова:

И он глядит: на тихом ложе
 Как сладок юности покой!
 Как сон ее лелеет нежно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой:
 А завтра, завтра... содрогаясь,
 Мазепа отвращает взгляд,

Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Мазепа прогуливается ночью в саду, накануне казни Кочубея:

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья,
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной —
Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим ответствовал — тем криком,
Которым он в веселье диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем,
И — с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Картина народной толпы, стремящейся на казнь, удивительно как хороша:

Дорога, как змеинный хвост,
Полна народу, шевелится.

Мария, после казни своего отца, бежала от Мазепы:

И след ее существованья
Пропал, как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

Сражение под Полтавой решило участь Карла XII. Он бежит с своими приближенными в Турцию. Утомленная его дружина останавливается в поле, чтоб отдохнуть. Мазепа заснул.

Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул, как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впальми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

М а р и я

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

М а з е п а

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

М а р и я

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной!
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову. — Творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой

Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, — говорит она, —
Я помню поле... праздник шумный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?.. С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж поздно.
Ах! вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь».

Каких недостатков не выкупят эти красоты, красоты первоклассные!
Жаль, что поэт никогда не был зрителем сражения, и потому картина
битвы наполнена невероятностями, которые заглушают всю прелесть поэ-
зии. Например:

...Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.

Бой барабанный, клики, *скрежет*, (?)
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Военный человек скажет на это: если кавалерия своя и неприятельская рубится между собою, то ядра не могут между ними прыгать и разить, потому что в толпу неприятеля, смешанного с своими, стрелять не станут. Ядра могут шипеть в крови, когда они раскалены, но раскаленными ядрами в полевых сражениях не стреляют. Скрежету в битвах поныне не слыхивали, а прочее все благополучно и нового ничего нет, о чем донести честь имею.

Любитель отечественной истории прибавит: как жаль, что первый герой после Петра Великого в Полтавской битве, князь Меншиков, не улеся в стихе!⁸ А. С. Пушкин, как все великие поэты и благородные люди, имеет безусловных почитателей, которые, вероятно, и за благонамеренные мои замечания прогневаются, назовут меня вандалом, дикарем. Но сам А. С. Пушкин защитит меня, удостоверюсь, что никакая личность не водила моим пером, когда я говорил о характерах действующих лиц в поэме и о самом поэте. Давным-давно я уже назвал его первым из современных русских поэтов⁹, и ныне, хотя «Полтава» не нравится мне столько, как «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан», я все остаюсь при том же мнении.

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

О РАЗБОРЕ «ПОЛТАВЫ»

В 15 № «СЫНА ОТЕЧЕСТВА И СЕВЕРНОГО» АРХИВА»

Хотя до сих пор еще в одном только «Сыне отечества и Северном» архиве» был подробный разбор новой поэмы Пушкина, но уже почти все журналы, больше или меньше, высказали свое мнение о «Полтаве». Еще молчат «Атеней» и «Вестник Европы»¹. Но их молчание красноречиво для того; кто о будущем судит по прошедшему.

Я не буду разбирать журнальных мнений, не основанных на доказательствах, почита их не входящими в круг литературного быта, но принадлежащими к семейным обстоятельствам господ критиков. Ибо, вероятно, только для приятелей их интересна такая исповедь в чувствах. Публике нет дела до впечатлений, произведенных «Полтавою» на сочинителя той или другой статьи; ей совсем не любопытно знать, что такому-то безымянному «Бахчисарайский фонтан» нравится больше «Цыган», а другому неизвестному «Цыганы» понравились больше «Бахчисарайского фонтана». Ей от того нет ни пользы, ни удовольствия; и что могут отвечать на это люди посторонние, не связанные с автором ни родством, ни дружбою и, следовательно, не имеющие права ни хвалить его за справедливый образ мыслей, ни порицать за ложный?

Другое дело, когда критик опирается на доказательства; тогда правое слово может интересовать публику, а неправое должно вызвать на ответ. Вот почему, прежде нежели я стану говорить о «Полтаве», я считаю за нужное сказать несколько слов о разборе ее, помещенном в 15 № «Сына отечества». Он еще не кончен, но напечатанного весьма довольно для того,

чтобы показать образ мыслей автора и доверенность, какую мы можем иметь к его осуждениям.

Начнем с начала. Вместо вступления автор рассказывает о том, как ввелись в Европе романтические поэмы. Прежде, говорит он, все поэмы были писаны по образцам «Илиады» и «Энеиды». *«В школах проповедовали о классицизме; ученики выучивали наизусть стихи и прозу, — но умы дремали».* Наконец это наскучило, и *«люди требовали от поэта чего-то другого, чувствовали, что может быть что-то лучшее, сильнее, занимательнее».*

«Явился гений — и сотворил новый род».

Этот гений, по словам автора, есть Байрон, который, следовательно, ввел первый романтические поэмы. Итак, по мнению автора, и Данте, и Ариост, и Камюэнс, и Мильтон, и Клопшток, и Гете, и все великие поэты, которых до сих пор мы считали представителями романтизма, были классиками и подражателями «Илиады» и «Энеиды». Такой образ мыслей весьма оригинален и достоин всякого уважения, ибо он доказывает независимость автора от чужих мнений; но автор простит нам, если, следуя его примеру, мы не поверим ему на слово, как он не хочет верить другим, и не прежде согласимся с его новою системою, как тогда, когда он, во-первых, объяснит нам ее, а во-вторых, докажет. Смеем надеяться, что он не замедлит удовлетворить нетерпеливым ожиданиям публики.

С этою сладкою надеждою приступим к рассмотрению того, что автор говорит о новом родоначальнике романтизма. Не станем, впрочем, повторять всех слов его; большую часть его мыслей мы прежде уже читали в «Московском телеграфе», откуда автор, как кажется, заимствовал и образ изложения статьи своей: заметим только то, что нам показалось новым.

«Одна из отличительных черт сочинений Байрона, — говорит автор, — есть разнообразие».

Весьма важный подарок сделал бы г. рецензент просвещенной публике, если бы к изложению своей новой системы о романтизме присоединил и доказательство сей новой мысли о Байроне и опроверг таким образом всех байроновских критиков, упрекавших его совершенно в противном качестве. Ибо многие, как, вероятно, известно г. рецензенту, находят большое сходство между всеми его героями, видят одну оттенку во всех его чувствах, одно направление во всех мыслях и почти одну форму во всех поэмах.

Далее говорит г. рецензент: *«Любовь байроновская — или исступление, или разврат; дружба — роковая клятва самоотвержения или союз расчета; наслаждение — истребление, гибель, опасности или совершенное бездействие».*

Не разбирая любви и наслаждений лорда Байрона, довольно ново здесь характеризованных, я спросил бы у г. рецензента: где нашел он у родоначальника романтизма такое представление дружбы?

«Поэмы Байрона составлены из отрывков. Между сими отрывками нет риторической связи, и они не спаяны узами общей занимательности. После Байрона все поэты стали таким образом писать свои поэмы или повести, называемые поэмами».

Но кого разумеет автор под словом *все поэты?* — Ни во Франции, ни в Германии, ни в Италии, ни в Польше и даже в самой Англии ни один из славных поэтов не перенял у Байрона формы его поэм. Если же под

словом «все» он разумеет только русских поэтов, то и здесь, выключая Пушкина, никто не присвоил себе отрывистую форму байроновского изложения. Поэмы Баратынского полны искусственных переходов и того, что г. рецензент называет *риторической* связью. О ком же говорит он?

Посмотрим, что г. рецензент говорит о Пушкине.

«*Кто таков Пушкин в нашей словесности?*» — спрашивает он, и отвечает: «*Он Гений*». Такое отношение Пушкина к нашей словесности и ясно, и удовлетворительно; особенно же потому, что автор доказывает гениальность Пушкина тем, что он начал писать в молодых летах. Замечательно, что при отличном образе мыслей самую известную мысль можно сказать и ново, и оригинально, и — деликатно.

О поэме «Руслан и Людмила» г. рецензент говорит, что она *«хотя писана в юности автора, когда он не мог постигнуть глубины сердца человеческого, но воображение юного поэта дополнило недостатки естественности и поэма причтена к первоклассным произведениям словесности»*.

Но оставим г. рецензента искать естественности в волшебных поэмах Александра Сергеевича и посмотрим, как он сравнивает его с Байроном.

«*Те, которые сравнивают Пушкина с Байроном, — говорит г. рецензент, — верно, не понимают в подлиннике произведений британского поэта*».

Далее: «*Характеры его (Байрона) героев отделаны вполне... Язык Байрона есть наречие, которому нет названия... Напротив того, у Пушкина (кроме Заремы в «Бахчисарайском фонтане») нет сильных, пламенных, мрачных, неукротимых характеров*».

Говоря о характерах с сильными страстями, отчего г. рецензент выбрал одну Зарему и позабыл Черкешенку, Алеко, Земфиру и Разбойников?

«*Пушкин только воспользовался красотами нашего языка, а не создал своего собственного*».

А Байрон разве сочинил английский язык?

«*«Полтава», — говорит г. рецензент, — не произвела такого впечатления, как другие поэмы Пушкина*».

Но кто же она, публика? и через кого призналась она г. рецензенту в своих чувствах? Разве есть хотя один образованный человек, знающий по-русски, который бы не читал ее с наслаждением? Какое же право имеет г. рецензент обвинять публику в том, в чем она, может быть, совсем не виновата? Бедная русская публика! Кроме почтовой лошади и китайского солдата, я не знаю существа несчастнее ее после всех напраслин, которые она терпит от наших писателей.

Вот мнение г. рецензента об исторической достоверности характеров в «Полтаве»:

Он не верит, что ненависть к Мазепе решила Кочубея послать на него донос Петру и думает, что Кочубей руководствовался одною любовью к отечеству. Но разве не Украина была отечеством Кочубея? и отчего не доносил он на гетмана прежде их ссоры?

Рецензент говорит, что Мазепа чеством требовал руки Марии. Но как же мог он, при тогдашнем образе мыслей, *чеством* требовать руки своей крестницы?

Рецензент говорит, что «*Кочубей (в поэме Пушкина) претерпевает пытку, чтобы не открывать сокровищ*». Можно ль отвечать на это обвинение? И какую доверенность можем мы иметь к критику, который так понял одно из лучших мест поэмы?

«Жена Кочубея *представлена злобною, мстительною фуриєю... Мазепа представлен злым дураком*». Где нашел все это г. рецензент? —

«Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная в "Истории Малороссии" Б<антъш>-Каменского, сильнее рисует характер Мазепы, нежели все эпитеты, данные ему автором поэмы "Полтава"».

Но неизвестно, *когда* написана сия дума и даже не достоверно, точно ли она сочинена Мазепою. Характер же Мазепы вернее всех возможных дум рисует нам договор его с королем Станиславом, коим он передавал Польше всю Украину, выговаривая себе некоторые личные выгоды². — Можно ли верить такому человеку, когда он говорит об отечестве? —

Рецензенту кажется еще, будто описание шведского короля не согласно с историей и будто Пушкин называет его умнее Наполеона. Лучший ответ на это обвинение — сама поэма и любая история Карла XII.

Рецензент жалеет, что Пушкин не представил подробно причин, побудивших Искру участвовать в доносе на гетмана. — Признаюсь, что и мне этого весьма жаль; но что ж делать? видно, в план автора не входило сделать первоклассными второстепенных героев своей поэмы.

Г. рецензенту кажется невероятным, что Мария любит Мазепу, что Мазепа не забыл обиды Петра и что прежде еще Полтавской битвы он умел разгадать шведского короля. Я охотно б отвечал на это г. рецензенту, если бы не считал неприличным занимать такого рода разговором большую часть книжки журнала. Но буду говорить об исторической достоверности «Полтавы», разбирая ее *без отношения к ее критикам*.

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., 1829. 8^о, с эпиграфом:

The power and glory of the war,
Faithless of their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.
Byron.¹

Предания отдаленной древности представляют богатый источник для волшебных поэм; времена исторические, обильные великими характерами и происшествиями, эпохи перемены гражданских нравов и борения различных партий открывают поприще благоприятное стихотворцам и романистам. Все сии периоды политического бытия пережила Россия; но до нашего времени мы не имели русских прозаиков и поэтов, в занимательных повестях верно изображающих быт своих предков. Извинительно иностранцам не знать русских, а потому нимало мы не удивляемся, когда они неверно описывают их нравы, характеры, обычаи, костюмы, когда старинных

* Мощь и слава войны,
Как и люди, их суетные поклонники,
Перенгли на сторону торжествующего царя.
Байрон (англ.). — Ред.

героев наших видим у них в одежде крестовых сподвижников Готфрида, когда Рюрика, Олега, Игоря, Святослава наряжают они в римские тоги, но не следовало бы русским подражать в сем отношении иноземцам и изглаживать отличительные черты народности. Нужно ли в уста древних героев русской истории влагать речи римлян, великодушного Донского изображать страстным любовником и вообще прибегать к каким-то неестественным превращениям?² Оттого многие произведения нашей словесности, содержание коих заимствовано из отечественной истории, можно считать переводами, кои, не будучи ограничены временем и местом, теряют свою занимательность. Если самая история без хронологии и географии перестает быть вполне назидательною, то в ком может возбудить участие вымысл, не принадлежащий ни одному веку, ни одному народу?

Сочинение стихотворных повестей сделалось теперь любимым занятием наших поэтов. Представление отечественной древности или описания, изображающие нравы и обычаи многообразных народов, рассеянных по пространству России, достойны особенного внимания, и многие из современных писателей делали в том удачные опыты. Но по временам дарит истинно изящными произведениями в сем роде гений Пушкина, создавшего у нас особенный вид поэзии повествовательной. Царство наших фей воскресил он в «Руслане и Людмиле», кавказский мир живо представлен в «Пленнике», цыганский быт неподражаемо воспет в особенной поэме, и пр. Но сколько еще богатых для стихотворного описания материалов представляет отечественная история? То время каждого просвещенного государства, из которого Валтер Скотт, Купер, Вашингтон Ирвинг, Виньи, д'Арленкур и др. обогатили свою словесность прекраснейшими произведениями, то время кажется у нас еще неприкосновенным, разумею политическое преобразование и изменение нравов, столь быстро у нас совершившееся в царствование Петра Великого. Тем более должно ценить появление «Полтавы», в коей воспето происшествие, относящееся к самому важному и самому счастливому событию царствования преобразователя России. Какое счастливое предзнамение для благонамеренных сограждан, любителей отечественного просвещения! По некоторым творениям Пушкина заключить можно, что он исторически изучил век Петра; при воспоминании о великом, единственном в истории государе поэт всегда одушевляется пламенным восторгом.

«Почему же не написал Пушкин эпической поэмы?» — возразят г-да классики. Ожидайте, милостивые государи, новой «Петриады»³. Конечно, поэма эпическая есть величайшее предприятие, на которое ум человеческий может отважиться. Без сомнения, нигде не требуется более творческой способности ума человеческого, как в эпопее: поэт, исполненный великостию события, созидает характеры и героев, заставляет их действовать для совершения великого, благотворного или рокового подвига; предвидит все препятствия, дает силы для преодоления их и в то время, когда, обьяв сие великое целое, видит в нем стройность и гармонию всех частей, в то время творит свой новый мир. При сем ум его непрестанно бодрствует и, так сказать, промышляет о исполнении. Вот почему составляет эпоху в истории словесности появление эпопеи и в летописях литературы, со включением «Магабарата» индийского и предполагаемой Геереном египетской поэмы⁴, так мало мы их имеем. Быть может, Пушкин напишет эпопею; но будем пока утешаться надеждою, что в поэмах более легких изобразит нам век Петра поэт, на пророческой лире воспевший:

В надежде славы и добра
 Гляжу вперед я без боязни:
 Начало славных дел Петра
 Мрачили мятежи и казни,

Но правдой он привлек сердца,
 Но нравы укротил наукой,
 И был от буйного стрельца
 Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
 Он смело сеял просвещение,
 Не презирал страны родной:
 Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
 То мореплаватель, то плотник,
 Он всеобъемлющей душой
 На троне вечный был работник.⁵

В угодность вам, г-да классики, скажу несколько слов о новой поэме Пушкина, руководствуясь старинными уроками эстетики, слышанными мною на профессорских лекциях. Остановите и вы свое быстролетное внимание, юные поклонники романтизма. Профессорские лекции не мешают восхищаться истинно изящным и отдавать ему должную справедливость. Те, кои служат теперь целию ваших стрел, отравленных пристрастием, те достопочтенные мужи утешаются сознанием, что во многих юных талантах пробудили вкус и изострили критическое око, объясняя Баумгартена, Сульцера, Миллена, Ебергарда, Монфокона, Келюса, и др. и таким образом представляя эстетическую древность и ее ценителей⁶.

Мерзляков мог разбирать Хераккова, Державина⁷ — да найдет себе достойного ценителя и Пушкин в подобном законодателе вкуса; мое скромное замечание о «Полтаве» не называю критикой.

Содержание поэмы заимствовано из истории, для всех известной. Изобретение, как уже сказано, весьма счастливое. В высшей степени занимательна «Полтава» для того края, где сцена действия, и, вероятно, современные поэты Малороссии не замедлят ее переложить на родное наречие⁸. Я слегка скажу о ее содержании.

Богатый и славный Кочубей выше всех сокровищ гордится дочерью. Превосходя всех полтавских красавиц, она обратила внимание старого гетмана, своего крестного отца. Тесные узы духовного родства — непреодолимое препятствие для их союза. Но Мазепа, умевший пленить сердце честолюбивой Марии, похищает ее. Кочубей, побуждаемый женою, не мстя самоуправством, заодно с Искрою пишет донос Петру, и прежний несчастный любовник Марии верно исполняет данное ему поручение. Вдруг Кочубей, ждавший гибели своего злодея, выдан ему по повелению государя. Поздно мать Марии проникла во дворец своей дочери, ничего не знавшей, поздно склонила спешить ее на место казни — там уже пролита была кровь несчастного родителя и его великодушного друга. Мария скрылась от всех поисков своего любовника. Мать ее осуждена на изгнание. Между тем Мазепа, втайне изменивший государю, явно перешел на сторону Карла:

они оба принуждены искать спасения в бегстве, проиграв Полтавское сражение. Здесь пал и совместник Мазепы, готовясь в другой раз нанести ему верную гибель. Беглец Мазепа скрывается за рубежом отечества; но прежде растерзанный душою изменник к большему ужасу осужден видеть жертву своего обольщения, впадшую в безумие.

Почему названа поэма эта «Полтавою»? Мы ожидали «Мазепы»: так

— разгласить успела слава
Для всех приятнейшую весть!⁹

Она, вероятно, основывалась на вестях автора. Смее допустить одну только догадку. Пушкин, может быть, хотел назвать поэму свою «Мазепою»; но в действии оной не менее берут участие другие лица, и вообще в ней нет главного героя, а потому имя Мазепы, Кочубея, Марии, еще более имя Петра и Карла для нее неприличны. В ней нет великого характера, потому что и самая история происшествия оного не представляет. Мазепа — хитрый злодей, честолюбием завлеченный в великую ошибку; примеры сему нередки, и таким он от начала до конца у Пушкина. Кочубей, как видно и в самой истории, не был герой любви к отечеству и, имея столь сильные свидетельства против Мазепы, осмелился донести о всем государю по какому-то иному побуждению; отрекся от своих показаний при первой попытке; не хотел украсить себя страдальческим венцом, до последнего истязания обличая своего противника и врага родины; он некоторым образом навлек гибель Искры. Что оставалось сделать Пушкину, как не в легких очерках представить сии характеры и по крайней мере при самой кончине Кочубея показать в нем христианина. Если бы главным лицом была Мария — это слишком живо напомнило бы нам «Венецианского мавра»¹⁰. Вместо всяких страстных убеждений поэт представляет, что уже издавна питала Мария страсть свою, и тем избег трагического объяснения между любовниками, вообще слишком пошлого, приличного не для малороссийской скромной красавицы того времени, но для итальянки с ее страстным обожателем. Появление Петра в конце поэмы подтверждает прежнее предположение и представлено с достойным величием. В «Полтаве» появляется и Карл как бы неожиданно; но по самому плану Пушкина нельзя было представить всех причин, побудивших его к союзу с Мазепою. Вообще автор более всего имел в виду самое происшествие и внимание читателей устремил на Полтаву, где промысл решил судьбу России. Сие великое событие справедливо ли отнесено к судьбе одного человека, к наказанию злодея или к обличению невинного?.. Автор, не желая лишить поэму свою столь прекрасного эпизода, не нарушил ли чрез то *единства действия*?? — *Единство места и времени* соблюдены строжайшим образом. Частые обращения от одного лица к другому содействуют к разнообразию, и быстрый ход происшествия приятным образом замедляют прекрасные описания природы, лиц и характеров.

Везде (это не последнее достоинство) многое оставлено на догадку читателя; но не думаю, чтобы для кого-нибудь и что-нибудь в сей поэме показалось темным*.

* Разве для тех, которые не хотят понимать, или для тех, кои смотрят, как

Все заметили в поэме характер народности, столь живо развитый Пушкиным, и многие сравнивали «Полтаву» с другими поэмами автора и назначали ей определенное в ряду оных место. Сколь справедливо первое заключение, столько сомнительно и кажется неуместно последнее. К чему эта классификация?¹² Иные наконец вспомнили о другой поэме, где не последнюю роль играет Мазепа, и ставят ее в параллель с «Полтавою»¹³, но, не излагая всех толков и упомянув о *изобретении и расположении* поэмы, скажу несколько слов об исполнении.

Во всей поэме видна кисть Пушкина, ярко живописующая картины самыми естественными красками, везде стихи отличной легкости и гармонии, везде чувства глубокие, сильные и разнообразные, описания предметов, встречавшихся в других его поэмах, изображены с новою прелестию. Касательно стопосложения должно заметить, что Пушкин является в нем более твердым и сильным и вообще талант его кажется достигшим своей зрелости.

Хотите ли знать описание малороссийского вельможи?

Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.

Художники наши не всегда удачно живописали красавиц Пушкина. Для показания всей галереи пусть близ живой, чувствительной черкешенки, набожной Марии «Фонтана», страстной и ревнивой грузинки, пылкой и ветреной цыганки, близ нежной, мечтательной городской красавицы Татьяны изобразят они хитрую и честолюбивую малороссиянку, гордость отца своего.

...в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья,
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.

При луне в волнах плеснувших
Струнный исчезает круг,
и гадают о судьбе черкешенки¹¹. Если от долгого смотрения и наблюдения закружилась у кого из вышереченных голова и они сами туда попадали, то виноваты ли поэт?

Но не единая краса,
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В младой Марии почтена;
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.

Сему прекрасному описанию можно противополжить идеал, созданный Северным Орфеем:

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси младые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы,
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.¹⁴

Сказано было о разнообразии чувств, везде живо и сильно изображенных; спешим представить доказательства. С каким неподражаемым искусством Пушкин умел вдохнуть пламенную любовь в охладевшую грудь старца:

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами (?).
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не представляю страсти Марии, борющейся с своими обязанностями, приведу чувство оскорбленного родителя. Его проклятия и угрозы приводят в содрогание.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!
Скрежеща мыслит Кочубей,
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,

На дыбе, корчась в истязаньях,
 Ты проклянешь и день и час,
 Когда ты дочь крестил у нас,
 И пир, на коем чести чашу
 Тебе я полну наливал,
 И ночь, когда голубку нашу,
 Ты, старый коршун, заклевал!..»

В другом месте свирепый Мазепа, оскорбленный Петром, говорит:

...смирясь в бессильном гнев,
 Отмстить себе я клятву дал;
 Носил ее, как мать во чреве
 Младенца носит.

Для женского мщения есть особенное орудие у Пушкина.

И, гнева женского полна,
 Нетерпеливая жена
 Супруга злобного торопит.
 В тиши ночной, на ложе сна
 О мщеньи шепчет, укоряет,
 И слезы льет, и одобряет,
 И клятвы требует...

Чувства веры в Бога и самоотвержения христианского с неменьшею силою представлены в поэме; они умиляют сердца читателей, растерзанных состраданием о судьбе несчастных, и жертвы злобы в самом унижении возвышаются над злодеями и притеснителями невинности. Осужденный Кочубей ожидает духовника, который должен приготовить его к смерти:

...вот он!
 Вот на пути моем кровавом
 Мой вождь под знаменем креста,
 Грехов могущий разрешитель,
 Духовной скорби врач, служитель
 За нас распятого Христа,
 Его святую кровь и тело
 Принесший мне, да укреплюсь,
 Да приступлю ко смерти смело
 И жизни вечной приобщусь!
 И с сокрушением сердечным
 Готов несчастный Кочубей
 Перед Всесильным, Бесконечным
 Излить тоску мольбы своей.

Пред самую страшную казнию, пред торжествующими злодеями

...раздалось
 Моленье ликов громогласных.
 С кадил куренья поднялось.
 За упокой души несчастных
 Безмолвно молится народ.
 Страдалцы за врагов...

Как было бы приятно гораздо чаще встречать подобные описания у наших поэтов.

Как страшно терзают кровожадного злодея угрызения совести.

...мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи шепчут меж собою.
И летней теплой ночи тьма
Душна, как черная тюрьма.

Вдруг слабый крик, невнятный стон...
...своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим отвечивал...

Речь иступленной Марии изображает все волнение души, в минуту неизъяснимой горести навсегда исполнившейся одним предметом:

Ах, тише, тише, друг!.. Сей час
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас, *и д<алее>*.

В описаниях картин природы, местоположений и некоторых частных действий равно есть места неподражаемые. Впрочем, не думаю, вопреки «Северной пчеле», чтобы во всей поэме (как в Виргилиевой «Энеиде» та книга, которую филологи считали достойною напечатания золотыми буквами) лучшее место было следующее:

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на Север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блеснит,
Мешок за пазухой звенит.
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца;
Ретивый конь потеха тоже, —
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
 Коня, червонцы и булат;
 Но выдаст шапку только с бою
 И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
 Затем, что в ней донос защит,
 Донос на гетмана злодея
 Царю Петру от Кочубея.¹⁵

Из приведенных стихов Пушкина ни одно изображение в своем роде не уступает сему описанию.

Что касается до драматических сцен в сей поэме, то они еще более подтверждают всеобщие догадки о высоком достоинстве «Бориса Годунова», ожидаемого с нетерпением любителями отечественной словесности.

Наконец, не должно прейти молчанием посвящение поэмы, где выразительное удержание одним словом «тебе» так много говорит для сердца.

В эпилоге новое обращение к Петру:

Прошло сто лет — и что ж осталось
 От сильных, гордых сих мужей,
 Столь полных волею страстей?
 Их поколение миновалось —
 И с ним исчез кровавый след
 Усилий, бедствий и побед.
 В гражданстве Северной державы,
 В ее единственной судьбе,
 Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
 Огромный памятник себе.

Но для произведений человеческих есть непременный удел — недостатки. Вдохновенные труды поэтов также неизъяты от некоторых несовершенств, в «Полтаве» едва приметных между красотами, столь обильными и разнообразными. Полтавский бой — происшествие важное и великое; но описание оно, сделанное Пушкиным, не выдержит сравнения с описаниями сражений менее значительных, встречающимися в известных эпических поэмах. С большею верностью Шиллер представил картину битвы в небольшом стихотворении «Die Schlacht»¹⁶.

Nah umarmen die Heere sich.
 Fertig! heult's von P'loton zu P'loton;
 Auf die Knie geworfen
 Feuern die Vordern, viele stehen nicht mehr auf,
 Lücken reißt die streifende Kartätsche,
 Auf Vormanns Rumpfe springt der Hintermann,
 Verwüstung rechts und links und um und um,
 Bataillone niederwölzt der Tod,* etc., etc.

* Схватились рати меж собой;
 «Готовьсь!» — летит от взвода к взводу.
 С колена целятся стрелки,
 И многим больше не подняться,
 Повсюду рвет ряды картечь,

В следующих стихах изображена неверная картина:

В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает, и пр.

Нежному чувству некоторых читателей, может быть, кажется ужасным и противным правилам вкуса двукратное появление палача на сцене, что ж делать? закройте глаза ваши от несчастий, кои к стыду людей постигают человечество, и да вознаградят вас за оскорбление другие картины пушкинских кисти.

Характеры все выдержаны от начала до конца; нам понятно бегство Марии, понятно мщение Мазепы; но сей герой поэмы, коего история представляет честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича¹⁷, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра пред его победою, предателем Карла после его поражения; сей герой, душа которого так живо описана Пушкиным

(Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего),

изменяет себе, думая при виде спящей Марии:

...Боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое,

и раскаивается в своем похищении.

Кажется несколько смелым сказанное о Петре:

Он поле пожирал очами.

Между прекрасными легкими стихами чувствителен недостаток следующего:

(Но явно счастье боевое)
Служить уж начинает нам.

Или:

И Малороссии печальной
Освободились уж полки.

Но подобные места с пользою могут быть замечены для класса молодых людей, учащихся словесности, и, считая неуместным повторить их в слух людей просвещенных, оканчиваю мое замечание.

N.

16 апр<еля>. Аксиныно.

Над навшими встают живые...
И косит смерть со всех сторон
За батальоном батальон. — Пер. с нем. Ю. Александрова. — Ред.

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»

<I>

«ПОДСНЕЖНИК»

1829. С.-Петербург, in 16, 251, цена 7 р., с пересылкою 8
 <Отрывки>

Наконец опоздавшая весна подарила нас новым, небывалым еще литературным цветком «Подснежник». По свежести своей он займет первое место в букете цветов северных. Смотри на скудость северной природы нашей, нельзя сказать, чтобы он появился поздно или не вовремя; ранние генварские пустоцветы давно уже завяли, исключая цветы, собранные бароном Дельвигом, и читающая публика как бы в награду требовала литературного подарка к весеннему празднику. Вообще карманная литература наша на нынешний год была особенно худа; но «Северные цветы» и изданный теперь «Подснежник» прибыльно выкупают ее. Заметно, что строгий выбор статей и изящный вкус руководили издателей, и потому, кажется, в отношении только количества статей «Подснежник» беднее всех альманахов нынешнего года; но важность не в количестве: мал золотник, да дорог, говорит русская пословица, и читатели в этом случае ничего не теряют; они с удовольствием прочтут его несколько раз. <...>¹

Далее увидим прелестное *литературное извещение* А. С. Пушкина. Порадуем читателей скорым выходом первой книжки Елисейского журнала. Поэт обещает это в следующих стихах:

В Элизии Василий Тредьяковский
 (Преострый муж, достойный много хвал)
 С усердием принялся за журнал.
 В сотрудники сам вызвался Поповский,
 Свои статьи Елагин обещал;
 Курганов сам над критикой хлопочет:
 Блеснуть умом Письмовник снова хочет;
 И говорят, на днях они начнут,
 Благословясь, сей преполезный труд;
 И только ждет Василий Тредьяковский,
 Чтоб подоспел Михайло²

Имена князя Вяземского, Ф. Глинки, Баратынского, барона Розена, барона Дельвига и других лучших наших поэтов ручаются за стихотворную часть «Подснежника».

<II>

ЗАМЕЧАНИЕ НА РЕЦЕНЗИЮ «ПОДСНЕЖНИКА»

Не входя в виды незнакомого корреспондента, доставившего предложенную рецензию «Подснежника», можно с ним согласиться в некоторых пунктах, но не во всех, и, во-первых, «Литературное извещение» А. С. Пушкина назвать прелестным никак нельзя. Что в этом стихотворении пиитического, изящного, благородного? Впрочем, различие мнений о современниках — явление в нравственном мире весьма обыкновенное; только по-

томство, чуждое всякого пристрастия к писателям, теряющее из виду их современные отношения и не внемлющее более голосу партий, произносит об них приговоры непротиворечащие. Есть еще у нас живые свидетели, как торжествовал Александр Сумароков над своим современником Михайлою Ломоносовым. Стихотворения одного все знали наизусть, другого почти не читали; казалось, что первый совершенно постигал вкус своего времени, знал требования века, пользовался плодами современного просвещения, и чем же все кончилось? Вкус изменился, и слава Александра Сумарокова пала с шумом; Михайле Ломоносову отдана вся должная справедливость и навсегда, пока будут существовать науки. Истинный писатель не станет раболепствовать испорченному вкусу современников и еще менее увлечется безотчетными хвалами удалой молодежи; он угадывает вкус человека, возвышенного образованием, и пишет не для века, не для толпы, его окружающей, но для веков, для человечества: таковы, например, творения древних; они нравятся целым народам и в разных веках.

В «Подснежнике» и кроме «Литературного извещения» есть кое-что, о чем должно бы поговорить откровенно, но пределы замечания того не позволяют; ограничимся только следующим: князь Вяземский в примечаниях к своему стихотворению «Станция», взятому, по его словам, из латинской эпитафии «*Sta viator!*»¹, между прочим («Подснежник», стр. 47) говорит: «Описание польской станции не вымысел стихотворца и не ложь путешественника. На многих станциях я находил все то, что описал». Разве описание того, что есть, считает кто-нибудь поэзией? По этому, самая верная статистика есть совершеннейшая поэзия? Правда, Баттё, строгий последователь Аристотеля, громко кричал: словесность есть подражание природе, и произведение словесности тем совершеннее, чем ближе к природе; но теория сего классика давно оставлена². Новейшие идут вперед, и довольно шибко, особенно романтики; для них нет «*Sta viator!*». Для чего ж князь Вяземский так упорствует в своей привязанности к классицизму и не следует за потоком?³ Пора и нам ознакомиться с романтизмом. *У viator!***

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., 1829 г., в т<ипографии> Деп<артамента> нар<одного> просв<ещения>, in 12, VIII, XXII и 59 стр.

Как на старого друга взглянули мы на первую главу «Онегина», напечатанную, кажется, вторым изданием. Говорим: кажется, потому что, кроме года, выставленного на заглавном листке, догадаться об этом не по чем: самая наружность сей первой главы точно такова же, как в издании 1825 года. Можно, правда, заметить еще исправление некоторых опечаток. Таким образом, почти все произведения Пушкина напечатаны теперь *вто-*

* Стой, путник! (*лат.*) — *Ред.*

** Иди, путник! (*лат.*) — *Ред.*

рым изданием, и вероятно, вскоре потребуется третье, четвертое издание оных и следующие. Скажите после этого, не *классический* ли автор Пушкин? Ибо классический автор есть тот, чьи сочинения составляют потребность народную, а не временную, чьи произведения поэтические выучиваются наизусть и составляют непреходящую часть литературного богатства народа. Да, м<илостивые> г<осударь>! Пушкин — *классик*, если понимать это слово так, как понимают его французы, а не называть классическими одних произведений греческого и римского мира: ибо последователи классицизма не признают своими *древних* индийских авторов. Если же слово *классический автор* принять в смысле: *употребляемый в классах, образцовый* для юношей¹, то, конечно, Пушкин имеет и на сие более прав, нежели многие из греков и латинцов: это поэт мира современного и, что еще ближе к нам, мира русского. Нравственности в нем для русского читателя более, нежели во всех поэтах Греции и Рима, у которых везде или языческие причуды, или сладострастные и часто безнравственные картины, или, наконец, резня наповал. Вспомните о Гомере: у него боги настоящие простолюдины, герои драчуны, и вся «Илиада» настоящая *бойня*, в сравнении с которою наши романтические кровавые сцены — *бой петухов*; вспомните о пьянице и шалуне Анакреоне, о буйном Горации (изъясняемом на кафедрах), о развратном Овидии, о соблазнительном Петронии и проч. и проч. Скажут, может быть, что мы уже слишком бранимся; но в этом виноваты нескромные критики, ругающие добрых наших романтиков в «Вестнике Европы» уже не по-нашему: они сами подают нам пример и оружие. У них, кроме этого, нечему и научиться².

Н. И. НАДЕЖДИН

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА*

Sumite materiam vestris,
qui scribitis, aequam Viribus!
Horat<ius> «De art<e> poët<ica>».

Берите труд всегда не выше сил своих!
Перев<од> А. Ф. Мерзл<якова>¹.

«Говорить правду — потерять дружбу!» — так гласит старинная русская пословица; и ничто не доказывает столько ее справедливости, как повседневные явления литературного нашего мира. Чудное дело! Истинная *красота*, кажется, одна; и посему все, посвящающие себя ее служению, не должны б ли были составлять единого священного братства, проникаемого и оживотворяемого единым духом любви? Но между тем — какое странное зрелище представляет ныне Парнас наш!.. Сыны благодатного Феба, жрецы кротких Муз — только что не вцепляются друг другу в волосы. Куда ни обернись — везде шум и крик, везде смуты и сплетни, везде свары и брани. Кровь чернильная льется потоками в междоусобных сечах, и перьяные

* СПб, в типогр<афии> Департ<амента> народн<ого> просвещения, 1829.

стрелы изощраются только на взаимное поражение и истребление. Это чудное состояние нашей литературы имеет, однако, свои основания, из коих легко изъясняется. Времена безначалия и самоуправства были всегда временами междоусобий — и в политическом мире. По ниспровержении всех законов и прав, назидующих всеобщее благоденствие на сосредоточении всех умов и волю в единое гармоническое целое, остается только одно — *кулачное право* (Faustrecht)! — Им сопровождалась некогда анархия, порожденная политическим *романтизмом* Средних веков; и, по естественному порядку вещей, оно же является теперь и в нашей литературе, увлеченной во все ужасы безначалия лживым призраком *романтической* свободы. После того как законодательная власть здравого вкуса признана торжественно несовместною с безусловной свободой гения и отвергнута как тиранское злоупотребление; после того как освященные древностию и оправданные вековыми опытами правила, составлявшие доселе коренное *уложение* критического судопроизводства, провозглашены постыдными око-вами, осрамляющими безграничное самодержавие творящего духа, и отринуты с поруганием и презрением, как ребяческие погрешки, забавляющие раболепную посредственность; после того — удивительно ли, что каждая оторвиголова, упоенная шумною *Ипокреною* вдовы *Клико* или *Моета*², безбоязненно восхищает себе право литературного Робеспьера и готова, *inguibus et rostris*^{*}, отстаивать возвышенный пост, захваченный ею в смутные времена всеобщего треволнения?.. *Своя рука владыка* — когда законы теряют владычество! — И ежели *правда*, ограждаемая всею силою законов, редко находит благоприятный доступ к слуху обличаемого самолюбия, то чего должно ожидать ей в сии бурные времена своеволия и самоуправления, когда каждое литературное насекомое расправляет с гордостью свое крапивное жалишко, чтобы колоть всякого, осмеливающегося отказывать в незаслуженном удивлении его великим подвигам, которые *дивят* весь обитаемый им *муравейник*?..³ *Говорить правду* на наших литературных торжищах ныне — значит не только *терять дружбу*, но еще наживать лютейшую, непримиримейшую ненависть! Оскорбленное самолюбие литературного временщика неумолимо презренной любви обветшавшей кокетки; и — увы!

Я сам то испытал,
Когда мои *статьи* в журналы посылал!» —

Так рассуждал я сам с собою, выбираясь, третьего дня, из топучего переулка, змеящегося вокруг уединенного моего жилища, на шумный Тверской бульвар. Мутный поток грязной воды, катившийся вскрай выпираемого мной тротуара, препнул внезапно стопы мои, и я остановился в недоумении, каким образом проложить себе путь чрез сию неожиданную преграду. «Смелей! — раздался вдруг знакомый мне голос. — Один скачок — не более!» Я поднял глаза и увидел перед собой измятую шляпу на голове, суковатую, толстую палку в руке, зеленый плащ на плечах и плутовскую улыбку на губах приятеля моего, почтенного *Флюгеровского*⁴. «*Nihil fit per saltum!*»^{**} — отвечал я ему сме-

* всеми средствами (лат.). — Ред.

** Ничто не делается скачком! (лат.) — Ред.

ючись. — По крайней мере — у нас, *московских классиков** Дай-ко лучше руку и помоги переправиться чрез этот грязный Рубикон потихоньку!» *Флюгеровский* исполнил мою просьбу. «Куда это ваша милость тащится? — спросил меня он. — А я было пробирался к тебе поточить балы!⁶» — «Куда? — отвечал я. — Куда больше, как не *под Новинское*?⁷ Праздник на исходе⁸, и я по старинной привычке почитаю таким же смертным грехом не побывать об Святой под качелями, как на горах об Масленице». — «Шутишь! — возразил *Флюгеровский*. — А я думал, что подобные зрелища не по твоему *классическому* вкусу!» — «Провались ты с этим проклятым эпитетом! — прервал я. — Хоть бы для праздника-то пощадил меня! Ведь ты знаешь, что у нас теперь слыть *классиком* то же, что, бывало, во времена терроризма носить белую кокарду!⁹ Но шутки в сторону: хочешь, что ли, прогуляться туда со мной? Так пойдем! Сказать правду, я не охотник зевать на романтические проказы паяцев, которых довольно и не под Новинским; но мне хочется совершить *оптическое путешествие* у Лексы, который, говорят, выставил ныне прекрасные виды»¹⁰. — «Я бы рад был проводить тебя, — отвечал *Флюгеровский*, — но ты видишь, какво на небе: того и гляди, что ударит дождик; куда ж тебе в твоём дряхлом экипаже? За *путешествием* же ходить не нужно так далеко. Здесь в *доме Чистякова* можно набродиться досыта, если ты любишь подобные вояжи. Идем туда!» — «И то правда! — сказал я. — Зачем искать вдали того, что под руками? Пойдем! Доброму совету и *Флюгеровского* грешно не последовать... Хотя, правда, мне уже досталось за то, что я однажды тебя послушался».

Двери святилища отворились пред нами. «Небо! — закричал *Флюгеровский*, приникнув к первому отверстию панорамы, между тем как я расплачивался с услужливым придверником. — Праведное Небо! Что я вижу? Это — *Бахчисарайский фонтан*!» — «Сочинение А. С. Пушкина, знаменитого стихотворца! — подхватил с улыбкою самодовольной важности ражий мужчина, поглаживая свою русую окладистую бороду, в коем синяя суконная сибирка и величавый вид заставляли, очевидно, подозревать вице-хозяина панорамы. — Мы не любим, как другие немцы, потчевать господ всякою всячиною. У нас все самое лучшее, самое свежее». — «Благоговею пред могуществом великого гения! — продолжал, не оглядываясь, *Флюгеровский*. — Его всеоживляющая длань воззвала из праха забвения сии величественные руины и исторгла из челюстей всепожирающего времени память протекшего величия славных *Гиреев*. Кто знал об них прежде поэмы *Пушкина*?..» — «И кто знает об них теперь — из поэмы *Пушкина*?» — возразил один незнакомый голос тоном хладнокровного равнодушия. Я устремил глаза в ту сторону, откуда происходил сей голос, и взоры мои упали на лице почтенного старика, оснеженного, но не изможденного временем. На челе его, изрытом глубокими браздами, лежала печать опытности, и во взоре его, не погашенном летами, светилась кроткое величие, плод заслуженного доверия к самому себе. «Молодость всегда опрометчива и безрассчетна, — продолжал он с тем же спокойным хладнокровием, — она не любит умеренности в суждениях, подобно как не знает границ в

* Так недели за две перед сим возвеличила «Северная пчела» критика, который при разборе «Борского» («Восток» «Европы»), № 6, с. 151) пожалел, что у нас не существует поэтической Уголовной палаты⁵. Сочинитель».

чувствованиях. Первое легкое впечатление, проскользнувшее по необычным струнам юного сердца, уже все решит для него; и то, что пробудило в нем однажды приветный отзыв, есть уже для него идеал совершенства, Молодые люди! Молодые люди! Не будьте слишком расточительны на восторги! Поберегайте их для того, что достойно их». Я смотрел с изумлением на незнакомца. *Флогеровский* обернулся и прервал молчание: «Если ваша раcea относится к нам, государь мой, то я очень жалею, что ваше красноречие не нашло слушателей, более достойных проповедуемого вами бесстрастия. По несчастью, мы еще столько молоды, что сердцам нашим было бы и смешно и стыдно приняться за подобную экономию. Благодаря Бога, мы столько богаты чувствами, что еще долго не прожить нам их и не дожить до того сердечного обнищания, коим вы, без сомнения, с собственного вашего опыта нам угрожаете!»

Незнак<омец> (с горькою улыбкою). Мне очень жаль вас, любезный молодой человек! Вы, как кажется, не принадлежите к числу верхоглядов, преследующих каждый возгорающийся метеор невежественным удивлением. Вас томит жажда истинно прекрасного! — Поверьте же искренности старика, что этой жажды не утолить тысяче *фонтанов*, подобных *Бахчисарайскому!*..

Флогер<овский> (понизив несколько тон). Но отчего этот «Фонтан» так вам не нравится?.. Вы, конечно, принадлежите к партии антагонистов великого...

Незнак<омец>. Я не принадлежу ни к какой партии!.. Я не в силах даже понять, как могут существовать партии в области искусств изящных, кои должны быть отгласнениями вечной гармонии! — Для меня понятно существование различных школ художества, отличающихся друг от друга особенными оттенками в способах воплощать единое прекрасное; но чтобы сие различие могло быть виною раздора и междоусобий в святилище кротких харит — этого я не умею постигнуть!

Флогер<овский>. Итак, вы не против *Пушкина*?..

Незнак<омец>. По несчастью — против!

Флогер<овский>. Стало быть, вы самый заматорелый классик?

Незнак<омец>. Ничего не бывало!

Флогер<овский>. Неужели же... романтик?

Незнак<омец>. Еще менее!

Флогер<овский>. Что же вы за амфивий¹¹?.. Ни классик, ни романтик!.. Я не умею понять вас!

Незнак<омец>. Я!.. просто любитель прекрасного!..

Флогер<овский>. А между тем прекрасные творения *Пушкина* не по вашему вкусу?..

Незнак<омец>. Кто вам сказал это?.. Никто больше меня не любит цветущею игривостью воображения, доставшегося *Пушкину* в столь роскошном изобилии!.. Его картины, несмотря на грязные пятна, коими они обыкновенно бывают запачканы, обнаруживают талант мощный, богатый!..

Флогер<овский>. Талант!.. Вы слишком скупитесь на выражения! — Говорите искреннее: *гений!*

Незнак<омец>. Молодой человек! Мне, конечно, не у вас учиться искренности и точности выражений. Я знаю, что я говорю! — *Гений!*.. Понимаете ли вы всю силу этого слова?

Я (обращаясь к незнакомцу). Позвольте мне, м<илостивый> г<осударь>, вмешаться в разговор ваш, возбуждающий во мне живейшее участие. Я не смею говорить вслух того, что сам думаю о таком необыкновенном явлении литературного нашего мира, каков А. С. Пушкин. Но мне случилось вчера заглянуть в один из наших журналов, присвоивающих себе авторитет верховного судилища. Там напечатано, помнится, так: «Сомневаюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такие, которые бы не сознались, что он гений. Пушкин начал писать в таких летах, когда невозможно делать усилий, чтоб быть стихотворцем. Природа создала его поэтом»¹². — Что вы на это скажете?..

Незнак<омец>. То, что сей странный набор слов едва ли понятен самому тому, с чьего пера стек он. Что такое значит: *начать писать в таких летах, когда невозможно делать усилий, чтоб быть стихотворцем?* Начать писать слишком рано?.. Так это еще не признак гения! — В противном случае пятнадцатилетний юноша, которого историю рассказал нам так забавно почтеннейший дядюшка обсуживаемого нами теперь поэта^{**}, был бы по всем признакам — гений! Признаюсь, я сам читал статью, на которую вы теперь ссылаетесь; и, не любя притворствовать, должен сказать вам, что, по моему мнению, автор ее вряд ли имеет понятие о том, что такое гений. По его собственному сознанию, *Пушкин вступил в планетную систему Байрона*^{***} и, следовательно, обращается не окрест самого себя, а окрест высшего солнца; что же это за гений?.. Отличительная черта гения есть оригинальная самобытность. Его солнце есть идеал вечной красоты! Он может составлять звено в планетной системе гениев, обращающихся вокруг одного средоточного начала, но никогда не может и не должен быть спутником другого гения!

Флюгер<овский>. Что же, по вашему мнению, должен быть гений?..

Незнак<омец>. Творческий, зиждительный дух, воззывающий из недр своих собственные, самородные и самообразные изящные формы для воплощения вечных идей, созерцаемых им во всей небесной их лепоте! — Это есть — я говорю языком, конечно, известным вам! — это есть... *Deus in nobis!*...^{****}

Флюгер<овский>. Так неужели вы захотите оспоривать у Пушкина зиждительную систему творчества?.. Сколько прекраснейших поэтических зданий им воздвигнуто!.. Не он ли сотворил «Руслана и Людмилу», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказского пленника»? Не он ли создал «Братьев разбойников», «Цыган», «Онегина»?..

Незнак<омец>. И «Графа Нулина»?.. Считайте вернее! — Но — позвольте вас спросить: чья зиждительная десница *сотворила* для вас этот фрак, отливающий так прелестно весенним цветом надежды и усеянный, подобно звездному небу, блестящими пуговицами?.. Или чьей творческой дланью *создан* этот пышный жилет, роскошествующий всеми радужными цветами на груди вашей?..

* «С<ын> о<тчества> и С<верный> а<рхив>», № 15, с. 42.

** Незнакомец, вероятно, разумел прекрасную басню В. Л. Пушкина, в кося Аполлон вершит суд свой над одним пятнадцатилетним поэтом¹³.

*** Там же, с. 43.

**** Бог в нас! (лат.) — Ред.

Флюгер<овский> (с досадою оскорбленного самолюбия). М<илостивый> г<осударь>! Я не позволю никому смеяться надо мною безнаказанно!

Незнак<омец> (с добродушной улыбкою). Но не воспретите, конечно, любоваться творческим искусством *гения*, соорудившего для вас столь пленительную, столь очаровательную одежду?.. Какая восхитительная гармония в подборе цветов! Какое неподражаемое изящество в отделке! Какой богатый фасон!.. Наименуйте мне сего великого зодчего!.. *Сатиас* — или *Отто!*¹⁴

Флюгер<овский>. М<илостивый> г<осударь>! Терпение мое имеет границы! Говорите яснее, что вы хотите сказать мне! Ваша ирония становится слишком пересоленною!.. Что это значит?..

Я. Полно! полно!.. Неужели ты не видишь, что почтенный собеседник наш хочет дать тебе понять, сколь неуместно употреблены тобою выражения: *творить* и *созидать* — когда дело идет о произведениях *Пушкина*?.. (Обращаясь к незнакому.) Не правда ли, что я угадал ваше намерение?..

Незнак<омец>. Совершенная правда! — Наш язык очень богат: в нем для каждого действия сыщется особое выражение! Самое приятное филограмовое¹⁶ колечко у нас *плетется*, а не *творится*; самая роскошная мозаическая тафта *вытыкается*, а не *созидается*; самые фигурные балясы *точатся*, а не *сооружаются*!.. Ах! любезные! друзья мои! Для *гения* не довольно смастерить «Евгения»!

Флюгер<овский>. Понимаю!.. Это старинные возгласы школяров, уличающих *Пушкина* ничтожностью обрабатываемых им предметов! — Но и от этого упрека — если только может иметь он какую-нибудь значительность — *Пушкин* ныне освобождается. Вы, конечно, читали «Полтаву»!..

Незнак<омец> (хладнокровно). Читал.

Флюгер<овский>. И что же?

Незнак<омец>. И — ничего!..

Флюгер<овский>. Как — ничего?.. Не является ли здесь наш поэт достойным соревнователем, или лучше, опасным соперником *Байрона*?..

Незнак<омец>. Сомневаюсь!.. Да мне кажется, что и сам он едва ли имел намерение входить в состязание с *Байроном*!.. По крайней мере, он добровольно отказался от удовольствия столкнуться с ним даже в имени поэмы; и, разманив нас «Мазепою», грянул внезапно «Полтавой»!¹⁷

Флюгер<овский>. Но это последнее название предпочтено поэтом, вероятно, потому, что оно звучит знакомее и роднее сердцу каждого русского. *Полтава* есть драгоценнейшее перло в венце славы нашего отечества!.. Одно имя ее пробуждает в нас драгоценнейшие воспоминания..

Незнак<омец>. Которые сама поэма опять усыпляет!.. Странное дело!.. В этом поэтическом зданище, носящем величественное имя *Полтавы*, сама *Полтава* составляет такой неприметный уголок, что его едва и отыскать можно. Описание Полтавского сражения, вставленное в третью песнь поэмы, столь маловажно для целого ее состава, что при совершенном уничтожении оно потеряла бы только толщина книжки**. — Воля ваша,

* Великий *Чадский* возгласил бы: «Абсолютная правда!»¹⁵ Прим<ечание> *наборщица*.

** Тогда было бы меньше трудов и для типографии! А цена-то книжке могла б быть все та же!.. Прим<ечание> *наборщица*.

господа!.. а мне кажется, что наш Байрон поступил бы гораздо лучше, если б удержал для своей поэмы имя «Мазепа», прославленное его принципом¹⁸, тогда б, по крайней мере, никто не осмелился утверждать, что между им и *Байроном* нет ни малейшего сходства!

Флюгер<овский>. А теперь — разве вы осмелитесь это сделать?..

Незнак<омец>. Не обинуясь нимало! — Я не знаю еще, как вы разумеете Байрона!.. У нас об нем говорят очень много: и все почти без толку!.. Если принять вместе с автором журнальной статейки, на которую ссылался недавно почтенный ваш товарищ, что отличительный характер байронизма состоит в умении *рассказывать с середины происшествия или с конца, не заботясь вовсе о спянии частей**, то мы можем вести счет нашим Байронам дюжинами. Неблагодарная забота *о спянии частей* в наши времена у наших поэтов — отнюдь не диковинка!.. но — *Байрон*, кажется, имел кое-что побольше и поважнее; и ежели *люди бросились на его поэмы, как алкающие в Аравийской пустыне к источнику ключевой воды*, то, верно, не по причине царствующего в них беспорядка, которого *ужасаются* не одни только *педанты***. У Байрона был точно гений — и какой гений!.. Ничто не может быть вернее и ужаснее очерка, набросанного Ламартином:

Les cris du désespoir sont tes plus doux concerts;
Le mal est ton spectacle, et l'homme est ta victime!
Ton oeil, comme Satan, a mesuré l'abîme,
Et ton âme, y plongeant loin du jour et de Dieu,
A dit à l'espérance, un éternel adieu!
Comme lui, maintenant, régna dans les ténèbres,
Ton génie invincible éclate en chants funèbres;
Il triomphe, et ta voix, sur un mode infernal,
Chante l'hymne de gloire au sombre dieu du mal!***

И этим сатанинским величием *отливают* все *творения Байрона!*.. Он всегда верен самому себе: и тогда, когда пытается святотатски обнажить девственные таинства *неба и земли*; и тогда, когда унижается до постыдного лаяния площадного памфлетиста. Везде то же мрачное всененавидение; везде те же безотрадны картины сиротствующего бытия, коего летаргическое усыпление взрывается только буйными порывами бунтующей жизни. *Байроновы* поэмы суть запустевшие кладбища, на которых плотоядные коршуны отбивают с остервенением у шипящих змей полустлевшие че-

* «С<ын> о<тчества> и С<верный> а<рхив>», с. 38.

** Экая чудная память! Слово в слово опять из «С<ына> о<тчества> и С<верного> а<рхива>» (с. 39). *Пр<имечание> соч<инителя>*.

*** И ты, Байрон, паришь, презревши жалкий мир:
Зло — зрелище твое, отчаянье — твой мир.
Твой взор, твой смертный взор, измерил злоключенья;
В душе твоей не Бог, но демон искушенья:
Как он, ты движешь все, ты — мрака властелин,
Надежды кроткий луч отвергнул ты один;
Вопль смертных для тебя — приятная отрада;
Нсистовый, как ад, поешь ты в славу ада...

(Пер. с франц. А. И. Полжеасва). — *Ред.*¹⁹

репы. Его мир есть — ад; и — какое исполинское величие потребно для Полифема, избравшего себе жилищем сию беспредельную бездну?..

Jacuitque per antrum
Immensus!..*²⁰

К чести нашего поэта должно сказать, что подобное величие ему чуждо. Он еще не перерос скудной меры человечества; и душа его — даже слишком — дружна с земною жизнью. Ни от одной из его поэм не пашет²¹ эту могильную сыростью, от которой кровь стынет в жилах при чтении *Байрона*. Его герои — в самых мрачнейших произведениях его фантазии — каковы: «Братья разбойники» и «Цыгане» — суть не дьяволы, а бесенята. И ежели иногда случается ему понегодовать на мир, то это бывает просто — с сердцов, а не из ненависти. Как же можно сравнивать его с *Байроном*?.. Они не имеют ничего общего, кроме разве внешней формы изложения, которая никогда и нигде не может составлять главного. Доказательство у нас пред глазами. И тот и другой написали две поэмы, имеющие предметом одного и того же главного героя и долженствовавшие даже носить одно и то же имя. Сравним их между собою! — Что такое Мазепа *Байрона*?.. Олицетворенный идеал буйной независимости, посмеивающийся всем ударам и козням враждебной жизни!.. Старый украинский гетман, вышедши из-под *Байроновой* кисти, представляет то же в галерее нравственного мира, что бурный конь, мчавший его по степям подольским, в панораме мира физического,

He was wild,
Wild as the wild deer!..
.....
Torrents less rapid and less rash!..**

И мы смело можем повторить здесь о нем то, что сам *Байрон* влагает в уста *Карлу XII*:

On the earth,
So fit a pair had never birth,
As the Bucephalus and thou!***²³ —

Я не буду распространяться о том, каким образом *Байрон* воплотил идеал сей. Это сделано вполне — *байронски*!.. Для читателей, как и для самого *Байронова Мазепы*, *небо кажется также вертящимся колесом и деревья шатаются, как пьяные*²⁴. И я не знаю, започивал ли бы так сладко, при всем своем измождении, северный Александр²⁵, когда б дослушался

* И лежал, распростершись в пещере, огромный!.. (лат.) — *Ред.*

** Он был дик,

Дик, как дикий олень!..

.....

Быстрее стремительных потоков!.. (англ.) — *Ред.*²²

*** На земле

Никогда не рождалось такой ладной пары,

Как твой Бuceфал и ты! (англ.) — *Ред.*

до хладнокровного заключения, коим заговорившийся старец завершил сию огневую выдержку из юных лет своих:

Comrades, good night!..*²⁶

Это одно расстиляет гигантскую тень от *Мазепы*, сотворенного *Байроном!* — Таков ли *Мазепа* Пушкина?.. Поэт не поленился нам дать обстоятельное сведение о герое своей повести; и что же узнаём мы?.. Как жаль, что нет теперь под рукою книжки!

Я (вынув из кармана). Если угодно, так вот она, к вашим услугам! *Незнак<омец>*. Как это кстати! Извольте же прислушать:

Чем Мазепа злей,
 Чем сердце в нем хитрей и ложней,
 Тем с виду он неосторожней
 И в обхождении простей.
 Как он умеет самовластно
 Сердца привлечь и разгадать,
 Умами править безопасно,
 Чужие тайны разрешать!
 С какой доверчивостью лживой,
 Как добродушно на пирах
 Со старцами старик болтливый
 Жалеет он о прошлых днях,
 Свободу славит с своевольным,
 Поносит власти с недовольным,
 С ожесточенным слезы льет,
 С глупцом разумну речь ведет!
 Немногим, может быть, известно,
 Что дух его неукротим,
 Что рад и честно и бесчестно
 Вредить он недругам своим;
 Что ни единой он обиды,
 С тех пор как жив, не забывал,
 Что далеко преступны виды
 Старик надменный простирает,
 Что он не ведает святыни,
 Что он не помнит *благостыни* (?)**
 Что он не любит ничего,
 Что кровь готов он лить как воду,
 Что презирает он свободу,
 Что нет отчизны для него (<стр.>13, 14 и 15).

Этот *Мазепа* есть не что иное, как лицемерный, бездушный старичишка! — Тот ли это *Мазепа*, который в ночь, сменившую роковой Полтавский день, возле травяного ложа изможденного Карла,

* Доброй ночи, соратники! (англ.) — Ред.

** Как мастерски поэт наш умеет пользоваться богатой сокровищницей славянского языка!.. А велика ли *благостыня*?.. — Примечание одного посетителя типографии.

Made
His pillow in an old oaks shade,
Himself as rough and scarce less old,
..... calm and bold?^{*27} —

У Байрона старый гетман засыпает сладко подле венценосного беглеца; и его *листяная постель* не кажется ему ни жесткою, ни новою; у Пушкина напротив —

...Сон Мазепы смутен был:
В нем мрачный дух не знал покоя (<стр.> 78).

У Байрона...

Я. Но позволите сказать вам, м<илостивый> г<осударь>, что это самое несходство с Байроном в изображении характера Мазепы может, кажется, служить к чести нашего поэта, а не к укоризне. Байрон точно создал своего Мазепу, или лучше — созданный им идеал назвал Мазепою; Пушкин же, по собственному своему признанию, хотел только — *развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица* («Полт<ава>». <Стр.> VII)²⁸, и, следовательно, должен был заключиться в тесных рамках неблагодарной достоверности.

Незнак<омец>. Хорошо бы, когда б так!.. Но если бы Мазепа был действительно таков, каковым он представлен в поэме Пушкина, то я не знаю, стоил ли бы он поэтической обработки?.. Лепить горшки можно из всего; но — из простой печной глины выработать прекрасную статую, назначаемую для украшения святилища муз, было бы — безрассудно и смешно! — Итак, Пушкин — или неудачно выбрал, или... неудачно выполнил!..

Флогер<овский>. Последнее невозможно!.. Может ли Пушкин выполнить неудачно то, за что примется?..

Незнак<омец>. И не Пушкины надрывались тогда, когда брали дело не по силам!

Флогер<овский>. Не по силам?.. Где я?.. Не в земле ли коряков и чукчей?..

Незнак<омец> (улыбаясь). Молодой человек! Будьте скупее на риторические фигуры!.. Что удивительного находите вы в словах моих?.. В мире все устроено по числу, мере и весу: каждая сила имеет свой круг, свой масштаб, свои пропорции. Что ж мудреного, если и для духа человеческого, на какой бы степени ни стоял он, — одно по силам, а другое не по силам?.. Самому великому Ломоносову не по силам было эпическое величие века Петрова²⁹, а Мазепа есть не последнее созвездие в планетной системе сего незападающего солнца!.. Самое проклятие, тяготеющее над его памятью, обличает в нем силу характера, коей для истинного величия недоставало только достойного направления: старых волокит награждают не проклятиями, а жалким пожатием плеч и презрительным смехом! — Грешно было

* В тени старого дуба —

Сам такой же, как, грубый и старый,
..... спокойный и смелый? (англ.) — Ред.

бы думать, что не было ни отчизны, ни свободы для человека, утешавшего себя сею мыслию

Нехай вечна будет слава,
Же през шаблю маем права!³⁰

Я. Но — историческая достоверность?..

Незнак<омец>. Я цитовал вам теперь собственные слова *Мазепы**... Это стоит, кажется, слухов! — Но у нас есть другие очевиднейшие свидетельства, доказывающие, что певец *Полтавы* не слишком много стеснялся исторической достоверностью!.. Не говорю о героине поэмы, которая не сохранила даже подлинного своего имени, быв переименована из Матрены в Марию, в силу поэтического самоуправства. Что такое *Кочубей*?.. Не самообрекающая жертва верности к престолу и любви к отечеству, а злобный, мстительный старик, затеявший доконать вероломного кума, во что бы то ни стало, и не умевший скрасить последних минут своих ни благородною твердостью невинности, ни всепрощающим смирением любви христианской! — Что такое *Карл XII*?.. Извольте слушать:

Он — мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом;
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражьей стлану;
Свалить казака
И обменять на рану рану.
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога! (<стр.> 66)

* Почтенный незнакомец не читал еще тогда «Галатси», которая, со всем дамским своевольем, утверждает просто и наотрез, что еще «неизвестно, когда написана дума», из которой взяты цитованные здесь стихи, — и что «даже недостоверно, точно ли она сочинена Мазепой» («Гал<атся>», № 17, с. 49)³¹. *Прим<ечание> соч<инителя>*. — Но почему же наша журнальная красавица, не в добрый час принявшаяся за археологическую критику, предпочитает в достоверности не только *сей думе*, но и *всем возможным думам* — *договор Мазепы с королем Станиславом*?.. В каком будуаре удалось ей видеть оригинал или, по крайней мере, верную копию сего *договора*? — Сам почтенный автор «Истории Малороссии» упоминает об нем только со слов *Адлерфельда*, который даже *позабыл фамилию польского сенатора*, дополнявшего якобы собой шестеричное число избранных, коим *одним* упомянутый договор и был известен. (См. «Истор<ию> Малор<оссии>» Бантыш-Каменского, ч. III, с. 125.)³² Дамское своеправие — не больше! *Примеч<ание> неизвест<ного> посетит<еля> типограф<ии>*.

Что такое сам Петр — Великий Петр?..

Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы! (<стр.> 68)

А!.. каковы портреты!.. Подумаешь, что дело идет о *Фарлафе* и *Родае*!³³ — И всему виной — историческая достоверность?..³⁴ Не гораздо ли естественнее догадаться, что певец «Руслана и Людмилы» просто *зарубил дерево не по себе*?.. Подобные гротески в своем месте посмешили бы, конечно, в сладость; но здесь они, право, возбуждают сожаление!..

Флогер<овский>. Какое же понятие вы имеете о чародейской музе Пушкина?..

Незнак<омец>. Самое настоящее! Ни более, ни менее, как что она в самом деле! — Это есть, по моему мнению, резвая шалунья!* для которой весь мир ни в копейку. Ее стихия — пересмежать все — худое и хорошее... не из злости или презрения, а просто — из охоты позубоскалить. Это-то сообщает особую физиономию поэтическому направлению *Пушкина*, отличающую оное решительно от *Байроновой* мисантропии и от *Жан-Полева* юморизма³⁶. Поэзия *Пушкина* есть *просто* — *пародия*. Нечего Бога гневить!.. Что правда — то правда!.. Мастер посмеяться и посмешить... когда только, разумеется, знает честь и меру! — И ежели можно быть великим в малых делах³⁷, то *Пушкина* можно назвать по всем правам гением — *на карикатуры*!.. Пускай спорят прочие: «Бахчисарайскому» ли «фонтану» или «Цыганам» принадлежит первенство между произведениями *Пушкина*? По моему мнению, самое лучшее его творение есть — «Граф Нулин»!..

Я (с изумлением). «Граф Нулин»!.. Что вы говорите!..

Незнак<омец>. Да! да! «Граф Нулин»! — Здесь поэт находится в своей стихии, и его парадоксальный гений является во всем своем арлекинском величии. За сим следует непосредственно «Руслан и Людмила». Какое обилие самых уродливых гротесков, самых смешных карикатур! Истинно — животики надорвешь!..

Флогер<овский>. У меня не стает сил более!.. А «Бахчисарайский фонтан»? А «Кавказский пленник»? А «Братья разбойники»? А «Цыгане»? А «Полтава»?.. Это все также — *пародии*?..

Незнак<омец>. Без сомнения, не *пародии*! И тем для них — хуже!.. Но между тем во всех их проскакивает более или менее характеристическое направление поэта — даже, может быть, против собственной его воли. Это, конечно, и не удивительно! Привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный вид, не изменяя самому себе: вероломные гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддельной сановитости. За примерами незачем ходить далеко: развернем «Полтаву»!.. На чем движется весь поэтический машинизм сей поэмы, назначенной, по предположению самого поэта, увековечить *одно из самых важных и самых счастливых происшествий*

* Какая напраслина!.. Сам поэт в *посвящении* «Полтавы» называет музу свою — «музой темной»!.. Извольте справиться!³⁵ — *Прим<ечание>* *неизвестного* посет<ителя> типогр<афии>. — А будто в *темноте* нельзя шалить и резвиться! — *Прим<ечание>* *наборщик<а>*.

царствования Петра Великого*?.. Основное колесо ее есть непримиримая ненависть *Мазепы* к Полтавскому Герою; и чем же заблагорассудилось завести это колесо нашему поэту?.. Послушаем, как разглагольствует об этом сам *Мазепа*:

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решила непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовым
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за *усы* мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как *мать во чреве*
Младенца носит. Срок настал (<стр.> 67, 68).

И от этих *усов* — столько шуму!.. Ай да *усы*!.. Это был бы клад для покойного *выворачивателя Энеиды наизнанку*³⁸ — Хотите ли иметь понятие об эпохе, из которой заимствована поэма?..

Была то смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведский паладин (<стр.> 10).

Эта аллегория в прозаическом переводе значит, что Карл XII не один раз *секал Россию до крови*. Может быть, поэт совсем не думал шутить, употребив сие слишком памятное для молодых людей сравнение; но для нас, стариков, подобные воспоминания не столько больны, сколько забавны! — Нам желательно видеть после Полтавского боя этого *Карла*, который, по словам *Байрона*,

Kinglike... bore his fall
And made, in this extreme of ill,
His pangs the vassals of his will!^{**39}

* Незнакомец взял это из «Предисловия» к «Полтаве». Смот<ри> с. V. *Прим<ечание> соч<инителя>*.

** По-королевски... перенес свое падение
И сделал в этом крайнем несчастье
Свои страдания вассалами собственной воли! (*англ.*) — *Ред.*

Милости просим полюбоваться!

Редела тень. Восток алел,
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;*
Драбанты у берегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! порал
Вставай, Мазепа. Рассветает» (<стр.> 81).

Надобно же иметь богатый запас веселости, чтобы заставить Карла в столь роковые минуты так бурлачки покрикивать над ухом несчастного гетмана! — Жаль, однако, что эта неистощимая веселость выступает иногда из пределов!.. Описание *палача, гуляющего по роковому помосту с алчным ожиданием и веселостью*, — есть лучшее место из всей поэмы — по живописной верности!!!!** Но — каково хладнокровное самоуслаждение, с коим оно начертано!

Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, *мигая*.
Зарделась кровию трава —
И, сердцем радуясь во злобе,
Палач за чуб *поймал* их обе
И напряженною рукой
Потряс их обе над толпой (<стр.> 54).

Нет уж, право!.. Надобно иметь слишком много стоического бесстрастия, чтобы шутить подобными зрелищами! — Равным образом — не то смех, не то горе возбуждает ночное появление сумасшедшей *Марии* пробужденному от бессонницы *Мазепе*.

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — Творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем *не человечесья*,
А *волчья* — видишь: какова!.. (<стр.> 79, 80)

Ну — что это такое!..

И с диким смехом *завизжала*... (<стр.> 81)

* Спасибо поэту за пояснение. А то бы поломать нам, простякам, голову, что это был за *огонь казачий*! Примечание > неизвестного посетителя > тигр<афии>.

** Этот *палач* был, однако, не в свою братью — чисто плотен. Руки, в которые он *брал*, Играючи, тонор тяжелый, (<стр.> 52)

были *белые*.

Белоручка! — Примечание > неизвестного посетителя > тигр<афии>.

Фай!.. Этак говорят только об обваренных собаках!.. Бедная *Матрена-Мария!*.. Ее сумасшествие возбуждает сожаление — но не об ней, а о... поэте!..

Флюгер<овский>. Поберегите это сожаление для самих себя!.. Ваше предубеждение против *Пушкина* заставляет вас находить одни пятна в этом блистательном солнце литературного нашего мира. Но вы не осмелитесь, конечно, оспаривать у него *естественности*...

Незнак<омец>. И очень осмелюсь!.. Естественно ли, например, что семидесятилетний старик, который, по словам самого же поэта,

...Не любит ничего (<стр.> 14) —

на пороге гроба

...Ведает любовь?.. (<стр.> 5)

И какую же любовь?.. *Раскаленную!* — Говорит, правда, русская пословица: *седина в голову, а бес в ребро!* Но — подобные фарсы разве называются любовью?.. Да и пусть бы это было возможно! — Статочное ли дело, чтобы этот белоусый Селадон⁴⁰, который, по собственному своему признанию, любил *Марию*

...больше славы, больше власти (<стр.> 33) —

пожертвовал так бесчеловечно отцом ее и решился осудить его на пытку — для удовлетворения низкому корыстолюбию? — Я не говорю уже ничего о любви самой *Марии* — хотя собственный горький опыт давно уже удостоверяет меня, что

...старца строгий вид,
Рубцы чела, волосы седые —

редко, очень редко

В воображенье красоты
Влагают страстные мечты! (<стр.> 8)

Флюгер<овский>. Но — *народность* — *народность*, которую дышит «Полтава»!..

Незнак<омец>. И этот дух для меня мало слышен!.. Друзья мои! *Народность* не состоит в искусстве накидывать русские пословицы и поговорки, где ни попало!.. А иначе «Иван Выжигин» был бы самым *народнейшим* произведением!..⁴¹ Чтобы быть *народным*, надобно уловить *дух* народный; а он — не продается, подобно газам, в бутылках!..

Флюгер<овский>. Но что скажете вы о прекрасном ответе *Кочубея Орлику?*.. Пожалуйста мне книжку:

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла.

Другой был клад невозвратимый
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь над ним дрожал;
 Мазепа этот клад украл,
 Но сохранил я клад последний,
 Мой третий клад: святую месть.
 Ее готовлюсь Богу снести (<стр.> 43).

Незнак<омец>. Что хорошо, то хорошо!
Флюгер<овский>. А прекрасное описание гонца, посланного к Петру Кочубею?..

Незнак<омец>. Очень недурно!..

Флюгер<овский>. А изображение Петра пред Полтавской битвой?..

Незнак<омец>. Стоит всей поэмы!..

Флюгер<овский>. И после всего этого?..

Незнак<омец>. И после всего этого — ничего!.. Я не мастер определять эстетическое достоинство произведения *по числу доль* чистого поэтического металла, заронившегося нечаянно в смесь, из которой оно составлено; и будь хоть их *восемьдесят четыре* в составе поэмы — я никогда не приму ее за *чистое* золото⁴². Это предоставляется людям более искусным в литературной арифметике!..

Флюгер<овский>. Итак, по вашему мнению, «Полтава»...

Незнак<омец>. По моему мнению — «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина! Ему назначено было *здесь* испытать судьбу Карла XII!.. И — какая чудная аналогия!.. Северный Александр, проиграв Полтавское сражение, пустился в ребяческие фарсы, недостойные его гения и славы: он вцепился великому визирю в бороду, разорвал шпорами его платье и, как упрямое дитя, отбивался и руками и зубами от исполнителей воли султана, утомившегося наконец зевать на закатившееся светило.⁴³ Карл XII литературного нашего мира точно так же изволил забавляться после «Полтавы»: он ударился в язвительные стишонки и ругательства!⁴⁴ Одна только небольшая разница!.. Еще доселе, по уверению самого певца «Полтавы»,

Три углубленные в земле
 И мхом поросшие ступени
 Гласят о шведском короле (<стр.> 83).

Это суть те, с которых

...отражал герой безумный,
 Один в толпе домашних слуг,
 Турецкой рати приступ шумный! (Ib<id>)

Переживут ли нашего героя два или три камешка, пущенные им из Телеграфической пращи⁴⁵, — это еще пока дело нерешенное!.. Несомненно одно только то, что он сам уже *познаёт свой запад*, ибо — принимается стоять сам за себя, не жалея ногтей и зубов! Поздравляем!..

* Незнакомец, верно, не читал тогда «Подснежника». Туда еще закинут порядочный *бульжистик!*⁴⁶ *Прим<ечание> неизв<естного> посет<ителя> типогр<афии>*.

Я. Но неужели вы не отдадите чести и языку «Полтавы»?.. Будьте справедливы..

Незнак<омец>. О языке *Пушкина* вообще говорить нечего!.. Между тем я должен-таки опять сказать, что, и в отношении к наружной отделке, его «Полтава» несравненно ниже всех прочих его произведений. Стихов прозаических и вялых такое множество, что не веришь: Пушкин ли, полно, писал их? Для образца можно прочесть теперь... что бы — например?.. Ну хоть вот ответ Мазепы на обвинения *Кочубея*:

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает Бог и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной...

Что-то будто славянское!..

Его щедротою безмерной
Осыпан, *дивно вознесен*..
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать *учение измен*...

Витиевато! Очень витиевато!..

И потемнять *благу* славу..
Не он ли *помощь* Станиславу
С негодованьем *отказал*?

У нас, кажется, можно *отказывать что-нибудь* только в завещаниях после смерти! Но куда, правда, соваться нам с подобными замечаниями, когда в «Полтаве» — *сам Мазепа сватал свою крестницу и был отказан?*..*⁴⁷

Стыдись, отверг венец Украины,
И договор, и письма *тайны*...

Верно, усечения опять входят в моду!..

К царю, по долгу, отослал?
Не он ли *науценьям* хана
И цареградского салтана
Был *глух*?

Кажется, можно быть *глухим к чему-нибудь*, а не *чему-нибудь*!..

Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,

* Незнакомец, вероятно, указывает на примечание к «Полтаве» под № 4 (с. 85). В самом деле, кажется, едва ли можно сказать по-русски: *Мазепа — был отказан*. Но — нам ли учить *Пушкина*? *Прим<ечание> соч<инителя>*.

И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..»
И с *кровожадными* слезами,
В *холодной дерзости* своей,
Их казни требует злодей... (<стр.> 23, 24, 25)

Я уж не знаю, какой *воды* показались эти жемчужины литературным нашим оценщикам! — В глаза также бросается неудачное покушение подделываться под тон простонародного разговора, обличающее себя нередко в «Полтаве»; например:

Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы нехстати:
Расчет и дерзкой и *плохой*,
И в нем не будет *благодати*.
Пропала, видно, *цель* моя.
Что делать? дал я *промах важный* (<стр.> 65).

И это говорит — *Мазепа*, гетман малороссийский!.. Но то ли еще, правда, говорит он!.. Какова покажется вам эта апофегма⁴⁸, коею *Мазепа* приправляет свой патетический монолог:

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань (<стр.> 46).

Льзя ли *вульгарнее* выразиться о блаженном состоянии супружеской жизни?.. Жаль лишь, что всю силу этой слишком *народной* поговорки вполне может чувствовать не вся русская чернь, а только — *архангелогородская!** Или еще уродливее и смешнее:

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в *оны дни*,
Как солью, хлебом и *елеем*,
Делились чувствами они (<стр.> 16).

У нас на Руси — хлеб точно неразлучен с *солью*; но о *елее* упоминается только вместе с *вином* — да и то в одних святцах!.. Не говорю о многих других выражениях, извиняемых *обычным* своеволием нашего поэта. Так, напр<имер>, Карла XII он называет *любовником бранной славы* (с. 64); иной проказник, для продолжения аллегории, пожалуй, скажет, что наш Петр присадил рога этому волоките. Но я не знаю, что подумать о подобных эмфатических фразах:

Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полну наливал;
И *ночь, когда голубку нашу*
Ты, старый коршун, заклевал!. (<стр.> 16)

* А — лапландцы?.. а остяки?.. а — самоседы? Разве *лапы* им мсыныс знакомы? — *Примечание*> *неизвестного*> *посетителя*> *типографа*>.

Это уж — не то слишком *малярно*, не то слишком *марально!*.. Короче — можно заметить, что и язык *Пушкина*, эта острая бритва, начинает иззубриваться!..

Флюгер<овский>. Но..

Незнак<омец> (*вынимая свои часы*). Но.. я примечаю, что и так уже заговорился с вами слишком долго. Простите болтливости старика!.. Одно только служит мне извинением, что языком моим управляла истина и желание быть вам полезным. Достиг ли я своей цели — не знаю! Прощайте!..

Я (*удерживая его*). Но вы, по крайней мере, скажете нам свое имя!..

Незнак<омец> (*улыбаясь*). Мое имя?.. На что вам знать его?.. Оно совсем неизвестно в литературном адрес-календаре нашем!.. Я — *Пахом Силич Правдивин*, отставной корректор ...овской университетской типографии. Вот весь мой послужной список!..

Я. Позвольте же, почтеннейший *Пахом Силич*, попросить мне у вас позволения обременить вас моим посещением. Ваши разговоры так..

Незнак<омец>. Без комплиментов! Без комплиментов!.. Милости просим!.. Я к вашим услугам. Моя квартира у *Спаса в Чигасах за Яузю*, в доме мещанина *Иванова*. Прощайте!..

Тут *Пахом Силич* пожал нам обоим руки и вышел.

— Каков старичок-то? — сказал я *Флюгеровскому*.

— Вандал! — отвечал он с негодованием.

— По крайней мере — не времен *Гензериковых!*⁴⁹ — перервал я с усмешкой.

— Мне надобно также домой! — сказал *Флюгеровский*, посмотрев на часы. — Этот старик задержал нас так долго враньем своим!

Мы вышли. Расставаясь на бульваре, я сказал *Флюгеровскому*:

— Как ты думаешь, приятель! Мне приходит в голову напечатать разговор наш!

— С умом ли ты? — отвечал он. — Такие дерзкие выходки против величайшего из наших поэтов!..

— Э! э! — возразил я. — Это-то не великое дело! Я могу опереться на собственном же стихе *Пушкина*:

Тут не лице, а только литератор!⁵⁰

Сверх того, *Александр Сергеевичу* безусловные похвалы, верно, прискучили. Может быть, и голос истины будет ему приятен — по крайней мере для разнообразия!

— Как ты хочешь, — отвечал мой приятель, — но только меня не путай сюда, пожалуйста!

— Передам все, как было! — сказал я. — Поверь, что если кому за это достанется, так уж, верно, не тебе! — Прощай! — будь здоров и покоен!

Возвратившись домой, я сдержал свое слово. Что будет, то будет!.. Утешаюсь, по крайней мере, тою мыслию, что ежели певцу «*Полтавы*» вздумается швырнуть в меня эпиграммой — то это будет для меня *незаслуженное* удовольствие!

С Патриарших прудов.
28 апреля 1829

К. А. ПОЛЕВОЙ

ПОЛТАВА, ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., 1829 г.

В русской публике давно слышны жалобы на безотчетные похвалы сочинениям Пушкина. Но если похвалы сии составляют мнение самой публики и поддерживаются каждым новым произведением любимца ее, то жаловаться, кажется, не на кого. Он нравится, и его хвалят. Так быть должно и не может быть иначе. «Но, — спрашивают, — почему он нравится? Почему не докажут, что он достоин хвалы, что он пользуется славою заслуженною?» Этот вопрос решить гораздо труднее, хотя и он достоверно решается повторением уже сказанного нами. Пушкин гением своим сходствует с идеалом своих читателей или по крайней мере сближается с ним: вот причина всех успехов и славы его, разумеется, заслуженной, если он возбуждает нетерпеливость ожидания, оправдывает оную и заставляет снова ждать новых своих произведений. Как указать на то, что именно нравится публике в сочинениях Пушкина и в какой степени нравится? Недавно, при появлении в свет «Полтавы», мы видели пример несходства в мнениях: одни назвали сию поэму *первою* по достоинству, другие *третьею*, третьи *второю*; одни нашли, что описание Полтавской битвы превосходно, другие увидели в нем неверный очерк; одни убедились, что «Полтава» есть шаг к совершенству, другие уверились в противном¹. Это нисколько не удивительно. Это живой урок, что пора перестать привязываться к словам и отдельным картинам, которые *непрерывно должны* производить различное действие *на каждого читателя*. Рассказ о живописце, выставившем свою картину для поправок, есть урок мудрости². Критика, указующая на места в сочинениях, есть для нас наследственная болезнь схоластизма. Только в то время, когда не знали стихий искусства, можно было по убеждению одного человека называть то и то прекрасным, а то и то дурным. В нашу эпоху существуют другие требования. Ныне можно назвать слишком дерзким того критика, который, признавая какое-либо поэтическое произведение созданием необыкновенного дарования, стал бы указывать на стихи, по *его мнению*, не хорошие. Кто и что ручается нам за его мнение? И не прав ли Пушкин, сказавший одному своему критику, осуждавшему его стих в «Цыганах»

«И с камня на траву свалился...»:

«Я именно так хотел, так должен был выразиться»³. Какие аргументы могут в сем случае опровергнуть мнение не только самого Пушкина, но и каждого из его читателей?

Мы займемся совершенно другим предметом. Сказав в начале сей статьи, что успех и слава Пушкина оправдываются сею же славою и сим же успехом, мы говорили о славе, раздаваемой современниками. Чего желать им, если они наслаждаются автором? Слезы, пролитые в Париже при представлении Мармонтелевых трагедий и в Петербурге при представлении трагедий Сумарокова, были пролиты дельно, недаром, хотя в наше время

смеются над трагедиями Мармонтеля и Сумарокова. Сии трагедии нравились современникам, трогали их, умиляли — и довольно!

Но именно здесь скрывается тайная причина общих и частных жалоб на славу Пушкина. Публика не надеется на себя и боится подвергнуться тому же упреку, какой произносит она против современников Сумарокова. У нас, даже в журналах, где занимаются критикою, указывают на приведенные нами примеры непрочности современной славы и селятся применить их к Пушкину. Предмет сей так важен, что мы почитаем долгом объяснить о нем⁴.

Не только современные славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобных им, но вековые славы разрушились в наше время. Не только слава частных лиц, но слава целых литератур пала и слава других возстала в прочной, бессмертной силе. Давно ли латинскую литературу ставили рядом с греческою — и кто осмелится теперь сделать это? Давно ли французская литература первенствовала у всех народов — и кто теперь не отрицает ее первенства? Давно ли Шекспира называли варваром, Буало законодателем поэзии, Тасса предпочитали Данту, и у нас имя Ломоносова произносили вместе с именем Державина? Кто теперь станет поддерживать сии положения? Теперь самые закоснелые староверы литературные отрекаются от подобных мнений. И все это совершилось в девятнадцатый век! Где же причина сего непостижимого для многих явления? Что вдруг просветило благословенный XIX век?

Осьмнадцатое столетие можно назвать эпохою переворотов: конец его ознаменовался великими политическими переменами на обоих полушариях земли⁵ и таким же великим движением в умственном мире. Зерно многих столетий развернулось в наше время: мы ли виноваты в том, что судьба заставила нас быть современниками сего развития? Свет истинной философии отразился в науках и искусствах; в литературу внесен светильник критики, и века всех времен явились нам в настоящем своем виде, тогда как для предшественников наших, не освещенных сим животворным светом, они находились во тьме. Здесь причина всех новых изменений в мире литературы. Критика утвердилась не на понятиях толпы, всегда прикованной к своему веку, но на истинных понятиях об изящном и на рассмотрении современной истории, всегда отражающейся в произведениях литературы. Будем ли удивляться после сего, что еще в недавнее время толпа восхищалась одними наружными формами и потому плакала, глядя на ложный ужас и жалость в трагедиях Мармонтеля и Сумарокова, читая описание семейственных картин в романах Лафонтена⁶ и в драмах Коцебу, и слишком высоко ценила гладкие, цветистые стихи аббата Делиля? Человека можно уподобить человечеству: что восхищает его в младенчестве, то смешит в лета ума. Однако ж не должен ли он сказать, что только в лета зрелые начал понимать истинное достоинство и место предметов, представляющихся ему?

Предслышим одно возражение: неужели в наше время *все* читающие могут истинно оценивать достоинство литературных произведений? И спешим прибавить: не только *не все*, но весьма *небольшое число*. Однако ж небольшое число понимающих существует, а общее мнение искони повиновалось ему. Общего распространения здравых понятий надобно ожидать от следующих поколений. Когда во Франции изданы были книга г-жи

Сталь «О Германии» (произведение чужого климата и, может быть, чужою рукою написанное) и Шлегелев «Курс драматической литературы»⁷, то дерзость многих мыслей в сих сочинениях изумила всех, даже умнейших людей. Теперь, когда после сих явлений прошло немного более пятнадцати лет, пол-Франции согласно с основанием мнений г-жи Сталь и Шлегеля. Это время настает и у нас. В наше время критицизм столько уже распространился и до такой степени проникнул в общее мнение, что ныне говорить о ложной славе могут только те люди, которые не принадлежат к вышеупомянутому *небольшому числу* и берутся быть судьями в литературе. Они должны повиноваться общему мнению, всегда достойному своего века, всегда верному руководителю современников.

Понимаем, отчего сочинения Пушкина мало подвергались печатной критике. Причина сего заключается в том, что для критики недоставало данных, на коих бы она могла основать свои выводы. Теперь, с появлением в свет «Полтавы», можно судить о Пушкине. Признавая последнюю его поэму одним из совершеннейших его произведений, мы намерены здесь показать, на чем основываем свое мнение. Для сего необходимо бросить взгляд на все поэтическое поприще Пушкина.

Литература русская всегда была наперсницею литератур иностранных. Переняв просвещение у иноземцев, мы надолго остались их нравственными данниками. Даже донныне, кроме гиганта Державина, кто из наших поэтов мог похвалиться своим, незаемным вдохновением? Жуковский, сей очаровательный поэт, не может быть назван творцом. Даже те из его сочинений, коих изобретение принадлежит ему, навеяны из-под чуждого неба. Мы привели один пример, но их можно отыскать очень много. Причины такого направления литературы сокрыты глубоко. Они идут от беспримерного в истории преобразования России Петром Великим и от безмерного множества иноземцев, наводнивших собою Россию, из коих иные поселились у нас и стали давать тон русскому просвещению, другие образовывали и образовывают донныне юных россиян. Это нам нужно припомнить себе, дабы согласиться, что просвещенный русский, собственно, не России обязан своим просвещением. Он любит Россию, как свою мать, давшую ему жизнь и средства сделаться чужеземцем по образу мыслей. Правда, что самое просвещение сие заставляет его любить свою мать, однако ж она не может заменить ему чужеземных учителей, под именем коих мы разумеем европейских писателей Франции, Германии и Англии. Вот где скрывается начало чужеземного направления нашей словесности, ибо заметьте, что каждый необыкновенный русский писатель, увлекавший своих современников, был исполнен духом не России, ему чуждой и неизвестной, но духом какой-нибудь литературы или даже одного писателя иностранного. Так Карамзин, впрочем, не понявши высокой иронии Стерна над чувствительностью, в юности своей наполнил нас мнимым духом Стерновым, известным под названием сантиментальности. Так Жуковский увлек нас к одностороннему направлению Шиллера и заставил лететь в небеса, забыв, что у нас есть Россия, которая имеет свой мир. Во время направления, данного поэзии нашей Жуковским, явился Пушкин⁸.

Сей необыкновенный человек, еще в самых юных летах ознаменовавший себя прекрасными стихотворениями и каким-то оригинальным взглядом на предметы, тотчас обратил на себя общее внимание знаменитых совре-

менников: Карамзина, Жуковского, Батюшкова. Может быть, дружба с последним и раннее знакомство с итальянской поэзией, ибо в доме Пушкиных итальянский язык был в употреблении, породили мысль о «Руслане и Людмиле». Эта поэма, русская по своему названию, по многим картинам и собственным именам, напоминает не Россию, а поэму Ариоста⁹. В «Руслане» так же странствующие рыцари ищут красавицу, дерутся за нее и питают в душе своей чувства не русских витязей и даже не героев нашего сказочного мира, происходящих, в свою очередь, не по прямой линии от русских богатырей, но чувства рыцарей средних веков. Несообразность сия тем страннее в поэме Пушкина, что автор имел перед глазами превосходный образец *старого времени* в «Песне о полку Игоря». Если читатель примет на себя труд сравнить бессмертное произведение древнего барда нашего с «Русланом и Людмилою», то он увидит, как несообразен дух новой поэмы с временем, в нем изображаемым. Что же причиною этого? Влияние итальянского поэта, которого Пушкин переделал на русские нравы. «Руслан и Людмила» имеет высокое достоинство по своим отдельным картинам и стихосложению, удивившему читателей новостью и силою, но вообще поэма сия столько же сообразна с древним русским духом, как Orlando Furioso* с каким-нибудь историческим лицом старой нашей Руси.

В это время имя юного поэта сделалось славно между молодыми современниками его другим родом поэзии: мы разумеем здесь мелкие стихотворения, в которых Пушкин — кто не знает этого? — является истинным Протеем¹⁰. Но не разнообразный гений его, не прелесть картин увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшие их дух, от которого после сам Пушкин освободился и причисляет его к заблуждениям своей юности. Здесь главным его *путеводителем* (если можно так сказать) был А. Шенье, несчастная жертва Французской революции, поэт с дарованием возвышенным, исполненный поэтического негодования к извергам, терзавшим его отечество. Пушкин прекрасно изобразил сего достопамятного человека в известных стихах, названных им по имени французского поэта¹¹. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего более сделалось известно в России по некоторым его мелким стихотворениям, ныне забытым, но в свое время ходившим по рукам во множестве списков¹².

Человек столь высокий, как Пушкин, не мог долго покорствоваться чуждому души его влечению. Он вскоре освободился от своего ложного направления, жил в уединении, стараясь, как сам он выразился, *в просвещении стать с веком наравне*¹³, — и плодом его изучений был «Кавказский пленник». Здесь видим направление совершенно новое! Для нас ясно теперь, что поэма сия, как и другие поэмы Пушкина, следовавшие за нею, была следствием Байрона, овладевшего на время всем миром. Байрон, по справедливому замечанию Нодье, не избрал особенного рода поэзии, ибо это невозможно, а только положил на ноты песню своего времени¹⁴. Мотивом сей песни были прощальные звуки разочарованного мира, исчерпавшего, как казалось ему, все средства жизни. Байрон был последним отголоском философии осьмнадцатого века, истребившей свою страшную иронию все верования в добро, которое неизменно цветет в мире. Ошибка

* истинный Роланд (*итал.*). — *Ред.*

байроновского направления состоит именно в том, что он видел, по следам мнимых философов, одну сторону предметов, одно злое, черное направление человечества, вышедшее из границ, как скоро благотворное действие религии перестало смягчать его. Рожденный быть необъятным гением, Байрон обстоятельствами жизни своей был приготовлен к выражению того страшного взгляда, той неумолимой иронии, разочаровывающей мир, которую Пушкин изобразил в превосходном своем стихотворении «Демон»:

В те дни, когда мне были новы
 Все впечатленья бытия —
 И взоры дев, и шум дубровы,
 И ночью пенне соловья;
 Когда возвышенные чувства,
 Свобода, слава, и любовь,
 И вдохновенные искусства
 Так сильно волновали кровь,—
 Часы надежд и наслаждений
 Тоской внезапной осеня,
 Тогда какой-то злобный гений
 Стал тайно навещать меня.
 Печальны были наши встречи:
 Его улыбка, чудный взгляд,
 Его язвительные речи
 Вливали в душу холодный яд.
 Неистощимой клеветою
 Он Провиденье искушал;
 Он звал прекрасное мечтою;
 Он вдохновенье презирал;
 Не верил он любви, свободе;
 На жизнь насмешливо глядел —
 И ничего во всей природе
 Благословить он не хотел!

Это Байрон! это последний, высочайший певец разочарованного мира, склонившегося тотчас после него к новому, религиозно-философическому направлению. Лиры современных ему певцов отзываются и доньне его песнею: в струнах их и доньне еще слышен напев Байронов, но он становится тише, тише, пока растроганные струны совершенно останавливают свое дрожание, дабы отозваться новому всемирному певцу, которого ожидает мир от грядущих поколений, воспитанных иною философиею.

Певец иронии сделал сильнейшее впечатление на Пушкина. Русский поэт не мог освободиться от него ни в «Бахчисарайском фонтане», ни в «Цыганах», ни в «Онегине», ни в современных им мелких своих стихотворениях. Все сии сочинения носят на себе печать Байронова влияния, ибо все они основаны на несоразмерности средств с действиями, образующей иронию. Впрочем, «Онегин» выходит несколько из сего круга, ибо в нем виден более спокойный взгляд и какое-то желание примирить несообразности земных явлений. Татьяна представляет нам собой благородную борьбу человека с несчастьем; она является героинею и, следовательно, возвышается над обыкновенными событиями, тогда как ни в поэмах Байрона, ни в «Кавказском пленнике», ни в «Бахчисарайском фонтане»,

ни в «Цыганах» нет ни одного лица, которое не падало бы под бременем встречающихся ему зол или не было ничтожно и достойно своих бедствий. Пушкин невольно сделал Татьяну героинею.

Уже в «Онегине» можно было заметить, что гений нашего поэта требует нового направления, что он не доволен сам собою. Это показывает необычайную силу души, ибо человек обыкновенный, хороший поэт был бы навсегда окован байроновским направлением, достойным образом им выражаемым и доставляющим ему славу. Мы нередко видим, как целому поколению трудно отставать от своих привычных стремлений; но Пушкин решился на гигантский подвиг — и совершил его. Сей переход нашего поэта чрезвычайно любопытен для ума наблюдательного.

Шекспир и Гете занимали его внимание; но последний не надолго. «Фауст» Пушкина, внушенный ему, разумеется, «Фаустом» германского поэта, остался в одних отрывках¹⁵. Более ни одна пьеса, кажется, не ознаменовала сего мгновенного стремления Пушкина, ибо таинственный смысл гиганта-современника и собственно ему принадлежащий идеал не соответствовали гению нашего поэта. Другой гений, более обширный, более всеобъемлющий, невидимо привязал его к себе и *преобразил*, к счастью нашей поэзии. Мы не знаем трагедии Пушкина «Борис Годунов»; но, судя по известным нам отрывкам¹⁶, видим в ней переход к тому идеалу, который уже выразительнее осуществлен в «Полтаве». Этому надлежало быть. Если поэт наш имел силу оставить блестящего современного Байрона, то могли он не понять великого Шекспира? Пушкин и понял его как высокий поэт: он не стал подражать Шекспиру, но, угадав в английском поэте основные элементы исторической его трагедии, открыл их и в русском мире. Это имело двояко счастливое последствие для нашей литературы: во-первых, обогатило ее созданием, без сомнения, необыкновенным, во-вторых, перенесло в нее, аналогически, дух Шекспира и, следовательно, открыло новый путь к отысканию истинно изящного русского. Кто, без Пушкина, мог бы совершить сей подвиг? И не ясно ли видна здесь сила его гения, не успокоившегося до тех пор, пока он не открыл своего истинного пути, которого начало мы видим в «Полтаве».

Обозрев хотя кратко, но точно все поприще нашего поэта, означим главные выводы всего сказанного выше. Пушкин повторил собою всю историю русской литературы. Воспитанный иностранцами, он переходил от одного направления к другому, пока наконец нашел тайну своей поэзии в духе своего отечества, в мире русском и, испытав сил в борьбе с британским великаном, сделался его последователем, так же как тот, в свою очередь, умел угадывать дух Эсхила, Софокла и выражать, не подражательно, но аналогически, дух романтических певцов Италии и героев Рима. Шекспир недоступен для подражателей; но людям, умеющим постигать внутренний смысл его, он отверзает небо и землю. Мы должны показать, каким образом Пушкин воспользовался русским миром и как он осуществил его в «Полтаве», которую мы ставим, по верности направления, выше всех известных нам его сочинений. Указать на это в настоящее время тем необходимее, что многие не хотят видеть великого шага, сделанного нашим поэтом.

Что видели мы доселе в созданиях Пушкина? Если не выражение чуждого духа, то подражание тому, что уже развито было гениями других

стран и веков. Но всякий век имеет свои требования. Заметив выше сего, что направление, данное всемирной поэзии Байроном, не может удовлетворять наших современников, мы должны предполагать, что в наше время существует требование другое, возвышеннейшее, ибо человечество идет вперед, а не обращается вспять. Ныне не только народы, но даже отдельные лица начинают дорожить своим достоинством и стараются отдельно быть достойными участниками общих требований; государства необходимо следуют сему же направлению. Требование века всегда бывает выше настоящего его состояния; требование народа тоже. Следственно, подражание, вдохновение чуждое не могут производить в наше время никакого впечатления, ибо век требует самобытности. Пушкин оживил в «Полтаве» событие из русской истории. Доселе подобные события представляемы были в поэзии нашей совершенно романическим образом, то есть затемненные восклицаниями, увеличениями, небывалым геройством, поддельными характерами. Этого нет в «Полтаве». Ненависть Мазепы к Петру, служащая тайною пружиною всей поэмы, и любовь Марии к гордому старцу, завязывающая в начале поэмы узел всего сочинения, взяты из истории. Явление других исторических лиц есть необходимое следствие сей завязки. Характеры их совершенно естественны, ибо они таковы, какими представляет их нам история; следственно, происшествие, самое простое, развито без всяких натяжек и возведено к поэтическому идеалу. Искусство поэта состоит в том, чтобы не сказать ни более, ни менее надлежащего. Это сделал Пушкин. В «Полтаве» его господствует совершенное, шекспировское спокойствие поэта и живая игра страстей действующих лиц. Но если происшествие взято, почти без изменений, из истории, если характеры естественны исторически, если в них нет лирических восторгов поэта, то что же составляет поэзию сей поэмы? Это невидимая сила духа русского, которою поэт оживил каждое положение, каждую речь действующих лиц. Только там, где говорит он от себя, рассказ его принимает величественный тон эпопеи. Одним словом, это совершенно новый род поэзии, извлекаемый из русского взгляда поэта на предметы. Этого нет и следа в «Руслане и Людмиле», это первый опыт, блестящий, увлекательный, открывающий новый мир для последователей Пушкина. Не входим в мелочный разбор стихов, из коих иные могут отступать от целого; полагаем, что сам поэт лучше нас заметит их. Но кто не видит новых для русской поэзии красот «Полтавы», тому напрасно стали бы мы указывать на них. Они не в отдельных словах поэмы, а в выражении всех отдельных частей, исходящем от одного начала.

В заключение мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильного впечатления, какое производили прежние, и многим даже не имела счастья понравиться. Это естественно. Красоты ее слишком новы для русских читателей, еще не готовых понимать оные. Но мы уверены, что поэт понимает своих читателей. Он уже освободился от обольстительных цепей современного успеха. Успех «Полтавы» показал бы или малое изменение в поэзии Пушкина, или высокое совершенство его читателей, чего, кажется, нельзя было и ожидать. Если доньше еще о бессмертном создании Шекспира Фальстафе многие судят по отдельным речам сего лица, если доньше находят в них несообразности и неблагопристойности¹⁷, то чего ожидать созданиям русского поэта, когда

сей последний перестал угождать прихотям своего века? При умертвительной холодности, досуг ли читателям отставать от привычек и вникать во внутренний смысл поэтических произведений? Им надобны восклицания, возгласы, брань на них самих: только это еще нравится им, ибо не забудем, что мы современники Байроновых читателей. Но, к утешению своему, вспомним, что настает новая эра. Байрон был необходим для полного обнажения всех чувств, принадлежащих отдельным лицам и поколениям: он пробудил умы к новому требованию. Эпоха слов и выражений прекратилась — настает эпоха мыслей и чувствований, принадлежащих народам. Глядя с сей точки зрения, каких великих успехов вправе мы ожидать от нашего поэта, в его лета зрелой юности украшенного всеми дарами возвышенного гения!

М. А. МАКСИМОВИЧ

О ПОЭМЕ ПУШКИНА «ПОЛТАВА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Новая поэма Пушкина «*Полтава*» более, чем прежние поэмы его, произвела разногласных мнений и споров между читателями и критиками. По мнению многих, поэт наш в «*Полтаве*» является мужественнее и сильнее, с более глубоким знанием сердца и обширнейшими видами, чем в прежних произведениях; некоторые обнаружили противное мнение. Одни полагают, что выгоднее было бы для поэмы характеры действующих лиц изменить и возвысить по идеалу, чем стеснить себя историческою верностью, как сделал Пушкин; другие думают, что показанный Пушкиным опыт соединения истории с поэзией есть именно тот род, который наиболее сходствен с духом нашей народной поэзии; третьи, напротив, говорят («С<ын> о<течества>», № 15, с. 52), что в поэме Пушкина «всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и, следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характеристиками».

Решить споры о поэме и определить ее достоинство в отношении эстетическом есть дело людей опытных в критике изящного; но показать противное последнему из вышеприведенных мнений может всякий, кто с размышлением читал историю Малороссии. Руководствуясь оною, я намерен в сей статье разобрать главнейшие возражения, сделанные критиками против исторической верности действующих лиц в поэме.

Сначала скажем о характере Мазепы, как главного лица.

Говорят («С<ын> о<течества>», с. 48): «*Мазепа* в поэме жестоко обруган, но не представлен в том виде, каким представляет его история. Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная в «Истории» Бантыш-Каменского, сильнее рисует характер Мазепы, нежели все эпитеты, данные ему автором поэмы». Итак, по мнению критика, Мазепа был патриот. Но разве таким представляет его история? Совсем нет! Все его действия нисколько не показывают в нем самоотвержительной любви к Малороссии; история представляет в нем хитрого, предприимчивого честолюбца и корыстника, который готов был ничем не пощадить для себя, обличает в нем

характер несовместный с высокою любовью к отечеству. Пушкин понял совершенно и объяснил сей характер, представив оный в следующих стихах:

Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат, погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? — Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами, старик болтливый,
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды,
С тех пор как жив, не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Портрет сей, принадлежащий к лучшим местам поэмы, так верен, что почти на каждый стих (если б было нужно) можно привести подтверждающие события. Но довольно указать и на некоторые, кои представляют нам Мазепу в настоящем его виде и в противоположность коим нет почти ни единого доброго дела, коим хотя несколько просветилась бы темнота души его. Мазепа, выжитый польскими панами за волокитства из Варшавы, где получил блестящее образование, принят Самойловичем¹ в дом и был 6 лет учителем его детей. После того гетман Самойлович избавил его от Сибири, за преданность Дорошенке², вывел его в люди и всегда отличал его. Но когда Голицын, любимец Софии, так неуспешно совершил безрассудный поход свой против татар, то Мазепа, дабы угодить Голицыну и

оправдать его, всю вину неудачи сложил на гетмана Самойловича, оклеветал его, сочинил донос и тем погубил своего благодетеля и его семейство; после сего купил себе у Голицына гетманство. Но когда упал сей вельможа, Мазепа не преминул донести Петру о взятках, кои брал с него Голицын³, и различными происками, унижая других и выставляя только себя, при помощи Головкина⁴, он вкрался в любовь государя и пользовался его неограниченною доверенностью, в которой Петр уже поздно раскаивался. Чтобы завладеть сокровищами удалого и для него опасного Палея, Мазепа зазвал его к себе, заключил в темницу, а потом сослал в ссылку⁵; чтоб погубить Миклашевского и Мировича⁶, он заставил их с горстью казаков защищать крепости против сильных отрядов; требовал казни отца своей любовницы Кочубея и Искры за справедливый на него донос. После того Мазепа соединяется с Карлом против Петра; но, видя неудачу свою, опять обращается к Петру с предложением предать Карла. Напрасно предполагать, чтобы такие преступные действия клонились к освобождению Малороссии для ее блага: он не имел того в виду и хотел сделать ее независимую для себя, свою независимость хотел утвердить он, завладев Малороссией. Доказательствами послужит то, что он никогда не соблюдал выгод Малороссии и грабил ее; что он не имел, да, кажется, и не старался приобрести любви народной и до того был нетерпим малороссиянами, что, вступая в гетманство, должен был выговорить стрелецкий полк для охранения своей личности и после на своем иждивении содержал гвардию из заднепрской вольницы и волохов⁷. Самое *нечестное* сватовство его и связь с дочерью Кочубея Матреною (Марию) — своею крестницею, родная сестра коей была за его племянником Обидовским, — показывает, сколько он уважал мнением малороссиян, до чрезвычайности приверженных к своим обычаям.

Что ж касается до думы его, то ее, равно как и другую песню Мазепы**, под именем «Чайки» известную, едва ли можно принимать за чистую монету. Положим даже, что в молодости —

Когда он беден был и мал,
Когда судьба его не знала —

подлинно *утешал себя* («Вестник» Европы», № 9, с. 27) мыслию:

*Нехай вечно буде слава
Же през шаблю маем права!*⁸

Но коль скоро открылись виды и пути к его честолюбию, он забыл свою отчизну, если только Малороссия, а не *Польша* была его родиной⁹. С большею, однако ж, справедливостию, кажется, полагать должно, что Мазепа, обладая даром стихотворства и *умя разгадывать сердца*, слагал песни сии и утешал сими мыслями вольнолюбивых и недовольных казаков. Так и король польский Владислав для возбуждения казаков против Польши писал к ним: «*Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имеете, кто же вам за себя стать воспрещает?*» Здесь нет патриотизма, но желание

* Сей Мирович был противник других, преданных Мазепе, Мировичей, предков известного мятежника.

** По преданиям, более других вероятным.

Владислава усилить королевскую власть свою, в то время уже ослабевшую в Польше; и письмом сим воспользовался Хмельницкий для освобождения Малороссии от поляков¹⁰.

Для критиков странным кажется еще гнев Мазепы на Петра за то, что он схватил его за усы — за *эту шутку* («С<ын> о<течества>», с. 48)! Но это было совсем не в шутку, и Петр схватил за усы, или, по словам других, дал пощечину Мазепе, не просто как *Ивану Степаньчу*, но как гетману малороссийскому, с угрозой.

Я слово *смелое* сказал.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнул, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал...

Так говорит и история. Мазепа приближенным своим открывал гнев свой и ненависть к Петру; в возмутительной речи своей к войскам казачьим он говорил о сей обиде, как об оскорблении Малороссии царем даже в лице гетмана. Нет сомнения, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цели, хотел вместе и отмстить Петру за свою личную обиду.

Что касается до Кочубея и Искры, то мука и погибель их за справедливый донос, конечно, возбуждают сострадание к ним и ненависть к вероломному, несправедливо восторжествовавшему тогда гетману. И кто бы не пожелал отвергнуть беспристрастную историю, чтобы вместе с критиками почтить их именами героев? Но прочтите в 3-м томе «Истории» Бантыш-Каменского донос, вопросы и ответы, и вы увидите, что только судии, пристрастные к Мазепе, а не собственное величие Кочубея возложили на него венец страдальческий. Малороссийская история нигде не представляет его своим *героем*, какие были и прежде Кочубея и после. Искра также является *не героем*, но только страдальцем *правоты*.

Исторически известно, что вражда Кочубея с Мазепою возникла еще более чем за десять лет до заговора Мазепы, до похищения Матрены, и посему заключить можно, что жажда мести в Кочубее была главным побуждением к доносу. Посему Пушкин совершенно прав, представя в Кочубее оскорбленного отца, а не патриота.

Обвиняют Пушкина в том, что он представил дочь Кочубея действительно влюбленною в Мазепу, не верят, да и верить не хотят, чтобы она могла влюбиться в старика, и полагают, что она всем пожертвовала не из любви к Мазепе, но из тщеславия, в надежде быть первою в Малороссии — панею гетманшею («С<ын> о<течества>», с. 49). Любовь сия есть, конечно, необыкновенное, нельзя сказать, однако ж, небывалое, явление, по крайней мере в Матрене не подлежащее сомнению. Мы не отрицаем любви в образованной венецианке Дездемоне к черному мавру, пленившему ее

простодушными рассказами о своих подвигах¹¹. Тем более влюбленный в Матрену, образованный, красноречивый, вкрадчивый в сердца и опытный в делах любви Мазепа мог привлечь сердце юной пламенной украинки и завладеть им. Он мог своею любовью, своими рассказами возбудить в ней участие к себе, уважение, мог даже пробудить в ней и честолюбие; но все это перешло наконец в любовь, которая одна только и могла заставить ее пренебречь всем, покинуть дом отцовский и отдаться Мазепе; ибо что за честь быть наложницею гетмана, особливо при тогдашнем образе мыслей? А что ей не представлялась иная доля и не было надежды быть гетманшею, это видно из писем Мазепы, который ясно открывал ей будущую участь¹².

«Мое сёрденько! Опечалился я, услышав от девки, что ты гневаешься на меня за то, что я не оставил тебя у себя, а отослал домой. Рассуди сама, что б из того вышло. Первое, родственники твои разгласили бы по всему свету: взял у нас ночью насильно дочь и держит у себя вместо наложницы! Другая причина, что, державши тебя у себя, я никак бы не мог *вытримати*¹³, да и ты тож; мы б принуждены были жить как супруги, а потом пришло бы неблагословение и проклятие от церкви, чтоб нам не жить с тобою...»

В другом письме* он пишет:

«Тяжко соболезную о том, что не могу с тобою подробно поговорить, какую отраду сделать тебе в теперешней печали; чего потребуешь, скажи все этой девке; наконец, если они, твои проклятые, тебя отрекаются, иди в монастырь, а я буду знать, что тогда с тобою делать...»

Самому вымыслить такую чудную любовь было бы несколько смело; но, нашедши в истории, Пушкин должен был воспользоваться ею.

Наконец еще одно нападение на характеры в поэме Пушкина, а именно на следующие, относящиеся к Карлу XII-му стихи:

Ошибся в этом Карле я!
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,
Ответствовать на бомбу смехом;
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить, как нынче, казака
И обменять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.

* В приложениях к 3<-му> тому «Истории» Баптыш-Каменского напечатаны на малороссийском языке 12 сих любопытных писем Мазепы к своей любовнице.

Стыжусь, воинственным бродягой
 Увлёкся я на старость лет;
 Был ослеплен его отвагой
 И беглым счастьем побед,
 Как дева робкая.

Не знаю, что здесь странного показалось критикам? От себя Пушкин говорит о Карле иначе; а это слова Мазепы, который, соединясь с Карлом и узнав его ближе, увидел, что он *Бог весть какому счастью верит*, переменял о нем свое прежнее мнение: и вправде ли был обманувшийся шестидесятилетний старик назвать *мальчиком бойким и отважным* юного героя, в ту ночь, когда Карл в запальчивости *обменял рану на рану*? Известно, что он поехал с двумя гвардейцами своими на рекогносцировку нашего лагеря и, наскочив на нескольких казаков, сам *свалил* одного из них; казаки стали стрелять по нем, и один гвардеец был убит, а король тяжело ранен в ногу. Это было накануне рокового сражения, и как же иначе, как не хватовством или удалством (примеры коего не раз видим в Карле), назвать сей запальчивый и безрассудный поступок, в коем Карл рисковал быть убитым и который много отнял духу бодрости у шведских войск во время битвы, по признанию как шведских, так и других писателей.

Сии слова, как мне кажется, тем еще естественнее, что Мазепа говорит их раболепной твари своей, Орлику, в злобе на свою неудачу, слагая всю вину оной на Карла, который в свою очередь также обманул, слишком положась на помощь, которую обещал ему Мазепа и, сверх чаяния своего, не мог доставить. Известно, что в побеге своем после битвы, переправляясь чрез Днепр на рыбацких лодках и прощаясь с Левенгауптом¹⁴, Карл сказал Мазепе со вздохом: *«Ты, Мазепа, погубил меня и войско мое своими обнадеживаниями!»*

Из всего сказанного, кажется, очевидно, что характеры действующих лиц в поэме Пушкина совершенно таковы, какими представляет их история; и если находится противуречие поэмы с историею, то не в характерах лиц, а в том только, по моему мнению, что украинцы, *друзья кровавой старины*, не желали соединиться с шведом против России и не ждали *нетерпеливо Карла*, как говорит Пушкин. Малороссияне, приверженные к греческому исповеданию, всегда предпочитали единоверных москвитян *бусурманам*-шведам, не говоря уже о *нехристях*-турках и *зрадливых*¹⁵ ялях. Во время пребывания шведских войск в Украине малороссияне до половины истребили их; а когда Мазепа, разбив знамя бунта, объявил, что он отлагается от России и соединяется с шведом, то войска оставили его.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

Приготовлено издание всех *стихотворений А. С. Пушкина* (кроме семи поэм его, из которых каждую можно еще получить от книгопродавцев особенною книжкою). Напечатанное в 1826 году собрание разных его стихотворений давно уже все разошлось. Впрочем, оно было неполно, и

стихотворения в нем совсем не так размещены, как бы надобно было это сделать для выгоды покупателей, судя по тому, что автор при жизни своей может беспрестанно прибавлять что-нибудь новое ко всякому разряду первых своих произведений. В нынешнем издании нет подобных недостатков. Стихотворения следуют в строгом хронологическом порядке, так что в этом виде можно всегда продолжать прибавку новых частей без малейшей перемены в прежних, которые все напечатаны в одинаковом формате и далее каждая продаваться будет порознь. Теперь отпечатана I-я часть, в которой помещены стихотворения 1815, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24<-го> годов. Она состоит из 14 печатных листов и продается во всех книжных лавках по 10 р. экземпляр, а за пересылку прилагается 1 р. Во II-й части, которая уже печатается, будут стихотворения 1825, 26, 27, 28 и 29<-го> годов.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СПб. 1829 г., в т<ипографии> Дел<артамента> народн<ого> просв<ещения>.
224 стр. in 8

Объявляя о выходе в свет второго издания первой главы «Онегина», мы шутя заметили, что если так смотреть на знаменитых древних авторов, как смотрят на Пушкина русские классики, то и классические произведения покажутся картинами, изображающими резню, бойню, безнравственность, и проч., и проч.¹ Против замечания нашего возвысили голос не только педанты русские, но и люди, столь же знакомые даже с латинью, сколько с поэзией баснословной Атлантиды. Близорукие назвали нас варварами, неблагодарными, непонимающими высоты древних авторов². Следственно, цель наша достигнута. Противники наши осудили *свой взгляд*, ибо мы питаем в себе величайшее, неизменное уважение к древним авторам, составляющим драгоценнейшее наследие просвещенного мира: в статье об «Онегине» мы показали только, как ложен взгляд наших судей, видящих в сочинениях Пушкина резню и соблазнительные картины; в применении к древним взгляд сей явился во всей своей ложности. Так легко иметь дело с нашими литературными судьями! Советуем им впредь быть осторожнее.

Новое доказательство против осуждающих Пушкина находится перед нами: это первый том полного собрания мелких его стихотворений.

Если человек может гордиться чем-либо, то, конечно, своею способностью совершенствоваться. История человечества есть не иное что, как история его совершенствования: только оно и отличает нас от всех других существ. Наш русский поэт со славою поддерживает достоинство своего народа в кругу человечества. Какой шаг сделал он сам и заставил сделать других со времени своего появления на литературном поприще! Говорят, что в первых своих стихотворениях он так же хорош, как в последних; касательно стихосложения это некоторым образом и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что с самых юных лет своих он не мог писать дурных стихов. Но поэтический дар его, его взгляд на предметы, его обзор во время пятнадцатилетней службы музам увели-

чился удивительно. Живая, пламенная душа его, глубокая проникаемость ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремление его к учению оправдывают русскую поговорку, что человек может, по крайней мере нравственно, расти не по годам, а по часам*. Пушкина можно назвать ныне одним из просвещеннейших людей в России и вместе первым поэтом своего народа.

Изданная ныне часть стихотворений особенно любопытна потому, что в ней стихотворения сии помещены по годам сочинения оных, начиная от 1815 по 1825-й год. Это история впечатлений нашего поэта. Здесь можно наблюдать, что, когда и как поражало и волновало его. Наслаждение удивительное — наблюдать ход человека, отличенного гением! Не говорим о прелести сих сочинений: кому неизвестны они? Читатели не найдут здесь ничего незнакомого им, но найдут одну из тех книг, которые можно уподобить другу: чем более мы узнаем его, тем сильнее привязываемся к нему.

С нетерпением ждем появления второго тома «Стихотворений» Пушкина. Издание первого тома весьма хорошо.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»
«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СПб. В типограф<ии> Департам<ента> народн<ого> просвещения,
 1829. — 224 стр. в 8-ю д. л.

В 1826 году изданы были «Стихотворения» А. С. Пушкина в одной книге, и теперь не осталось уже их ни одного экземпляра в продаже. Сие первое собрание было расположено по родам поэзии. — Новое собрание всех его стихотворений, написанных донныне (кроме поэм), будет состоять из двух частей, и расположение его кажется нам гораздо лучше придумано: стихотворения помещены в нем по годам, в которых написаны поэтом. Таким образом, в собрании сем, во-первых, будет более разнообразия, а во-вторых, по нем мы можем видеть постепенный ход таланта Пушкина. В изданной ныне первой части заключаются стихотворения, написанные Пушкиным в 1815, 1816, 1817, 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах, и книга сия оканчивается «Подражаниями Корану». Всех стихотворений в ней числом 81. Сверх помещенных в первом издании между ними находятся еще следующие: 1819 г. — «Недоконченная картина»; «Возрождение». 1821 г. — «К***» («Зачем безвременную скуку» и пр.). 1822 — «Свод неба мраком обложился» (отрывок из одной неоконченной поэмы); «Барагынскому из Бессарабии»; «Ему же»; «Люблю ваш сумрак неизвестный». 1824 — «Коварность»; «Д***ву, на приглашение ехать с ним на полуденный берег Крыма»; «Испанский романс» («Ночной зефир»).

* В последние годы Пушкин выучился английскому языку — кто поверит тому? — в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике и через четыре месяца читал их по-английски как на своем родном языке.

** Продастся во всех книжных лавках. Цепя сей I-й части 10 руб. за экземпляр; за пересылку прилагается 1 руб.

Стихотворения Пушкина красноречиво говорят сами за себя, и потому мы удерживаемся от всяких суждений и похвал, которые прежде и часто были повторяемы нашему поэту. Сделаем одно только замечание, которое, без сомнения, приходило на мысль и другим читателям и почитателям Пушкина. В элегиях своих, посланиях и мелких стихотворениях он является истинно *эклектическим* поэтом: иногда строгим, отчетливым *классиком*, иногда смелым, полным жизни *романтиком*. Кажется, муза его — своенравная красавица, которая любит переряжаться, но всегда умеет одеться к лицу.

Наружная красота издания соответствует внутреннему достоинству сих стихотворений.

ИЗ «ТИФЛИССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволение находиться в походе при действующих войсках и 16-го июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам «Кавказского пленника», в Крыму написал «Бахчисарайский фонтан», в Бессарабии «Цыган», во внутренних провинциях описал он прелестные картины «Онегина»¹. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря², мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». ВТОРАЯ ЧАСТЬ

СПб. В типограф<афии> департам<ента> народн<ого> просвещения,
1829. 176 стр. в 8-ю д. л.*

Вот и вторая часть «Стихотворений» Пушкина, которою на сей раз заключается собрание всех его поэтических произведений, кроме тех, кои, по объему своему, напечатаны особыми книжками. Со временем мы, конечно, увидим к удовольствию нашему и еще несколько томов, расположенных в таком же порядке, т. е. по годам. Сия вторая часть содержит в себе стихотворения, написанные Пушкиным в 1825, 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, и в заключение всего мелкие его стихотворения: эпиграммы, надписи и т. п., написанные им в разных годах; в ней всех стихотворений 76.

* Вторая сия часть продается также во всех книжных лавках по 10 руб. за экземпляр, а с пересылкою по 11 руб. Обе же части вместе по 20 руб.; за пересылку опын прилагается по 2 руб.

Дабы лучше познакомить читателей с содержанием сей 2-й части, выпи-сываем вполне оглавление оной. 1825 года: 1) «Андрей Шенье»; 2) «Сож-женное письмо»; 3) «Желание славы»; 4) «Вакхическая песня»; 5) «(Если жизнь тебя обманет)»; 6) «Сафо»; 7) «Козлову. По получении от него “Чернеца”»; 8) «К ***»; 9) «Прозаик и поэт»; 10) «Движение»; 11) «Друж-ба»; 12) «Соловей и кукушка»; 13) «Совет»; 14) «(Под небом голубым страны своей родной)»; 15) «19 октября»; 16) «Жених. Простонародная сказка»; 17) «(В крови горит огонь желанья)»; 18) «(Вертоград моей сестры)»; 19) «П. А. О***»; 20) «Сцена из «Фауста»; 21) «Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха»»; 22) «Буря». — 1826 года: 1) «Пророк»; 2) «Зимняя дорога»; 3) «Ответ Ф. Т***»; 4) «К Яз***». — 1827 года: 1) «Стансы»; 2) «Талисман»; 3) «Ангел»; 4) «Соловей»; 5) «Череп. Послание к Д***»; 6) «Поэт»; 7) «(Близ мест, где царствует Венеция золотая). Перевод неизданных стихов Андрея Шенье»; 8) «Княгине З. А. Волконской. При посылке ей поэмы “Цыганы”». — 1828 года: 1) «Чернь»; 2) «(Сто лет минуло, как Тевтон). Отрывок из поэмы Мицкевича “Конрад Валленрод”»; 3) «Утоп-ленник. Простонародная сказка»; 4) «Ты и вы»; 5) «(Кобылица молодая). Подражание Анакреону»; 6) «Ответ Катенину»; 7) «Наперсник»; 8) «И. В. С***»; 9) «Воспоминание»; 10) «(Ворон к ворону летит). Шот-ландская песня»; 11) «Предчувствие»; 12) «Цветок»; 13) «(Город пышный, город бедный)»; 14) «(Не пой, красавица, при мне)»; 15) «Ответ А. И. Го-товцовой»; 16) «То Dawe Esq-г». — 1829 года: «Е. Н. У***вой. В альбом». — Разных годов: 1) «Птичка»; 2) «Иностранке»; 3) «К портрету Жуковского»; 4) «К. А. Б***»; 5) «Друзьям»; 6) «Роза»; 7) «Старик. Из Маро»; 8) «(Охотник до журнальной драки)»; 9) «Друзьям»; 10) «Лиле»; 11) «К ***»; 12) «(У Кларисы денег мало)»; 13) «Уединение»; 14) «Добрый человек»; 15) «Ex ungue leonem»; 16) «Именины»; 17) «История стихо-творца»; 18) «К портрету ***»; 19) «(Хоть впрочем он поэт изрядный)»; 20) «(Как брань тебе не надоела)»; 21) «Веселый пир»; 22) «Любопытный»; 23) «(Нет ни в чем вам благодати)»; 24) «К Б***»; 25) «Золото и булат».

К. А. ПОЛЕВОЙ

«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». ВТОРАЯ ЧАСТЬ

СПб., в т<ипографии> Деп<артамента> нар<одного> просв<ещения>. 1829 г.
176 стр. in 8

В сей второй части помещены мелкие стихотворения, написанные Пуш-киным в 1825-м, 1826-м, 1827-м, 1828-м годах, и одно стихотворение, написанное в 1829-м году. Кажется, сие последнее нигде не было напеча-тано, и потому надеемся доставить удовольствие нашим читателям, выпи-сывая оное вполне:

Е. Н. У***вой

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,

И наша вечная хвала
 Вам кажется докучной одой.
 Вы сами знаете давно,
 Что вас любить не мудрено,
 Что нежным взором вы Армида,
 Что легким станом вы Сильфида,
 Что ваши алые уста,
 Как гармоническая роза...
 И наши рифмы, наша проза
 Пред вами шум и суета.
 Но красоты воспоминанье
 Нам сердце трогает тайком,
 И строк небрежных начертанье
 Вношу смиренно в ваш альбом.
 Авось на память, поневоле,
 Придет вам тот, кто вас певал
 В те дни, как Пр*** поле
 Еще забор не заграждал.

Кроме означенных годами, в сей части помещено 25-ть стихотворений разных годов. Таким образом, мы имеем теперь полное собрание мелких стихотворений Пушкина. Радуемся, вероятно вместе со всею русскою публикою, сему прелестному подарку.

Заметим, что в стихотворении «Андрей Шенья» выставлены цифры, указующие на примечания, но в настоящем издании сих примечаний нет. Это недосмотр гг. издателей. Наружность второй части точно такова же, как и первой.

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

<Отрывок>

Как неприятно видеть важные недостатки в хорошем писателе, особенно в таком, каков А. С. Пушкин, который по всей справедливости может назваться образцовым стихотворцем нашего времени. Знать наизусть его стихи вошло даже в моду. Многие пробормочут вам несколько сот стихов из «Онегина», «Кавказского пленника» и проч.; но жаль, что многие из таких любителей словесности не понимают сами, что читают, а, желая показать, что они также люди сведущие, часто невольно восклицают: прелестно, бесподобно, неподражаемо. — Пушкин чрезвычайно жив в картинах: самые ничтожные подробности он умеет описать увлекательно, а уподобления, которые довольно часто встречаются в его произведениях, иногда весьма милы. Приведем несколько примеров из «Онегина»:

Он пел любовь, любви послушный;
 Но песнь его была ясна,
 Как мысли девы простодушной,
 Как сон младенца, и проч.

или:

В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она (Ольга)
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в стране глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

или:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела;
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила.

Вот истинные красоты поэзии, каких у Пушкина много. Но припомните ли вы то место в 3-й главе, когда Онегин, ехав с Ленским к Лариным, вздумал подшучивать над этою же Ольгою, которая в двух вышеприведенных примерах изображена такими прелестными стихами. По словам Онегина,

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Что бы сказали критики, если б два последние стиха встретили они в сочинении поэта, менее известного, нежели А. Пушкин?.. А у сего последнего и эти стихи идут за образцовые, и нам случилось слышать, что их твердят также с энтузиазмом и даже находят в них блестящую черту великого гения!! Не ясно ли, что у нас большая половина ценителей дарования походит на попугаев, которые сами не знают, что лепечут?

Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне...

Человек, в лихорадочном бреде находящийся, едва ли скажет что нелепее. Мы уже ничего не говорим о глупой луне: ей и действительно не мудрено поглупеть от разных нелепостей, обращаемых к ней нашими стихотворцами. Но глупый небосклон!!! Едва смеешь верить глазам своим, что видишь это в печатной книге, и притом в сочинении хорошего писателя!.. Стараясь сколь можно более оправдывать в своих мыслях Пушкина, мы должны полагать, что под словом «небосклон» он, вероятно, разумеет что-нибудь другое, а не то, что мы все понимаем под сим выражением¹. Невзирая на все наше уважение к его дарованию, мы не можем дать сим двум стихам другого приличного эпитета, кроме того, который два раза употреблен в них.

* * *

Баратынский не принадлежит к числу писателей, которые нуждаются в похвалах приятельских. Прежде нежели судить об его сочинениях, которые оценены общим мнением и вкусом, надобно уметь чувствовать достоинства его поэзии. Г. Плетнев в «Северных цветах на 1828 г.» напе-

чал суждение об его сочинениях и мастерски расположил статью свою². В начале ее он выписал страницы две из М. Н. Муравьева, а в конце также страницы две из В. А. Жуковского. Прекрасный способ завлечь читателя, чтобы он не утомился пустословием средних страничек! В чем же состоит собственное витийство г. Плетнева? В том, что Баратынский хороший стихотворец. Вот новость! Будто бы прежде мы этого не знали. — Г. Плетнев, перемешав прозу г. Муравьева и Жуковского с собственной, кажется, нехотя отделил периоды (а не кажнострочно) для различия вносными знаками («» «»). Напрасный был труд со стороны почтенного выписывателя: если б он и не поставил этих знаков, то прозу его от прозы означенных писателей так же легко было бы различить, как свет от мрака. Еще заметим. Г. Плетнев, делая выписки из В. А. Жуковского, не рассудил, что они, имея достоинство в своем месте, вовсе не шли к его статье. Приведем в доказательство пример: «Чего требует от поэта его искусство? Чтобы он не оскорблял непосредственно чувства морального, чтобы он не противоречил морально-изящному, которое почитается одним из главных источников красоты стихотворческой, но существенную моральную красотой занимается он столь же мало, как и существенную логическую истиною, и проч. Оно (стихотворное искусство) имеет в виду одно изящное, действует исключительно на одно чувство, остается довольным, если недостаток морально-прекрасного не обратится в совершенное моральное безобразие (??)». — Каемся в своей искренности, но скажем, что в средних страничках статьи г. Плетнева что-то таится совершенно морально-непонятное.

* * *

Недавно (даже можно сказать: на сих днях) барон Дельвиг в одном из наших журналов провозгласил торжественно, что искренний друг его г. Плетнев, «отвлекаемый от муз другими полезными занятиями», хотя реже Пушкина и Баратынского являлся на литературном поприще, но всегда дарил читателей стихотворениями, исполненными чувства и гармонии»***. — «Прозаические статьи его, — продолжает г. барон, — отличаются правильностью языка и точностью мыслей, и — что у нас довольно редко — тоном хорошего общества»****. Далее г. барон с благородною гордостью радуется, что он может без лести (!) хвалить друзей своих³.

* См. «Северные цветы на 1828 г.», стр. 310 и 311.

** Тут, кажется, пропущено: «во славу отечества и всего человеческого рода». — Пленяясь очаровательною музою г. Плетнева, как не пожелать, чтоб он наиболее отвлекался от нее другими полезными занятиями! — *Соч<инитель>*.

*** Тут, кажется, пропущено: «и осыпая маковыми цветами всегда своих читателей, приводил их в сладкое забвение, именуемое благодетельным даром Морфея». — *Соч<инитель>*.

**** Топом хорошего общества!! Об одном этом выражении, так некстати употребленном в сем случае, можно было бы написать огромную диссертацию. Бедные русские писатели! каждый из вас может принять на себя этот упрек г. Дельвига; ибо, как он говорит, это достоинство у нас довольно редко, — следовательно, кто же будет так самолюбив, чтоб считать себя в числе немногих! Но г. Дельвиг, вероятно, не полагает, что это достоинство зависит собственно от писателя, т. е. от значения его в нелитературном свете. Впрочем, по нашему мнению, если б сочинения г. Плетнева и не отличались тоном хорошего общества, то едва ли было бы справедливо обвинять его в этом. — *Соч<инитель>*.

Какое высокое чувство уважения должен возбудить к своей особе этими строками барон Дельвиг!...!.. Так нежно любить друзей своих: какая благородная черта характера!* — Вот говорят, что в нашем безнравственном мире нет истинной дружбы: барон Дельвиг примером своим разрушает это несправедливое мнение. Имейте его своим образцом, друзья нынешнего века! — Кто бы решился наказать г. Плетневу такие похвалы, какие едва ли говорены были Державину и Карамзину?.. Хвала великодушному барону! — Vive l'amitié!..**

* * *

Есть злые люди, которые, не уважая отечественных дарований, распускают слухи, будто бы литературная слава знаменитого поэта нашего барона Дельвига непосредственно зависит от приязни его с А. Пушкиным и Баратынским и будто бы пиитические произведения его не дурны более потому, что одна половина их (исключая, впрочем, гекзаметров, в коих многие стихи по особенному роду своему основаны на новых правилах, вводимых собственно бароном Дельвигом) принадлежит Пушкину, а другая Баратынскому. О клеветы людские!..

* * *

Всем известно, что между некоторыми русскими литераторами давно уже основано общество друзей взаимного прославления. Почетные члены сего блистательного общества пишут беспрестанно друг к другу послания, в которых истощаются во взаимных похвалах. Но этого еще мало! Они дарят издаваемые ими книжечки с надписями, приносящими особенную честь авторской их скромности. Так, например, Б. Д., даря свои произведения А. П. и П. П.⁴, надписывает первому: Русскому Байрону, а последнему: Русскому Лагарпу. А. П. отвечает Б. Д. своим подарком с надписью: Русскому Горацию. — Проказники!..

В. Н. ОЛИН

ВЗГЛЯД НА СТИХОТВОРЕНИЕ А. ПУШКИНА ПОД НАЗВАНИЕМ «ЦЫГАНЫ»

Nec temere, nec timide***

Я прочитал стихотворение Пушкина под названием «Цыганы». Удивительно, что сначала произведение сие (почему, не знаю) показалось мне безобразным — даже уродливым. Впрочем, я не скоро решился поверить себе: прочитал еще, со вниманием, несколько раз; и следствием последнего чтения было удовольствие более чем особенное. Это отчасти убедило меня, что не всегда можно верить первым впечатлениям. И в самом деле, оные

* Натурально, что это разумется в литературном отношении. — *Сочинитель*.

** Да здравствует дружба!.. (*франц.*) — *Ред.*

*** Без робости, без страха (*лат.*) — *Ред.*

весьма часто зависят от множества причин посторонних. Но обратимся к делу.

Как назовем сие стихотворение? Это не поэма, не повесть — это, если смею так выразиться, несколько блестящих выдержек из магического фонаря поэзии; несколько сцен картинных, пленительных, ужасных. Я хвалю Пушкина не потому, что хвалить его теперь в обыкновении, что между авторами, которыми, к несчастью, изобилует ныне русская литература, обратилось это в привычку, в непререкаемую даже обязанность (из подражания ли, сей почти общей слабости, или по чему другому — не знаю); умею пленяться его талантом; но не столько ослеплен или безрассуден (скажу откровенно), чтобы почитать его неподражаемым, единственным, одним словом — гением своего времени. Но довольно об авторе; скажем несколько слов о сочинении.

Нужно ли упоминать о содержании? Оно просто и, без сомнения, почти всем известно. Молодой человек, преследуемый законом, пристал к ватаге цыган, влюбился в молодую черноглазую смуглянку, сделался отцом, везде с цыганами, на переходах и в становищах. По прошествии двух лет жена, или как вам угодно назвать ее, нарушила верность — раздраженный Алеко (так зовут юного пришлеца) резывает изменницу и соперника. Вот бась, или основа, простая, довольно скудная; и одному только необыкновенному дару Пушкина предоставлено было обратить оную в феномен блестящий. Таким-то образом могучий талант, сей дивный очарователь, рождает цветы на песках бесплодных и, к чему ни прикоснется жезлом своим, окружает все радужным светом.

Отличительная черта стихотворения — форма повествовательная в смеси с диалогическою или разговорной: она расположена с большим искусством, прелестно, и дает какой-то новый, необыкновенный вид сочинению. Описания богаты, выразительны, ясны; кажется, видишь перед своими глазами предметы, в них изображаемые: это верная копия — с подлинника. Чтобы убедиться в справедливости слов сих, стоит только прочесть прелестные описания цыганского становища и шумного их табора на переходе. Повторю: кажется, видишь перед собою, на поле, ватагу цыган, пестроту их ярких лохмотьев, наготу детей и старцев; слышишь их звонкие песни, рев медведя, звук цепи его, и проч. Картин нет, кроме одной — ужасной, в начале отделения одиннадцатого. Вот она:

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.

И проч.

Сравнения верны, прекрасны, новы и благородны; одним словом — дышат поэзией. Уподобление непостоянства женского сердца луне, пере-

бегающей из одного облака в другое, прелестно. Сравнение Алеко, который остался один, по удалении табора, на долине страшного ночлега, с подстреленным в крыло журавлем, остающимся на поле, между тем как вся запоздалая станица улетела уже с криком на теплые воды, — превосходно, трогает сердце, пленительно.

Есть способ действовать сильно на чувства читателя; оный не приобретает никаким изучением, но, так сказать, слит с душою поэта. Способ сей был очень хорошо известен Бейрону; им воспользовался также и Пушкин. В чем же заключается сия тайна? В некотором роде перифразиса, или, лучше сказать, в резком и кратком очерке, под покровом таинственным, но полупрозрачным; в изображении одного следствия; и сему подобное. Средство сие в особенности производит сильный эффект в каком-нибудь месте трагическом или при описании таких обстоятельств, развязка коих приближается уже к концу и неизвестность или полуизвестность которой приводит сердце, так сказать, в биение учащенное. Таким образом Бейрон в «Паризине», когда ему должно было дать знать читателям, что сия несчастная государыня уже сделалась жертвою гнева супруга, справедливо раздраженного, говорит только, приготовив умы чрез предыдущее к ожиданию чего-то грозного, что ужасный, но минутный крик, раздавшийся из окон дворца, поразил слух народа, толпившегося на площади вокруг эшафота несчастного принца; что то был крик женщины (*it was a woman's shriek*); что никогда отчаяние не выражалось в безумнейших звуках (*and ne'er — In madlier accents rose dispair*), и что те, которые слышали крик сей, желали из сострадания, чтобы оный был уже последним (*In mercy wished it were the last*). Очерк резкий и краткий: все выражено; Паризина погибла — но поэт не сказал этого: хотя тайна и полупрозрачна — но тем не менее тайна. Таким же образом и Пушкин, в «Кавказском пленнике», подражая Бейрону в «Гяуре», изобразил отчаянное потопление черкешенки в следующих только словах:

И тихо, на водах плеснувших,
Струистый исчезает круг.

Отчасти чрез подобный же оборот и в сем стихотворении поэт произвел сильное действие над сердцем, исполнив оное каким-то неопределенным чувством уныния и жалости. Он не говорит, что по удалении с поля табора остался только один Алеко; что потом и его не стало; но оборот следующий выражает мысль сию, разительную по грозным обстоятельствам предыдущим, несравненно успешнее, сильнее и — если смею так выразиться — доступнее сердцу и жалобнее:

.....
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега;
И скоро все в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
.....

.....
 Настала ночь; в телеге темной
 Огня никто не разложил,
 Никто под крышею подъемной
 До утра сном не опочил.

Характеры хотя и не резки, но ясны. Характер Алеко изображен весь в следующих чувствах:

О чем жалеть? Когда б ты знала,
 Когда бы ты воображала
 Неволюдушных городов!
 Там люди в кучах, за оградой
 Не дышат утренней прохладой,
 Ни вешним запахом лугов;
 Любви стыдятся, мысли гонят,
 Торгуют волею своей,
 Главы пред идолами клонят
 И просят денег да цепей.
 Что бросил я? Измен волнение,
 Предрассуждений приговор,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позор.

.....

 Не изменись, мой нежный друг!
 А я... одно мое желанье
 С тобой делить любовь, досуг
 И добровольное изгнанье.

.....

 Я не таков. Нет, я, не споря,
 От прав моих не откажусь;
 Или хоть мщеньем наслажусь.
 О нет! когда б над бездной моря
 Нашел я спящего врага,
 Клянусь, и тут моя нога
 Не пощадила бы злодея;
 Я в волны моря, не бледнея,
 И беззащитного б толкнул;
 Внезапный ужас пробужденья
 Свирепым смехом упрекнул,
 И долго мне его паденья
 Смешон и сладок был бы гул.

Прелестно! — Таким образом Алеко, преследуемый законом, возвышен духом, унижен страстями, нежен, мстителен грозно; Земфира — пламенная девушка-ребенок; старик — добрый мудрец, без просвещения: противоположность богатая, облеченная в прекрасные формы дикции! — Версификация везде пленительна, благозвучна; слог, сжатый и сильный, соответствует предмету и лицам.

В каждом сочинении, по мнению моему, должно искать физиогномии: если оной нет вовсе, тогда сочинение решительно худо; уловив же оную, критик обязан выставить ее черты правильные, разительные, приятные, и показать сторону слабую. После этого, быть может, некоторые потребуют,

чтобы я исполнил сию обязанность. На сие, во-первых, скажу, что я не считаю нужным говорить вновь о сем предмете, распространяясь в подробностях, ибо статья сия не есть критика, но один только очерк; во-вторых, читатели сами из всего вышесказанного достаточно могут усмотреть характер сего сочинения, если только не вменят они себе в труд несколько внимания и соображения. Писателю не всегда поставляется в обязанность все высказывать: он должен иногда представлять и другим довершать за него очерки. Стороны же слабой я здесь не вижу.

Однако ж, замечу мимоходом, что в целом сочинении я встретил только три погрешности. Первую, против ясности (см. стихи 1-й и 2-й на странице 17-й¹); вторую, против правильности или классицизма языка (см. стран<ицу> 30 ст<их> 4²); погрешность же третья (см. стих последний в отделении 8-м³) заключается в совершенной неизвестности лица, о котором говорит Земфира. Первая из сих погрешностей, по мнению моему, отчасти извинительна; последние же две непростительны, в особенности для таланта Пушкина.

В заключение мне остается только сказать, что хотя стихотворение сие по всей справедливости может назваться феноменом блестящим, однако же я боюсь (признаюсь чистосердечно), чтобы оно не родило подражателей, как то обыкновенно случается. Литературная новость сия дика, основа оной бедна, а герой — существо несколько морально-безобразное, конвульсивное, вышедшее из обыкновенного или натурального состояния души; и что мог с прекрасным успехом исполнить талант могучий, то (да не возопит на меня за сие раздражительное племя стихотворцев!) — то очень легко может послужить для других камнем преткновеня опасного; или, что еще хуже, испортит вкус дарований возникающих. Тот, кто способен только владеть оружием обыкновенным, без сомнения, показался бы весьма безрассудным, если бы захотел над головою своею рассекать воздух тяжкою палицею исполина: неловкие усилия его произвели бы в зрителях только один смех. *Omnia possumus omnes*⁴. Признаюсь, я бы никак не советовал юным питомцам муз обречать талант свой на подобный род подражания, тогда как пред ними открыто богатое и разнообразное поле словесности классической.

В. Т. ПЛАКСИН

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ

(Лекции из истории литературы)

<Отрывок>

<...> Наше время, богатое во всех родах событиями, составит также эпоху и в истории литературы русской — равно как и многих других. — Нет сомнения, что Василий Андреевич Жуковский займет первое место в ряду писателей нового периода как первый виновник оного, первый пре-

* Мы все всё можем (лат.). — Ред.

образователь. С введением романтизма он обогатил нашу словесность новым родом поэзии — балладою. Все произведения его, не исключая и переводов, можно разделить на три разряда: большею частию оных он познакомил нас с хором муз северных вообще; вторая, и самая меньшая, слегка оттеняет характер азиатской поэзии; третья есть самая важная для нас: это голос нашей отечественной музыки. Впрочем, прекрасные переводы классических писателей могли бы составить особое отделение; но подробное определение характера всех родов его произведений будет показано на своем месте, а здесь говорится только о степени влияния, каковое он имел на образование у нас романтизма и преимущественно на развитие отечественной поэзии. Творения и переводы первого отдела — поэзии рыцарской, — плоды то бурной, то уныло-задумчивой фантазии, величию картин близкой нам природы и смелостию изображений вызывали последователей, — но тщетно! Один «Громвал»¹ без зазрения может стать в ряду с ними. Голос роскошной азиатской музыки привлек ей множество усердных поклонников; но сия обитательница знойного неба доселе еще не успела влить в души своих жрецов того пыла, с каковым нужно петь раскаленные песни Аравии, эфирные обители беспечных пери и кипящую злобу коварных дивов². Но сладкозвучные песни нашей отечественной музыки, творения, в которых мы слышим не одни звуки знакомые, в которых все близко сердцу, все родное, все можем поверить, испытать чувствами, воспоминаниями, при чтении которых самый закоренелый галломан, хотя на минуту, так сказать, обрусеет, самый присяжный классик возвысится духом! И голос сих-то песней, проникающий в глубину души, пробудил нашу родную поэзию: среди множества мелочных и обыкновенных писателей-стихотворцев явились два необыкновенные поэта. Один из них более отличается чрезвычайным богатством прекрасных картин и чистотою вкуса; другой — глубиностью чувствований, свойственною жителю Севера, и легкостью пиитической басни или вымысла. Можно отгадать, на чьей стороне будет первенство; но время, судья независимый от настоящих успехов, решит, кому будет принадлежать первый венок, Пушкину или Баратынскому. Теперь остается только пожелать, чтоб сильные в деле песнопения не ослабевали и чтоб избежали справедливой укоризны, которую заслужил их учитель излишним пристрастием к германской поэзии. <...>

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ КАСАТЕЛЬНО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

<Отрывок>

<...> Какой чародей Пушкин! Его гений, то бурный и величественный, как *море*, то страстный, как *Дева гор*, то независимый, как *Цыганка*, то мрачный, как *Гирей*, то легкий и резвый, как незабвенная *ножка*, делает что хочет из читателя. Иногда сам желаешь быть *его* цыганом, *его* разбойником! Так сильны у него характеры, так интересны его герои! Скажите мне, старожилы, провинциалы, Ларины, и вы, московки с теми же *шпицами*

и теми же мужьями!¹ верность изображения не победила ли вашу досаду? не от всей ли души вы смеетесь над собою? И какой живописец, как он, приводит в движение свои лица! Скачет его черкес — и я готов посторо- ниться. Я живу с его героями, я танцую на его балах, встречаю и провожаю его гостей и с его *Татьяной* несусь по московским ухабам. Он обладает несметным богатством образов; какое бы лицо он ни представил, оно тут со всеми принадлежностями, из коих каждая способствует изображению характера. Как сверкают у него шашка чеченца, кинжал грузинки, нож разбойника, пила черкешенки, топор палача! Он всем умеет воспользоваться, всем... Усы *Мазеты* три раза являются у него на сцену и три раза приводят меня в трепет. Читая последние его произведения, нельзя не сказать: какой всеобъемлющий талант! Из спальни *Натальи Павловны* вдруг в келью *Летописца* — и я вижу, я слышу XVII век! Точно так говорил монах; точно так мечтал Отрепьев!* Кто бы мог подумать, что строгий исторический слог Карамзина некогда услышится в его стихах? Пушкин не переносит к нам своих героев: он нас самих переносит к ним, и с его ковра-самолета мы сходим в страну и в столетие, в которых они жили и действовали. В «Годунове» все имеет отпечаток времен Годунова; в «Полтаве» все отзывается веком Петра. Там вижу изменника, злого, старого, опытного изменника; пред глазами моими казнят Кочубея; безумная дочь его пугает мой взор и слух правдоподобием страшного образа — и все это в Малороссии во времена пыток и доносов, когда злодейство и невежество боролись с гением-просветителем. Давно ль я странствовал с ним в аулах и роскошествовал в Бакчисарае.

Волкан страстей — его сфера. Они кипят у него и в описательном роде. Их огненную чертою обводит он и формы красавицы, и мускулы атлета. Мы вздыхаем о духовной красоте Жуковского; мы видим, осязаем земную красоту Пушкина. Один — целомудренная Афродита или Мадонна Рафаэлева; другой — борец, вакханка или Прометей Тицианов².

Пушкин ввел в нашу поэзию изящную дикость романтической музыки Байрона, ее искусственную неопределенность, прелесть ее неистовства, ее силу и решительность. — Еще важная черта и важная услуга. Пушкин довершил изгнание богов, богинь и божков греческого Олимпа вместе с *увы* и *ах*. Его образцы говорят нам: поражайте не баснословием, не многословием, не восклицаниями, но положением лиц ваших, и в нем ищите образов и выражений.

Что сказать о стихах его? Поэзия есть его владение; там он играет и языком и рифмою, но не заигрываясь. Он никогда не был их рабом, но был всегда властелином осторожным. Благозвучие — его элемент: он не напишет, не умеет написать ни одного стиха не плавного. Дополним сей краткий обзор его поэтического характера, сказав, что он прямо поэт народный. Выбор его предметов и самый род его поэзии знакомит его со всеми возрастами и всеми сословиями. Его произведения, с жадностью читаемые в кабинете и будуаре, сокращают вечер и у скромного комелька хижины.

* «Годунова» я читал только в отрывках.

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»
«МОСКОВСКИЙ ПЛЕННИК». ПОВЕСТЬ В СТИХАХ.
СОЧИНЕНИЕ Ф. С—ВА

Москва. В типографии Августа Семена. 1829
 <Отрывки>

Прочитав эту повесть в стихах, если только достанет терпения прочитать ее, невольно спрашиваешь самого себя, что это такое: пародия или неудачное, самое неудачное подражание «Кавказскому пленнику» Пушкина? Кажется, это не пародия, потому что автор хочет быть иногда самостоятельным, говорит будто серьезно, старается блеснуть мыслью, счастливым сравнением, не шутя, словом, хочет будто дать собственную цену сочинению своему, а не относительную, как он в карикатурном виде представляет тот или другой стих Пушкина. Но с другой стороны, это и не прямое подражание автору «Кавказского пленника», потому что везде почти опять видно некоторое желание насмешить читателя шутливою, иногда, или почти всегда даже, очень не эстетическою параллелью с прекрасным произведением нашего поэта. Московский пленник, проигравшийся пьяница, какой-то калужанин, который от долгов спасается на тройке лихих, не может быть не шуткою. Так, это шутка, но шутка слишком вялая, это какой-то уродец литературный, что-то не понятое самим автором, что-то не развитое и потому странное и не смешное. <...>

Жаль, очень жаль, что все прекрасное бывает вместе источником и всего дурного, точно так же, как день ведет к ночи, рождение предсказывает смерть. Пушкин облегчил стихосложение, умел на самые обыкновенные предметы набросить свет поэзии — и тотчас явились мелочные подражатели, заговорили о пунше, о картах, о блинах, явились московские пленники, киргизские пленники¹ с черно-голубыми очами и множество всякой всячины. Было время, когда написать несколько стихов значило быть стихотворцем. Теперь, кажется, думают, что набрать побольше плоскостей, сбросив с себя все законы приличия, похвастаться каким-то удалством и деспотизмом в буйных стихах значит быть *Пушкиным, современным поэтом, романтиком.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ
Г А З Е Т А,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМ ШТЕЙНГОМЪ.

СЪВЕРНЫЙ
МЕРКУРИЙ,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

НА

РОССІИ

ВЪСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕЛОВСКИМЪ

Стоять въ правду говорить, тариф

Делать и говорить съ Александромъ

Делать и говорить съ Александромъ

Делать и говорить съ Александромъ

Делать и говорить съ Александромъ

ЯНВАРЬ - ФЕВРАЛЬ

1830.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ

1830.

МОСКОВСКИЙ

ВЪСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

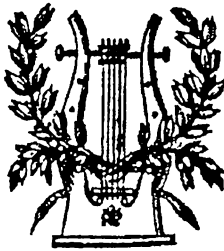
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОСКВА.

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1830.

—❧1·8·3·0❧—

О. М. СОМОВ

ОБОЗРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1829 ГОДА

<Отрывок>

<...> Перед нами над грудой книжиц московских сияют произведения лучших поэтов наших, как *оазисы* в песчаной степи, и так же манят взор и воображение своею красотою и свежестью. Из числа их в 1829 году было издано несколько отличнейших. Два тома «Стихотворений А. Пушкина» служат новым свидетельством, как разнообразен дар сего поэта. Остроумный в посланиях, нежный и часто дышащий глубоким чувством в элегиях; простодушный в подражаниях древним; возвышенный духом в подражаниях писателям восточным; тонкий, впивающийся в душу ласкатель в своих приношениях светским грациям и едкий, убийственный ценитель в своих эпитафиях — Пушкин повсюду является истинным Протеем¹ поэзии, способным принять всякий вид, изменяющимся от всякого нового впечатления. Сие новое издание стихотворений его расположено по годам, в которых они были написаны: такое расположение весьма любопытно и заманчиво для наблюдателя, который может следить за Пушкиным по всем периодам его дарования, может всматриваться в постепенно возрастающее в нем искусство владеть языком и стихосложением. — Его же новая поэма «Полтава» есть новый и прекрасный памятник в честь события, утвердившего на незабываемом основании военную славу России, для которой с того времени уже не было врагов непобедимых. Поэма Пушкина обильна красотою: положение действующих лиц ее возбуждает в читателе сильное, часто болезненное участие. Такова, например, судьба Кочубея. Поэт сначала представляет нам его богатым и знаменитым; но скоро Мазепа, ложный друг Кочубея, похищает милую дочь его. Оскорбленный отец, узнав о честолюбивых замыслах коварного Мазепы, хотящего предать Украину во власть Карла, изливает негодование свое и жажду мщения в такой речи, которая может служить образцом поэтического выражения страстей. Донос Кочубея на Мазепу послан к Петру чрез верного казака, которого ночной бег прекрасно описан Пушкиным. Высокий духом Петр не хочет верить измене своего любимца и отдает Кочубея и соучастника его в доносе Искру на волю изменника Мазепы. Здесь поэт открывает нам ужасную, раздирающую сердце картину. Кочубея пытаются в одной башне гетманского замка... и в этом же замке дочь Кочубея и любовница Мазепы, Мария, не зная о

бедствиях отца своего и чуждая подозрений, покоится сладким сном на ложе неги. К ней тайком прокрадывается мать ее, сказывает ей обо всем и просит ее защиты отцу. Мария сперва не верит, думает, что это сон; но, убежденная в страшной истине, бежит с своею матерью к месту казни... Уже поздно! Страдальцы правды прияли смерть от руки палача. Отчаянная Мария скрывается из дому Мазепы. Таково содержание первых двух песней. В третьей — великий, бессмертный наш Петр, сей нравственный исполин минувшего столетия, является во всей славе грозного своего мужества и геройской решимости среди Полтавского боя. Быстрота рассказа и живость красок в описании знаменитого сего сражения удивительны и совершенно затмевают те недостатки, на кои столь ревностно указывали некоторые критики. Заметим еще одну мастерскую черту кисти нашего поэта-живописца: дряхлый старец Палей, поддерживаемый двумя казаками, стоит подле Петра; в пылу битвы видит он заклитого своего врага Мазепу — и потухшие глаза его сверкнули, чело покрылось гневом, он как будто бы вдруг помолодел от порыва мести! Поэма кончится быстрым повествованием бегства Карла и Мазепы с полей полтавских, ночной встречи сего последнего с Мариною, которой безумные речи ясно показывают то плачевное состояние, в какое повергли ее смерть отца и кровавая мстительность ее любовника. В заключении, или эпилоге, поэт пробегает весь ряд воспоминаний, какие оставили по себе в потомстве Полтавский бой, Карл XII, Мазепа и два несчастные друга, им замученные. Сухое изложение содержания сей поэмы не дает понятия ни о красотах подробностей, ни о смелости и силе выражения, ни о прелести ее стихов. Два только места, по мнению моему, не весьма строго соображены. В первом из них Кочубей, под пытку допрашиваемый клеветом Мазепы Орликом, где находятся скрытые им клады, отвечает:

Так, не ошиблись вы: три клада
 В сей жизни были мне отрада.
 И первый клад мой честь была,
 Клад этот пытка отняла;
 Другой был клад невозвратимый —
 Честь дочери моей любимой;
 Я день и ночь над ним дрожал,
 Мазепа этот клад украл.
 Но сохранил я клад последний,
 Мой третий клад: святую месть.
 Ее готовлюсь Богу снести.

Стихи прекрасны; но были бы еще прекраснее, когда б мы читали их в *песне* или *думе* о Кочубее, а не в поэме. В первых двух родах стихотворений поэт властен сам говорить за действующее лицо; но в поэме он должен допустить только то, что сие лицо сказало бы в трагедии, или, правильнее, что оно сказало бы на самом деле. Мог ли Кочубей, среди мучений пытки и готовясь идти на казнь, говорить загадки или играть словами? — Второе мое замечание относится к обстоятельствам, сопровождающим в поэме казнь Искры и Кочубея. Самый момент казни изображен превосходно; но палач, весело разгуливающий вокруг плахи в ожидании жертв своих, играющий топором и шутящий с веселюю чернью; но народ, по окончании казни беспечно идущий к своим работам, — суть картины,

кои были бы весьма хороши в какой-либо поэме английской, а не русской², особливо же не в той, где описывается безвинная казнь двух человек, привлечших к себе души и участие малороссиян. Смертные казни в Малороссии были тогда очень редки: трудно и даже невозможно было отыскать палача, столь закоснелого и привычного к своему делу, каким здесь представляет его наш поэт. Еще труднее себе вообразить веселую чернь малороссийскую, которая будто бы пересмеивалась с палачом и после разошлась равнодушно. Искра и Кочубей были оба знатные малороссийские пань и пользовались любовью и уважением народа, который и доньне с благоговением о них вспоминает, а тогда почитал мучениками за правое дело. — Поэт наш увлекся здесь живостию созданной им картины, которая и действительно была бы отлично хороша, если бы не нарушала нравов местных и вероятности исторической. Но прелесть целого и, так сказать, осязаемая теплота красок у Пушкина столь волшебны, что и читатель увлекается ими и пропускает сии небольшие отступления от истины, почти не замечая: одна только холодная критика неумолимо взыскательна. <...>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ФОН-ВИЗИНА

<Отрывки>

История литературы народа должна быть вместе историею и его общегития. Только в соединении с нею может она иметь для нас нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются движения, страсти, мнения, самые предрассудки современного общества, если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо владичеству и влиянию литературы, то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества. Литературы бывают двоякие: одна для народа то, что дар слова для человека, высшая способность его после способности чувствовать и мыслить; впрочем, разделять сии способности не должно, ибо первая служит дополнением и событием другой. Вторую литературу можно причислить к искусствам изящным: к ваянию, к живописи, к музыке. Она в разряде вспомогательных, уже изобретенных способностей, коими ум человеческий выражает мысль свою, коими народ образующийся знаменует успехи свои на поприще просвещения и умственного усовершенствования. Посреди безмолвия, оцепенения, царствующего при отсутствии первой из сих литератур, возвысится иногда голос автора, который сильно подействует на внимание общества, его окружающего: общество отвечает ему с силою и быстрою потрясенного сочувствия; но сие действие случайно, скоропостижно и преходчиво: не имев предыдущего, оно едва объемлет стесненные пределы настоящего и теряется вместе с минутным впечатлением. Так искусный Ромберг¹ всемогуществом игры своей поработает понятия и ощущения общества, которое слушает его, погруженное в безмолвие и внимание. Он будит в душе и в уме слушателей своих впечатления, ему

покорные. В раздражении сокровеннейших ощущений своих слушатели сии сочувствуют, соответствуют сладкозвучным излияниям повелительного чародея; но сие сочувствие, сия обоюдность в ощущениях, в сотрясениях сокровенных были только мнимые или, по крайней мере, не естественные, а искусственные. Пора баснословных чудес Орфея миновалась: ни горы не тронутся с места, ни львы, ни люди не преобразуются². Звуки утихли, раздраженные нервы уравнились, и между Ромбергом и слушателями его уже нет никакого нравственного соответствия. Между творением замечательным и народом, коего общество еще не готово для литературы, или литература еще не готова для общества, нет также обоюдности глубокой и постоянной. Концерт отошел, книга прочтена; и тот и другая возбудили несколько изысканных ощущений, может быть, несколько благородных соревнований, но тем все и кончилось. Некоторые явления литературные: великопленные оды Ломоносова, воспламененные, философические и сатирические гимны Державина, утонченности взыскательного общежития, *европеизмы*, введенные в прозу и стихи наши Карамзиным и Дмитриевым, опыты Озерова, который умел иногда сочетать блеск трагических форм Вольтера с благозвучием поэзии Расина, лукавое простосердечие и черты русской насмешливости и замысловатости, ярко оттенившие произведения Крылова, оригинальность заимствований Жуковского, положившего свою печать на подражания, завоеванные талантом и которые в свое время были смелые новизны; в Пушкине тот же дух, те же приемы поэтической притяжательности, еще более приноровленные к характеру времени и характеру русского ума и гораздо более разнообразные в своих действиях, все сии явления, более или менее продолжительнее или кратковременнее, наносили резкие впечатления на внимание общества нашего и возбуждали повсеместное сочувствие. Со всем тем, кажется, не страшась нареkania в неблагодарности и несправедливости к литературе отечественной, можно применить ее ко второму разряду, описанному выше. <...>

Лирическое, торжественное, хвалебное направление, данное поэзии нашей, не изменилось совершенно и в новейшие времена, когда другие потребности, другие усилия власти и гражданственности означились в явлениях более миролюбивых, но не менее сильных для честолюбия народа могущественного и повелительного. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и в лире Жуковского, который из мира созерцания и мечтательности вызываем бывал шумом победы и кликами празднующего народа на торжество действительности³; отзывается и в лире самого Пушкина, коего гений своенравный, кажется, должен быть столь независим от господства, удручающего других. В эпилоге «Кавказского пленника» вы найдете краски, приемы поэзии, ему исключительно свойственной, но в духе восторга, оживляющего сию воинственную поэзию, вы поддадитесь какому-то обратному влечению, вознесшему столь далеко в свое время поэзию Ломоносова и Державина⁴. Предупреждая всякие превратные истолкования мнения, здесь изложенного, спешу заявить, что замечание мое вовсе не есть критическое или порицательное: я просто хотел привести свидетельство и должен был для подкрепления себе предпочесть хотя и изысканное, но яркое другим свидетельствам, более общим, но и менее уважительным. <...>

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»
О НЫНЕШНЕЙ СЛАВЕ РОССИИ В ЧУЖИХ КРАЯХ

<Отрывок>

<...> Вот отрывок из Рима от 27 октября о том же предмете: «состояние России теперь слава Богу: мы под Византией. Бог послал нам царя твердого. Душа его растворена ко благу. Минута его есть минута художника, совершившего подвиг: такие минуты бывают зародышем счастья народного, благотворений царских. Пушкину надо бы воспеть наши подвиги: остановиться у ворот Константинополя и вместо меча и огня предложить ему оливу и елей!¹ Чудо, достойное русских! Как любят нас иностранцы! <...>».

И. В. КИРЕЕВСКИЙ
ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1829 ГОДА

<Отрывки>

<...> ...Чтобы вернее определить особенность нашей литературы прошедшего года, открыть в ней признаки господствующего направления нашей словесности вообще и ее отношение к целостному просвещению Европы, бросим беглый взгляд на характер всей литературы нашей девятнадцатого столетия, ибо одно прошедшее дает цену и указывает место настоящему, определяя дорогу для будущего.

Литературу нашу девятнадцатого столетия можно разделить на три эпохи, различные особенностью направления каждой из них, но связанные единством их развития. Характер первой эпохи определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть представителем третьей. <...>¹

Карамзин застал свою публику под влиянием мистицизма, странно перемешенного с мнениями французскими из середины восемнадцатого столетия. Этим двум направлениям надлежало сосредоточиться, и они естественно соединились в том филантропическом образе мыслей, которым дышат все первые сочинения Карамзина. Кажется, он воспитан был для своей публики и публика для него. Каждое слово его расходилось по всей России; прозу его учили наизусть и восхищались его стихами, несмотря на их непоэтическую отделку, — так согласовался он с умонаклонностью своего времени. Между тем всеобщность его влияния доказывает нам, что уже при первом рождении нашей литературы мы в самой поэзии искали преимущественно философии и за образом мнения забывали образ выражения. До сих пор еще мы не знаем, что такое вымысел и фантазия; какая-то правдивость мечты составляет оригинальность русского воображения; и то, что мы называем *чувством*, есть высшее, что мы можем постигнуть в произведениях стихотворных.

Направление, данное Карамзиным, еще более открыло нашу словесность влиянию словесности французской. Но именно потому, что мы в литературе искали философии, искали полного выражения человека, образ мыслей Карамзина должен был и пленить нас сначала, и впоследствии сделаться для нас неудовлетворительным. Человек не весь утопает в жизни дейст-

вительной, особенно среди народа недеятельного. Лучшая сторона нашего бытия, сторона идеальная, мечтательная, та, которую не жизнь дает нам, но мы придаем нашей жизни, которую преимущественно развивает поэзия немецкая, оставалась у нас еще невыраженной. Французско-карамзинское направление не обнимало ее. Люди, для которых образ мыслей Карамзина был довершением, венцом развития собственного, оставались спокойными; но те, которые начали воспитание мнениями карамзинскими, с развитием жизни увидели неполноту их и чувствовали потребность нового. Старая Россия отдыхала; для молодой нужен был Жуковский.

Идеальность, чистота и глубокость чувств, святость прошедшего, вера в прекрасное, в неизменяемость дружбы, в вечность любви, в достоинство человека и благость провидения; стремление к неземному; равнодушие ко всему обыкновенному, ко всему, что не *душа*, что не *любовь*, — одним словом, вся поэзия жизни, все *сердце души*, если можно так сказать, явилось нам в одном существе и облеклось в пленительный образ музы Жуковского. В ее задумчивых чертах прочли мы ответ на неясное стремление к лучшему и сказали: «вот чего не доставало нам!» Еще большею прелестью украсили ее любовь к отечеству, ужас и слава народной войны².

Но поэзия Жуковского, хотя совершенно оригинальная в средоточии своего бытия (в любви к прошедшему, которую можно назвать господствующим тоном его лиры)*, была, однако же, воспитана на песнях Германии. Она передала нам ту идеальность, которая составляет отличительный характер немецкой жизни, поэзии и философии; и таким образом в состав нашей литературы входили две стихии: умонаклонность французская и германская.

Между тем лира Жуковского замолчала. Изредка только отрывистые звуки знакомыми переливами напоминали нам о ее прежних песнях. Но развитие духа народного не могло остановиться. Как мысль зовет звук, так народ ищет поэта. Ему необходим наперсник, который бы сердцем отгадывал его внутреннюю жизнь и в восторженных песнях вел дневник развитию господствующего направления. Поэт для настоящего что историк для прошедшего: проводник народного самопознания.

Литература наша, как мы уже сказали, представляла два борющиеся начала; но и филантропизм французский и немецкий идеализм совпадались в одном стремлении: в стремлении к *лучшей действительности*. Пушкин выразил его сначала под светлую краскою доверчивой надежды, потом под мрачным покровом байроновского негодования к существующему.

Но ни то ни другое не могло быть продолжительным: это две крайности колебания маятника, ищущего равновесия. Между безотчетностью надежды и байроновским скептицизмом есть середина: это уверенность в судьбу и мысль, что семена *желанного будущего* заключены в *действительности настоящего*; что в необходимости есть Провидение; что если прихотливое создание мечты гибнет, как мечта, зато из *совокупности существующего* должно образоваться лучшее прочное. Оттуда уважение к *действительности*, составляющее средоточие той степени умственного развития, на которой теперь остановилось просвещение Европы и которая обнаруживается историческим направлением всех отраслей человеческого бытия и духа.

* Автор оттого не распространяется здесь о характере произведений Жуковского, что в этом же альманахе предполагал он напечатать особенный разбор его стихотворений³, который, однако ж, по некоторым причинам остался неоконченным³.

История в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития; направление историческое обнимает *все*. Политические мнения для приобретения своей достоверности должны обратиться к событиям, следовательно, к истории: так, Тьерри, чтобы защитить некоторые положения в парламенте, написал «Историю Франции»⁴. Философия, сомкнувши круг своего развития сознанием тождества ума и бытия, устремила всю деятельность на применение умозрений к действительности, к событиям, к истории природы и человека. Математика остановилась в открытиях общих законов и обратилась к частным приложениям, к сведению теории на существенность действительности. Поэзия, выражение всеобщности человеческого духа, должна была также перейти в действительность и сосредоточиться в роде историческом.

Век не мог не иметь влияния и на Пушкина; мы увидим это, говоря о «Полтаве». <...>

Кроме XII тома «Российской истории»⁵ в прошедшем году вышло у нас, если верить журналам, еще одно сочинение историческое, замечательное по достоинству литературному: это «Полтава» Пушкина. В самом деле, из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия. Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину.

Мы видели, что одно стремление *воплотить поэзию в действительности* уже доказывает и большую зрелость мечты поэта, и его сближение с господствующим характером века. Но всегда ли поэт был верен своему направлению, и, переселив воображение в область существенности, нашел ли он в ней полный ответ на все требования поэзии или выступал иногда из круга действительности, как бы видя в нем арфу, у которой недостает еще нескольких струн, чтобы выразить все движения души?

Кроме голей существенности и *дополнительной* думы поэта (которая также существенность) мы еще находим в «Полтаве» иногда думу, *противоречащую* действительности, иногда порыв чувства, несогласный с тем шекспировским состоянием духа, в котором должен находиться творец, чтобы смотреть на внешний мир как на полное отражение внутреннего. В доказательство укажем на два места «Полтавы»: на софизм о любви стариков и на романтическую чувствительность Мазепы, когда он узнает хутор Кочубея. И то и другое противоречит истине; но и то и другое делает минутный эффект. Это сцена из Корнеля, вплетенная в трагедию Шекспира.

Такое борение двух начал — мечтательности и существенности — должно необходимо предшествовать их примирению. Это переход с одной степени на другую; и в наше время не один Пушкин может служить примером такого разногласия. Им дышит большая часть трагедий Шиллера, все трагедии Раупаха, Фр<идриха> Шлегеля*, Грильпарцера и почти все произведения новейших немецких писателей; французская мелодрама обязана ему своим происхождением; иногда мы находим его даже у Вальтера Скотта, когда для возбуждения большего любопытства он вводит своих героев в положения неестественные; сам Гёте, великий Гёте, даже в «Эгмонте» наклонился один раз перед своим веком, олицетворив свободу Фландрии⁶.

* Недостатки трагедий Фр<идриха> Шлегеля имеют еще другой, главнейший источник: неравновесие гениальности с системою.

Но та зрелость таланта, которую доказывает господствующий, хотя и не везде выдержанный, характер «Полтавы», заметна также и в отдельных частях сей поэмы. Об ней свидетельствуют и мастерская обработка стихов, и сжатая полнота рассказа, и стройность переходов, особливо в первой песни, и ясная выразительность картин, и даже некоторые небрежности в языке и в описаниях. Вообще, если мы будем смотреть на «Полтаву» как на зеркало дарования, то увидим, что она дает нам право на большую надежду в будущем, нежели все прежние поэмы Пушкина. Но зато если мы будем рассматривать ее в отношении к ней самой, то найдем в ней такие несовершенства, которые хотя несколько объясняют нам, почему публика приняла ее не с таким восторгом, какой обыкновенно возбуждают в ней произведения Пушкина. Главное из сих несовершенств есть недостаток единства интереса, единственного из всех единств, которого несоблюдение не прощается законами либеральной пиитики. Если бы поэт сначала возбудил в нас участие любви или ненависти к политическим замыслам Мазепы, тогда и Петр, и Карл, и Полтавская битва были бы для нас развязкою любопытного происшествия. Но, посвятив первые две песни преимущественно истории любви Мазепы и Марии, Пушкин окончил свою повесть вместе с концом второй песни, и в отношении к главному интересу поэмы всю третью песнь можно назвать почти лишнею.

По этой ли причине или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующего направления «Полтавы», поэма сия не имела видимого влияния на нашу литературу и ни один из подражателей Пушкина не избрал ее в образцы для своих мозаиков.

Но сколько однолетних литературных цветков вышло в прошедшем году из семян, брошенных Пушкиным на поле нашей словесности еще во время его байроновского направления! — Замечательнейший из подражателей Пушкина есть г-н *Подолнский*. Но его поэма «Борский» по бедности мыслей, по несоответственности языка с чувствами и чувств с предметами и по еще важнейшим несообразностям в плане — замечательна только однозвучностью стихов. <...>

До сих пор рассматривали мы словесность нашу в отношении к ней самой и потому с любопытством останавливались на каждом произведении, которое открывает нам новую сторону нашего литературного характера или подает новую надежду в будущем. Здесь все казалось нам важным, все достойным внимания, как семена, из коих со временем созреет плод.

Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств; если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: «Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?» — что будем отвечать ему?

Мы укажем ему на «Историю Российского государства»; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фон-Визина и Грибоедова — и где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других — у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!⁷ <...>

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
 «РАДУГА», ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ
 АЛЬМАНАХ НА 1830 Г., ИЗДАННЫЙ П. АРАПОВЫМ И
 Д. НОВИКОВЫМ.

Москва, в типографии С. Селивановского, в 16.

(В литературном отделении VIII и 327 стр<аниц>; в музыкальном
 35 стран<иц>; в прибавлении для слов романсов 16 стран<иц>)*

<Отрывок>

<...> За несколько времени до выхода «Радуги» некоторые московские журналы возвестили, что в этом альманахе принимают участие Д. В. Давыдов, князь П. А. Вяземский, Баратынский и А. Пушкин¹. Увидев любимое и уважаемое нами имя славного поэта-партизана, как не обрадоваться было нам? Как не ожидать найти в «Радуге» отличное литературное достоинство? Но что же? — Один только князь Вяземский был благосклонен для «Радуги» и ссудил издателей тремя стихотворениями, из коих одно, под названием «Три века поэтов», едва ли и не написано было на сей случай. В сей пьесе князь Вяземский объяснил то затруднительное положение, в коем находятся ныне хорошие писатели, обязанные удовлетворять требованиям неотвязчивых издателей альманахов. Он говорит:

Со всех сторон и к стати и некстати
 В сто голосов звучит в его ушах:
 «Пожалуйте стихи в мой альманах!»
 Бедняк поэт черкнет ли что от скуки —
 За ним, пред ним уж Бриарей сторукий,²
 Сей хищник рифм, сей альманашный бес,
 Хватает все, и, жертва вечных страхов,
 По лютости разгневанных небес,
 Поэт в сей век — оброчник альманахов.

Эпиграмма Д. В. Давыдова, помещенная в сем альманахе, если не перепечатана откуда-нибудь, то по крайней мере всем и каждому уже известна³. — «Чудный град» Баратынского также показывает или неохоту сего поэта, чтоб поддержать литературное достоинство «Радуги», или невинную скудость его (по причинам, изъясненным выше сего кн<язем> Вяземским) в средствах быть полезным издателям сего альманаха. — В двенадцатистишии А. Пушкина (под названием «К. А. Т—вой») первые только четыре стиха имеют в себе смысл и стоят имени своего поэта; следующие же стихи:

Я пил отраву в вашем взоре,
 В души исполненных чертах...

неволью заставили нас заглянуть в оглавление опечаток, чтоб найти поправку; но, не нашед ее, мы остались в том мнении, что гг. издатели «Радуги» напечатали эту пьесу с неверного списка, ибо Пушкин неспособен творить такие бессмыслицы. <...>

* Цена 10 р.

Ф. В. БУЛГАРИН

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

СПб., в типографии <Департамента> народ<ного> просвещения. 1829.
276 и 131 стр<аниц>

<Отрывки>

Прежде издавал сей альманах барон А. А. Дельвиг, после б<арон> Дельвиг и О. М. Сомов, а ныне на заглавном листке нет имен издателей, и мы не знаем, кому обязаны за сию книжку, а хотя и догадываемся, но не вправе высказать, чтоб нам не отвечали отрицательно¹. Никогда книжка не была так тонка, как ныне, но зато: *мал золотник, да дорог*. Почти все прозаические статьи и стихи прекрасны <...>.

«Отрывок из литературных летописей», соч. А. С. Пушкина: это полемическая статья о бывшей распри с «Вестн<иком> Европы» в «М<осковском> телеграфе». Остроумна и забавна. <...>

Разбирать все стихотворения, из коих большая часть урывки и отрывки, невозможно за недостатком места и чтоб не наскучить читателям единообразными фразами. Скажем вообще, что ни один альманах не представил столько хороших стихов, как «С<еверные> ц<веты>», хотя и здесь есть и посредственные, и вовсе лишние стихи. Лучше прочих: А. С. Пушкина отрывок из 7<-й> главы «Онегина», «Зимний вечер», «2 ноября», а особенно «26 мая 1828 года»². Эта последняя пьеса — гениальное вдохновение, вроде той, которая носит название «Демон». Превосходно!³ <...> Стихов много, а нет ничего родного! Наши победы, наша слава, геройская война и знаменитый мир не одушевили ни одного поэта! Все плачут да грустят то *о былом*, то *о будущем*, чаще о небывалом, а в настоящем пишут в альбомы комплименты или парят в туманной дали. Жаль, право, жаль!⁴ Но мы проговорились неосторожно и забыли, что тотчас грянут эпиграммой — конец!

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

ВОПРОС

От имени нескольких читателей русских журналов прошу вас, гг. издатели, разрешить наши сомнения, возродившиеся по следующему поводу. В № 3 «Литературной газеты» на стр. 24 в последнем столбце напечатано:

«Впрочем, «Литературная газета» была у нас *необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов*».

Это объявление издателей «Литер<атурной> газеты» приводит всех русских читателей в величайшее изумление и возбуждает странные сомнения! Как можно издавать газету *не для публики, а для некоторого числа*

писателей? Кто таковы сии писатели, которые не могут являться под своим именем в журналах? Как велико их *некоторое число*? — Вот вопросы, которых мы никак не можем разрешить. Перебираем по пальцам всех русских известных писателей, поэтов и прозаиков, истинно достойных уважения и пополам с грехом провознесенных друзьями, но все эти имена являются в журналах и альманахах. Начнем с известных. Хотя В. А. Жуковский теперь мало пишет, но когда написал стихи на смерть императрицы Марии Феодоровны, то они тотчас появились во всех журналах и даже в «Славянине»¹. Все другие его стихотворения, на выпуск девиц из Смольного монастыря и Екатерининского училища, были напечатаны в журналах, а перевод из «Илиады» в альманахе². Стихами А. С. Пушкина наполняются и живут альманахи, альманачки и журналы. Первая книжка «Моск<овско-го> вестника» 1829 <г.> наполнена была стихотворениями Пушкина³. Князь П. А. Вяземский помещает и стихи и прозу в журналах и альманахах — и даже в «Славянине». Баратынский, Языков и все отличные молодые поэты только и проглядывают из журналов и альманахов. Великих прозаиков мы не знаем на святой Руси, которые бы по *отношениям* не могли печатать своих сочинений ни в одном журнале, кроме одной «Литер<атурной> газеты». Истинный талант не знает никаких *отношений* в литературе, кроме отношения к публике, а, не во гнев сказать, в России есть журналы не хуже «Лит<ературной> газеты», которых издатели приобрели право (своими трудами) быть посредниками между публикою и писателями. Итак, кто ж те *великие незнакомцы**, которые хотят *печатно скрываться* пред нами в «Литер<атурной> газете»? И если газета более необходима для них, то есть для желающих писать и печатать, нежели для нас, требующих чтения, то что нам остается делать в этом случае? Растолкуйте это нам, гг. издатели «Пчелы»! Не насмешка ли это, не шутка ли, не мистификация ли? Трудно поверить, чтоб сами издатели журнала писали противу себя такие манифесты! Во ожидании вашего ответа пребываю, и проч.

Ответ издателей «Сев<ерной> пчелы».

Ничего не знаем, не понимаем и за других не отвечаем.

Н. А. ПОЛЕВОЙ

НОВЫЕ АЛЬМАНАХИ

<Отрывки>

<...> Мы нашли в «Деннице» статью князя П. А. Вяземского «Отрывок из письма А. М. Г-ой»¹. Тут, предложив несколько наставлений, как должно учиться писать, — наставлений, годных для 1-го класса уездного училища², — автор без милосердия напал на журналы. Только один «Ате-

* Вальтер Скотт, издавая свои романы без подписи своего имени, был называем в публике *le grand inconnu*. В подражание ему и у нас стали *скрываться* под чужими именами, *объявляя* всем и каждому *великую тайну* своего литературного прозвания.

ней» уцелел и даже похвален; о других сказано, что «с некоторого времени они так грязны, что читать их не иначе можно, как в перчатках».

Главные из осужденных журналистов легко узнают себя по намекам князя Вяземского на 130-й стр<анице> «Денницы», хотя никогда не сознаются в мнимой вине и напрямки скажут ему, что выдаваемое за нелепость на 130-й странице мнение о Карамзине есть сущая правда³. Впрочем, давно ли настало *грязное* для журналистов время? Вот любопытный вопрос! Давно ли сам князь П. А. Вяземский перестал писать в журналах? Он негодует на полемику, а *кто* ее завел? Кто *первый* довел брани журнальные до последней крайности, писал едкие сатиры, заводил пустые споры, забавлял публику эпиграммами на соперников, сыщиками⁴, посланиями к N. N.⁵, спором за «Бахчисарайский фонтан»? Отпирательство от статей без подписи может ввести в заблуждение только тех, кому литературные тайны неизвестны. А теперь, когда журналисты увидели наконец, что *знаменитые* друзья⁶ только шумят и спорят; когда узнали, что проза, «рдеющая какою-то насильственной пестротой и движущаяся судорожными припадками», не большая помога словесности; что пустые, хотя и звонкие, возгласы не история; что стихи, где насильственную рифмою скованы остроты Пиронов с мыслями Байрона или где сквозь греческий хитон, сшитый по мерке немецкого портного, виден парижский модный фрак, не поэзия; когда век движется вперед, смеется над безделками, какие его забавляли в бывалое время, ищет новых идей и журналисты начали смело удовлетворять таким потребностям века — они сделались виноваты? <...> ...пишите яснее: грозы вашей никто не пугается; но только позвольте наперед вам припомнить, что времена удивительно переходчивы; что теперь требуют не знаменитости, а дела; что от блаженного 1820-го года, когда на коленях стояли перед авторитетами старой памяти, прошло десять лет, а в сии десять лет Россия шагала во всех отношениях, и политическом, и литературном, и теперь в литературе многое разгадано, с многого сорвана маска: многим гораздо выгоднее теперь сидеть тихонько с листочком, выдернутым из старого лаврового венка, нежели шуметь и указывать знающим более их...⁷ <...>

А. С. Пушкин подарил «Северные цветы» прелестною шуткою: он описал забавную литературную распрю «Вестника Европы» с г-м Бенигнуо, бывшую в конце 1828-го года⁸. Жаль, что статья Пушкина напечатана с большими выпусками. Ее можно бы дополнить статьею о распре китайских журналистов, описанною в «Северной пчеле» 1829 г. (№ 33-й) и в «Телеграфе» прошлого года (№ 5, стр. 103)⁹. Рады, что шуточный Бенигна доставил А. С. Пушкину случай написать столь милую шутку и, может быть, вскоре Бенигна доставит ему новый случай к такой же статейке, где вместо «Вестника Европы» второе лицо составят совсем другие и, может быть, более значительные, *знаменитые* в литературе лица. Будет ли только поэт так же беспристрастен тогда, как теперь. Об остальных статьях в отделе прозы «Северных цветов» лучше промолчать.

В отделе поэзии издатели «Северных цветов» поместили 52 пьесы. Но кроме нескольких небольших пьесок Пушкина и *трех* пьес барона Дельвига («Отставной солдат, русская идиллия», «Русская песня», «Малороссийская мелодия»), кажется, не за что схватиться ни уму, ни воображению читателей. <...>

Нынешний год «Невский альманах» не щеголяет картинками: это, кажется, общая участь русских альманахов на 1830-й год¹⁰. «Невский альманах» не блестит и именами *знаменитого* созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере мы не пожалеем¹¹.

Во-первых, потому что понятия о литературной знаменитости ныне совсем перепутались. Прежде идея о ней была весьма ясна и проста: русские критики составляли в основание триумvirат — *Жуковский, Батюшков, князь П. А. Вяземский*. О сих писателях никто и ничего, кроме похвал, говорить не смел. После них следовал другой триумvirат, юная надежда наша: *А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, барон Дельвиг*. А затем шла остальная многочисленная дружина. Теперь Батюшков похищен у нас горестными обстоятельствами; А. С. Пушкин шагнул выше и далее и товарищей, и старого триумvirата. Кто же и что составляет созвездие *знаменитых*? Явились многие вновь: Н. М. Языков, С. П. Шевырев, А. Погорельский, М. П. Погодин, г-да Тютчев, Деларю, Хомяков и другие; но степени их знаменитости утверждены не единогласно; голоса в сем случае разбились. В то же время явились люди, решительно не принадлежащие к знаменитым; иные из старых, например г-н Воейков, кажется, получили отставку из знаменитых; всё разделилось, расстроилось; показались посторонние, независимые мнения. Несмотря на неблагосклонность *знаменитых* людей, ныне говорят, что, например, Булгарин, Вронченко, Козлов суть отличные писатели наши, не уступающие весьма превозносимым писателям; что, несмотря на все усилия, старый аристократизм, который установился было в нашей литературе, распался, сделался смешон, исчез, и — навсегда. Скажем ли?.. Стихи князя Вяземского, Баратынского и самого Пушкина перестали быть безусловным, единственным, всегда драгоценным украшением и подкреплением альманахов и журналов: дерзкие требуют от них не одной подписи *знаменитого* имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего. Критика сделалась откровеннее, строже. Многим из знаменитых все это куда как не нравится; но возражения их походят более на крик оскорбленной гордости, нежели на голос правды и сознания в собственном достоинстве*. <...>

Н. И. НАДЕЖДИН

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

СПб. В тип<ографии> Деп<артамента> нар<одного>
пр<освещения>. 1829

<Отрывки>

*Ах! как бы на цветы да не морозы —
И зимой бы цветы расцветали!*

Эту заунывную песенку нельзя не затянуть при взгляде на *цветы*, распухнувшие ныне зимою — по обычаю — в *северной* нашей

* На все, сказанное здесь о знаменитых, можем представить *печатные* доказательства.

столице. И прошедшая зима была для них что-то не очень авантажна, а ныне — морозы совершенно избили их, так что не осталось ничего, кроме пустого, недоцветшего или перецветшего былия. Это, без сомнения, чувствовали сами их хозяева, не заблагорассудивши выставить свои имена, как, бывало, важивалось прежде, на заглавном листке, *vis-à-vis* лубочной картинки, составляющей теперь лучшее их украшение и верхнейшую эмблему. Расположение сих мерзлых цветов в одну альманачную связку сделано, однако, по-прежнему. Они делятся на прозу и стихи... хи! хи!.. <...> Pendant** к «Обозрению» *О. М. Сомова* составляет «Отрывок из литературных летописей» — кого бы вы думали? — *А. С. Пушкина!* Чудная судьба великих гениев!.. После неудачного боя при *Полтаве* *А. С. Пушкин*, отстреливаясь карикатурами и эпиграммами, отретировался мужественно с поля литературного и принялся — за грифель летописца! Видим *Наполеона* — на *острове С<вятой> Елены* предприемлющего писать историю, распроставшись с возможностью действовать для истории!..¹ Зрелище поистине умирительное!.. Жаль только, что наш развенчанный герой еще не довольно навыв в новом деле. Он не умеет смотреть на описываемые им события с тем беспристрастием и самоотвержением, которые требуются от историка, и посему не удивительно, что ему все еще видятся всюду — *пьяные семинаристы!*.. (<с.> 231)². Наивность поэта, признающегося со всею искренностию гениального простодушия, что для него *мила*

...балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака***3—

прелестна и восхитительна; но историку должно жертвовать *собой* — изображаемым событиям!**** Остальная часть прозы «Северных цветов», кроме «Кикиморы» *О. М. Сомова*, в коей он искупил свое «Обозрение», и «Киргизского набега» г. *Крюкова*, рассказанного с живостию и легкостию, вяла и бесцветна. — О стихах и говорить нечего. Большая часть из них, вероятно, для созвучия *барону Дельвигу*, распорядившемуся в «Северных цветах» истинно по-хозяйски, скрипит семимильными гексаметрами⁴. Лучшими из прочих — более коротких слогами и не менее длинных мыслями — орифмованных строчек показались нам не по предубеждению к славному имени творца их, но по внутреннему убеждению — стишки *А. С. Пушкина*, называющиеся «Зимний вечер». Они оканчиваются так:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:

* против (*франц.*). — *Ред.*

** Пару (*франц.*). — *Ред.*

*** См. «Литературную» газ<сту>. № 1, с. 3.

**** Нас удивил еще эпиграф, избранный новым летописцем, который гласит так: *Tantaet ne animis scholasticis irai!* Надобно либо знать язык, из которого заимствуется эпиграф, либо скопировывать буквы вернее. *Tantaet* — нет слова у латинян; а *tantae!*.. Где ж был верный глаз *О. М. Сомова*, любящего держать строгую корректуру?.. То-то и есть-то! Чем бранить пи за что, ни про что *семинаристов* — не лучше ли б было летописцу и издателям посоветоваться с ними и поучиться у них хорошенько! Ведь безграмотность — худой патент на громкое имя!

То, как зверь, она завоет,
 То заплачет, как дитя.
 Выпьем, добрая подружка
 Бедной юности моей,
 Выпьем с горя: где же кружка?
 Сердцу будет веселей (с. 35).

Не имея подле себя утешительной *кружки*, мы оставляем «Северные цветы», стуча так же зуб об зуб, как и тогда, когда принимались за оны; и повторяем опять ту же самую песню:

Ах! как бы на цветы да не морозы —
 И зимой бы цветы расцветали!

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ

<Отрывки>

Ты желаешь знать, любезный друг, мои мысли об альманахе «Северные цветы», изданном на нынешний 1830 год. Я охотно тебе скажу, что об этой книжке думаю. Она весьма уступает предшественницам своим прежних годов; но дабы не прогневить господ *ultra-классиков*, последуем порядку и начнем с прозы. <...> Наконец, я должен сказать свое мнение и об «Отрывке из литературных летописей» А. Пушкина¹. Эта статья полемическая. Не вхожу в суждение, прилично ли было помещать ее в альманахе; но должно сказать, что содержание этой статьи так мелко, что, невзирая на литературную известность ее автора, нет возможности сравнивать ее с другими. В чем состоит все дело? — Два писателя (журналисты) побрались. Сочинитель статьи думает сперва, что один прав, а при конце сочинения говорит, что прав другой. Мне кажется, что сие малозначащее происшествие едва ли останется в литературных летописях. Даже и слогом-то сей статьи нельзя быть довольным. Вот один образчик: «Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, *он* (т. е. г. Полевой) напечатал в 20-й книжке “Моск<овского> тел<еграфа>” прошедшего года статью, в которой сильно напал *он* на почтенного редактора “Вестника Европы” («Сев<ерные> цв<еты>», проза, стран<ица> 232). — Неужели автор полагает, что иронические его выходки заставят нас переменить свой образ мыслей о г. Каченовском, который всю бурю на себя создал тем, что начал говорить правду *вслух?* <...>

Стихотворный раздел «Сев<ерных> цв<етов>» вообще богат многими хорошими пьесами. Из них можно отличить отрывок из 7-й главы «Онегина»*, обе идиллии барона Дельвига, элегию П. А. Катенина, обе пьесы г. Подолинского («Гурия» и «Противуположности»), «Прощание с Адрианоподем» г. Хомякова и нек<оторые> др<ругие>.

* Предмет, описываемый в сем отрывке, кажется, весьма обыкновенен. Не говоря уже о наскучивших переводчиках Ламартина, почти каждый из наших поэтов воспевал весну более или менее удачно. Из пьес А. Пушкина в «Сев<ерных> цв<етах>» лучшие, по моему мнению, суть следующие: «Зимний вечер», «Олегов чит» и «2-го ноября». *Изд<атель>*.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

СПб., в 16 д. 276, 131 с.

<Отрывки>

Цветы по-прежнему душисты, красивы, — но их гораздо меньше против прежних годов: попеняем садовникам. <...>

«Отрывок из лит<ературных> летописей» (А. Пушкина). — Рецензент и, верно, все читатели пожалуют, что наш поэт употребил пять минут на занятие такими летописями. Дабы изгладить неприятное впечатление, прочтем скорее его стихи на зимний вечер.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна. —
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей,
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила,
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Пушкин поместил несколько стихотворений в альманахе — по большей части описательных, в которых, как и везде, является верным живописцем, схватывает резкие черты с картин природы и передает их в своих звучных, крепких стихах. <...>

М. П. ПОГОДИН

ИЗВЕСТИЯ, ЗАМЕЧАНИЯ, АНЕКДОТЫ

Князь Вяземский принадлежит к числу достойных писателей нашего времени. В каждой статье его есть прекрасные мысли, счастливые выражения; он оригинален, остроумен, игрив, шутит очень забавно, везде есть у него над чем подумать, чему улыбнуться, так же, как и всегда есть с чем поспорить, ибо часто встречаются противоречия, парадоксы, следы предрассудков.

Князь Вяземский перевел Б. Констанова «Адольфа». Этот перевод, разумеется, будет приятным явлением, — но не *важным событием* в истории русской словесности, как сказано в «Литературной газете»¹. Важными событиями могли называться первая ода Ломоносова², словарь Академии³, стихотворения Жуковского, разборы Мерзлякова⁴, легкие стихи Богдановича и Дмитриева, «История» Карамзина⁵, сцена Пушкина у Самозванца с Пименом⁶, — а перевод самой изящной, краткой, положим, философской повести после многих переводов Карамзина в этом же роде⁷ никак не может получить такого почетного титула. (Заметим еще, что князь Вяземский так оригинален, так негибок, что не скроется ни в каком переводе, а это достоинство писателя уж недостаток в переводчике.)

Кстати, о «Литературной газете», которую начали издавать в Петербурге. — По вышедшим нумерам, по именам сотрудников, по другим признакам должно ожидать от нее — прекрасных стихотворений и статей прозаических, чтения приятного, занимательного не только для тех, кои читают от нечего делать, но и для тех, кои в чтении ищут пищи для ума и сердца. Некоторые кропотуны думают, что в критике «Литературной газеты» не будет иногда совершенного беспристрастия в отношении к ее прихожанам, литературным патрициям, и в отношении к писателям-плебейцам других приходов, — что те *важные события*, которые случатся у последних, получат в ней титул только *явлений*, а собственные *явления* будут возведены на степень *важных событий*. Напрасно они беспокоятся: до сих пор нет верных признаков — и *одно* только что неосторожное слово не должно внушать такой боязни⁸. —

В № 3 «Лит<ературной> газеты» (с. 24) напечатано: «Впрочем, «Литературная газета» была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов». Пусть наши журналисты вступаются за честь свою и подают апелляцию публике, понимая сии слова в оскорбительном для себя смысле. Издатель «Московского вестника» никак не хочет принимать их на свой счет и осмеливается сказать, что не было никаких отношений, по которым бы первоклассные наши писатели не могли явиться под своим именем в его журнале, осмеливается, впрочем, сказать это потому только, что в

продолжение четырех лет читатели видели уж там множество печатных тому доказательств — их именные сочинения⁹.

Из этого же объявления читатели с удовольствием увидят, что в «Литературной газете» предложится критическое обозрение сочинений Ломоносова, Державина, Фон-Визина и проч. «Высокопарные прозвища, — говорит автор, — безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих». Радуемся, что «Литературная» газета» повторила эту истину из «Московского вестника», очень часто провозглашавшего ее, особенно в отношении к «Истории государства Российского». Мы будем ожидать теперь разборов дельных, полезных, в духе законной, благонамеренной критики.

К. А. ПОЛЕВОЙ

**ВЗГЛЯД НА ДВА ОБОЗРЕНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
1829 ГОДА, ПОМЕЩЕННЫЕ В «ДЕННИЦЕ»
И «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТАХ»**

<Отрывок>

<...> По мнению г-на Киреевского, русская литература XIX-го столетия разделяется на три эпохи: «Характер первой определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть представителем третьей».

Все это представительство отзывается аристократством, неуместным в литературе и несправедливым. Можно ли сравнивать влияние Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, с влиянием Жуковского, действовавшего на одну поэзию, и Пушкина, который доньше оставался образцом в одном своем роде, следовательно, также не мог иметь влияния на литературу вообще? Жуковский и Пушкин были преобразователями в поэзии, но едва ли малейшее влияние имели они на общий дух нашей литературы, едва ли сколько-нибудь возбуждали они деятельность в современных прозаиках, ибо поэзия не составляет еще всей литературы. Влияние писателя на литературу возможно тогда только, когда сочинения его образуют какую-нибудь эстетику: так Карамзин был истинным светилом русских литераторов его времени. В «Письмах русского путешественника» он явился и критиком, и поэтом, и собственно эстетиком; в последующих сочинениях своих он был образцом почти во всех родах, и мы понимаем его влияние на литературу. Напротив, Жуковский и Пушкин, превосходные поэты, но частные представители в литературе, не могли подвинуть вперед эстетики общества русского.

После сего мы никак не можем согласиться с автором и в его *переходах* словесности от Карамзина к Жуковскому, а от сего последнего к Пушкину. И зачем воображать себе то, чего не было? Сотня или две стихотворцев, подражавших и подражающих доньше Жуковскому и Пушкину, не составляют всей словесности нашей в продолжение почти тридцати лет. Напом-

ним автору о том, что упустил он из виду, увлекшись своим мечтательным делением.

Начало нынешней образованности нашей представляет в летописях мира явление необыкновенное. Могущественный гений нашего преобразителя вдвинул нас в Европу и положил начало всему, что совершается у нас в настоящее время. Преемники его, следуя направлению, данному России Петром, с большим или меньшим успехом, смотря по обстоятельствам, довершали силою власти своей то, что в других государствах производилось естественно, и потому они образовывали только приближенных своих или, сказать вернее, окружали себя людьми образованными. Это имело следствием нынешнюю утонченность нравов нашего высшего общества, бесхарактерность нашего образования вообще и подражательность в литературе, ибо и литература наша образовывалась не естественным развитием умственных сил, но прививкою или чем-то похожим на лепную работу по данному образцу. У нас были давным-давно академии и университеты, а не было народных школ, и, когда в высшем обществе нашем спорили о софистических задачах Руссо и Гельвеция, мужики наши не имели понятия о необходимейших житейских отношениях. Высшие точки нашего общественного горизонта были освещены ярким пламенем европейской образованности, а низшие закрыты густым мраком векового азиатства. Около конца осьмнадцатого столетия, не ближе (после издания высочайшей грамоты дворянству¹), начал образовываться у нас класс средних между *баррином* и *мужиком* существ, то есть тех людей, которые везде составляют истинную, прочную основу государств. Из среды сего-то класса вышел Новиков, о котором г. Киреевский говорит с должным уважением, но не совсем справедливо. Не Новиков, а целое общество людей благонамеренных при подкреплении некоторых вельмож действовало на пользу нас, их потомков, распространяя просвещение: Новиков был только гласным действующим лицом. Подвиг его, ум и умение действовать незабвенны, и память достойного согражданина будет долго жить, хотя недоразумения, к коим поводом были посторонние происшествия, вскоре прекратили деятельность Новикова и достойных участников сего подвига². Главную заслугу Новикова полагаем мы не в том, что он увеличил число читателей «Московских ведомостей» и издал несколько полезных книг, но в удивительном влиянии, какое имел он на окружающих его: он первый создал отдельный от светского круг образованных молодых людей среднего состояния, к которому принадлежал и Карамзин. Разумеется, не все сии молодые люди имели дарования Карамзина, но все они были достойны называться его друзьями. Они-то внесли образованность в тот отдел нашего общества, где она производит многозначщие, прочные успехи. В первый раз сочинениями Карамзина и распространением понятий, общих ему и сверстникам его, русские среднего состояния стали сближаться с литературою. Это было начальным основанием общей образованности нашей, и с сего-то времени так называемый *низший круг людей* начал сближаться с высшим, разрушив преграды, заслонявшие общество русское от академий и большого света.

Вот истинная заслуга Новикова! Г. Киреевский намекает на забвение русских к нему: это несправедливо, так же как и то, что Ленц, которому Карамзин был обязан многим, «замерз у нас в нищете и крайности на большой дороге». Ленц, сколько известно, помешался в уме от любви к

одной знаменитой особе; но б<арон> Экштейн, на которого ссылается г. Киреевский, не верит, чтобы сей несчастный гениальный человек умер на дороге вблизи Москвы *от холода*; он называет сие известие недостоверным и тем освобождает нас от упрека, произносимого нашим соотечественником³.

Семена, посеянные Новиковым и его товарищами, принесли столь благодетельные плоды, что, когда Карамзин начал издавать «Московский журнал»⁴, публика была для него уже готова, и публика не придворная, как то было при Сумарокове, а русская. Мы всегда дивились поверью многих, что будто Карамзин создал и язык, и мнения, и даже публику. Мнения его были современные европейские, и самое сходство их с мнениями нашей публики, с жадностью обратившейся к Карамзину, показывает, что он гармонировал с нею; слог его есть также слог современный, каким писали Петров (не лирик)⁵, Муравьев и все люди со вкусом; в Карамзине было более дарования: вот почему он первенствовал в литературе и имел толпы подражателей и последователей. Повторим, что Карамзин действовал вообще, по всем частям литературы, и посему влияния его невозможно сравнивать с влиянием Жуковского и Пушкина. Но г. Киреевскому непременно хотелось учредить аристократию в русской литературе, и он без соображения событий поставил Жуковского и Пушкина преемниками Карамзина. Он находит также какое-то французско-карамзинское направление, вовсе небывалое. Карамзин был воспитан немцами; во время путешествия своего по Германии он сближался с немецкими учеными, а во Франции только вглядывался в общество; образование его было именно лессинговской школы, а не французской современной философии. Не смешно ли после сего говорить, что с Карамзиным у нас переполнилось образование французское, требовалось немецкое — и Жуковский удовлетворил сему требованию. Не почитаем нужным распространяться в дальнейших опровержениях сей явной неточности и доказывать, что у нас в литературе не было также находимого г-м Киреевским направления байроновского, если исключим поэта Пушкина и нескольких его последователей, всегдашних слуг человека необыкновенного. <...>

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
«ДЕННИЦА», АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД,
ИЗДАННЫЙ М. МАКСИМОВИЧЕМ

Москва. В Унив<ерситетской> типогр<афии>, 1830,
в 16 (LXXXIV и 256 стран<иц>)

<Отрывок>

<...> Стихов в «Деннице» немного. Заметим примечательные из них: «Две первые сцены из трагедии “Борис Годунов”» А. Пушкина; «Весеннее чувство», «Засуха» Ф. Н. Глинки, «Сельская песня» кн<язя> Вяземского; «Русская песня» барона Дельвига¹; «Пловец» Языкова и к Н. Н., *осьми-стишие* на стран<ице> 121-й С—мы Т—вой².

Ба! — Рецензент и позабыл было, что в этом же альманахе напечатано «Обозрение русской словесности 1829 года». Хотя под этой статьею подписано имя одного только автора, но весьма очевидно, что она составлена несколькими. Это легко можно заключить по различному достоинству слога, который местами чист и правилен, а местами тяжел и напыщен до чрезвычайности, — и по многим противоречиям, по коим можно определить направление различных умов. Это обозрение, как говорит М. Т. Каченовский, не есть в *оба зрение*³. Автор основательно и справедливо сказал об одном только В. А. Жуковском; но г. Киреевскому и *грешно* было бы иначе отозваться о сем поэте⁴. Просим наших читателей последовать с сокрушенным сердцем за некоторыми фразами автора. Перебранки наших журналов кажутся ему какими-то вежливостями *негородскими*. «Полтаву» называет он сочинением *историческим* и сверх того утверждает, что эта поэма есть *лучшее* произведение Пушкина. Не много же был бы славен в нашей словесности Пушкин, если б мнение г. Киреевского было справедливо и если б все глядели на нашу словесность его же глазами. Впрочем, созерцатель находил в «Полтаве» некоторые несовершенства, из коих главное, по его мнению, есть недостаток *единства* интереса, *единственного из всех единств*, и проч., и проч. Читатели подумают, что мы шутим. Право, нет: найдите в «Деннице» XXXVIII страницу и увидите это самое. Вот еще несколько образчиков логики и риторики нашего автора: «...семена *желанного будущего* заключены в *действительности настоящего*; что в необходимости есть Провидение; что если прихотливое создание мечты гибнет, как мечта, зато из *совокупности существующего* должно образоваться лучшее прочное». Чрез несколько строчек: «Философия, сомкнувши круг своего развития сознанием тожества ума и бытия, устремила всю деятельность на применение *умозрений к действительности*. Математика обратилась к сведению теории на *существенность действительности*. Поэзия должна была также перейти в *действительность*», и проч. Несколько далее: «Мы видели, что одно стремление: *воплотить поэзию в действительности*, уже доказывает и большую зрелость мечты поэта (Пушкина)», и проч.; «...и переселив воображение в область *существенности*», и проч.; «или выступал иногда из круга *действительности*», и проч.; «кроме голой *существенности* и *дополнительной думы* поэта, которая также *существенность*, мы еще находим в «Полтаве» иногда *думу, противоречащую действительности*», и проч. Каково?.. *Существенностью и действительностью* унижены все страницы и нашпикованы почти все периоды. Это не хуже единства, единственного из всех единств! — Это невольно напоминает *центральное влечение, воздушное давление* метафизика Хемницера⁵. — На LIX странице г. Киреевский уверяет, что барон Дельвиг набросил на свою музу душегрейку новейшего уныния. Воля критика, но его статья совершенно закутана в плащ новейшей бессмыслицы. — На XXXII странице автор, упоминая о критиках-невеждах, говорит: «Все бесполезно, что они говорят; все ничтожно; все ложь, — даже самая истина; и если случайно она вырвется из уст их, то, краснея, спешит снова *спрятаться в свой колодезь, чтобы омыться от их осквернительного прикосновения*». Слава Богу! теперь мы знаем, отчего не видно истины в упоминаемом «Обозрении российской словесности»: верпо, она сидит в своем колодезе!.. Впрочем, сомнительно, чтоб эта истина имела *свой колодезь*: не сидит ли она в такой же яме, в какую

попал метафизик Хемницера? — Кстати, о метафизике!.. Мы слишком много потеряли времени за статью г. Киреевского и, искренно каюсь в этом, просим извинения у наших читателей, тем более что время есть вещь такая,

Которую — не надобно терять!..⁶

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»
«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

<Отрывок>

<...> «Отрывок из литературных летописей», за подписью: *А. Пушкин*¹. Статья эта начинается следующим образом: «Распря между двумя известными журналистами наделала шуму. Постараемся изложить исторически все дело *sine ira et studio**. Мы, с своей стороны, *постараемся изложить исторически* причины, *sine ira et studio*, побудившие знаменитого нашего поэта написать *незнаменитую* статью для «Северных цветов». В «Вестнике Европы» помещен был разбор «Полтавы», который имел несчастье не понравиться А. С. Пушкину. Вот сочинитель «Полтавы», оставив на время поэтические занятия, принялся за (как говорит Вольтер) *vile prose***², втиснул ее в «Северные цветы», только не *sine ira et studio* относительно издателя «Вестника Европы». <...>

Ф. В. БУЛГАРИН
АНЕКДОТ

Путешественники гневаются на нашу старую Англию (Old England), что чернь в ней невежливо обходится с иноземцами и вместо бранных слов употребляет название иноземного народа. Но подобные невежды есть везде, и даже в классе людей, имеющих притязания на образованность. *Tous les Gascons ne sont pas en Gascogne!**** — Известно, что в просвещенной Франции иноземцы, занимающиеся словесностью, пользуются особенным уважением туземцев. Мальте-Брун, Деппинг, Гофман и другие служат тому примером¹. Надлежало иметь исключение из правила, и появился какой-то французский стихотворец, который, долго морочив публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец упал в общем мнении, от стихов хватился за критику и разобрал новое сочинение Гофмана самым бесстыдным образом. Чтоб уронить Гофмана в мнении французов, злой человек упрекнул автора, что он не природный француз и представляет в комедиях своих странности французов с умыслом,

* без гнева и пристрастия (*лат.*) — *Ред.*

** презренную прозу (*франц.*) — *Ред.*

*** Не все гасконцы живут в Гаскони! (*франц.*) — *Ред.*

для возвышения своих земляков, немцев². Гофман вместо ответа на ложное обвинение и невежественный упрек напечатал к одному почтенному французскому литератору письмо следующего содержания: «Дорожа вашим мнением, спрашиваю у вас, кто достоин более уважения из двух писателей: перед вами предстают на суд, во-первых, природный француз, служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам, который в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце холодное и немое существо, как устрица, а голова — род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея; который, подобно иступленным в басне Пильпая, бросающим камнями в небеса³, бросает рифмами во все священное, чванится перед чернью вольнодумством⁴, а тишком ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан; который марает белые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленых листах⁵, и у которого одно господствующее чувство — суетность. Во-вторых, иноземец, который во всю жизнь не изменял ни правилам своим, ни характеру, был и есть верен долгу и чести, любил свое отечество до присоединения оною к Франции и после присоединения любит вместе с Франциею; который за гостеприимство заплатил Франции собственной кровью на поле битв, а ныне платит ей дань жертвою своего ума, чувствований и пламенным желанием видеть ее славною, великою, очищенною от всех моральных недуг; который пишет только то, что готов сказать каждому в глаза, и говорит, что рад напечатать. Решите, м<илостивый> г<осударь>, кто достоин более уважения». На сие французский литератор отвечал следующее: «В семье не без урода. Трудитесь на поле нашей словесности и не обращайтесь на пасущихся животных, потребных для удобрения почвы. Пристрастная критика есть материал удобрения; но этот материал, согнивая, не заражает ни зерна, ни плода, а, напротив, утучняет ниву». — Утешься, Джон-Буль*! Не ты один бросаешь камнями и грязью в добрых иноземцев. (Из англ<ийского> журнала)⁶.

А. С. ПУШКИН

В одном из № «Лит<ературной> газеты» упоминали о Записках парижского палача¹: нравственные сочинения Видока², полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр³, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека⁴.

Видок в своих записках именуется патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона⁵, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих

* Название английского народа в переносном смысле. *Изд<атель>*.

на половинном жалованье (*officiers à la demi-solde*). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой)⁶. Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ля Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих *врагов* доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом присаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем унижении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода⁷.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

В литературе африканской происходят удивительные вещи: некоторые из африканских пустоголовых рыцарей, чувствуя, что могут служить предметом злых и вместе справедливых насмешек для тамошних журналистов, кои схватывают портреты подобных оригиналов и живыми красками их описывают, объявили сим последним, что будут с ними драться, а на иных жаловаться; журналисты же смеются над их угрозами и между тем продолжают тешить публику.

П. А. ПЛЕТНЕВ

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ,

СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1830
(57 страниц в 12-ю д. л.)

Чтение седьмой главы «Онегина» такое же производит над нами действие, как зрелище некогда милых нам мест, но уже оставленных теми особами, которые их одушевляли. Прелесть их не изменилась: но мы, рассматривая их, напрасно хотим воскресить в душе те чувствования, которыми наполнялась она в прежнее время. Автор до такой степени

совершенства довел искусство свое, что читатель, пока еще не успеет заметить поэтического обмана в произведении, может быть, станет мысленно укорять поэта в недоконченности целой картины. Но это самое впечатление, это желание перемены в чувствованиях и неудовлетворительность надежд есть верх искусства художника. Власть его над нами столь сильна, что он не только вводит нас в круг изображаемых им предметов, но изгоняет из души нашей холодное любопытство, с которым являемся мы на зрелища посторонние, и велит участвовать в действии самом, как будто бы оно касалось до нас собственно. Всем известен анекдот о короле, который был недоволен собою, слушая своего проповедника. Он может служить объяснением и подтверждением нашего замечания.

Отъезд Онегина и Ольги, двух лиц, которым бы мечтательница наша желала посвятить всю жизнь свою, такую грусть поселил в душе Татьяны, что общим характером всей седьмой главы стало что-то меланхолическое:

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеко
Ей сердце громче говорит.
Она его не будет видеть:
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб... но уж его
Никто не помнит; уж другому
Его невеста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Как дым по небу голубому.

Чувство уныния еще сильнее овладевает душою Татьяны, когда она узнает, что должна сама оставить деревню и на зиму переселиться в Москву.

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
Прости ж и ты, моя свобода!

Очерк Москвы и тамошних увеселений представляет новый образец удивительной легкости, с какою автор может переходить от предмета к предмету и, не изменяя одному главному тону, разнообразить свое произведение всеми волшебными звуками. Особенно благородная сатира есть такое орудие, которым он действует с высочайшим достоинством своего искусства. Странность, порок, ошибка, слабость, все они замечены поэтом в духе нашего времени, а не частно¹ в том или другом лице, так что, не оскорбляя ничьей личности, он приносит пользу целому поколению. Но этот предмет один требует рассмотрения самого обширного. Онегин дает к тому повод удобный и пример наставительный.

Ф. В. БУЛГАРИН

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ, ГЛАВА VII.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб, в типографии Департамента народного просвещения, 1830.
В малую осьмушку 57 страниц

Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.

«Евг<ений> Онегин», глава VII, стр. 35

В № 3 «Москов<ского> телеграфа» на сей 1830 год (на стр. 356 и 357) объяснено нынешнее состояние общего мнения в литературе и, между прочим, сказано: «Ныне требуют от писателей не одной подписи *знаменитого* имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего»¹. — Справедливо! Медленное траурное шествие «Литературной газеты» и холодный прием, оказанный публикою поэме «*Полтава*» (о которой так остроумно сказано было в № 2 «Вестника Европы» на стр. 164²), служат ясным доказательством, что очарование имен исчезло. И в самом деле, можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII «Евгения Онегина»? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже «Евгений Вельский»³ кажется чем-то похожим на дело. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète!

Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор «Руслана и Людмилы» устремился за Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, — и мы ошиблись!⁴ Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять «Онегин», бледный, слабый... Сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину! — Читатели наши спросят: какое же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи «Онегина» увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярмонку невест**!
Мать плачется, скучает дочка:
Конец седьмой главе — и точка!

* полный провал (франц.). — Ред.

** «Онегин», глава VII, строфа XXVI.

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни! Все вводные и вставные части, все посторонние описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтоб можно было *печатать* такие мелочи! Разумеется, что как в предыдущих главах, так и в этой автор часто говорит о себе, о своей скуке, *томленье*, о своей мертвой душе (см. стр. 9, стих 3)⁵, которой все кажется темно, и проч. Великий Байрон уж так утомил нас всеми этими выходками, что мы сами чувствуем невольное *томление*, слыша непрерывное повторение одного и того же. Глава начинается описанием весны (старая песня), которую наслаждаться поэт выкликает из города поименно разные лица. Между прочим является новое сословие. Поэт кличет:

Вы, школы Левшина птенцы,
Вы, деревенские Приамы!

Что такое птенцы школы Левшина? Для этого в конце книги находится объяснение следующего содержания: «Левшин, автор многих сочинений по части хозяйственной». Что мы узнали из этого объяснения? Левшин писал и о лошадях, и об овцах, и о курах. Не это ли птенцы? Не их ли вызывают на пир весны? Не догадываемся! А кто таковы деревенские Приамы? Где деревенская Троя? Где ее Гомер? Объяснения нет — и мы отвечать не можем. Думаем, однако ж, что *Приамы* находятся в стихе для рифмы: *дамы*. Далее поэт выкликает своего *благосклонного* читателя оставить город *неугомонный* в своей коляске *вытисной*, город, где этот читатель, по словам поэта, веселился всю зиму с музой *своенравной* певца «Онегина»! Уж подлинно *своенравная* муза!

На стр. 13 мы с величайшим наслаждением находим две пропущенные самим автором строфы, а вместо их две прекрасные римские цифры VIII и IX. Как это мило, как это пестрит поэму и заставляет читателя мечтать, догадываться о *небывалом*! Это производит полный драматический эффект, и мы благодарим за сие поэта!

После двух пропущенных строф, в строфе X, вас уведомляют, что Олинька, за которую убит Ленский, вышла замуж за улана. Об нем никто не грустит, и очень хорошо. Сам поэт говорит:

На что грустить?

Ныне грустят *так*, из ничего, а о смерти друзей не беспокоятся. И дельно. Вслед за этим описание вечера:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Вот является новое действующее лицо на сцену: жук! Мы расскажем читателю о его подвигах, когда дочитаемся до этого. Может быть, хоть он обнаружит какой-нибудь характер.

При тихом журчании вод и жужжании жука Таня идет в поле, видит перед собой господский дом и входит в него: это дом Онегина. Ей показывают опустелые комнаты любовника, где она находит кий, *отдыхающий* на биллиарде, манежный *хлыстик*, а в кабинете портрет лорда Байрона

(вероятно, для того, чтоб читатель помнил, с чем должно сравнивать «Онегина»), чугунную куклу и сочинения Байрона:

Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно,
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Стихи эти весьма замечательны. Правду сказать, что это весьма жалкое понятие о современном человеке, — но что делать? Покоримся судьбе!

Таня начинает раздумывать о своем любовнике, об Онегине, и хочет догадаться, кто он таков:

Что ж он? Ужели *подражанье*,
Ничтожный *призрак*, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?
Уж не пародия ли он?

О том, что Онегин есть неудачное подражание Чайльд-Гарольду и Дон-Жуану, давно уже объявлено было в русских журналах⁶.

Наконец везут Таню в Москву. Вот пиитическое описание, à la Byron*, выезда.

Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.

Мы никогда не думали, чтоб сии предметы могли составлять прелесть поэзии и чтоб картина горшков и кастрюль et cetera была так приманчива.

Наконец поехали! Поэт уведомляет читателя, что:

На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают.

Подъезжают к Москве.

Тут автор забывает о Тане и вспоминает о незабвенном 1812 годе. Внимание читателя напрягается; он готов простить поэту все прежнее

* в духе Байрона (*франц.*). — *Ред.*

пустословие за несколько высоких порывов; слушает первый приступ, когда поэт вспоминает, что Москва не пошла на поклон к Наполеону, радуется, намеревается благодарить поэта, но вдруг исчезает очарование. Одна строфа мелькнула — и опять то же! Читатель ожидает восторга при воззрении на Кремль, на древние главы храмов Божиих; думает, что ему укажут славные памятники сего *славянского Рима*, — не тут-то было. Вот в каком виде представляется Москва воображению нашего поэта:

Прощай, свидетель *падшей* (?) славы (?????),⁷
 Петровский замок. Ну! не стой,
 Пошел! Уже столпы заставы
 Белеют; вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы.
 Мелькают мимо бутки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротах
 И стаи галок на крестах.

Начинается описание московской жизни и общества. Здесь поэт взял обильную дань из «Горя от ума» и, просим не прогневаться, из другой известной книги⁸. Из «Горя от ума» являются архивные юноши и дранье за уши Хлестовой, тот же французик из Бордо, тот же шпиц, тот же клуба член исправный, тот же глухой князь Тугоуховский, тот же муж, Платон Михайлович, и, словом, много всего, весьма много кое-чего в перифразах.

Мы, по крайней мере, надеемся найти в «Онегине» тон большого света, о котором нам толкуют беспрерывно в альманачных обозрениях словесности; но что же мы видим? Московские барышни

Сначала молча озирают
 Татьяну с ног до головы.

Потом:

Взбивают кудри ей по моде.

А на бале:

Друг другу тетушки мигнули,
 И локтем Таню враз толкнули.

В целой главе VII нет блестящих стихов, *прежних* стихов автора, исключая двух строф XXXVI и XXXVII, которые очень хороши. Две строфы в целой книге! Зато стихов прозаических и *непонятно-модных* бездна, и все описания состоят только из наименования вещей, из которых состоит предмет, без всякого распорядка слов. Например, что значит:

Развозят Таню каждый день,
 Представить бабушкам и дедам
 Ее *рассеянную лень*.

Развозят *рассеянную лень*! Что это за стихи:

И близ *него* *ее* заметя,
 Об *ней*, поправя свой парик,
 Осведомляется старик.

Мы полагали, что в описании бала поэт взлетит воображением. Но это то же поименование предметов без всякого порядка, как в описании Москвы и в выезде Тани из деревни.

Ее привозят и в собранье.
 Там теснота, волнение, жар,
 Музыка грохот, свеч *блистанье* (?!),
Мельканье (?!), *вихорь* быстрых пар (?!),
 Красавиц легкие уборы,
 Людью пестреющие хоры,
 Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг. (!!!)
 Здесь кажут франты записные
 Свое нахальство, свой жилет
 И *невнимательный* лорнет (!?);
 Сюда гусары отпускные
 Спешат явиться, *прогнеть* (?),
 Блеснуть, пленить и улететь.⁹

Больно и жалко, но должно сказать правду. Мы видели с радостью подоблачный полет певца «Руслана и Людмилы» и теперь с сожалением видим печальный поход его «Онегина», тихим шагом по большой дороге нашей словесности.

А. А. ДЕЛЬВИГ

В 39-м № «Северной пчелы» помещено окончание статьи о VII главе «Онегина», в которой между прочим прочли мы, будто бы Пушкин, описывая Москву, «взял обильную дань из “Горя от ума” и, *просим не прогневаться, из другой известной книги*»¹. Седьмая глава «Евгения Онегина» лучше всех защитников отвечает за себя своими красотами, и никто, кроме «Северной пчелы», не найдет в описании Москвы заимствований из «Горя от ума». И Грибоедов, и Пушкин писали свои картины с одного предмета: неминуемо и у того, и у другого должны встречаться черты сходные. Но из какой, просим не прогневаться, другой известной книги Пушкин что-то похитил? Не называет ли «Северная пчела» известную книгою «Ивана Выжигина», где находится странное разделение московского общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей?² Кажется, что так; и мы также обвиним Пушкина, хотя, по какой-то игре случая, его описание Москвы было написано прежде «Ивана Выжигина» и напечатано в «Северной пчеле» почти за год до появления сего романа³. Обвиним Пушкина и в другом, еще важнейшем похищении: он многое заимствовал из романа «Дмитрий Самозванец» и сими хищениями удачно, с искусством, ему свойственным, украсил свою историческую трагедию «Борис Годунов», хотя тоже, по странному стечению обстоятельств, им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина⁴.

С. Т. АКСАКОВ

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Не для комплимента вам, м<илостивый> г<осударь>, а для правды надобно сказать, что журнал ваш всегда был беспристрастнее и умереннее других; должно признаться, что в нынешнем году, говоря об «Истории русского народа», и вы сбились с тону; но только с *тону*, а сказали чистую правду¹. Итак, позвольте и теперь поместить в вашем журнале отзыв человека, не принадлежащего ни к одной из партий, разделяющих на разные приходы нашу отечественную словесность.

Всегда уважая необыкновенный талант А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами, с неудовольствием читывал я преувеличенные, безусловные и даже смешные похвалы ему в «Сыне отечества», в «Северной пчеле» и особенно в «Московском телеграфе». Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а обожали и предавали анафеме всех варваров, державших восхищаться не всеми его произведениями и находивших в прекрасных стихотворениях его — недостатки!.. Называя Байрона *первым поэтом человечества, своего века*, «Телеграф» не обинуясь говаривал: *Байрон, Пушкин* и пр. И что же теперь?.. Если неумеренные похвалы возбуждали неудовольствие в людях умеренных, какое же негодование должны были произвести в них явные притязания оскорбить, унижить всякими, даже не литературными, средствами того же самого поэта, перед которым те же раболепные журналы, весьма недавно — пресмыкались в прахе? — Разве Пушкина можно ставить в ряд с его последователями, хотя бы и хорошими стихотворцами? Он имеет такого рода достоинство, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец: силу и точность в изображениях не только видимых предметов, но и мгновенных движений души человеческой, свою особенную чувствительность, сопровождаемую горькою усмешкою... Многие стихи его, огненными чертами врезанные в души читателей, сделались народным достоянием! Об искусстве составления стихов я уже не говорю.

Многие скажут: «*Зачем узнавать Пушкина в пародиях? Зачем относить к нему разные намеки? Он выше их...*» Милостивые государи, узнавать — не значит признавать обвинения и клеветы справедливыми! Но не узнать нельзя... Мудрено ли подделаться к наружной форме, употребляя карикатурно и слова, и выражения поэта?..²

Есть и другие журналы, впрочем, достойные уважения, в которых разбирали Пушкина или с пустыми привязками, или с излишним ожесточением. Последнее тем прискорбнее, что встречалось в рецензиях критика, по-видимому имеющего обширные познания не только в своей, но в древних и новейших иностранных литературах, мысли которого по большей части свежи и глубоки. Я уверен, что он отдает полную справедливость Пушкину и что только нелепые похвалы и вредное для словесности направление его последователей, вместе с строгим образом мыслей самого критика о некоторых предметах, увлекли его в излишество...³

При нынешнем — странном и запутанном — положении литературных мнений не должно молчать. Пусть публика знает, что многие, или, лучше сказать, все благомыслящие, люди радуются, например, отпадению «Телеграфа» и «Северной пчелы» от так называемых *знаменитых друзей*⁴ и их приверженцев, ибо все они более или менее известны своими дарованиями и талантами. Похвалы вышесказанных журналов — пятнали славу их!.. И

да погибнет навсегда прозвище *знаменитых друзей*, не в добрый час данное им в «Сыне отечества». Круг людей, которых славят «Телеграф» и «Северная пчела», до того уменьшился, что им приходится хвалить — только друг друга и...; брань их — есть уже право на уважение просвещенного общества. Прежде «Телеграф» нападал на литераторов, не пользующихся громкою славою, и на людей ученых (последнее весьма понятно); теперь он напал, или, приличнее сказать, *кинулся*, на все отличные таланты и на всех, совершивших уже свое литературное поприще, не в шутку знаменитых и заслуженных корифеев нашей словесности... В добрый час!.. Но под каким медным щитом кроется он от клейма общественного мнения?..

1830 марта 23.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

К наступающему Светлому празднику любители словесности получили вместо *красниного* яичка приятный подарочек, за который они должны отдариваться *синенькою* бумажкою¹. Этот приятный подарочек есть новый альманачек «Подснежник», крошечный, но очень хорошенький; без всяких альманачных затей, но зато: *чем проще, тем милее*. Какое в этом альманачке собрание насекомых, принадлежащее знаменитейшему нашему поэту А. Пушкину! — Это собрание насекомых открыто было до сего времени для одних только знакомых автора, но ныне, по благосклонности его к публике, показывается всем и каждому: цена за вход по *пяти* рубликов, которые вы обязаны заплатить за новый альманачек. В этом кабинете редкостей что за пестрая семья, как восклицает сам автор (страница 18):

За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** Божия коровка,
Вот **** злой паук,
Вот и ** российский жук,
Вот ** тощая пиявка,
Вот ** мелкая козявка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах...

т. е. на эпиграммах почтенного автора: это немножко самолюбиво, но кто же из поэтов не самолюбив?.. Может быть, об этих эпиграммах теперь никто более не помнит, кроме автора: по крайней мере, *ему самому* кажется, что вышеписанные **, Божия коровка, ****, злой паук, **, российский жук, **, тощая пиявка, и **, мелкая козявка, *пронзены* этими эпиграммами *насквозь*. В этом собрании примечательнее всего ****, злой паук, который так искусно раскинул сети свои, что из них никак не могут выпутаться и целые поэмы, не только эпиграммы: едва только появится какая-нибудь новорожденная букашечка, как он ее, бедняжечку, цап-царап, и она, как ни старается вырваться из тяжкого своего ига, но не по силе бедняжечке². — В этом же альманачке показывается за диво О. М. Сомовым *исполин-рак*³. Чудная вещь!.. Ко всему этому можно присоединить и красноносого кади⁴, намеревающегося жениться,

а может быть и женившегося уже, ибо любопытного о нем повествования мы еще прочесть не успели. Скажем только, что к невесте его, Альмансинде, боящейся огромного носа своего жениха, является тень ее матери и говорит своей дочери: «Успокойся, дочь моя: Ибрагим (имя жениха) добр; только нос его ужасен и то на первый раз, для молодой девицы» (см. «Подснежник», стран<ица> 105). — Здесь же вы найдете и *бешеную собаку* и прочтете элегию на *кончину* ее (стран<ица> 57, 58 и 59)⁵. — Какое множество редкостей! — Божия коровка, злой паук, российский жук, тощая пивяка, мелкая козявка, исполин-рак, красноносый кади, бешеная собака,

Et cetera, et cetera,
Ну, много всякого добра! —

Стекайтесь, любезные покупатели, с *синенькими* бумажками в библиотеку Смирдина, что у *Синего* моста в доме Гавриловой! — Да скорее же: ведь подснежник, цветок весенний, — вянет скоро!..

В. Н. ОЛИН
«ПОДСНЕЖНИК»,
АЛЬМАНАХ НА СЕЙ 1830-й ГОД

С. Петербург, в типографии Департ<амента> народного просвещения.
177 страниц

В сем альманaxe *восемь* статей в прозе и *двадцать четыре* стихотворения. Но мы никак не можем одобрить стихотворения г. Пушкина под названием «Собрание насекомых». Мы умеем пленяться приятным талантом поэта, но не безусловно и не ослепляясь. По мнению нашему, чем более человек имеет дарований, тем он должен быть скромнее; ибо скромность некоторым образом придает им более блеску. Довольствуемся сим простым и умеренным замечанием. Сверх сего любопытствующие узнать более могут прочесть рецензию на «Подснежник», напечатанную, с позволения сказать, в 40<-м> № «Северного Меркурия»¹.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
НЕЧТО О «СОБРАНИИ НАСЕКОМЫХ», ЭПИГРАММЕ
А. ПУШКИНА, ПОМЕЩЕННОЙ В «ПОДСНЕЖНИКЕ»

Издатель «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности», упоминая в 4-м № *своего журнала* о «Подснежнике», в котором *почему-то* не нравится ему стихотворение Пушкина «Собрание насекомых», ссылается на 40-й № «Сев<ерного> Мерк<урия>» (где напечатано известие о выходе «Подснежника»), *прося позволения* у своих читателей сделать сию ссылку.

Вероятно, всякому читателю «Карм<анной> книж<ки>» известно, что эта острота

Времен Очаковских и покоренья Крыма,¹

буде не древнее. Если не ошибаемся, первый ввел ее в употребление покойный А. П. Сумароков, творец «Синава и Трувора»². Впрочем, в журнале, издающемся для любителей *старины*, остроумие не должно быть новее. Но дело не в том! — Всякая острога, нова ли она или стара, тогда только *кстати*, когда употреблена в *своем* месте и *подходит* к назначенному предмету. *Просить* позволения у читателей сделать ссылку на «Меркурия», с позволения сказать, не совсем справедливо, ибо это нейдет не только к «Меркурию», но даже и к «Карм<анной> книж<ке>», в которой *против ожидания* (оговорка необходимая и всякому понятная) появляются иногда статейки довольно дельные и приятные. Между тем надобно объяснить следующее: изд<атель> «Мерк<урия>» не имел с своей стороны никакой *особенной* причины не одобрить упомянутого «Собрания насекомых», кроме той, что он в отношении к дарованию Пушкина находит это четырнадцатистишие совершенно ничтожным, не имеющим никакого достоинства, даже и пиитического. — Если б дело шло о каких-нибудь других произведениях словесности, как, напри<м>, о поэме «Кальфон» или о трагедии «Корсар»³, — в таком случае было бы необходимо просить позволения у читателя, чтобы предупредить его и нечаянным напоминанием о сих чадах авторского воображения не произвести в нем колики от смеха⁴.

Кстати о собрании насекомых!.. Некоторые замечают, что если в этом четырнадцатистишии и есть что-нибудь порядочное, справедливое, то разве, с позволения сказать, одна только мелкая козявка⁵, ибо ей всего приличнее быть в собрании насекомых!..⁴

Л. С.

«ПОДСНЕЖНИК НА 1830»

СПб., 1830

<Отрывок>

<...> ...Взглянем на стихотворную половину милого цветика. Все листки равно прекрасны; но один останавливает на себе взоры ботаника-читателя, недоумевающего, что бы такое значили особые крапинки, коим объяснения не находим ни в словарях, ни в системах. На листике вытиснуты стишки... Выпишем их со всею точностию:

* Г<осподину> изд<ателю> «Карм<анной> книж<ки>» не понравилось заглавие «Подснежника», и он вздумал *пояснить* его. На заглавном листке «Подснежника» напечатано: «Подснежник, альманах на 1830 год», а г. Олин, списывая заглавие для библиографической своей статейки (см. «Карм<анную> книж<ку>», № 4, стран<ицу> 541), пояснил следующим образом: «Подснежник, альманах на *сей* 1830 год». Что нынешний год есть 1830-й, это, с позволения сказать, мы и без того знаем.

** Вот **, мелкая козявка...

Собрание насекомых

Какие крохотны коровки:
Есть, право, менее булавочной головки.
Кр<ылов>.

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** Божия коровка,
Вот **** злой паук,
Вот и ** российский жук,
Вот ** тощая пиявка,
Вот ** мелкая козявка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

На подлинном: *А. Пушкин*.

На общем консилиуме ботаников с энтомологами мнения разделились: первые утверждали, что замысловатый автор задает тяжелую работу читателю, заставляя под звездочками угадывать *онегианских* любительниц *букетов княжну Елену, Лукерью Львовну, Пелагею Николавну* и проч.¹ — работу тем более мучительную, что никому не придет в голову искать вышереченных антиков в четырехстопных ямбах, куда никакая сила волшебная не вдвинет имен их и где никак не спрячутся они под крошечными пятнышками; напротив того, энтомологи велят загадочные стихи читать следующим образом:

Полтава — Божия коровка,
Кавказский пленник — злой паук,
Вот *Годунов* — российский жук,
Онегин — тощая пиявка,
Граф Нулин — мелкая козявка.

В самом деле, чуть не правда ли! Какой остроумный набор иероглифов! Да к чему же все это служит? Так, решительно ни к чему. Недаром говорят, что у всякого барона своя фантазия.

А. С. ПУШКИН
СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ,
СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:

Ну, что за пестрая семья;
 За ними где не рылся я?
 Зато, какая сортировка!
 Вот ** Божия коровка,
 Вот **** злой паук,
 Вот и ** российский жук,
 Вот ** черная мурашка,
 Вот ** мелкая букашка.
 Куда их много набралось!
 Опрятно за стеклом и в рамках
 Они, пронзенные насквозь,
 Рядком торчат на эпиграммах.

Сие стихотворение, напечатанное в альманахе «Подснежник», нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частию неблагосклонно¹. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в «Вестнике Европы» и в «Московском телеграфе»². Пародия «Вестника» отличается легким остроумием; пародия «Телеграфа» — полною смыслом и строгою грамматической и логической точностию. Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем³. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с персылкою 25 руб.

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

СМОТР ЖУРНАЛАМ

<Отрывок>

Сочинитель стихотворения под названием «Собрание насекомых», радующийся, что оно удостоилось двух пародий, помещенных в «Вестнике Европы» и в «Московском телеграфе», сделал в нем некоторую в одном или в двух стихах перемену, по-видимому, для того, чтобы иметь повод перепечатать его в 43-м № «Литературной газеты». «Сие стихотворение, — говорит в энтузиазме «Литературная газета», — обратило на себя *общее* внимание». Такому вниманию, какое обращено на сие стихотворение, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примечательная своею уродливостью и безнравственною целию, обращает на себя внимание — но какое?.. По моему мнению, «Литературной газете» надлежало бы объяснить в сем случае те обстоятельства, по которым упомянутое стихотворение обращает на себя внимание, надлежало бы для того, чтобы люди нескромные,

* О стихотворении «Собрание насекомых» сделаны были отзывы в двух или в трех наших журналах, размещены, в ироническом роде. «Литературная газета», называя это общим вниманием, делает в сем случае без намерения приветствие этим журналам. *Издатель*.

не скрывающие тайн литературных, не внушили некоторым читателям, что это произведение не имеет нравственной цели. Мне было бы вчуже досадно, если б нашлись такие, которые не поняли бы истинно похвальной цели, с которою написано и напечатано упомянутое стихотворение и которая приносит особенную честь сочинителю. Могут найтись люди, не одаренные особенною проницательностию, которые вздумают искать определенного смысла в таинственных звездочках, находящихся в упомянутом стихотворении, — и что тогда скажет издатель «Карманной книжки» г. Олин, известный в отечественной словесности образцовыми своими произведениями «Кальфон» и «Корсер»?.. Что скажет г. Олин, которому, как известно из его «Карманной книжки», и прежде *почему-то* весьма не нравилось упомянутое стихотворение?..¹ Что скажет сей многопросвещенный муж, увидев, что *мелкая козявка* прежнего издания обратилась в нынешнем в *мелкую букашку*?.. «Увы!.. Букашка козявки стоит!» — воскликнет он в полном смирении сердца; и читатели его повторят стройным хором: *стоит! стоит!* <...>

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ, СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., в типографии Департамента народного просвещения. 1830. 57 стр.

Есть пословица: *куй железо, пока горячо*; если бы талантливый А. С. Пушкин постоянно держался этой пословицы, он не так бы скоро проиграл в мнении читающей публики и, может быть, еще до сих пор *не спал бы с голоса*. Написавши «Руслана и Людмилу», прекрасную маленькую поэму, он вдруг вошел, как говорится, в славу, которая росла с каждым новым произведением сладкогласного певца до самой «Полтавы»; с «Полтавою» она, не скажем, пала, но *оселась* и с тех пор уже не подымается вверх. Что далее будет, неизвестно; но последнее произведение Музы Александра Сергеевича — *седьмая глава «Евгения Онегина»*, предвещает мало добра. — Если бы знал Александр Сергеевич, с какою горестию произнесли мы этот приговор!!! Творец «Руслана и Людмилы» обещал так много, а исполнил?.. Он еще в полном цвете лет; он мог подарить нас произведением зрелым, блистательным, и — подарил *седьмую главою «Онегина»*, которая ни содержанием, ни языком не блистательна.

В 7-ю главу «Онегина» втиснут почти целый год романтических происшествий, но в этих происшествиях вы почти никакого действия не найдете. С самого начала описывается весна и описывается не отлично:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные дуга.
Улыбкой ясной природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.

Еще *прозрачные* леса
Как будто *тумом* зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины *сохнут* и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Во II и III-м стансе поэт говорит о себе самом; таких отступлений у него много и в первых шести главах. III-й станс ярко бросается в глаза своею *логическою* и *словесною* пестротою, а потому мы и не можем не выписать его.

III

Или не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним *горькую* утрату,
Внимая *новый шум* лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы *увяданье* наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит,
Средь поэтического сна,
Иная старая весна,
И в трепет сердце *нам* приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

Далее сочинитель романа приглашает в деревню на весну добрых ленивцев, эпикурейцев-мудрецов, равнодушных счастливцев, агрономов, деревенских Приамов (?), чувствительных дам и читателя:

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске *выписной* (?),
Оставьте *град неугомонный*,
Где веселились вы зимой;
С моею музой *своенравной*
Пойдемте слушать шум дубравной

туда, где еще недавно жил Евгений;

Но где его теперь уж нет...
Где грустный он оставил след.

Вы думаете, что сочинитель в самом деле поведет вас прямо в деревню Онегина? извините! *своенравная* муза его даст прежде изрядный крюк и поведет вас по проселкам прежде к памятнику Ленского, где

...Седой и хилый
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

За этим вслед, по-байроновски, поставит:

VIII. IX. X;

потом выдаст Ольгу замуж за улана:

Улан *увлек* ее вниманье,
Улан умел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла...

После этого сочинитель, как сами изволите видеть, намерен занять вас положением Татьяны:

Нигде, ни в чем ей нет отрад,
И облегченья не находит
Она подавленным слезам —
И сердце рвется пополам.

XIV

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеком

(наконец дошло дело и до Онегина)

Ей сердце громче говорит.
Она его *не будет* видеть;
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб... но уж его
Никто не помнит, уж другому
Его невеста отдалась.

Теперь просим покорно вперед — за Татьяною, или, что все равно, за *своейравною* музою нашего поэта, в деревню Онегина. Однажды, вечером,

в поле чистом
Луны при свете серебристом
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна,

и куда бы, вы думали, пришла? в дом Онегина. Это немного неприлично, но так угодно было поэту — живописцу русских нравов.

И входит (Татьяна) на *пустынный двор*.
 К ней, лая, кинулись собаки.
 На крик испуганный ея
 Ребят дворовая семья
 Сбежалась шумно. Не без драки
 Мальчишки *разогнали псов*,
 Взяв барышню под свой покров.

Как бы то ни было, но *барышня* была в комнатах Онегина, все там видела, выпросила позволение ходить на *пустынный двор*, на котором встретили ее собаки и семья ребят, и читать в бариновом кабинете книги. — Эта прогулка продолжалась до самой зимы. Пришла зима, Татьяну привезли в Москву; а что было с нею в Москве — читатели наши сами знают из «Московского вестника» и «Северной пчелы»¹.

Нужно ли сказывать, как бедно содержание 7-й главы «Онегина»? Но содержание в сторону; оно почти во всех произведениях г-на Пушкина не богато; самый язык, на котором основана слава певца «Бахчисарайского фонтана», в «Онегине», особенно в разбираемой нами главе, не выдержит не только строгой, но даже и снисходительной критики; во многих стихах мы не узнаем Пушкина; есть целые тирады, которые не понравятся любителям изящного; за образчиками далеко ходить не для чего. Чтобы не упрекнули нас в излишней привязчивости и пристрастии, выписываем сряду несколько стихов:

Вот Север, тучи нагоняя,
 Дохнул, завыл — и вот сама
 Идет волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыталась; клоками
 Повисла на суках дубов;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокруг холмов;
 Брега с недвижною рекою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснул мороз; и рады мы
 Проказам матушки зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани,
 Нейдет она зиму *встречать*,
 Морозной пылью *подышать*
 И первым снегом с кровли бани
 Омыть лицо, плеча и грудь:
 Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
 Приходит и последний срок.
 Осмотрен, вновь обит, упрочен

*Забвенью брошенный возок.
 Обоз обычный, три кибитки
 Везут домашние пожитки,
 Кастрюльки, стулья, сундуки,
 Варенье в банках, тюфяки,
 Перины, клетки с петухами,
 Горшки, тазы et cetera,
 Ну, много всякого добра.
 И вот в избе между слугами
 Поднялся шум, прощальный плач:
 Ведут на двор восемнадцать кляч,*

XXXII

*В возок боярский их впрягают,
 Готовят завтрак повара,
 Горой кибитки нагружают,
 Бранятся бабы, кучера.
 На кляче тощей и косматой
 Сидит фореитор бородатой.
 Сбежалась челядь у ворот
 Прощаться с барами. И вот
 Уселись, и возок почтенный,
 Скользя ползет за ворота,
 «Простите, милые места!
 Прости, приют уединенный!
 Увижу ль вас?..» И слез ручей
 У Тани льется из очей!*

Стихи, которые сами себя рекомендуют с невыгодной стороны, напечатаны курсивом для того, чтобы не утомить читателей наших подробным объяснением, почему именно каждый стих не хорош. Насчет недостатков, замеченных нами в стихотворном языке г-на Пушкина, мы могли бы сказать многое, так, напр<имер>, он неудачно соединяет слова простонародные с славянскими; часто употребляет неточные выражения, неправильные метафоры; многие стихи у него не стихи, но проза, заостренная рифмою, которая часто заставляет его повторять одну и ту же мысль; — но боимся оскорбить многочисленных почитателей поэта, любимца публики.

Но неужели во всей VII-й главе «Онегина» нет ничего хорошего? скажет кто-нибудь. Мы этого не говорим: есть места, в которых виден еще Пушкин, но этих мест очень мало. Более всего понравился нам станс:

LII

*У ночи много звезд прелестных,
 Красавиц много на Москве.
 Но ярче всех подруг небесных
 Луна в воздушной синеве.
 Но та, которую не смею
 Тревожить лирою своею,
 Как величавая луна
 Среди жен и дев блестит одна;
 С какую гордостью небесной*

Земли касается она!
 Как негой грудь ее полна!
 Как томен взор ее чудесный!..
 Но полно, полно; перестань:
 Ты заплатил безумству дань.²

П. И. ШАЛИКОВ (?)

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». ГЛАВА VII

Санкт-Петербург. 1830 года

Странное дело! давно ли наши журналы становились на колена пред каждаыми новыми стихами Пушкина! А ныне все, или почти все, журналы усиливаются поставить его самого на колена и умолять о всепрощении за пиитические преступления! Уже ныне Пушкина стихи не стихи, а побрякушки. «Ныне, — говорит один московский журнал, — требуют от писателей не одной подписи знаменитого имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего»¹. А давно ли наступило это ныне? А чем же приобретается знаменитое имя, если не внутренним достоинством и не внешним изяществом? Давно ли, наконец, воспоследовало сие разочарование? и от чего? Разве может вдруг уничтожиться дарование? Но мы не станем доискиваться тайны, а спрашиваем: не заслуживает ли проклятия тот, кто и чужой талант зарывает или желает зарыть в землю?.. Но талант Пушкина будет всегда являться кладом в радужном сиянии, нестерпимом единственно для гномов! Спросим еще: не составляют ли стихи Пушкина новую, блестящую эпоху в нашей поэзии? Не сотворил ли он многих поэтов всемогущею прелестию своей поэзии? Будучи сначала робкими подражателями ея, может статься, они со временем заставят подражать себе: таков, по крайней мере, естественный ход дарований, рождаемых явлением гения сего Прометейя, вливающего жизнь и душу на трупы, которые без его благотворного действия остались бы трупами. Пушкин был Прометеем, и будет еще очень долго. Легкость, свобода и гармония, господствующая в стихах Пушкина, открыли им путь в святилище граций (разумею, дам) и привели в упадок несовершенство стихов — важная услуга!

В одном петербургском журнале хотят, кажется, одним разом уничтожить все пиитические достоинства, которыми столь щедро наделила Пушкина природа²: подвиг трудный, и тем более, что требует от витязей жестокой борьбы с самими собою; ибо еще так недавно они сражались за сии достоинства с открытой грудью... Отчего же произошла столь быстрая перемена в груди у них? не знаем! знаем только, что в таланте Пушкина не произошло никакой перемены, и обращаемся к «Онегину» предмету гораздо приятнейшему.

В одном петербургском журнале говорят: «Эта глава VII («Онегина») испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними (то есть с стихами и балагурством?) даже «Евгений Вельский» кажется чем-то похожим на дело (похожим на дело? или чем-то похожим на дело? Вот как пишут наши диктаторы!). Ни одной мысли в этой водянистой (?) VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! (воззрения?) Совершенное падение, chute complète (но французские слова нимало не объясняют смысла в русском слове падение, здесь упавшем!)...

в пустыне нашей поэзии появился опять “Онегин” (и как же ему не появиться *опять*, если он не кончен?), бледный, слабый... сердцу больно (какое сердоболие!), когда взглянешь на эту бесцветную картину! (Но ведь сказано выше, что в VII главе «Онегина» нет *ни одной* картины? Откуда же взялась эта, хотя бесцветная, но все же картина? вот каково полагаться на ваше слово, господа!...) Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни. Все вводные и вставные (?) части, все посторонние описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтоб можно было *печатать* такие мелочи».

Но верьте же и вы, любезные читательницы! содержание этой главы не *все в том*, что Таню везут из деревни в Москву: это *главный* предмет; но то, что предшествовало ему и что последовало за ним, такие *вводные* и *вставные части*, такие *посторонние описания*, что *хочется* несколько раз прочитать их, и всегда прочитываешь с новым удовольствием или оттого, что *забавно*, или оттого, что *умно*, или оттого, что *остро*, или оттого, что *живописно*, или, наконец, оттого, что самые *мелочи* так милы! в то время, когда и *не мелочи* бывают без всякой привлекательности: например, Дмитрий Самозванец весьма не мелочь, но в романе под сим названием он хуже всякой мелочи, ибо не дает от *великих злодеяний* отдохнуть сердцу ни на минуту...³ Кстати: лже-критик едва ли не то же, что политический самозванец! Иное дело шутить над сочинением эпиграммою, в которой никто не ищет истины. Недавно попалась нам подобная эпиграмма, и мы помещаем ее здесь, как стихотворную игрушку и более ничего. Вот она:

По старине, Гомер
 Был гений;
 А ныне, например,
 И Пушкина Евгений,
 И Баратынского Арсений⁴
 Все гений.

Сии любезные поэты и сами пишут эпиграммы, конечно, во сто раз лучше этой; но, как долг платежом красен (а в этом случае нет нужды, хотя бы и *фальшивою* монетою), то и дело с концом. Мы уплатили свой долг известием о VII главе «Онегина» и спокойны.

24 апреля.

А. А. ДЕЛЬВИГ
 «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН».
 СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
 ИЗДАНИЕ ТРЕТИЕ

СПб., в типогр<афии> Департ<амента> народ<ного> просвещ<ения>,
 1830 (46 стран<иц> в 8-ю д. л.)

«Бахчисарайский фонтан», соч<инение> А. С. Пушкина, напечатан уже третьим тиснением: формат один с мелкими стихотворениями того же автора, вышедшими в двух частях в СПб. 1829. Издатели не поместили прежнего предисловия, теперь уж не необходимого, но в свое время воз-

будившего жаркие споры¹. В нем князь П. А. Вяземский первый выказал всю смешную сторону так называемых у нас классиков, первый поднял знамя умной и благомыслящей критики. В замене сей убыли прибавлен к выписке из занимательного «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола отрывок письма самого сочинителя к Д***, в котором читатели увидят, как часто первые впечатления, прозаически скользя по душе, нечаянно после разгораются в ней огнем вдохновения и созревают до высокой поэзии². Мы читали и перечитывали и в третьем издании «Бахчисарайский фонтан». Человек, не лишенный чувства изящного, не устает читать подобные сочинения, как охотник до жемчугу — пересматривать богатое ожерелье. В каждый новый раз удовольствие усугубляется, потому что все более и более убеждаешься в неподдельной красоте своей драгоценности. Пушкин в сей поэме достиг до неподражаемой зрелости искусства в поэзии выражений, а в сцене Заремы с Марией уже ясно обнаружил истинное драматическое дарование, с большим блеском впоследствии развившееся в трагедии «Борис Годунов» и в исторической поэме «Полтава».

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

СПЛЕТНИЦА

— Ну вот, мать моя Матрена Алексеевна, все благоразумные люди предвидели, что дружбе твоей с Маврой Ивановной и Эмилией Венедиктовной не долго сдобровать, но никто не мог угадать, чтобы мир ваш, недавно заключенный, рушился так скоро.

Так кричала Аделаида Антоновна Габенихтсина, приехав к Матрене Алексеевне Лесной.

Прежде, нежели я опишу сию сцену, нужным нахожу предварительно сказать читателям несколько слов о лицах, которые в ней действуют.

Мавра Ивановна Крупина, Эмилия Венедиктовна Критиковская, Матрена Алексеевна Лесная и Аделаида Антоновна Габенихтсина, все четыре суть содержательницы магазинов, в коих торгуют они одинакими товарами, только различной доброты. М. И. Крупина и Э. В. Критиковская содержат один магазин пополам, а М. А. Лесная торгует в своем одна. Эти два магазина лучшие противу прочих: оттого они более любимы публикою и привлекают к себе более прочих покупателей. Правда, случаются иногда и в этих двух магазинах по неосмотрительности их хозяек товары не совсем хорошей доброты, но можно ли в постоянной торговле соблудности всегдашнюю *аккуратность* (коммерческое выражение)?.. Как иногда по собственным расчетам не погрешить противу совести и не спустить с рук чего-нибудь залежавшего, плохого?.. Притом можно ли угодить всегда на вкус всех и каждого?.. Часто случается, что многим чрезвычайно нравится то, чего другие весьма не любят.

Несколько лет тому назад М. И. Крупина и Э. В. Критиковская, не поладив что-то по коммерческим своим оборотам с М. А. Лесною, были несколько времени в жестокой вражде с сею последнею; но потом, увидев, что взаимная неприязнь их чрезвычайно вредит им друг другу и весьма

не нравится посетителям их магазинов, взялись за ум — и помирились. С того времени, к общему удовольствию, царствует между ними кроткая тишина и доброе согласие. С той поры не было между ними никакой размолвки и они никогда не противоречат друг другу¹. При каждой встрече всегда раскланиваются между собою весьма ласково и разговаривают с особенным дружелюбием. Если, например, кто-нибудь из них назовет одна другую умницею, эта тотчас отвечает: «Ах ты разумница, голубушка, смысленная, сметливая». Что за дело!.. Не лучше ли желать, чтобы торговки жили всегда в таком ладу? Не приятнее ли слышать, что они взаимно перехваливаются, нежели бранятся?.. Ах, если они пораздорят между собою, — бедовое дело! Тогда у них нет ничего святого: готовы схватить друг друга за косу!

А. А. Габенихтсина открыла свой магазин очень недавно, не более четырех месяцев тому назад. Разумеется, она на первый раз, подобно другим магазинщицам, пустилась на хитрости: сделала приманчивую вывеску к своему магазину и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нескольких своих приятельниц, будто бы не хотевших выставлять напоказ в других магазинах свое рукоделье². Если сказать правду, то она при открытии своего магазина имела цель довольно основательную: некоторые из реченных ее приятельниц работали прежде прилежно, стараясь по возможности представлять изделия свои в лучшем виде, и потому продавали их весьма успешно, хотя и крайне дорогою ценою³. В последствии времени они, избалованные тем, что имели много покупателей, стали лениться и начали работать кое-как, лишь бы с рук сбыть да взять денежки. Публика, увидев, что за решительный вздор по пяти и по десяти рублей платить не для чего, естественно, охладела к покупке рукоделья приятельниц Аделаиды Антоновны. Эта последняя, видя, что дело приходит плохо, рассудила открыть свой магазин, чтобы иметь случай подавать голос в пользу своих приятельниц и защищать их от огласки других магазинщиц, которые начали указывать на них пальцами. Если теперь поступает в продажу что-нибудь из рукоделья ее приятельниц, то Аделаида Антоновна так и рассыпается мелким бесом и не знает, как бы лучше расхвалить мастерство дорогой кумушки. Так, например, однажды она восклицала: «Купите, мои милостивцы, купите, мои родимые, купите, мои голубчики! Эта штучка произведет над вами такое же действие, как зрелище некогда милых нам мест, но уже оставленных теми особами, которые их одушевляли. Прелесть их не изменилась, но *мы*^{*}, рассматривая их, напрасно хотим воскресить в душе те чувствования, которыми наполнялась она в прежнее время. Мастерница до такой степени совершенства довела искусство свое, что вы, пока еще не успеете заметить *оного*⁴, станете мысленно укорять мастерницу в недоконченности целой ее работы. Но это самое впечатление, это желание перемены в чувствованиях и неудовлетворительность надежд есть *верх искусства художницы*. Власть ее над нами столь сильна, что она не только вводит нас в круг изображаемых ею предметов, но изгоняет из души нашей холодное любопытство, с которым

* В этом случае под словом *мы* Адел<аида> Ант<оновна> разумела себя и ту мастерницу, о работе которой шло дело и которая невидимо для покупательниц подсказывала ей речь свою.

являемся мы на зрелища посторонние, и велит участвовать в действии самом, как будто бы оно касалось до нас собственно. Всем известен анекдот об одном короле, который бывал недоволен собою, слушая своего проповедника»⁵. Окончив длинную сию панегирику, Адел<аида> Ант<оновна> прокричала *da capo*: «Купите, мои милостивцы, купите, мои родимые, купите, мои голубчики!» — В другой раз кто-то заметил Адел<аиде> Ант<оновне>, что в расхваливаемом ею рукодельнице ее приятельницы есть много чужого, принадлежащего искусству другой художницы. Ах, как тогда разворчалась Адел<аида> Ант<оновна>!.. Вот что она говорила: «Что вы, что вы, злые люди! мастерство дорогой моей Александры Сергеевны лучше всех защитников отвечает за себя своими красотоми!.. Если чем она и занялась от других, то сими хищениями удачно, с искусством, ей свойственным, украсила превосходное свое рукоделье!»⁶ — В третий раз при выставке одной старой работы, которая была уже известна, Адел<аида> Ант<оновна> восклицала: «Добрые люди! глядите и пересматривайте с восхищением это поновленное рукоделье дорогой моей кумушки Александры Сергеевны. Человек, не лишенный чувства изящного, не устанет смотреть на подобные вещи, как охотник до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. В каждый новый раз удовольствие усугубляется, потому что все более и более убеждаешься в неподдельной красоте этой драгоценности. Дорогая моя кумушка Александра Сергеевна достигла в этой вещи до неподражаемой зрелости искусства и во многих местах обнаружила истинное дарование, с большим блеском впоследствии развившееся в двух других ее рукодельях (NB. из коих одно, по словам Адел<аиды> Ант<оновны>, хотя и за пять лет пред сим сделано, но кроме ее, Адел<аиды> Ант<оновны>, и дорогой ее кумушки, знаменитой художницы Алекс<андры> Серг<еевны>, едва ли и двум еще христианским душам известно; следовательно, неведомое для всех можно превозносить до *pes plus ultra***. Кто будет спорить о том, чего не знает? — Уловка мастерская! — Хитра же Адел<аида> Антоновна! Честь ей и слава! — *Vive l'amitié!****»⁷.

Из всего вышеписанного читатели ясно видят (впрочем, они давно уже знали это и без сего указания), что Адел<аида> Ант<оновна> большая художница в искусстве расхваливать рукоделье своих приятельниц. Мы люди беспристрастные и скажем, что одна из них, о которой говорено выше, Алекс<андра> Сергеев<на>, действительно *была прежде* из лучших мастериц в своем роде, но, начав лениться, стала рукодельничать плохо, думая, что покупатели не разглядят истинного достоинства новой ее работы, которая по-прежнему будет сходить с рук удачно. Но вышло совсем иначе. Между тем в последствии времени появились новые молодые художницы, которые и первыми опытами своего искусства поселили во всех приятную и несомненную надежду, что они в скором времени если не перещеголяют Алек<сандру> Сергеев<ну>, то по крайней мере войдут в счастливое с нею соперничество. Разумеется, что это произвело роковой удар для сей последней, которая, быв *сама* чрезвычайно убеждена в превосходстве своего

* снова (итал.). — Ред.

** последней степени (лат.). — Ред.

*** Да здравствует дружба! (франц.) — Ред.

дарования, самолюбивее в этом отношении всякой кокетки. Из числа сих грядущих соперниц Александ<ры> Сергеев<ны> можно отличить противу прочих Людмилу Ивановну, родом киевлянку; жаль, что прозвание ее забыто мною, но оно, если не ошибаюсь, припоминает что-то о прекрасной Подолии⁸. Людмила Иван<овна> недавно представила публике одно весьма милое произведение своего искусства, которое только что попало в руки Адел<айды> Ант<оновны>, то сделалось жертвою своевольных ее причуд: она по силе такого-то § устава, утвержденного при заключении ею с своими приятельницами заветного союза, изгрызла зубами и исцарапала ногтями миленькое рукоделье Людм<илы> Иван<овны>. Это бы ничего, ибо Адел<айда> Ант<оновна> сердита, а не сильна, следственно, не может сделать никому вреда; но жаль только то, что некоторые другие магазинщицы, торгующие в Москве, не зная истинной причины такого поступка Адел<айды> Ант<оновны>, почли оный основательным и, может быть, поленясь сами хорошенько разглядеть новую работу Людм<илы> Иван<овны>, распустили о ней неблагоприятные слухи в своих магазинах, основываясь, по-видимому, на мнении Адел<айды> Ант<оновны>⁹.

Надобно заметить еще, что Адел<айда> Ант<оновна> великая проказница. Несмотря на то, что она, как можно судить по ее прозванию, не коренная россиянка, она иногда любит щеголять в старинном русском наряде, который (повторяем, что мы люди беспристрастные) иногда идет ей весьма к лицу и делает ее довольно миловидною¹⁰. Недавно один проказник, записной умник, вроде метафизика Хемницера, увидев на ней русскую душегрейку, до такой степени влюбился в Адел<айду> Ант<оновну>, что пришел в иступление и в метафизическом бесновании своим проговорил ей длинную кудряво-нескладно-похвальную речь (которой, разумеется, никто не понял и которая вскружила голову Адел<айде> Ант<оновне>, ибо она отвечала ему столь же огромною и столь же нескладною речью) и назвал эту душегрейку — каким именем, думаете вы? не отгадать вам — *душегрейкою новейшего уныния!*¹¹ — «Эка притча!» — воскликнут люди нехитрые. — Между тем Адел<айде> Ант<оновне> часто приходит в голову наряжаться в греческий костюм, в котором она крайне курьезна и *манерна*¹²: авось найдется еще какой-нибудь рехнувшийся шеллингист, который для образца новейшей бессмыслицы опишет ее и в этом наряде.

Объяснив вам подробно об Адел<айде> Ант<оновне>, приступлю теперь к описанию того случая, который был поводом к сочинению этой статьи. Адел<айда> Ант<оновна> не так дальновидна, распорядительна и трудолюбива, чтоб быть ей самой содержательницею магазина, и потому на сих днях она попала в такой просак, который очевидно обнаружил ее простоту. Впрочем, в этом последнем обстоятельстве упрекать ее грешно или, по крайней мере, не должно, ибо мать-природа создает нас таким образом, как ей хочется: следственно, в чем мы тут сами виноваты?.. Хотя и есть при Адел<айде> Ант<оновне> однамышленная мастерица, по имени Василиса Михайловна Китова¹³, которую она нанимает для соблюдения всегдашней исправности в своем магазине; которую она во всем руководствуется и считает за благо следовать просвещенным ее советам, совершенно надеясь на ее сметливость и якобы отличное знание своего дела, — но и на Вас<илису> Мих<айловну> часом находит, как говорится, столбняк. Эта

Вас<илиса> Мих<айловна> за несколько пред сим времени жила в магазине М. И. Крупиной и Э. В. Критиковской также в звании мастерицы, но за чрезмерное требование себе жалования (за такие труды, которых не творила, и за такие способности, которых не имеет), за великое хвастовство о своих знаниях и за некоторые несправедливые дела — получила от них увольнение с не весьма одобрительным аттестатом и поступила во вновь открывшийся магазин Адел<айды> Ант<оновны>, которая, по вышесказанным причинам, имела в ней необходимость. Вас<илиса> Мих<айловна> востребовалась для нее как такая особа, которая может заменить собою нечто вроде секретаря, подобного тому секретарю, о коем гласит известная басня знаменитого нашего И. А. Крылова под названием «Оракул», — секретаря, при коем, как говорит почтенный баснописец,

будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Хотя полного смысла сей басни и не должно относить к Вас<илисе> Мих<айловне>, ибо она не имеет такого великого ума, какой нужен для секретаря, о коем говорится в сей басне, могущего творить своего судью *умным*, — но как здесь дело идет об Адел<айде> Ант<оновне>, то в этом случае может служить достаточным пояснением нашей речи следующая простонародная русская пословица: *по Сеньке шапка!*

Адел<айда> Ант<оновна> с самого открытия своего магазина объявила себя неприятельницею М. И. Крупиной, Э. В. Критиковской и М. А. Лесной. Почти каждый тот день, когда отворяется магазин ее для всей публики (ибо она не ежедневно торгует в нем, но, кажется, в течение пяти дней отворяет его один только раз¹⁴), она всем и каждому твердила об их заветной дружбе, об их кривых толках, об их неблагонамеренных действиях, и т. п. Показывая какое-то холодное к ним презрение, Адел<айда> Ант<оновна> беспрестанно кричала о себе, что она нимало не дорожит их дружбою, что она вовсе никого из них не боится; но между тем чувствовала совершенно противное, искренно желая, чтоб они поссорились между собою, и сама тайно приискивала удобное к тому средство, чем и не преминула воспользоваться: жаль только, что невпопад. Вот каким образом это обнаружилось. М. И. Крупина недавно говорила в своем магазине одну странную речь, в которой каждое слово имело совершенно противный смысл и в которой она намекнула о приятельнице своей, М. А. Лесной. Что слова М. И. Крупиной были сказаны не в укор, а в похвалу М. А. Лесной, то это всякий ребенок удобно понял; но кто же виноват, что Адел<айда> Ант<оновна> одарена остроумием особенного рода, *ей только свойственным?*.. Она приняла эти слова за серьезные и, Боже мой, как обрадовалась!.. Вот теперь-то (думала она) исполнилось мое желание: Крупина и Критиковская начали браниться с Лесною. Слава тебе, Господи!..

В этом мнении, чтобы Крупину и Критиковскую поссорить с Лесною, а самой с нею помириться (вот характерец Адел<айды> Ант<оновны>: прямо бабий!), Адел<айда> Ант<оновна> приехала к сей последней и начала ее уверять, что Крупина и Критиковская бранят ее. Этим самым

начал я статью свою, любезные читатели. (См. «Мерк<урий>». № 49, стран<ица> 194.)

— Помилуй, матушка! С чего ты взяла это? — сказала М. А. Лесная, удивленная и речью и внезапным посещением неожиданной гостьи.

— Как с чего? — вскричала Адел<аида> Ант<оновна>. — Вот слова Крупиной, которые, как бомба, пущенная в неприятельский стан, возвестили крутой и неожиданный разрыв вашей дружбы. Крупина говорила: «Некто Матрена Лесная, в творческом пылу о дарованиях своих возмечтав» и проч. и проч. Разве это тебе не обидно?.. Я понимаю, что Крупиной, как женщине, пользующейся некоторым вниманием, невозможно было из уважения к себе и посетителям своего магазина не сказать наконец искреннего о тебе мнения своего; понимаю также в этом отношении и совестливое молчание твое о последней работе Критиковской, которое, вероятно, также скоро разорвется нечаянною бомбою; но во всяком случае, вследствие правил, уже несколько раз мною объявленных, я не одобряю непристойных выходов, хотя бы предметами оных были и такие люди, коих мнения и действия в совершенном противоречии с моими..

Адел<аида> Ант<оновна> не успела кончить речи своей, как прервал ее общий хохот многочисленных слушателей, бывших в магазине.

— Ах ты, сплетница! — вскричала М. А. Лесная. — Что ты глупее себя нашла, что ли?.. Что ты меня вздумала дурачить?..

— По моему мнению, матушка Матрена Алексеевна, — возразила Адел<аида> Ант<оновна>, — нельзя позволить себе сказать: *некто* Матрена Лесная; это неприлично, невежливо. Можно осуждать мастерство твое, но надобно иметь уважение к твоему лицу.

Общий хохот более и более увеличивался.

— Ах ты, сплетница — вскричала М. А. Лесная, всплеснув руками. — Так это ты принимаешь за серьезное?

— А как же иначе?.. — отвечала простодушно Адел<аида> Ант<оновна>.

М. А. Лесная вынуждена была просить посетителей своего магазина хоть на минуту прекратить свой хохот, чтобы можно было ей договорить с Адел<аидой> Ант<оновной>.

— Ах ты, простенькая, — сказала она, — какая ж кому надобность образумлять тебя. Думай, пожалуй, что себе хочешь. Но о каких ты разглагольствуешь своих правилах?.. Посмотри-ка, сударыня, на себя в зеркальце! — Неужели ты не увидишь ничего?.. Ах, ты, сплетница! отправляйся-ка восвояси.

Говоря сие, М. А. Лесная приходила в большее и в большее негодование и при последних словах своих пришла в такой гнев, что, схватив аршин, лежащий на окне, начала гнать Адел<аиду> Ант<оновну> из магазина. Многочисленные зрители сей комической сцены подхватили все в один голос: «Сплетница! Сплетница!»

Адел<аида> Ант<оновна>, пристыженная, выбежала стремглав из магазина.

Толпа ребятишек, встретивших ее на улице, услышав громогласное приветствие, сделанное ей в магазине, побежали за нею, крича: «Сплетница! Сплетница!..»

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
 «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».
 СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб., в т<ипографии> Деп<артамента> народн<ого> просв<ещения>,
 1830. 57 стр. in 12

Стихотворения А. С. Пушкина в нашей литературе можно уподобить северному сиянию среди мрака полярных стран. Они как бы показывают, что мы еще не совсем умерли, не совсем оледенели для поэзии в глубоком сне поэтических сил наших, которые растут и, может быть, еще с большею прочностью развиваются для будущих поколений, покрытые снегами и ледяными холмами. Наши, ныне мертвые, поля поэзии воскреснут для жаркого лета или, чего еще усерднее желаем мы, отойдут к климатам более благорастворенным и будут в мире поэзии представлять то же, что в политическом мире представляет ныне Британия, некогда бывшая театром буйных дикарей, скотов и бритов¹. Среди нынешних наших льдов и снегов, или, если угодно, среди наших скотов и бритов, Пушкин есть явление утешительное. Жалеем об одном: зачем столь блестящее дарование окружено обстоятельствами самыми неблагоприятными. Освободиться от них очень трудно, если не совсем невозможно. Будь Пушкин в такой литературе, в таком обществе, где все перечувствовано, все объяснено, — все, что обстоятельства заставляют его вносить в свою поэзию, — он стал бы на весьма высокой степени. Конечно, Байрон не увлек бы с собою века, если бы он выражал только то, что соотечественник его читает в Шекспире, или чувствует в парламенте, или презирает в собраниях *фашионеблей*² и на шумных сборищах лондонской черни. Но у нас все это ново, все это нас поражает, как поражают детей вседневные деяния людей взрослых. Мы еще дети и в гражданском быту, и в поэтических ощущениях. Пушкин не может освободиться от русских чувств при взгляде на жизнь общественную, и потому-то он кажется так слаб в сравнении с Байроном, избравшим в некоторых сочинениях своих то же, что представляет нам Пушкин в «Онегине». «Гостиные, девы и модники, герои деревень, городов и балов! Какой подвиг взглянуть на них сардонически!» Вот господствующая мысль в «Онегине», которую, может быть, и сам творец сего романа худо объясняет себе, ибо иначе он увидел бы, что тесниться вокруг нее в семи стихотворных главах утомительно и для него, и для читателей. Первая глава «Онегина» и две-три, следовавшие за нею, нравились и пленяли, как превосходный опыт поэтического изображения общественных причуд, как доказательство, что и наш гордый язык, наши *московитские* куклы могут при отзывах поэзии пробуждаться и составлять стройное, гармоническое целое. Но опыт все еще продолжается, краски и тени одинаковы, и картина все та же. Цена новости исчезла — и тот же «Онегин» нравится уже не так, как прежде. Надобно прибавить, что поэт и сам утомился. В некоторых местах 7-й главы «Онегина» он даже повторяет сам себя. Укажем, для примера, на описание зимы, на изменчивость чувствований, на памятник Ленскому, под которым даже и лапоть плетет, может быть, тот же мужик, который играл роль в 6-й главе. Сверх того, нельзя указать на решительные

повторения, но перевернутых и вместе одинаких намеков и мыслей есть довольно.

Высказав все *зло* о 7-й главе «Онегина», мы с удовольствием заметим, что прелесть стихов в оной, во многих местах сила мыслей и поэтические чувствования показывают неизменность дарования Пушкина. Кто-то сказал, что «Евгений Вельский» есть то же, что «Евгений Онегин»³. Необдуманно сказано! «Евгений Вельский» доказывает только то, как трудно подражать Пушкину: «Вельский» — вздор, а «Онегин» — поэзия. Этого мало: какой-то — видно, умный и благонамеренный человек! — торжественно возгласил, что в «Телеграфе» печатаются пародии на стихотворения Пушкина⁴. Не угодно ли г. возглашателю указать хоть на одну пародию? Или не угодно ли ему самому написать пародию, например, на «Онегина»? А мы отказываемся от этого, ибо до сих пор еще не заметили в Пушкине тех сторон, которые могли бы отражаться в зеркале насмешки. Если в «Телеграфе» и печатаются пародии, если в них и узнают своих детищ некоторые поэты, то из этого не следует, чтобы там же были и пародии на Пушкина. Для пародии надобна какая-нибудь странность, нелепость, что-нибудь смешное, составляющее главный характер пародируемого автора, — тогда его завербуют насмешники. А что г. возглашатель находит странного, нелепого или смешного в стихотворениях Пушкина?

В 7-й главе «Онегина» есть еще один недостаток, случайный. Большая часть ее состоит уже из напечатанных и, следовательно, известных публике отрывков⁵. Кроме того, что не весело встречать в новой книге старое, это показывает, и показывает неоспоримо, что «Онегин» есть собрание отдельных, бессвязных заметок и мыслей о том о сем, вставленных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего свое отдельное значение. Онегин будет поэтический Лабрюер, рудник для эпитафий⁶, а не органическое существо, которого части взаимно необходимы одна для другой.

Не в подкрепление сказанного нами, а просто для угождения читателям нашим выписываем из 7-й главы изображение кабинета Онегина. Вот оно:

Татьяна взором умиленным
 Вокруг себя на все глядит,
 И все ей кажется бесценным,
 Все душу томную живит
 Полумучительной отрадой:
 И стол с померкшею лампадой,
 И гряда книг, и под окном
 Кровать, покрытая ковром,
 И вид в окно сквозь сумрак лунный,
 И этот бледный полусвет,
 И лорда Байрона портрет,
 И столбик с куклою чугунной,
 Под шляпой, с пасмурным челом,
 С руками, сжатыми крестом.

Это напоминание о Наполеоне показывает необыкновенное чувство поэтическое. Наполеон, как оживленный символ и как странное, вековое проявление могущества человеческого и вместе слабости, как оазис, окруженный песками современного ему, должен был найти местечко в кабинете

Онегина, веровавшего в одно то, что среди людей выходит из границ обыкновенных явлений.

И долго плакала она.
Потом за книги принялася;
Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой —
И ей открылся мир иной.
Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтенье разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Манфреда и Жуана,
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно...

Заметив выше сего, что русские чувствования Пушкина не достигают высоты байроновских ощущений, мы тем более убеждаемся, что если бы при своем великом искусстве писать стихи и при своем поэтическом взгляде на предметы наш поэт перешел в русский мир, углубился в отечественное, родное ему, то он сделался бы высоким, оригинальным поэтом. Залогов для исполнения сего у нас довольно, и для осуществления наших желаний, для пользы словесности нашей и для большей славы поэта нужна только одна твердая воля его. Неужели благим желаниям и искреннему упованию суждено никогда не осуществиться?

Н. И. НАДЕЖДИН

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ

ГЛАВА VII, СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПб. В типографии Департамента народного просвещения, 1830.

— Давно ль
Я, кажется, тебя крестила!
— А я так на руки брала!
— А я так пряником кормила!

«Евг<ений> Онег<ин>». Гл. VII, с. 45.

— Дома ли хозяин? — раздался громкий голос в предсени мирной моей каморки, тогда как я, усевшись под окном после обеда, в блаженном бездействии любовался золотым сиянием солнца, разыгравшегося на изнывающем черепе *Патриаршего пруда* с длинного зимнего просонья. — «Дома ли хозяин?» — повторилось снова; и — проказница дверь моя, имеющая похвальное обыкновение отсырывать всегда к весне, отозвалась

одним глухим шумом на мочный удар, данный ей, вероятно, ногою назойливого пришельца.

— Сейчас! сейчас! — отвечал я, приподнимаясь. Но едва только успел встать, как неравное борение между *лицем* и *вещию* кончилось — *романтически*. *Вещь* уступила *лицу*: дверь отпахнулась. И — глазам моим представился незванный и неожиданный гость — залетная птаха... *Тленский*¹.

— Mille diables! — вскричал он, свергая с плеч огрязненный плащ свой. — До тебя, не изломав ноги, не додерешься!

— Mille pardons! — отвечал я, улыбаясь. — Давай-ко руку! Ноги изломать у меня не обо что; но — да позволено будет употребить пародийный тон вашего околотка — но *преткнуться* можно и не *об* одно *гробнице романтического суесловия*²

— Будь проклято это гробнице! — возразил еще громче *Тленский*. — Будь проклято оно и с тобою, нечестивый гробокопатель!

Я. Со мною... Что ты, любезнейший. Что с тобой?.. Да ты, верно, прямо теперь — из конторы «Московского телеграфа»!.. Сядь-ко лучше и *преткни* хульные уста свои этим чубуком, к которому только что приделан новый мундштук. Авось-либо гнев твой развеется с табачным дымом!

Тленский (*севши и затянувшись*). Нет — не развеется!.. ты не отделеешься от меня так дешево!.. Скажи — удовольствовалося ли твое ретивое? Напрадновался ли ты досыта?.. (*Пуская облако дыма с жалкою гримасою*.) Исполнение желаний... поздравляю...

Я. Да объяснись, дражайший! Что это значит? Ты патетизируешь не на шутку... О чем дело?..

Тленский. Как будто не знаешь, притворщик!.. (*Вынимая из бокового кармана лист измятой печатной бумаги и бросая передо мною на стол*.) А это что? А?..

Я (*подымая и развертывая*). Это?.. Да это моя дорогая кумушка — «Северная пчелка»!.. Что ж тут такое? Уж не измена ли «Телеграфу»? Так и это — право — не слишком большая диковина!..

Тленский. Не умничай, а читай — ниже... ниже... Рубрика: «Новые книги»...

Я. Вижу! «Новые книги»... Что ж тут нового?... «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII. Сочинение А. Пушкина...^{***} Bravo! Поздравляю... Давно бы пора!.. (*Складывая листок*.) Ну так что же!.. Чай, сто один пушечный выстрел и торжественная песнь с многократным *виват!*..

Тленский. Так ты действительно ничего еще не знаешь! Читай же далее — и... (*Пускает новое облако дыма*.)

Я (*развертывая опять и продолжая*):

*Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка.*

«Евгений Онегин»». Гл. VII, с. 35.

Ба! какой эпитаф-то! Да еще и из самого «Онегина»!..

* Тысяча чертей! (*франц.*) — Ред.

** Тысяча извинений! (*франц.*) — Ред.

*** «Сев<ерная> п<чела>». № 35.

Тлен<ский> (жалобно). Читай далее...

Я (продолжая). «В № 3 “Москов<ского> телеграфа” на сей 1830 год объяснено нынешнее состояние общего мнения в литературе и, между прочим, сказано: “Ныне требуют от писателей не одной подписи знаменитого имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего”»³. Справедливо!.. Ай! ай!.. ай!.. Что такое... что за чудо!..

Тлен<ский>. Читай далее!..

Я. «Медленное, траурное шествие “Литературной газеты” и холодный прием, оказанный публикою поэме “Полтава” (о которой так остроумно сказано было в № 2 “Вестника Европы”)...» Праведное небо! «Вестника Европы»!.. Да полно — «Пчела» ли уж это?.. Так — она!.. «...так остроумно сказано было в № 2 “Вестника Европы”) служат ясным доказательством, что очарование имен исчезло...» Ну!!!

Тлен<ский> (возвышая голос). Да читай далее!..

Я. «И в самом деле, можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII “Евгения Онегина”? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что это глава VII есть произведение сочинителя “Руслана и Людмилы”, пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листка — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже “Евгений Вельский” кажется чем-то похожим на дело. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète!» И по-русски и по-французски!.. Ну!!!

Тлен<ский> (ударив по столу кулаком с яростью). А! что ты на это скажешь?..

Я. Что я скажу на это?.. Говорить нечего! Само дело говорит за себя весьма ясно...

Тлен<ский>. Так! Я это знал наперед. Тебя это должно было обрадовать!..

Я. Как оправдание моих предчувствий и предсказаний — конечно...

Тлен<ский>. И ты нисколько не трогаясь?..

Я. Боже мой! Да чем тут трогаться! Я знал давно, что этому когда-нибудь... а надо будет случиться!.. Раненько, правда, немножко; ну — да ныне век такой!.. Шагает исполински: совесть и правду хвостом застилает, мелкие приличия — перепрыгивает...

Тлен<ский>. Но — валявшись прежде у ног Пушкина... не умеючи, бывало, налюбоваться малейшею его строчкою... рассыпавшись всевозможными похвалами и ласкательствами целые шесть раз сряду для шести первых глав «Онегина»...

Я. При седьмой почить от трудов своих и запеть другим голосом — это тебе кажется удивительным!.. Вот что, право, забавно!.. Да «История государства Российского» — сей великий труд, слава, честь и украшение России — не шесть, а одиннадцать* раз была предметом слепого, безотчетного благоговения; и в двенадцатый — должна была сделаться целию неистового остервенения, замыслившего воздвигнуть на ее развалинах... мерзость запустения!..⁴ Великое дело — VII глава «Онегина»!.. Ей бы

* Не тысячу ли одиннадцать? *Пр<имечание>* посет<ителя>.

должно было еще гордиться приглашением испытать судьбу творения бессмертного, великого... пускай она ее вынесет!..

Глен<ский>. И от кого же?

Я. Стало быть — ругательства «Московского телеграфа» тебе кажутся почетнее ругательств «Северной пчелы»!.. Погоди немножко! Дойдет черед и до них... Флюгер этой каланчи⁵ уже передудло. Мы хотя люди и темные, но понимаем довольно ясно, кто в *телеграфском* райке освистывается под именем *Пустоцветова*, из поэмы коего, именуемой якобы «Курбский», предложены были нам такие занимательные отрывки!..⁶ Это достойная награда тому, который, бывало, безотговорочно и безостановочно ставил на заказ приветные словечки для друзей и остренькие пикульки для неприятелей всего *телеграфского* околотка!..⁷ Зрелище, конечно, поучительное и назидательное! Sic transit gloria mundi!..*

Глен<ский>. Провались ты с своей проклятой латынью! Это ты — всему злу причину! От тебя сыры боры загорелись!..

Я. От меня!.. Извини, любезнейший!.. По крайней мере, я и не думал зажигать их... Чего доброго можно ожидать от этого пожара, кроме курного дыма, который выест всем глаза, и черной смолы, которая ко всему прилипает и все марать станет... Я дожидался, напротив, спокойно, пока они сами собой посохнут и переведутся...

Глен<ский>. И однако — не из твоего ли арсенала взято оружие, коим изменническая рука замышляет поразить «Онегина»? Дай мне сюда листок! — «Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился за Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину!..» — Чьи это мысли? Чей язык — *traître qui tu-es?*..**⁸

Я. От мыслей не смею отказываться; в язык — уже не вступаюсь! Признаюсь, однако, искренне, что мне не хотелось бы слышать повторение их там, где самая чистая истина тратит свою цену. Так — может быть, и правда, что VII глава «Онегина» хуже *шести* прочих. Талант — особенно не закупоренный печатью истинного образования — скоро очень выдыхается. Но — я весьма сомневаюсь, чтобы в сравнении с нею «*Евгений Вельский*» казался *чем-то похожим на дело*». Статься может, что в ней нет ни одной светлой и глубокой мысли, ни одного теплого и благовоного чувствования; но — чтобы не было «*ни одной картины, достойной воззрения...*» Это для меня непостижимо! Правда — я не понимаю еще порядочно, что такое значит: *картина, достойная воззрения*. По нашему простому понятию, воззрение есть такое действие зрительного нерва, коим совестно скупиться даже для лубочной картинки. Да и давно ли «Северная пчела»

* Так проходит мирская слава!.. (лат.) — Ред.

** предатель, кто ты? (франц.) — Ред.

стала дорожить своими *воззрениями*? С каким рабским подобострастием *взирала* она еще недавно на самую ничтожную блестку, кинутую *Пушкиным* в «*Радугу*»?⁹ Не мерещилось ли ей, что она-то одна и составляет всю поэтическую лучезарность сего мглистого метеора?.. А теперь!.. из того же дупла — о тех же вещах — и какие вести!.. Правда — повторю опять, — может быть, VII глава слишком уже...

Глен<ский>. Уверяю тебя, что нет!.. совсем нет!.. Прочти только — и ты увидишь, что гений великого поэта, *представителя современного человечества на небосклоне отечественной нашей словесности*¹⁰, остался и здесь себе верным! Это перло достойно быть внизаемым в драгоценное ожерелье «*Онегина*» — честь и красу нашей поэзии! *Пушкин*, несмотря на пошлое жужжанье безжаленной «*Пчелы*», всегда и везде пребывает *Байроном!*..

Я. Вот то-то и дело... Зачем повторяешь ты эти высокопарные *телеграфские* фразы, которые только что могут извинять в глазах строгих ревнителей истины это ожесточение против *Пушкина*? Поднимать выше, нежели где можно держаться, значит — заставлять падать больше!.. И это именно случается теперь с *Пушкиным*, коего талант заслуживал бы лучшей и почтеннейшей участи!.. ты и подобные тебе — вы самые лютейшие враги его! Превышающими всякую меру хвалебными взывами вы забросили его за облака и, не ссилив поддержать там, — уронили в преисподнюю! Верно, плохо вы читали прекрасную басню *Крылова* о *пустыннике* и *медведе*, начинающуюся сими прекрасными, поучительными и назидательными стихами:

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай Бог с дураком связаться:
Услужливый дурак опаснее врага!¹¹

Глен<ский> (*сердяся*). Так тебе бы — по-твоему...

Я. А почему ж — и не по-моему?.. Никто, может быть, более меня не возмущается своеволием, с каковым певец «*Руслана и Людмилы*» грязнил часто лучшие свои изображения; и, однако, я первый готов сказать и ныне и после, что из-под его — истинно *своенравной* — кисти выпадали нередко — не скажу *картины* — *картинки*, на которые нельзя не засмотреться. Талант *Пушкина* я признавал всегда — *талантом*: и как больно было видеть это сокровище — иждиваемым всеу... в угождение ветреному легкомыслию... на посмешище здравому вкусу!.. Еще можно было, однако, надеяться, что время и опытность угомят это резвое скакание разгульной фантазии. Певец «*Руслана и Людмилы*» мог выработать из себя — русского *Ариоста*. Эта необузданная шаловливость воображения, помыкающая природою как игрушкой и уродующая безжалостно ее стереотипные пропорции, как бы для потехи над ее педантической чиновностью и аккуратностью, что могла бы произвести, если б заключилась в пределах эстетического благоразумия?.. Но... не тут-то было!.. По несчастью, юный талант был замечен слишком скоро, оценен слишком опрометчиво. Наша добродушная публика при виде нового литературного явления, пришедшегося ей совершенно по плечу, — разахалась от удивления; а услужливые прихлебатели, снискивающие себе насущное пропитание громогласным подтакиванием общему мнению, не умедлили переложить эти *ахи* и *охи* в пышные возгласы, составленные из

высокопарных фраз, вытянутых со грехом пополам из иноземных программ и журналов. Явление «Бахчисарайского фонтана» — снабженное лихим *предисловием* от известного автора *предисловий* к приятельским сочинениям¹² — произвело такую тревогу в нашем литературном муравейнике, какой не производила в Германии *Клопштокова* «Мессиада»¹³. Загорелась жестокая война на перьях; и *предисловищик*, изувеченный смертельно стрелами логики, изнесен был с поля сражения под щитом «Дамского журнала»¹⁴, купив, однако, своей неудачей *Пушкину* — почетное имя *романтического поэта*. Вскоре выстроился «Телеграф», зажужжала «Пчела». И тот, и другая наперерыв старались расхваливать *Пушкина*, дабы прикрыть его *романтической* славой *антиклассическое* невежество. Таким образом, слава *Пушкина* — если только можно назвать так молву, скитающуюся по гостиным и будуарам на крыльях журнальных листков, вместе с модами и известиями о *лебедянских скачках*,¹⁴ — слава *Пушкина* созрела прежде, нежели он сам успел развернуться. Его огласили великим гением, неподражаемым поэтом, представителем современного человечества, русским *Байроном* — вероятно, прежде еще, чем он узнал о *Байроне*. И кто Богу не грешен, кто Евве не внук!.. Можно ли быть слишком строго и взыскательну к молодому поэту за то, что он имел слабость — столь простительную нашей бедной человеческой природе — поверить безрассудным ласкательствам, вокруг него раздававшимся?.. *Пушкин* возвышается еще бесконечно над теми, кои сами себя нахально выдают за *Кузены* и *Гизотов*, думая заполнить общее мнение бесстыдною дерзостью¹⁷. Его зачадили дымным куревом невыслуженной славы: *обайронили* насильно; и он, увлекаясь своей слишком талантливой звездой, начал и в самом деле *байронить*... бесталанно!.. Но — лишь только выбился он из своей колеи, как и стало кидать его во все четыре стороны.

На славу!

По камням, рытвинам: пошли толчки, прыжки!
 Левай, левай! И... бух в канаву!
 Прощай, *прекрасные стишки!*¹⁸

Тлен<ский>. И ты осмеливаешься еще говорить, что уважаешь талант *Пушкина*... нечестивец!..

Я. Да! Уважаю! Уважаю — несравненно более, чем невежды, которые хвалят его понаслышке... чем вертопрахи, которые хвалят в нем самих себя... чем *барышники*, которые собирали жидовские проценты с наемных похвал

* Не одни, впрочем, ласкательства слышал оп; голос истины раздавался и прежде немолчно. В «Вестнике» Европы» за 1824 год (№ 1, страница 71), по случаю представления на театре известной пьески, под пышным титулом кантаты, «Черной шали», отдана была ее автору более чем должная справедливость; по там же немногие вопросы указывали и настоящее место ему на Парнассе: «Где *mens divinior*? Где *os magna sonaturum*?» <Где божественный дух? Где уста, вещающие великое? — лат.>¹⁸. Батарся, кажется, немудреная; а какой сильный заряд электричества мгновенно пробсжал тогда через всю фалангу романтиков, истинных и мнимых? *Примечание* > одного посетителя>. — А зачем не приложено было русского перевода к латинским выражениям? Ведь известно было уже и тогда, что *латынь* для наших литературных крикунов то же, что тарабарская грамота! *Примечание* > другого посетителя.

своих, поддерживая на литературной бирже курс достоинства *Пушкина* — из собственных расчетов и видов!.. Давно ли слышали мы от людей — и притом тех, которые, бывало, крикивали больше всех и громче всех, — что на *Пушкина* была... *мода* — и что теперь сия *мода* начинает изживать век свой?.. Не есть ли это торжественное признание, что им торговали доселе, как модной вещицею!.. О tempora!* Одно только разве может утешить нашего поэта в столь унижительном оскорблении, что оно досталось не одному ему!.. Нам тоже без всяких обиняков говорено было, что и на *Наполеона* была *мода*, которая также кончилась. *Мода* — на *Наполеона*!.. О стыд разума человеческого!.. Я весьма далек от того, чтобы сравнивать *Пушкина* с *Наполеоном* иначе, как только в шутку; и очень жалею, что позволил себе однажды это ироническое сравнение**, которое теперь переиначено так некстати и не у места.¹⁹ Несмотря на то, я нахожусь теперь вынужденным сказать, что достоинство *Пушкина*, точно как и *Наполеона*, не должно и не может зависеть от прихотей *моды*!.. *Мода* может быть на «Телеграф», на «Ивана Выжигина»... на «Дмитрия Самозванца»²⁰ — да и то разве в провинциях!.. Но стихотворческий талант *Пушкина* есть сокровище неподдельное, с которого цена никогда спастись не может! Не усиливайся только он придавать ему фальшивого блеска — насильственной примесью веществ чуждых!.. Ввались опять в свою колею — иди своей дорогою; и я уверен, что *Пушкин* заиграет опять блестящей звездой на горизонте нашей словесности...

Глен<ский>. Что ж, по-твоему, должен он теперь делать?..

Я. Разбайронитесь добровольно и добросовестно! Сжечь «Годунова» и — докончить «Онегина»...

Глен<ский>. Так поэтому «Онегин» тебе нравится...

Я. Что идет, как следует, то не может не нравиться...

Глен<ский>. Ну! Слава Богу! По крайней мере это гениальное произведение...

Я. Успокойся, успокойся! Совсем не гениальное! Я и не думал так называть его...

Глен<ский>. Как?..

Я. Да так!.. Тыфу пропасть! Какой бестолковый! Разве одно только гениальное может нравиться? Мне нравится теперешняя твоя прическа, сообщающая голове твоей необыкновенный *романтический* рельеф; и однако — сам ты, верно, не назовешь ее гениальным произведением...

Глен<ский> (*вскакивая*). Ты ругаешься надо мною — ты издеваешься — ты бесчестишь *русскую словесность*!.. Как?.. Возможно ли сравнивать поэтическое произведение с прическою...

Я. Почему же не так?.. Ныне рядят муз в *душегрейки*²¹: стало быть, можно их и *причесывать*?.. И что если бы мне вздумалось в каком-нибудь привилегированном *альманачке* наименовать «Онегина» буколькой... буколькой из роскошного локона, хотя бы *десятой* музыки?..²² Меня бы занесли за облака похвалами... не правда ли?..

* О времена!.. (*лат.*) — *Ред.*

** См. «Восстание» Е. Вороны», № 2, с. 164.

Глен<ский>. Букольной из роскошного локона десятой музы — это дело другое... Но почему ж один только «Онегин» — а не вместе и все другие произведения *Пушкина*?..

Я. Потому что в одном «Онегине» только — после «Руслана и Людмилы» — вижу я талант *Пушкина* на своем месте... в своей тарелке. Ему не дано видеть и изображать природу поэтически — с лицевой ее стороны, под прямым углом зрения: он может только мастерски выворачивать ее наизнанку. Следовательно — он не может нигде блистать, как только в *арабесках*. «Руслан и Людмила» представляет прекрасную галерею физических *арабесков*; «Евгений Онегин» есть *арабеск* мира *нравственного*...

Глен<ский>. То есть — урод, говоря проще...

Я. Именно — урод... но образованный эстетически...

Глен<ский>. Теперь я вижу, что ты уважаешь талант *Пушкина*... Вижу...

Я. И странно бы было, если б ты не видел. Удивительно — право, удивительно! По вашему мнению, нельзя иначе выразить своего уважения к поэту, как присоседивши его к *Шекспиру*, *Данту* или *Байрону*! Как будто бы на поэтическом ристалище одни только сильные, могучие атлеты, с богатырской силой и колоссальными мышцами, могли иметь право на венцы и рукоплескания!.. *Скаррон* и *Пиррон*, *Берни* и *Аретин* умели смешить поэтически и — пригрели себе порядочное местечко на Парнасе. Не говорю уже об *Аристофане* и *Апулее*, *Ариосте* и *Вольтере*, *Свифте* и *Виланде*, истощавших гений свой на построение чудных *гротесков*, коим долго-долго жить и пережить многие великолепные здания! Неужели ж для певца «Онегина» оскорбительно, если я предскажу ему ту же судьбу и — ту же славу?..

Глен<ский> (*почесывая затылок*). Оно, конечно, так... но...

Я. Но?.. Что еще?..

Глен<ский>. Но... ты еще не читал VII главы «Онегина»... Там нашел бы ты — право — не арабески...

Я. И тем хуже... Стало быть, *Пушкин* не верен самому себе — вероломен к своему таланту...

В это время послышался тихий шелест шагов в моей передней. Я обратился к отворяющейся медленно двери и — бросился обнимать другого неожиданного гостя... моего любезнейшего *Пахома Силича*²³. Это был он сам — своею почтенною персоною.

— Вы ли это, дорогой мой! — вскричал я, усаживая доброго старика, запыхавшегося от дальней дороги и высокой лестницы.

— Кому ж, кроме меня! — отвечал он, улыбаясь. — Никто, верно, не захочет мною нарядиться — даже и для домашнего маскарада. Ну — как вы поживаете?..

Я. Понемножку, почтеннейший, понемножку. А ваше здоровье... здоровье доброй вашей старушки?..

П<ахом> *<Силич>*. Как нельзя лучше по-стариковски. Бредем тихонько.

Я. Верно, однако, не отстаете от хода дел любимой вами словесности...

П<ахом> *С<илич>* (*отирая пот с лица*). Да для того, кажется, и не нужно особой прыткости...

Я. Вы шутите! «Московский телеграф», шагая исполински, едва может за нею угнаться...

П<ахом> С<илич>. Ах! Боже мой! Блоха и за черепахою должна прыгать; а все — назади остается!..

Я. Позвольте, однако, испытать вас. Знаете ли вы о приятной литературной новости? VII глава «Онегина» явилась...

П<ахом> С<илич>. Я несу теперь ее обратно в библиотеку *Ширяева*...²⁴

Я. О! о! Стало быть, вы меня уже перегнали. Ходки, ходки, *Пахом Силич!*.. Итак — книжка с вами — дозволейте взглянуть мне, по крайней мере...

П<ахом> С<илич> (*вынимая из бокового кармана*). Вот она! Вот наше литературное нещичко²⁵, которого мы насилу дождались!..

Глен<ский> (*стремительно вмешиваясь в разговор*). Так, следственно, не мы одни дожидались «Онегина»!.. Слышишь?.. (*К Пахому Силичу*.) О, почтеннейший! Я не имею чести знать вас! Но я вас уважаю! Я — благоговею пред вами!..

П<ахом> С<илич> (*улыбаясь*). Благоговение, дешево купленное, дешево и пропадает. Я еще не умею объяснить себе, чем я мог возбудить в вас столь высокое чувство...

Глен<ский>. Вы дожидались «Онегина» и — довольно!..

Я (*перевортывая книжку*). Да кто ж его не дожидался! Признаюсь, однако, при виде на эту книжечку мне становится жутко: не обманулись ли, полно, многие ожидания! *Пахом Силич!* Вы изволили прочесть ее. Позвольте угостить вас «Северною пчелою».

П<ахом> С<илич>. Много доволен вашею милостью! Не стоит благодарности!

Я. Но я желал бы слышать ваше мнение о приеме, который сделала она VII главе «Онегина»! Почитайте и — подивитесь!

П<ахом> С<илич>. Я уже читал и — дивился...

Я. Что же вы, однако, скажете о хулах, которые на нее изрыгнуты? Имеют ли они *предлежательное* основание? Неужели в самом деле эта VII глава так далеко отстала от *шести* прочих?..

П<ахом> С<илич>. Ничего не бывало! Глава как глава! «Онегин» как «Онегин»!

Я. Стало быть, эти выражения: *ни одной мысли, ни одного чувствования, ни одной картины*...

П<ахом> С<илич>. Той же пробы и того же достоинства, как и те, кои ставливались прежде вместо их: *северный Байрон, представитель современного человечества*...

Я. Но — поэзия *Пушкина* и прежде не роскошна была *мыслями и чувствованиями!* Разве не разбогател ли он недавно? Не дался ли ему философский камень?..

П<ахом> С<илич>. Ну! этого неприметно.

Глен<ский>. Как неприметно! Пожалуйте мне книжку, и теперь — слушайте внимательнее эту строфу:

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной

Мы увяданье наших лет,
 Которым возрожденья нет?
 Быть может, в мысли нам приходит
 Среди поэтического сна
 Иная, старая весна,
 И в трепет сердце нам приводит
 Мечтой о дальней стороне,
 О чудной ночи, о луне... (<стр.> 9, 10)

Это не мысли? Не глубокие — поэтические мысли?..

Пр<ахом> С<илич>. Что-то похоже на мысли; но — кто поймет их?
 Первое предположение:

Или, не радуясь возврату
 Погибших осенью листов,
 Мы помним горькую утрату,
 Внимая новый шум лесов —

завивает в себе действительно мысль, и — мысль оригинальную, представляющую новый способ решения одной из труднейших задач сердца человеческого. Скажу более: от ней пахнет даже *байронизмом*; ибо *Байрон* только мог жалеть о *весне* как об *утрате зимы*. Но кому удастся скоро добраться до настоящего ее смысла сквозь темную чащу слов, сплетенных так неудачно?.. Второе же — скажем словами самого поэта — есть

*старая весна,
 Среди поэтического сна,*

пришедшая ему в мысли и заставившая его спросонья пробормотать несколько невнятных звуков, кои исчезли наконец в неудачном подражании *Жуковскому!*.. в давно тертой и истертой *мечте*

о дальней стороне,
 О чудной ночи, о луне...

И кто знает — может быть, о той *глупой луне*, которую поэт наш видел некогда на *глупом небосклоне!*.. Нет! воля ваша! а *Пушкин* — не мастер мыслить!..

Тлен<ский>. А изображение *современного человека*? Послушайте:

Два-три романа,
 В которых отразился век
 И современный человек
 Изображен довольно верно
 С его безнравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмерно,
 С его озлобленным умом,
 Кипящим в действии пустом (<стр.> 24, 25).

* Не опечатка ли? *Пр<имечание> соч<инителя>*.

И это не мысль?

П<ахом> С<илич>. Мысль — да не своя! Это общее место, развитое довольно порядочно. И — только!..

Глен<ский>. Так вам, верно бы, хотелось выслушать здесь полный курс метафизики! Вспомните, что «Евгений Онегин» роман, а не учебная книжка! Душу поэта составляют чувства, а не мысли...

П<ахом> С<илич>. *Безмысленные чувства!* Это — диковинная поэзия... Где ж, однако, сии драгоценные редкости! Дайте нам ими полюбоваться!..

Глен<ский>. Извольте слушать.

На ветви сосны преклоненной,
 Бывало, ранний ветерок
 Над этой урною смиренной
 Качал таинственный венок.
 Бывало, в поздние досуги
 Сюда ходили две подруги,
 И на могиле при луне,
 Обнявшись, плакали оне.
 Но ныне... памятник унылый
 Забыт. К нему привычный след
 Заглох. Венка на ветви нет;
 Один, под ним, седой и хилый
 Пастух по-прежнему поет
 И обувь бедную плетет (<стр.> 12, 13).

Неужели и здесь черствая, с позволения сказать, душа ваша — ничего не слышит?..

П<ахом> С<илич>. Слышит подражание прекрасному заключению красной мессени Казимира Делавиня о Наполеоне:

Et le pêcheur le soir s'y repose en chemin;
 Reprenant ses filets qu'avec peine il soulève,
 Il s'éloigne à pas lents, foule ta cendre, et rêve...
 A ses travaux du lendemain.*²⁶

Слышит и — невольно делает шаг от *великого* к *смешному*... столько близкий, по выражению воспеваемого Делавинем героя!²⁷ И заметьте, как надорвался поэт, разродившись этим заимственным чувством! У него недостало духу на целые две строфы; и вы видите две крупные римские цифры:

VIII. IX,

означающие очень ярко пустоту, следовавшую за столь чрезмерным напряжением.

Глен<ский> (*разгорячаясь опять*). Черт меня возьми! Так зачем вы ругаете «Северную пчелу»? Ворон ворону глаз не выклеывает. Если в VII главе «Онегина» нет ни *мыслей*, ни *чувств*, что же есть в ней?..

* И рыбак отдыхает здесь вечером по пути;
 Вновь взяв свои сети, которые с трудом поднимает,
 Он медленно удаляется, попирает твой прах и думает...
 О своих завтрашних трудах (*франц.*). — *Ред.*

П<ахом> С<илич>. *Картины*, и — *картины* прекрасные. Вот что составляет истинное достоинство *Пушкина*, не уроненное им и в VII главе «*Онегина*»!..

Глен<ский>. Ваш приятель не находит, однако, и *картин* у *Пушкина*, а только — *картинки*!..

П<ахом> С<илич> (*посматривая на меня*). Экий строгий *Аристарх*!²⁸ Весь в батюшку!.. (*К Гленскому*.) Но позвольте оправдать пред вами *Никодима Аристарховича*. Уменьшение, которое он позволил себе употребить, говоря о *картинах Пушкина*, означает, может быть, льстивую приветливость таланту поэта; но нисколько не уменьшает его достоинства. На прекрасную *картинку* не меньше потребно мастерства, как и — на хорошую *картину*!

Глен<ский>. Это — лукавая только увертка... не более! Я понимаю очень хорошо вас и вашего приятеля...

П<ахом> С<илич>. Совсем не увертка. Что есть *поэзия*? Живопись природы!.. Ее достоинство, следовательно, должно состоять в верности, живости и красоте изображений, в коих она ее представляет. Но природа есть беспредельное здание, проникнутое одним духом во всех бесчисленных частях своих. В ней везде жизнь — везде поэзия! Величественные Альпы и мшистый камень — равно говорят воображению; только один нашептывает то, что другие проповедуют велегласно. Не в одном только грозном рокоте грома слышится эхо вечной гармонии, одушевляющей вселенную; ухо чуткое чует ее и в щебетании ранней ласточки, и в жужжании вечернего жука, и в чиликаньи запоздалого кузнечика. Пусть поэзия изображает нам верно то, что видит и слышит в природе! Будут ли то *картины* или *картинки*... до формата нет нужды...

Я. Пахом Силич! Пахом Силич! Не увлекитесь слишком далеко!.. Я боюсь, чтобы знаменитый мадригал на *прыщик Делии*²⁹ не заслужил от вас названия поэтической миниатюрной *картиночки*...

П<ахом> С<илич>. *Лубочной*... почему не так?.. Но — и *прыщик* может иметь поэтическое достоинство... не на прекрасном личике *Делии*, а на красной роже кухарки *Аксиньи* — в карикатурном зрелище: ибо он там может возбуждать *поэтический* смех... основание *комического* услаждения!.. И это ничуть не низко для поэзии! Ибо если сама природа забывает иногда свою важную степенность до того, что пародирует саму себя подобными уродливостями, то почему и поэзии, как верному ее зеркалу, не позволить себе удовольствия их передразнивать?.. Лишь бы только это удовольствие было невинно и не выходило из должных границ уважения, коим она обязана всегда природе и самой себе!.. Будь поэзия как природа! Изображай *червячков*, но — *светящихся*, коих природа сама развешивает торжественно по древесным листам, как бы для потешной иллюминации; а — не копайся в навозе, чтобы отрывать там гнусных насекомых, утаиваемых ею самою от человеческих взоров! Заставляй улитку высовывать рожки; но не срывай с нее скорлупы, прикрывающей ее отвратительную уродливость!.. Я буду всегда любоваться подобными *картинками*, сколь ни мелочны они кажутся...

Я. Но какое ж будут иметь они поэтическое значение?..

П<ахом> С<илич>. Значение *забавной болтовни* — и этого довольно! Знаменитый наш поэт сказал некогда, говоря о *сказке*:

Но все ли одного полезного искать?
 Для сказки и того довольно,
 Что слушают ее без скуки, добровольно;
 И может иногда улыбку с нас сорвать!³⁰

Такие *сказки*, право, дороже иной *истории* целого *народа!*³¹ Я улыбнулся горько, начитавши в этом же самом нумере «Северной пчелы» чудную выходку против двух прекрасных стихшков, выдернутых из VII главы «Евгения Онегина»:

Был вечер. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жук жужжал (<стр.> 18).

Наша «Пчелка» насмешливо называет бедного *жука*, о котором здесь говорится, новым действующим лицом романа; и дожидается, не покажет ли по крайней мере он в себе характера!.. Бедняжка! Она не примечает, что эти два слова:

Жук жужжал —

обрисовывают характер нового действующего лица, если только можно так назвать бедное насекомое, гораздо лучше, вернее и полнее, чем четыре полновесные тома — характер *Димитрия Самозванца*³², и что эти две строки имеют приличнейшее место и производят успешнейшее действие в VII главе «Онегина», чем длинный эпизод *Калерии* в так называемом новом *историческом романе!*³³

Глен<ский>. Но оставьте этого *жука* в покое!.. В VII главе «Онегина» сыщется довольно *картин*, набросанных истинно поэтической кистью. Например — это описание зимы:

Вот север, тучи нагоняя,
 Дохнул, завыл — и вот сама
 Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
 Повисла на суках дубов;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокруг холмов;
 Брега с недвижною рекою
 Сравняла пухлой пеленою;
 Блеснул мороз (<стр.> 31).

Кажется, право, читаешь оду Державина...

П<ахом> С<илич>. И тем хуже для *Пушкина!* Это совсем не его тон!.. И посмотрите-ка, на что наконец сведено это пышное описание!.. Пожалуйте мне книжку!..

Блеснул мороз. И рады мы
 Проказам *матушки зимы!* (Ib<id>)

Вот и запел опять своим натуральным голосом!.. Но зато и пошло лучше!..

Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдет она зиму встречать,
 Морозной пылью подышать
 И первым снегом с кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь (<стр.> 31, 32).

Эта последняя черта — прекрасна! Я узнаю с ней — деревенскую *Таню!*
Тлен<ский>. Но неужели только...

П<ахом> С<илич>. Нет — не только!.. Две следующие строфы представляют фламандскую *картинку*, довольно верно набросанную

Отъезда день давно просрочен,
 Проходит и последний срок.
 Осмотрен, вновь обит, упрочен
 Забвенью брошенный возок.
 Обоз обычный, три кибитки
 Везут домашние пожитки,
 Кастрюльки, стулья, сундуки,
 Варенье в банках, тюфяки,
 Перины, клетки с петухами,
 Горшки, тазы et cetera (???)...

Это et cetera пора бы и устать повторять беспрестанно!..

Ну, много всякого добра.
 И вот в избе между слугами
 Поднялся шум, прощальный плач:
 Ведут на двор осьмнадцать кляч,

В возок боярский их впрягают,
 Готовят завтрак повара,
 Горой кибитки нагружают,
 Бранятся бабы, кучера.
 На кляче тощей и косматой
 Сидит фореитор бородатый.
 Сбежалась челядь у ворот
 Прощаться с барами. И вот
 Уселись, и возок почтенный
 Скользя, ползет за ворота (<стр.> 32, 33).

Ну, право, хорошо!.. Но — драгоценнейшее сокровище всей этой VII главы есть без сомнения — *описание Москвы*, которое, правду сказать, одно и составляет всю ее поэтическую *реальность*. Это описание сделано истинно *гогартовски!*³⁴ Талант *Пушкина* здесь именно — в своей тарелке!.. Каков, например, этот первый соур-d'oeil*, брошенный им на эту *большую деревню!*..

Уже столпы заставы
 Белеют; вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы,
 Мелькают мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,

* взгляд (*франц.*). — Ред.

Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стая галок на крестах (<стр.> 36, 39).

Не так же ли точно пестреет у нас в глазах, как если б мы в самом деле мчались по *Тверской с Танею*? Не представляет ли это вавилонское смешение беспорядочных и бессвязных слов — живой образ нашей доброй старушки?.. Или далее... потрудимся завернуть вместе с *Таней в переулок к Харитонью!*

К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
В чулке в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились (ib<id>).

Истинно умилительное зрелище!.. А приветственная речь доброй тетушки?

Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она (<стр.> 41).

Право — сам раскашляешься здесь невольно!.. Но — *pes plus ultra** карикатурного изящества есть пародияльное изображение блаженной неизменяемости *московских антиков*, запоздавших от последнего столетия:

У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна.
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп;
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш;
И тот же шниц, и тот же муж;
А он, все клуба член исправный,
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух (<стр.> 43, 44).

* высшая степень (*лат.*). — *Ред.*

Прелестно! Бесподобно!.. Вот где надобно видеть *Москву*, а не в литературных *выжиггах*...³⁵

Я. Но — какое отношение имеют все эти изображения к «Евгению Онегину»?.. На своем ли они здесь месте?

П<ахом> С<илич>. Очень на своем! Прочитайте эпитафию, избранный Пушкиным для этой VII главы:

Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?

Вот текст, на который поэт хотел проповедовать! И не выполнил ли он предположенной себе задачи... Наши *пчелинцы* пропустили это без внимания; и — пустились отыскивать... *вчерашнего дня!*.. Это любимое обыкновение всех неумытых... я хотел сказать — неумытых... критиков «Улья» и «Каланчи»³⁶, воющих при подошве нашего Парнаса!.. На поэте не больше должно взыскивать, как сколько обязался он сам сделать. VII глава «Онегина» назначалась самим творцом своим — повертеть пред нами *Москву* в поэтическом калейдоскопе: это и сделано как нельзя лучше...

Я. Но «Евгений Онегин» назван *романом*. Где ж действие?..

П<ахом> С<илич>. Это правда! Имя здесь не соответствует делу.

Но — что нам нужды до названья?..

В наши времена именами не очень как-то дорожатся. Разве не видим мы бездушных глыб, не имеющих ни жизни, ни движения, величаемых пышными названиями *романов исторических*? Разве не суждено нам было изломить глаз о безобразнейшую и уродливейшую компиляцию, нареченную даже великим именем «Истории»? Итак, пусть «Онегин» величается названием *романа*: так и быть уж!.. Как ни зовись — лишь знай свое дело!..

Я. Но что же он в самой вещи?..

П<ахом> С<илич>. «Евгений Онегин»?.. На мои глаза — это рама, в которую нашему поэту благогорассудилось вставить свои фантастические наблюдения над жизнью, представлявшеюся ему — не с степенного лица, а с смешной изнанки! Сама рама смастерена неудачно; но *картинки*, вставляемые в нее, большею частию — прелестны!.. Они производят вполне эффект, требующийся от подобных поэтических безделок. Их можно слушать

без скуки, добровольно;

И могут *завсегда* улыбку с нас сорвать!..

а иногда — и полный сардонический хохот!.. Пусть поэт наш продолжает тешить нас с таким, ему одному свойственным, искусством! Это нисколько не унижает его таланта! Где жизнь окисает и плеснеет, там поэзия имеет полное право морщиться и гримасничать!.. И — я признаюсь охотно, искренно, что дожидаюсь *семи* новых глав «Онегина» с большим нетерпением и надеюсь от них большего удовольствия — даже большей чести нашей литературе, — чем от *одинадцати* толстых груд *сумбуру*, посвященного Нибуру!..³⁷

Тут подали нам чай, и — разговор обратился на несчастное сумасшествие *Нибура*, загрозившее было ему в самое время пожалования в *первые историки нашего века*. *Гленский* окружал себя беспрестанно густыми облаками табачного дыма; но — на лице его видны были следы стыда и унижения. Примета добрая!..

С Патриарших прудов.
Апреля 5.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
«ЕВГЕНИЙ ВЕЛЬСКИЙ», РОМАН В СТИХАХ. ТРИ ГЛАВЫ

Москва, в тип<ографии> С. Селивановского. 1828 и 1829 г.

В 12^о (в первой главе IX и 44 стран<ицы>; в двух последних 88 стран<иц>)

Думал ли автор «Евгения Вельского», что это его произведение обратит на себя внимание отечественных журналистов, ибо многие из них упомянули о нем?.. Хотя, кажется, все их отзывы неприятны для авторского его самолюбия, — по крайней мере они не почтили труда его молчанием. «Северная» же «Пчела» при осмотре своем 7<-й> главы «Евгения Онегина» нашла, что «Вельский», в сравнении с нею, кажется чем-то похожим на дело¹. Если говорить правду, то 7-я глава «Онегина» в отношении к дарованию Пушкина и к некоторым другим главам сего романа не должна обижаться сравнением с «Вельским», который, вероятно, есть первый опыт своего автора. — «Вельский» по наружности есть двойник «Онегина»: такое же разделение по главам; тот же формат; те же четырнадцатистишные куплеты с одинаким распределением в них женских и мужеских стихов; такие же пропуски некоторых таинственных строф, о коих напоминают красивые римские цифры; даже такое же число стихов на страничках. Разница только в том, что из двух Евгениев один Онегин, а другой Вельский и что каждые два небольшие печатные листика одного похождения должно купить за пять рублей, а похождения другого за пятьдесят копеек, вероятно, не дороже².

Автор «Вельского» предполагал написать пародию на «Онегина»; но, приступив к делу, сбился с своего плана и не достиг цели. Другой важный грех состоит в том, что в его «Вельском» встречаются иногда грубые ошибки против языка. Если б автор имел случай посоветоваться с каким-нибудь хорошим литератором, который принял бы на себя труд исправить недостатки в его стихах, то «Вельский» действительно был бы не дурен. Если справедливые критики находят весьма много плохих стихов в «Онегине», то с равным же беспристрастием должно сказать, что есть довольно много хороших стихов в «Вельском». Не забудьте, что «Онегина» пишет А. Пушкин, а «Вельского» новый поклонник муз, может быть весьма еще юный, коего талант, в последствии времени, может достигнуть до определенной ему зрелости. Мы, с своей стороны, считаем несправедливостью умолчать о том, что в сочинителе «Вельского» находим иногда приятную остроту ума, иногда мысли, и замечаем в нем довольно хорошую способность к авторскому ремеслу. Его стихи часто показывают ту непринужденную легкость, с какою они писаны. Для примера мы выписываем первое открывшееся нам место. Евгений Вельский сел (гл. третья, стран<ица> 49, 50 и 51)

под окно,
 На небо смотрит, и оно
 Безоблачное, голубое...
 И — уж нельзя же пропустить,
 Чтоб и луну не поместить!

Луна! об ней уж сколько пели
 В эклогах, одах и во всем;
 Ее на лире и свирели
 Мы и теперь еще поем.
 Она — урочный час свиданий,
 К ней куча приторных посланий,
 И только сел кто у окна,
 Глядишь — и выплыла луна!
 О ночи бедное светило!
 Уж кто тебя не тормошил*?
 Кому уж луч твой не светил?
 Кто не взывал к тебе уныло?..
 И живописец и поэт —
 Все любят твой приветный свет!..

Ты пребогатое сравненье
 Для всех унылых героинь,
 Затеяливое украшение
 Лугов, лесов, долин, пустынь;
 А сколько видов ей: кровава,
 Томна, печальна, величава,
 Скромна, задумчива, бледна,
 Подчас *лупа*** , подчас красна,
 Порой отрада в грустной доле,
 Ну словом: бедную луну,
 Хотя все ту же и одну,
 Мы все коверкаем по воле,
 И каждый автор, как портной,
 Дает ей цвет свой и покрой.

Если б эти стихи встретились в «Онегине», то рецензент клянется Аполлоном, что беспристрастные критики отличили бы их в числе хороших. Заметьте: даже и в «Онегине»!.. Как хорошо автор исчислил эпитеты, придаваемые луне нашими поэтами!.. И в самом деле, бедной луне некуда от них деваться! —

И так, за что же нам слишком нападать на «Вельского»? Притом и сам автор его говорит (гл<ава> вторая, стран<ица> 44):

Слепушкин,
 Судьбой рожденный для сохи,
 Вдруг вздумал сочинять стихи;
 Положим, он не то, что Пушкин,
 Но на Руси кто чем богат,
 Тем гостя подчивать и рад.

* Наши стихотворцы в самом деле *истормошили* всю луну. Прим<ечание> кор<ректора>.

** Каков Вельский?.. Этим он намекает на знаменитого своего соименника:
 Как эта *глупая* луна
 На этом *глупом* небосклоне... («Евг<сний> Онег<ин>». Гл. III).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»
**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ
 В «СЫНЕ ОТЕЧЕСТВА», В «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ»
 И «МОСКОВСКОМ ТЕЛЕГРАФЕ»**

Чувствуешь невольное недоумение, сравнивая безусловные, гиперболические, приторные хвалы, которые недавно еще воздавались Пушкину в «Сыне отечества», «Северной пчеле», «Телеграфе», с тем, что в сих же самых изданиях печатается о нем с некоторого времени. Сверх того в них говорят о какой-то литературной аристократии, о поэтических триумвиратах, о знаменитых друзьях... Читатель, не посвященный в нелитературные таинства русской словесности, едва ли поймет, что все это значит: напротив, кто несколько лет внимательно наблюдал нашу журналистику, кому судьба доставила случай заглянуть за кулисы сцены, на которой витийствуют наши Лессинги и Шлегели, тому легко и слишком легко разрешить подобные задачи. Но при разрешении их невольно коснешься предметов, вовсе чуждых области письма: итак, заметим только *исторически*, что некоторые журналисты всегда считали приятною обязанностью вооружаться против всякого и всех, дерзающих выступить на одно с ними поприще, и что, к несчастью, Пушкин принимает участие в издании «Литературной газеты».

Теперь рассмотрим, что, собственно, та аристократия, противу которой восстают наши парнасские демагоги? Она дается не рождением, не богатством, не случаем; нет, она приобретается благородными подвигами таланта и успехами, основанными на сем таланте, не могущими существовать без оного. Спрашиваем: что может быть почтеннее? Что г<оспода> журналисты находят тут предрассудительного? — Кроме того, сия аристократия доступна всем и для всех приветлива. Люди с истинным талантом не боятся утратить своих преимуществ, разделив их с другими; человек, возвысившийся силою своих дарований, всегда был и будет естественным покровителем тех, которые силою подобных дарований стремятся возвыситься. Как мало в сем отношении эта аристократия похожа на некоторую олигархию, которая иногда появлялась в литературу, олигархию, составленную из людей бездарных, лишенных и *основательных* знаний, и мыслей не *заимствованных*, и непритворной любви к благородным своим занятиям, людей, которые смотрят на словесность не как на цель, а как на средство; которым обстоятельства, случай, оборотливость доставили способы завладеть некоторыми выгодными ее отраслями; которые, убежденные в своем внутреннем бессилии, в нищете души своей, ежечасно трепещут, чтобы какой-нибудь смельчак, или истинно превышающий их достоинством, или умеющий только еще лучше их пользоваться счастьем, не столкнул их с похищенного ими места!

Поэтические триумвираты, о которых возвещает нам «Телеграф», для нас величайшая загадка¹: мы их никогда не замечали в русской словесности; помним, однако же, что читали о чем-то подобном в давно забытом «Невском зрителе»; но возможно ли воскрешать мечтания, совершенно ложные, молодого, неопытного, как видно по всему, человека, писавшего что-то в 1820 году?² И кто же воскрешает их? Издатель лучшего русского

журнала, писатель, который ни на шаг без немецкого любомудрия ни на шаг без требований высшего совершенства от произведений литературных*.

О выражении «знаменитые друзья» «Литературная газета» уже заметила очень кстати, что это одна из тех милых шуточек, которые время от времени разогреваются нашими журнальными остряками⁴. Впрочем, прибавим, что если подобная дружба точно существует между лучшими нашими писателями, всякий, истинно любящий язык русский и принимающий непритворное участие в успехах отечественного слова, сердечно бы должен ей радоваться. Эта дружба была бы явление прекрасное: в Германии, которую с некоторого времени так часто приводят нам в пример, никто не думал издеваться над дружбою, соединявшею Гете, Шиллера, Гердера и Виланда. Кроме того, благопристойно ли вмешиваться в отношения писателей к писателям, чисто личные, и кто дал г<осподам> журналистам на это право? Пусть они разбирают *сочинения* Ивана, Сидора, Карпа; а читателям вовсе не нужно и не желательно знать, дружен ли или не дружен Карп с Иваном, а Иван с Сидором.

Мы сказали: «*пусть разбирают сочинения*», но вопрос: как разбирать сочинения писателей, стяжавших заслугами своими известность, и полезно ли для словесности отзываться об их слабых даже произведениях так, как «Северная пчела» (см. № 35-й) отзывается о седьмой главе «Онегина» Пушкина? (Впрочем, сию VII главу приостановимся покуда причислить к слабым произведениям, несмотря на восклицание г. критика chute complète!** приостановимся, ибо сами еще не читали ее, а из слов г. критика только видим, что *ему* смерть хочется, чтобы сочли помянутую главу произведением, в сравнении с которым даже «Евгений Вельский» кажется чем-то похожим на дело⁵.) В гражданском, в общественном мире тот, кто приобрел уважение своими заслугами, вместе с тем приобретает право на снисхождение, если он по слабости, неразлучной с природою нашей, и ошибется в чем. Дерзкому мальчишке, который бы вздумал горячиться и кричать в кругу людей благовоспитанных, просто откажут от дому; но мужа почтенного, принесшего долговременную службу пользу отечеству, выслушают, если он с жаром станет утверждать что-нибудь и не совершенно справедливо; не согласятся с ним, станут ему противоречить — но все не забудут, с кем говорят, кого видят перед собою. То же, кажется, должно быть и в мире словесности: творец «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган», «Онегина», «Бориса Годунова», «Полтавы», кажется, мог бы надеяться, что, разбирая и слабое его произведение, станут говорить о нем не такими словами, которые позволительны разве только при разборе нелепицы какого-нибудь школьника, впервые тиснувшего свое детище. Назовите дурное дурным, если бы оно написано было и Гомером и Шекспиром; но не забывайте приличия, не забывайте, милостивые государи, с кем и о ком говорите!

Вышеупомянутая статья в «Северной пчеле» так замечательна и до того переходит за все пределы благопристойности, что не можем не обратить

* Мимоходом заметим, что мы вовсе не порицаем г. Полевого за сии требования, что мы благоволим перед огромным гением Шеллинга, но только жалеем, что г. издатель «Телеграфа» слишком слегка знаком с его философию, слишком мало вникнул в дух оной и слишком часто отказывается от требований своих, когда дело идет о плоских произведениях *некоторых* писателей³.

** совершенное падение! (франц.) — Ред.

на нее внимания всякого благомыслящего читателя. Вот как в своей газете говорит о Пушкине журналист, который в 1824 году, когда еще существовали только «Руслан», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», поэмы, подававшие приятные надежды, *но не более*, называл его *нашим великим Пушкиным*.⁶

«Холодный прием, оказанный поэме “Полтава”, служит ясным доказательством, что очарование имен исчезло, и в самом деле, можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, напр<имер>, глава VII “Евгения Онегина”?.. Эта глава VII испещрена такими стихами и *балагурством*, что в сравнении с ними даже “Евгений Вельский” кажется чем-то похожим на дело. Ни одной мысли в этой водяной главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète!.. В пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину. — Все вводные и вставные части, все посторонние описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтобы можно было печатать такие мелочи...»⁷ Терпения не достаёт выписывать: но да не подумают, чтобы здесь были выставлены самые жесткие, самые, можно сказать, оскорбительные места, — оскорбительные, если бы только поэт, украшение своего отечества, мог быть оскорблен бранью человека, горящего без всяких доводов, без всяких доказательств. Есть в этой статье вещи не в пример еще сильнейшие. Не упоминаем уже об остроумной шутке насчет весьма простой и естественной подробности в описании вечера. «Жук жужжал!» Такое гаерство не рассмешило бы и черни, если бы только чернь читала журналы. Отвращаемся с негодованием от слов: «ныне грустят *так*, а о смерти друзей не беспокоятся»; критик унизил самого себя этим выражением, а ничуть не поэта, которого душа, верно, горячо любит, который о смерти друзей не грустит в печати, потому что есть такие чувства, коих без святотатства нельзя выставить напоказ публике. Пренебрежем и намеком, что Пушкин желает, дабы его сравнивали с Байроном: подобные придирки и личности не могут не возмутить сердец благородных; критик, возвещая нам совершенное падение Пушкина, сам спотыкнулся и упал, а лежачего не бьют.

Но нельзя не засмеяться, когда читаешь, что г. критик гневается на Пушкина за то, что он, возвратясь с Кавказа, не тотчас стал напевать нам о том, что там видел, что там слышал. Это показывает, как наш Аристарх понимает вдохновение, и вместе может служить мерилом его способности оценивать то, что проистекает от вдохновения. В глазах его поэт, верно, ботаник или минералог, который с Кавказа непременно должен возвратиться с произведениями Кавказа, а из Америки с тем, что растёт или добывается в Америке; г. критик забывает, что Грибоедов с этого же Кавказа привез нам комедию, в которой отразился быт светский, мир московских нравов и причуд⁸; что Байрон создал «Гяура» в Англии, а Сервантес «Дон-Кихота» в темнице; что Тасс никогда не бывал в Иерусалиме, Мур никогда не посещал Индии⁹.

Время торжественных од и чисто описательной поэзии у нас прошло, и возвратить его невозможно: всякому русскому поэту дороги воинские подвиги наших соотечественников, но петь их без вдохновения нельзя и не должно, а вдохновение дело произвольное.

* *Говорит или позволяет говорить*, здесь разница не велика!

О холодном приеме публикою «Полтавы», совершеннейшего, без всякого сомнения, творения Пушкина, предоставляем себе поговорить в особенной статье. Здесь скажем только, что то, чем так гордятся некоторые наши писатели, ничуть не ручается за внутреннее достоинство их произведений. Г. Булгарин хвалится, что романы его раскупаются: сердечно радуемся, но лечебники, письмовники, сонники раскупаются чуть ли не еще лучше; никто в Европе не имел такой обширной публики, как Коцебу, — но неужели он поэтому стоит выше Гомера, Данте, Камюэнса, которых читают очень мало, но зато читают люди мыслящие?

Что ж касается до траурного шествия «Литературной газеты» (см. «Сев<ерную> пч<елу>», № 35), оно весьма естественно: газета, как мы слышали, приглашена на похороны некоторого отжившего свой век журнала, который ныне существует 18 лет, но несколько уже лет чахнет и сохнет и, вероятно, скоро скончается¹⁰; а на похороны нельзя же отправиться вскачь и с лицом веселым.

Село Успенское.

Н. А. ПОЛЕВОЙ

УТРО В КАБИНЕТЕ ЗНАТНОГО БАРИНА

<Отрывок>

<...> *Подлец<ов>*. Вот листок какой-то печатный; кажется, стихи вашему сиятельству...

Князь (взглянув). Как! стихи мне? А! это того стихотворца... Что он врет там?

Подлец<ов>. Да, что-то много. Стихотворец хвалит вас; говорит, что вы мудрец: умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только затем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в шашки с каким-то Бомарше...

Князь. Нет? Так он недаром у меня обедал (*берет листок*). Как жаль, что по-русски! (*Читает.*) Не дурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевести это по-французски и переписать экземпляров пять; я пошлю кое к кому, а стихотворцу скажи, что по четвергам я приглашаю его всегда обедать у себя. Только не слишком вежливо обходись с ним; ведь эти люди забывчивы; их надобно держать в черном теле. <...>

Ф. В. БУЛГАРИН

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗ КАРЛОВА НА КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

<Отрывок>

<...> Иногда залетают к нам вести из Германии и даже из Парижа! Так, например, в нашем городе получено письмо из Парижа, в котором уведомляют, что в чужих краях странствуют несколько юных россиян, которые выдают себя за первоклассных русских поэтов, философов и

критиков и всем журналистам обещают сообщать известия о России, а более о русской литературе. Тот самый почтенный критик, который выступил на поприще словесности в нынешнем году «Обозрением словесности», напечатанным в альманахе «Денница», и назвал моего бедного «Выжигина» книгою одного достоинства с сонниками и гадательными книгами, а читателей «Выжигина» сравнял с публикой толкучего рынка, — этот самый критик, одевший музу нашего доброго издателя «Литер<атурной> газеты» (мимоходом сказать, столь же виноватого во вздорных критиках сей газеты, как я пред Великим Моголом) в душегрейку новейшего уныния, этот самый почтенный критик — наименован в числе первых сотрудников иностранных журналов!¹ Другой, автор писем из Италии, помещаемых в «Московском вестнике», и соучастник по изданию сего журнала². Можешь себе представить, каково будет доставаться *нам* в этих известиях о русской литературе и на какую степень станут поэты и прозаики, которых издатель «Моск<овского> телеграфа» в шутку назвал знаменитыми и литературными аристократами! Не могу удержаться от смеха, когда подумаю, что они приняли это за правду и в ответ на это заговорили в своем листке о дворянстве!! Жаль, что Мольер не живет в наше время. Какая неоцененная черта для его комедии «Мещанин во дворянстве»! Добрые люди! мне, право, жаль их. Какой вздор они вскидывают сами на себя. Говорят, что лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей — Бог весть каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах и что все они заговорили о шестисотлетнем дворянстве! В добрый час! Дай Бог, чтоб это вперило желание быть достойными знаменитых предков (если у кого есть они); однако ж это не сделает глаже и умнее ни прозы, ни стихов. Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата, или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рома! Думали ли тогда, что к этому негру признается стихотворец! — *Vanitas vanitatum!**

Вот что значит писать из места, где нет новостей! Перо, как волшебный жезл, переносит мысль за тридевять земель, и я из Дерпта шагнул в Париж, оттуда упал на «Литературную газету» и очнулся в Африке! Помнишь ли, что в начале года утверждали в «Литер<атурной> газете», будто музыка и архитектура не изящные искусства и что слушать музыку есть то же, что греться у печи или ездить верхом?³ Но это суждение — жемчуг в сравнении с тем, что печатается в каждом листке; итак, поневоле, вспомнив об этой газете, вспомнишь об Африке! Вот как мысль соединяет два предмета, которые с первого взгляда, кажется, не имеют между собою ничего общего.

Прощай и пиши, что у вас нового. Новости у нас, как вода на мельнице, приводят в движение жернова и доставляют пищу. Жду и ждем!

* Суэта сует! (*лат.*) — *Ред.*

—❧ П Р И Л О Ж Е Н И Я ❧—

БОЛДИНСКИЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПУШКИНА

<ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ>

Первоначальная редакция

<1>

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературой и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, следств<енно>, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастью, замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что, следственно, сочинители оных могут быть довольны. Если в течение 16-тилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы. Разборы «В<естника> Евр<опы>» и приговоры «Сев<ерной> пч<елы>» достаточны для нас. Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику потому, что она находится во младенчестве, значит презирать юную литературу за то, что она еще не возмужала. Это было бы несправедливо. Но как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою «Историю» Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан 12<-го> года¹ и несколько цветов северной элегической поэзии², так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей, глубоких воззрений и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло.

Не отвечал я моим критикам не из презрения, не потому также, чтоб недоставало во мне охоты, веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что

всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons*³ —

или от нечего делать идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, «Полтаву», выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*⁴. Что бы мог я отвечать ему на это? А так поступали почти все его товарищи. Критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще одна причина, и главная: лень. Никогда не мог я до того рассердиться на бестолковость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражение⁵. Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смею уверить моего читателя (если Господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать. [Предлагаю сию фразу в эпиграф будущему моему критику.]

2 окт<ября>

Критику 7-ой песни в «Сев<ерной> пчеле»⁶ пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку *об жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик⁷ я не читал, ибо — право — мне было не до них.

NB. Критику «Сев<ерной> пч<елы>» напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булг<арин> не сказал бы, что описание Москвы взято из «Ив<ана> Выжигина»⁸, ибо г. Булг<арин> не сказывает, что трагедия «Борис Годунов» взята из его романа⁹.

Детские шутки наших критиков приводят иногда в изумление. Вот истинный анекдот: в Лицее один из младших наших товарищей и, не тем

* А я утверждаю, что стихи мои хороши (*франц.*). — *Ред.*

будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха ха ха, хи хи хи
Д<ельвиг> пишет стихи.

Каково же было нам, Де<львигу> и мне, в прошлом 1830 году¹⁰ в первой книжке важного «В<естника> Евр<опы>» найти следующую шутку: «Альманах “С<еверные> ц<веты>” разделяется на прозу и стихи — хи хи!»¹¹ Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось, видно, столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в «Сев<ерной> пчеле»: «*хи хи*, как весьма остроумно сказано было в “В<естнике> Евр<опы>”» etc.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности¹², говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: «Древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния»¹³. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: «В стихах Д<ельвига> отзывается иногда уныние новейшей поэзии?» — Журналисты наши, о которых г. Киреевский отзывался довольно непочтительно¹⁴, — обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику¹⁵. Положим, все та же шутка [(столь смешная, будучи повторена в сотый раз)] им и удастся; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит, наконец, не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здоровой критики и беспристрастия.

*Сам съешь*¹⁶. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но не более затейливое выражение: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики¹⁷. Является колкое стихотворение, в к<оём> сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: *сам съешь*¹⁸.

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки¹⁹. Сам съешь.

Г<оспода> чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. — Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей?²⁰ Что же они в ответ? Помолчав немного, г<оспода> чин<овные> журн<алисты> с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворян-

ством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах²¹. Ужасное *Сам съешь!* К несчастью, в «Литературной газете» отыскивали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство²². А публика-то что? А публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е. что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия, или самонадеянность и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в китайском анекдоте [о двух пекинских журналистах] № I²³.

Отчего издателя «Лит<ературной > газеты» и его сотрудников называют аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их аристократия? в том ли, что они дворяне? — Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? нет; в «Лит<ературной> газете» доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратиев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего общества*? нет; они стараются сохранить тон *хорошего общества*; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей* и т. п. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах*, о *паркетных (?) дамах*²⁴. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*)²⁵. (NB: не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества²⁶; не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горнишные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas**. Не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными²⁷. Отчего же они аристократы (разумеется, в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абр<ам> Петр<ович> Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)²⁸, отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздв<игнутый> в Ц<арском> С<еле> гр<афу> Ф. Г. Орлову), генерал-аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому²⁹. — Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, <ни> России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку [клеветать] русский характер, марать грязью священные

* как человек благородного происхождения оскорбляют и не дерутся (*франц.*). — Ред.

страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Голиков говорит, что он <Ганнибал> был прежде камердинером у Государя³⁰, но что Петр, заметя в нем дарования и проч. Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочими Орлов и Р<умянцев> — родоначальники историч<еских> фамилий.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю**..... <Юсупову>³¹. В свете оно тотчас было замечено и..... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата³² — и в статейке, заимствованной у «М<ин>ервы»³³, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать³⁴. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы³⁵.

«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным³⁶, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Поэт спрашивал, что бы на месте Нат<альи> Павл<овны> сделали п<етер>б<ургские> дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным слогом) — подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю добродетельности моих критиков; верю, что «Гр<аф> Нулин» точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей Ариост, Бокачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить «Душеньку» в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образец легкой и шутливой поэзии? А эрот<ические> стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Отстраним уже неравенство поэтического достоинства. «Граф Нулин» должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г<оспода> критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая — и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено безнравственным, похабным etc! Как будто литература и существует только для 16-летних девушек? Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братьям полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, вы-

бренные места и тому под<обное>. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава Богу, может прочесть себе без опасения [и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Вергилия, и] все, что про себя читают сами г<оспода> критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes <donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis pas si prompte,
Et je vous verrois nu, du haut jusques en bas>³⁷
Que toute votre peau ne me tenteroit pas.*

В «В<естнике> Евр<опы>» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку³⁸ (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, ц<апцарапств>ует). Правда, во всем «Графе Нулине» этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

—

В свете «Граф Нулин» принят был благосклоннее, чем в журналах _

—

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье или достоинство человеческого³⁹. Стихотворения, коих цель разжигать воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а Музу в отвратительную Канидию⁴⁰. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая <ее> с нравоучением и литературу — с педагогическими занятиями.

—

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многие желал бы я уничтожить, как недостойное даже и

* Однако вы очень податливы на искушение.
И тело производит сильное впечатление на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И когда б я увидела вас голым с головы до пят, —
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила (*франц.*). — *Ред.*

моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей. По крайней мере, не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В альм<анахе>, изданном г-ном Федоровым, между найденными Бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия⁴¹, писанная слогом переписчика стихов г-на П<анае>ва⁴². Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания⁴³.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Б<естужева> вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению, или написанные не для печати (напр<имер>, *Она мила, скажу меж нами*), или которые простительно мне было написать на 19<-м> году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (напр<имер>, *Послание к Ю<рьеву>*).

Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще *печатный лист кажется святым*⁴⁴. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

*Habent sua fata libelli*⁴⁵. [Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей, та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное)] «Полтава», [которую Ж<уковский>, Г<недич>, Д<ельвиц>, В<яземский> предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, «Полтава»] не имела успеха. Может быть, она его и не стоила, но я был избалован приемом первых, слабейших моих произведений. Журналы взялись объяснить мне причину тому⁴⁶. Они, во-первых, объявили мне, что отроду не видано, чтоб женщина влюбилась в старика — и что, следовательно, любовь Матрены Кочубеевой к старому Гетману (впрочем, исторически доказанная)⁴⁷ не могла существовать.

Так что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю⁴⁸.

Этим я не удовольствовался: любовь есть самая своенравная страсть, не говорю уж о безобразии и глупости, поминутно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Я вспомнил предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Олимпию, Питмалиона⁴⁹, и принужден был признаться, что все сии вымыслы не чужды поэзии или, справедливее, ей принадлежат. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?...

* Книжки имеют свою судьбу (лат.). — Ред.

Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупый старичишка*⁵⁰. (Старичишка вместо старик — просто затейливость слога.) Что я изобразил Мазепу *злым*, в том я каюсь. Добрым я его не нахожу, особенно в минуту, как он хлопочет о казни отца своей несчастной любовницы. *Глупость* человека оказывается или из его действий, или из его слов. Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в Истории. Речи объясняют его исторический характер; не довольно, если критик и решит, что такое-то лицо в поэме глупо; он еще должен чем-нибудь это доказать. Потом заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен; что Малор<оссийский> Гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет⁵¹; опять История, опроверженная литературной критикой, опять *хоть знаю, да не верю*. Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как предрассудки чести были в высшей степени их силы, Маз<епа> мог помнить *долго* обиду Московского царя и отмстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть поляка или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, им претерпенные, помнится, от Чаплицкого*, — получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Конисского⁵²).

Слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* — показались критикам *низкими, бурлацкими*⁵³, никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под<обное>.

Старый Гетман, предвидя неудачу, бранит у меня молодого Карла мальчишкой и сумасшедшим. Критики важно укоряли меня в неосновательном мнении о Шв<едском> короле⁵⁴. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к чему не был привязан; критики ссылались на *собственные слова* Гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее

больше славы, больше власти.

Так понимали они драматическое искусство!

В «В<естнике> Е<вропы>» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее *Мазепой*, чтоб не напомнить о Байроне⁵⁵. Справедливо. Но была тут и другая причина: эпитафия⁵⁶. «Бахч<исарайский> фонт<ан>» в рукописи назван был *Гаремом*; но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой «Истории Карла XII». Он поражен был только картиной человека, связанного на дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая. И за то посмотрите, что он из нее сделал! Но какое пламенное создание, какая широкая и быстрая кисть. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего *мрачного*,

* Первоначально: Чернецкого. — Т. К.

ненавистного, мучительного характера, который проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду моим критикам) в «Мазепе» нет; Байрон и не думал о нем: он представил ряд картин одна другой разительнее — вот и все. Если б ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после его коснуться сего ужасного предмета⁵⁷.

Прочитав в первый раз в «Войнаровском» сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь⁵⁸,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. И в поэмах клевета всегда казалась мне непохвальной. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было непростительно. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одного утешительного поступка! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... [Д<ельви>г> дивился, как я мог заняться таковым предметом⁵⁹.] Глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, одна и обольстила меня. «Полтаву» написал я в 2 недели⁶⁰; долее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве⁶¹. Справедливее было бы сказать: дворянин во мещанстве. Род мой один из самых старинных дворянских⁶². Мы приходим от прусского выходца Радши, или Рачи⁶³, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества Александра Ярославича⁶⁴ (см. «Русск<ий> летописец»⁶⁵ и «Ист<орию> Росс<ийского> Гос<ударства>»⁶⁶). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бутурлины и другие⁶⁷. Карамзин упоминает об одних Мусиных-П<ушкиных>⁶⁸ (вероятно, из учтивости <к> пок<ойному> гр<афу> Алексею Ивановичу⁶⁹). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных⁷⁰. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и яв<ым> образ<ом> обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин⁷¹, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин⁷² во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым *сделал честно свое дело*. 4* Пушкиных подписались под избирательною грамотою Романовых⁷³. При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич⁷⁴, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковинным. Прадед мой был женат на дочери гр<афа> Головина, первого в России андреевского кавалера⁷⁵. Дед мой Лев

* Предыдущие варианты: 5; 6. — Т. К.

Александрович во время мятежа 1762 года не хотел присягнуть Екатерине — и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера⁷⁶. Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, хотя никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях⁷⁷. Имя предков моих встречается почти на каждой странице нашей Истории. [Огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместья скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темным потомкам некогда знатного боярского рода.]

Я знал своих предков прежде, чем узнал Байрона. Я дворянин, и если это подражание английскому поэту, то весьма невольное. Но что есть общего между привязанностью лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства. Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах. — Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалею, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало, наконец, в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездю двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением⁷⁸.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, м<ожет> б<ыть>, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

Один из великих наших сограждан⁷⁹ сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Все имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тишения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиньяки*. Первым примером

обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковой палкою за плутни, унижающие честное звание литератора⁸⁰. Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частью из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного или безыменного писателя. Большею частью сии китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере, достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет — крадет, например, платки из карманов, все-таки должен отозваться и вступить за себя, конечно, не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость позволять всякому шалуну швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских⁸¹ пистолетах с учтивым джентльменом, и от кулачного боя с пьяным конюхом⁸². Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил⁸³. Отговорка забавная, но в таком случае что прикажете сделать с тем, который, по выражению Шатобриана, *comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas*?* Однажды (официально) напечатал кто-то⁸⁴, что такой-то фр<анцузский> стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в «Лит<ературной> газ<ете>», человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Фр<анцуз> отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить⁸⁵. *On en rit, j'en ris encore moi-même***.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы⁸⁶. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты и тому под<обное>. — Будущий мой биограф, коли Бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. — А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ.

* как человек благородного происхождения оскорбляет и не дерется (*франц.*). — *Ред.*

** Над этим посмеялись, я сам еще смеюсь (*франц.*). — *Ред.*

Таким образом, дружина ученых и писателей всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

<II>

«Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в «Вестнике» Евр<опы>⁸⁷, в которой ее побранили, но безо всякого положительного обвинения, и весьма дельных «Вопросов»⁸⁸, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой etc.,

за вступление не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию *Двенадцати спящих дев*⁸⁹; за последнее можно было меня пожуричь порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в «Руслане» хоть одно место, которое в вольности шутки могло быть сравнено с шалостями хоть, например, Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V, ottava VIII)⁹⁰.

Кавказский пленник — первый неудачный опыт характера, с которым я насилиу сладил⁹¹; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николой и Александр Ржевские и я, уж мы довольно над ним посмеялись⁹².

«Бахчисарайский фонтан» слабее *Пленника* и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Зарема с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Александр Ржевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,

* V, ottava VIII *вписано позднее*. — Т. К.

** <Неистовый> Роланд, песнь V, октава VIII (*итал.*). — Ред.

Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами... и проч. Все это смешно, как мелодрама.

Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле⁹³.

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко и в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприятные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евг<ения> Онегина». Разбор сих глав, напечатанный в «Атенее»⁹⁴, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? камни дышит*, вместо *пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете? Что бы такое значило:

мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винит<ельный>, а не род<ительный> падеж; *времен* вместо *времен*

(То древню Русь и нравы
Владимира *времен*.
Батюшков)⁹⁵

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняем мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» — Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «В<естнике> Евр<опы>»⁹⁶. — *Молвь* (речь) слово коренное

русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение*:

Он шип пустил по-змеиному
*Др<евние> Русск<ие> Стихотв<орения>*⁹⁷

(следств<енно>, и *хлоп* <в>место *хлопанье* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за врата градские, и услышал конский топ
 и людскую молвь».

Бова К<оролевич>.

Признаюсь, хотелось мне изобличить моих критиков в незнании свойств нашего языка, да посовестился, [а пуще поленился].

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию⁹⁸. Что есть строфы в «Евг<ении> Онег<ине>», которые я не мог или не хотел напечатать, этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означает место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив. Смирненно сознаюсь также, что в «Д<он> Жуане» есть 2 выпущенные строфы⁹⁹.

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным¹⁰⁰. Что гласит грамматика? Что действ<ительный> глагол, управляемый отриц<ательною> частицею, требует уже не вин<ительного>, а род<ительного> п<адежа>. Напр<имер>: я *не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo* правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я *не могу* позволить начать писать..... *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отриц<ательной> частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? потому что все им<ена> сущ<ествительные>, конча<ю>щиеся на *анин*, *янин*, *арин* и *ярин*, имеют свой род<ительный> во множ<ественном> на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а им<енительный> множ<ественного> на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же сущ<ествительные>, конч<ающиеся> на *ан*, *ян*, *ар*

* Следовательно (*лат.*). — Ред.

и *яр*, имеют во множественном *именительный* <на> *аны, яны, ары* и *яры*, а род <ительный> *на анов, янов, аров, яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают* вместо *решу, решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

Иностранные собств<енные> им<ена>, конча<ю>щиеся на *е, и, о, у*, не склоняются. Кончающиеся на *а, ъ* и *ь* склоняются в мужском роде, а в женск<ом> нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлил взор *на отдаленные громады*¹⁰¹
2. на *теме* гор (темени)¹⁰²
3. *воил* вместо *выл*¹⁰³
4. *был отказан* вместо *ему отказали*¹⁰⁴
5. *игумену* вместо *игумну*¹⁰⁵.

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г**.

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *двѣнадцатъ*. *Две* сокращенно из *двое*, как *тре* из *трое*.

Пишут: *тѣлега, телѣга*. Не правильнее ли: *телега* (от сл<ова> *телец* — телеги запряжены волами)?

Альфиери¹⁰⁶ изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согл<асными> в нем часто изменены или не слышны. Мы даже говорим *женщины, нослег* (см. Богдановича¹⁰⁷).

[Шпионы подобны букве *ъ*. Они нужны в некоторых случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли всюду соваться.]¹⁰⁸

Г. Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ю главу¹⁰⁹, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и называл он затейливо *ужами*, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он слово *корова* и жестоко выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою*:

В избушке распевая, дева
Прядет —

Шестой песни — не разбирали, даже не заметили в «В<естнике> Е<вропы>» латинской опечатки¹¹⁰. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал лат<инской> книги и совершенно забыл лат<инский> яз<ык> — жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, лат<инский> язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

<III>

О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Р<ылеев> негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазющей публики¹¹¹. В<яземский> повторил то же замечание¹¹². (Р<ылеев> просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее.) Всего бы лучше сделать из него чиновника 8<-го> к<ласса> или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, *ma tanto meglio*.*

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны лит<ературного> имени. К тому же главные сцены напечатаны или искажены в чужих <?> *подражаниях*. [Раскрыв наудачу

* тем лучше (*итал.*). — Ред.

ист<орический> роман г. Б<улгарина>, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн<язь> В. Шуйский. У меня Борис Год<унов> говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества — у г-на Б<улгарина> также¹¹³. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание.]

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели «Сев<ерной> пч<елы>»¹¹⁴? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по р<у>б<лю> экз<емпляр>, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мешанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20000 экз<емпляров> одной книги и продать по 50 коп<еек> или напечатать 200 экз<емпляров> и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова¹¹⁵, во всех отношениях самого народного нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*)¹¹⁶, не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их? —

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Недавно один из наших критиков, сравнивая Шекспира с Байроном, считал по пальцам, где более мертвых? в трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими¹¹⁷. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать их, удивительно забавно. Хотите ли знать, как у нас критиковали бы Расинову «Федру», если б, к несчастью, написал ее русский и в наше время. Извольте.

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковёрность супруга своего, возносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка¹¹⁸, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!), которого лошади разбивают (!!!); Федра потом отравливается, ее гнусная наперсница утопляется и точка. Вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература — кровожадная, развратная ведьма с

прыщиками на лице!»¹¹⁹ — шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но, верно, ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Если б бессмертный «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, явился в наше время, то в «Сев<ерной> пч<еле>», посмеясь над правописанием Ф<он> Визина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналъей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!!)¹²⁰. «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!»¹²¹ — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (Бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием¹²².

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕ-ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Планы

<I>

О китайских анекдотах — [о личностях] — О нравственности — [о дворянстве] Об аристократии — О примечании «Литературной газеты». Разговор — Обо мне — О личностях.

<II>

§ 1

О личной сатире — Китайский анекдот — Сам съешь.

§ 2

О нравственности — о «Графе Нулине». Что есть безнравственное сочинение — о Видоке.

§ 3

Об литературной аристократии — о дворянстве.

§ 4

Разговор о примечании

Заключение

§

[О г. Киреевском — хи хи] [о невинности наших критиков]

§

[О цене «Евг<ения> Онег<ина>»]

§

О знаменитост<ях>

Сколь ни удален я моими привычками
<и> правилами от полемики всякого
рода, еще не отрехся я совершенно от
права самозащиты.

*Southey*¹

§ 1

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет. Это напоминает мне старинную эпи<грамму>:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошь владел еще покойный дед.
Судья решил: почто ж идти вам брат на брата,
Не тот и не другой, а девка виновата.²

Можно не удостаивать ответом своих критиков (как аристократически говорит сам о себе изд<атель> «Истории р<усского> н<арода>»³), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. — Но из уважения к себе не должно по лености или добродушию оставлять без внимания оскорб<ительные> личн<ости> и клеветы, ныне, к несчастью, слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-тилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику ([не говорю] уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журн<алов> на<ших> достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего Боже сохрани). Как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою «Историю» Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12<-го> года Ж<уковского>, перевод «Илиады»⁴, несколько цветов элегической поэзии, так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб не доставало во мне веселости или педантизма; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Я замечал, что самое неосновательное суждение, глупое ругательство получает вес от волшебного влияния

типографии. Нам все еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано! Но, признаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений. А что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons*.

Ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина, и главная: лень. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не мог решиться), но на обвинения не-литературные, которые нынче в большой моде. Смее уверить моего читателя (если Господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать, но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, гов<орят>, за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) [и] склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, перв<ый> стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бес<с>тыд<ным> обр<азом>. Траг<ик> Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.⁵

§ 4

А. Читал ты замечание в № <45> «Лит<ературной> газеты», где сравнивают наших журн<алистов> с дем<ократическими> писателями XVIII ст<олетия>?⁶

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

* А я утверждаю, что стихи мои хороши (франц.).— Ред.

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унижительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою не согласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными дем<ократических> писателей XVIII ст<олетия>, которых (как очень хорошо сказано в «Газете») с нашими никаким образом сравнивать нельзя, а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти фр<анцузские> пис<атели> такие люди, что Боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть уподобленными этим господам.

Б. Да кто же эти фр<анцузские> писатели, о коих упомянуто в «Л<итературной> газете»?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: [добродетельный] Томас⁷, [прямодушный] Дюкло⁸, [твердый] Шамфор⁹ и другие столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в «Л<итературной> газ<ете>»?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? умные и честные литераторы станут ли кричать: повесим их, повесим! и арист<ократов> к фон<арю>.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в «Газ<ете>» не сказано.

А. Как не сказано? постой, она на мне... (*вынимает из кармана «Газету»*). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуточили крики etc. — Так неужто в самом деле эпигр<аммы> приуточили фр<анцузскую> револ<юцию>?

Б. О фр<анцузской> революции «Лит<ературная> газ<ета>» молчит и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les arist<ocrates> à la lanterne* и повесим <их, повесим>. — Ça ira**¹⁰.

Б. И ты видишь тут фр<анцузскую> револ<юцию>?

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще пр<отиву> всего, что не было чернь.

А. Вот я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому что с некоторых пор дворянство было <ей> представлено сословием презренным и ненавистным.

А. Следственно, я и прав. В крике les arist<ocrates> à la l<anterne> вся революция.

Б. Ты не прав. В крике les arist<ocrates> à la l<anterne> один жалкий эпизод фр<анцузской> р<еволюции> — гадкая фарса в огромной драме.

А. И честн<ые> и добрые писатели были тому причиною! Если и в самом деле, то уж, конечно, неумышленно!

* Аристократов на фонарь (*франц.*). — *Ред.*

** Пойдет (*франц.*). — *Ред.*

Б. Вероятно.

А. А rporos*, какого ты мнения о Полиньяке¹¹?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделали всю «Лит<ературную> газ<ету>», издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (дает ему журналы).

Б. Что значут эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. (отдавая журнал). Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет¹².

А. Вот тебе еще что-то (дает другой журнал)¹³.

Б. (прочитав). Тут и ругательства есть, а смысла все-таки не более.

А. Так ты, видно, стоишь за «Лит<ературную> газету». Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? — о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель «Лит<ературной> газ<еты>», и сотрудники его, и читатели его — все аристократы (разумеется, в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. Будучи сам литератором, я читаю «Литературную газету»: ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литерат<урным> башкирцам; но никогда я не видал в «Лит<ературной> газ<ете>» ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли б<арон> Д<ельвиг>, кн<язь> В<яземский>, Пушкин, Баратынский и пр., мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступаясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступаясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Воля твоя, замечание «Лит<ературной> газеты» могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам ты невинный — кто ж сии невинные?

А. Как кто? Издатели «Сев<ерной> пч<елы>».

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей «Сев<ерной> пч<елы>» слишком хорошо известен, и «Лит<ературная> газ<ета>» повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur**¹⁴? к кому это относится? ты скажешь, к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия. Но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, не хорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? ведь не <на> новое

* Кстати (франц.). — Ред.

** предупреждение читателю (франц.). — Ред.

дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей част<и> составляющее нашу знать, истинную богатую и могущественную аристократию — *pas si bête*. Наши журналисты перед этим дв<орянством> вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состоянию, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) не хорошо — и даже неблагоприятно. [Положим, что эпиграммы демократических фр<анцузских> писателей приуточили крики *les aristocrates à la lanterne*; у нас таковые же эпиграммы хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие...] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу... Нужно ли тебе еще объяснений?

А. Нет, понимаю, очень хорошо понимаю. Кажется, ты прав¹⁵. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за «Северну<ю> пчелу»?

Б. Потому что свой своему поневоле брат.

А. Отчего замечание «Газеты» показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. — Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой занимаешься, и это тебе понятно, не правда ли? — Демократические наши журналы, напад на дворянство...

А. Опять!.. Демократич<еские> журналы! какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в «Газ<ете> Литературной». Все это естественно и даже утешительно. Но, повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать изд<ателю> «Л<итературной> г<азеты>», чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они, впрочем, ни происходили.

<ПРОЕКТ ПРЕДИСЛОВИЯ К VIII И IX ГЛАВАМ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

* они не так глупы (*франц.*). — Ред.

При появлении VII песни «Онег<ина>» журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, напр<имер>, следующий отзыв¹:

<«...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII “Евгения Онегина”? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя “Руслана и Людмилы”, пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже “Евгений Вельский” кажется чем-то похожим на дело*. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète! <...> Читатели наши спросят: каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи “Онегина” увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка:
Конец седьмой главе — и точка.**

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»>

В одном из наших журналов² сказано было, что VII гл<ава> не могла иметь ни<ка>кого успеха, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). <Если> век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, то поэзия остается на одном месте, не старе<е>т и не изменя<е>тся. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия велик<их> представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заме<няются> другими и забываются — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато, уж верно, дарование стихотворца, <а не> век, ушедший от него вперед.

* *Евгений Вельский*. Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят «Евг<ения> Оне<гина>» ниже «Евг<ения> Вельского».

** 2<-е> замеч<ание>. Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся<ся> критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем — критике нет нужды разбира<ть>, что стихотворец описывает, но как описывает.

Вероятно, критик хотел сказать, что «Евг<ений> Оне<гин>» и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искутить ее терпение. Вот еще две гл<авы> «Евге<ния> Оне<гина>» — последние, по крайней <мере>, для печати. Те, которые стали бы <искать> в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, также удерживала меня. Но «Ча<йльд> Г<арольд>» стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла во мне родиться.

21³ ноября
1830

Болд<ино>

ИЗ АЛЬМАНАХА «ДЕННИЦА»
ОТРЫВОК ИЗ РУКОПИСИ ПУШКИНА
(Полтава)

Habent sua fata libelli*. «Полтава» не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим, произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому Гетману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

«Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю». Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая вероуравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пафазию, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?.. Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью — велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! — Далее говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопчет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов — Мазепа

* Книги имеют свою судьбу (лат.). — Ред.

действует в моей поэме точь-в-точь как и в Истории, а речи его объясняют его исторический характер. — Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять История, опроверженная литературной критикой, — опять *хоть знаю да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа мог помнить долго обиду Московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все рано было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпленные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского).

Старый Гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о Шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* Гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*. Как отвечать на такие критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями. Как быть!

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее «Мазепой», чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, — но была тут и другая причина: эпитафия. Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был «*Харемом*», но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати, о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Байроновом «Мазепе»; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой Истории Карла XII. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в «Мазепе» именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и все; но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Примечание. Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел. *Издатель*.

М. И. ВОСКРЕСЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ ВЕЛЬСКИЙ

<Отрывок>

Разговор автора с книгопродавцем

Автор

Не хочешь ли ты, милый друг,
Купить мое стихотворенье?..

Книгопродавец

Эх сударь! право, недосуг,
Оставьте ваше сочиненье —
Божусь вам — мне не до него,
Своих хлопот ей, ей, беремья!
Когда-нибудь в другое время...

Автор

Вот! ты не выслушал всего,
Не знаешь, что хочу печатать...

Книгопродавец

Советую, сударь, припрятать
Пока вам рукопись свою.
Ох, у меня теперь в тисненьи
Вралёва все стихотворенья;
И руку отрубить даю,
Коль не остануся с накладом;
Капризен что-то ныне свет,
Подписчиков почти что нет,
Не только в лавке — даже на дом
Теперь я кой к кому ходил,¹
Но нет — успеха что-то мало! —

Автор

Да, милый, — странно; а бывало,
Вралёвых свет всегда любил.
Но не об этом, друг мой, слово —
Ты посмотри мою тетрадь,
В ней все так мило, все так ново,
Что я, без хвастовства сказать,
Быть может, ей себя прославлю,
Зоилов ногти грызть заставлю
И — хоть к Парнасу путь далек —
Лавровый ухвачу венок.

Книгопродавец

Все может быть — но с сожаленьем
Я должен ваш восторг прервать:
Хоть обессмертитесь твореньем,
Я не могу его принять.
Притом позвольте вам заметить,
Вы, кажется, из новичков, —
Что публика вас может встретить
Не слишком пылко... Свет таков!
Но я о вздоре заболтался —
Спросить осмелюся ли вас...
Я к авторам уж примелькался,
А вас так вижу в первый раз...

Автор

Не мудрено, мой друг любезный,
Я в первый раз еще пишу —
И труд не вовсе бесполезный
На жертву музам приношу.
Мой жребий был досель безвестным,
Я был поэт, но про себя —
Теперь, путь славы полюбя,
Я также быть хочу известным²
И, кинувши удел простой,
Желаю быть поэт прямой.
Читая новые творенья
Российских лириков, певцов,
Я сам исполнен вдохновенья,
Поэтам вслед лететь готов.
Но не подумай, чтоб желанье
Быть равным им — влекло меня;
Поверь мне: твердо знаю я,
Что нет во мне их дарованья,
И мне ль за ними вслед парить?
Нет! не ишу им равным быть.

Книгопродавец

Чего ж вам хочется, скажите?
Мне не понятна ваша цель —
И — кажется — не осудите!
Напрасно взяли вы — свирель.
Едва ли лавры вы пожнете;
Нет, мудрененько их достать —
В Жуковские не попадете
И Пушкиным вам не бывать!

Автор

А! вот о Пушкине — и кстати —
Ты знаешь, у него в печати
Поэма есть...

Книгопродавец
Его «Руслан»?

Автор

О нет; тот маленький роман...

Книгопродавец

«Евгений»? Кто его не знает?
Роман нам этот доставляет
Таки порядочный доход,³
И весь ученый ваш народ
Его как чудо выхваляет!

Автор

Согласен с ними и с тобой;
Как ни суди о нем кто строго —
Хорошего все очень много:
Стихи прекрасны, слог живой,
И это-то стихотворенье
Я пародировать хочу...
Ты удивился? Изумленье
Сейчас твое я прекращу:
Мне вздумалось в часы свободы,
А у меня их много есть, —
Не за сонеты, не за оды,
А за роман в стихах присесть,⁴
Задумал — сделал. И тетрадка
Готова мигом — вот она.

Книгопродавец

Слова мне ваши как загадка —
Ведь есть поэма уж одна
«Евгений»?..

Автор

Есть. А вот другая;

И я прошу вас, прочитая,
Ее как надо полюбить
И, напечатав, в свет пустить.
Название тоже ей «Евгений»,
И я успехом льщу себя,
Что мне в удел хоть не дан гений
И хоть совсем не Пушкин я —
Но может быть... авось удастся
И мне понравиться кому?
Пусть критики вооружатся
И, волю злomu дав уму,
Найдут меня несносным, скучным,
Я быть решилa равнодушным!

Книгопродавец

И должно так. Я вас хвалю:
Кому уладить с целым светом?
Как критики не быть предметом?
Я вашу рукопись куплю —
Кто знает? Может быть, пойдете
Вы чрез нее и славы в храм?

Автор

А вы барыш ей наживете:
Вот прибыль и обоим нам!
Книгопродавцы и поэты
Связь тесную должны иметь —
Мы все бессмертием одеты,
Должны и вас кой чем одеть!
«Евгений», Пушкина поэма,
Книгопродавцам не наклад,
А у меня ведь та же тема —
И следственно — такой же клад.
На первый раз одну главу я
Отдать решаюся в печать,
А там, посмотрим... как узнать —
Быть может, много напишу я?..
Теперь же — хоть стыдненько мне —
Но прежде, нежели простимся...

Книгопродавец

Узнать хотите о цене?
И дело! мы уговоримся
А там и с Богом!..

Автор

Решено!

Да! вот забыл еще одно:
Оберточку уж попестрее —
Да не мешал бы и виньет —
Такая книжка ведь скорее
Себе читателей найдет.
Смеетесь вы?.. Да, уверяю,
Что я в Москве примеры знаю —
Иной умом почти осёл,
Но, чувствуя в себе охоту
К красивенькому переплету,
И библиотеку завел.

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
МАВРА ВЛАСЬЕВНА ТОМСКАЯ
И ФРОЛ САВИЧ КАЛУГИН

Анекдотическая сцена

<Отрывок>

(...входит слуга г-жи Томской и подает ей «Оракул»¹)

Мав<ра> Вл<асьевна>

Что ж заплатил ты?

Слуга

Два рубли.

Мав<ра> Вл<асьевна>

Как! Два рубли!.. ты лжешь, мерзавец.

Слуга

Помилуйте! Книгопродавец,
Вот, показал мне, что цена
Печатная положена.

Мав<ра> Вл<асьевна>
Ну, хорошо, ступай.

(Слуга уходит)

Как можно

Брать даром деньги так безбожно.
За эту крошку два рубли!..
Что если б деды наши встали
И мы бы им о том сказали,
Поверить, право б, не могли!
Книжонка вся из двух статей,
И описал каких-то дур;
Но ведь за это чересчур
Довольно б 40 копеек!
Уж вот сатиру б сочинить!..
Да впрочем, по какому праву
Они всё вздумали рублить?
На это б нужно учредить
Литературную управу,
И даже таксу положить.
Нет к книгам приступа: «Евгений
Онегин» по 5 рублей!..
Уж я бы книжных торгашей
За то...

Фр<ол> Сав<ич>

Как строги ваши пени!
«Онегин» дорог по цене;
Но возразить позвольте мне,
Что сочинитель чудный гений
Имеет...

Мав<ра> Вл<асьевна>

Что за чудеса?

Прочтешь книжонку в полчаса.
Но в полчаса я прочитаю,
Хотя не скоро разбираю;
А молодежь-то в час или два
На память выучить успеет.
Смотрите: каждая глава
Страничек 40 лишь имеет,
И то премаленьких таких,
И сколько пробелов больших.
Что ж начитаете в книжонках?..
Сужденья наглые одне
Не о девицах, о девчонках.²
Татьяна видела во сне,
Что мельница в мундире пляшет
И крыльями трещит и машет.³
Но часто грезятся и мне

Невероятности такие,
Что, право, стоило б иные
Стихами также описать.
Так в чем же тут ваш чудный гений!..
Притом о неге и о лени
Мне любопытно ли читать!
Большая надобность мне знать,
Что нежатся они, ленятся.
За это б розгами я их:
Зачем, быв в летах молодых,
Для общей пользы не трудятся.
Меж тем рублей все по 5
За каждую главу плати.

Фр<ол> Сав<ич>

Ужели ваши укоризны
Лишь от одной дороговизны?

Мав<ра> Вл<асьевна>

А как же? Я люблю читать,
Должна и книги покупать.
Как водится в ученом веке,
Все книги новые должна
Иметь в своей библиотеке;
А непомерна так цена!..
Вот за княгиню-то Наталью⁴
Ведь 10 плакали рублей.
Уж нечего сказать: Бог с ней,⁵
С ее таинственной печалью!
Уж хороша ль, расхороша ль,
А десять рубликов мне жаль!..
И как все нынче расписались,
Разнежились и размечтались!
У всех заветная печаль
Иль очарованная радость,
Туманная в пустыне даль,
Приюты скал и жизни сладость.*
А денежки берут меж тем!..
Отрывков столько из поэм,
Из исторических трагедий,
Из водевилей и комедий!
Они грозят, что может быть,
Коль в сем столетии издадутся,
Их будет надобно купить,
Хотя и разу не прочтутся.
А вот поэма-то еще,
Как бишь название ее...
Вот что-то не люди, не звери...
Забыла как... а! «Див и Пери»⁶.
Страничек очень мало в ней,
Но также стоит 5 рублей.

* И уступающая младость. *Примечание наборщика.*

Я и издателя-то знала,
Но Бог с ним!

Вот предисловьем одолжил
Он сочинителя поэмы.
Он написал, что будто с ним
Делился знанием своим⁷.
Ну, сочинитель этим знаньем
Теперь похвастает ли вряд;
А он, Фрол Савич, говорят,
Хоть молодой, но с дарованьем.
< >

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
A MADAME DE N. N.,
ПРОСИВШЕЙ МЕНЯ ПРИСЛАТЬ ЕЙ РОМАН
А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Хоть не с охотою, но я,
Своей досады не тая,
Желанье Ваше исполняю,
И вот «Онегина» шесть глав Вам доставляю.
Однако же (прошу покорно извинить!)
Я должен Вам свою досаду объяснить:
Ведь Вы «Онегина» читали...
А «Мавру Власьевну»¹ едва ли, –
И не хотите сделать честь
Мне, сочинителю, хоть раз ее прочесть.
Меж тем злой критик, сам Булгарин
(Которому за то я очень благодарен),
Сказал в своей «Пчеле», что для меня теперь
Не заперта Парнаса дверь;²
И что на нем (вот так и прыгает сердечко!)
Я должен получить укромное местечко;
Что в Мавре Власьевне моей
Есть много остроты у пожилых судей.
(И Фрола Савича он также хвалит с ней!)
Вы мне не верите – не хвастаю, ей-ей.
Два нумера «Пчелы» возьмите сами;
Там напечатано все этими словами:
Что Мавры Власьевны едва ли кто умней,
Что Мавра Власьевна прейбойкая старуха,
Что у нее язык свободен³, что у ней
Тьма сатирического духа.
Стихи же... музыка для слуха!
Вы, невзирая на «Пчелу»
И на других журналов похвалу,
Предпочитаете всё Пушкина-злодея.
Помилуйте! да чем же он славнее?..

* Уж подлинно свободен: любит поговорить, Бог с ней. *Примечание* > корректора.

Мне кажется, что я ничуть
Его не ниже на Парнасе:
Я также славен чем-нибудь
И также состою поэтов в первом классе.
Твердит одно и то же целый свет:
Всё Пушкин Александр Сергеич!
Помилуйте! да чем же не поэт
Б<естуже>-Р<юми>-н-то М<ихайло> А<лексеич>?..
Я так же мил в стихах, как он:
Пою *Эраты нежный стон*
И, так же следуя влиянью тяжкой моды,
Пишу гекзаметрами оды.
А что всего важней?.. Теперь моих сатир
Бойтся целый мир.
Чего ж вам более? Однако ж, как хотите,
А «Мавру Власьевну» с вниманием прочтите.
18 февраля 1830 г.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
ОТРЫВКИ ИЗ НОВОГО АЛЬМАНАХА
«ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗЕРКАЛО»

Наша русская литература доньше состоит из *отрывков*; по крайней мере, главное содержание оной составляют отрывки литературы французской, немецкой, английской, и проч. и проч. — Сочинения новых наших поэтов (не говоря о *немногих* исключениях) суть сборники отрывков из Байрона, Гёте, Ламартина, Делавиня, Шиллера и проч. Мы любим журналы и альманахи не потому ли, что это *сборники отрывков*? Наконец, без всяких фигур, наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать. От этого, кажется, происходит, что все *не-отрывки* мы страх как не любим, не читаем их, гоним, браним. Довольно для доказательства сослаться на критиков, терзающих «Ивана Выжигина», «Историю русского народа»¹, на невнимание к книгам О. Иакинфа² и т. д. — Сообразив все сие, мы надеемся угодить читателям, представляя *отрывки из собрания отрывков*. т. е. отрывки из альманаха, который предполагаем *некогда* издать.

Другую надежду нашу угодить читателям составляет верное последование основному правилу нашей литературы — *подражанию*. Мы не будем думать о красоте, изяществе стихов и прозы; нет, но мы представим точные подражания самым модным, самым *знаменитым*³ поэтам в тех родах, коими они отличились, коими угодили другим и прославились: палочные эпиграммы, лихие песни, летание *куда-то*, ревушие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания древним; безнадежность, тоска, отчаяние, лень, пьянство смертное в поэзии; чертовщина в прозаических сказках и романах; итальянская приторность рифм; восточные краски, — все это и вся прелесть, ознаменовывающая поэтов и прозаиков немецкой, французской, итальянской школ, существование коих в России проявлено и доказано новейшими нашими критиками⁴, будут нами вполне представляемы. Мы постараемся как можно лучше удалиться от изящного вкуса, верности изображений, чистоты языка — всё в сторону! Мы будем поэты в прозе, прозаики в

стихах, ибо поэтам закон не писан. Так! Смело в путь! Если же нас не станут хвалить, не будут читать, мы сами себя назовем Горациями, Гамлетами, Феокритами, Шольё, напишем друг к другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке какой-нибудь чучелы, книги, альбома); напишем *обозрение словесности*, где расхвалим себя, разругаем других; наконец, начнем издавать литературную газету, где до русской литературы будет столько же дела, сколько до готтентотского языка, а все будет состоять из наших отрывков, из газетных объявлений, из иностранных известий, которые лет пять назад напечатаны были в других журналах. Когда ж станут нам говорить, что наша газета лишняя, что она пуста, не нужна публике, то мы объявим, что не для публики издаем ее, а для *некоторых* писателей, коим нельзя было печатать своих отрывков ни в одном из других русских журналов. Людей, осмелившихся критиковать *наших*, уподобим мы хиосским проказникам и, наконец, сами ругая других наповал, в подкрепление славы будем ссылаться даже на «Славянин» (впрочем, это при последней крайности)... будем называть других безнравственными, грязными, не знающими большого света, а их сочинения лживым выражением общества, и...⁵ словом: так будем мы действовать, если публика не одобрит наших отрывков. Но этому не бывать: она придет, она должна прийти в восторг... Начнем!

А. Феокритов с товарищами

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К «АЛЬДЕБАРАНУ»

Письмо читателя «Сына отечества» к издателям «Альдебарана»

Поддели вы меня, господа, своим «Альдебараном!» Читал я, читал, перечитывал и никак не мог догадаться, что это значит. Статьи вашего «Альдебарана» отзывались мне чем-то знакомым. Те же предметы, то же расположение слов, те же причудливые выражения и та же бессмыслица удивляла меня прежде в сочинениях писателей, которых журнальные возгласы, послания друзей и общее мнение приятелей сделали знаменитыми. В статье «Введение в биографию Патрикеича» я узнал кудрявое подражание остроумию Вольтера, умноженное на выдержку мыслей из г-жи Сталь, приправленное незнанием русского языка, основанное на отсутствии логики и спаянное желанием блеснуть новизною. В «Лекции Шеллинговой философии» увидел я, как в зеркале, велемудрые разглагольствования наших московскихлюбомудров, не понимающих ни себя, ни своего учителя и желающих бросить в глаза читателям пылью германской учености, в славу себе и на смех добрым людям. В статье «О происхождении имени руссов» я увидел верный отпечаток топорного слога славянофилов, принадлежащих по мыслям к блаженному времени Сумарокова и Тредьяковского, славянофилов почтенных, которые считают весь земной шар принадлежностью России, основываясь на созвучии слов. Да и можно ли спорить противу очевидности и утверждать, что *Вавилон* (т. е. Вавилон) не происходит от *Бабьего-лона*, *Навуходоносор* не значит: *небу годный царь*, а Сена не есть река, на берегах которой предки наши косили *сено*? В вашей статье «Справщик» я вижу живой образчик тех подражателей Вальтера Скотта

и Вашингтона Ирвинга, которые думают, что все искусство писания состоит в исчислении мелких подробностей современных нарядов, мебели и картинного изображения питья чаю и еденье жаркого. Исполать вам, господа издатели «Альдебарана»! Продолжайте свой альманах в прозе и стихах, а публика (особенно молодые читатели), удостоверясь, как легко составлять набор гремучих слов, темных выражений и писать гладкие стихи без мыслей, будет осторожнее при раздаче славы и знаменитости. Ничего нет легче, как писать гладкий вздор или темную нелепость; но у нас и этим ремеслом многие приобрели себе почетное название *сочинителей*! Разоблачайте же их в своем «Альдебаране»*! Но я боюсь на вас грозы. Начнется тем, что вас провозгласят людьми дурного тона, не принадлежащими к высшему обществу, где авторское достоинство определяется званием, родством, связями и рекомендацией. Мне же сказывал приятель мой и великий поэт, барон Шнапс фон Габенихтс, славянин по душе, что вы не любите искать похвал по рекомендациям и определяете достоинство сочинения не именем сочинителя, но содержанием и изложением. Это весьма нехорошо! Вы хотите быть авторами, читанными далеко и высоко, а не подумали, что для этого надобно быть в связях и в родстве. Например, хотя о подвигах рода барона Шнапса фон Габенихтса и молчит суровая история, но мы недавно отыскиали в развалинах одной чухонской кирки ребро, которое признано принадлежащим знаменитому предку барона Шнапса фон Габенихтса, воспели это ребро в стихах и сделали из него палицу для поражения всех критиков, которые не докажут древности своего рода¹. — Берегитесь! Другой приятель мой, также старый дворянин, прозвищем Ряпушкин², превосходящий подражаниями Вальтера Скотта и Вашингтона Ирвинга, уже более десяти лет занимается статистикою и физическою географией передних в знатных домах. Поднимаясь беспрестанно на цыпочки, он верно вскоре возвысится, и тогда будет вам другая беда, когда в исчислении жителей передних он не покажет издателей «Альдебарана»! Но я давно слышал, что вы не трусливого десятка, и потому надеюсь, что «Альдебаран» не прекратится, а я между тем прошу вас не причислять письма моего к «Альдебарану», хотя и можете напечатать его рядом со статьями, входящими в состав оногo.

Прощайте! — Ваш и проч.

П. Ковръжскин,
Сочинитель тысяча и одного предисловия.

Н. А. ПОЛЕВОЙ (?)

ЭПИГРАММА

(на голос: *Мое собрание насекомых*)

На ниве бедной и бесплодной
Российской прозы и стихов
Я, сын поэзии холодной,
Вам набрал травок и цветов;

* Тайна «Альдебарана» открыта; итак, мы должны поневоле перенести его из «Изящной словесности» в «Смесь», в разряд литературных шуток. *Изд<атели>*.

В тиски хохочущей сатиры
Я их когтями положил,
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.
Вот *Чайльд-Гарольдия* смешная;
Вот *Дон-Жуания* моя;
Вот *Дидеротия* блажная;
Вот *русской белены* семья;
Пырей Ливонии удалый,
И *финский* наш *чертополох*,
И *мак Германии* завялый,
И *древних эллинов* горох.
Всё, всё рядком в моих листочках
Разложено, положено,
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено!

Обезьянин

Ф. В. БУЛГАРИН
ПРЕДОК И ПОТОМКИ

(Сатирическая повесть)

<Отрывок>

ГЛАВА VII

Русский книжный магазин

Молитва облегчила грусть Сергея Свистушкина, и он вздохнул свободнее. Вышед на улицу, антикварий сказал ему:

— Не угодно ли завернуть в лавку, где продаются книги? Там узнаем мы, где жилище вашего внука.

— Пожалуй! любопытно посмотреть на книги. Я, бывало, любил проводить время в монастырских книгохранилищах. Посмотрим, что-то написано о наших временах!

Они вошли в лавку или в магазин. Уже было около 6 часов вечера, и запах рому слышен был в лавке, вероятно, для предупреждения гнилости и для истребления неприятного запаха от сырой бумаги. В лавке было два торговца, из которых один казался хозяином, а другой слугою, хотя между ими было что-то общее. Тот, который казался слугою, беспрестанно смотрел на своего товарища (вроде господина) и передразнивал все его ухватки. Если первый улыбался, то и другой делал то же; первый кланялся, и другой гнулся; первый бежал за книгами, и другой спешил туда же. Это припоминало несколько Дон-Кишота с его Санхо-Пансой.

— Сядьте и отдохните, Сергей Сергеевич, — сказал антикварий, — вы устали, и я также.

Хозяин лавки, почитая Свистушкина богатым иногородним купцом, пришедшим покупать книги для пожертвования какому-нибудь училищу, чтоб приобрести медаль, поспешил подать ему стул. Товарищ его хотел

предупредить его, и они так жестоко стукнулись лбами, что раздался стук, как от удара двух спелых арбузов. Сергей Свистушкин охнул и примолвил:

— Видно, крепколобого десятка.

— Есть ли у вас сочинения Никандра Семеновича Свистушкина? — спросил антикварий.

— Как не быть! есть-с, — отвечал хозяин.

— Есть-с! — примолвил его товарищ, бросился к полкам и принес целую кипу тоненьких книжонок.

Сергей Свистушкин взял в руки одну книжонку, развернул ее и остановился:

— Что это? Разве это по-русски напечатано? — спросил он у антиквария.

— Это гражданские буквы, изобретенные при царе Петре Алексеевиче, — отвечал антикварий. — Старинные буквы употребляются только для печатания церковных книг.

При сих словах книгопродавцы, думая, что Сергей Свистушкин безграмотный, но богатый купец, удвоили к нему внимание, ибо книгопродавцы весьма уважают безграмотных покупателей, которым могут сбывать с рук залежалые книги своего издания, писанные на заказ по рублю за лист, а продаваемые по десяти и более рублей. Хозяин сделал гримасу, означающую улыбку, и с поклоном сказал:

— Прекраснейшая книга-с! славного, знаменитого и модного сочинителя-с!

— Прекраснейшая книга-с! — повторил его товарищ, также кланяясь и улыбаясь.

— Прочти-ка заглавие, разумная голова! — сказал С. Свистушкин, подавая книгу антикварию.

— «Воры»¹, поэма; сочинение Никандра Свистушкина, в стихах.

— Что ты говоришь? Мой потомок пишет о ворах! Разве он служит в Сыском приказе?

Книжники посмотрели друг на друга в недоумении и не знали, что отвечать.

— Это выдумка, сказка, — сказал антикварий.

— В наше время так няньки, дядьки и холопы слагали сказки, а ныне, видно, дворянским сынам нечего делать, когда они взялись за это ремесло. Я никогда не воображал, чтоб мой потомок попал в сказочники!

— Сказки не равны, Сергей Сергеевич! — возразил антикварий. — От старинных сказок ничего не требовалось, кроме того, чтоб связать кое-как выдуманное происшествие. А ныне от сказки, называемой по-гречески поэмой, требуется гладких стихов, силы воображения, картин, списанных с природы, познания человеческого сердца, глубокой нравственности, философии...

— Перестань, умная голова! — сказал Сергей Свистушкин, — зачем столько мудрости, чтоб описывать жите-бытье *воров*? Стоит ли умному человеку ломать себе голову, чтоб узнать то, что известно каждому тюремщику! Ты морочишь меня.

— Нет, я говорю правду, Сергей Сергеевич. Здесь дело не о ворах, а об искусстве в рассказе. Один знаменитый немецкий стихотворец, по имени

Шиллер, прославился, написав трагедию, или, как в ваше время называли, *комедь, о разбойниках*², так и наши пустились тем же путем. Это мода, обычай века, чтоб описывать и выводить на показ все, что есть худого в мире: воров, убийц, бездушных изменников, бешеных, словом, всякого рода злодеев.

— Хорош обычай! Уж лучше бы описывать каких-нибудь витязей, хоть вымышленных, каковы, например, Полкан-богатырь, Бова Королевич и тому подобные.

— Вот другое сочинение вашего потомка, под заглавием «*Жиды*»³... — сказал антикварий, развергывая книгу.

— Ну их к черту! — возразил Сергей Свистушкин. — Этакой проказник, мой потомок! Я думаю, что он скоро доберется до чертей.

— Вот-с, прекраснейшие-с стихи-с, столь же знаменитого поэта-с, как и Никандр Семенович Свистушкин-с, — сказал книгопродавец с улыбкою, подавая несколько томов. — Здесь более чертей-с, нежели в самом аду-с, и столько мертвецов-с, что не поместятся на всех наших кладбищах-с! Прекраснейшие книги-с!⁴

— Прекрасная книга-с! — примолвил товарищ хозяина, также улыбаясь.

— Отвяжитесь вы от меня, греховодники! — сказал с гневом Сергей Свистушкин и встал со стула.

— Вы не любите-с чертовщины-с, — сказал книгопродавец. — Жаль, а это и в моде, и доставляет великую славу и уважение-с. Не угодно ли-с?

— Чертовщина доставляет славу и уважение! Да вы с ума сошли! — сказал С. Свистушкин.

— Вот идиллии, эклоги, стансы-с... — сказал книжник.

— Вот идиллии, эклоги, стансы-с, — промолвил товарищ хозяина. — Сочинитель пишет в древнем вкусе-с.

Сергей Свистушкин не удостоил ответом книжников и, посматривая на полки, спросил:

— Неужели все это русские книги?

— Никак нет-с. Русских книг есть гораздо более, нежели сколько их здесь видите-с, — отвечал хозяин. — Но если что прикажете, я тотчас пошлю в другие лавки.

Товарищ хозяина тотчас бросился к дверям и, держась за ручку замка, сказал:

— Что прикажете? сей час принесу!

— А ты сам пишешь ли книги? — спросил Сергей Свистушкин.

— Это не наше дело, — сказал книжник.

— Итак, ты торгуешь чужим умом, чужим трудом и чужим добром! — промолвил Сергей Свистушкин. — Видно, за то не много и барыша!

— Очень-с немного! за чужой товар я получаю *только* по двадцати копеек с рубля.

— Только! за это *только* надобно было бы поддержать тебя на правеже! Ты, брат, как я вижу, не жнешь, не сеешь, а хлебец собираешь! Это что за книжонки?

— Детские, в пользу воспитания юношества, не прикажете ли-с?

— А кто их пишет? Верно, отцы семейств, люди занимавшиеся воспитанием юношества!

— Никак нет-с. Отцы семейств и наставники покупают-с, а сочиняет кто попало, большею частью молодые люди, на заказ.

— Посечь бы этих ребят за то, что пишут для детей, едва вышед из детства, и тех, которые заказывают! — сказал Сергей Свистушкин. — Это что за кипы тоненьких книжонок и листов?

— Журналы и газеты-с. Не угодно ли подписаться-с?

— А что такое... как бишь их? журчалы, что ли, и газеты?

Книгопродавцы и антикварий улыгнулись, и сей последний сказал:

— Журналы, суть книжки, выходящие в известные сроки. Издатели их обязуются помещать новые небольшие сочинения и разбирать, то есть оценить по достоинству, отдельно выходящие книги.

— Так, стало быть, эти издатели умнее и опытнее других в книжном деле? — спросил Сергей Свистушкин.

— Так быть должно, но, по несчастью, по большей части дело идет напротив. Судят и рьят те, которые не могут и не умеют написать трех строк порядочно, а осуждают тех, которые их умнее.

— У вас, как я вижу, все идет наоборот! А *газеты* что такое?

— В них извещают о всех происшествиях, случившихся в целом мире, — отвечал антикварий.

— Вот это славно! И что ж, обо всем пишут правду?

— Не всегда. Иногда умалчивают о том, что знать всем должно, а извещают о том, чего знать вовсе не нужно, и представляют вещи не так, как они есть, а как надобно, чтоб было. Иногда и выдумывают небылицы...

— Что за чудеса, все идет наперекор здравому смыслу! Это что за книги?

— История российская-с! Превосходнейшая-с! не угодно ли-с?

— То есть летописи и хронографы, пересказанные другими словами, украшенные вымыслами, рассуждениями, или распространенные по воле сочинителя, по надобности и по духу времени, — сказал антикварий.

— Так, стало быть, те же сказки! — примолвил Сергей Свистушкин. — Ну, а это что за книги?

— Землеописание Российского государства-с! Не угодно ли-с? прекраснейшая-с книга-с!

— А справедливо ли все описано?

— В этом нельзя поручиться, — отвечал антикварий. — Сочинители, описывая страну, сами не ездят по ней, не меряют, не считают, не поверяют, не наблюдают, а извлекают известия из разных старых и новых книг, составленных также по слухам, и прибавляют все, что им кажется справедливым. От того выходит, что часто жители какого-нибудь города читают, что про них пишут, да посмеиваются, находя совсем противное на бумаге тому, что есть на деле!

— Так какая же из этого польза? те же сказки! — примолвил Сергей Свистушкин. — Ну, брат, охотники вы до сказок, и не мудрено, что вы мои похождения назвали сказкою! Странное дело ваше просвещение! Намереваетесь делать одно, а делаете другое; знаете сами, что пишете ложь,

а принимаете за правду, и вместо того, чтоб прославлять великих мужей, описываете воров и негодяев⁵! — Пойдем, брат, отсюда; здесь потеряешь ум, а не научишься ничему доброму. Однако ж я зайду к тебе на досуге и выберу кое-что для себя, чтоб посмеяться...

— Милости просим-с! — сказал книгопродавец с поклоном и улыбкою.

— Милости просим-с! — повторил его товарищ, также кланяясь и улыбаясь.

— А где живет Никандр Семенович Свистушкин? — спросил антикварий.

— Недалеко отсюда. Но вы его не найдете теперь дома; теперь такое время, что он сидит где-нибудь, в кругу своих знаменитых друзей, и принимает дань удивления и похвал. Поезжайте к его закадычному другу, барону Шнапсу фон Габенихтсу⁶. Он получил сегодня за треть жалованье: так, верно, у него происходит жертвоприношение трем божествам вечноюных поэтов: Вакху, Лени и Свободе. Барон Шнапс фон Габенихтс живет за Конной, в доме Запивошкина.

— Неужели ваши писцы идолопоклонники? — спросил Сергей Свистушкин. — Я боюсь за моего потомка.

— Не бойтесь: жертва не есть еще вера, — возразил антикварий.

Антикварий с бывшим стольником вышли из лавки, наняли крытые дрожки и поехали к барону Шнапсу фон Габенихтсу.

ГЛАВА VIII

Заседание любимых сынов Аполлона, поклонников Вакха, Лени и Свободы

Антикварий с бывшим стольником вошли в ворота дома Запивошкина, чтоб спросить дворника о жилище барона Шнапса фон Габенихтса. Дворник указал им на окна третьего этажа, под которыми лежала куча обломков бутылок, и повел их по узкой грязной лестнице. В передней они увидели остатки, или *барельефы*, пиршества⁷: обороченные жестяные судки, соленые огурцы на промокной бумаге, которою наделают покупателей в мелочных лавочках, соль, рассыпанную на столе, квас в умывальнике и т. п. — Вошел в первую и последнюю комнату барона Шнапса фон Габенихтса, они увидели собрание... (листы рукописи затеряны, а когда найдутся, то будут напечатаны в новом издании, в 1930 году).

Бывший стольник царя Алексея Михайловича так испугался своего потомка, что, воспользовавшись замешательством вакхической беседы, бросился за двери и, сбжав с лестницы, пустился во всю прыть по улице.

Антикварий догнал его и удержал за руку:

— Что с вами сделалось, Сергей Сергеевич? Неужели вы испугались деревянного кинжала в руках вашего потомка? — Бывший стольник молчал и только пыхтел. Антикварий продолжал: — Напрасно вы испугались, Сергей Сергеевич! Ваш потомок и его товарищи, право, в существе, добрые ребята и вовсе не опасны. Винные пары и угар от самолюбия перевернули мозг в их голове, и тщеславие заглушило все другие чувствования. Они сами не знают, чего хотят и что делают! Вопят противу всего в чаду винного упоения; помахивают деревянными кинжалами и грозят бумаж-

ными перунами негодования, а на деле лижут прах ног каждого сильного, из одной надежды получить что-либо, и ради обеда прославляют в посланиях блистательных шутов⁸. Ей-Богу, они только смешны, достойны сожаления, но вовсе не опасны с своими кинжалами и перунами! Я бы советовал вам взять вашего потомка к себе на дом и запереть на некоторое время, чтоб разлучить с его демоном соблазнителем⁹, с его друзьями, а может быть, вам удалось бы исправить...

— Да перестань! — воскликнул с досадой Сергей Свистушкин. — Что ты меня морочишь! Какой это потомок мой? Это маленькое зубастое и когтистое животное, не человек, а обезьяна!¹⁰ В этом ты не переуверишь меня, хоть божись, хоть клянись! Пускай себе она хоть утонет в вине... я знать не хочу!

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ» НЕСЧАСТНЫЙ ПОЭТ

Один известный поэт был не весьма пригож собою, отчего все женщины не совсем его жаловали: он имел большие серые глаза, рот, занимавший все пространство от одного уха до другого, отвислые губы, длинный нос, загнутый книзу, и рыжеватые бакенбарты. Все это придавало ему вид непривлекательный, притом же, несмотря на его пиитический ум и *душу*, голос его вовсе не был звучен и трогателен, а ближе походил на скрип немазанных колес. Однако ж вопреки своей наружности он влюблялся во всех женщин, которые, как мы уже сказали, платили ему хладнокровием. Однажды, после тщетных его преследований некоторой особы и потеряв всю надежду победить ее непреклонность, в отчаянии вскричал он: «Да полюбите меня, сударыня, по крайней мере за мой ум!» — «Я вас и люблю за ум, но только *умом!*» — отвечала она хладнокровно. — В эту минуту вошел стройный высокий молодой человек, и поэт отгадал в нем, кого любила *сердцем* N.... — Несчастный, удаляясь в бешенстве, проклинал любовь и красоту; но, вероятно, более сетовал на свое безобразие. Вскоре после того он получил от той же особы письмо, наполненное нежнейшими выражениями, где между прочим упоминалось, что она готова его любить как Элоиза Абеларда! — Оскорбленный поэт в отмщение ей написал сатирическую повесть в стихах, в которой неосторожно изобразил собственное свое приключение.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник продолжает научно подготовленное и широко комментированное издание русской критической литературы о Пушкине — «Пушкин в прижизненной критике». Первая книга, охватывающая период 1820—1827 гг., вышла в 1996 г. под общей редакцией В. Э. Вацуро и С. А. Фомичева. Настоящий том включает критические и литературно-poleмические статьи 1828—1830 гг. Общая структура сборника и принципы подготовки материала соответствуют заявленным в первой книге. Издание основано на сквозном просмотре русской периодической печати 1828—1830 гг. Материал расположен в хронологическом порядке с незначительными отступлениями от хронологии в случае тесной взаимосвязи между собой отдельных статей. Источником текстов служит их первая публикация; орфография и пунктуация приближены к современным с сохранением наиболее ярких индивидуальных авторских особенностей, а также произносительных и синтаксических особенностей пушкинского времени. Незначительные ошибки, допускаявшиеся критиками при цитировании пушкинских текстов, а также некоторые расхождения первых изданий пушкинских произведений с изданиями позднейшими в комментарии не оговариваются. Очевидные опечатки в текстах исправляются также без оговорок.

Ссылки на произведения Пушкина даются в комментарии по изданию: *Пушкин. Полное собрание сочинений*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI; М., 1959. Т. XVII (Справочный), с указанием тома и страницы.

Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 244, оп. 1), даются сокращенно: ПД, с указанием номера единицы хранения и, в случае необходимости, листа рукописи.

В Приложении 1 печатаются poleмические заметки Пушкина, написанные в Боддине осенью 1830 г. Приложение 2 включает некоторые пародийно-polemические тексты.

Примечания к тому завершаются историко-библиографическими справками (в алфавитном порядке) о периодических изданиях, печатавших критические материалы о Пушкине в 1828—1830 гг. Издания, упоминаемые в первой книге, не аннотируются.

Тексты подготовили и примечания составили:

А. М. Березкин («Бабочка», «Вестник Европы»);

В. Э. Вацуро («Санктпетербургский зритель»);

С. В. Денисенко («Дамский журнал»; «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности»);

О. Н. Золотова («Сын отечества», совм. с Е. В. Лудиловой);

Т. А. Китанина («Денница», совм. с Г. Е. Потаповой; Приложение 2 («Евгений Вельский» М. И. Воскресенского, «Предок и потомки» Ф. В. Булгарина)).

Т. И. Краснобородько (Приложение 1).

Е. О. Ларионова («Атеней»; «Галатей»; «Московский телеграф»; «Северная звезда»; «Северная пчела»; «Северный Меркурий»; «Тифлиссские ведомости»; Приложение 2 (тексты М. А. Бестужева-Рюмина и из журнала «Московский телеграф»).

Е. В. Лудилова («Сын отечества», совм. с О. Н. Золотовой).

Г. Е. Потапова («Денница», совм. с Т. А. Китаниной; «Московский вестник»; Приложение 2 (текст из журнала «Сын отечества»)).

А. И. Рогова («Славянин»).

С. Б. Федотова («Литературная газета»; «Северные цветы»).

Указатели составлены коллективом издания. Общая редактура тома осуществлена Е. О. Ларионовой. Составители с благодарностью воспользовались указаниями рецензентов тома В. Д. Рака и С. А. Фомичева и редактора издательства О. Э. Карпеевой.

1828

О. М. СОМОВ

ОБЗОР РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1827 ГОД

<Отрывок>

СЦ на 1828 г. СПб., 1827 (выход в свет 22 декабря 1827 г. — П. в печати. С. 47—48). «Проза». С. 3—82; приводимый отрывок — с. 34—37.

Обозрения российской словесности Ореста Михайловича Сомова (1793—1833), первое из которых появилось в «Северных цветах» на 1828 г., с этого времени регулярно открывали прозаический раздел альманаха Дельвига—Пушкина. Лишь последняя книжка «Северных цветов» на 1832 г., изданная в память о Дельвиге после его смерти, вышла без критического обозрения. Об О. М. Сомове см.: П. в критике, I. С. 386; Черейский. С. 413—414. Сближение его с кружком Дельвига—Пушкина произошло, очевидно, весной 1827 г., когда он принял предложение Дельвига участвовать в издании «Северных цветов». Однако встречен он был всеми настороженно, особенно Пушкиным, который не мог забыть сомовские эпиграммы и статьи, направленные против Дельвига. «Вскоре, однако же, все переменили мнение о Сомове, — вспоминал А. И. Дельвиг. — Он сделался ежедневным посетителем Дельвига или за обедом, или по вечерам. Жена Дельвига и все его общество очень полюбили Сомова. Только Пушкин продолжал обращаться с ним с некоторою надменностью» (П. в восп. Т. 2. С. 118; см. также: Вацуру. С. 111—113). В 1828—1829 гг., принимая деятельное участие в делах «Северных цветов», Сомов продолжал сотрудничать с Булгариным и Гречем в «Северной пчеле» и «Сыне отечества», разрыв с которыми произошел с началом издания «Литературной газеты».

Об альманахе «Северные цветы» на 1828 г. см.: Вацуру. С. 108—131. Из произведений Пушкина в альманахе напечатаны стихотворения «Ангел» («В дверях Эдема ангел нежный...»), «Элегия» («Под небом голубым страны своей родной...»), «Череп. (Послание к Д.)» («Прими сей череп, Д<ельвиг>, он...»), отрывок из трагедии «Борис Годунов» (сцена «Граница Литовская») и поэма «Граф Нулин»; в прозаическом отделе альманаха без указания авторства были опубликованы пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания». К книжке был также приложен портрет Пушкина — гравюра Н. И. Уткина с оригинала О. А. Кипренского (портрет Кипренского был написан по просьбе Дельвига).

«Обзор российской словесности за 1827 год» (точнее, за десять его месяцев), по-видимому, не выражал общей позиции издателей альманаха. Сомов продолжил некоторые идеи бестужевских обзоров в «Полярной звезде», затронув проблемы борьбы за широкую читательскую аудиторию и национальную литературу (по мнению автора, русская словесность уже стала в ряд европейских) и развития русского языка и языка оригинальной прозы. Он также выступил против эпигонов, в том числе против элегиков. В соответствии с литературными пристрастиями

Сомова был сделан разбор журналов и альманахов. Он благосклонно писал о «Сыне отечества» и «Северной пчеле», высказал замечания в адрес «Московского телеграфа», «Вестника Европы» и «Московского вестника», пренебрежительно отозвался о «Дамском журнале» Шаликова и обрушился с резкой критикой на Воейкова.

В целом «Северные цветы» на 1828 г. были встречены весьма доброжелательно. Их называли «лучшим» из всех «поныне вышедших в свет альманахов» (СПч. 1828. № 5, 12 января; рец. Ф. В. Булгарина), «по-прежнему берущим преимущество над прочими своими собратиями не по наружности, а по внутреннему достоинству» (МВ. 1828. № 2. С. 185; о замечании по поводу ошибочного деления альманаха на «Прозу» и «Поэзию» и о реакции Дельвига см. наст. изд., с. 36, 341). О произведениях Пушкина, напечатанных в альманахе, все отзывались восторженно, как о «прекраснейших из новых цветов русской поэзии» (МТ. 1828. Ч. 19, № 1. С. 125; рец. Н. А. Полевого). Всеобщее неудовольствие вызвал только критический «Обзор» Сомова. Н. А. Полевой, отметив, что последний был «слишком жесток в приговоре “Телеграфу”», писал: «Нам показалось странным утверждение автора, что несоразмерность русской литературы с другими не так велика, как думают вообще и говорят многие: беремся доказать ему, что вся русская литература, с начала ее доныне, не сравнится с тем, что в Англии или в Германии и — даже во Франции, на которую теперь в моде нападать, является в десять лет. Жалуясь на пристрастие русских к иноземному и полагая это одною из главных причин слабости нашей литературы, автор должен был перевернуть вопрос и на другую сторону: не от слабости ли отечественной литературы и происходит это пристрастие?» (Там же. С. 128). Рецензент «Московского вестника» назвал сомовский «Обзор» «худшей изо всех пизс в прозе», «каталогом книг, вышедших в 1827 году, сшитым на живую нитку» (1828. Ч. 7, № 2. С. 188). Булгарин также был недоволен им, заметив, что об одних только сочинениях Пушкина Сомов «сказал, что следует» (СПч. 1828. № 1, 3 января; № 2, 5 января). Подробнее об отзыве Булгарина см. наст. изд., примеч. к след. статье; см. также выпад против Сомова в «Славянине» (1828. Ч. 5, № 1. С. 34).

Ф. В. БУЛГАРИН

РАССМОТРЕНИЕ РУССКИХ АЛЬМАНАХОВ НА 1828 ГОД

1. «Северные цветы»

<Отрывки>

СПч. 1828. № 1—5; приводимые отрывки — № 3, 7 января; № 4, 10 января; № 5, 12 января. Подпись: Ф. Б.

Рецензией на «Северные цветы» на 1828 г. начинался ежегодно печатавшийся в «Северной пчеле» разбор новых русских альманахов. Ранее, в № 139 (19 ноября) 1827 г., газета писала о скором выходе альманаха, делилась с читателями своими «приятными ожиданиями» и сообщила о публикации в альманахе новой поэмы Пушкина «Граф Нулин». В настоящей рецензии «Северные цветы» получили в целом высокую оценку и признаны Булгариным «лучше всех поныне вышедших в свет альманахов» (№ 5). Значительная часть разбора (в № 1, 2) посвящена критике открывавшего альманах «Обзора российской словесности за 1827 год» О. М. Сомова. Упрекая автора «Обзора» в противоречиях и непоследовательности суждений, Булгарин главным пунктом своих критических возражений делает утверждения Сомова, что русская словесность уже стала в разряд европейских и что Италия, Франция, Германия и Англия не много богаче русской литературы числом «от-

личнейших творений» и «славнейших писателей». «Почитаю не только бесполезным, но даже вредным убаюкивать лестью народ, который имеет столько других прав на славу, — пишет Булгарин (№ 1, 3 января). — <...> Начав поздно трудиться на поприще наук и словесности, мы доказали, что имеем и силы и средства достигнуть высокой степени. Мы представили *образчики* изящного во всех почти родах, кроме басни, которая доведена у нас до возможной степени совершенства. Но у нас есть только *образчики* в других родах, в сравнении с целыми магазинами других народов. Я не хочу обременять моей статьи именами и примерами: каждому легко счесть по пальцам все отличнейшие наши произведения и сравнить с произведениями других народов. Где наши драматические произведения, где поэмы, где история, где романы? Словесность наша сосредоточилась в журналах и альманахах, и в них еще много ли истинно изящного?» Далее (№ 2, 5 января), признавая недостаточными суждения Сомова о русской словесности прошедшего года, Булгарин замечает: «Об одних только сочинениях Пушкина он сказал, что следует. Ни одно сочинение по части изящной прозы не оценено и не определено по достоинству».

¹ С сентября 1826 г. все произведения Пушкина были освобождены от общей цензуры и цензуровались лично Николаем I. Пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания», выдержанные в рамках распространенного в 1820-х гг. типа журнальной и альманашной статьи, включали фрагмент о Н. М. Карамзине. Пушкинские воспоминания, написанные в противовес официально проводившейся канонизации образа Карамзина и содержавшие, кроме того, в зашифрованном виде упоминание о молодых политических оппонентах Карамзина — деятелях декабристского движения, могли вызвать серьезные возражения Николая I. Избегая «высочайшей цензуры», Пушкин напечатал статью анонимно. Подробнее об истории публикации «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» см.: Вацуро В. Э. «Подвиг честного человека» // Вацуро, Гиллельсон. С. 29–96.

Слово «остроумный» употреблено Булгариным в значении «одаренный острым, пронизательным умом» (см.: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 4. Стб. 447).

² «Корректурные листы русской грамматики» Н. И. Греча печатались тиражом 50 экземпляров для научного обсуждения, как подготовительный материал к будущей «Грамматике», которая должна была быть издана «в надлежащем виде» «по рассмотрении, исправлении и одобрении сих корректурных листов». Предполагалось отпечатать 4 «тетради». По-видимому, вышла только «Тетрадь 1-я» (СПб., 1823) — известны экземпляры в Библиотеке Пушкинского Дома (из коллекции А. Ф. Онегина) и в РНБ. В ноябре 1827 г. в С.-Петербурге вышли составленные Н. И. Гречем «Практическая русская грамматика», первое систематическое грамматическое руководство в России, и первый том «Пространной русской грамматики», за которую Греч был в том же году удостоен звания члена-корреспондента Академии наук (см. восторженную рец. Булгарина на выход грамматик: СПб. 1827. № 138, 17 ноября). 6 декабря 1827 г. Пушкин в числе других приглашенных присутствовал на торжественном обеде у Греча по случаю выхода грамматик (см. описание обеда в записке Булгарина в III Отделении: Видок Фиглярин. С. 230–231). В 1828 г. были изданы «Начальные правила русской грамматики» Греча, несколько десятилетий остававшиеся самым употребительным учебником. Главы из нравственно-сатирического романа Булгарина «Иван Выжигин» печатались с 1825 г. в издававшемся Булгариным журнале «Северный архив»; полностью опубликован в 1829 г. Комедия «Горе от ума», завершенная в 1824 г., широко распространялась в списках; полностью была напечатана только в 1833 г. В изданном Булгариным альманахе «Русская Талия на 1825 год» напечатаны явл. 7–10 действия I и целиком действие III. Говоря о «спорах в журналах», Булгарин имеет в виду полемику, которая

развернулась после публикации в «Русской Талии», между резко критиковавшими комедию на страницах «Вестника Европы» М. А. Дмитриевым и А. И. Писаревым, и выступившими против них — в защиту «Горя от ума» — О. М. Сомовым в «Сыне отечества» и В. Ф. Одоевским в «Московском телеграфе». Хвалебные отзывы о комедии появились также в «Сыне отечества» (Н. И. Греча), «Московском телеграфе» (Н. А. Полевого), «Полярной звезде» на 1825 г. (А. А. Бестужева), «Мнемозине» (В. Ф. Одоевского) (см. подробнее: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 289–292).

³ *Путешественник Ансело* — Жак-Арсен-Франсуа-Поликарп Ансело (Ancelet; 1794–1854), французский поэт и драматург, прибывший в Россию в свите маршала Мармона на коронацию Николая I. Пробыв в России полгода, Ансело вернулся во Францию и выпустил книжку «Six mois en Russie. Lettres écrites a M. X.-B. Saintines, en 1826, a l'époque du Couronnement de S. M. L'Empereur» (Paris, 1827) («Шесть месяцев в России. Письма к К.-Б. Сэнтину в 1826 году, во время коронации»), написанную в достаточно пренебрежительном по отношению к России тоне и содержащую большое число ошибок. Суждения Ансело о русской литературе в значительной мере определялись его общением с Булгариным и Гречем, — не случайно лестный отзыв именно об их произведениях содержится и в пересказанной Пушкиным цитате (подробнее см.: Письма. Т. 2. С. 160–161; *Алексеев М. П.* Пушкин и Запад // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 274–275). В современных изданиях Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания» печатаются по тексту белого автографа, в нескольких местах отличающегося от публикации «Северных цветов» (ср.: XI, 54, 331).

⁴ Ранее в этой же статье (в № 1), возражая Сомову, который заметил в своем «Обзоре», что упрек в скудости русской словесности основывается на печатных ее произведениях, Булгарин писал: «Правда, что у нас есть в рукописи несколько истинно изящных драматических произведений, но в сравнении с другими словесностями эти рукописные творения не могут перетянуть весов на нашу сторону...».

⁵ Рассуждения Булгарина о нравственности в литературе содержат скрытую полемику с напечатанной в «Северных цветах» на 1828 г. («Проза», с. 301–311) статьей П. А. Плетнева «О стихотворениях Баратынского» (рец. на «Стихотворения Евгения Баратынского» (М., 1827)). Плетнев отводил от Баратынского, «поэта элегического, иногда слишком резвого в своих забавах с грациями», возможные упреки в безнравственности, критику, которая «преследует как злодеяние каждую шалость воображения». Утверждая, что моральная дидактика не входит в задачи поэзии, Плетнев апеллировал к мнению М. Н. Муравьева, «человека строгой нравственности и высокого любомудрия»: «Все то, что способствует к доставлению вкусу более тонкости и разборчивости, что приводит в совершенство чувство красоты в искусствах или письменах, отводит нас в то же самое время от грубых излишеств страстей, от неистовых воспалений гнева, жестокости, корыстолюбия и прочих подлых наслаждений» (*Муравьев М. Н.* Забавы воображения // *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1820. Ч. 3. С. 122); а также В. А. Жуковского: «Пушай рассудок вооружается противу чувства и страсти, производимых в нас стихотворцем; пушай отвергает он, как ложный или мечтательный, тот образ мнения, который мы нечувствительно принимаем вместе с поэтом, пушай находит недостойными или чудовищными те характеры, которые, будучи украшены цветами поэзии, кажутся нам привлекательными и превосходными: все это не принадлежит к стихотворному искусству. Оно имеет в виду одно изящное, действует исключительно на одно чувство, остается довольным, если недостаток морально-прекрасного не обратится в совершенно моральное безобразие. Стихотворец исполнил свою должность как стихотворец: он прав перед судилищем критики» (О нравственной пользе поэзии (Письмо к Филалету) // *Переводы в прозе В. Жуковского.* 2-е изд.

СПб., 1827. Т. 3. С. 68; перевод из сочинений немецкого философа и эстетика И.-Я. Энгеля).

⁶ «Граф Нулин» был написан в Михайловском 13–14 декабря 1825 г.; о поводе, который натолкнул его на сюжет «Графа Нулина», Пушкин писал впоследствии в особой заметке, оставшейся неопубликованной («В конце 1825 года находился я в деревне...», 1830). Начало (до ст. 30: «Опустошительный набег») было напечатано в 1827 г. в «Московском вестнике» (Ч. 1, № 4). Рецензия Булгарина явилась первым критическим откликом на публикацию полного текста поэмы. Предметом оживленных критических споров «Граф Нулин» стал, однако, почти год спустя, после издания отдельной книгой вместе с поэмой Е. А. Баратынского «Бал».

⁷ «Драматическая поэма» «*Дон Карлос, инфант Испанский*» («*Don Carlos, Infant von Spanien*», 1787) и драматическая трилогия «*Валленштейн*» («*Wallenstein-Trilogie*», 1798–1799) — исторические пьесы Ф. Шиллера.

⁸ Стихотворение Пушкина «Череп» было опубликовано в «Северных цветах» с подписью: «Я». А. И. Дельвиг, двоюродный брат издателя альманаха, рассказывал в своих воспоминаниях: «Стихотворения (Пушкина. — *Ред.*), назначенные к напечатанию в «Северных цветах» на 1828 год, были в октябре уже просмотрены императором, и находили неудобным посылать к нему на просмотр одно стихотворение «Череп», которое, однако же, непременно хотели напечатать в ближайшем выпуске «Северных цветов». Тогда Пушкин решил подписать под стихотворением «Череп» букву «Я», сказав: «Никто не усомнится, что Я — Я». Но между тем многие усомнились и приписывали это стихотворение поэту Языкову. Государь впоследствии узнал, что «Череп» написан Пушкиным, и заявил неудовольствие, что Пушкин печатает без его цензуры» (Пушкин в восп. Т. 2. С. 117).

П. И. ШАЛИКОВ

ОБ АЛЬМАНАХАХ НА 1828 ГОД

<Отрывок>

ДЖ. 1828. Ч. 21, № 2 (выход в свет 15–18 января — МВед. 1828. № 5, 18 января). С. 89–95; приводимый отрывок — с. 89–92. Без подписи.

Статья с характерными обращениями к «любезным читательницам» и выступлением в их защиту может быть с уверенностью атрибутирована самому редактору «Дамского журнала». О князе Петре Ивановиче Шаликове см.: П. в критике, I. С. 479–480. В статье практически отсутствует общая оценка альманаха; внешне комплиментарные, как всегда у Шаликова, отзывы о произведениях Пушкина не лишены колкости. В конце 1820-х гг. Шаликов продолжал оставаться одним из постоянных адресатов эпиграмм поэтов пушкинского круга (см. эпиграммы 1827 г. «Грузинский князь, газетчик русский...» Баратынского, «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» Пушкина и Баратынского). В «Северных цветах» на 1828 г. также была анонимно напечатана эпиграмма на Шаликова «Русский романтик русскому классику» («Дрожащий под ферулой школьник...»). Возможно, Шаликов приписал ее Вяземскому, своему давнему литературному противнику, адресату эпиграмм, печатавшихся в «Дамском журнале» (см.: Невольное сравнение // ДЖ. 1827. Ч. 20, № 24; Издатель и Журнальный сыщик // ДЖ. 1828. Ч. 21, № 5; также: Русская эпиграмма (XVIII–начало XIX века). Л., 1988. С. 358–359 (Б-ка поэта. Большая серия)). Шаликов мог особенно враждебно относиться к Вяземскому как к активному сотруднику «Московского телеграфа», с которым ожесточенно полемизировал «Дамский журнал». Во всяком случае, резкие выпады против Вяземского занимают центральную часть шаликовского отзыва на альманах. В этом

же номере журнала непосредственно перед рецензией на «Северные цветы» была напечатана ответная эпиграмма Шаликова «Русский классик русскому романтику» («Преступный, но слепой раскольник!..»). На самом деле автором эпиграммы в «Северных цветах» был О. М. Сомов (см.: Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912. Ч. 1. С. 76; Русская эпиграмма (XVIII—начало XIX века). С. 152, 280). Сомову же принадлежал пренебрежительный отзыв о «Дамском журнале» в «Обзоре российской словесности за 1827 год»: «“Дамский журнал” сквозь призму желтой своей обертки и пестреньких картинок пропускал в благоприятных цветах свою прозу, похожую на китайскую живопись, и стишки легче пуху» (СЦ на 1828. «Проза». С. 19).

¹ Московский альманах на 1828 год, истории, словесности и нравственности. Изданный Сергеем Глинкою. М., 1828.

² Начало «Графа Нулина» (до ст. 30: «Опустошительный набег») было напечатано в «Московском вестнике» (1827. Ч. 1, № 4).

³ «Море» (1826) — стихотворение П. А. Вяземского, помещенное сразу вслед за «Графом Нулиным» («Поэзия», с. 18–22). Далее следует разбор этого стихотворения с издевательским цитированием отдельных стихов и выражений.

⁴ «Элегия» («Есть наслаждение и в дикости лесов...», 1821) К. Н. Батюшкова помещена сразу после «Моря» («Поэзия», с. 23).

⁵ *Фарос* — маяк (от имени маяка на острове Pharos близ Александрии в Египте).

⁶ Анонимное стихотворение с подзаголовком: «Подражание Беранжеру».

⁷ В современных изданиях Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания» печатаются по тексту белогого автографа, в нескольких местах отличающегося от публикации «Северных цветов». Ср.: «Это напоминает славное решение, приписываемое Петру I...» (XI, 53).

С. П. ШЕВЫРЕВ

ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1827-й ГОД

<Отрывок>

МВ. 1828. Ч. 7, № 1 (выход в свет 15–18 января — МВед. 1828. № 5, 18 января). С. 59–84; приводимый отрывок — с. 65–70. Без подписи.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) — поэт, критик, теоретик и историк литературы, профессор Московского университета (с 1834), видный публицист, представитель лагеря так называемой «официальной народности». Выпускник Московского университетского Благородного пансиона (1822), служащий Московского архива Министерства иностранных дел, участник двух обществ, наиболее характерно выражавших умонастроения и литературные ориентации этой среды — литературного кружка С. Е. Раича и «Общества любомудрия» (см. статью о «Московском вестнике» — наст. изд., с. 534). С 1820 г. стихи Шевырева регулярно печатаются в московских журналах и альманахах.

Шевырев стал одним из главных сотрудников и присяжным критиком «Московского вестника». В журнале публиковались многие стихотворения и статьи Шевырева, а также его переводы из Шиллера, Гете, Ж.-П. Рихтера, Мандзони, Мицкевича и др. Пушкин неоднократно отзывался о произведениях Шевырева с похвалой (см., например: XI, 103, 105; XIV, 21), однако подлинной литературной близости между ними все-таки не было. Высокомерное пренебрежение Шевырева к «гладким» стихам поэтов пушкинской школы и его опыты в создании архаизованной, стилистически витиеватой «поэзии мысли» вызывали неприятие в ближай-

шем окружении Пушкина (см., например, оценку Шевырева стилистической практики поэтов пушкинского круга в его стихотворении «Критику» («Вменяешь в грех ты мне мой темный стих...») — Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 195 и 702–703; коммент. В. С. Киселева-Сергенина (Б-ка поэта. Большая серия)).

В начале 1829 г. Шевырев уезжает за границу как наставник сына княгини З. А. Волконской. В Италии он пишет стихотворное «Послание к А. С. Пушкину» (1830), где призывает Пушкина реформировать русский стих, сделать его более шероховатым и тем самым более пригодным для «поэзии мысли» (которая, по мнению Шевырева, неминуемо предполагает известную затрудненность восприятия). К тому же времени относятся попытки Шевырева реформировать русское стихосложение по итальянскому образцу, вызвавшие несогласие Пушкина (см.: РА. 1882. № 6. С. 185; ЛН. М., 1934. Т. 16–18. С. 750). Со своей стороны, Шевырев более чем сдержанно относится к Пушкину-публицисту, критически отзываясь о «Литературной газете», хотя печатается там и осуждает Погодина, что тот «вовсе чуждается петербургской шайки» (т. е. пушкинского круга) (см.: ЛН. Т. 16–18. С. 744–745; ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 92).

В 1830-е гг., после возвращения Шевырева в Россию, литературное общение его с Пушкиным не прекращается (см., например, начатую Пушкиным рецензию на книгу Шевырева «История поэзии» (М., 1835) — XII, 65–66), однако Шевырев уже не так надеется на Пушкина, как в первые годы «Московского вестника». Так, например, он отклоняется панегирической статьей на «Стихотворения» В. Г. Бенедиктова, приветствуя «поэзию мысли», пришедшую на смену поэзии пушкинского периода — «периода форм» (МН. 1835. Ч. 3. Август, кн. 1. С. 442). Подытожить свои представления о Пушкине и его роли в развитии русской поэзии Шевырев пытался позднее в рецензии на посмертный том пушкинского журнала «Современник» (МН. 1837. Ч. 12. Июнь, кн. 1. С. 311–319) и на тома 9–11 посмертного издания «Сочинений Александра Пушкина» (Москв. 1841. № 9. С. 236–270).

«Обозрение русской словесности за 1827-й год» — программная статья Шевырева, одна из наиболее значительных в ранний период его деятельности. Характерным для «любомудров» образом Шевырев связывает здесь развитие словесности с развитием наук, которые «всегда имели первое и решительное влияние на словесность у всех народов». Критик констатирует отставание России от Западной Европы, особенно в развитии наук исторических и поэтических. «Роковыми двенадцатью днями, — писал Шевырев, — просвещенная Европа ушла вперед от нас, и в сие малое, по-видимому, время много, много совершить должно, чтобы достигнуть быстро шагающих соперниц России. Потребен был Петр Первый, чтобы привести нас из седьмого тысячелетия неподвижной Азии в 18-ое столетие деятельной Европы; потребны усилия нового Петра, потребны усилия целого народа русского, чтобы уничтожить роковые дни, укоряющие нас в младшинстве перед Европою, и уравнивать стили» (с. 61–62). По сравнению с уже устоявшейся жизнью европейских народов русская жизнь казалась Шевыреву еще не оформившейся, находящейся в процессе становления: «Мы в немощном бездействии смотрим на Европу, но еще не прошли необходимых эпох постепенного совершенствования, не созрели еще для того, чтобы деятельное принять участие в деле европейского просвещения» (с. 64). Культурное «брожение» в России входит, однако, в ту стадию эволюции, когда можно наконец ожидать появления подлинно национального поэта, в творчестве которого должна выразиться и быть закреплена достигнутая нацией степень самосознания. В этой части «Обозрение» перекликалось со статьей Шевырева «Веверлей, или Шестьдесят лет назад. Соч. В. Скотта», в которой та же проблематика разрабатывалась более подробно, в частности, указывалось на появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина как на предвестие того, что в ближайшее время в России история должна стать достоянием поэзии, как это

произошло в Англии: «...народ, имеющий историю написанную, есть уже народ образованный. <...> Англичане не только превзошли своими историками другие народы, но сделали историю свою предметом искусства — поэзии, и совершитель сего великого дела был Вальтер Скотт» (МВ. 1827. Ч. 5, № 20. С. 415). В этом идеологическом контексте возникает в Шевыревском «Обозрении» мысль, что новый национальный поэт, который должен прийти на смену стихийному гению, «Державину необразованному», «может быть, уже таится в России». Такие надежды Шевырев возлагает прежде всего на Пушкина (ср. в «Послании к А. С. Пушкину»: «Помазанный Державиным-предтечей, Наш депутат на европейском вече, Ты — колокол во славу россиян!»). Представление о том, что обращение к национальной истории является свидетельством зрелости национальной поэзии, объясняет преимущественное внимание критика к сцене из «Бориса Годунова», где «любомудры» видели близкое им по духу стремление к философичности, историзму и народности. В то же время, говоря о «Евгении Онегине», Шевырев обходит молчанием характер главного героя романа, по-видимому, находя его лишенным значительности; здесь обнаружил себя философский «барьер», мешавший Шевыреву и другим «любомудрам» полностью принять зрелые произведения Пушкина.

Характеристика Шевыревым Пушкина как поэта, по природе своей склонного к «объективному» изображению внешнего мира и (после преодоления байронической «субъективности») обращающегося к живописанию русской жизни, вскоре нашла развитие в статье И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (МВ. 1828. Ч. 8, № 6; наст. изд., с. 73—82). Ср. также упоминание имени Пушкина в контексте рассуждений об «идеальной» (т. е. субъективной) и объективной формах поэзии в статье Шевырева «Манфред, драматическая поэма в трех действиях. Сочинение лорда Байрона. Перевел с английского М. В<ронченко>» (МВ. 1828. Ч. 10, № 13. С. 57—58). Здесь Шевырев постулирует существование «двух противоположных направлений поэзии, ясными и резкими чертами означенных». «Один род ее изображает жизнь человеческую с ее стихиями, как то: характерами, действиями, случаями, чувствами и проч., второй «употребляет происшествие одним средством, одною рамкою, для того только, чтобы вместить в нем идею высокую или сильное чувство». Первый род представлен именами Гете, Вальтера Скотта, Купера, Ирвинга; второй — Шиллера, Байрона, Мура, Жуковского. Пушкина Шевырев уверенно относит к первому роду, замечая, однако: «Наш Пушкин в “Кавказском пленнике” и “Бахчисарайском фонтане” переходит во второй род; но вспомним, что в сих произведениях он является более подражателем, чем оригинальным поэтом».

Об «Обозрении русской словесности за 1827-й год» см.: *Мани Ю. В.* Русская философская эстетика (1820—1830-е годы). М., 1969. С. 157—162; *Udolph L. S. P. Sevyrev. Ein Beitrag zur Entstehung der Romantik in Rußland.* Köln; Wien, 1986. S. 110—112.

В своем «Обозрении» Шевырев начал открытую и ожесточенную войну с Булгариным, дав резко негативную оценку его сочинениям. У Булгарина, по мнению Шевырева, совершенно отсутствует «сия теплота чувства или мысли, которая роднит душу читателя с писателем» (с. 77). «Главный их характер — безжизненность: из них вы не можете даже определить образа мыслей в авторе. Слог правилен, чист, гладок, иногда жив, изредка блещет остроумием, — но холоден» (с. 77). Литературные труды Булгарина — «послужные списки о некоторых частных лицах, почтенные именем “Воспоминаний”, бесцветные статьи о нравах, писанные с целью доказать весьма известные нравственные правила <...>. Г. Булгарин, кажется, завладел монополиею в описании *нравов*; но писатель без *своего* воззрения на мир, без глубокомыслия, с одними только обветшалыми правилами, без пронизательности, без иронии никогда не успеет в этом роде. У г. Булгарина вы не найдете

светлой, разнообразной, пестрой картины современных обычаев и характеров; он смотрит на них не своими глазами, а сквозь стекло чужеземных писателей, не русские нравы описывает, а переделывает чужие на русские, подражая в этом случае нашим комикам. <...> Нехитрость лиц, создаваемых автором, показывает недостаток искусства в нем самом» (с. 77–78). Выступление Шевырева нарушило установившееся на некоторое время хрупкое журнальное перемирие. Поместив в № 11 «Северной пчелы» (26 января) 1828 г. ответный отзыв на «Обозрение» Шевырева, Булгарин требовал от редактора «Московского вестника» М. П. Погодина, в момент публикации «Обозрения» находившегося в Петербурге, отречься от «наполненной противоречиями и ошибками всякого рода» статьи своего сотрудника. Погодин, на самом деле относившийся с неодобрением к выступлению Шевырева (см.: Барсуков. Т. 2. С. 169), в следующем номере «Московского вестника» напечатал свое «объяснение»: «Я долгом поставлю сказать здесь, что она (статья Шевырева. — *Ред.*) была бы напечатана и при мне, хотя, разумеется, я приложил бы к ней свои замечания или сообщил их автору, если бы сей последний рассудил за благо воспользоваться ими»; со своей стороны, он упрекал Булгарина в подмене серьезного и доказательного опровержения статьи Шевырева мелочными придирками (МВ. 1828. Ч. 7, № 2. С. 268). В ответ «Северная пчела» начала последовательную, из номера в номер травлю Шевырева. В № 37 (27 марта) в статье «Литературные шутки. Переписка Асмодея с Мефистофелем о разных литературных диковинках» было грубо высмеяно стихотворение Шевырева «Журналист и злой дух» (МВ. 1827. № 24), где, по словам Булгарина, Мефистофель говорит «не как остроумнейший из демонов, но как настоящий поборник уснувшей Готтшедовой немецкой школы», «языком, которого не понимают ни на здешнем, ни на том свете», а сам автор назван «чувствительно-выспренным, романтико-философическим поэтом». В № 52 (1 мая) помещена статья «О высоком и прекрасном в сочинениях г. Степана Шевырева» с издевательским разбором стихотворения «Каин» (из альманаха «Альбом северных муз» на 1828 г.); в № 58 (15 мая) — разбор стихотворения «Мысль» (МВ. 1828. № 8), названного «бестолковщиною», а не «мыслью», и т. д. (автором последних двух статей, возможно, был Б. М. Федоров). См. также статью Булгарина «В одном французском журнале напечатан следующий анекдот...» — СПч. 1828. № 38, 28 марта; наст. изд., с. 82–83.

Статья Шевырева была с одобрением встречена его кругом. «Обозрение» всем понравилось, — писал Шевыреву В. Ф. Одоевский, — и все в один голос говорят, что никогда характер сочинений Булгарина не был так верно определен; он вам написал прегрелый ответ в *Северной пчеле*. Чур не спускать» (цит. по: Барсуков. Т. 2. С. 168); написанным «лихо и славно» считал «Обозрение» и В. П. Титов (Там же). Пушкин же в письме к Погодину от 19 февраля 1828 г. иронически приветствовал начало войны Шевырева с Булгариным: «О герой Шевырев! О витязь великосердый! — подвизайся, подвизайся!» (XIV, 5) и упрекал Шевырева за отзыв о Баратынском, о котором в «Обозрении» сказано: «...желание блистать словами в нем слишком заметно, и потому его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства. Часто весьма обыкновенную мысль он оправляет в отборные слова и старательно шлифует стихи, чтоб придать глянцу своей оправе. Он принадлежит к числу тех русских поэтов, которые своими успехами в мастерской отделке стихов исключили чистоту и гладкость слога из числа важных достоинств поэзии» (с. 71; суждения Шевырева, по-видимому, полемичны пушкинской оценке Баратынского в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» в «Северных цветах» на 1828 г.: «Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах»). «Здесь или явное нежелание признать достоинства поэта, — писал Сомов в своем следующем «Обзоре российской словесности», — или умышленное недоразумение. Неужели только это и можно было сказать

о поэзии Баратынского? Так позволительно судить о произведениях какого-нибудь незрелого юноши с незрелым талантом. Певец “Эды”, “Пиров”, “Финляндии”, творец многих элегий, дышащих чувством истинным и глубоким, и посланий, блестящих остроумием свободным и неподдельным, достоин был, чтобы, говоря о произведениях его, критик взвешивал слова свои с большею осторожностью и отчетливостью, а не распространялся об одном механизме стихов, который не составляет главного совершенства поэзии Баратынского» (СЦ на 1829. «Проза». С. 17–18). В статье о поэме Баратынского «Бал» Пушкин еще раз помянул этот отзыв Шевырева (см.: XI, 74). Гораздо резче отозвался о статье Шевырева А. А. Дельвиг в письме к Баратынскому из Харькова весной 1828 г.: «Как это ты, живучи в Москве, не принудил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря об ней. Не напоминаю уже, что, писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать им, что, с должным почтением не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет недальновиден» (Дельвиг. Соч. С. 330). В том же тоне были выдержаны и замечания О. М. Сомова в «Обзоре российской словесности за 1828 год» (СЦ на 1829. «Проза». С. 17–18). В другом месте Сомов писал: «Один молодой словесник сказал, что просвещенная Европа ушла от нас вперед роковыми двенадцатью днями. Очень жаль, что молодой наш словесник не родился ранее двенадцатью роковыми днями, если этого времени достаточно для возмужалости» (Мысли, замечания, выписки и пр. // Альбом северных муз: Альманах на 1828 год. СПб., 1828. С. 102).

¹ Ср. характеристику Державина в письме Пушкина к Дельвигу от первых чисел июня 1825 г.: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины и движения истинно поэтические*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-Богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь» (XIII, 181–182).

² Стеной «Ночь. Келья в Чудове монастыре» открывался первый номер «Московского вестника» в 1827 г. При чтении Пушкиным трагедии на вечере у Веневитиновых именно эта сцена произвела на «любомудров» самое сильное впечатление; ее появление в начале нового журнала было «программным» для «любомудров».

³ В поэме Байрона «Шильонский узник» (1816), широко известной в России благодаря переводу Жуковского (1822), младший брат героя умирает в темнице. Ср. с рассуждением Шевырева о «Братях разбойниках» в его рецензии на «Гридацъ лет, или Жизнь игрока», трилогию В. Дюканжа в переводе Ф. Ф. Кокوشкина. Задаваясь вопросом, при каких условиях «злодейство и вообще все ужасное может быть предметом изящного произведения», Шевырев пишет: «А разбойники Пушкина? А Вурм Шиллеров? Первые никогда не могли бы быть предметом поэмы, если б они действовали из одной корысти, если б их жестокость не была смягчена братскою любовью. Сия любовь показывает, что заблудшие преступники способны иногда к чувствам благородным, что одно воспитание, одна несчастная судьба, осудившая их издетства терпеть от чужих людей, внушила им неправую месть ко

всему человечеству. Они сами жертвы судьбы, — и потому мы смотрим на них не без участия. Они не из денег грабят, но из ненависти. Притом же победа любви братской, заставляющей старшего разбойника содрогаться при виде седин беззащитных и не резать старика, как будто в память усопшему брату, достойна поэзии» (МВ. 1828. Ч. 7, № 2. С. 240—241).

⁴ Имеется в виду отзыв П. П. Свинына в статье «Несколько беспристрастных слов о новых журналах и альманахах на 1827 год»: «Стихотворение сие, как и все другие пера Пушкина, ознаменовано печатью гения: жаль только, что трагедия сия написана не рифмами, чем — по мнению нашему — она еще бы более выиграла со стороны прелестей поэзии и гармонии» (ОЗ. 1827. Ч. 29, № 81. С. 177—178; П. в критике, I. С. 334). Далее Свинын характеризовал как «блистательную» сцену из трагедии Б. М. Федорова «Годунов», помещенную в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год» и написанную традиционным шестистопным ямбом. «Северная пчела», напротив, признавала пятистопный ямб без рифм «размером самым приличным для драматической поэзии; ибо он нисколько не стесняет свободы словотечения и чрез то удобнее всякого другого для декламации театральной» (1828. № 90, 28 июля; рец. на перевод М. Вронченко драматической поэмы Байрона «Манфред»). Любопытно, что через четыре года Федоров переложил свой отрывок пятистопными ямбами без рифм, мотивировав это следующим образом: «...пятистопные стихи без рифм ныне предпочитают для трагедий, представляя более удобства к выражению мыслей» (СПб вестн. 1831. № 25. С. 237).

⁵ Отсылка к строфам XXVI—XXIX третьей главы «Евгения Онегина».

⁶ *Аристарх* Самофракийский (ок. 215—145 до н. э.) — александрийский филолог и комментатор; нарицательное имя для педантичных филологов и критиков.

⁷ Ср. пассаж о нравственности в поэзии в статье Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» (см. наст. изд., с. 30 и примеч. 5 на с. 332).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

АЛЬМАНАХИ НА 1828 ГОД

<Отрывки>

МВ. 1828. Ч. 7, № 2 (выход в свет 1 февраля — П. в печати. С. 50). С. 185—201; приводимые отрывки — с. 185—186, 191—193; № 3 (выход в свет 15 февраля; см. письмо М. П. Погодина к Пушкину от 14 февраля 1828 г. — XIV, 2). С. 321—331; приводимый отрывок — с. 321—322; Ч. 8, № 6 (выход в свет ок. 24 марта — МВед. 1828. № 24, 24 марта). С. 197—200. Без подписи.

А. А. Дельвиг, бывший в Москве и общавшийся с редакционным кружком «Московского вестника» в последние дни января 1828 г., когда готовился № 2 журнала, считал автором рецензии на «Северные цветы» С. П. Шевырева, как следует из его письма к Е. А. Баратынскому весны 1828 г. из Харькова (см.: Дельвиг. Соч. С. 330—331). Действительно, некоторые положения данной статьи напоминают шевыревское «Обозрение русской словесности за 1827-й год»: осуждение «строгих Аристархов», требующих от Пушкина непременных уроков нравственности; надежда на скорое напечатание «Бориса Годунова»; тезис о недостатке «мысли» в поэзии Баратынского. Однако точные текстуальные совпадения отсутствуют, а переклички такого рода часты между статьями разных критиков «Московского вестника». Кроме того, в «Обозрении русской словесности» Шевырев лишь мельком упоминает об альманахах, не изъявляя желания говорить о них подробнее (МВ. 1828. Ч. 7, № 1. С. 65), но обещает в конце статьи перейти к

обзору журналов, откладывая продолжение статьи до 3-й или 4-й книжки «Московского вестника» (что и выполнил в № 5 и 8). Аргументов в пользу авторства Шевырева, несмотря на свидетельство Дельвига, явно недостаточно. О. М. Сомов, например, уже не был убежден, что статья об альманахах написана Шевыревым (см. ниже в примеч. 11 цитату из «Обзора российской словесности за 1828 год» Сомова).

С несколько большей степенью вероятности можно предполагать авторство М. П. Погодина. В № 2 «Московского вестника» кроме «Северных цветов» и «Невского альманаха» разбираются также «Драматический» и «Московский» альманахи; все рецензии даны сплошным текстом и, очевидно, принадлежат одному лицу. О «Московском альманахе», изданном С. Н. Глинкой, рецензент пишет: «Скажем в нелестливую похвалу почтенному издателю, что русское юношество, ныне на разных поприщах служащее отечеству в его верную пользу, многими благородными чувствами отчасти обязано и ему как издателю “Русского вестника” в 1808 и 9-м годах» (с. 201). Эта фраза, естественная в устах Погодина, увлекавшегося в детстве патриотическими статьями «Русского вестника» (см.: Барсуков. Т. 1. С. 5—6; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 231), едва ли может принадлежать Шевыреву, родившемуся лишь в 1806 г. Продолжение обзора в № 3 и 6, по всей видимости, написано тем же автором, о чем свидетельствуют и сходные зачины рецензий, и повторяющиеся замечания о «наружности» альманахов и их «внутреннем достоинстве», и каламбурная игра с названиями критикуемых произведений, позднее отмеченная О. М. Сомовым как характерная стилистическая черта рецензента «Северных цветов» (Обзор российской словесности за 1828 год // СЦ на 1829. «Проза». С. 14): «Водевиль “Три неудачи” мог бы назваться *шестью неудачами*, потому что в нем шесть неудачных куплетов. <...> “Ужасная ночь, или Напрасный страх” — ужасный водевиль или напрасный труд» (№ 2. С. 200); «Из “Мыслей, замечаний и выписок” (№ 6. С. 199). В рецензии на «Альбом северных муз» есть хвалебный отзыв об очерке Булгарина «Встреча с Карамзиным» (№ 6. С. 198), что тоже свидетельствует скорее об авторстве дипломатичного Погодина, стремившегося сгладить конфликт с Булгаринным по поводу шевыревского «Обозрения», чем Шевырева, раздраженного против Булгарина и его «Северной пчелы» (см. примеч. к статье Шевырева «Обозрение русской словесности на 1827-й год» — наст. изд., с. 336—337).

Наконец, совершенно не соответствует обычной глубокомысленной манере Шевырева тон воспроизводимого в наст. изд. фрагмента, где речь идет о нападках Пушкина, автора «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», на «прекрасных читательниц». Напротив, для Погодина, когда-то написавшего целое рассуждение «О нравственных качествах прекрасного пола» (см.: Барсуков. Т. 1. С. 59), такой стиль вполне органичен. Ср. также упрек Пушкину в «презрении» к дамам в статье Погодина о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина» (см. наст. изд., с. 43). Доказательство авторства Погодина см.: *Потанова Г. Е.* М. П. Погодин — критик Пушкина (К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник») // Врем. ПК. Вып. 27. С. 197—202

Усомниться в кандидатуре Погодина может заставить, пожалуй, подстрочное примечание в № 2 (с. 190), в отличие от всей статьи подписанное инициалами Погодина, где издатель «Московского вестника» говорит от своего имени. Хотя, строго говоря, и это можно согласовать с авторством Погодина: поскольку в примечании издатель «Вестника» отвечает на лично к нему относящиеся выпады Сомова в «Северных цветах», обособленный от всей статьи ответ от собственного имени выглядит здесь вполне естественно.

¹ Под псевдонимом «Порфирий Байский» печатал свои повести О. М. Сомов.

² Имеется в виду Ф. Н. Глинка.

³ Повесть О. И. Сенковского.

⁴ «Гец фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen», 1773) — историческая драма И.-В. Гёте, «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», 1774) — его роман.

⁵ Выделенные Погодиным слова взяты из характеристики «Московского вестника» в «Обзоре российской словесности за 1827 год» О. М. Сомова: «В ученых статьях сего журнала много есть дельного, а в смеси нового и любопытного. В статьях самого издателя заметно, однако ж, желание при всяком случае выказывать свою ученость. Часто он поступает с читателем как с учеником, заставляя его протверживать старый урок. Что хорошо слышать с кафедры профессорской, то не может иметь места в журнале, которого издатель, хоть из учтивости, должен предполагать в читателях своих достаточную степень познаний и образованности; по крайней мере столько, что им уже не нужно напоминать общих мест ученических» (СЦ на 1828. «Проза». С. 23—24). Рассуждение о делении содержания альманаха на «Прозу» и «Поэзию» вызвало возмущение Дельвига. В письме к Е. А. Баратынскому из Харькова весной 1828 г. издатель «Северных цветов» писал: «Скажи ему (Шевыреву, которого Дельвиг считал автором статьи. — *Ред.*), что он смешон, укоряя меня в невежестве. Он еще азбуке не учился, когда я знал, что роман, повесть, Геснерова идиллия, несмотря на форму, суть произведения поэзии. — Порядка же в «Северных» цвет<ах>» не перемену — потому же, почему никто из славных поэтов не перемешивал вместе своих повестей, стихами и прозою писанных, почему большая часть немецких издателей альманахов не смешивает прозы со стихами, — и так далее» (Дельвиг. Соч. С. 330).

⁶ «Отрывки из неизданных записок» — «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкина, напечатанные с пометой: «Извлечено из неизданных записок»; включали фрагмент о Карамзине (см. примеч. 1 к статье Ф. В. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» — наст. изд., с. 331), противостоящий официальным некрологиям Карамзина, одна из которых — статья Н. И. Греча «О жизни и сочинениях Карамзина» (впервые: СПЧ. 1826. № 64, 29 мая) перепечатана в «Северных цветах» на 1828 г. (см. о ней: Вацуро В. Э. «Подвиг честного человека» // Вацуро, Гиллельсон. С. 81—84). Внутреннее противостояние двух очерков о Карамзине в «Северных цветах», о котором умолчал рецензент «Московского вестника», было замечено, например, Н. И. Бахтиным в «Письме к издателю» «Атenea» (ответ на критику Н. А. Полевого бахтинской статьи о русской литературе, напечатанной в «Этнографическом атласе» Бальби), в числе прочего писавшим: «Чего ожидать от критиков, которых ослепление доходит до такой степени, что в одном весьма известном и любимом публикою альманахе напечатано о Карамзине: "почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам" (Сев<ерные> цветы на 1828 г., стр. 225). Карамзин жертва неблагодарности? И в том же альманахе перепечатано в третий раз (с весьма немногими дополнениями) известие о жизни и сочинениях сего писателя, свидетельствующее явно противное» (Атenea. 1828. Ч. 3, № 12. С. 410; подп.: М. И.). «О стихотворениях Баратынского» — статья П. А. Плетнева (см. о ней примеч. 5 к статье Ф. В. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» — наст. изд., с. 332).

⁷ Кроме стихотворений Пушкина, напечатанных в «Северных цветах» на 1828 г. (см. наст. изд., с. 329), здесь названы стихотворение П. А. Вяземского «Море» и отрывок из поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (в «Северных цветах» под заглавием: «Бальный вечер»).

⁸ «На смерть В...ва» — стихотворение А. А. Дельвига на смерть Д. В. Веневитинова.

⁹ Возможно, это пожелание отчасти продиктовано стремлением поддержать Пушкина в деле напечатания «Бориса Годунова» (о цензурной истории «Бориса Годунова» см. в комментарии Г. О. Винокура: Пушкин. 1935. Т. 7. С. 411–427). Слова Погодина вместе с отзывом Шевырева о «Борисе Годунове» в «Обзоре русской словесности за 1827-й год», по-видимому, послужили поводом к незавершенной статье Пушкина «<Письмо к издателю “Московского вестника”>», где он, в частности, благодарил за участие в судьбе его трагедии (см.: XI, 66–69).

¹⁰ Эта оценка перекликается с погодинским суждением о стихотворении Вяземского «Библиотека», напечатанном в альманахе В. В. Измайлова «Литературный музей на 1827 год»: «...князь Вяземский любит противоположности, не всегда точные. Стихосложение в сей пиесе, впрочем, нельзя, кажется, назвать легким» (МВ. 1827. Ч. 3, № 11. С. 282).

¹¹ Имеется в виду рецензия Н. А. Полевого на «Северные цветы» на 1828 г., где, в частности, сказано: «...первою пьесою по предмету, где вдохновенная поэзия сливается с философическою идеею, и по выражению поэтическому кажется нам “Последняя смерть”, отрывок из поэмы Баратынского» (МТ. 1828. Ч. 19, № 1. С. 125). Во второй половине января 1828 г. жена Е. А. Баратынского Настасья Львовна писала В. А. Баратынской, сестре поэта, в Мару (Тамбовское имение Баратынских): «Не помню, писала ли я вам, что стихи Евгения “Последняя смерть” произвели большое впечатление, а также сцена туалета Нины; даже госпожа Дагановская сказала мне, что все едва сдерживают нетерпение, дожидаясь, когда будет напечатан весь “Бал”, и что отрывок в “Северных цветах” превосходит и гораздо лучше всего написанного Пушкиным, не выключая и “Графа Нулина”, это также мнение Полевого и многих других...» (оригинал по-франц.; цит. по: Летопись Баратынского. С. 201). И Полевой, и критик «Московского вестника» безосновательно считали «Последнюю смерть» отрывком из какого-то более крупного произведения. Булгарин также замечал: «Предмет так богат, что кажется, будто пиеса не окончена» (СПч. 1828. № 5, 12 января). Отзыв «Московского вестника» о Баратынском был с возмущением встречен в пушкинском кругу. «Суждение же его о твоей “Последней смерти” воняет глупою посредственностью», — писал Дельвиг в цитированном выше письме к Баратынскому весны 1828 г. (Дельвиг. Соч. С. 330). О. М. Сомов в «Обзоре российской словесности за 1828 год», опровергая суждения Шевырева о поэзии Баратынского (см. наст. изд., с. 337), прибавлял: «После такого холодного и пристрастно-строгого отзыва о целом томе стихотворений Баратынского легко разгадать, почему его стихотворения “Последняя смерть” не понял тот же или другой из критиков “Московского вестника”, сказав, что цель оного не ясна; и по сему случаю упрекнул издателя “С<еверных> ц<ветов>” за помещение *отрывков, не заключающих в себе полного смысла*» (СПч на 1829. С. 17–18).

¹² В «Невском альманахе» на 1828 г., изданном Е. В. Аладыным, были напечатаны следующие произведения Пушкина: сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова» (впервые опубликована в первом номере «Московского вестника» за 1827 г.), «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» («Близ мест, где царствует Венеция златая...»), «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной...») и три из написанных совместно с Н. М. Языковым «Нравоучительных четверостиший».

¹³ Обычный для того времени полуальманах-полупесенник; издатель неизвестен (см.: Смирнов-Сокольский. С. 563–565; там же, с. 535–536, 586 — об общих пороках

такого рода изданий: неряшливости, перепечатках стихов без ведома авторов и др.). В «Эвтерпе» на 1828 г. перепечатаны следующие пушкинские стихотворения: «К ней» («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...»), «Романс» («Под вечер осенью ненастной...»), «Черная шаль», «Испанский романс» («Ночной зефир...»), «Татарская песня» из «Бахчисарайского фонтана», «Слеза» («Вчера за чашей пуншевою...»), «Заздравный кубок» («Кубок янтарный...»), песня девушек из третьей главы «Евгения Онегина» («Девицы, красавицы...»), «Пробуждение» («Мечты, мечты...»). Все произведения напечатаны без заглавий.

¹⁴ *Ареопаг* — высший орган судебной и политической власти в древних Афинах; в переносном употреблении — собрание авторитетных судей.

¹⁵ Стихотворение «Слеза» (1815), впервые опубликованное в 1825 г. в четвертой части альманаха «Мнемозина» (так же как и следующее цитируемое стихотворение «Заздравный кубок» (1816), впервые опубликованное в альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз» на 1827 г.), напечатано издателем «Эвтерпы» по одному из многочисленных ходивших по рукам списков. Текст «Эвтерпы» отражает характерные разночтения этих списков (см., например, разночтения списков «Слезы» в изд.: Пушкин. Соч. 1999. С. 356; Пушкин. ПСС. Т. 1. С. 351–352). Вариант ст. 10: «Я скоро просвистал» является авторским, отражая первоначальное чтение автографа (см. там же).

¹⁶ Альманах, изданный Андреем Андреевичем Ивановским (1791–1848), литератором, некогда членом-корреспондентом ВОЛРС. В нем впервые напечатано стихотворение Пушкина «Талисман». Широкие литературные связи и уважение, которым неизменно пользовался Ивановский в писательских кругах, обеспечили участие в альманахе самых известных авторов: Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, С. П. Шевырева, О. М. Сомова, А. И. Подолинского, И. И. Козлова, Д. П. Ознобишина, С. Е. Раича, О. И. Сенковского, Ф. В. Булгарина и др. (см. роспись содержания: *Смирнов-Сокольский Н.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 129–130). Благодаря должностному положению секретаря Следственной комиссии по делу декабристов Ивановскому стали доступны бумаги А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, А. О. Корниловича, несколько произведений которых без имени авторов опубликованы в альманахе. Альманах задержался с выходом из-за цензурных осложнений (см. подробнее: *Вацуро В. Э.* Чиновник следственной комиссии // Вацуро, Гиллельсон. С. 9–21).

¹⁷ Гравюра М. Иванова с оригинала А. Варнека.

¹⁸ *Мизогин* (греч.) — женоненавистник. Имеются в виду пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания», где, в частности, Пушкин говорит об отсутствии «чувства изящного» у женщин.

¹⁹ Альбом северных муз на 1828 год. СПб., 1828. С. 125. Подпись: ***. В «Альбоме северных муз» есть еще одно прозаическое сочинение с такой же подписью, очень напоминающее «Тоску» сентиментальностью тона и стремлением защитить «прекрасных читательниц». Это «Мысли и замечания», которые, в частности, содержат следующий отрывок: «Заметьте, — сказала мне одна дама, доказывая несправедливость, неприличие противу женского пола разных выходов некоторых из словесников, — заметьте, что степень уважения к нашему полу определяет вообще — степень образованности народа, а в частности — нравственности человека» (с. 331). Вполне вероятно, это отклик на пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания». Временной разрыв между выходом «Северных цветов» (22 декабря 1827 г.) и «Альбомом северных муз» (начало марта 1828 г.; см.: СПч. 1828. № 27, 3 марта) делает такую переключку возможной.

²⁰ Можно отметить стилистическую близость этого фрагмента к прозаической манере Погодина. Ср., например, финал повести Погодина «Русая коса» (1825): «А вы, прелестницы, вы должны... но коварная улыбка является на лице вашем; вы уже, кажется, грозите мне, мстительные, за ненужный совет мой... страшусь вашего гнева и кладу печать молчания на дерзкие уста свои» (*Погодин М. П.* Повести. Драма. М., 1984. С. 28).

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
АЛЬБОМ СЕВЕРНЫХ МУЗ.
АЛЬМАНАХ НА 1828 ГОД, ИЗДАВАЕМЫЙ А. И.

<Отрывок>

СО. 1828. Ч. 117, № 4 (выход в свет 4–5 апреля — СПч. 1828. № 41, 5 апреля). С. 434–437; приводимый отрывок — с. 435–437. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи.

Об альманахе «Альбом северных муз» см. примеч. 16 к статье из журнала «Московский вестник» «Альманахи на 1828 год» — наст. изд., с. 343.

¹ Имеется в виду рецензия О. М. Сомова (СПч. 1828. № 33, 17 марта); ранее, в № 27 (3 марта), газета сообщала о выходе в свет альманаха, называя имя Пушкина в числе поэтов, «украсивших сей альманах своими произведениями».

С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ
«Г. Шопен, французский литератор...»

МТ. 1828. Ч. 19, № 2 (выход в свет 16–18 февраля — МВед. 1828. № 14, 18 февраля). С. 279–280. Из раздела «Смесь». Без подписи. Одновременно: СПч. 1828. № 20, 16 февраля (без подписи, с пометой: «Сообщено») и в переводе на французский: *Bulletin du Nord*. 1828. Т. 1, № 2. Р. 188–189.

Авторство С. Д. Полторацкого установлено В. В. Крамер на основании архивных данных из фонда Полторацкого в РГБ (*Крамер В. В.* Из истории ранних французских переводов Пушкина // *Врем. ПК* 1972. С. 115). О С. Д. Полторацком см.: П. в критике, I. С. 438.

¹ О Ж.-М. Шопене см. подробнее: П. в критике, I. С. 446. *Русский любитель словесности*, которому должен был быть посвящен перевод «Цыган», — сам С. Д. Полторацкий. Э.-Ж. Эро (Геро), французский литератор, критик и журналист, сотрудник Шопена по «*Revue Encyclopédique*» («Энциклопедическое обозрение»), писал 14 октября 1829 г. Полторацкому: «Мой друг и сотрудник г-н Шопен завершил только что перевод поэмы Пушкина, который он предполагает посвятить вам. Я хотел бы сделать то же, но у меня для этого не хватает возможности...» (цит. по: *Крамер В. В.* Из истории ранних французских переводов Пушкина. С. 115). О судьбе и истории перевода «Цыган», а также упоминаемых ниже переводов «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина» ничего не известно. В печати они не появлялись. В бумагах Полторацкого сохранилась запись 1834 г. о

плане издания «Кавказского пленника» с параллельным французским текстом в переводе Шопена, с гравированным портретом Пушкина из альманаха «Северные цветы» на 1828 г. и с иллюстрациями жены Полторацкого М. П. Киндяковой (см.: Там же. С. 115–116).

² См.: П. в критике, I. С. 302.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»
**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН, РОМАН В СТИХАХ.
 СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».** ГЛАВЫ IV И V

СПч. 1828. № 15, 4 февраля. Без подписи.

Изданные одной книжкой четвертая и пятая главы пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» вышли в свет в Петербурге между 31 января и 2 февраля 1828 г. (П. в печати. С. 50). Книжка открывалась стихотворным посвящением П. А. Плетневу («Не мысля гордый свет забавить...»; с датой: «29 декабря 1827»), позднее (во втором отдельном издании «Евгения Онегина» 1837 г.) перенесенным Пушкиным в посвящение ко всему роману.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»
«А. С. Пушкин сдержал свое обещание...»

МВ. 1828. Ч. 7, № 3 (выход в свет 15 февраля; см. письмо М. П. Погодина к Пушкину от 14 февраля 1828 — XIV, 2). С. 392–393. Из раздела «Литературные новости». Без подписи.

Вероятно, автором заметки был М. П. Погодин. Во всяком случае, ряд других заметок раздела «Литературные новости» данного номера имеет непосредственное отношение к кругу интересов Погодина: заметка об издании без примечаний «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; заметка о книге Е. Б. Фукса «Анекдоты Суворова», перекликающаяся со статьей Погодина об этой книге в № 8; заметка об азбуке с картинками, изданной А. Ф. Смирдиным (все подписные рецензии на детские книжки в «Московском вестнике» принадлежат Погодину). Кроме того, в самой заметке можно увидеть переключки с опубликованной вскоре статьей Погодина о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина» (МВ. Ч. 7, № 4; наст. изд., с. 42–46): обращение к читательницам, «нетерпеливым подругам Татьяны», подчеркивание «пестроты» и непринужденности повествования в новых главах романа (ср. также «Мысли, замечания и анекдоты» Погодина — МВ. 1828. Ч. 8, № 5; наст. изд., с. 56–57). См. подробнее: *Потанова Г. Е.* М. П. Погодин — критик Пушкина (К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник») // Врем. ПК. Вып. 27. С. 202–203.

¹ В начале третьей главы, вышедшей в свет в октябре 1827 г., было напечатано объявление издателей, извещавшее, что медленность в печатании первых двух глав «произошла от посторонних обстоятельств» и что «отныне издание будет следовать в беспрерывном порядке: одна глава тотчас за другой».

И. В.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕСТИ

<Отрывок>

ДЖ. 1828. Ч. 21, № 4 (выход в свет 16—18 февраля — МВед. 1828. № 14, 18 февраля). С. 212—213. Подпись: И. В., с пометой под текстом: СПб. 31 января 1828.

Заметка посвящена обзору январских литературно-театральных новостей из Санкт-Петербурга. Кто скрывается за инициалами, неизвестно; подстрочное примечание принадлежит князю П. И. Шаликову.

¹ Второе издание «Руслана и Людмилы», «исправленное и умноженное», вышло в свет 23—24 марта 1828 г. К изданию был приложен напечатанный «вторым тиснением» портрет Пушкина — гравюра Н. И. Уткина с оригинала О. А. Кипренского, выполненная по заказу А. А. Дельвига для альманаха «Северные цветы». Второе, «исправленное», издание «Кавказского пленника» вышло в свет 3—4 мая 1828 г. (см.: П. в печати. С. 53).

² Об условиях покупки петербургским книгопродавцем и издателем А. Ф. Смирдиным вторых изданий «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» см.: Смирнов-Сокольский. С. 166—178.

М. П. ПОГОДИН

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ, СОЧИНЕНИЕ
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА,
ПЕСНЬ 4 И 5

МВ. 1828. Ч. 7, № 4 (выход в свет 1 марта 1828 — МВед. 1828. № 17, 29 февраля). С. 461—468. Подпись: N. N.

Об авторстве Погодина свидетельствует запись в его дневнике от 19 февраля 1828 г. (см.: П. в восп. Т. 2. С. 16). Ранее, в № 3 «Московского вестника», была помещена короткая библиографическая заметка о выходе в свет новых глав романа, принадлежавшая, вероятно, также Погодину (см. наст. изд., с. 41 и 345). В приложении к статье напечатана заметка Д. В. Веневитинова о второй главе «Онегина» (см. след. статью).

Об авторе статьи, Михаиле Петровиче Погодине (1800—1875), см.: П. в критике, I. С. 382—383; Русские писатели. Т. 4. С. 661—672 (статья К. Ю. Рогова). В кругу «любомудров», участников «Московского вестника», Погодин занимал довольно специфическое положение. Если в статьях С. П. Шевырева, И. В. Киреевского, Д. В. Веневитинова, В. П. Титова получали выражение программные позиции группы, то на долю Погодина приходилась основная масса черновой журнальной работы. Его собственные критические выступления лишь в малой степени были отмечены той философичностью, которая была характерна для статей других «любомудров». На собраниях в доме Веневитиновых Погодин не бывал (ср., например, запись в его дневнике: «Досадно, что не принимаюсь к Веневитиновым. Смотрят на меня как на неспособного к мудрствованию» — цит. по: Русские писатели. Т. 4. С. 662) и оставался гораздо в большей степени, чем его товарищи, верен литературным урокам А. Ф. Мерзлякова и С. Е. Раича, за что нередко выслушивал упреки от Веневитинова, Титова и Шевырева (см.: Барсуков. Т. 2. С. 78, 125—126, 196). Разночинное происхождение также мешало Погодину ощутить себя полностью «своим» в кругу «любомудров»; в конце 1829 г. он даже обвинял своих бывших

сотрудников (И. В. Киреевского, В. Ф. Одоевского, В. П. Титова) в «литературном аристократизме» и «сектантстве» (см., например, его письмо к Шевыреву от 23 декабря 1829 г. — РА. 1882. № 5. С. 124–125).

Отношения Погодина с Пушкиным, с которым он лично познакомился 11 сентября 1826 г., были наиболее тесными в годы издания «Московского вестника», когда они вели довольно оживленную переписку по проблемам журнала. Пушкин высоко ценил многие произведения Погодина: драму «Марфа Посадница» (1830) (см. незавершенную статью Пушкина «О народной драме и драме “Марфа Посадница”» — XI, 177–183), повести «Невеста на ярмарке» (1827), «Черная немочь» (1829), критический обзор «Взгляд на кабинеты журналов и на взаимные их отношения между собою» (1830), статью «Исторические размышления об отношениях Польши к России» (см.: П. в восп. Т. 2. С. 15, 17–18, 20, 22). В то же время он спорил с Погодиным о научном значении трудов Карамзина, об исторической фигуре Бориса Годунова и по целому ряду других исторических вопросов (см., например, заметки Пушкина на полях статьи Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» — XII, 243–256). Со своей стороны Погодин, в начале издания «Московского вестника» целиком находившийся под обаянием творческого гения Пушкина (прежде всего как автора «Бориса Годунова»), впоследствии довольно прохладно отзывается о его творчестве, особенно о критико-полюемических выступлениях и эпиграммах (см., например, его отзыв об «Отрывке из литературных летописей» — МВ. 1830. Ч. 1, № 3. С. 297; наст. изд., с. 222); солидаризируется с Н. И. Надеждиным, бранит в письмах к С. П. Шевыреву «Литературную газету», сомневается в способности Пушкина к серьезным историческим занятиям (см.: РА. 1882. № 6. С. 127–202; ср.: МВ. 1830. Ч. 1, № 3. С. 315–318). Контакты между Погодиным и Пушкиным сохраняются, однако, и в 1830-е гг. (так, в 1833 г. Пушкин хотел привлечь Погодина к работе над историей Петра I; в 1836 г. Погодин сотрудничал в пушкинском «Современнике», хотя его участие в журнале и не отличалось особой интенсивностью). Свод материалов о Погодине и Пушкине см.: Письма посл. лет. С. 447–448; Черейский. С. 334–335.

Спустя месяц после появления четвертой и пятой глав Е. А. Баратынский писал Пушкину из Москвы: «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего “Онегина”; но большее число его не понимает. Ищут романтической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! <но чтоб их черт побрал, а Бог благословил! — франц.> Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадир с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза» (XIV, 6). Погодин, по-видимому, относился к числу не вполне довольных новыми главами романа. Из тактических соображений он не мог это высказать на страницах своего журнала и, вместо собственных, предпочел пересказать читателям «подслушанные» суждения. Эти «чужие» суждения порой почти дословно совпадают с записями Погодина в дневнике. 9 февраля 1828 г. он пишет: «Перечитывал “Онегина”. — Пушкин забалтывается, хотя и прекрасно, и теряет нить. При множестве прекрасных описаний, четвертая и пятая песни очень несвязны, и голова у читателя в дыму по прочтении» (П. в восп. Т. 2. С. 16). Однако позднее, в заметках под названием «Мысли, замечания и анекдоты», Погодин печатно возражал М. А. Дмитриеву, выступившему с резким критическим

разбором четвертой и пятой глав «Онегина» в «Атенее» (см.: МВ. 1828. Ч. 8, № 5; наст. изд., с. 56).

¹ Слово «индивидуальность» в пушкинскую эпоху воспринималось еще как иноязычное; здесь употреблено в скобках для уточнения понятия, выраженного собственно русским словом «личность».

² Ср., например, более поздний по времени эпизод, записанный со слов соседки Пушкина по болдинскому имению А. П. Новосильцевой и свидетельствующий, с каким участием относились читательницы к судьбам героев романа: «Я говорю ему: зачем вы убили Ленского? Варя (сестра А. П. Новосильцевой. — *Ред.*) весь день вчера плакала. <...> Пушкин, не поднимая головы от альбома и оттушевывая набросок, спросил ее: “Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?” — “Я бы только ранила Ленского в руку или в плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили”. <...> “А вы как бы кончили дуэль?” — обратился Пушкин к Настасье Петровне. “Я ранила бы Онегина; Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы ее и полюбил ее”. — “Ну нет, он Татьяны не стоил”, — ответил Пушкин» (Разговоры Пушкина / Собрал С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929. С. 154—155).

³ Имеются в виду начальные строфы четвертой главы, не вошедшие в окончательный текст, но напечатанные ранее в «Московском вестнике» (1827. Ч. 5, № 20) под заглавием: «Женщины. Отрывок из “Евгения Онегина»» (VI, 646—648), и строфы XXVII—XXX, в которых говорилось о дамских альбомах и которые тоже были напечатаны в «Московском вестнике» (1828. Ч. 7, № 2; под заглавием: «Альбомы»). По-видимому, имеются в виду и некоторые колкости в адрес «прекрасного пола» в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», анонимно напечатанных в «Северных цветах» на 1828 г. В обзоре альманахов на 1828 г., также, возможно, принадлежавшем Погодину, автор «Отрывков...» назван «страшным мизогинном» (наст. изд., с. 38).

⁴ *Чичисбей* (от итал. *cicisbeo*) — постоянный спутник, кавалер женщины.

⁵ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...») (опубл.: МВ. 1827. Ч. 6, № 23).

⁶ Пятая глава, строфа X. *Светлана* — героиня одноименной баллады (1808—1812) В. А. Жуковского. Видимо, Погодин трактует выделенные им строки как отказ Пушкина от поэтического состязания с Жуковским (ср. аналогичный отказ поэта от состязания с П. А. Вяземским и Е. А. Баратынским в описании зимы — пятая глава, строфа III).

⁷ «*Чужой толк*» (1794) — сатира И. И. Дмитриева.

⁸ То есть в сцене объяснения Онегина с Татьяной видят сходство с объяснением между героями «Кавказского пленника».

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ <ОБ «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»>

МВ. 1828. Ч. 7, № 4. С. 468—469; в качестве приложения к статье М. П. Погодина о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина» (см. наст. изд., с. 42—46) со следующим предваряющим ее редакторским примечанием: «Кстати — поместим здесь несколько строк о 2<-й> песни “Онегина”, присланных к нам покойным Д. В. Веневитиновым чрез несколько времени после появления ее в свет для помещения в “Вестнике”».

Заметка была прислана Д. В. Веневитиновым при письме от 14 декабря 1826 г. М. П. Погодину — редактору «Московского вестника», который начинал выходить с января 1827 г. «Вот вам несколько строк об «Онегине», сшитых кое-как, на живую нитку, — писал Веневитинов. — Меняйте, марайте, как хотите, но, ради Бога, не пишите большого разбора книги, уже давно вышедшей в свет; тем более что лишние похвалы Пушкину в нашем журнале могут показаться лестию» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 684, 686; *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 371). Заметка опоздала в первый номер журнала, и Погодин, по-видимому, счел неуместным печатать ее позднее (тем более что вторая глава пушкинского романа давно уже вышла в свет) и опубликовал лишь через год после смерти Веневитинова как дань памяти покойному другу, без заглавия и с небольшими сокращениями. Под редакторским заглавием «Два слова о второй песни «Онегина»» вошла во вторую часть посмертно изданных «Сочинений Д. В. Веневитинова» (М., 1831). В наст. изд. печатается по тексту журнальной публикации с восстановлением (в редакторских скобках) первоначального заглавия из письма Веневитинова к Погодину.

Принципиально новым моментом, выделяющим отзыв Веневитинова на фоне прочих критических суждений о «Евгении Онегине» (в том числе С. П. Шевырева и И. В. Киреевского в «Московском вестнике»), было то, что Веневитинов оценивал «прозаическую» фигуру главного героя как творческую удачу Пушкина, как образ оригинальный и национально-характерный (см.: *Мани Ю. В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969. С. 32–36).

¹ См. рецензию Ф. В. Булгарина на вторую главу романа (СПч. 1826. № 132, 4 ноября; П. в критике, I. С. 301).

М. А. ДМИТРИЕВ
**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». РОМАН В СТИХАХ.
 СОЧ. АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА**

Атеней. 1828. Ч. 1, № 4 (выход в свет 1 марта — МВед. 1828. № 17, 29 февраля). С. 76–89. Подпись: В.

Согласно указанию Н. П. Коллюпанова, автором статьи является М. А. Дмитриев, в 1828 г. один из центральных сотрудников «Атеней», руководивший критическим отделом журнала (см.: *Коллюпанов Н.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1. С. 478; здесь же указание на принадлежность Дмитриеву криптонима «В»). О Михаиле Александровиче Дмитриеве (1796–1866) см.: П. в критике, I. С. 396–397. Прямых свидетельств авторства Дмитриева нет; сам он в своих более поздних мемуарах не упоминает этой статьи, как и вообще ни слова не говорит о своем сотрудничестве в журнале «Атеней» (см.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998). Тем не менее свидетельство Коллюпанова представляется абсолютно достоверным. «Атеней» как научно-литературный журнал, круг сотрудников которого в подавляющем большинстве составляли профессора Московского университета, связанный с Обществом любителей российской словесности при Московском университете, должен был импонировать общественно-литературным симпатиям Дмитриева. В «Атенее» сотрудничали близкие Дмитриеву участники театрального кружка Ф. Ф. Коккошкина — С. Т. Аксакова; сам он также был активным вкладчиком поэтического отдела. Соответствует литературным взглядам Дмитриева и то резкое неприятие «новой школы» поэзии, которое служит характеристической чертой критической позиции «Атеней» в первый год издания

и отчетливо слабеет в 1829 г., когда, как пишет Колюпанов, критический раздел журнала постепенно перешел в руки новых сотрудников и сделался более удовлетворительным. Кроме статьи о четвертой и пятой главах «Онегина», из значительных критических выступлений М. А. Дмитриева в «Атенее» следует отметить еще рецензию на совместное издание «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского (Две повести в стихах. СПб., 1828 — см.: Атеней. 1829. Ч. 1, № 1. С. 79—85; подпись: В.). О поэме Пушкина в этой рецензии, впрочем, не говорится ни слова, весь отзыв посвящен резкой критике «Бала». Также Дмитриеву принадлежит ряд статей с разбором критических выступлений против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (О противниках и защитниках историографа Карамзина // Атеней. 1829. Ч. 1, № 3—5).

Критика Дмитриева, написанная с позиций школьного классицизма и наполненная педантическими придирками, была с негодованием встречена в литературных кругах. «Критика “Атеней” на Пушкина во многом ребячески забавна, — писал П. А. Вяземский к И. И. Дмитриеву 24 марта 1828 г. — Критик не позволял сказать: *бокал китит, безумное страданье, сиянье розовых снегов*. После того должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить, как ученика из гимназии? Встречаются и должны встречаться недостатки в каждом произведении; но талант, каков талант Пушкина, и особенно же у нас, должен быть всегда предметом уважения: не раблепного и слепого идолопоклонничества, но еще более и не насмешливой привязчивости и педантического исправления. Вот еще пища Атенейной моли! Вчера вышла шестая глава «Онегина»» (РА. 1866. № 11—12. Стб. 1715—1716). Общую характеристику критической манеры Дмитриева несколько позднее дал О. М. Сомов в «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 года»: «Статьи критические, подписанные буквою В., отличаются неверным взглядом на теории словесности, мелочными придирками критика, и, что еще страннее, собственным его неумением писать по-русски. Для пользы своего журнала издатель “Атеней” должен бы был исключить из него сии критики, а всего лучше, поручить сие отделение кому-либо из литераторов, более сведущих в словесности и в языке русском, не столь односторонних в своих суждениях и не столь близоруких в способе воззрения на предметы» (СЦ на 1830. «Проза». С. 31—32). Статья Дмитриева определила, например, характеристику журнала «Атеней» в стихотворном послании Н. М. Языкова «А. Н. Вульф» («Не называй меня поэтом!..»), написанном летом 1828 г.:

...Что «Афеней»?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.

(Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 258).

«Атеней» здесь уподоблен прекратившемуся в 1826 г. журналу «Благонамеренный», памятному своей последовательно антиромантической позицией и гонениями на «новую школу» поэзии. Послание Языкова тогда же, видимо через А. Н. Вульфа, стало известно Пушкину; стихи про «Атеней» Пушкин цитировал в письме к Погодину от 1 июля 1828 г. (с одним разночтением: «Журнал казенно-философский» — XIV, 22). Московские «любомудры», не вполне принимавшие «Онегина» (см., например, в наст. изд. статью М. П. Погодина о четвертой и пятой главах романа, с. 42—46), отнеслись к критике «Атеней» мягче. В. П. Титов писал 17 марта 1828 г. из Петербурга Погодину: «Пушкин бесится на “Атеней”, утешается, браня своего критика матерщиною заодно с Булгариным. А мне смешно: несмотря на

глупость разбора (Аксакова или Дмитриева?), много есть поделом, и я бы душевно желал, чтобы его побольше пощелкали за «Онегина» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 698).

«Кто этот Атенеической Мудрец, который так хорошо разобрал IV и V главу? Зубарев? или Ив<ан> Савельич?» — спрашивал Пушкин в письме к С. А. Соболевскому (XIV, 5). Упоминаемый здесь Д. Е. Зубарев (1801—1850) — московский литератор, в 1825 г. выступивший в «Вестнике Европы» с критическими замечаниями на «Историю государства Российского» Карамзина. Именно претенциозную зубаревскую критику Карамзина Пушкин и имел в виду, сравнивая с Зубаревым анонимного автора «Атенея» и ставя его имя в один ряд с известным московским шутом князя В. А. Хованского Иваном Савельевичем Сальниковым (см.: Письма. Т. 2. С. 279—283). Раздражение Пушкина проявилось и в том, что он решил отвечать на критику «Атенея». «Вольно всякому хвалить и порицать все, что относится к вкусу, — писал Пушкин. — Но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников» (XI, 70). Заметка осталась в черновых набросках. К. А. Полевой, общавшийся с Пушкиным весной 1828 г. в Петербурге, вспоминал: «Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне: “Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими; но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня”. <...> В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в “Атенея”, журнале, издававшемся в Москве профессором Павловым. Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что. Это было, собственно, не возражение, а насмешливое и очень остроумное *согласие* с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, по-видимому соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь “Атенею”, но он не согласился, говоря: “Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатая возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе» (Полевой. С. 277). Большую часть своих возражений Пушкин перенес в полемическую статью 1830 г. «Опровержение на критики» (см.: XI, 146—147; наст. изд., с. 295), где также упрекал Дмитриева за непонимание самых обыкновенных риторических фигур и тропов (*стакан шипит* вместо *вино шипит в стакане*; *камин дышит* вместо *пар идет из камина*; *ревнивое подозрение*, *неверный лед*, *стесняет сожаленье*, *безумные страдания*; *младой и свежий поцелуй* вместо *поцелуй молодых и свежих уст* и т. д.). Кроме того, замечаниям Дмитриева Пушкин посвятил несколько примечаний, приложенных к полному отдельному изданию романа.

¹ Первые строки стихотворения Е. А. Баратынского «К***» (1827):

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

² Рассуждениям о новейшей романтической поэзии и правилах старых пиитик была посвящена программная статья «О направлении поэзии в наше время» в первом номере «Атенея», автор которой, в частности, писал: «В этом общем направлении прекрасного искусства не малое имело участие, без сомнения, и то, что произведение поэзии так названной романтической, основою своею действительно принадлежащие народу, не требовали тех сведений и той степени образо-

ванности вкуса, какие необходимо нужны не только чтобы судить о стихотворении классическом, но даже просто, чтоб понимать оное. “Федру” Расинову поймут немногие, “Руслана” читают все. <...> Правила пиитики, принятые и освященные веками, показались ему (человеческому уму. — *Ред.*) теперь ярмом тягостным; он отверг их как бесполезные, указывая в оправдание на посредственность некоторых талантов, коим правила не помогли возвыситься; позабыв, что правила действуют отрицательно, не дают силы таланту, но сокращают время его младенчества, избавляют от напрасных опытов, представляя собою результаты опытов многолетних, повторенные многократно в разные времена, при разных условиях гражданственности, и всегда производивших одинакие действия» (Атеней. 1828. Ч. 1, № 1. С. 22, 24—25; подл.: X).

³ *Катон* Марк Порций (Старший) (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель, известный своей суровостью и борьбой за чистоту нравов.

⁴ *Преодоленная трудность* — понятие классической эстетики (*difficulté vaincu* — побежденная трудность (*франц.*)), появившееся еще в XVII в. у Фонтенеля, Буало, Расина и др. Поэзия к общим правилам языка присоединяет особые правила, затрудняющие речь. Умение поэта преодолеть эти трудности доставляет удовольствие, и оно «тем сильнее, чем более поэт чувствует себя стесненным, а само выражение — более совершенно» (Фонтенель) (цит. по: *Бахмутский В. Я.* На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. М., 1985. С. 24—25). Ср. у Пушкина: «Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков — побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие — любить размеренность, соответственность свойственно уму человеческому» («О поэзии классической романтической» — XI, 37). См. также: *Вацуро В. Э.* Из разысканий о Пушкине // Врем. ПК 1972. Л., 1974. С. 104—105.

⁵ *Времян* — архаизированная форма; Пушкин в своих возражениях «Атенеею» ссылался на ее употребление в «Моих Пенатах» (1811—1812) К. Н. Батюшкова:

То мудрого Платона
Описывает нам...
То древню Русь и нравы
Владимира времян.

⁶ Претензия Дмитриева основана на его собственном, расширительном, толковании слова «жребий». Ср. в указываемом самим критиком «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенном» (СПб., 1809. Ч. 2. С. 468): «Судьба, участь. *Сожалеть о несчастном жребии. Смерть есть общий всем человекам жребий.*»

⁷ В возражениях «Атенеею» Пушкин писал: «Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном» (XI, 71).

⁸ Дмитриев упрекает здесь Пушкина за употребление поэтизмов (*дева*) в описании низкой действительности — простонародного быта. Сходный упрек содержался в статье Б. М. Федорова в «С.-Петербургском зрителе» (см. наст. изд., с. 68).

⁹ Намек на стихотворение Пушкина «Буря» («Ты видел деву на скале...») (МВ. 1827. Ч. 1, № 2).

¹⁰ В примечании 24 к полному тексту «Евгения Онегина» Пушкин полностью привел этот пассаж, сопроводив его только одним ироничным замечанием: «Справедливо» (VI, 193). Следующее далее замечание Дмитриева — либо сознательная придирка, основанная на намеренном искажении текста, либо собственная его

ошибка. Дмитриев игнорирует запятую, выделяющую у Пушкина деепричастный оборот:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед

¹¹ По-видимому, в ответ на это замечание Дмитриева Пушкин в примечаниях к полному тексту романа привел поясняющий отрывок из послания брату Льву Пушкину «Что же? Будет ли вино?...» (1824):

В лета красные мои
Поэтический аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной, и проч.
(VI, 193).

¹² Дмитриев указывает на нарушение размера и, по его мнению, неудачно образованные слова. Измененный вариант строки («Лай, хохот, пенье, свист и хлоп») был указан Пушкиным в списке опечаток, приложенном к отдельному изданию следующей, шестой, главы. Пушкин отвечал Дмитриеву в черновых набросках статьи о критике «Атеней» и в «Опровержении на критики». В примечании 31 к полному тексту романа он писал: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *мольв* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. “Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую мольв и конский топ” (*Сказка о Бове Королевиче*). Хлоп употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шптения*».

Он шип пустил по змеиному.
(*Древние русские стихотворения.*)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (VI, 193–194).

¹³ «Люди, выдающие <себя> за поборников старых грамматик, — завершал Пушкин свои черновые наброски ответа «Атеней», — должны были бы по крайней <мере> иметь школьные сведения о грамматиках и риториках — и иметь хоть малое <понятие> о свойствах русского языка» (XI, 72).

М. П. ПОГОДИН МЫСЛИ, ЗАМЕЧАНИЯ И АНЕКДОТЫ

МВ. 1828. Ч. 8, № 5 (выход в свет 11–14 марта — МВед. 1828. № 21, 14 марта). С. 120–125; приводятся два первых и последний фрагменты — с. 120–121, 124–125. Подпись: N. N.

Авторство Погодина устанавливается на основании его собственного позднейшего свидетельства (см.: МВ. 1830. Ч. 1, № 3. С. 309–310). Публикуемые отрывки представляют собой часть обширной серии заметок Погодина на самые разнообразные темы (МВ. 1828. Ч. 8, № 5–7; Ч. 10, № 14; 1830. Ч. 2, № 7). Такая форма журнальной статьи весьма характерна для Погодина; таковы же его «Исторические афоризмы» (МВ. 1827. Ч. 1, № 2; Ч. 6, № 23), близка к этому жанру статья о

четвертой и пятой главах «Онегина» (МВ. 1828. Ч. 7, № 4; наст. изд., с. 42–46); в повествовательной прозе Погодина своеобразный аналог форме «мыслей, замечаний и анекдотов» представляет цикл «Психологические явления», первые фрагменты которого также печатались в «Московском вестнике».

Как и в «Исторических афоризмах», в «Мыслях, замечаниях и анекдотах» можно отметить стремление Погодина (эмпирика по складу) к шеллингианским философским обобщениям. Он пытается соединить «анекдот», эмпирику литературной и исторической жизни с философским обобщенным взглядом на различные явления. В этом отношении характерно, что фрагмент, содержащий возражения «Атенею», следует непосредственно за начальным фрагментом, выдвигающим требование искать единственно верную точку для суждения о художественном произведении. Таким образом, «небрежность», непринужденность повествования в «Евгении Онегине», уже отмечавшаяся ранее Погодиным (см. наст. изд., с. 45), здесь оказывается вписанной в контекст общих размышлений о необходимости обобщенного, философски обоснованного взгляда на произведения искусства. Сам выпад Погодина против «Атенея» отчасти мог быть вызван выступлением редактора «Атенея» М. Г. Павлова, поместившего в № 1 и 2 журнала программную статью «О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных» с откровенными издевками над «любомудрами», которых Павлов обвинял в поверхностном усвоении шеллингианской философии, в претензии на истинно философский подход ко всем наукам, в пренебрежительном отношении к эмпирическому знанию и т. д. (например: «Умозрительные сведения возможны только при опытных. Незнание сей связи в сведениях обличает вас еще более в том, что вы из философических сочинений заимствуете только слова, а не мысли» — Атений. 1828. Ч. 1, № 1. С. 15; ср. дневниковую запись Погодина о «выходках» в журнале Павлова: Барсуков. Т. 2. С. 178).

В другом фрагменте статьи Погодина привлекает внимание пушкинская формула «подвиг честного человека», примененная Пушкиным к Карамзину в анонимно опубликованных в «Северных цветах» на 1828 г. его «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях». Авторство Пушкина должно было быть известно Погодину, так что упоминание о некоем Б. является здесь, скорее всего, простой условностью, связанной с невозможностью назвать открыто автора в печати. Однако пушкинская формула оборачивается у Погодина как раз против «Истории» Карамзина; очень скоро Погодин примерно в тех же выражениях, что и в данной статье, будет оправдывать помещение в своем журнале крайне резкой по тону критики Н. С. Арцыбашева на «Историю государства Российского» (см.: Барсуков. Т. 2. С. 234–264).

¹ Пьетро ди Готтардо *Гонзаго* (Gonzago, Gonzaga; 1751–1831) — итальянский живописец, театральный декоратор и архитектор. Долгие годы работал в России. Погодин, вероятно, видел декорации Гонзаго в имении Юсуповых Архангельском.

² М. А. Дмитриев, разбирая четвертую и пятую главы «Евгения Онегина» в журнале «Атений», писал о «сотне мелочей, которые так заживо цепляют людей, учившихся по старым грамматикам» (см. наст. изд., с. 55; о статье Дмитриева см. подробнее: наст. изд., с. 349–351).

³ Цитируется поэма Торквато Тассо (Tasso, 1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» («La Gerusalemme Liberata», 1580) (октава XVIII, песнь II). *Софрония* — персонаж поэмы.

⁴ В 1824–1825 гг. во Франции бурно обсуждался внесенный ультрароялистами законопроект о конверсии государственной ренты, предполагавший снижение рентных выплат с пяти до трех процентов. Первоначально законопроект был отвергнут палатой пэров, но с принятием в 1825 г. закона о вознаграждении бывших эмигрантов за потерю недвижимых имуществ, конфискованных во время революции,

конверсия ренты в трехпроцентную оказалась необходимой, чтобы покрыть огромные новые расходы, не вводя новых налогов.

⁵ Позднее (см.: МВ. 1830. Ч. 1, № 3. С. 318) сам Погодин уточнил, что именно он имел в виду: статьи Каченовского с разбором предисловия к «Истории государства Российского» и «Записки о достопамятностях Москвы». Таким образом, Погодин говорил о двух самых грубых и скандальных журнальных выпадах против Карамзина (см.: От Киевского жителя к его другу // ВЕ. 1819. Ч. 103, № 2–4; Ч. 104, № 5, 6, подпись: Ф; К господам издателям «Украинского вестника» // ВЕ. 1818. Ч. 100, № 13, подпись: Лужники; см. о них: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 75–87 и след.). Погодин, правда, уверял: «...издатель “Московского вестника” сказал в 1828 году, что подобное изложение заслуживает всякое порицание».

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ
 АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВЫ IV И V**

МТ. 1828. Ч. 19, № 3 (выход в свет 11–14 марта — МВед. 1828. № 21, 14 марта). С. 433–436. Без подписи. Из раздела «Современная русская библиография».

¹ Строфа XLIII, опущенная в отдельном издании романа. В первом издании четвертой и пятой глав появилась без первых четырех стихов, имеющих в беловой рукописи:

Как гонит бич в песку манежном
 По корде резвых кобылиц,
 Мужчины в округе мятежном
 Погнали, дернули девиц.

² Имеется в виду статья М. А. Дмитриева (Атеней. 1828. Ч. 1, № 4; наст. изд., с. 47–55).

Б. М. ФЕДОРОВ
**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ,
 СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВЫ IV И V**

СПб зритель. 1828. Ч. 1, № 1 (выход в свет во 2-й половине марта 1828 г. — СПч., № 34, 20 марта; № 36, 24 марта). С. 139–167.

Об авторе разбора, Борисе Михайловиче Федорове (1798–1875), см.: П. в критике, I. С. 416–417. Статья о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина», где сказались уже определившиеся ранее черты литературной позиции критика, отражает и особые условия, в которых она создавалась. После восстания 14 декабря 1825 г. резко изменилась литературная ситуация; в 1826 г. прекратили свое существование некоторые издания, в которых сотрудничал Федоров («Благонамеренный», «Новости литературы»); со смертью Н. М. Карамзина и отъездом за границу

А. И. Тургенева Федоров лишился и основных своих покровителей. Не служивший и постоянно нуждавшийся, он предпринимает несколько изданий для детей («Детский цветник», 1826, 1828; «Новая детская библиотека», 1827—1829, 1831, 60 книг в 18 томах, и др.), выпускает альманах «Памятник отечественных муз» (1827), начинает издавать журнал «Санктпетербургский зритель». Близость к А. И. Тургеневу и семейству Карамзиных открывает Федорову пути в пушкинский круг; еще в 1826 г. Пушкин по просьбе Тургенева отдает ему несколько своих ранних стихотворений (см. свод материалов: Пушкин. Соч. 1999. С. 597—598; Пушкин. ПСС. Т. 1. С. 619—620). В 1827—1828 гг. он постоянно встречается с Пушкиным, иногда домашним образом (см.: Черейский. С. 463—464); летом 1827 г. записывает в свой дневник: «Был у Карамзиных — виделся там с Пушкиным. Коля (трехлетний сын Федорова. — *Ред.*) сидел на коленях его и читал ему его стихи» (РБ. 1911. № 5. С. 33).

В конце 1827 г. Федоров восстанавливает связи с Булгариным, прерванные долголетней журнальной полемикой. 16 декабря он записывает в дневник: «Примирился с Булгариным вследствие хорошего его отзыва о моих изданиях, чего я не ожидал от него» (Каталог собрания рукописей проф. И. В. Помяловского, принадлежащих имп. Публичной библиотеке / Сост. Д. И. Абрамович // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1907 г. СПб., 1914. Прил. С. 43). На страницах «Северной пчелы» он начинает «войну с Шевыревым», о которой глухо упоминают в том же дневнике: по-видимому, ему принадлежали два «письма к издателям “Северной пчелы”» за пародийными подписями «С. Объективин» и «Б. Зернов-Раменин» (СПЧ. 1828. № 52, 1 мая; № 58, 15 мая), содержавшие издевательские разборы стихов Шевырева «Каин» и «Мысль». Включаясь в журнальную полемику Булгарина с «Московским вестником», Федоров преследовал и свои цели — борьбы с новым поколением «романтиков». Общаясь с Федоровым, зная о его участии в полемике и, возможно, об авторстве статей, Пушкин писал Погодину 1 июля 1828 г.: «Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина и Федорова» (XIV, 21).

В той же дневниковой записи Федорова, где говорится о начале войны с Шевыревым, упоминается и критика на Пушкина: «Написал критику на Пушкина; сблизился с Пушкиным и говорил с ним откровенно» (РБ. 1911. № 5. С. 33). Запись не датирована и ошибочно печатается среди записей за 1827 г.; с уверенностью можно утверждать, что речь идет о федоровском разборе четвертой и пятой глав «Онегина». 24 апреля 1828 г. Федоров помечает: «Виделся с Пушкиным — Александром Сергеевичем и имел разговор весьма замечательный» (Там же). К этому времени первая (и единственная) книжка начатого им журнала «Санктпетербургский зритель» уже месяц как вышла из печати. Между 24 апреля и 6 мая Федоров вписывает в дневник: «Пушкин пересматривал со мною весь мой разбор — и со множеством мест согласился» (Там же. С. 34). Согласие Пушкина, однако, было не более чем дипломатичным отказом от обсуждения. При переиздании романа Пушкин воспользовался лишь единичными рекомендациями критика, зато другие процитировал в примечаниях и в статье «<Опровержение на критики>», снабдив саркастическим комментарием. Подчеркнуто уважительный тон рецензии Федорова (в «<Опровержении на критики>» Пушкин определил ее как «довольно благосклонную» — XI, 149; наст. изд., с. 298), похвалы таланту Пушкина, переходящие в апологетику, не давали, казалось бы, оснований для полемики, — однако в основе как похвал, так и порицаний лежала глубоко чуждая и даже враждебная Пушкину система литературно-эстетических взглядов. Свидетельство об этих эстетических расхождениях содержится в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу из Петербурга 18 апреля 1828 г. «Твой Федоров, — сообщал он, — издает журнал и в нем критикует Пушкина, а пуще всего требует от него нравственности. После того

встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним: “Отчего не описываете Вы картин семейного счастья?” и тому подобное говорил ему нравоучитель, а тот отвечал ему по-своему» (Архив Тургеневых. Вып. 6. С. 67). «По-своему», видимо, означало эпатирующую шутку, подобную той, которую Федоров занес в свой дневник: «У меня нет детей, а все выблядки. Не присылайте ко мне вашего журнала» (вероятно, речь шла о «Новой детской библиотеке») (РБ. 1911. № 5. С. 34; Разговоры Пушкина / Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский. М., 1929. С. 114). Любопытно, что и другие искушенные читатели рассматривали похвальный отзыв Федорова скорее как критический, как позолоченную пилюлю. Так, «Сын отчества» попутно упоминает его как пример нелепых привязок к пушкинскому произведению (см. наст. изд., с. 102); рецензент «Московского телеграфа», разбравший первый номер нового журнала «Санктпетербургский зритель», писал о статье Федорова: «Этот разбор — точное факсимиле с разборов, которые некогда читывали мы в журналах, где участвовал или держивал главную редакцию А. Ф. Воейков. Если г-н Федоров писал свой разбор для того, чтобы рассмешить читателей, то он совершенно достиг своей цели» (МТ. 1828. Ч. 20, № 5. С. 112).

Для такого восприятия были основания. Федоров был верен своей «антиромантической» позиции, заявленной еще во времена его борьбы с «союзом поэтов», и пользовался любым случаем, чтобы задеть печатно пушкинский литературный круг. В дневнике он дает резкие характеристики Вяземскому и Языкову; его разбор «Онегина» содержит выпады против Баратынского и, конечно, «Московского вестника». Как и ранее, Федоров пытается отделить Пушкина от его эстетических союзников, противопоставив их друг другу. Но и самого Пушкина он приемлет лишь в той мере, в какой он поддается интерпретации в духе сентиментально-дидактической литературы. Вообще Пушкин для Федорова в 1828 г. еще прежде всего автор «Руслана и Людмилы», и «Евгения Онегина» он мерит меркой «Душеньки» Богдановича — сопоставление для конца 1820-х гг. уже комическое, свидетельствующее о глубокой архаичности литературного вкуса. С этих позиций Федоров решительно отвергает именно то, в чем современники видели новаторские черты романа (например, фольклорную символику «сна Татьяны», — отсюда подробный разбор его «недостатков» и проскользнувшее замечание, что все это описание значительно уступает нескольким предыдущим стихам). Характер Онегина, образ автора-повествователя с его сложной и меняющейся системой оценок, образующих модальность текста, — все это в глазах Федорова является скорее слабостью романа и нуждается в оправдании или извинении. И, как верно подметил Вяземский, Федоров «пуще всего требует нравоучения». Не считаясь с общим контекстом, он выбирает из четвертой и пятой глав те фрагменты, которые можно при желании интерпретировать в духе сентиментальной дидактики или патриархальной «народной идиллии» геснеровского образца, подобной тем, которые писал его друг и литературный покровитель В. И. Панаев. Федоров цитирует как образцовые пейзажные описания, идиллические и сатирические характеристики, снабжая их собственными нравоучительными сентенциями. Его «разбор» — не анализ художественной специфики новых глав романа, а выборка фрагментов для чтения детьми младшего возраста. Архаичность общей эстетической позиции соединилась в критике Федорова с дидактическими установками, усвоенными за время занятий литературной педагогией. Это предопределило как угол его зрения на «Онегина», так и угол зрения критиков на его собственный разбор.

Развернутый отзыв о статье Федорова сделал О. М. Сомов в своем «Обзоре российской словесности за 1828 год». Говоря о критическом разделе журнала «Санктпетербургский зритель», в частности о помещенной там рецензии на русский перевод поэмы Байрона «Паризина», Сомов замечает: «...издатель разбирает “Паризину”, перев<од> Вердеревского, и главы IV и V “Евгения Онегина”. Байрона

побранивает он за неудачный выбор предмета, в котором не находит *нравственной цели*: одною строчкой написал он приговор почти всем знаменитым художникам, которые в дивных произведениях их резца или кисти не предполагали цели нравственной. Поэзия принадлежит также к изящным искусствам: осуждая Байрона, он осуждает также многих славнейших живописцев и ваятелей и забывает, что все изящные искусства сами для себя цель. — У Пушкина, между прочим, критику не нравятся *коровы*; бедный Поль-Поттер! он только и писал превосходно коров да собак. Многие места в помянутых двух главах «Онегина» разобраны слово по слову, и иные из сих слов похвалены, другие раскорены. Может быть, такая *анатомия* поэтических произведений имеет свою пользу, напр<имер>, для *учащихся поэзии*; но в ней те неудобства, что, во-первых, об одной книжке надобно будет написать двадцать томов, а во-вторых, гоняясь за словами, критик необходимо выпустит из виду главнейшее: общее действие всей поэмы» (СЦ на 1829. «Проза». С. 22–24). Замечания Сомова были очередным ответом пушкинского круга болгаринскому (куда входил и Федоров) в подспудно идущей постоянной полемике их по вопросу о нравственности в литературе (см. также примеч. 5 к статье Ф. В. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» — наст. изд., с. 332).

¹ Стихотворное посвящение П. А. Плетневу, предпосланное всему роману и первоначально появившееся в отдельном издании четвертой и пятой глав.

² В дневнике Федорова записано: «Лакея сам Пушкин не защищает...» (РБ. 1911. № 5. С. 34).

³ Отсылка к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах» (1778–1783, переделка романа Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», 1669). «Душенька» Богдановича считалась образцом легкой поэзии. Сравнение Татьяны с Душенькой, свидетельствующее о чрезвычайной архаичности литературных вкусов критика, вероятно, имеет в виду эпизод в конце 1-й книги поэмы Богдановича — описание героини на горе ужасов.

⁴ Ошибка Федорова. В издании четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»: «С петушьей головой».

⁵ Указание на пропуск стопы в цитируемом стихе было сделано и в «Атенеи», где критик в фельетонной манере поставил этот недосмотр в связь с употребленными далее усеченными формами «молвь», «топ» и т. д. (см. наст. изд., с. 54 и примеч. 12 на с. 353).

⁶ Строфа в дальнейшем была поправлена Пушкиным, который учел и некоторые замечания Федорова. Так, он заменил строку «Там суетливый еж в ливрее» на «Еще страшней, еще чуднее». Остальные отмеченные в рецензии курсивом места оставлены без изменений.

⁷ Протестуя против «исковерканной природы» как антипоэтической, Федоров отправляется от подобного же эстетического запрета в «Науке поэзии» Горация («Ars poetica», ст. 1–5). Это место пушкинского романа вызвало резкие критические замечания и со стороны Н. И. Надеждина, также опиравшегося в своих суждениях на «Науку поэзии». В статье «Литературные опасения за будущий год» Надеждин дважды вспомнил о сне Татьяны: «...по несчастию, безумие нынешних поэтов есть настоящее, беспримесное безумие. Их восторги суть подлинные грезы — без связи, порядка и цели.

Там суетливый еж в ливрее,
Там рак верхом на пауке,
Там череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Там мельница в мундире пляшет
И крыльями трещит и машет.

Velut aegri somnia!..» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 21. С. 16–17; лат. цитата (перевод: Словно грезы больного!..) — «Наука поэзии», ст. 7). И ниже в той же статье: «Все их (новейших русских стихотворцев. — *Ред.*) герои суть или ожесточенные изверги, или заматоревшие в бездельничествах повесы. Главнейшими из пружин, приводящими в движение весь пиитический машинизм их, обыкновенно бывают: пунш, ай, бордо, дамские ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену действия составляют Муромские леса, подвижные Бессарабские наметы, магическое уединение овинов и бань, спаленные закоулки и фермопилы. Оригинальные костюмы их —

Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные!

Торжественный оркестр их —

Визг, хохот, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!

Коротко сказать — главный и почти единственный фонд, безрасчетно *иждиваемый* нашими байронистами, составляет все, что только можно выдумать самого чудовищного, отвратительного и грязного — все изгарины и подонки природы!..» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 88–89).

⁸ Изложение Федорова, провоцирующее понимание этой сцены как эротической (что иллюстрируется и приводимыми под строкой «стишками»), вызвало ироническое примечание (№ 32) Пушкина в полном издании романа: «Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность» (VI, 194). Выпад против «Московского вестника» имеет в виду заметку в № 3 («А. С. Пушкин сдержал свое обещание...»; см. наст. изд., с. 41). Далее цитируются стихи из четвертой главы (строфа XVIII).

⁹ Имеется в виду один из персонажей романа В. Скотта (Scott, 1771–1832) «*Гай Мэннеринг, или Астролог*» («*Guy Mannering, or the Astrologer*», 1815) — лэрд (laird; т. е. владелец поместья в Шотландии) Элленгауэн.

¹⁰ *Роде* Жак-Пьер-Жозеф (Rode; 1774–1830) — знаменитый скрипач и композитор; имя его употреблялось как нарицательное для обозначения скрипача-виртуоза.

¹¹ Эти стихи отмечались как грамматические неточности в рецензии «Северной пчелы» на третью главу «Евгения Онегина» (1827. № 124, 15 октября; П. в критике, I. С. 326) и в статье П. И. Шаликова о третьей главе романа (ДЖ. 1827. Ч. 19, № 21; П. в критике, I. С. 331).

¹² Это место разбора вызвало полемическую реплику Пушкина в «<Опровержении на критику>» (см.: XI, 149; наст. изд., с. 298) и примечание 23 в полном издании романа: «В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы *девочками*» (VI, 193). Ср. также в письме Дельвигу от середины ноября 1828 г. из Малинников: «Здесь очень много хороших девочек (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович)...» (XIV, 34).

¹³ Ср. в дневнике Федорова передачу слов Пушкина: «Это выражение *пышет бурно* — правда, что дурно» (РБ. 1911. № 5. С. 34). В отдельном издании романа Пушкин, однако, оставил стих без изменения.

¹⁴ Тему воспевания семейного счастья Федоров затрагивал и в разговоре с Пушкиным (см. выше в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 18 апреля 1828 г., с. 356–357).

¹⁵ С аналогичным упреком рецензенты «Евгения Онегина» выступали неоднократно; пропущенные фрагменты, обозначаемые порядковыми номерами, пародировались как неременная принадлежность «романтической поэзии». См. замечания Пушкина по этому поводу в «<Опровержении на критики>» (XI, 149; наст. изд., с. 296).

¹⁶ Строфы XXXVII и XXXVIII, вызвавшие критику Федорова, в отдельном издании романа Пушкин исключил, заменив номер следующей, XXXIX строфы, на: «XXXVII. XXXVIII. XXXIX».

¹⁷ Об этом выражении (по-видимому, как о слишком архаичном) Федоров упоминал и в разговоре с Пушкиным, пересказанном в дневнике: «Чувствий — у Баратынского, Языкова и Дельвига не найдете. Баратынский и Языков мои ученики — я уж у них учиться не буду». (Вот голос самолюбия)» (РБ. 1911. № 5. С. 34).

¹⁸ Ср. то же замечание в критике М. А. Дмитриева в «Атенеи» (наст. изд., с. 51).

¹⁹ Строфы XXVII–XXX четвертой главы были напечатаны отдельно в «Московском вестнике» (1828. Ч. 7, № 2. С. 148–150) под заглавием: «Альбомы. (Из IV-й главы Евгения Онегина)». В журнальной публикации имени Федора Петровича Толстого (1783–1873), скульптора, живописца, знаменитого медальера и графика, вице-президента Академии художеств, и Е. А. Баратынского были напечатаны полностью. В отдельном издании четвертой и пятой глав Пушкин заменил их инициалами («Т— кистью чудотворной Иль Б— пером»). В полном издании романа имена вновь были раскрыты. В подстрочном примечании Федоров делает характерный для него попутный выпад против Баратынского, его давнего литературного противника.

²⁰ Пушкин отреагировал на это замечание Федорова примечанием 33 в полном издании романа: «Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров» (VI, 194).

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

НЕЧТО О ХАРАКТЕРЕ ПОЭЗИИ ПУШКИНА

МВ. 1828. Ч. 8, № 6 (выход в свет 21–24 марта — П. в печати. С. 53). С. 171–196. Подпись: 9. 11. (цифровое обозначение инициалов автора: И. К.). О времени создания статьи можно судить по записи в дневнике М. П. Погодина от 1 марта 1828 г.: «Обедал у Елагиных, слушал статью о Пушкине» (П. в восп. Т. 2. С. 16).

Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) — один из наиболее активных участников «Общества любомудрия», сотрудник «Московского вестника», издатель журнала «Европеец»; впоследствии один из ведущих идеологов славянофильства. Философские и литературные способности Киреевского проявились рано. Этому благоприятствовали литературные занятия его матери — А. П. Елагиной, племянницы В. А. Жуковского, чье благотворное влияние дети Елагиной испытывали с самого нежного возраста. Статья о Пушкине стала первым выступлением Киреевского в печати.

С Пушкиным Киреевский познакомился в сентябре 1826 г., после возвращения поэта из михайловской ссылки. Киреевский присутствовал на чтениях «Бориса Годунова» у Соболевского (10 и 12 сентября 1826 г.) и Веневитиновых (12 октября 1826 г.), неоднократно встречался с Пушкиным в московских литературных кругах. Однако более близкое знакомство Киреевского с Пушкиным состоялось позднее, в 1829 г. «В Пушкине я нашел еще больше, чем ожидал. Такого мозгу, кажется, не вмещает уже ни один русский череп, по крайней мере из ошупанных мною», — писал он Соболевскому 29 января 1829 г. (*Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 338).

Отношения Киреевского с пушкинским кругом с годами становились теснее, и это отличало его от других «любомудров». Немалая роль в этом сближении принадлежала Жуковскому. Тесная дружба связывала Киреевского с Е. А. Баратынским. В отличие от других «любомудров» Киреевский высоко ценил поэзию А. А. Дельвига; его слова о Дельвиге сочувственно цитировал Пушкин в рецензии на альманах «Денница» на 1830 г. (XI, 106–107). В 1830 г. Киреевский в устных полемиках защищал Дельвига, Баратынского и вообще круг «Литературной газеты» от нападков М. П. Погодина (см.: РА. 1882. № 6. С. 179). Не типичной для «любомудров» была и высокая оценка Киреевским критических выступлений Пушкина. Рекомендую своим родным подписаться на «Литературную газету», он писал, что «Пушкин открыл средство в критике, в простом извещении об книге, быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах» (*Киреевский И. В.* Критика и эстетика. С. 338). 17 февраля 1831 г. Киреевский перед жеманницей Пушкина был у него на «мальчишнике», куда были приглашены лишь немногие из знакомых поэта. Дальнейшие отношения Киреевского с Пушкиным были связаны с изданием журнала «Европеец», который Пушкин поддерживал, возлагая на него большие надежды.

В статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» Киреевский стремится, как явствует уже из названия, найти в художественном мышлении Пушкина некую доминанту, определяющую общее направление эволюции пушкинского творчества. В конечном итоге, главным содержанием этой эволюции оказывается постепенное выявление объективного, устремленного к действительности начала, имманентно присущего пушкинскому таланту, но становящегося очевидным и осознанным лишь на третьем этапе развития поэта, когда осуществляется синтез «непринужденности» и «изобилия жизни», свойственных «Руслану и Людмиле», с глубиной размышления, характерной для второго, байронического периода пушкинской поэзии. Обращение к принципу диалектической триады и стремление связать творческое развитие Пушкина с общим направлением русской литературы роднит статью Киреевского с напечатанным в «Московском вестнике» несколько ранее «Обозрением русской словесности за 1827-й год» С. П. Шевырева (МВ. 1828. Ч. 7, № 1 и наст. изд., с. 34). Киреевский совпадает с Шевыревым (и с другими «любомудрами») также в чрезвычайно высокой оценке «Бориса Годунова», в рассуждениях о соотношении объективного и субъективного начала в творчестве Пушкина, в недовольстве характером Евгения Онегина (причем Киреевский выражает это недовольство с гораздо большей прямоотой, чем Шевырев) и в ряде других моментов. При этом суждения Киреевского в сравнении с Шевыревым отличаются гораздо большей определенностью и неожиданностью (как, например, отзывы о «Цыганах» и «Братьях разбойниках»). В сочетании с едва ли не впервые заявленной Киреевским попыткой проанализировать творчество Пушкина в его целостности тонкие и неординарные суждения критика о конкретных пушкинских произведениях делают статью «Нечто о характере поэзии Пушкина» одним из самых примечательных прижизненных отзывов о творчестве поэта. Статья вызвала одобрительный отзыв Жуковского в письме к А. П. Елагиной от 15 апреля 1828 г.: «Я читал в “Мос-

ковском вестнике" статью Ванюши о Пушкине и порадовался всем сердцем. Благословляю его обеими руками писать — умная, сочная, философская проза» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 108).

В редакции «Северной пчелы» статью Киреевского сочли принадлежащей активно воевавшему с Булгариным Шевыреву (см. подробнее наст. изд., с. 336–337) и встретили ее целой серией насмешек и нападок (см.: О высоком и прекрасном в сочинениях г. Степана Шевырева // СПЧ. 1828. № 52, 1 мая). В «Московском вестнике» (1828. Ч. 9, № 9. С. 116) в краткой заметке «От издателя» раскрывалось авторство Киреевского и выражалось недоумение поведением издателей «Северной пчелы».

Характеристику статьи Киреевского см. также: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 21–24; *Мани Ю. В.* Русская философская эстетика. (1820–1830-е годы). М., 1969. С. 79–83; *Müller E.* Russischer Intellekt in europäischer Krise. Ivan V. Kireevskij. (1806–1856). Köln; Graz, 1966. S. 80–89.

¹ О романтической поэзии полемизировали В. Н. Олин и Ф. В. Булгарин на страницах «Литературных листков» и «Русского инвалида», П. А. Вяземский и М. А. Дмитриев на страницах «Дамского журнала» и «Вестника Европы», Н. А. Полевой и Д. В. Веневитинов на страницах «Московского телеграфа» и «Сына отечества» (см.: П. в критике, I. С. 152–188, 198–207, 262–282).

² «Оберон» («Oberon», 1780) — волшеббно-фантастическая поэма Кристофа Мартина Виланда (Wieland, 1733–1813). Киреевский имеет в виду ее восьмую песнь, в которой герои терпят мучения на необитаемом бесплодном острове.

³ *Певец Иоанны* — Вольтер, автор поэмы о Жанне (Иоанне) д'Арк «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans», 1735). О зачинах песен у Вольтера и у Пушкина в «Руслане и Людмиле» см.: *Кирпичников А. И.* Мелкие заметки об А. С. Пушкине и его произведениях: К «Руслану и Людмиле» // РС. 1899. Т. 97, № 2. С. 439–440.

⁴ «Гяур» («The Giaour», 1813) — поэма Байрона.

⁵ *Пери* — добрый дух, в древнеиранской мифологии представлявшийся в образе прекрасной женщины с крыльями. В европейской романтической поэзии образ пери стал особенно популярен благодаря поэме Томаса Мура (Moore, 1779–1852) «Рай и Пери» («Paradise and the Peri»); часть более обширной поэмы «Лалла Рук» («Lalla Rookh», 1817)); русский перевод В. А. Жуковского — «Пери и ангел» (1821). Сравнивая Пери с Заремой, героиней «Бахчисарайского фонтана», Киреевский перефразирует стих пушкинской поэмы: «Как дух, она промчалась мимо».

⁶ Имеются в виду «Братья разбойники».

⁷ Киреевский цитирует поэму Байрона «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon», 1816) в переводе Жуковского (1822). Ср. с противоположными выводами о «поэтическом» начале в сюжете «Братьев разбойников» у Шевырева (см. наст. изд., с. 338).

⁸ Цитаты из речи старого цыгана, обращенной к Алеко:

Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.

⁹ Цитата из статьи С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» (см.: наст. изд., с. 35).

¹⁰ «Евгений Онегин», вторая глава, строфа II.

¹¹ Иронический тон повествования в поэмах Байрона «Беппо» («Верро», 1818) и «Дон-Жуан» («Don Juan», 1818–1823) согласуется с характерами героев, которые, в отличие от Чайльд-Гарольда, героя поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Child Harold's pilgrimage», 1812–1818), не мыслились автором героями высокими. По мнению Киреевского, в «Евгении Онегине» эта гармония нарушена, так как Пушкин, создавая характер Онегина, ориентировался все-таки на высокого героя — Чайльд-Гарольда.

¹² Имеется в виду сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», опубликованная в «Московском вестнике» (1827. Ч. 1, № 1). См. примеч. 2 к статье С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» (наст. изд., с. 338).

¹³ Слово «объективный», едва ли не впервые введенное Киреевским в русский эстетический обиход, вызвало насмешки «Северной пчелы»; отсюда пародийный псевдоним «С. Обьективин», которым была подписана статья «О высоком и прекрасном в сочинениях г. Степана Шевырева» (СПч. 1828, № 52, 1 мая; вероятный автор — Б. М. Федоров).

Ф. В. БУЛГАРИН

«В одном французском журнале напечатан следующий анекдот...»

СПч. 1828. № 38, 29 марта. Из раздела «Смесь». Без подписи.

Очередная полемическая выходка Булгарина против «Московского вестника» (о журнальной войне «Северной пчелы» с «Московским вестником», вызванной критическим выступлением С. П. Шевырева, см. наст. изд., с. 336). Анекдот, якобы перепечатанный из иностранного журнала, а на самом деле предполагающий достаточно прозрачное применение к русской литературной ситуации, как жанр полемической статьи часто практиковался Булгариным (ср., например, его «Анекдот» 1830 г. — СПч. 1830. № 30, 11 марта; наст. изд., с. 228). В настоящей заметке сколько-нибудь искушенный читатель без труда «прочитывал» историю издания «Московского вестника» (выведенного здесь под именем «Эдинбургского вестника» — издания, в эти годы в Англии не существовавшего, как, разумеется, и упоминаемый далее «Эдинбургский маяк») и отношений редакции журнала с Пушкиным (лордом Байроном). Булгарин говорит здесь и о борьбе московских «любомудров» («молодых людей» «Эдинбургского вестника») за исключительное право печатать стихи Пушкина, и о неоднократных заверениях Пушкина отдавать преимущественно «Вестнику» новые произведения (ср., например, в пушкинском письме к Погодину от 31 августа 1827 г.: «...на будущий год обещаю Вам *безусловно* деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашиками обоих столиц» — XIII, 340), и о внутренних разногласиях среди самих издателей «Вестника», главный редактор которого, Погодин, действительно не имел власти над «мальчиками», в частности над Шевыревым («несчастливым поэтом»), с 1828 г. определявшим критико-полемическую позицию журнала и начавшим ожесточенную войну с Булгариним. «Московскому вестнику» Булгарин противопоставляет «Московский телеграф» («Эдинбургский маяк»), «издаваемый одним только литератором», Н. А. Полевым, и «имеющий несколько тысяч подписчиков» (что, конечно, являлось некоторым преувеличением, хотя «Телеграф», безусловно, был самым популярным русским журналом). С конца 1827 г. отношения

Булгарина и Греча с Полевым улучшились, после ожесточенной войны их издания заключили журнальное перемирие и избегали критических отзывов друг о друге. Булгаринский «анекдот» был своего рода «упреждающим ударом»: «Московский вестник» начал публикацию «Обозрения русских журналов в 1827 году» С. П. Шевырева, являвшуюся непосредственным продолжением его «Обозрения русской словесности за 1827-й год». Первая часть «Обозрения русских журналов» была посвящена «Московскому телеграфу» (МВ. 1828. Ч. 8, № 5. С. 61–105), получившему, несмотря на большое количество замечаний и претензий рецензента, в целом высокую оценку; в следующей части Шевырев должен был обратиться к «Северной пчеле» (см.: МВ. 1828. Ч. 8, № 8. С. 398–424; наст. изд., с. 90–91). Именно на шевыревскую статью намекает Булгарин: «Сделаем обозрение всех журналов и скажем, что все они никуда не годятся».

С ответом на булгаринский «анекдот» выступил А. Ф. Воейков, находившийся в состоянии ожесточенной вражды с Булгариным и постоянно печатавший самые грубые выходки против него в своем «Славянине» (к «Московскому вестнику» Воейков, напротив, относился лояльно, возможно, принимая во внимание активное участие в журнале Пушкина). Воейков напечатал статью «Нечто об английском журнале “Лондонский трутень”», в которой под именем «Лондонского трутня» вывел булгаринского «Пчелу». Изложив содержание «анекдота» Булгарина, он писал далее: «Для удовольствия публики мы помещаем продолжение этого анекдота, заимствованное из следующей книжки того же самого французского журнала. — В этой книжке иностранный журналист объявляет, что помещенная им в предыдущем № статья есть не иное что, как низкая выдумка ловкого и опытного издателя “Лондонского трутня” (“The London Drone”). Сей журналист, бывший прежде искателем приключений и никогда ничему не учившийся, но одаренный от природы редкою увертливостью, почитал литературу единственно средством для приобретения денег, а потому видел в каждом новом журнале нового врага и находил все способы позволенными для поражения своего противника. Несколькое времени забавник этот морочил публику уверениями о своих познаниях, талантах, дешевизне и достоинствах своего журнала; сам изволил писать похвалы своим сочинениям и втирался в дружбу к известным литераторам. Возгордившись неожиданным успехом, он принял уже на себя тон покровительства и хотевших издавать журнал увещевал оставить это предприятие и сделаться его сотрудниками; кто же не соглашался или не верил его личине — тому он мстил особенным образом: проводывал про его домашние обстоятельства и описывал их в своем журнале. Но не долго продолжалось мишурное торжество издателя “Лондонского трутня”. Множество грубых ошибок всякого рода явно показали его невежество, а замашки площадного витязя возбудили всеобщее к нему презрение; узнали, что все его маранье поправлялось (как он и сам однажды проболтался), или, лучше, вновь переделывалось, другим его товарищем, который, впрочем, ради денежных оборотов и своей меркантильной операции придерживался этого литературного сплетника; все литераторы почувствовали к нему отвращение и отзывались о нем так, как он действительно заслуживал. — В числе журналов, которые вывели “Лондонский трутень” на свежую воду, находился и “Эдинбургский вестник”. “Трутень”, не будучи в силах отвечать “Вестнику” на дельную критику, принялся сперва по привычке отвечать личностями, а потом старался всеми средствами во что бы то ни стало поссорить редактора с сотрудниками, а сотрудников с редактором и с *лордом Байроном*. С сею целью издатель “Трутня” напечатал вышесказанную выдумку. Но к несчастью, он дал промах и напрасно ломал свою пустую голову: никто не поссорился, “Эдинбургский вестник” продолжается и будет продолжаться назло литературному артельщику, а только к

“Трутню” возбудилось презрение больше прежнего — если это только возможно. — Один из прежних сотрудников “Трутня”, изумленный меднолобием своего прежнего журналиста-хозяина, долгом почел известить о сем почтеннейшую публику и поместил под свою статью эпитафия: *avis aux lecteurs*» (Славянин. 1828. Ч. 6, № 21. С. 323—325). Воейков снабдил статью и издательским подстрочным примечанием: «Мы, с своей стороны, не можем не порадоваться, что подобные статьи печатаются не у нас и что русские литераторы сохраняют в спорах своих всю возможную пристойность».

Об этой полемике см. также: *Каллаш В. В.* Пушкин, Н. Полевой и Булгарин. Из журнальной полемики конца 20-х гг. XIX в. // *ПиС.* Вып. 2. С. 32—49.

¹ Ср. в ответе Булгарина на «Обозрение русской словесности за 1827-й год» Шевырева: «Они («добрые приятели» отсутствовавшего в Москве Погодина. — *Ред.*), вероятно, рассчитывали, что для распространения славы «Московского вестника» должно открыть в нем явную войну с литераторами, не участвующими в издании оного, расквалить одних только приятелей и сотрудников своих, а других осмеять, одурачить пред публикою и заставить их писать против “Московского вестника”: это <...> стоит громких объявлений в газетах» (СПч. 1828. № 11, 26 января).

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВА VI

СПч. 1828. № 40, 3 апреля. Без подписи.

Шестая глава «Евгения Онегина» вышла в свет в Петербурге 23 марта 1828 г. (П. в печати. С. 52). К ней был приложен список исправлений к тексту первой—шестой глав. В этот список вошли не только исправления явных опечаток, но и ряд существенных редакционных изменений текста. Закачивалась шестая глава словами: «Конец первой части». Эта помета — след первоначального плана романа. Можно предположить, что за первой должна была последовать вторая часть приблизительно того же объема, т. е. еще шесть глав, но о пушкинском плане продолжения романа на этом этапе ничего не известно.

О. М. СОМОВ

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА». ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ

СПч. 1828. № 45, 14 апреля. Подпись: С. Это одна из подписей, которыми пользовался в «Северной пчеле» О. М. Сомов (см: Масанов. Т. 3. С. 47). Статья включена в библиографию сочинений О. М. Сомова, составленную З. В. Кириллюк (Кириллюк. С. 160).

Второе издание «Руслана и Людмилы» вышло в Петербурге 23—24 марта 1828 г. (П. в печати. С. 53). Сообщение о выходе книжки из печати было помещено в № 36 «Северной пчелы» от 24 марта. Издано, так же как вторые издания «Бах-

чисарайского фонтана» и «Кавказского пленника», А. Ф. Смирдиным (см. наст. изд., с. 346). Во 2-м издании к поэме были присоединены опоздавшие к печатанию первого издания дополнения к песни VI и эпилог, а также прозаическое предисловие и вступление «У Лукоморья дуб зеленый...».

¹ Во втором издании поэмы был исключен или существенно переработан ряд фрагментов, в частности те, которые в анонимной рецензии «Невского зрителя» (1820. № 7, см.: П. в критике, I. С. 72–73) были названы «картинами, при которых невозможно не краснеть и не потуплять взоров» и послужили поводом для обвинений автора поэмы в недостатке нравственного чувства. Были, однако, критики Пушкина, не пожелавшие заметить этих изменений. Так, в статье Н. И. Надеждина «Литературные опасения на будущий год» один из переработанных Пушкиным фрагментов четвертой песни (от слов: «...Волшебник хилый» до: «Но вдруг раздался рога звон») иронически приведен по изданию 1820 г. как пример «прекрасной» и «нравственной» картины современной поэзии с примечанием: «Она (т. е. эта картина. — *Ред.*) прежде сего напечатана была — *два раза*» (Вед. 1828. Ч. 162, № 22. С. 105).

² В предисловии Пушкин цитировал статью Д. П. Зыкова, ответ на нее А. А. Перовского и первый критический отклик на поэму, принадлежавший А. Г. Глаголеву (см.: П. в критике, I. С. 25–27, 80–85). Говоря о критических отзывах, которые, «будучи тяжелы на подъем и в чтении», не могли вписаться в предисловие, Сомов имеет в виду разбор А. Ф. Воейкова, упомянутый, но не процитированный Пушкиным. Сомов перефразирует известную эпиграмму И. А. Крылова на Воейкова, также приведенную в пушкинском предисловии:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы»,
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

³ Эпилог к поэме («Так житель мира равнодушный...») был напечатан месяц спустя после выхода отдельного издания как «прибавление к поэме» (СО. 1820. Ч. 64, № 38).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА». ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ГЛАВА VI

МТ. 1828. Ч. 20. № 5 (выход в свет 15–18 апреля — МВед. 1828. № 31, 18 апреля). С. 77–82. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи.

¹ Это замечание послужило поводом к одному из многочисленных выпадов против Н. А. Полевого, на этот раз в «Дамском журнале». В статье «Нечто о критике Полевого» автор, скрывшийся за подписью «В—в» (А. Ф. Воейков?), писал: «Из бесчисленного множества примеров, в коих Полевой тяжко погрешил против

литературной совести, мы представим один самый разительный, не подлежащий никакому сомнению. — Когда в первый раз вышла в свет повесть г-на Пушкина «Руслан и Людмила», Полевой написал на нее критику, помещенную в «Вестнике Европы». Когда же колесо литературного счастья, за которым сей прямосердый муж стремится с душою *Семья*, обратилось к сему поэту; когда во второй раз вышла в свет та же повесть г-на Пушкина, Полевой, осыпавши ее похвалами, совсем не потому, что сего требовала справедливость, но потому единственно, что сия поэма пригодилась ему для его коммерческих оборотов, Полевой не убоился тут же прибавить, что критики на сию повесть можно теперь читать для одной забавы. Этому легко и поверить, ибо сии критики писаны им самим. Равно как и теперь мы читаем для забавы его похвальные слова сочинениям г-на Пушкина» (ДЖ. 1829. Ч. 26, № 19. С. 88; речь здесь идет о статье А. Г. Глаголева, приписывание ее Полевому — сознательная мистификация с целью его дискредитации; приписать данную реплику «Дамского журнала» Воейкову кажется тем более вероятным, что именно Воейков как автор самой известной критической статьи на «Руслана и Людмилу» должен был быть больше всех задет замечанием Полевого. Сравнение автора заметки с Семеем основано на том, что этот библейский персонаж, гонитель Давида, первым же приветствовал его и умолял о прощении, когда победа оказалась на его стороне).

² См.: *Medwin T. Conversations of Lord Byron: Noted during a residence with his Lordship at Pisa, in the years 1821 and 1822. A new ed. London, 1824. P. 246—247.* Перевод цит. по: [Медвин Т.] Записки о лорде Байроне. СПб., 1835. Ч. 2. С. 60.

³ Так оканчивалась шестая глава в первом отдельном ее издании. В полном издании романа Пушкин изменил концовку, приведя прежний вариант в своих примечаниях к «Евгению Онегину».

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА. ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ

СО. 1828. Ч. 118, № 6 (выход в свет 6—8 мая — СПч. 1828. № 55, 8 мая). С. 191—192. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи.

¹ См. наст. изд., с. 365—366.

² Эпизод «Руслана и Людмилы» был написан Пушкиным на Кавказе, спустя два с половиной месяца после его высылки из Петербурга.

С. П. ШЕВЫРЕВ

ОБОЗРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ. «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

<Отрывок>

МВ. 1828. Ч. 8, № 8 (выход в свет 22—25 апреля — МВед. 1828. № 33, 25 апреля). С. 398—424; приводимый отрывок — с. 410—412. Без подписи.

Обозрение журналов 1827 г., как указывалось в самом его начале, явилось непосредственным продолжением «Обозрения русской словесности за 1827-й год». Первая его часть, напечатанная в № 5 «Московского вестника» за 1828 г. (с. 61—105) под заглавием «Обозрение русских журналов в 1827 году», была посвящена «Московскому телеграфу». Здесь Шевырев изложил свои требования к современному журналу, которые, надо полагать, соответствовали общему идеалу «любомудров» в области журналистики и частично отражали требования, предъявляемые ими к «своему» журналу, «Московскому вестнику». «Настоящее назначение журнала, — по мнению Шевырева, — состоит в том, чтобы указывать своим соотечественникам на все новые, современные явления в обширной области творений ума человеческого, как в своем отечестве, так и в других государствах; разрешать по возможности все *современные вопросы*, ибо всякий век, всякий народ, всякий человек имеет свои задачи, для решения которых живет и действует; указывая на новые явления ума, честно и правдиво, без пристрастия личного, открывать их настоящую сторону, назначать им место в постепенной лестнице просвещения, как в отношении к нашему отечеству, так в отношении ко всему миру человеков, и таким образом благородно и возвышенно направлять непостоянное внимание своих соотечичей на весь современный ход ума человеческого, на его успехи, уклонения, заблуждения и сосредоточивать воедино все разногласные мнения публики, столь разнообразной во вкусах, в характерах, в склонностях, в страстях <...>. Посредством журналов можно Россию сделать в отношениях литературно-ученых, так сказать, современною Европе» (МВ. 1828. Ч. 8, № 5. С. 63—65). Разбирая с этих позиций «Московский телеграф», Шевырев предъявил журналу Н. А. Полевого целый ряд серьезных претензий, указав на поверхностный энциклопедизм журнала, легковесность, а зачастую и некомпетентность суждений, плохой слог. Однако он все же признавал «Телеграф» лучшим журналом в России (особо отмечалось участие в «Телеграфе» П. А. Вяземского и принадлежащие ему критические статьи, в частности статья о «Цыганах» Пушкина). Следующая часть статьи в № 8 «Московского вестника», целиком посвященная разбору «Северной пчелы» (критические замечания на политическую часть газеты, которыми открывался разбор, написаны М. П. Погодиным), содержала гораздо более жесткие оценки.

Шевыревское обозрение журналов представляет собой один из эпизодов его активной войны с «Северной пчелой» (см. о ней примеч. к статьям С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» и Ф. В. Булгарина «В одном французском журнале напечатан следующий анекдот...» — наст. изд., с. 336 и 363). Отличительную черту литературной позиции «Северной пчелы» Шевырев видит в том, что критика в ней заменена «литературною тактикою»: «Главный характер образа мыслей в “С<еверной> п<челе>” есть совершенная пустота; по сей-то необходимости критика и заменена в ней литературною тактикою. Гг. издатели, в совершенной уверенности, что они давностию своих журналов приобрели всеобщее доверие публики, что в их руках находится участь всей литературы русской, смело упражняются в своем искусстве журнальном и с какою-то непростительною запальчивостию, без уважения к приличиям не только людей ученых, но и светских, не умея даже скрывать в себе порывов оскорбленного самолюбия, подписывают всему приговоры решительные, ни на чем не основанные и всегда внушаемые не любовью к истине, а посторонними отношениями» (с. 418—419). «Вместо того, чтобы говорить о поэзии, живописи и музыке, для чего нужно познание дела, не лучше ли б было “С<еверной> пчеле” ограничиться известиями о балансерах, скакунах, скороходах, ученых собаках и проч.?» (с. 418). Отдавая, впрочем, должное некоторым напечатанным в 1827 г. в «Северной пчеле» статьям, Шевырев практически повторяет

свою оценку сочинений Булгарина, данную ранее в «Обозрении русской словесности за 1827-й год» (см. наст. изд., с. 336) и выражает надежду на скорые перемены в русской словесности: «...скоро наступит то золотое время, когда водворится в литературе русской дух благородной терпимости, дух здоровой, беспристрастной критики, дух миролюбивой истины, а пристрастная, заносчивая, посягающая на личность, праздничная тактика, употребляемая «С<еверной> пчелою», соделается притчею во языцех!» (с. 423–424).

Булгарин, однако, вел борьбу не только на печатных страницах. Известен его донос от 30 мая 1828 г. в III Отделение, обвиняющий весь круг издателей и сотрудников «Московского вестника» (Погодина, Титова, Шевырева, В. Одоевского, братьев Киреевских), а с ними и Пушкина с Вяземским в желании издавать в Москве потитическую газету «Утренний листок» с целью «действовать на дух народа распространением либеральных правил». В доказательство неблагонамеренности образа мыслей этой литературной «партии» Булгарин ссылался на шевыревское обозрение в № 8 «Московского вестника», обильно цитируя со своими комментариями и толкованиями шевыревские критические замечания в адрес «Северной пчелы». Донос Булгарина был передан Бенкендорфом Д. В. Дашкову, вызвал его ответные замечания и не был отдан царю. Дашков, верно разглядевший истинные «журналистские» побуждения Булгарина и не заметивший ничего предосудительного в «Обозрении литературных русских журналов», тем не менее отозвался о статье Шевырева неодобительно: «Я ощутил одно чувство: неудовольствия, видя, как дети судят и рьят обо всем с полною уверенностью в своей безошибочности и с надутостию поседелого профессора» (см.: Видок Фиглярин. С. 289–294).

¹ СПч. 1827. № 56, 10 мая.

² Там же. № 148–149, 10 и 13 декабря.

³ Там же. № 108–110, 112–114, 116, 117, 119–121, 8 сентября – 8 октября.

⁴ Там же. № 38–40, 29 и 31 марта и 2 апреля. Здесь Шевырев мог иметь в виду и рецензию Булгарина на «Северные цветы» на 1828 г. (СПч. 1828. № 1–5, 3, 5, 7, 10 и 12 января).

⁵ Там же. № 65, 31 мая (см. также: П. в критике, I. С. 316–317).

⁶ Там же. № 124, 15 октября (см. также: П. в критике, I. С. 325–326).

⁷ Там же. № 145–147, 3–8 декабря. Complimentарная рецензия на сборник «Стихотворения Евгения Баратынского» (СПб., 1827) принадлежала его давнему литературному противнику Булгарину. Она носила явно примирительный характер и была вызвана попыткой сближения Булгарина осенью 1827 г. с кругом Дельвига–Пушкина.

⁸ Ср. в разборе «Цыганов»: «Новое, прелестное стихотворение Пушкина!» (СПч. 1827. № 65, 31 мая; также: П. в критике, I. С. 316).

⁹ Из разбора «Стихотворений Евгения Баратынского» (СПч. 1827. № 145, 3 декабря).

¹⁰ Из разбора «Стихотворений Евгения Баратынского»: «“Пиры” вещь совершенно оригинальная, дышащая непринужденною веселостью и утешительною философиею юности» (СПч. 1827. № 147, 8 декабря).

¹¹ Из разбора третьей главы «Евгения Онегина»: «Сии стихи, можно сказать, *жгут страницы*» (СПч. 1827. № 124, 15 октября; П. в критике, I. С. 326).

¹² Достаточно свободный пересказ рецензии на поэму «Цыганы» (СПч. 1827. № 65, 31 мая; П. в критике, I. С. 317).

¹³ «Телемахида» (1766) — поэма В. К. Тредиаковского (1703–1768), еще при жизни автора ставшая объектом насмешек; нарицательное обозначение громоздкого и бездарного произведения.

Н. А. ПОЛЕВОЙ
**«КОРСЕР», РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ
 В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
 С ХОРАМИ, РОМАНСОМ И ДВУМЯ ПЕСНЯМИ,
 ТУРЕЦКОЮ И АРАВИЙСКОЮ,
 ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ ЛОРДА БЕЙРОНА,
 ПОД НАЗВАНИЕМ «THE CORSAIR». СОЧИНЕНИЕ (?) В. Н. ОЛИНА**

<Отрывок>

МТ. 1828. Ч. 20, № 6 (выход в свет 6—9 мая — МВед. 1828. № 37, 9 мая). С. 224—233; приводимый отрывок — с. 227—230. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи (см.: Шикло. С. 190).

«Романтическая трагедия» В. Н. Олина «Корсар», представляющая собой прозаическое переложение сюжета поэмы Байрона «Корсар» (1814), обработанной по образцу французских книжных драм, явилась очевидным литературным провалом автора и была встречена в печати градом насмешек и самой резкой критикой. «...Турция, Аравия и Англия соединенными силами навевали вдохновение на романтическую лиру г. Олина, — писал в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарин, — а из этого произошла такая литературная кутерьма, что разве какой-нибудь турецкий дервиш или аравийский шейх поймут что-либо в этой трагедии. Действия в ней нет никакого, а разговоры написаны таким языком, для которого нет даже имени. Слог можно уподобить сердитому петуху — на ходулях. Читатели наши тотчас удостоверятся в том, что со времени введения в Россию книгопечатания не выходило у нас сочинения, которое заключало бы в себе более галиматши» (СПч. 1828. № 27, 3 марта; подпись: Конрад Медорин). Столь же категорическую оценку трагедии Олина дал Булгарин и в письме Н. А. Полевою от 19 февраля 1828 г.: «Если на вас найдет грусть, советую взять в руки “Корсера” Олина. Это chef d'oeuvre <шедевр — франц.> бессмыслицы. Я в моей критике называю слог его сердитым петухом на ходулях. Бедная наша словесность! совершенный упадок всего. Если б не писал Пушкин — беда! Что книга — то хлопоты. Ругать всех — нельзя, да и публике наскучит; хвалить — грех, — мажешь, мажешь, только чтоб закрыть пустоту и книги и журнального места» (РС. 1871. № 12. С. 679). Полевой целиком солидаризировался в своей рецензии с отзывом «Пчелы»: «Ныне тот, кто чувствует неспособность свою на произведение чего-нибудь правильного и дельного и совестится предстать пред публикою с эпическою поэмою в роде “Телемахиды”, трагедию в роде “Траяна и Лиды”, комедию в роде “Подъяческой игрушки”, облачается в броню романтизма, обирает кругом Байрона, склеивает карикатурные стишки по подобию звучных стихов Пушкина или Баратынского и потом швыряет в читателей *романтической поэмой, трагедией, драмой!* Большею частию сии творения ограничиваются у нас отрывками, которые мелькают в журналах, а преимущественнее в альманахах» (с. 225—226; «Траян и Лида» — трагедия В. А. Левшина (СПб., 1780); «Подъяческая игрушка» — вероятно, имеется в виду ранняя несохранившаяся комедия А. О. Аблесимова «Подъяческая пирушка», о которой упоминает Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772)).

Пушкин также задумывал критическую статью о «Корсере» — это был удобный повод наконец-то свести с Олиным счеты за его статью 1824 г. «Критический взгляд на “Бахчисарайский фонтан”», где Олин судил пушкинское произведение

исходя из представлений о старой классицистической поэме и эпосе и нападал больше всего на недостатки «плана» (подробнее см.: П. в критике, I. С. 410–411). О замысле Пушкина сохранилось свидетельство В. П. Титова в его письме к Погодину от 11 февраля 1828 г.: «Он готовит вам письмо о “Б<орисе> Годунове”; что он мне читал, славно; хочет приготовить еще смешную статью о “Корсере” и о способе переделывать поэмы в романт<ические> трагедии» (ЛН. М., 1934. Т. 16–18. С. 697). На основании этого письма оставшаяся в бумагах Пушкина заметка «Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления...» (ПД 297) в современных изданиях была признана началом несостоявшейся критической статьи о трагедии Олина «Корсер». Думается, однако, что это не совсем так. В центре пушкинской заметки — рассуждения о поэзии Байрона, причем Пушкин один раз уже пытался их сформулировать в черновой заметке «Анг<лийские> критики оспаривали у лорда Байрона...», расположенной в Третьей кишиневской тетради Пушкина (ПД 833) среди заметок, написанных для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Вероятно, набросок «Английские критики оспаривали у лорда Байрона...» предназначался для них же. Второму обращению к этой теме в заметке «Ни одно из произведений лорда Байрона...», в значительной мере вобравшей в себя предыдущий набросок, была придана та же, характерная для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» (и позднее отозвавшаяся в «<Опровержении на критики>») форма короткого прозаического фрагмента, заключающего достаточно лаконично сформулированное, но совершенно завершенное и самостоятельное суждение, со смысловыми пуантами и афористической концовкой. Характеристика трагедии Олина в последнем абзаце пушкинской заметки не предполагала никакого продолжения и развертывания, а полемическая соль статьи вскрывалась последними словами («о miratores!.. — о поклонники!.. (лат.) — скрытым указанием на цитату из Горация:

O imitatores, servom, ut mihi saepe
bille, saepe vocum vestri movere tumultus

(«О подражатели, скот раблепный, как суетность ваша Часто тревожила желчь мне и часто мой смех возбуждала!» (Послания, I, 19, ст. 19–20) — *Гораций*. Собр. соч. СПб., 1993. С. 322; пер. Н. С. Гинцбурга). Таким образом, заметка Пушкина «Ни одно из произведений лорда Байрона...» представляется вполне завершенным произведением; не имеющим прямого отношения к замыслу той «смешной» «статьи о “Корсере”», о котором писал Титов Погодину. Учитывая все вышесказанное, можно предположить с некоторой долей уверенности, что этот замысел (идея написать о «способе переделывать поэмы в романтические трагедии») был «подарен» Пушкиным издателем «Телеграфа» и реализован Н. А. Полевым в его рецензии на «Корсер». Предположение тем более вероятно, если учесть, что К. А. Полевой в марте 1828 г. приехал в Петербург, жил в той же, что и Пушкин, гостинице «Демут» и, как вспоминал позднее: «...каждое утро заходил к нему, потому что он встречал меня очень любезно и привлекал к себе своими разговорами и рассказами» (Полевой. С. 273).

¹ Полевой имеет здесь в виду пьесы А. А. Шаховского — упоминаемую ниже «волшебную комедию» «Финн» и «романтическую трилогию» в пяти действиях в стихах» «Керим-Гирей, крымский хан», шедшую на петербургской сцене с 1825 г., а в 1827 г. поставленную Шаховским в Москве (о премьере 30 января 1827 г. в бенефис актрисы Борисовой см. в «Литературных и театральных воспоминаниях» С. Т. Аксакова: Аксаков. Т. 3. С. 89–90). На сюжет «Руслана и Людмилы» суще-

ствовал еще волшеббно-героический балет в пяти действиях А. П. Глушковского на музыку Ф. Шольца, поставленный в 1821 г. в Москве, а с 1824 г. шедший в течение нескольких лет и на петербургской сцене. О первых сценических переработках произведений Пушкина см. подробнее: *Денисенко С. В.* Переработки пушкинских текстов и сюжетов для музыкальной и драматической сцены при жизни поэта // *ПиС* (Нов. серия). СПб., 2001. Вып. 3 (42) (в печати).

² *«Виктор, или Дитя в лесу»* («Victor, ou L'Enfant de forêt», 1798) и *«Целина, или Дитя тайны»* («Céline, ou L'Enfant du mystère», 1801) — французские прозаические драмы плодovitого драматурга Р.-Ш. Гильбера де Пиксерекура (Guilbert de Pixérécourt, 1773—1844), написанные на основе популярных и многократно переиздававшихся одноименных романов Ф.-Г. Дюкре-Дюмениля (Ducray-Duménil, 1761—1819). «Виктор, или Дитя в лесу», «романтическое представление» в трех действиях «с эволюциями, маршами и сражениями», шел на русской сцене в переводе Д. Н. Баркова в 1816—1821 гг. О постановке на русском театре «Целины» сведений нет.

³ *«Убийца и сирота»* — перевод Р. М. Зотовым мелодрамы в трех действиях австрийского драматурга И.-Ф. Кастелли (Castelli, 1781—1862) «Die Waise und der Mörder» (1819); шла в Петербурге и Москве с 1819—1820 гг. до начала 1830-х гг. *«Обривая собака, или Лес при Бонди»* — перевод А. И. Шеллером исторической мелодрамы в трех действиях Гильбера де Пиксерекура «Le Chien de Montargis, ou La forêt de Bondy» (1814); на русской сцене — с 1820 г. до середины 1830-х гг.

«Сорока-воровка, или Палезосская служанка» — перевод И. И. Вальберхом исторической мелодрамы Л.-Ш. Кенье (Caigniez, 1762—1842) и Т. (Бодуэна) Добиньи (d'Aubigny) «La Pie voleuse, ou La Servante de Palaiseau» (1815); на русской сцене — в 1816—1823 гг., в 1829 г. была возобновлена в Москве.

«Пустынный дикой горы» — романтическая опера в трех действиях на сюжет известного романа Ш.-В.-П. Д'Арленкура (d'Arincourt, 1789—1856) «Le Solitaire» (1822); музыка М. Э. Карафа де Колобрано и К. А. Кавоса; переделка с французского А. П. Вешнякова; впервые была поставлена на петербургской сцене в 1823 г.

«Немой в горах Сиеры-Морены, или Таинственный нищий» — опера в трех действиях, «с хорами и танцами», на музыку Г. Френцля, переделка с немецкого И. Н. Свечинского; впервые поставлена в 1820 г. в Петербурге.

«Маргарита Анжуйская» — вольный перевод О. Ширяева исторической мелодрамы Гильбера де Пиксерекура «Marguerite d'Anjou» (1810); шла на петербургской сцене в 1816 и 1821 гг.

«Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце» — «романтическая комедия» в пяти действиях, «с турниром, сражением, балладами, пением и танцами», А. А. Шаховского, по роману В. Скотта «Айвенго» («Ivanhoe», 1820); музыка К. А. Кавоса; многократно игралась на петербургской и московской сценах начиная с 1821 г.

«Фальстаф» — комедия в одном действии А. А. Шаховского, «с пением и танцами», по первой и второй частям хроники Шекспира «Король Генрих IV»; шла на петербургской сцене в 1825 г.

«Финн» — «волшебная комедия в стихах А. А. Шаховского, сочиненная из эпизода поэмы “Руслан и Людмила”. В роде героической трилогии составлена из пролога (“Празднество Лады”), 3-х частей (“Пастух”, “Герой” и “Колдун”) и окончательного празднества»; многократно ставилась на петербургской и московской сценах с 1824—1825 гг.

«Буря» — «волшебнo-романтическое зрелище» в трех действиях в стихах и прозе, с музыкальным прологом («Кораблекрушение»); переладка А. А. Шаховским драмы Шекспира «The Tempest»; в 1821—1825 гг. шла на петербургской сцене; в 1827 г. — три представления в Москве.

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». ГЛ. IV И V

СО. 1828. Ч. 118, № 7 (выход в свет 23—24 мая — СПб. 1828. № 62, 24 мая). С. 242—261. Без подписи.

Статья явилась откликом не только на четвертую и пятую, изданные одной книжкой, главы «Евгения Онегина», но и на вышедшую к этому времени шестую главу романа. Объявление о выходе шестой главы «Онегина» было помещено в разделе «Современная русская библиография» в предыдущем номере «Сына отечества» (№ 6. С. 190; выход в свет 6—8 мая — см. наст. изд., с. 367). В нем говорилось: «Сею главою оканчивается первая часть романа. Мы здесь не распространяемся о красотах ее, потому что в следующей книжке “Сына отечества” будет помещен подробный разбор всей 1-й части “Онегина”».

¹ Имеется в виду исторический анекдот из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха о знаменитом государственном деятеле Древних Афин Алкивиаде (V в. до н. э.), которого афиняне осудили за плохое поведение. Стремясь отвлечь внимание от своей особы, он на площади на глазах многочисленной публики отрубил хвост купленной им дорогой собаки.

² Заключительные три стиха строфы XLVI и строфа XLVII шестой главы «Евгения Онегина»; в полном издании романа последняя строфа была Пушкиным снята; два заключительные стиха перенесены в строфу XLVI. Первоначальный вариант концовки главы приведен Пушкиным в примечаниях к полному тексту романа.

³ Имеются в виду статьи М. П. Погодина (МВ. 1828. Ч. 7, № 4), М. А. Дмитриева (Атеней. 1828. Ч. 1, № 4) и Б. М. Федорова (СПб зритель. 1828. Ч. 1, № 1). См.: наст. изд., с. 42—55, 59—73.

⁴ Речь идет об одном из критических замечаний А. Ф. Воейкова в его статье 1820 г. о «Руслане и Людмиле» (см.: П. в критике, I. С. 67 и 354).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК».
ПОВЕСТЬ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

МТ. 1828. Ч. 20, № 8 (выход в свет 14—16 июня — МВед. 1828. № 48, 16 июня). С. 510. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи.

О втором издании «Кавказского пленника» см. наст. изд., с. 346.

Н. А. ПОЛЕВОЙ
«КИРГИЗСКИЙ ПЛЕННИК»,
ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. Н. МУРАВЬЕВА.
ВЗЯТА С ИСТИННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ
ОРЕНБУРГСКОЙ ЛИНИИ
«РАЗБОЙНИК». СОЧ. ПЕТРА МАШКОВА
 <Отрывок>

МТ. 1828. Ч. 21, № 12 (выход в свет 15–18 августа — МВед. 1830. № 66, 18 августа). С. 516–522; приводимый отрывок — с. 516–518. Из раздела «Современная русская библиография». Без подписи (см.: Шикло. С. 191).

«Киргизский пленник» и «Разбойник» явились характерными образцами возникшего в 1820-х гг. на русской почве — под влиянием в первую очередь «байронических» южных поэм Пушкина — нового литературного жанра — романтической поэмы. К концу 1820-х гг. этот жанр уже перешел в сферу массовой литературной продукции. По наблюдениям В. М. Жирмунского, на 1828–1833 гг. приходится статистический максимум в появлении русских романтических поэм; при этом редкая из них выходит за границы шаблона, созданного пушкинско-байроновской традицией (см.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 230 и след.). Влияние традиции выражается в сохранении общих композиционно-тематических признаков жанра: «вершинность» повествования, обособление эффектных романтических сцен, новеллистический сюжет, романтическая любовная интрига, яркий местный колорит с чертами этнографизма, фигура разочарованного героя и т. д. Прямая зависимость от Пушкина заставляла авторов романтических поэм наряду с воспроизведением традиционных особенностей жанра вставлять в свои литературные изделия отдельные поэтические обороты и целые строки пушкинского текста.

Критика была практически единодушна в суровой оценке подражательных поэм, обычно указывая на их «шаблонность», неоригинальность и устанавливая их зависимость от пушкинских образцов (см. некоторые отзывы ниже; также: наст. изд., с. 393). В предыдущем номере «Телеграфа» Полевой писал в статье об «Опытах» (М., 1828) А. А. Шишкова: «Много раз говорили мы в “Телеграфе”, что составляет предмет подражаний в наше время: рассмотрите русскую современную словесность, и вы скажете сами: *сочинения Пушкина!* В последние годы Пушкин с немногими современниками сделался образцом, с которого русские стихотворцы копируют хуже или лучше» (МТ. 1828. Ч. 21, № 11. С. 375–376). К теме влияния Пушкина на современную русскую словесность и подражаний Пушкину в новейших романтических поэмах Полевой обращается и в рецензиях на «Киргизский пленник» и «Разбойник».

Разбирая в издевательском тоне поэму Николая Муравьева, критик указывает на многочисленные параллели с Пушкиным. «Киргизский пленник», по его замечанию, не похож на «Кавказского пленника» только дурными стихами. С такой оценкой Полевого полностью солидаризировался и рецензент «Северной пчелы», утверждавший, что новому «Пленнику» «век бы не бывать в плену у киргизцев, если бы “Кавказский пленник” не попался в кандалы к горцам и в переделку к рифмоторцам» (СПч. 1828. № 94, 7 августа). О самом авторе «Киргизского пленника» практически ничего не известно. В 1828 г., в момент подачи в цензуру повести «Киргизский пленник», Николай Муравьев был студентом (см.: *Клейменова Р. М.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 160). По-видимому, ему же принадлежит изданная в следующем году комическая поэма в

стиле «Евгения Онегина» «Котильон» (глава первая из стихотворного романа «Ленин, или Жизнь поэта» (М., 1829), по поводу выхода которой М. А. Бестужев-Рюмин писал в «Северном Меркурии»: «Именем Муравьева гордится наша словесность: она с признательностию указывает на сочинения Михаила Никитича Муравьева, определяя ему место в числе немногих своих классиков. Сочинения Николая Назаровича Муравьева также ознаменованы особым достоинством и также имеют особенную свою цену. Ныне к числу рифмопоклонников, усердно ратующих во имя Аполлона на поле четырехстопных ямбов и изумляющих особенными качествами своей бездарности, — присоединяется новый г. Муравьев» (СМерк. 1830. № 8, 17 января). «Московский телеграф» также рецензировал «Котильон», охарактеризовав его как «нечто в роде подражаний “Онегину”» (МТ. 1829. Ч. 29, № 19. С. 368—369).

Поэма «Разбойник» была литературным дебютом поэта и беллетриста Петра Алексеевича Машкова (ок. 1807—1849) (см. о нем: Русские писатели. Т. 3. С. 550—551 (статья А. К. Рябова)). «Разбойник» удостоился еще более едких насмешек Полевого, отметившего откровенную беспомощность поэмы. Иронически пересказав ее сюжет, Полевой заключал свой отзыв следующим образом: «Г-н Машков, что также обыкновенно, выписывает много стихов Пушкина целиком. Посвящение поэмы исполнено чувствительности —

Жить одиноковым без милых не умею —

говорит поэт. Вороны рокочут; трава говорит с ветрами; зефир, притаившись в тиши, спит в кусточках; томный соловей поет гимн ночи, и сам поэт мечтает в тени густых дубов. Все это показалось нам весьма трогательно». Столь же невысоко были оценены в «Московском телеграфе» следующие поэмы Машкова — «Могила на берегах Маджоре» (СПб., 1829), также изобилующая прямыми заимствованиями из Пушкина (рец.: МТ. 1829. Ч. 29, № 18. С. 253—255), и «Ночь мщения» (СПб., 1829; рец.: МТ. 1829. Ч. 30, № 23. С. 363—364).

¹ «Евгений Вельский» — роман в стихах М. И. Воскресенского (1803—1867), первая глава которого вышла анонимно в Москве в 1828 г. В качестве предисловия ей был предпослан «Разговор автора с книгопродавцем» (см. наст. изд., с. 309). Критикой «Евгений Вельский» был встречен скептически и однозначно оценен как полупародия-полуподражание «Евгению Онегину»: «Господин совсем не Пушкин, сколько от него зависело, старался подделать своего “Вельского” под “Онегина”: такой же формат книжки, такие же буквы, такие же белые странички, такие же пропущенные строфы, такой же размер непропущенных; книжка так же мала и так же дорого продается» (СПч. 1828. № 79, 3 июня; без подписи). «...Такого подражания мы доныне не видали, не слыхивали и довольно посмеялись, читая, как автор передразнивает Пушкина в выражениях и оборотах слов», — писал Н. А. Полевой (МТ. 1828. Ч. 21, № 9. С. 125—126). «Весьма неудачной» пародией на «Евгения Онегина», «шуткой, которая не смешна, не забавна» признал «Вельского» и рецензент «Московского вестника», заметивший также по его поводу: «...в первой главе “Онегина” также никакого нет содержания; недостаток же характера в герое признан многими; да, мы с этим согласны, Онегин не привлекателен, но сам-то поэт умеет занять нас. Вот тайна, почему нам нравится роман Пушкина. Эта тайна есть высокое умение поэта волшебным пером своим всякий предмет обращать в золото. К сожалению, она неизвестна автору нового романа, и потому произведение его просто — скучно» (МВ. 1828. Ч. 9, № 10. С. 179—180). 2-я и 3-я главы «Евгения Вельского» вышли вместе в 1829 г. и были встречены критиками еще суровее. О «Евгении Вельском» см. также наст. изд., с. 509—511.

Рецензируя в «Северной пчеле» анонимно изданную поэму «*Любовь в тюрьме*» (СПб., 1828), Полевой писал: «В небольшой поэме, названной автором “Любовь в тюрьме”, есть несколько прекрасных стихов; но их надобно отыскивать в куче других, а отыскивая, встречаете стихи нестерпимые; притом всю поэму можно назвать извлечением из «Шильонского узника», «Бахчисарайского фонтана» и «Абидосской невесты». Собственно же в ней нет ни плана, ни связи; неестественность на каждом шаге и во всем — действию, характере, словах и выражениях» (МТ. 1828. Ч. 21, № 9. С. 125). «Если бы мы стали рассказывать содержание сей небольшой повести в стихах, — говорилось в рецензии О. М. Сомова, — то должны были бы повторить многое из “Кавказского пленника” и “Бахчисарайского фонтана” А. С. Пушкина. К чему же повторять то, что и без нас все помнят наизусть?» (СПч. 1828. № 41, 5 апреля).

«*Ермак*» — поэма А. А. Шишкова, напечатанная в составе его «Опытов». «Он уже не выписывает, — писал Полевой о романтических поэмах Шишкова, — у Пушкина целыми строфами и стихами; но все еще нет у г-на Шишкова ни собственного вымысла, ни самобытных мыслей. Стихи его гладки по-прежнему. В “Опытах” г-на Ш<ишкова> мы нашли отрывок поэмы “*Лонской*”; повесть “*Ермак*” и несколько стихотворений мелких. Отрывок из поэмы “*Лонской*” не что иное, как список с описания Кавказа, сделанного Пушкиным в “Кавказском пленнике”: тут найдете и “*Чеченскую песню*”, потому что у Пушкина есть песня Черкесская. Повесть “*Ермак*” состоит из десяти отрывистых описаний, вероятно, потому, что “Цыганы” Пушкина так написаны. Но у Пушкина “Цыганы” составляют прекрасное целое; у г-на Шишкова не только отрывки не представляют ничего связного, но в них не видите ни Ермака, ни человека: Ермак на свиданье с татаркой (которая с письма Татьяны и слов Черкешенки в “Кавказском пленнике” списала письмо свое к Ермаку) был схвачен и неизвестно как убежал потом с нею из тюрьмы: вот все содержание поэмы, в которой нет ни характеров, ни мыслей, и местности вовсе не видно, ибо татарка и Ермак в поэме г-на Шишкова суть лица, вовсе не сообразные ни с веком, ни с местом» (МТ. 1828. Ч. 21, № 11. С. 376–377).

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»:

«БАЛ», СОЧИНЕНИЕ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО, И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА

СПч. 1828. № 150, 15 декабря. Без подписи. З. В. Кирилук атрибутирует статью О. М. Сомову (*Кирилук З.* Об авторстве некоторых статей о произведениях Пушкина // РЛ. 1963. № 4. С. 118; Кирилук. С. 159); эта атрибуция представляется недостаточно аргументированной.

Поэма «Граф Нулин» полностью впервые была напечатана в альманахе Дельвига–Пушкина «Северные цветы» на 1828 г. Еще до выхода в свет альманаха было отпечатано и отдельное издание поэмы, но оно не поступило в продажу: Пушкин придержал тираж отдельного издания, чтобы не мешать распространению «Северных цветов». В той же книжке «Северных цветов» был помещен отрывок из новой поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (под заглавием: «Отрывок из поэмы “Бальный вечер”»); начало поэмы (ст. 1–56) было напечатано еще ранее в «Московском телеграфе» (1827. Ч. 13, № 1; под заглавием: «Отрывок из поэмы»). Полный

доработанный текст Баратынский отдал для публикации А. А. Дельвигу, когда тот в сентябре — начале октября 1828 г. был в Москве проездом из Харькова в Петербург. 31 октября 1828 г. «Бал» прошел цензуру; 4 декабря был выдан цензурный билет на выпуск в свет отдельного издания поэмы (см.: Летопись Боратынского. С. 211—214). Однако выпущено было не оно, а объединенное издание: часть тиражей «Бала» и отпечатанного ранее пушкинского «Графа Нулина», изданных в одной и той же типографии и в одинаковом формате, были сброшюрованы вместе под специально напечатанной новой обложкой (при этом у каждого произведения сохранился и свой заглавный лист). В свет книга вышла около 15 декабря 1828 г. (П. в печати. С. 56). Оставшийся тираж отдельных изданий «Бала» и «Графа Нулина» поступил в продажу в первой половине (до июня) 1829 г. Подробнее см.: Смирнов-Сокольский. С. 192—300.

Заметка в «Северной пчеле» — первый отклик на выход объединенного издания поэм Пушкина и Баратынского. Поскольку «Граф Нулин» уже не был литературной новостью, часть последующих рецензентов «Двух повестей в стихах» сосредоточили свое внимание преимущественно на поэме Баратынского. Так, ни слова не было сказано о «Графе Нулине» в статье М. А. Дмитриева (Атеней. 1829. Ч. 1, № 1. С. 79—85; подпись: В.), содержащей резкую критику «Бала»; анонимный рецензент «Московского телеграфа» (1828. Ч. 24, № 24. С. 475—480), напротив, высоко оценивший новое произведение Баратынского, тоже ограничился лишь указанием, что «небольшая, прелестная поэма Пушкина была напечатана в “Северных цветах” нынешнего года». Целиком «Балу» была посвящена и ругательная рецензия в «Дамском журнале» (1829. Ч. 25, № 4, 5); однако несколькими страницами ранее здесь напечатана эпиграмма «Авторы», затрагивавшая обоих поэтов:

Два друга, сообщась, две повести издали;
Точили балы в них и всё нули писали;
Но слава добрая об авторах прошла,
И книжка вдруг раскуплена была.
Ах! часто вздор плетут известные нам лица!
И часто к их нулям мы ставим единицы...

(ДЖ. 1829. Ч. 25, № 4. С. 56; подпись: Л.; последняя строка эпиграммы намекает на стихи из «Евгения Онегина»: «Мы почитаем всех нулями, А единицами себя»; «балы» здесь в значении: пустой разговор, рассказы; «точить балы» — точить ляды.)

¹ Имеются в виду стихи из последнего монолога Чацкого в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (Д. 4, явл. 14):

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей...

² М. А. Дмитриев также высоко оценивал эпизод посещения мамушкой княгини спальни, называя его «лучшим, истинно пиитическим местом в повести» (Атеней. 1829. Ч. 1, № 1. С. 83). По-видимому, некоторая моралистичность этой сцены вызвала критику Пушкина и Дельвига. «Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем “Бале”, — писал Баратынский к Дельвигу в начале декабря 1828 г. — Ему, как тебе, не нравится речь мамушки. Не защищаю ее; но желал бы знать, почему именно она не хороша, ибо, чтобы поправить ее, надобно знать, чем грешит она» (цит. по: Летопись Боратынского. С. 213; упомянутое письмо Пушкина неизвестно).

ИЗ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНИН»
«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»:
«БАЛ», СОЧ. БАРАТЫНСКОГО,
И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА

Славянин. 1828. Ч. 8, № 52 (выход в свет 7 января 1829 г. — Летопись Боратынского. С. 219). С. 503. Без подписи.

¹ Перефразированы суждения о «Бале» из рецензии «Северной пчелы» (1828. № 150, 15 декабря; наст. изд., с. 105).

1829

О. М. СОМОВ

ОБЗОР РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1828 ГОД

<Отрывки>

СП на 1829 г. СПб., 1828 (выход в свет последние числа декабря (после 27) 1828 г. — П. в печати. С. 56—57). «Проза». С. 3—110; приводимые отрывки — с. 39—42; 53—54; 60—61.

«Северные цветы» на 1829 г. были очень представительны по составу. В них вошли пятнадцать стихотворений Пушкина («Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Ты и Вы» («Пустое *Вы* сердечным *Ты*...»), «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), «Любопытный» («Что ж нового? — Ей-Богу, ничего...»), «То Dawe, Esqr» («Зачем твой дивный карандаш...»), «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»), «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...»), «К И. В. С<ленину>» («Я не люблю альбомов модных...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Город пышный, город бедный...», «Не пой, красавица, при мне...», «Ответ А. И. Готовцовой» («И недоверчиво и жадно...»), «К Я<зыкову>» («К тебе собирался я давно...»), «В альбом П. А. О<сиповой>» («Быть может, уж недолго мне...»), стихи Баратынского, Жуковского, Катенина, Веневитинова, Кюхельбекера, Языкова, басни Крылова; в прозаическом отделе альманаха были напечатаны отрывок из пушкинского романа «<Арап Петра Великого>» (под заглавием: «IV глава из исторического романа»), «Выдержки из записной книжки» Вяземского, прозаический отрывок Веневитинова, статья В. В. Измайлова. «Московский телеграф» писал, что «общее мнение признало «Северные цветы» лучшим по содержанию русским альманахом» (1829. Ч. 26, № 8. С. 479). Как и в предыдущей книжке, альманах открывался «Обзором» Сомова, который, по-видимому, уже в большей степени, чем предыдущий, выражал общие взгляды пушкинского круга. Упомянув о полемике, вызванной прошлым обозрением, Сомов обрушился на стихотворцев-подражателей, отметив, что они «ощипывали прелестные цветки Пушкина и украшали ими мертворожденных своих детей, увечные и тощие свои поэмы» (с. 7). Он довольно сдержанно, хотя и с похвалой, отзывался о сочинениях Булгарина, чем вызвал неудовольствие издателя «Северной пчелы». В статье «Северной пчелы» «Новые альманахи на 1829 год» было указано, что Сомов «не отличился» в своем «Обзоре»: он сумел, «говоря *обо всем*, не сказать *ничего* или, по крайней мере, очень *мало*» (СПч. 1829. № 6, 12 января). Наиболее резко Сомов выступил против «Московского вестника», обвинив Погодина и Шевырева в «неумеренной самонадеянности и ничем не оправданной заносчивости»: «Журнал сей не столь богатый стихотворениями Пушкина, наполняется вместо их произведениями гораздо низшего достоинства и даже такими, которые просто дурны» (с. 10—11). Отдельно Сомов критиковал

шевыревские переводы «Валленштейнова лагеря» Шиллера и (прозаический) «Конрада Валленрода» Мицкевича, публиковавшиеся в 1828 г. в «Московском вестнике». По словам Сомова, Шевырев, пытаясь передать престоноародный разговор, выпустил из виду, что «не все выражения, употребительные в казармах, могут иметь место в поэзии, не оскорбляя разборчивого вкуса»; прелесть стихов Шиллера в его переводе исчезла и т. д. (с. 11–12). Критическую позицию Сомова в отношении Шевырева и «Московского вестника», видимо, в целом разделял Дельвиг, недовольный оценкой стихов Баратынского в «Московском вестнике» и критическими замечаниями в адрес «Северных цветов» (см. наст. изд., с. 341). Булгарин, продолжавший журнальную войну с Шевыревым, напротив, в своей рецензии на альманах упрекал Сомова за слишком мягкий отзыв о шевыревских и погодинских переводах с немецкого: «...г. Погодин столько же знает по-немецки, сколько мы по-китайски. Вскоре мы докажем и г. Шевыреву, сличая его переводы с подлинником немецким, что и ему не далась немецкая грамота, а русская крепко упрямится под его пером» (СПч. 1829. № 6, 12 января). В некоторых рассуждениях Сомова заметно и пушкинское влияние. От имени Пушкина Сомов сообщил, что «еще в “Памятнике муз на 1827 год” напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина “Фавн и пастушка”, стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой. Невеликодушно выводить наружу обмолвки покойников, которых всегда должно помянуть добрым словом; но выпускать в свет ранние, незрелые попытки живых писателей против их желания — непростительно» (с. 35–36). На самом деле публикация Федорова, видимо, была в свое время санкционирована Пушкиным. Заявление Сомова носило дипломатический характер и было вызвано желанием Пушкина после дела о «Гавриилиаде» лета—осени 1828 г. избежать лишних обвинений в «безнравственных» стихах (см.: Пушкин. Соч. 1999. С. 700; Пушкин. ПСС. Т. 1. С. 730; см. также примеч. 41 к «<Опровержению на критики>» Пушкина — наст. изд., с. 493). В заключительной части своей статьи Сомов обратил внимание публики на только что вышедшие под общим заглавием «Две повести в стихах» — поэмы «Бал» Баратынского и «Граф Нулин» Пушкина.

Критика, в общем высоко оценившая альманах, о произведениях Пушкина ограничилась краткими комплиментарными отзывами. Пушкин «неизменяем и в безделках», замечал рецензент «Московского телеграфа» о помещенных в альманахе пушкинских стихотворениях. Рецензент «Атеней» особо выделял «IV главу из исторического романа» (см.: Атеней. 1829. Ч. 1, № 2. С. 194–196; подп.: К.). Такого же мнения была и «Северная пчела»: «Картина мастерски нарисованная, характеры резко обозначены. Пушкин и в прозе — Пушкин» (СПч. 1829. № 6, 12 января). В стихотворном отделе рецензент «Пчелы» отметил поэтический диалог Пушкина с А. И. Готовцевой (послание Готовцевой «А. С. П.» («О Пушкин! слава наших дней...»)) и «Ответ. (А. И. Готовцевой)» Пушкина: «Превознося талант А. С. Пушкина, как мило упрекает его сочинительница за... она не досказывает. Но мы догадываемся, что поэт заслужил упрек за то, что героини его поэм слишком *существенны*. Извинение поэта столь же мило» (СПч. 1829. № 7, 15 января). Возражения и замечания рецензентов вызвал опять «Обзор Сомова». Так, полемике с Сомовым была посвящена большая часть рецензии на «Северные цветы» в «Атенее» (Атеней. 1829. Ч. 1, № 2. С. 194–209). Об отзыве «Галатеи» см. примеч. 3 наст. изд., с. 391. «Дамский журнал», продолжавший вражду с Сомовым, откликнулся на его «Обзор» довольно грубой эпиграммой:

Рецензия

«За что нам Сомов суд, —
Сказала рыбам-Щука, —

В ученый ставить труд?
Ему чужда наука:
И видно с рыла и с хвоста,
Что голова его пуста»

(ДЖ. 1829. Ч. 26, № 17. С. 59; подпись: Г. С—вь; см. также: Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л., 1988. С. 362 (Б-ка поэта; Большая серия)).

¹ *Протей* — греческое морское божество, старец, принимавший различные образы. Пушкина часто называли Протеем имея в виду разносторонность его поэтического таланта. См., например, в «Обзрении» Сомова в следующей книжке «Северных цветов»: «Пушкин повсюду является истинным Протеем поэзии, способным принять всякий вид, изменяющимся от всякого нового впечатления» (наст. изд., с. 207).

² *Аристарх* — см. примеч. 6 к статье С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» — наст. изд., с. 339. Здесь речь идет о рецензиях на четвертую и пятую главы «Евгения Онегина»: М. А. Дмитриева в «Атенее» (1828. Ч. 1, № 4. С. 76—89; наст. изд., с. 47—55) и Б. М. Федорова в «Санктпетербургском зрителе» (1828. Ч. 1, № 1. С. 139—167; наст. изд., с. 59—73), где Пушкина упрекали в нарушении грамматических норм русского языка.

³ Ранее в «Обзоре» (с. 52—53) упоминалась «комическая поэма» Н. В. Неведомского (1791 или 1796—1853) «Энеида» (СПб., 1828), продолжающая традицию травестийных переделок поэмы Вергилия. Поэма Неведомского оценена Сомовым как «анахронизм в нашей поэзии».

⁴ «*Евгений Вельский*», «*Киргизский пленник*», «*Любовь в тюрьме*», «*Разбойник*» — см. наст. изд., с. 374—376.

«*Признание на тридцатом году жизни*» (СПб., 1828) — выпущенная отдельным изданием 1-я глава «повести в стихах» П. Г. Волкова (ок. 1799 или 1800—1850). На ее очевидную подражательность «Онегину» указывал, например, рецензент «Московского телеграфа», замечая, впрочем, «по некоторым стихам» в авторе талант (МТ. 1828. Ч. 22, № 14. С. 190). Рецензент «Московского вестника» (С. П. Шевырев ?) был более суров в своих оценках и считал, что «автору не стоило бы, кажется, труда признаваться в таких пошлостях перед публикою» (МВ. 1828. Ч. 9, № 10. С. 170).

⁵ О вторых изданиях «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» см. наст. изд., с. 346, 365—366.

⁶ *Ширинка* — короткое полотнище ткани во всю ширину; фата, платок, полотенце, скатерть.

ИЗ ГАЗЕТЫ «БАБОЧКА»

«ГРАФ НУЛИН». ПОВЕСТЬ (В СТИХАХ) АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, НАПЕЧАТАННАЯ ВМЕСТЕ С ПОВЕСТЬЮ «БАЛ» Г. БАРАТЫНСКОГО

Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития. 1829. № 6, 19 января. С. 22—23. Без подписи.

«Балу» Баратынского была посвящена особая рецензия в № 2 (5 января) и № 3 (9 января) газеты. Комплиментарные отзвы на поэмы Баратынского и Пушкина, возможно, принадлежали самому издателю «Бабочки» В. С. Филимонову. Поэма Баратынского оценена так же высоко, как и «Граф Нулин»; по мнению

рецензента, новое произведение Баратынского «делает честь словесности русской и во всякой словесности народов европейских могло бы занять место почетное» (№ 2. С. 6).

Н. И. НАДЕЖДИН
ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ:
«БАЛ» И «ГРАФ НУЛИН»

ВЕ. 1829. Ч. 163, № 2 (выход в свет 30 января — МВед. 1829. № 8, 26 января). С. 151—171; приводимый отрывок — с. 151—156; № 3 (выход в свет 13 февраля — МВед. 1829. № 12, 9 февраля). С. 215—230. С пометой под текстом: С Патриарших прудов.

Николай Иванович Надеждин (1804—1856) — критик, эстетик, журналист. Выходец из духовной среды, Надеждин по окончании Рязанской духовной семинарии (1820 г.) и Московской духовной академии (1824 г.) был профессором русской и латинской словесности Рязанской духовной семинарии. Осенью 1826 г. он переехал в Москву, где стал домашним учителем в семье Ф. В. Самарина, отца будущего известного славянофила Ю. Ф. Самарина. Познакомившись с издателем «Вестника Европы» М. Т. Каченовским, Надеждин в 1828—1830 гг. регулярно печатался в его журнале (переводы, статьи по истории, эстетике, литературная критика); кроме того, он сотрудничал и в других московских изданиях — «Атенее», «Московском вестнике», «Галатее», «Русском зрителе». В апреле 1830 г. Надеждин с помощью Каченовского защитил в Московском университете диссертацию на степень доктора словесных наук «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (издана на латинском языке; отрывки в русском переводе печатались в 1830 г. в «Вестнике Европы» и «Атенее»). В 1831—1835 гг. Надеждин преподавал на кафедре теории изящных искусств и археологии Московского университета; с 1831 г. издавал журнал «Телескоп» (с приложением — газетой «Молва»). В октябре 1836 г. «Телескоп» по распоряжению Николая I был закрыт за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева, а Надеждин сослан в Усть-Сысольск. В 1838 г. он был переведен в Вологду, а затем прощен царем и возвращен в Петербург. Оставив навсегда литературно-критическую и издательскую деятельность, Надеждин стал усиленно заниматься исторической географией, этнографией, фольклористикой, историей церкви.

Литературно-критическая деятельность Надеждина начиналась в атмосфере литературного скандала. Первые же его критические выступления, статья «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 21—22) и фельетон «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 1—2), стали своего рода сенсацией, главным образом из-за своего резкого, временами даже до прямой грубости, тона и беспощадных нападений на новую, условно говоря романтическую, поэзию. Осуждение романтизма у Надеждина основывалось на несомненных для него представлениях (получивших историко-философское и теоретическое обоснование в его диссертации) о том, что истинный романтизм ограничен временем Средних веков и исчерпал себя еще к XVI в., что дух романтической поэзии вытекал непосредственно из духа средневековья, а потому и восстановление романтической поэзии в современном мире невозможно. Поэзия, присвоившая себе имя романтической, является, согласно Надеждину, лишь пустым подражанием ей и потому художественно несостоятельна. Подлинный романтизм средних веков искал высшую красоту внутри человека, новейшая же псевдороман-

тическая поэзия отрицает всякие цели и законы искусства, вращается в узком кругу расхожих шаблонов, пренебрегает культурными традициями и здравым смыслом, не пытается проникнуть во внутренний мир человека. Это, по мнению Надеждина, поэзия бессвязной аффектации, «неистовства» переживаний, гротеска и т. п. Признавая «величие гения» Байрона (хотя и тот, по мнению критика, односторонен в своем «мрачном человеконенавистничестве»), Надеждин обличал его подражателей — «байронистов». Философско-эстетические взгляды Надеждина, рано сложившиеся в достаточно организованную систему, базировались на идеях немецкой классической философии. В числе основных тезисов этой системы, определявших критическую оценку новейших произведений Надеждиным-критиком, были требование этической наполненности искусства и убеждение в гармонизирующем начале вечных законов природы. Это, с одной стороны, придавало большую глубину его суждениям, но с другой — приводило к односторонности, поверхностности оценок в том случае, когда художественные образы не укладывались в избранную систему категорий. Так случилось и с творчеством Пушкина — кумира приверженцев свободного романтического искусства, — которое представлялось критику удобным примером для развенчания романтических увлечений. Суждения Надеждина о произведениях Пушкина, беспрецедентно резкие по тону, на протяжении 1829—1830 гг. становятся от статьи к статье все тенденциозней.

В конце 1829 г. начинается сближение Надеждина с М. П. Погодиным, пытавшимся привлечь Надеждина к активному сотрудничеству в «Московском вестнике». «Я нашел еще человека, — писал Погодин С. П. Шевыреву в Рим 20 января 1830 г., — Надежду! Ученость, воображение, наша пламенная любовь к просвещению, и он наш» (РА. 1882. № 6. С. 128). При посредничестве Погодина установились и личные отношения Надеждина с Пушкиным. О своем впечатлении Пушкин позднее вспоминал в «Table-Talk» (1835—1836): «Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В нем не было мыслей, но было движение; шутки были плоски» (XII, 159). В начале июня 1830 г. Пушкин через Погодина занимает у Надеждина две тысячи рублей. Временем же наибольшего сближения Пушкина с Надеждиным оказывается 1831 г., когда они объединяются в борьбе с общим врагом — Булгариным. Пушкин публикует в издаваемом Надеждиным журнале «Телескоп» свои антибулгаринские памфлеты «Торжество дружбы, или Оправдание Александра Анфимовича Орлова» (Ч. 4, № 13) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Ч. 4, № 15). В то же время отношение Надеждина-критика к пушкинскому творчеству меняется с выходом «Бориса Годунова». В дальнейшем Надеждин оценивал разные новые пушкинские произведения по-разному, почти никогда не принимая их безоговорочно. Но из его высказываний о Пушкине навсегда исчезает грубый тон и то «площадное» остроумие, которые так раздражили Пушкина в первых статьях. После гибели поэта Надеждин начинает пересматривать свои негативные суждения конца 1820-х гг. и, не желая остаться в истории словесности гонителем великого поэта, стремится напомнить, что при жизни Пушкина положительно отзывался о тех или иных сторонах его творчества. Так, в 1839 г. он публикует свои отзывы и краткие заметки о Пушкине (см.: Одесский альманах на 1840 год. Одесса, 1839. С. 14—22), пишет А. А. Краевскому в январе 1840 г. о высокой оценке «Бориса Годунова» на страницах «Телескопа» и признается: «Я сам отрезаю теперь от моих тогдашних выходов во многих отношениях, особенно от их тона» (см.: Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, № 4. С. 305—311). См. также: Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804—1836. СПб., 1912; Жегалкина Е. П.

Надеждин, критик Пушкина // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. М., 1958. Т. 66 / Труды каф. рус. лит.-ры. Вып. 4. С. 79—101; Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М., 1969. С. 43—75; *Wilczyńska-Fiksińska M.* Nikolaj Nadieżdin — krytyk A. S. Puszkina // *Studia Rossica poznaniensia*. 1979. Z. 9 (1977). S. 15—28; Каменский Э. А. Н. И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828—1836). М., 1984; Письма посл. лет. С. 430—431 (справка В. Э. Вацуро); Русские писатели. Т. 4. С. 206—213 (статья Ю. В. Манна).

«Граф Нулин» в течение нескольких лет привлекал пристальное внимание Надеждина-критика. Уже в «Литературных опасениях за будущий год», первом литературно-критическом выступлении Надеждина, носившем программный характер, «Граф Нулин» был упомянут в качестве примера художественной неразборчивости («передразнивания природы»), характерной для романтиков, затем сообщалось: «...известный наш поэт Ветрогонов будет читать в дружеском кругу новую свою тетралогию, коея сюжет взят из “Графа Нулина”» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 91, 106). В фельетоне «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)» пушкинская поэма была охарактеризована Надеждиным как закономерное порождение современного «литературного хаоса», «философии ничтожества» («губительное нигилизма») (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 2. С. 113). Подробно разбирая поэму в рецензии на «Две повести в стихах», критик развил свою негативную характеристику, продолжая настаивать на неуместности картин «низкой действительности», оскорбляющих «человеческую природу». Наконец, позднее, в статье о «Полтаве» (ВЕ. 1829. № 8, 9; наст. изд., с. 157—175), «Граф Нулин» был иронически объявлен Надеждиным «лучшим творением» Пушкина — «гения на карикатуре».

С насмешливыми замечками, направленными против статьи Надеждина, выступил журнал «Сын отечества и Северный архив» (1829. Т. 2, № 11, 12; наст. изд., с. 121). Сам Пушкин прямо не отвечал Надеждину, но регулярные выпады на страницах «Вестника Европы» побудили поэта активно выступить против журнала и его редактора М. Т. Каченовского в развернувшемся в конце 1828 г. конфликте Каченовского с Н. А. Полевым. История конфликта такова. В № 20 «Московского телеграфа» за 1828 г. появилась статья «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 г.», в которой в числе прочего иронически разбиралось напечатанное Каченовским (ВЕ. 1828. Ч. 161, № 18. С. 155—159) объявление об издании «Вестника Европы» на следующий — 1829 г. В своем объявлении Каченовский, движимый, по его словам, «глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы», обещал своим подписчикам «употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее», и, в частности, «отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать». В статье «Телеграфа» было открыто высказано сомнение в правах редактора «Вестника Европы», «засевшего на одном месте и неподвижно просидевшего более 20 лет», на внимание далеко вперед ушедших читателей; «Вестнику Европы», «старцу не по летам», предлагалось «признаться в незнании своем, приняться за дело скромно, поучиться, бросить свои смешные предрассудки, заговорить голосом беспристрастия» и т. д. (МТ. 1828. Ч. 23, № 20. С. 490—493). Статья, подписанная псевдонимом «И. Бенигна», принадлежала редактору «Телеграфа» Н. А. Полевому. Каченовский не продолжал печатной полемики, сообщив в своем примечании к статье Надеждина «Отклики с Патриарших прудов» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 24. С. 304), что «предпринял другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих», и 18 декабря 1828 г. подал жалобу в Московский цензурный комитет на Полевого и цензора С. Н. Глинку, пропустившего статьи Полевого в печать. В жалобе Каченовский как профессор Московского университета настаивал, что

оскорбление нанесено в его лице всему университету и ученому сословию, и требовал официально призвать провинившихся журналиста и цензора к ответу. Пока С. Н. Глинка давал объяснения и защищался перед Комитетом, в № 23 «Московского телеграфа» была напечатана новая статья Бенигны «Литературные опасения кое за что» (ответ на «Литературные опасения за будущий год» Надеждина) с резкой критикой всей литературной деятельности Каченовского (с. 349–380). Московский цензурный комитет (при особом мнении лишь одного члена, В. В. Измайлова) высказался в пользу Каченовского. Однако в конечном счете жалоба Каченовского была отклонена, а дело прекращено Главным управлением цензуры в Петербурге. Этот литературный скандал, взбудораживший всю Москву и отозвавшийся практически во всех журналах, был, разумеется, в деталях известен Пушкину (подробнее о нем см.: Полевой. С. 259–263 и 434–435 (коммент. В. Н. Орлова); Барсуков. Т. 2. С. 265–275; *Сухомлинов М. И.* Полемические статьи Пушкина // *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 250–267; *Пушкин.* Соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 9, кн. 2. С. 111–129 (коммент. Н. К. Козмина)). Пушкин находился в Москве как раз в декабре 1828-го – первых числах января 1829 г. и с 14 марта 1829 г. до отъезда на Кавказ. Вскоре после своего второго приезда в Москву он отдал в «Московский телеграф» эпиграмму на Каченовского «Журналами обиженный жестоко...» (напечатана: МТ. 1829. Ч. 26, № 7. С. 257; здесь же «Усторическая эпиграмма» («Хвала, маститый наш Зоил!..») Баратынского, написанная в защиту Пушкина от критики «Вестника Европы»). В следующем номере «Московского телеграфа» (МТ. 1829. Ч. 26, № 8. С. 408) была напечатана пушкинская эпиграмма «Там, где древний Кочерговский...». Третью, «Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский...»), Пушкин уже передал к этому времени Дельвигу для альманаха «Подснежник» (см. наст. изд., с. 403). М. П. Погодин писал 28 апреля 1829 г. С. П. Шевыреву: «Кстати об эпиграммах. Пушкин написал и напечатал две преругательные на Каченовского. Пушкин бесится на него за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность. Надеждин вооружается и говорит много дела между прочим, хотя и семинарским тоном» (РА. 1882. № 5. С. 80). В конце марта 1829 г. Пушкин написал также журнальную статью, посвященную войне Каченовского с Полевым и напечатанную позднее в «Северных цветах» на 1830 г. под заглавием «Отрывок из литературных летописей» (XI, 77–81; см. о ней также наст. изд., с. 428), где, в частности, был и очевидный выпад против Надеждина (слова о «непристойных криках пьяного семинариста» в литературных критиках «Вестника Европы»).

Пушкин упомянул о тенденциозном разборе Надеждиным «Графа Нулина» в черновиках заметки «<О статьях князя Вяземского>» («Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики...») (ЛГ. 1830. Т. 1, № 10, 15 февраля; черновой набросок продолжения печатается в современных изданиях под редакторским заглавием «<О новейших блюстителях нравственности>», см.: XI, 98–99). «В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, — писал Пушкин, — где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Касти — все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. <...> Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении “Душеньки”, и об успехе сего прелестного произведения? — Что думают они о шуточных одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева? — “Модная жена” не столь же ли безнравственна, как и “Граф Нулин”?» (XI, 98–99). Ср. отзыв о критиках «Вестника Европы», вложенный Пушкиным в уста одной из героинь

незавершенного «<Романа в письмах>» (1829): «...их плоскость и лакейство показали мне отвратительны — смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнрав<ственности> и неблагопр<стойности> сочинения, которые прочли мы все, мы — санктпетербургские недотроги!..» (VIII, 50). К этой же теме Пушкин вернулся и в 1830 г. в «<Опровержении на критики>», где, отвечая своим критикам «столь щекотливым насчет благопристойности», писал: «...шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая <ее> с нравочением и литературу — с педагогическими занятиями» (см. наст. изд., с. 288; ср.: XI, 156—157).

¹ Ср. в «Литературных опасениях за будущий год»: «Сии маленькие желтенькие, синенькие и зелененькие поэмки, составляющие теперь главный пиитический приплод наш, — несмотря на щеголеватую наружность, в коей они обыкновенно являются, — не суть ли только эфемерные призраки, возникающие из ничего и для ничего по прихоти зевающей от безделья фантазии?.. Это и не удивительно! Льзя ли ожидать чего-нибудь дельного, связного и цельного от произведений, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-как на живую нитку, и светящихся насквозь от множества — не то искусственных, не то естественных — скважин и щелей, нисколько не затыкаемых бесчисленными тире и точками? Не бессовестно ли требовать от творения единства и сообразности с идеею, когда сам творец не имеет часто в голове ясного и определенного понятия о том, что он хочет писать; а просто пишет то, что на ум взбредет?..» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 21. С. 19—20).

² Цитата из «Оды на дружество» В. В. Капниста (см.: Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 143).

³ Намек на «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» П. А. Вяземского, напечатанный вместо предисловия к первому (1824) и второму (1827) изданиям поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (см.: П. в критике, I. С. 152—156).

⁴ Из басни И. А. Крылова «Обоз» (1812).

⁵ Из басни И. А. Крылова «Конь и всадник» (1816).

⁶ Выдающийся французский естествоиспытатель Жорж Кювье (Cuvier, 1769—1832) был реформатором систематики животных.

⁷ Далее следует разбор «Бала» Баратынского, столь же резкий и издевательский, как и «Графа Нулина». Надеждин отказывает Баратынскому в правдоподобии характеров и ситуаций, в соблюдении законов стихосложения, в знании грамматики и т. д.

⁸ Первая полная публикация «Графа Нулина» состоялась в «Северных цветах» на 1828 г.

⁹ На самом деле во всех публикациях ст. 252 поэмы читается одинаково: «За мышью крадется с лежанки». Ошибка эта, вольная или невольная, появилась у Надеждина еще в «Литературных опасениях за будущий год», где он пишет о художнике, для которого «все явления жизни имеют <...> равную цену»: «Удивительно ли после того, что мастерское изображение влюбленного *кота*, в пылу неистового воскипания страсти цап-царапствующего свою любимицу, могло составить занимательную эпизодическую картину в одном из пресловутейших пиитических наших произведений?» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 91); она дала повод к иронической заметке «О молодости лет г. критика с Патриарших прудов» в журнале «Сын отечества» (1829. Т. 2, № 12. С. 320; наст. изд., с. 122) и стала предметом

отдельного замечания Пушкина в «<Опровержении на критики>» (см.: XI, 157; наст. изд., с. 288).

¹⁰ «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю» — выражение, приписываемое Архимеду (ок. 287–212 до н. э.).

¹¹ *Звательцо* — надстрочный знак церковной грамоты, который ставится над начальными гласными.

¹² Надеждин перефразирует устойчивую словесную формулу, идущую еще из средневековья; в гл. 2 «Мыслей» («Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets», 1669) Блез Паскаля (Pascal, 1623–1662) употребляется применительно к природе.

¹³ *Ионийская* (милетская) *философическая школа* — древнегреческая философская школа (VI–IV вв. до н. э.; Фалес, Анаксимандр, Гераклит и др.), в центре учения которой стояло представление о материальном первоначале всего сущего. *Креационисты* — сторонники учения о сотворении мира богом из ничего. Ср. в «Сонмище нигилистов»: «Еще со времен Фалеса ведется философическая поговорка: *из ничего ничего не бывает!* Она оправдывается и теперь непреложными опытами. Наш литературный хаос, осеняемый мрачною философию *ничтожества*, раздражается — *Нулиными!* — Множить ли, делить *нули* на *нули* — они всегда остаются *нулями!*» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 2. С. 113).

¹⁴ По определению И. Канта (Kant, 1724–1804) в § 54 «Критики способности суждения» («Die Kritik der Urteilskraft»; 1790), «смех есть аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» (см.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 352).

¹⁵ Источник цитаты не установлен.

¹⁶ *Предика* — проповедь, поучение (от лат. praedico).

¹⁷ Ст. 361 из «Науки поэзии» («Ars poëtica») Горация.

¹⁸ Иронически перефразируются строки из идиллии древнегреческого поэта Мосха (II в. до н. э.) «Европа» в переводе А. Ф. Мерзлякова. Ср.:

Дщерь же царева, сидя на мохнатом хребте громовержца,
В страхе одною рукою схватилась за рог, а другою
Складки багряной одежды держала, чтобы ей воскрайи
Не омочить убегающей славного моря волну.

(Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. М., 1826. Ч. 2. С. 174).

¹⁹ Надеждин имеет в виду слово «урыльник» (ночной горшок); оно действительно имеется во второй белой рукописи поэмы (см.: V, 170).

²⁰ Надеждин не совсем точно (заменяя грубое французское слово «cul» эвфемизмом) цитирует остроу французского комического актера Пьера-Луи Превияля (наст. имя Дюбус; Dubus, 1721–1799). См.: *Ouury [E.-T. M.]. Notice sur Pierre-Louis Dubus-Préville // Memoires de Préville et de Dazincourt...* Paris, 1823. P. 16–17.

²¹ Надеждин писал А. А. Краевскому 29 января 1840 г.: «Что он <Пушкин> не презирал моих критик, это очевидно из того, что он неоднократно удостоивал их своими возражениями, и печатно, и устно: я очень твердо сохраняю в памяти, как раз у В. А. Жуковского он отстаивал передо мной право поэта переносить ударение слова и защищал свое «*мáмзель Марс*» (в «Графе Нулине»), над которым именно я глумился в своей критике» (Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 4. С. 309).

²² Ст. 322 из «Науки поэзии» Горация.

О. М. СОМОВ

«ДВЕ ПОВЕСТИ В СТИХАХ»:
«БАЛ», СОЧИНЕНИЕ ЕВГ. БАРАТЫНСКОГО,
И «ГРАФ НУЛИН», СОЧ. А. ПУШКИНА

<Отрывок>

СО и СА. 1829. Т. 1, № 5 (выход в свет 3 февраля — Летопись Баратынского. С. 220). С. 270—285; приводимый отрывок — с. 284—285. Подпись: С. (см.: Масанов. Т. 3. С. 47; Кирилук. С. 161).

Основная часть статьи посвящена полемике с рецензией на «Бал» Баратынского, помещенной в журнале «Атеней», автором которой, по всей видимости, был М. А. Дмитриев (см. наст. изд., с. 350). Высоко оценивая поэму и последовательно опровергнув все критические замечания рецензента «Атеней», Сомов завершает свой отзыв о «Бале» утверждениями, что поэма «заключает в себе, по единодушному мнению других критиков, многие свежие красоты поэзии, как в новости положений, так и в способе выражения», что «характеры в небольшой сей поэме начертаны мастерскою кистью, описания живы, подробности занимательны, стихи прелестны и многие из них сами собою остаются в памяти».

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА И СЕВЕРНЫЙ АРХИВ»

<I>

ВОПРОСЫ Г. ЭКС-СТУДЕНТУ НЕДОУМКЕ

СО и СА. 1829. Т. 2, № 11 (выход в свет 16 марта — СПч. 1829. № 33, 16 марта). С. 254—255. Из раздела «Смесь». Без подписи.

Отклик на статью Н. И. Надеждина о поэмах «Бал» Баратынского и «Граф Нулин» Пушкина, который открывал серию мелких заметок, направленных против Надеждина и печатавшихся в разделе «Смесь» журнала. Содержит также выпады против статьи Надеждина «Сонмище нигилистов» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 1. С. 3—22; № 2. С. 97—115). Надеждин отвечал анонимному критику «Сына отечества и Северного архива» в заметке «Ответы экс-студента Надоумка г-ну Рыцарю хозяйственного ящика», где, в частности, возражал против искажения его имени (см.: ВЕ. 1829. Ч. 164, № 6. С. 160). На это, в свою очередь, откликнулся О. М. Сомов в «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 г.»: «Напрасно этот г. экс-студент отвергает маленькую перемену букв в своей подписи, сделанную по аналогии в некоторых журналах: *Недоумок*, по-видимому, должно быть настоящее его название» (СЦ на 1830. «Проза». С. 34).

¹ В «Ответах экс-студента Надоумка г-ну Рыцарю хозяйственного ящика» на этот вопрос было дано следующее разъяснение: «Не беспокойтесь, сударь! не беспокойтесь! Держал я там ее прежде, а теперь не держу более. Держал же затем, чтоб иметь всегда под руками для раскуриванья моей трубки. Надобно вам знать, что я страстный охотник до табаку и не выпускаю изо рта трубки. Бюро же у меня такое уютное, такое укладистое: ящиков куча! Из них я выбрал один для помещения письменных и печатных листков, назначаемых мной для домашнего

обихода. Там-то лежал некогда и блаженной памяти “Граф Нулин”, ожидая своей очереди...” (ВЕ. 1829. Ч. 164, № 6. С. 155).

² Персонажи статьи Надеждина «Сонмище нигилистов» — представители новейшей романтической литературы. «Знаменитый *Чадский*, великан философического *сумрака* наших времен. У него на зубу все новейшие философико-эстетико-романтические системы <...>. В диалектической стратегии он так силен и искусен, что посредством двух посылок может обратить *муху в науку*» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 1. С. 20–22). В статье Надеждина содержится прозрачный намек, что одним из реальных прототипов Чадского является С. П. Шевырев (Там же. № 2. С. 99). «Славный *Угаров*», постоянно цитирующий стихи Пушкина, характеризуется Надеждиным как «олимпийский Юпитер поэтического нашего мира» (Там же. С. 98). *Ветрогонов* также представлен Надеждиным как один из «наших великих писателей» (Там же. № 1. С. 14). Он упоминается им и в «Литературных опасениях за будущий год», где должен «читать в дружеском кругу новую свою тетралогию, коея сюжет взят из “Графа Нулина”» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 106).

³ Из статьи Надеждина «Сонмище нигилистов», следующие цитаты — из статьи «Две повести в стихах: “Бал” и “Граф Нулин”».

⁴ Не совсем точная цитата из «Рассуждения в стихах о человеке» («Discours en vers sur l’homme», 1738) Вольтера (рассуждение шестое).

<II>

О ЧУТЬЕ КРИТИКА ИМЯРЕК, ЖИВУЩЕГО НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ

СО и СА. 1829. Т. 2, № 12 (выход в свет 23 марта — СПч. 1829. № 36, 23 марта). С. 318–319. Из раздела «Смесь». Без подписи.

¹ Басня И. А. Крылова «Свинья» (опубл. в 1811) заканчивается стихами:

Не дай Бог никого сравню ем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

В рецензии на «Новые басни» Крылова (СПб., 1811), в состав которых входила «Свинья», Каченовский обрушился прежде всего на эту басню: «Пиит есть художник; он должен искать образцов своих в изящной природе, должен творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображения смрадом запачканных нелепостей. <...> Но что ж другое может увидеть критик в некоторых сочинениях, и именно, например, в этой Хавроньиной истории? Иной подумает, что стихотворец предпринял такой странный подвиг единственно для того, чтобы испугать критиков...» (ВЕ. 1812. Ч. 61, № 4. С. 310–311). На ассоциации с басней «Свинья» построена пушкинская эпиграмма 1820 г. «Хаврониос! ругатель закоснелый...», метившая, по-видимому, в самого редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского. О том, что эта ассоциация у Пушкина была устойчивой, свидетельствует и запись, сделанная В. Ф. Щербаковым, вероятно, со слов или с записей М. П. Погодина: П. в восп. Т. 2. С. 35.

<III>

О МОЛОДОСТИ ЛЕТ
Г. КРИТИКА С ПАТРИАРШИХ ПРУДОВ

СО и СА. 1829. Т. 2, № 12 (выход в свет 23 марта — СПч. 1829. № 36, 23 марта). С. 320. Из раздела «Смесь». Без подписи.

¹ Наст. изд., с. 114.

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»
«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1829 ГОД»

<Отрывки>

Галатея. 1829. Ч. 1, № 5 (выход в свет 2 февраля — МВед. 1829. № 10, 2 февраля). С. 270—281; приводимый отрывок — с. 270—273; № 6 (выход в свет 8 февраля — Летопись Боратынского. С. 221). С. 335—340; приводимые отрывки — с. 337. Первая часть журнала «Галатея» (№ 1—6) вышла спустя некоторое время 2-м изданием (ценз. разр. от 12 марта 1829 г.; см.: П. в печати. С. 61). Без подписи.

¹ Речь идет о главе из романа Пушкина «<Арап Петра Великого>».

² *Тит Космократов* — псевдоним Владимира Павловича Титова (1807—1891), молодого литератора из кружка «любомудров», племянника Д. В. Дашкова, с 1827 г. служившего в Петербурге в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и часто встречавшегося с Пушкиным. В основу повести Титовым был положен рассказ Пушкина, о чем сообщил впоследствии сам Титов в письме к А. В. Головнину от 29 августа 1879 г.: «В строгом историческом смысле это вовсе не продукт Космократова, а Александра Сергеевича Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове поздно вечером у Карамзиных, к тайному трепету всех дам <...>. Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под *высокие* парики, — честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушником ветхозаветной заповеди “не укради”, пошел с тетрадкой к Пушкину в гостиницу Демут, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками, и потом по настоятельному желанию Дельвига отдал в “Северные цветы”» (см.: *Дельвиг А. И. Мои воспоминания*. М., 1912. Т. 1. С. 158). Титов услышал сказку от Пушкина осенью 1828 г., но пушкинский замысел относится к более раннему времени; ср. в воспоминаниях А. П. Керн о пребывании в Тригорском в 1825 г.: «Когда же он <Пушкин> рещался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про *Черта*, который ездил на извозчике на Васильевский остров» (*Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания*. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 34). Предположительно к еще более раннему времени относится план повести (по-видимому, прозаической) «<Влюбленный бес>» (см.: VIII, 429, 1062). См.: подробнее: *Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»* (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. Т. 3. С. 101—130. Не всеми литераторами пушкинского круга повесть Титова была принята так же благосклонно, как Дель-

вигом. Известен, например, резкий отзыв В. А. Жуковского: «Вскоре по выходе означенной книжки («Северных цветов» на 1828 г. — *Ред.*) гуляли по Невскому проспекту Жуковский и Дельвиг; им встретился Титов. Дельвиг рекомендовал его как молодого литератора Жуковскому, который вслед за этой рекомендацией, не подозревая, что вышеупомянутая повесть сочинена Титовым, сказал Дельвигу: «Охота тебе, любезный Дельвиг, помещать в альманахе такие длинные и бездарные повести какого-то псевдонима»» (*Дельвиг А. И. Мои воспоминания*. Т. 1. С. 58; П. в восп. Т. 2. С. 115). См. также: Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820—1840 гг.). Л., 1990. С. 604—609 (коммент. С. А. Фомичева).

³ Далее следует развернутый критический отзыв об «Обзоре российской словесности за 1828 год» О. М. Сомова. В своих оценках «Обзора» автор рецензии солидаризируется с «Северной пчелой» (см. наст. изд., с. 379): «Желание затмить смысл, применителю усилие блистать остроумием (увы! не дарованном природой), темнота выражений, отсутствие логического и даже грамматического толку — вот критицизм г. Сомова. Ни об одном произведении не сказал он дельного слова, не обозначил положительно его достоинств или недостатков» (№ 5. С. 278). Особенно нападает рецензент на заявленные в «Обзоре» мнения Сомова о русских журналах, в первую очередь горячо защищая «Московский вестник».

⁴ Ограничившись одной любезной фразой о произведениях Пушкина, критик «Галатее» достаточно подробно разбирает поэтический раздел альманаха. Первое место он отдает «Морю» («Безмолвное море, лазурное море...») Жуковского, следующим названо «Завещание» Д. В. Веневитинова; особо отмечены басня «Бритвы» Крылова, стихотворения Вяземского (в альманахе напечатаны «Ирландская мелодия. (Из Мура)» («Когда мне светятся глаза, зеркало счастья...»), «Послание к А. А. Б. (При посылке портрета)», «Предостережение», «Простоволосая головка», «Стансы. (Анне Ивановне Готовцевой)» и две эпиграммы), стихотворная сказка «Переселение душ» Баратынского; из новых поэтов особое внимание уделено Подолинскому. «С удовольствием прочитали мы, — пишет рецензент, — также стихотворения “Сон” и “Романс” Дельвига, “Бесенок” и “Антологические стихотворения” Баратынского, некоторые из прекрасных безделок Пушкина, “Стансы” Козлова, “Старую быль” Катенина, “Сиротку” Подолинского и немногие другие. Вообще надобно сказать, что стихотворная часть “Северных цветов” в нынешнем году далеко оставила за собою прозаическую; это жаль потому более, что альманахи по какому-то странному сцеплению случаев обречены быть у нас ежегодными представителями всего лучшего, сделанного в целый год нашими литераторами по части так называемой изящной словесности» (Галатеея. 1829. Ч. 1, № 6. С. 339).

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«Поэма “Мазепа” в 3-х песнях,

сочинение А. С. Пушкина, уже печатается...»

СПч. 1829. № 19, 12 февраля. Без подписи.

«Мазепа» — первоначально предполагавшееся заглавие поэмы «Полтава», под которым она упоминается в переписке современников до своего выхода в свет. Так, 8 ноября Н. М. Языков сообщил родным в Симбирск литературную новость, услышанную им в Дерпте от направлявшегося за границу С. А. Соболевского: «Пушкин написал новую прекрасную, все его прежние превосходящую, поэму “Мазепа”...» (Языковский архив / Под ред. и с примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. Вып. 1:

Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 374). «Пушкин, сказывают, написал поэму “Мазепа”, в трех песнях, кончающуюся Полтавской битвой. Ему всегда было досадно, что Байрон взялся за него и не доделал», — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу из Москвы 14 ноября 1828 г. (ОА. Т. 3. С. 182). 15 ноября В. П. Титов сообщал Погодину в Москву: «Пушкин написал “Мазепу”; первый стих: “Богат и силен Кочубей”» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 700). 28 ноября Е. А. Карамзина писала о новой поэме «Мазепа» Вяземскому (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 84). 12 декабря 1828 г. Вяземский вновь писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Здесь Александр Пушкин; я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму “Мазепу”, но не байроновского, а своего» (*Вяземский П. П.* Собр. соч. 1876—1887. СПб., 1893. С. 518). «А. С. Пушкин написал поэму “Мазепа” в трех песнях», — сообщалось в разделе «Литературные новости» последней книжки «Московского вестника» за 1828 г. (Ч. 12, № 23—24. С. 374). К этому времени в руках редактора «Московского вестника» М. П. Погодина уже находилась рукопись поэмы, отданная ему Пушкиным, чтобы переписать для подачи на высочайшую цензуру. «Отдал “Мазепу” переписать для государя», — записал Погодин в дневнике 16 декабря 1828 г. (П. в восп. Т. 2. С. 17). У Пушкина, по-видимому, до последнего момента существовали колебания в выборе заглавия новой поэмы, хотя еще 13 октября А. Н. Вульф записал в своем дневнике: «...был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет в 3 песнях и под названием “Полтавы”, потому что ни “Кочубеем”, ни “Мазепой” ее назвать нельзя по частным причинам» (Там же. Т. 1. С. 417).

В свет «Полтава» вышла 27—28 марта 1829 г. (П. в печати. С. 60—61).

Н. А. ПОЛЕВОЙ

**«ЧЕКА». УРАЛЬСКАЯ ПОВЕСТЬ.
СОЧИНЕНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСЕЕВА**
<Отрывок>

МТ. 1829. Ч. 26, № 5 (выход в свет 27 марта — МВед. 1829. № 25, 27 марта). С. 77—86; приводимый отрывок — с. 77—80. Из раздела «Современная библиография». Подпись: S (см.: Шикло. С. 193).

«Чека», поэма Федора Александровича Алексеева (см. о нем: Русские писатели. Т. 1. С. 47 (статья В. Э. Вацура)), одна из новейших романтических поэм, созданных в русле пушкинско-байроновской традиции (подробнее см. наст. изд., с. 374). Главная тема статьи о поэме «Чека» — подражания Пушкину и влияние Пушкина на современную русскую словесность — неоднократно звучала со страниц «Московского телеграфа», главным образом в рецензиях на новейшие поэмы и поэтические сборники русских поэтов. Однако на общем фоне критических отзывов о романтических поэмах в русской периодике конца 1820-х гг. рецензия Полевого на «Чеку» выделяется своей доброжелательностью. Симпатии Полевого мог вызвать уже сам сюжет из национальной истории, хотя изображенное в поэме историческое лицо, сподвижник Е. Пугачева, вождь восстания уральских казаков, разумеется, стилизован под романтического разбойника (ср. в рецензии М. А. Бестужева-Рюмина в «Северной пчеле»: «Г. Алексеев очень хорошо сделал, взяв предмет из отечественной истории для первой жертвы, приносимой им Аполлону. Это гораздо благоразумнее, нежели поступают другие, воспевающие ужасными стихами каких-то мечтательных и для них ужасных разбойников, описывающие любовь в тюрьме, выводящие на сцену Евгениев Вельских, etc. etc.» — СПб. 1829. № 46, 16 апреля).

Алексеев избегает прямых заимствований у Пушкина; поэтическая техника его достаточно высока. На оценке Полевого не могли не сказаться и личные отношения с автором поэмы: Алексеев печатался в «Московском телеграфе» с момента основания журнала. В результате, несмотря на некоторые замечания (например, упрек в отсутствии местного колорита), произведение получило в рецензии Полевого откровенно завышенную оценку: «...поэму г-на Алексеева, несмотря на все ее недостатки, мы должны причислить к числу поэтических прекрасных созданий» (с. 85). Менее снисходительно отнесся к творению Алексеева О. М. Сомов, уделивший «Чеке» несколько строк в своем «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 г.»: «Содержание сей повести очень скудно: ни правды исторической, ни нравов, ни описаний местных в ней не сыщешь. Стихи местами хороши; но фактура их вообще напоминает стихи Пушкина в его поэмах; то же проглядывает и в некоторых подробностях этой повести» (СЦ на 1830. «Проза». С. 77). Спустя несколько лет Полевой, однако, и сам изменил мнение об Алексееве. «Я истомился на пустоцветах русской литературы, в духе этого концерта аматёров, которые разыгрывают чужие пьесы в пользу бедных, — писал он 17 мая 1833 г. В. И. Карлгофу. — Сколько раз бывал я обманут ожиданием! Подолинский, Козлов, Шевырев, Языков, Алексеев, Шишков, Погодин, etc, etc, такой обещал быть тем, другой другим, и ни один из них не сдержал своего обещания» (Полевой Н. А. Избр. произведения и письма. Л., 1986. С. 514—515).

¹ Здесь имеются в виду образцы массовой литературной продукции: «Киргизский пленник» — «повесть в стихах» Н. Муравьева (см. наст. изд., с. 374—375).

«Донна Эльвира де Наварро, или Мать, каковых мало. Из Мейсера» (М., 1828) — «повесть в стихах», первое сочинение московского литератора Николая Васильевича Данилевского (ок. 1804—после 1847). В «Московском телеграфе» был помещен краткий уничижительный отзыв о поэме Данилевского, в котором автору давался совет впредь «не печатать своих поэм, а наслаждаться ими в рукописи» (МТ. 1828. Ч. 21, № 11. С. 388; отрицательный отзыв см. также: МВ. 1828. Ч. 8, № 6. С. 202—203).

«Рыбаки» (М., 1828) — «повесть в стихах» П... Ч...ва (вероятно, П. Чижова; см.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 230).

«Пещера Кудеяра» (М., 1828) — «повесть в стихах» С. Степанова. В одной книжке с «Пещерой Кудеяра» была помещена еще одна поэма Степанова — «Ермак», вызвавшая особые нападки рецензента «Московского телеграфа»: «Еще поэма, к счастью, коротенькая: Ермак плывет по Иртышу; гром, буря, рев волн, и — конец! Сам поэт не знает, куда девался Ермак, а нам уже и подавно нельзя знать» (МТ. 1828. Ч. 24, № 23. С. 348).

² Первая поэма А. И. Подолинского «Див и Пери» (СПб., 1827) была восторженно встречена Н. А. Полевым. «Имя сочинителя совсем неизвестно было в нашей словесности, — писал Полевой в рецензии на поэму, — он не являлся с элегиями, песенками, куплетами и проч. в альманахах и журналах. Можем полагать наверное, что поэма «Див и Пери» есть *первый* опыт г-на Подолинского. Если так, поздравляем поэта с началом прекрасным, как заря весеннего дня. Г-н Подолинский начал смелым подвигом и показывает нам в поэме своей дарование могущественное. <...> Скажем, что, перечитав поэму г-на Подолинского, мы провели несколько сладостных часов и благодарим его как поэта и как человека глубоко чувствующего и умеющего трогать *вечные струны человеческого сердца*» (МТ. 1827. Ч. 18, № 21, отд. I. С. 83, 89). Первые произведения Подолинского имели шумный читательский успех и удостоились чрезвычайных похвал не только на страницах «Московского телеграфа», но и в «Северной пчеле», в журнале «Галатее». Подолинский вошел в литературу как представитель младшего поколения поэтов пушкинского круга, однако к 1828 г.

его отношения с этим кругом осложнились. Пушкин, Дельвиг, Баратынский начинают критически высказываться о поэтических опытах Подолинского, видя в них явление вторичное, из разряда литературного эпигонства. «Подолинскому говорить нечего. Он при легкости писать гладкие стихи тяжело глуп, пуст и важно самолюбив», — писал Дельвиг Баратынскому в конце марта 1829 г. (Дельвиг. Соч. С. 335). Приехавший в Петербург и сблизившийся с пушкинским кругом С. П. Шевырев в письме к М. П. Погодину от 25 февраля 1829 г. вторил словам Дельвига: «Видел я Подолинского: он все молчал. Это мальчик, вздутый здешними панегиристами и Полевым» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 703). Новая «байроническая» поэма Подолинского «Борский» (СПб., 1829) подтвердила худшие опасения Пушкина и его друзей. Шевырев передавал Погодину: «Пушкин говорит: “Полевой от имени человечества благодарил Подол<инского> за *Дива и Пери*, теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за *Борского*”» (ЛН. Т. 16—18. С. 703).

³ Первоначальное заглавие поэмы «Полтава» (см. наст. изд., с. 391–392).

⁴ «У лукоморья дуб зеленый...».

⁵ Напечатано: МВ. 1829. Ч. 1. С. 80–83, с подзаголовком: «Простонародная песня».

Ф. В. БУЛГАРИН

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

СПч., 1829. № 39, 30 марта. Подпись: ***.

Первый печатный отклик на поэму «Полтава», вышедшую в свет 27–28 марта 1829 г. (П. в печати. С. 60–61). Авторство Булгарина было предположительно раскрыто П. Н. Столпянским на основании общего тона заметки (см.: ПиС. Вып. 19–20. С. 143–144). Астроним «***» не зафиксирован в числе подписей Булгарина под статьями «Северной пчелы», тем не менее атрибуция Столпянского кажется верной. Заметка, очевидно, написана тем же критиком, что и анонсированный в ней подробный разбор поэмы в «Сыне отечества» (СО и СА. 1829. Т. 3, № 15; наст. изд., с. 132), автором которого считается Булгарин (ср. повторяющуюся в обеих статьях оценку «Полтавы» как «третьей по достоинству» поэмы Пушкина после «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана»).

¹ См.: СПч. 1829. № 19, 12 февраля; наст. изд., с. 124.

² См.: СО и СА. 1829. Т. 3, № 15, 16; наст. изд., с. 132–142.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

МТ. 1829. Ч. 26, № 7 (выход в свет 10 апреля — Летопись Боратынского. С. 224). С. 337–340. Из раздела «Современная библиография». Без подписи.

Общие положения этой рецензионной заметки — оценка «Полтавы» как высшего поэтического достижения Пушкина и выдвинутая на первый план идея «народности» поэмы — были подробно развиты в статье К. А. Полевого о «Полтаве» (МТ. 1829. Ч. 27, № 10; наст. изд., с. 176), явившейся одной из первых развернутых деклараций той концепции историко-литературного развития, которая сложилась к концу 1820-х гг. у Н. А. Полевого, разделялась его братом и получила широкое выражение в

«Московском телеграфе». Поэтому и авторами настоящей заметки с большой долей вероятности можно считать Н. А. или К. А. Полевого.

¹ Неясно, имеется ли здесь в виду какое-либо конкретное высказывание Вольтера. Расин был одним из самых почитаемых Вольтером авторов, и восхищенные отзывы о его творчестве встречаются в ряде сочинений Вольтера. См., например, предисловие к первому изданию трагедии «Мариамна» (*Mariamne*, 1724), «Век Людовика XIV» («*Siècle de Louis XIV*», 1751), письмо к Французской академии по поводу представления трагедии «Ирена» («*Irène*», 1778) и др.: *Oeuvres complètes de Voltaire*. Paris, 1828. Т. 3. Р. 245–246, 248; 1826. Т. 27. Р. 25–28; 1829. Т. 9. Р. 7–26, etc. Аннотированный перечень высказываний Вольтера о Расине см. в указ. изд. (1834. Т. 97. *Tables analytique des matières*. Р. 251–252).

² См. наст. изд., с. 391–392.

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Галатея. 1829. Ч. 3, № 16 (выход в свет 20 апреля*). С. 254–260. Без подписи.

¹ *Протей* — см. примеч. 1 к статье О. М. Сомова «Обзор российской словесности за 1828 год» — наст. изд., с. 381.

Ф. В. БУЛГАРИН

РАЗБОР ПОЭМЫ «ПОЛТАВА», СОЧ. АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

СО и СА. 1829. Т. 3, № 15 (выход в свет 12–13 апреля — СПч. 1829. № 45, 13 апреля). С. 36–52; № 16 (выход в свет 23 апреля — СПч. 1829. № 48, 20 апреля). С. 102–110. Подпись: ***.

Настоящая статья является тем разбором поэмы «Полтава», который был анонсирован в библиографической заметке «Северной пчелы» (№ 39, 30 марта; наст. изд., с. 126). Автором статьи считается Ф. В. Булгарин (см., например: *Сандомирская В. Б.* 1) Прижизненная критика (1820–1837) // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 25; 2) Поэмы // Там же. С. 385; *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 67; Вацура. С. 184). Атрибуция статьи Булгарину никогда не аргументировалась, однако в пользу авторства Булгарина говорит хотя бы то, что настоящая статья и более ранняя библиографическая заметка о «Полтаве» в № 39 «Северной пчелы», принадлежащие, по-видимому, одному лицу, вышли из редакционных кругов «Пчелы» и «Сына отечества» (автор «Северной пчелы» объявил читателям о появлении разбора в «Сыне отечества и Северном архиве»). Автор разбора, уличая Пушкина в несообразностях, допущенных при описании Полтавского боя, аттестует себя как «военного человека», что также вполне соответствует биографии Булгарина,

* В «Московских ведомостях» дата выхода в свет № 16 «Галатси» не указана. Журнал выходил один раз в неделю по субботам.

служившего и в русской, и в Наполеоновской армии. Можно выявить и ряд текстуальных совпадений разбора «Полтавы» с другими статьями Булгарина, в частности с его позднейшей статьей «О характере и достоинстве поэзии Пушкина» (СО и СА. 1833. Т. 33, № 6), — таковы рассуждения о гении, сотворившем «новый язык» и «новые формы»; характеристика Байрона, подчеркивающая, в том числе, и связь его с эпохой Великой французской революции и наполеоновских войн; утверждение, что даже противники Пушкина не могут отрицать в нем гения; сопоставление пушкинской поэзии с музыкой Россини; заключение, что Пушкин «первый русский поэт», но заслуги его велики «относительно», т. е. в масштабах русской литературы, и не идут в сравнение с заслугами Байрона, Шиллера, Гёте и т. д. Современники, как это видно из приведенных ниже отзывов, также уверенно приписывали статью Булгарину.

Разбор Булгарина стал симптоматичным явлением. Новая пушкинская поэма была встречена читателями без прежнего восторга и одушевления. «...Прочел и Пушкина "Полтаву", — писал 27 мая 1829 г. П. А. Катенин своему приятелю и литературному confidentу Н. И. Бахтину, — вещь не без достоинства, но лучшие места не свои; тут и Данте, и Гёте, и Байрон, и Петров, и Ваш покорный слуга *mis à contribution* <использован — франц.>. Говорят, что Булгарин ее не хвалит: что бы это значило?» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). СПб., 1911. С. 145). Холодный прием, оказанный публикой «Полтаве», был особенно очевиден на фоне небывалого читательского успеха романа Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829. Ч. 1—4), вышедшего почти одновременно с «Полтавой» и как бы вступившего с ней в негласную конкуренцию за читательские симпатии. В № 37 (26 марта) «Северная пчела» поместила панегирическую рецензию Н. И. Греча на булгаринский роман, а спустя неделю, 2 апреля, в № 40, уже сообщала о начале второго издания. «Вот истинный подарок русской публике! — писал «Московский телеграф». — Сей давно ожидаемый роман есть одно из приятнейших явлений в русской литературе. Ум, наблюдательность, приятный рассказ составляют достоинства оного; самая чистая нравственность дышит на каждой странице. Не забудем и того, что автор шел по пути совершенно новому, ибо до сих пор, кроме попыток, более или менее неудачных, у нас не было романов. Он должен был сотворить даже слог для своего сочинения, и в этом отношении сам сделался образцом» (1829. Ч. 26, № 7. С. 344). 28 апреля 1829 г. М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву в Рим русские литературные новости: «"Полтава" Пушкина вышла, но принята холоднее, чем заслуживает. У Пушкина публика вычитает теперь из должных похвал прежние лишние. Гораздо больше шуму в Петерб<урге> сделал "Выжигин" Булгарина. Как литературное произведение — он ничтожен: ни действия, ни характеров, ни верных описаний, ни чувства. Несколько статей о нравах, на живую нитку сметанных вместе <...>. Относительное достоинство он имеет для нашей публики, и автор чрез семь дней начал второе издание. Впрочем, здесь есть, может, какие-нибудь плутни. Надо отдать честь Москве: решительно все порицают сочинение, хотя автор и упоен славою, как пишет в письме к Полевому, по словам Максимова. Бул<арин> почитает себе соперником теперь одного Пушкина и выступил против его "Полтавы" с ужасно нелепою статьею. Лучшее место в поэме, говорит он, есть песнь о козаке, и если бы десять таких мест было, то поэма была бы вдесятеро лучше...» (РА. 1832. № 5. С. 79—80). В мае Е. А. Баратынский писал из Москвы Вяземскому: «"Полтава" вообще менее нравится, чем другие поэмы Пушкина: ее критикуют вкривь и вкось. Странно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмерно уважал суждения публики и удивлялся, что на этот раз оно оказалось погрешительным; но "Полтава", независимо от настоящего ее достоинства, кажется, имеет то, что доставляет успех: почтенный титул, занимательность содержания, новость

и надобность предмета. Я, право, уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз<емпляров> этой глупости? Публика либо вовсе одуреет, либо решительно очнется и спросит с благодарным негодованием: за кого меня принимают?» (цит по: Летопись Бортнянского. С. 224). Еще ранее, 15 апреля, Е. Н. Мещерская, дочь Н. М. Карамзина, писала в Москву к И. И. Дмитриеву об успехе романа Булгарина, замечая при этом: «А в то же время о “Полтаве” едва упоминают, — и то, чтоб сказать, что она не стоит первых произведений Пушкина. Я не имею права ставить вперед моего мнения, но это суждение кажется мне несправедливым» (Бем А. Мелочи о Пушкине: (Из писем княгини Е. Н. Мещерской и С. Н. Карамзиной) // ПиС. Вып. 29—30. С. 31).

Статья Булгарина вызвала возражения со стороны И. В. Киреевского (Галатея. 1829. Ч. 4, № 17; наст. изд., с. 142) и М. А. Максимовича (Атеней. 1829. Ч. 2, № 11; наст. изд., с. 183). Сам Пушкин отвечал критикам «Полтавы» в «<Опровержении на критики>»: именно «Полтаве» был посвящен единственный обработанный для печати отрывок из него — заметка «Habent sua fata libelli...», появившаяся в альманахе «Денница» на 1831 г. (см. наст. изд., с. 307).

¹ Немецкий беллетрист Карл Франц *Фан дер Фельде* (van der Velde; 1779—1824), автор многочисленных исторических романов, пользовался у современников репутацией «немецкого Вальтера Скотта». Впрочем, утверждение Булгарина, что Фан дер Фельде был «последователем» английского романиста, не вполне точно: Фан дер Фельде познакомился с романами Вальтера Скотта, уже успев напечатать ряд собственных произведений. Французский писатель Виктор Жозеф Этьен де *Жуи* (Jouy; 1764—1846) приобрел особую известность в жанре нравоописательного очерка, признанным образцом которого считались очерки английского писателя и журналиста Джозефа *Аддисона* (Addison; 1672—1719).

² Критиковать русские романтические поэмы за однообразие и подражательность издатели «Сына отечества» и «Северной пчелы» начали еще в 1825 г. Так, Н. И. Греч в рецензии на поэму В. Н. Олина «Кальфон» (СПб., 1824) утверждал, что автору, собравшемуся написать романтическую поэму, достаточно нарезать и нанизать как попало «коротенькие стишки» без смысла, «с модными словами», добавив к ним «несколько стишков из известных авторов» (СПч. 1825. № 12, 25 января; сходные критические выпады см.: В. У<шakov>. Странности в литературном свете // СПч. 1825. № 74, 20 июня; А. Ф. [Булгарин Ф. В.] Краткий разговор об обширном предмете // СПч. 1825. № 125, 17 октября).

³ «*Лара*» («Lara», 1814), «*Паломничество Чайльд-Гарольда*» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812—1818), «*Гяур*» («The Giaour», 1813), «*Дон Жуан*» («Don Juan», 1818—1823), «*Абидосская невеста*» («The Bride of Abydos», 1813), «*Паризина*» («Parisina», 1816) — поэмы Дж. Г. Байрона.

⁴ С творчеством итальянского композитора Джоаккино Россини (Rossini; 1792—1868) и его последователей (Дж.-С.-П. Меркаданте, М.-Э. Карафа де Колобрано и др.) традиционно связывалось представление об артистической легкости и виртуозности внешней отделки. В этом отношении Россини противопоставлялся Моцарту. «...Россини пишет для удовольствия уха, Моцарт к сему удовольствию присоединяет наслаждение сердечное», — писал В. Ф. Одоевский в статье «О музыке в Москве и о московских концертах в 1825 году», где, в частности, подробно развивал теорию о существовании «двух родов гениев». Представителем первого рода гениев, которые «родятся для всех веков, для всех народов и постигают сущность искусства», он называл Моцарта, представителем же тех гениев, которые «потому только гении, что являются во время, сообразное же их собственным духом», — Россини (МТ. 1825. Ч. 2, № 8. Прибавление. С. 131). Иногда это противопоставление даже про-

ещировалось на литературные споры классиков и романтиков: «Самые важные разноречия в теориях происходят всегда от начал их. По сей причине французские классики не уживаются с древними классиками и преемниками их, романтическими гениями средних и новых веков; по сей же причине италийская новейшая мелодическая школа несносна немецкой гармонической. Помирить их нельзя иначе, как с переменою начала одной из двух — значит, должно одну уничтожить. Дом, построенный на гнилом фундаменте, сам упадет; произведения идеального мира погибают не от бурь, не от войны или землетрясения, но сами от себя, как добровольные самоубийцы: Россини не избегнет сей участи, ибо теория его не сообразна с началом изящного искусства, к области которого она принадлежит. <...> Удивительно ли, что музыка Россини не действует на людей, одаренных сильною душою? Она отделилась от начала духовного и приблизилась к подражанию физической природе. Могут ли нравиться его *птичьи* ругады, которыми силится он выразить страсти *человеческого сердца?*» (*Трелунный [Струйский Д. Ю.]*. О Россини и россинистах // Атеней. 1829. Ч. 4, № 20. С. 187, 189).

⁵ Дума (украинская народная песня), приписываемая Мазепе, была напечатана в приложениях к 3-й части «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1822. Ч. 3. С. 198). См. также: *Уманец Ф. М.* Гетман Мазепа. Историческая монография. СПб., 1897. С. 162–167.

⁶ Цитируется пушкинское предисловие к первому изданию «Полтавы» (см.: V, 335). При переиздании поэмы в составе «Поэм и повестей Александра Пушкина» (СПб., 1835. Ч. 2) предисловие было снято.

⁷ Имеется в виду А. Ф. Воейков, ожесточенный журнальный враг Булгарина, постоянно нападавший на него в своем журнале «Славянин». Подробное исчисление стилистических «погрешностей» было характерной чертой критической манеры Воейкова.

⁸ Князь Александр Данилович *Меншиков* (1672–1729), один из ближайших сподвижников Петра I, в сражении под Полтавой 27 июня 1709 г. предводительствовал русской кавалерией. Разгромив резервный корпус шведов и обратив в бегство их конницу, кавалеристы Меншикова во многом решили исход битвы. В этот день под князем было убито в бою три лошади. Меншикову также было поручено преследование разбитых неприятельских частей, которые он достиг на берегу Днепра у Переволочны и вынудил сдать в плен 30 июня 1709 г. (численность сдавшихся шведов почти вдвое превышала численность отряда Меншикова).

⁹ Возможно, имеются в виду слова автора «Второго письма на Кавказ» в № 2 «Сына отечества» за 1825 г. (подпись: Д. Р. К.): «...Жуковский не первый поэт нашего века. Выше, гораздо выше его Пушкин...» (см.: П. в критике, I. С. 249; о возможной принадлежности криптонима «Д. Р. К.» Булгарину см. там же, с. 423–424).

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

О РАЗБОРЕ «ПОЛТАВЫ» В 15 № «СЫНА ОТЕЧЕСТВА И СЕВЕРНОГО АРХИВА»

Галатея. 1829. Ч. 4, № 17 (выход в свет 27 апреля — МВед. 1829. № 34, 27 апреля). С. 41–50. Без подписи.

Авторство статьи устанавливается по свидетельству М. П. Погодина в письме к С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г.: «Булг<арин> почитает себе соперником

теперь одного Пушкина и выступил против его “Полтавы” с ужасно нелепою статьею. Лучшее место в поэме, говорит он, есть песнь о козаке, и если бы десять таких мест было, то поэма была бы вдесятеро лучше... Кир<еевский> написал против него для “Галатеи”» (РА. 1882. № 5. С. 80). Как явствует из заключительных слов автора статьи, в этом номере «Галатеи» была напечатана лишь первая ее часть. Предполагаемое продолжение, где автор был намерен «говорить об исторической достоверности “Полтавы”, разбирая ее *без отношения к ее критикам*», в журнале не появилось. Возможно, Киреевский отказался от продолжения статьи, узнав о готовящейся для «Атеней» и посвященной тому же вопросу статье М. А. Максимова, литератора близкого ему круга и ориентации.

¹ Имеется в виду разбор четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» М. А. Дмитриевым в «Атенее» (1828. Ч. 1, № 4; наст. изд., с. 47) и последовательная антипушкинская позиция «Вестника Европы», в первую очередь критические высказывания о творчестве Пушкина и вообще о новой поэзии в печатавшихся там с конца 1828 г. статьях Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (1828. Ч. 162, № 21–22), «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)» (1829. Ч. 163, № 1–2), «Две повести в стихах: “Бал” и “Граф Нулин”» (1829. Ч. 163, № 2–3; наст. изд., с. 112).

² В «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1822. Ч. 3. С. 125) говорится о договоре Мазепы с польским королем Станиславом, по которому «изменник обещал возратить Польше всю Малую Россию и Смоленск; в награду же за сие Станислав долженствовал учинить его владетельным князем Полоцким и Витебским на правах герцога Курляндского».

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»
«ПОЛТАВА»,
ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Атеней. 1829. Ч. 2, № 8 (выход в свет 2–4 мая — МВед. 1829. № 36, 4 мая). С. 173–194. Подпись: N, с пометой под текстом: Аксиньино.

Автор статьи неизвестен. Можно ограничиться лишь предположением, что статья вышла из редакционного кружка «Атеней», формировавшегося в московской университетско-театральной среде. В пользу этого говорят и черты несколько тяжело-весной университетской учености, и несомненная заинтересованность автора театральными проблемами. Ведущим критиком «Атеней» в 1829 г. оставался М. А. Дмитриев, хотя и утративший уже определяющее влияние на редакционную политику журнала. Однако вряд ли можно атрибутировать статью ему. Против имени Дмитриева говорят общая доброжелательная оценка «Полтавы» (неожиданная после его критики четвертой и пятой глав «Евгения Онегина») и отсутствие педантических придинок к языку и поэтическому слогу Пушкина; кроме того, Дмитриев обычно подписывал свои статьи в «Атенее» или полным именем, или криптонимом «В». В 1829 г. в критическом разделе «Атеней» сотрудничают также А. З. Зиновьев (писал преимущественно по вопросам детской и педагогической литературы), М. П. Розберг (рецензировал переводы), в конце года на страницах журнала появляется имя И. Н. Среднего-Камашева; в московских журналах печатаются статьи близкого к кругу «Атеней» М. Н. Лихонина. Подпись «N» с указанием «Аксиньино» ни для кого из них не зафиксирована. Из более значительных литературных фигур следует упомянуть С. Т. Аксакова, впервые выступившего в

«Атенею» в роли литературного критика: по прямому свидетельству М. П. Погодина, Аксакову принадлежит напечатанная в № 9 журнала за 1829 г. рецензия на «Ивана Выжигина» Ф. В. Булгарина (подписана псевдонимом «Истома Романов»; см.: Аксаков. Т. 3. С. 748, примеч. С. Машинского; возражения С. Осовцова против авторства Аксакова (см.: РЛ. 1963. № 3. С. 93—104) представляются необубедительными).

В целом положительная, но достаточно сдержанная оценка новой пушкинской поэмы, высказанная в статье, характерна для московских литературных кругов, связанных с журналами «Атенея» и «Московский вестник». См., например, мнение М. П. Погодина: «У Пушкина публика вычитает теперь из должных похвал прежние лишние» (письмо к С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г. — РА. 1882. № 5. С. 79); ср. первое впечатление Аксакова от пушкинской поэмы, высказанное им в начале апреля 1829 г. в письме к С. П. Шевыреву: «Вчера получили поэму Пушкина, которую он перекрестил из “Мазепы” в “Полтаву”. Вчера же я прочел ее четыре раза и нашел гораздо слабейшею, нежели ожидал: есть места превосходные, но зато все разговоры, все чувствительные явления мне не нравятся; даже описание, а особливо конец сражения весьма неудачны; эпилог тоже. Одним словом, это стихотворение достойно Пушкина; но сказать, что он продвинулся вперед, что “Мазепа” выше всех сочинений, по моему мнению, никак нельзя...» (РА. 1878, № 5. С. 50).

¹ Эпиграф взят из первой строфы поэмы Байрона «Мазепа» («Mazepa», 1818); был снят Пушкиным во втором издании «Полтавы» — в составе второй части «Поэм и повестей Александра Пушкина» (СПб., 1835).

² Имеется в виду трагедия В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1806; опубл. в 1807), имевшая невиданный зрительский успех, но в то же время подвергшаяся резкой критике в определенных литературных кругах (со стороны Г. Р. Державина, А. С. Шишкова, А. С. Грибоедова). Озерова критиковали за анахронизмы, за нарушение исторической достоверности, за искажение исторических характеров героев. Широкое распространение приобрел принадлежащий А. С. Шишкову рукописный разбор трагедии, в котором, в частности, резким нападкам подверг характер Димитрия: «...не герой, собирающий князей для защиты отечества, но Селадон или Дон-Кихот, который сам признает, что он без Дульцинеи своей ни к каким славным делам не способен» (цит. по: *Сидорова Л. П.* Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1956. Вып. 18. С. 175; см. также: *Аксаков С. Т.* Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков. Т. 2. С. 303—305).

³ Начало русским «Петриадам» (эпическим поэмам о Петре) положил М. В. Ломоносов своей незавершенной поэмой «Петр Великий» (1756—1761); позднее были изданы «Петр Великий, героическая поэма в шести песнях, стихами сочиненная» (1803) Р. Сладковского, «Петр Великий, лирическое песнопение в восьми песнях» (1810) С. А. Ширина-Шихматова, «Петриада. Поэма эпическая» (1812) А. Н. Грузинцева.

⁴ Имеются в виду так называемая «Кадешская поэма», воспевавшая могущество и доблесть египетского фараона Рамсеса II в борьбе с хеттами, и эпос народов Индии «Махабхарата».

⁵ Из стихотворения «Стансы» (напечатано: МВ. 1828. Ч. 7, № 1).

⁶ Характерный для представителя московской околуниверситетской среды пассаж в защиту университетского преподавания и, в частности, лекций М. Т. Каченовского. Ср. с их характеристикой в воспоминаниях М. А. Дмитриева: «Из всех тогдашних наших профессоров я должен упомянуть о Каченовском, как о человеке, стоявшем наравне с наукою своего времени и следившем за дальнейшими успехами.

В курсе эстетики он был благоразумным эклектиком, исторически он открывал нам весь постепенный ход этой науки, начиная с ее родителя Баумгартена и переходя к последующим: он говорил с уважением о системах Сульцера, Эбергарда, Бутервека, но предпочитал Бахмана и в основаниях держался Аста. О Лессинге он говорил с восторгом и из отдельных замечаний его об отношениях поэзии и живописи умел извлекать общие истины изящного, которые были бы недоступны другому, привыкшему видеть в частных замечаниях одни частные правила. Его лекции были истинною философией изящного.

В теории изящных искусств не было, по свойству самой науки, такого обширного поля, такого простора для его идей: это была наука, почти основанная только на опыте. <...> Но на этих лекциях узнали мы Винкельмана, Монфокона, графа Келюса и других» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 112–113).

⁷ Имеется в виду цикл статей А. Ф. Мерзлякова, посвященных поэме М. М. Хераскова «Россиада» (1779) (Амфион. 1815. № 1–9), и его разбор оды Г. Р. Державина «На взятие Варшавы» (1794) (Там же. 1815. № 7).

⁸ Первый перевод отрывков из «Полтавы» на украинский язык, принадлежащий Е. П. Гребенке, появился в 1831 г. (МТ. 1831. Ч. 41, № 17); полностью издан в 1836 г. в Петербурге: «Полтава». Поэма А. С. Пушкина. Вольный перевод на малороссийский язык Е. Гребенки.

⁹ Неточная цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824). О первоначальном заглавии «Полтавы» см. наст. изд., с. 391–392.

¹⁰ Имеется в виду трагедия В. Шекспира «Отелло» (1604), шедшая на русской сцене в переводе с французского И. А. Вельяминова под заглавием «Отелло, или Венецианский мавр» (на сцене с 1806 г.; изд. в 1808 г.), опиравшемся на дословный французский перевод П. Летурнера и стихотворную переделку Ж.-Ф. Дюсиса (см. подробнее: Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 88–90; автор раздела П. Р. Заборов). Еще в процессе создания поэмы, как свидетельствуют черновики, Пушкин, читавший Шекспира во французском переводе Летурнера, исправленном Ф. Гизо и А. Пишо, искал в «Отелло» психологическое обоснование чувства Марии к Мазепе; на пьесе Шекспира он ссылался и в дальнейшем, в заметке «Nabent sua fata libelli...» (Денищица на 1831 г.) из «Опровержения на критики»» (1830; см. наст. изд., с. 289 и 307). См. подробнее: *Рак В. Д.* Пушкин и французский перевод «Отелло» // *The Pushkin Journal*. 1993. № 1. Р. 36–44 (особенно с. 40–41). Русские сценические постановки «Отелло» находились в постоянном поле зрения театральной критики (см., например, рецензию С. Т. Аксакова на спектакль, состоявшийся 17 июня 1828 г.: МВ. 1828. Драматическое прибавление к ч. 9; также: Шекспир и русская культура. С. 120–121).

¹¹ Имеется в виду следующее место из «Разговора между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» П. А. Вяземского, напечатанного вместо предисловия к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан»:

«Изд<атель>. <...> Зачем все высказывать и на все напирать, когда имеем дело с людьми понятия деятельного и острого? а о людях понятия ленивого, тупого и думать нечего. Это напоминает мне об одном классическом читателе, который никак не понимал, что сделалось в “Кавказском пленнике” с черкешенкою при словах:

И при луне в водах плеснувших *
Струистый исчезает круг.

Он пенял поэту, зачем тот не облегчил его догадливости, сказав прямо и буквально, что черкешенка бросилась в воду и утонула» (Бахчисарайский фонтан. Сочинение

Александра Пушкина. М., 1824. С. XVIII; 2-е изд. СПб., 1827. С. XVIII; также: П. в критике, I. С. 155).

¹² Имеются в виду статьи Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» (1829. № 39, 30 марта; наст. изд., с. 126) и «Сыне отечества и Северном архиве» (1829. Т. 3, № 16. С. 110; наст. изд., с. 132), в которых «Полтава» оценивалась как третья по достоинству поэма Пушкина после «Цыган» и «Бахчисарайского фонтана».

¹³ Имеется в виду поэма Байрона «Мазепа» (см. выше примеч. 1).

¹⁴ Цитата из баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814).

¹⁵ Лучшим местом в поэме называл песню казака Булгарин (СПч. 1829. № 39, 30 марта; наст. изд., с. 126–127).

¹⁶ Стихотворение Ф. Шиллера «Битва» (1781).

¹⁷ Самойлович Иван (ум. 1690) — малороссийский гетман (с 1672 г.); в 1674 г. подчинил своей власти правобережную Украину; успешно воевал против турок. О клевете Мазепы на Самойловича см. примеч. 3 к статье М. А. Максимовича «О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении» — наст. изд., с. 416.

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»

<I>

«ПОДСНЕЖНИК»

Атеней. 1829. Ч. 2, № 8 (выход в свет 2–4 мая — МВед. 1829. № 36, 4 мая). С. 167–170. Подпись: Л, с пометой под текстом: С<анкт>п<етер>бург.

«Подснежник» возник как «альманах-спутник» «Северных цветов»; основой его стали опоздавшие к моменту цензурования и печатания «Цветов» произведения, оставшиеся в редакционном портфеле дельвиговского альманаха. 15 января 1829 г. О. М. Сомов, посылая Н. М. Языкову «Северные цветы» на 1829 г., сообщал: «Скажу вам, что мы затеваем к светлому празднику еще небольшую книжечку: *Подснежник*, une esrèse de rîquenique littéraire <род литературного пикника — франц.>, там будет и Пушкин, и Баратынский, и Грибоедов, и Вяземский e tutti quanti <и прочие — итал.>; надобно, чтоб и вы там были. Если вам полюбитя цель сего издания, то пришлите нам несколько стихотворений, в нынешнем или в будущем месяце, но не позже начала марта: ибо к 1 апреля книжка совсем будет отпечатана и выдана» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 86–87; Вацура. С. 153–154). Основными участниками нового альманаха должны были стать в первую очередь поэты младшего литературного поколения пушкинско-дельвиговского кружка (А. И. Подолинский, В. Н. Щастный, Е. Ф. Розен, А. Я. Римский-Корсаки и др.), на что указывал и сам Дельвиг, изящно благодаря П. А. Вяземского за присланное ему стихотворение «Станция», опоздавшее в «Цветы» и напечатанное в «Подснежнике»: ««Станция» ваша опоздала, но мне хотелось исполнить ваше желание иметь особенные экземпляры ее, почему я и предложил нашей молодежи издать «Подснежник». Он вам обязан своим существованием» (Дельвиг. Соч. С. 336). Издатели альманаха, не обозначенные на титуле, были, однако, всем известны. «Северная пчела» писала: «Книжка не названа альманахом, издатели не объявили имен своих на заглавном листке; однако ж мы можем уведомить любителей легкого и занимательного чтения, что это альманах, изданный гг. бароном Дельвигом и Сомовым в прибавок к «Северным цветам». Книжечка приятная, заключающая в себе весьма много хорошего» (1829. № 44, 11 апреля). Роспись содержания альманаха см.:

Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965. С. 144—145.

«Подснежник» вышел 4 апреля 1829 г. (см.: П. в печати. С. 62). В нем было напечатано два стихотворения Пушкина — «Приметы» («Я ехал к вам. Живые sny...») и эпиграмма «Литературное известие». Альманах был благожелательно встречен критикой. Журнал «Московский телеграф» писал: «Общее мнение признало “Северные цветы” лучшим по содержанию русским альманахом. “Подснежник” идет к нему под пару, и его появление порадовало нас, потому что оно показывает богатство нашей поэзии. <...> А. С. Пушкин усладил нас своим двенадцатистишием “Приметы” и утешил “Литературным известием”: пусть сам он повторит его нашим читателям». Далее рецензент «Телеграфа» приводил полностью эпиграмму Пушкина «Литературное известие» (1829. Ч. 26, № 8. С. 479, 482—483; без подписи).

Эпиграмма «Литературное известие» (вместе с эпиграммами «Журналами обиженных жестоко...» и «Там, где древний Кочерговский...» и статьей «Отрывок из литературных летописей») была написана Пушкиным против Каченовского, вступившего в журнально-цензурную борьбу с Н. А. Полевым. Разумеется, в первую очередь Пушкиным двигало не желание поддержать Полевого, но собственное раздражение на Каченовского, печатавшего в своем журнале «Вестник Европы» скандальные статьи Н. И. Надеждина, открыто обвинявшего пушкинские произведения в безнравственности (см. наст. изд., с. 384). Эпиграмма «Литературное известие» была написана 24 февраля 1829 г. на литературном вечере у Дельвига; история ее создания известна из позднейших воспоминаний А. И. Подолинского: «Однажды у Дельвига, проходя в гостиную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: “Помогите нам состряпать эпиграмму...” Но я спешил в соседнюю комнату и упустил честь сотрудничества с поэтом. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была знаменитая эпиграмма “В Элизии Василий Тредьяковский...” Насколько помог Шевырев, я, конечно, не спросил» (П. в восп. Т. 2. С. 133; возможное участие Шевырева в создании эпиграммы не подтверждается другими источниками).

¹ Далее следует хвалебный отзыв о новом стихотворении А. Мицкевича «Фарис» («Farys») в переводе В. Н. Щастного, которое автор рецензии выделяет из всех стихотворений, опубликованных в «Подснежнике». «Фарис» сразу привлек к себе внимание русских читателей и переводчиков. Почти одновременно с переводом Щастного был напечатан подстрочный прозаический перевод (СО и СА. 1829. Т. 1, № 5. С. 290—296), а несколько позже и стихотворные переводы П. П. Манасейна (Там же. Т. 4, № 24. С. 241—247) и П. Г. Сяянова (МТ. 1829. Ч. 29, № 20. С. 450—457).

² И в «Подснежнике», и при перепечатке в «Московском телеграфе» фамилия Каченовского была заменена многоточием. В «Подснежнике» пушкинская эпиграмма сопровождалась примечанием: «Чувствительно благодарим почтенного Александра Сергеевича за сие известие и нетерпеливо ждем первой книжки элизейского журнала» (с. 188). Планы «Элизейского журнала» существовали, по-видимому, не только в пушкинской эпиграмме. 28 апреля 1829 г. М. П. Погодин писал в письме к С. П. Шевыреву: «Да, позабыл об Элизейском журнале. Я хотел было издать первую книжку его под титулом: “Благопрмыслительный Муравей” с предисловием: “С тех пор, как немцы искусились вызывать чертей с того света, сообщение стало легче, и я” etc. Тут именем Тредьяковского я вступился бы за нравственность Пушкина, ибо-де и я (Тредьяковский) писал “Езду на остров любви”... От имени Шлецера и Карамзина поразил бы своих гонителей etc. Но теперь занят делом, которое не оставляет времени на пустяки...» (РА. 1882. № 5. С. 80).

<II>

ЗАМЕЧАНИЕ НА РЕЦЕНЗИЮ «ПОДСНЕЖНИКА»

Атеней. 1829. Ч. 2, № 8 (выход в свет 2—4 мая — МВед. 1829. № 36, 4 мая). С. 170—172. Подпись: Ультра-Романтик.

Появление этой антикритики сразу вслед за рецензией на «Подснежник» может служить одним из свидетельств разногласий в редакции «Атеней», где в 1829 г. прежние нападки на новую романтическую поэзию начинают соседствовать с сочувственными отзывами и эстетически взвешенными суждениями. Можно высказать осторожное предположение, что автором «Замечания» был М. А. Дмитриев. Во всяком случае, Дмитриев мог выступить в защиту М. Т. Каченовского против Пушкина, опираясь на пример Ломоносова, а основным объектом нападения избрать Вяземского, своего журнального противника еще по полемике 1824 г. вокруг пушкинского «Бахчисарайского фонтана».

¹ В примечаниях к стихотворению «Станция (*Глава из путешествия в стихах; писана 1825 года*)» Вяземский говорит, что из латинской эпитафии взят эпитаграф к стихотворению — *Sta viator!*

² Шарль Баттё (Batteux, 1713—1780), французский философ-эстетик, автор классических нормативных пиитик «Изящные искусства, изложенные по единому принципу» («*Les Beaux-Arts réduits a un même principe*», 1746) и «Курс словесности, или Основания литературы» («*Cours de Belle-Lettres, ou Principes de la littérature*», 1753), полагал начало искусств в подражании изящной природе — основной тезис классицистической поэтики, развивающей учение Аристотеля (384—322 до н. э.) о подражании («*мимесисе*») как основе и причине возникновения искусства.

³ Здесь обыгрывается выражение Вяземского из примечаний к «Станции»: «Поэт волею или неволею должен быть педантом или Кесарем: писать комментарии на самого себя и на свои дела. Тем лучше: более случая поговорить, более бумаги в расходе и книги дороже. Нельзя и мне не следовать за потоком» (Подснежник. СПб., 1829. С. 46). Уподобляя поэта, пишущего комментарии к своим произведениям, Кесарю, Вяземский имеет в виду «Записки о Гальской войне» («*Commentarii de bello Gallico*») и «Записки о гражданской войне» («*Commentarii de bello civili*») Гая Юлия Цезаря (102 или 100—44 до н. э.).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

МТ. 1829. Ч. 26, № 8 (выход в свет 24—28 апреля — П. в печати. С. 62). С. 484—486. Без подписи.

Второе издание первой главы «Евгения Онегина» вышло в свет 27—28 марта 1829 г. (П. в печати. С. 60). По внешнему виду второе издание ничем не отличалось от первого. Во второе издание были внесены некоторые изменения — главным образом это касалось предваряющего первую главу «Разговора книгопродавца с поэтом»: «поправки» к «Разговору», напечатанные в первом издании отдельно (на с. 60), при переиздании были учтены в тексте (подробнее см.: Смирнов-Сокольский. С. 211—217).

¹ Значение слова «классический», зафиксированное «Словарем Академии Российской» (СПб., 1814. Ч. 3. Стб. 148).

² Имеются в виду критики Н. И. Надеждина, обличавшего романтическую поэзию за «решительную антипатию ко всему доброму», за приверженность к «мрачным сценам распутства, ожесточения и злодейства», к «нерчинским острогам, цыганским шатрам и разбойничьим вертепам» (см., например, статью Надеждина «Литературные опасения за будущий год» — ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 83). Как соблазнительное и безнравственное произведение Надеждин критиковал и пушкинского «Графа Нулина» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 2 и 3; наст. изд., с. 112–120). Заключение пассажи о Гомере вызвал замечания Надеждина. «Кстати ли ныне выезжать с *правилами*?.. — говорит один из персонажей написанной в диалогической форме статьи Надеждина о романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». — На посмешище — что ли? — Ведь вы знаете, каково было дикарю, завезенному из канадских лесов в Европу, встречать повсюду препоны, полагаемые *законами*: не то же ли самое — *правила* для удалых наших *романтиков*?.. Всякий из них при малейшем притязании литературного кодекса кобенится и кричит:

Мне душно здесь — я в лес хочу!

<...> Да и что прикажете делать теперь, когда все великие мужи древнего *классического* мира: *Гомер, Вергилий, Гораций, Анакреон* — отъявлены всенародно мясниками, пьяницами, буянами...» В подстрочном примечании Надеждин поясняет: «Так изволил повелить их один из наших *журналов*, для того чтобы *А. С. Пушкина* вписать в число *классиков*!!!» (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 10. С. 129–130).

Н. И. НАДЕЖДИН

«ПОЛТАВА»,

ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

ВЕ. 1829. Ч. 164, № 8 (выход в свет 5–8 мая — МВед. 1829. № 37, 8 мая). С. 287–302; Ч. 165, № 9 (выход в свет 18 мая — МВед. 1829. № 39, 15 мая). С. 17–48.

В статье, посвященной «Полтаве», нашли дальнейшее развитие негативные оценки «романтизма и байронизма», данные Надеждиным в статьях «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 21–22) и «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 1–2). Осуждая модный «байронизм», Надеждин признавал значительность поэзии самого Байрона, хотя и подчеркивал односторонность его «мрачного человеконенавидения»: «...Байрон есть и останется навсегда великим — хотя и зловещим — светилом на небосклоне литературного мира. То беда, что сия грозная комета, изумив появлением своим вселенную, увлекла за собой все бесчисленные атомы, вращающиеся в литературной атмосфере, и образовала из них хвост свой. Все наши доморощенные стиходеи, стяжавшие себе лубочный диплом на имя поэтов дюжиною звонких и богато обрифмованных строчек, помещенных в альманахах и расхваленных журналами, загудели à la Вугол» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 87–88). Пушкин же, по мнению Надеждина, не может быть поставлен рядом с Байроном, так как «поэтическое направление» Пушкина совершенно иное: в полемических целях Надеждин заявляет, что Пушкин тяготеет к пародии, к гротеску.

Позднее, в статье «Менцель, критик Гёте» (1840), В. Г. Белинский, весьма прозрачно намекая на Надеждина, писал о критиках, находящих удобный способ «приобретения журнальной славы» — «нападать на утвержденные понятия, на утвержденные авторитеты и славы. <...> Например, слава Пушкина в своей апогее, и всё перед ним на коленях: начните “ругать” его в буквальном значении этого слова и говорите, что его произведение мелки и ничтожны, хотя и не лишены блесков таланта, внешней отделки и т. п. Вы думаете, это трудно сделать? Ничего не бывало, только больше смелости. Разверните, например, хоть “Полтаву”; выпишите слова изменника Мазепы о Петре Великом и воскликните: “Каков портрет Петра!”, как будто его таким изобразил сам поэт, от своего лица; слова Мазепы же о Карле XII тоже выдайте за портрет, начерченный самим поэтом, и решите, что все характеры в поэме лишены всякого величия» (ОЗ. 1840. Т. 8, отд. II. С. 30). Надеждин с возмущением писал А. А. Краевскому 29 января 1840 г. об обвинениях Белинского: «Назад тому десять лет, при вступлении моем на литературное поприще, я, именно я, а не другой кто, под известным анонимом, имел смелость восстать против Пушкина, “пред которым все тогда было на коленях”. Я даже “ругал” его, если хотите; но, правильнее, ругался им, то есть не в лице его, которое для меня и во всяком другом человеке всегда было священо, а в его сочинениях». Но далее признавался: «Не знаю, с особенною ли жестокостью, но помню только, что очень сильно нападал на его “Полтаву” при ее выходе в свет...» (Изв. ОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 4. С. 306—307).

«Надеждин нанес ужасный удар Пушкину», — замечал М. П. Погодин в письме к С. П. Шевыреву от 13 августа 1829 г. (РА. 1882. № 5. С. 99). 18 июня 1829 г. А. М. Языков писал к В. Д. Комовскому из Симбирска о пушкинской поэме и ее критиках: «“Полтава”, действительно, никуда не годится. Странно, что Пушкин так важничает в предисловии и так неважен в поэме. Видно, журналисты наши начинают замечать, что в Пушкине нет ничего общего с Байроном и что он, Пушкин, — не гений. Ему, верно, не понравилось звание последователя, которое дает ему “Сын отечества”. В Петербурге его хотят разжаловать, но учтиво и, если можно, с его спроса; в Москве, напротив (“Атеней” и “Вестник Европы”), придираются без всякой деликатности, на что он мог бы отвечать как-нибудь благороднее, а не пошлыми эпиграммами» (ИВ. 1883. № 12. С. 529; здесь речь идет об эпиграммах Пушкина на Каченовского, напечатанных в № 7 и 8 «Московского телеграфа» за 1829 г. и в альманахе «Подснежник», см. наст. изд., с. 385). Уже позднее, в 1831 г., автор заметки «Литературная новость» в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» прямо ссылаясь на критику Надеждина: «Считаем приятною обязанностью сообщить нашим читателям *самые свежие* новости о русской литературе, с последнею почтою полученные из *Берлина*!!!! — “Новое сочинение славного *Пушкина*, под заглавием «Полтава», возбудило общее внимание и принадлежит к тем произведениям новейшей русской литературы, кои наиболее читаются”. Нам, русским, *известно и ведомо*, что сия поэма не только не возбудила *общего внимания*, но даже не имела *никакого* успеха в сравнении с другими произведениями *Пушкина*. Ее медленному между нами распространению быстро предшествовало острое о ней словцо: “*Пушкин* лишился *славы* там, где *Петр* приобрел *ее* (т. е. под Полтавою)”. Не знаем, кто более виноват: *Пушкин* ли или публика?» (№ 8, 28 января. С. 59—60; подпись: Р.; автором был, по-видимому, сам редактор газеты А. Ф. Воейков).

Номера «Вестника Европы» со статьей Надеждина о «Полтаве» Пушкин увидел лишь в начале августа, на обратном пути из кавказского путешествия, во Владикавказе. «Первая статья, мне попавшаяся, — писал он в «Путешествии в Арзрум», — была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пушин (М. И. Пушин, брат И. И. Пушина, отбывавший

службу на Кавказе и встречавшийся с Пушкиным во время его путешествия. — *Ред.*) остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, протсирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пуцина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца. — Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» (VIII, 483). Пушкин отвечал Надеждину серией эпиграмм: «Как сатирой безымянной...» (опубл.: МТ. 1829. Ч. 29, № 18); «Седой Свистов! ты царствовал со славой...» (опубл.: СЦ на 1830. С. 97; эпиграмму принял на свой счет М. А. Бестужев-Рюмин и отвечал Пушкину, см.: СМерк. 1830. Т. 1, № 3; Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л., 1988. С. 601 (Б-ка поэта; Большая серия)); «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (опубл.: СЦ на 1830. С. 50); «В журнал совсем не европейский...», «Надеясь на мое презренье...» (при жизни Пушкина напечатаны не были), а также притчей «Сапожник» («Картину раз высматривал сапожник...») (опубл.: Совр. 1836. Т. 3. С. 205). В незавершенной полемической заметке Пушкина 1829 г. об обществе, составленном «несколькими московскими литераторами» «для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности», был изображен и Надеждин — «Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статей» («<Общество московских литераторов>» — XI, 85). Ряд замечаний, высказанных Надеждиным (о невозможности любви молодой женщины к старику, чрезмерной злопамятности Мазепы, неуместности «бурлацких» выражений и т. д.) Пушкин ответил как неосновательные в заметке «Habent sua fata libelli...» (Денница на 1831 г.) из «<Опровержения на критики>» (см.: XI, 164–165, 158–160; наст. изд., с. 289–291 и 307–308).

¹ Ст. 38–39 из «Науки поэзии» Горация. Притчей «Сапожник» Пушкин в каком-то смысле отвечал на этот надеждинский эпиграф.

² Перефразированы строки из «Евгения Онегина» (гл. IV, строфа XLV):

Вдовы Клико или Мозта
 Благословенное вино

 Оно сверкает Ипокреной...
 (VI, 92).

³ Перефразирован конец басни И. А. Крылова «Муравей» (1819):

Так думает иной
 Затейник,
 Что он в подсолнечной гремит,
 А он — дивит
 Свой только муравейник.

⁴ *Флюгеровский* — персонаж фельетона Надеждина «Сонмище нигилистов. (Сцена из литературного балагана)»; он «юноша не без талантов и не без познаний, подававший о себе самые блестящие надежды», но «по несчастию, увлекся всеобщим вихрем мнимофилософического науконенавидения, вознегодовал на учение, сбросил с себя тяжкую узду систематической дисциплины и, не дожидаясь окончания студенческого курса, выехал ратовать на чистое поле под знаменами литературного неологизма, проповедующего без наук всезнание, без трудов славу, без заслуг

бессмертие». Флюгеровский убежден, что «единственная воспитательница и наставница гения есть Природа, что суровый холод наук убивает поэтическое вдохновение и что невозможно иначе проложить себе путь в святилище литературного бессмертия, как отрешившись от тяжких уз школярного педантизма и предавшись безусловно самозаконному влиянию самобытной свободы» (ВЕ. 1829. Ч. 163, № 1. С. 12, 19).

⁵ В критической статье, посвященной романтической поэме А. И. Подолинского «Борский» (СПб., 1829), Надеждин заметил по поводу кровавой развязки сюжета: «Воля ваша, гг. романтики! — а жаль, что не существует поэтической *Уголовной палаты!*...» (ВЕ. 1829. Ч. 164, № 6. С. 151). Отклик на это замечание последовал в анонимной рецензии «Северной пчелы» на альманах «Подснежник» (СПб., 1829), где были опубликованы, в частности, сказки О. М. Сомова: «Не знаем, к какому роду литературы московские классики причислят народные сказки и не станут ли они требовать уголовного суда на “Оборотня” и “Русалку”, как требуют на “Борского”» (СПч. 1829. № 44, 11 апреля).

⁶ *Точить балы* — точить лясы, вести пустой разговор.

⁷ *Новинское* — местность в западной части Москвы, между Садовым кольцом и левым берегом реки Москвы; под Новинским проходили праздничные народные гуляния.

⁸ Имеется в виду Пасха, приходившаяся в 1829 г. на 14 апреля.

⁹ Речь идет о времени якобинской диктатуры во Франции в 1793–1794 гг. *Белая кокарда* — знак сторонников королевской власти во время Великой французской революции.

¹⁰ «*Оптические путешествия*», или косморамы, — популярные в первой трети XIX в. экспозиции видовых картин со специальной подсветкой, усиливающей эффект реальности. В Москве особой известностью пользовались «оптические виды», устроившиеся И. Лексей (обычно в доме Часовникова на Тверской).

¹¹ *Амфивий* (греч.) — живущий двойной жизнью.

¹² Здесь и далее цитируется статья Ф. В. Булгарина «Разбор поэмы “Полтава”, соч. А. С. Пушкина» (см. наст. изд., с. 132–142).

¹³ Имеется в виду «Эпиграмма. (Подражание французской)» В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)...» (1798) — вольный перевод эпиграммы Р. Понса де Вердена (Pons de Verdun, 1749–1844) «Un rimailleur, dont le nom rime à Claude...». Сюжет этой эпиграммы был использован Пушкиным в направленной против Надеждина эпиграмме «Мальчишка Фебу гимн поднес...».

¹⁴ *Сатиас, Отто* — известные портные.

¹⁵ *Чадский* — один из персонажей фельетона Надеждина «Сонмище нигилистов» (см. примеч. 2 — наст. изд., с. 389).

¹⁶ *Филограмовое* — искаж. от филеграмовое, т. е. серебряное, витое, с узорочными украшениями.

¹⁷ «*Мазепа*» — первоначальное заглавие поэмы «Полтава» (см. наст. изд., с. 391).

¹⁸ Имеется в виду поэма Байрона «Мазепа» («*Mazerra*», 1818).

¹⁹ Цитируется отрывок из посвященного Байрону стихотворения А.-М.-Л. де Ламартина (Lamartine, 1790–1869) «Человек» («*L’Homme*», 1819). В этом стихотворении, восхищаясь мощью таланта Байрона, Ламартин в то же время выступал против его богоборчества, «сатанинской поэзии». Концепция стихотворения Ламартина прямо повлияла на идеи, распространившиеся в европейской и русской критике. Так, характеристика Байрона в статьях Надеждина очень близка к оценке творчества и личности английского поэта в известной статье французского публициста аббата А.-Э. Женуда (Genoude, 1792–1849), напечатанной в парижском журнале «Консерватор» в 1820 г. и тогда же переведенной в «Русском инвалиде», а затем перепечатанной в «Санкт-петербургских» и «Московских ведомостях». Женуд

называл Байрона «сторонником доктрины зла», уподоблял его гений «блеску зло-вредного метеора», а талант находил «бурным и мрачным»; Байрону он противопоставлял Ламартина как поэта, «черпающего вдохновение в религии» (см.: *Рак В. Д.* Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // *Русская литература.* 2000. № 2. С. 13–14; также: Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 654–655; коммент. В. А. Мильчиной и В. Э. Вацуро).

²⁰ Ст. 631–632 из кн. 3 «Энеиды» Вергилия.

²¹ *Пашет (устар.)* — веет.

²² «*Мазепра*», ст. 362–363, 374.

²³ *Ibid*, ст. 101–102, 104.

²⁴ См.: *ibid*, ст. 544–545:

The skies spun like a mighty wheel;
I saw the trees like drunkards reel...

²⁵ Имеется в виду Карл XII.

²⁶ «*Мазепра*», ст. 860.

²⁷ Там же, ст. 53–56.

²⁸ Цитируется пушкинское предисловие к первому изданию «Полтавы» (см. примеч. 6 к статье Ф. В. Булгарина «Разбор поэмы “Полтава”, соч. А. С. Пушкина» — наст. изд., с. 398).

²⁹ Имеется в виду незавершенная «героическая поэма» Ломоносова «Петр Великий» (1760–1761).

³⁰ Цитируется концовка думы, приписываемой Мазепе. Ср.:

А за веру хочь умрете
И вольностей боронете!
Нехай вечна буде слава,
Же през шаблю маем права.

(Хоть умрете за веру И отстоите свободу! Пусть вечной будет слава, Ведь есть у нас права благодаря сабле — *укр.*) (*Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. М., 1822. Ч. 3. С. 198).

³¹ Имеется в виду статья И. В. Киреевского «О разборе “Полтавы” в 15 № “Сына отечества и Северного архива”» — наст. изд., с. 145.

³² Надеждин ссылается на следующий отрывок из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского: «Заключенный *Мазепой* с королем Шведским договор состоял, по уверению *Адлерфельда*, из следующих главных статей: 1) *Мазеп*а обещал впустить короля в Стародубский полк и выдать ему все тамошние крепости; 2) Король обязан был зимовать в тех местах до присоединения к *Мазепе* всех малороссийских, донских и белгородских казаков, недовольных Россиею; 3) *Мазеп*а обещал присоединить к своим знаменам калмыцкого хана *Аюку*; 4) по совершении вышеписанного король Шведский долженствовал идти прямо на Москву, *вместе с Мазепой*, который обязывался снабжать шведское войско провиантом из плодородной Украйны. Статьи сии были помещены и в договоре, постановленном *Мазепой* с польским королем *Станиславом*, с следующим прибавлением: изменник обещал возвратить Польше всю Малую Россию и Смоленск; в награду же за сие *Станислав* долженствовал учинить его владетельным князем Полоцким и Витебским, на правах герцога Курляндского. Никто не знал о помянутых договорах, кроме обоих королев, *Мазепы*, графа *Пипера*, одного польского сенатора (которого *Адлерфельд* забыл фамилию) и изгнанного из отечества болгарского архиепископа. Сей последний, в виде нищего, скитался от *Мазепы* к *Карлу* и обратно. “Histoire militaire de Char-

les XII", t. IV, page 8 et suiv.». *Адлерфельд* Густав (Adlerfeld, 1671—1709) — шведский историк, сопровождавший Карла XII в его походах и убитый в Полтавской битве. Бантыш-Каменский использует его военный дневник, изданный в Амстердаме в 1740 г.

³³ *Фарлаф* и *Рогдай* — персонажи поэмы «Руслан и Людмила».

³⁴ Ср. в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского: «Если верить словесному преданию <...> государь объявил ему <Мазепе> однажды за обеденным столом о своем желании преобразовать козаков в регулярное войско и ввести в Украину российские обычаи. Мазепа стал оспаривать сие намерение, говоря, что еще не время тревожить малороссиян. Петр назвал его изменником и, схватя за усы, произнес следующие слова: “Нет, пора уже мне за вас приняться”. От сего возродилось негодование в предводителе козаков, а от негодования последовала измена» (Ч. 3. С. 78—79).

³⁵ Написание «голос музы темной» в печатном тексте и автографе посвящения к «Полтаве» (ПД 838, л. 72) допускает двоякое чтение: «голос темной музыки», где эпитет «темный» употреблен в значении «печальный, безрадостный», или «темный голос», где «темный» ближе по значению к «неясный, смутный». Ср. оба значения в «Словаре языка Пушкина» (М., 1961. Т. 4. С. 495). У Пушкина есть определение «шалунья» применительно к собственной музы в черновом наброске «Вот музыка резвая болтунья...» (1821; II, 203), о существовании которого Надеждин знать не мог.

³⁶ Жан Поль (Jean Paul; наст. имя — Иоган Пауль Рихтер (Richter, 1763—1825)) — немецкий писатель, разрабатывавший теорию юмора в эстетическом трактате «Подготовительная школа эстетики» («Vorschule der Aestetik», 1804). Этот трактат и беллетристические сочинения Жан Поля повлияли на понимание юмора в романтической литературе.

³⁷ Это же выражение обыгрывалось в эпиграммах на Пушкина, опубликованных в № 1 «Вестника Европы» за 1830 г. (с. 73) и написанных, скорее всего, также Надеждиным:

К портрету Хлопушкина

I.

Младый певец Фактыдурая!

Хвала тебе, Евгений наш, хвала!

Ты глупой *скуки яд* по капле выпивая,

Неопытным сердцам наделал много б зла...

Но к счастью — ты велик... на малые дела.

Орлино-Кохтев.

II.

О Гений гениев! неслыханное чудо!

Стишки ты пишешь хоть куда;

Да только вот беда:

Ты чувствуешь и мыслишь очень худо!

Хвала тебе, Евгений наш, хвала!

Великий человек на малые дела.

Львино-Зубов.

³⁸ Имеется в виду Н. П. Осипов (1751—1799), автор ироикомической поэмы «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» (1791—1796).

³⁹ «Мазерра», гл. II, ст. 40—42.

⁴⁰ *Селадон* — нарицательное имя пожилого сентиментального вздыхателя (по имени героя романа О. д'Юрфе (d'Urfé, 1568—1625) «Астрейя» («*Astrée*», 1607—1618)).

⁴¹ Нравственно-сатирическому роману Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829) Надеждин дал резко отрицательную оценку в своем разборе в «Вестнике Европы», где, в частности, отмечал: «Неужели вы думаете, что одни только имена, наряды и поговорки составляют то, что называется *народностью*?.. А у «Выжигина» только это и русское. Произведения изящных искусств бывают *народными* тогда, когда сквозь них просвечивается внутренний *дух* великого человеческого семейства, составляющего нацию» (1829. Ч. 165, № 11. С. 217).

⁴² *Восемьдесят четыре* — в старой России проба серебра.

⁴³ В 1713 г. Петр I потребовал от турецкого султана высылки Карла XII, находившегося со своей свитой в Бендерах. Султан согласился выполнить требование русского царя, но Карл считал это для себя оскорбительным и оказал вооруженное сопротивление.

⁴⁴ Имеются в виду пушкинские эпиграммы «Журналами обиженный жестоко...» и «Там, где древний Кочерговский...», опубликованные в «Московском телеграфе» (см. о них наст. изд., с. 385). Пушкин воспринял реплику Надеждина как отклик на свои эпиграммы и ответил еще одной — «Как сатирой безымянной...», которую также опубликовал в «Московском телеграфе» (1829. Ч. 29, № 18. С. 194).

⁴⁵ *...пущенные им из Телеграфической пращи* — т. е. опубликованные в «Московском телеграфе».

⁴⁶ Имеется в виду эпиграмма «Литературное известие», напечатанная в альманахе «Подснежник» на 1829 г. и также перепечатанная в «Телеграфе» (см. о ней наст. изд., с. 403).

⁴⁷ При переиздании «Полтавы» в 1835 г. в составе 2-й части «Поэм и повестей Александра Пушкина» Пушкин исправил это выражение на «ему отказали».

⁴⁸ *Апофегма* (греч.) — краткое и меткое наставительное изречение.

⁴⁹ Имеется в виду раннее средневековье, время правления короля вандалов Гендерика (или Гейзериха; 428—477).

⁵⁰ Заключительная строка пушкинской эпиграммы на Каченовского «Журналами обиженный жестоко...».

К. А. ПОЛЕВОЙ

«ПОЛТАВА», ПОЭМА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

МТ. 1829. Ч. 27, № 10 (выход в свет 6—8 июня — МВед. 1829. № 46, 8 июня). С. 219—236. Подпись: Кс. П. На колонтигуле: «О сочинениях Пушкина».

О Ксенофонте Алексеевиче Полевом см.: П. в критике, I. С. 447; Полевой. С. 360—367 (биограф. заметка В. Н. Орлова). Рецензия на «Полтаву» — одна из первых программных статей К. А. Полевого в «Московском телеграфе», в которых получила развитие историко-литературная концепция Полевых. Одним из краеугольных понятий этой концепции стала идея народности как показателя определенной ступени в прогрессивном развитии каждой национальной поэзии. Немногим ранее, рецензируя издание стихотворений Адама Мицкевича (*Poezye Adama Mickiewicza*, 2 части. Новое, дополненное издание. СПб., 1829), Н. А. Полевой писал: «...народы не сброшены теперь в одну общую пучину; они отделены один от другого, и шум бурь на берегах каждого из них может быть уподоблен местным ураганам. Теперь каждый из народов восседает на развалинах прошедшего и созидает свою народность. Люди обменялись мнениями и понятиями; они разделили умственное

наследие веков, и эклектический ум сделался умом всех и каждого из них. Оттого теперь вполне понимают идею народности в изящных искусствах и во всем; оттого стремится теперь изыскательный ум человека познать особенность каждого народа <...>, называет поэта в отношении к его народу поэтом великим тем более, чем более выражает поэт особенность, народность свою. <...> Чем более дух общности, выражаемый веком, пронизает создание какого-либо поэта, чем сильнее, действительнее может он выразить более народностей, чем лучше может он пересоздать себя в те формы, в каких хочет высказать душу свою, тем он более в глазах наших, тем огромнее. Здесь понятно, что только самобытность, народность, естественность могут быть свидетельством великости поэта; здесь открывается и ничтожность подражания, и оскорбление вкуса, какое причиняет неверное выражение природы или предмета, который изображает поэт. <...> Могли ли сии понятия принадлежать предкам нашим? Никак; они плод опытности нового века, когда взор наш обнимает весь небосклон поэзии человечества, когда он по верному размеру определяет достоинства поэтов и уступает им славу с боя, который должен выдержать поэт против холодного, рассудительного ума нашего времени» (МТ. 1829. Ч. 26, № 6. С. 196—198). Под этим углом зрения рассматривает пушкинскую «Полтаву» и К. А. Полевой, полностью разделявший литературные взгляды старшего брата. «Полтава» для него «выше всех известных» сочинений Пушкина, ибо только в «Полтаве» Пушкин сбрасывает с себя оковы подражательности, свойственной до этого момента всей русской литературе. Это первое произведение, отвечающее критериям истинного романтизма в понимании Полевых, — т. е. обладающее национальной характерностью авторского взгляда и содержания, а также не противоречащее исторической достоверности изображаемых событий.

¹ «Третьею по достоинству» после «Цыган» и «Бахчисарайского фонтана» признавал «Полтаву» Ф. В. Булгарин, дважды высказавший это утверждение — в библиографической заметке «Северной пчелы» (№ 39, 30 марта; наст. изд., с. 126) и в статье «Разбор поэмы „Полтава“, соч. А. С. Пушкина» в «Сыне отечества и Северном архиве» (Т. 3, № 15—16; наст. изд., с. 132). Там же Булгарин замечал, что пушкинская картина битвы «наполнена невероятностями». В газете «Русский инвалид» (1829. № 87, 1 апреля) при публикации отрывка из «Полтавы» («Горит восток зарею новой — Заздравный кубок поднимает») было напечатано редакторское примечание: «Мы не согласны с издателем „Сев<ерной> пчелы“ и почитаем „Руслана и Людмилу“ лучшею поэмою русского Байрона». См. также рецензию журнала «Атеней» (1829. Ч. 2, № 8; наст. изд., с. 145—154).

² Имеется в виду рассказ из «Естественной истории» римского писателя Плиния Старшего (I в.) о греческом живописце Апеллесе. Ср. его обработку в басне М. М. Хераскова «Живописец и сапожник» (1761):

.....
 В каком-то городе, а точно где, забыл,
 Искусный живописец был.
 Художник был разумен
 И честолюбием не шумен.
 Он мастерство свое на рынок вывозил
 И слушал, если кто о деле худо скажет,
 Так он погрешности замажет.
 Героя наконец письмом изобразил.
 Сапожник, мимо шед, глаза свои устави
 (Не всё таскаются по рынку простяки)
 И говорит: «Куда как кривы башмаки!»
 Кривые башмаки наш мастер переправил

И выставил опять картину напоказ.
 Сапожник и в другой приходит раз.
 Он думает надежно,
 Что всё уж от его поправки неизбежно.
 И говорит ему: «Совсем теперь герой,
 Да в платье худ покрой».
 Но мастер, будучи в том мнения иного,
 Сказал: «Приятель мой,
 Для этой критики пришли ко мне портного,
 А ты ступай домой»

(Стихотворная сказка (новелла) XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 69 (Б-ка поэта; Большая сер.)).

Пушкин использовал этот сюжет в притче «Сапожник» (1829), направленной против Надеждина (см. наст. изд., с. 407).

³ Видимо, Полевой имеет в виду устный ответ Пушкина на одно из критических замечаний П. А. Вяземского. См.: П. в критике, I. С. 459 (примеч. 8).

⁴ Ср. эти и дальнейшие рассуждения с тем, что писал Н. А. Полевой в рецензии на стихотворения Мицкевича: «Бывали примеры, в нашей литературе и у других народов, славы литературной, казалось, огромной, изумлявшей современников, но мгновенной, перелетной, делавшейся впоследствии, даже и не у позднего потомства, шуткою и притчею. Вспомним у французов Ронсара, у нас Сумарокова и Хераскова. Не писали ль о Сумарокове, что он *русский Расин*, что в баснях превзошел он Лафонтена? Хераскова не называли ль *Омиром*? И где *наш Расин*, *наш Омир*? — После сего можем ли мы надеяться на прочную славу современников, которых называем *великими, славными поэтами*?

Вопрос кажется затруднительным, но решение его не невозможно.

Не говоря о тех людях, которых слава должна становиться всеобщее и светлее с каждым веком, о людях, покорявших своему влиянию человечество, творцах, создававших новые роды поэзии, новый мир мышления человеческого, мы должны мерять каждого поэта по его веку, отношениям и обстоятельствам, и тогда ничто достойное не останется без заслуги, никто замечательный не будет решительно презренным в глазах наших, всякому отдастся его место. Это понятие открыто нам новейшими мыслителями, и с ним легко нам оценить верно и справедливо славу и предка, и современника.

Далее скажем смело, что мы ныне лучше можем судить, нежели судили наши предки. Тут нет ни хвастовства, ни желания унижить предшественников наших. Все преимущество состоит в том, что мы родились *позднее* и, следовательно, *должны быть опытнее*, ибо человечество идет вперед и совершенствуется с каждым поколением. <...>

Кто у нас теперь о неподражаемом Крылове скажет, что он *выше Лафонтена*, и кто Пушкина поставит на ряду с Байроном? Это показывает совершенствование. Чем мужественнее становится народ, тем тяжелее получить от него титул князя, барона или маркиза поэтов. В наше время для сего собирается целый сейм народов и решает дело.

Следовательно, при большей точности, опытности, верности в суждениях наших ныне похвалы надежнее для современников, нежели похвалы прежним поэтам от их современников» (МТ. 1829. Ч. 26, № 6. С. 193—196).

⁵ Имеется в виду Великая французская революция (1789) и последовавшие за ней наполеоновские войны, а в другом полушарии — война английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783), принятие «Декларации независимости» (1776) и образование США.

⁶ Имеется в виду немецкий романист Август-Хайнрих Лафонтен (Lafontaine, 1758—1831).

⁷ Книга «О Германии» («De l'Allemagne», 1813) Анны Луизы Жермены де Сталь (Staël, 1766—1817) и «Курс драматической литературы» («Über dramatische Kunst und Literatur», 1809—1811) Августа-Вильгельма Шлегеля (Schlegel, 1767—1845) принадлежат к числу сочинений, заложивших основы новой романтической эстетики. Напекая на «чужую руку» в книге г-жи де Сталь, Полевой имеет в виду того же А.-В. Шлегеля, в 1804—1817 гг. бывшего воспитателем детей и секретарем г-жи де Сталь. Мнение об участии Шлегеля в книге «О Германии», не подтверждающееся никакими документальными свидетельствами, было тем не менее достаточно распространено. Ср., например, в поздних воспоминаниях С. С. Уварова: «Он <А.-В. Шлегель> в то время помогал ей в ее большом труде о Германии: материалы для этой работы были в большей своей части подготовлены Шлегелем, а третий том, трактующий о философии, был почти целиком написан им, причем г-жа де Сталь лишь придавала этим материалам литературную форму, приемлемую для вкуса французской публики, и вносила туда черты своей индивидуальности» (цит. по: *Дурьлин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 238).

⁸ Здесь изложены тезисы историко-литературной концепции Н. А. Полевого, развернутые в его позднейших статьях о Карамзине (1829), Жуковском (1832) и «Борисе Годунове» Пушкина (1833). Творчество Карамзина и Жуковского, согласно этой концепции, представляет собой основные вехи русского литературного развития эпохи «подражания чужеземцам». С Жуковским русская литература вступила в период романтизма, остававшегося, однако, на русской почве еще подражательным явлением, лишенным национальной основы и самобытности, которые должны составлять истинную сущность каждой романтической литературы.

⁹ Имеется в виду «Неистовый Роланд» («Orlando furioso», 1516).

¹⁰ *Протей* — см. примеч. 1 к статье О. М. Сомова «Обзор российской словесности за 1828 год» — наст. изд., с. 381.

¹¹ Имеется в виду стихотворение «Андрей Шенье» (1825), опубликованное в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г. с цензурными купюрами. Запрещенные цензурой стихи (начало монолога Андре Шенье), имевшие яркую политическую окраску, начали без ведома Пушкина распространяться в списках с произвольным заглавием «На 14 декабря». По этому поводу было возбуждено следственное дело, закончившееся только в 1828 г. учреждением за Пушкиным тайного полицейского надзора.

¹² Речь идет о ранней политической лирике Пушкина.

¹³ Цитата из «Послания к Ч<аадае>ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», 1821).

¹⁴ Полевой ссылается на предисловие Шарля Нодье (Nodier, 1780—1844) к многократно переиздававшемуся французскому прозаическому переводу сочинений Байрона. См., например: *Oeuvres de Lord Byron*. 4-e ed., entièrement revue et corrigée par A. P<icho>t... Paris, 1823. Т. 1. P. I—II.

¹⁵ Имеется в виду «Сцена из Фауста» (1825).

¹⁶ К этому моменту были опубликованы две сцены из «Бориса Годунова»: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (МВ. 1827. Ч. 1, № 1) и «Граница литовская» (СЦ на 1828).

¹⁷ *Фальстаф* — действующее лицо трагедии Шекспира «Генрих IV». В рецензии на повесть М. П. Погодина «Черная немочь» (1829) К. А. Полевой писал: «...Фальстаф в “Генрихе IV” Шекспира есть не иное что, как олицетворенный порок,

выставленный во всех своих смешных и отвратительных видах, следственно, он здесь не просто картина, но одна из противоположностей нравственной мысли, в общем развитии своем образующей одно гармоническое целое. Некоторые изречения Фальстафа, не нравящиеся классикам, необходимы, ибо порок, вначале представленный, был бы недорисован, неестествен, неузнаваем и его изображение не достигало бы своей цели» (МТ. 1829. Ч. 28, № 15. С. 322).

М. А. МАКСИМОВИЧ

О ПОЭМЕ ПУШКИНА «ПОЛТАВА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Атеней. 1829. Ч. 2, № 11 (выход в свет 13—15 июня — МВед. 1829. № 48, 15 июля). С. 501—515.

Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — филолог, историк, фольклорист, поэт. Украинец по происхождению, Максимович в 1819 г. приезжает в Москву и поступает на словесное отделение Московского университета, однако спустя два года переходит на физико-математическое отделение, а главным предметом своих занятий избирает ботанику. После окончания учебы остается при университете; с 1833 г. — ординарный профессор ботаники; с 1834 г. — профессор русской словесности, а затем ректор Киевского университета. В печати Максимович начинает выступать как автор естественно-научных сочинений; постепенно сближается с московской литературной средой, активно сотрудничает в журнале «Московский телеграф»; первые опубликованные собственно литературные произведения Максимовича (несколько стихотворений) относятся к 1825—1826 гг. Широкую известность Максимовичу принес подготовленный им сборник «Малороссийские песни» (М., 1827) — первый его фольклористический труд, положивший начало украинской фольклористике. В 1826 г. состоялось знакомство Максимовича с Пушкиным; с конца 1820-х гг. Максимович явно тяготеет к пушкинскому литературному кругу; он отходит от «Московского телеграфа», принимает участие в «Литературной газете», ведет полемику с Ф. В. Булгариным, составляет и издает альманах «Денница» (вышло три книжки альманаха — М., 1830, 1831 и 1834; см. наст. изд., с. 526), где собирает лучшие литературные силы Москвы и Петербурга.

Статья «О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении» — самое значительное литературно-критическое выступление Максимовича этой поры. В ней Максимович полемизирует со статьями Ф. В. Булгарина «Разбор поэмы «Полтава», соч. А. С. Пушкина» (СО и СА. 1829. Т. 3, № 15. С. 36—52; № 16. С. 102—110; наст. изд., с. 132—142) и Н. И. Надеждина ««Полтава», поэма Александра Пушкина» (ВЕ. 1829. Ч. 164, № 8. С. 287—302; Ч. 165, № 9. С. 17—48; наст. изд., с. 157—175). Максимович настаивает на полной историчности поэмы. В своих рассуждениях он опирается на первое издание «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (М., 1822. Ч. 1—4), к этому времени главный труд по истории Малороссии, служивший одним из основных источников в работе Пушкина над «Полтавой». Факты, приводимые Бантыш-Каменским, Максимович подкрепляет иными сведениями. Некоторые данные (без указания источника), в частности, были им взяты из «Истории Русов», еще не изданной в то время украинской летописи, приписывавшейся архиепископу Георгию Конискому (Пушкин познакомился с «Историей русов» уже после издания «Полтавы», получив список летописи от Максимовича)

(см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 16–17). Статья Максимовича, по-видимому, вызвала неудовольствие в московских литературных кругах (например, у бывшего университетского учителя Максимовича А. Ф. Мерзлякова). «Приятно мне вспомнить, — вспоминал Максимович спустя много лет, — что о “Полтаве” Пушкина я первый (1829) в “Атенее” писал как о поэме народной и исторической. Незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия...» (*Максимович М. А.* Собр. соч.: В 3 т. Киев, 1880. Т. 3. С. 491). Ряд доводов Максимовича в защиту поэмы Пушкин повторил в ответе критикам «Полтавы» (заметка «Habent sua fata libelli...» (Денища на 1831 г.) из «Опровержения на критики»); см. наст. изд., с. 289–291, 307–308).

¹ *Самойлович Иван* — см. примеч. 17 к статье из журнала «Атеней» «“Полтава”, поэма Александра Пушкина» — наст. изд., с. 402.

² *Дорошенко Петр* (ум. 1698) — фактически гетман правобережной Украины (с 1665 г.), борющийся за единство Малороссии и независимость от московской власти. В 1676 г. сдался Самойловичу и принес присягу московскому правительству.

³ *Голицын Василий Васильевич*, князь (1643–1714) — фаворит правительницы Софьи, бывший в течение ее правления (1682–1689) первым лицом в государстве. В 1687 г. Голицын предпринял свой первый крымский поход, который кончился неудачей: татары зажгли степь, и Голицын вынужден был отступить, не дойдя до Крыма. «Тогда честолюбивый сей человек для сокрытия такого позора еще более запянул себя в истории. По совету лукавого Мазепы сложил он всю вину на Самойловича, и коварный асаул (есаул. — *Ред.*), угрожая для собственных своих видов любимцу царевны Софии, преклонил 7 июля некоторых старшин послать тайным образом на несчастного гетмана следующий донос государям...» (*Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. М., 1822. Ч. 2. С. 175; полный текст доноса приводится историком в приложениях ко 2-й части). Самойлович был отрешен от гетманства и сослан в Орел, а затем в Тобольск. В 1689 г., после падения Софьи, Голицын был отправлен Петром I в ссылку на Север России. В 23-й главе 3-й части своего труда Бантыш-Каменский ссылается на слухи о том, что гетманство Мазепы было куплено у Голицына, и пишет об обвинениях, выдвинутых Мазепой Голицыну перед Петром.

⁴ *Головкин Гавриил Иванович*, граф (1660–1734) — государственный канцлер, один из ближайших соратников Петра I.

⁵ *Палей Семен* — казачий полковник, принимавший видное участие в событиях истории Малороссии в конце XVII — начале XVIII в. По доносу Мазепы был обвинен в намерении перейти к шведскому королю, в 1705 г. арестован и отправлен в ссылку, откуда возвращен, когда стала очевидной измена Мазепы. О стремлении Мазепы завладеть богатствами Палея как одним из мотивов его преследования говорит в 27-й главе 3-й части Бантыш-Каменский.

⁶ *Миклашевский* и *Иван Мирович* — казацкие полковники, попавшие в немилость у Мазепы; история их гибели рассказана Бантыш-Каменским в 27-й главе 3-й части. Говоря в примечании к этому месту о «других Мировичах, преданных Мазепе, предках известного мятежника», Максимович имеет в виду переяславского полковника Федора Мировича, изменившего Петру и после поражения шведов бежавшего в Польшу. Внук его Василий Яковлевич Мирович, подпоручик Смоленского пехотного полка, был казнен в 1764 г. за попытку освободить отрешенного в малолетстве от трона и заключенного в Шлиссельбургскую крепость Иоанна Антоновича и возвести его на престол.

⁷ *Заднепрская вольница* — вольные казацкие поселения по правому берегу нижнего течения Днепра; *волохи* — жители Молдавии и Валахии, только при Петре I начавшие приниматься на русскую службу.

⁸ Дума была напечатана в приложениях к 3-й части «Истории» Бантыш-Каменского; Максимович перепечатал ее в составе своего сборника «Малороссийские песни» 1827 г. Основная тема «Думы гетмана Мазепы» — призыв к объединению и борьбе за вольность Украины (см. также примеч. 5 к статье Ф. В. Булгарина «Разбор поэмы “Полтава”, соч. А. С. Пушкина» — наст. изд., с. 398).

⁹ Вопрос о происхождении Мазепы из казачества или из польской шляхты по-разному решался разными историками. В словах Максимовича можно видеть намеки на польское происхождение Булгарина, определившее его сочувствие к Мазепе.

¹⁰ В 1646 г. польский король Владислав IV начал тайные переговоры с казацкими старшинами о помощи в войне с Турцией, которую он думал начать без согласия сейма. За поддержку его намерений казаки получили от короля грамоту на восстановление своих прав (главным образом право самим избирать гетманов, полковников и сотников), отнятых у них поляками в 1640 г. Владислав отказался от мысли о войне, но грамота осталась у старшин; ею завладел Хмельницкий и использовал ее в своей дальнейшей борьбе с поляками, завершившейся переходом Малороссии под власть русского царя (см.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Ч. 1. С. XXX—XXXIII).

¹¹ Имеется в виду трагедия Шекспира «Отелло» (1604). См. подробнее примеч. 10 к статье «“Полтава”, поэма Александра Пушкина» из журнала «Атеней» — наст. изд., с. 401.

¹² Письма Мазепы к дочери Кочубея, первоначально помещенные в приложениях к 3-й части «Истории» Бантыш-Каменского, были исключены по требованию цензуры. По недосмотру цензуры исключенное приложение сохранилось в нескольких экземплярах, один из которых, судя по всему, и был в руках Максимовича, единственного критика, упомянувшего в печати эти письма как исторический источник (см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой». С. 29—31).

¹³ *Витримати* (укр.) — выдержать.

¹⁴ *Левенгаупт* Адам Людвиг (Lewenhaupt, 1659—1719) — шведский генерал.

¹⁵ *Зрадливый* (укр.) — неверный, склонный к измене.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

«Приготовлено издание всех стихотворений

А. С. Пушкина...»

СПч., 1829. № 64, 28 мая. Без подписи.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ» «СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

МТ. 1829. Ч. 27, № 11 (выход в свет 20—22 июня — МВед. 1829. № 50, 22 июня). С. 388—391. Из раздела «Современная библиография». Без подписи.

Первая часть «Стихотворений Александра Пушкина», включающая произведения 1815—1824 гг., вышла в свет 26—27 мая 1829 г. (П. в печати. С. 63—66). Сборник 1829 г. стал вторым собранием стихотворений поэта.

¹ См.: МТ. 1829. Ч. 26, № 8. С. 485; наст. изд., с. 157.

² Имеется в виду замечание Н. И. Надеждина в статье о романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 10. С. 129—130; см. также примеч. 2 к статье «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина» из журнала «Московский телеграф» — наст. изд., с. 405).

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»
«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СПч., 1829. № 77, 27 июня. Без подписи.

ИЗ «ТИФЛИССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

«Надежды наши исполнились:
Пушкин посетил Грузию...»

Тифлиссские ведомости. 1829. № 26, 28 июня.

Упоминания о Пушкине на страницах «Тифлиссских ведомостей» связаны с поездкой поэта в действующую армию. Автором всех их, в том числе и настоящей заметки, по всей вероятности, был Павел Степанович Санковский (1798—1832) — литератор, редактор «Тифлиссских ведомостей», чиновник особых поручений при командире Отдельного кавказского корпуса, генерал-фельдмаршале И. Ф. Паскевиче. Ранее, в № 17 (26 апреля) «Тифлиссских ведомостей», в статье «Несколько слов по случаю Светлого праздника о препровождении времени в Тифлисе» из раздела «Нравы» Санковский писал: «Часто в азиатской нашей столице мы наслаждаемся теми удовольствиями, которые утонченность вкуса представляет в образованных и блестящих обществах Европы. Есть у нас дома, в коих можно встретить самое разборчивое светское обхождение. Увеселения в Тифлисе одушевляются образованным юношеством, которое составляет дух наших обществ; начиная от главнокомандовавшего в Грузии князя Цицианова, при коем находился граф Михаил Семенович Воронцов, бывший с ним при взятии штурмом Ганжи, молодые люди лучшего круга и первых фамилий, стяжая новые познания и славу в сей классической и военной стране, часто приезжали служить на Кавказе. Разрыв с Персиею, открыв первую войну после долголетнего мира, доставил нам на время самое блистательное общество молодых людей военного звания. Ныне любовь к наукам, столь быстро распространяющаяся в России, и похвальное рвение к пользе службы привлекают к нам юношей гражданского сословия с наилучшею образованностию. Мы ожидали даже сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». Когда же Пушкин, вопреки слухам, все же появился в Тифлисе (27 мая—10 июня 1829 г.), Санковский познакомился с поэтом;

имя Санковского, рассказывавшего Пушкину «много любопытного о Грузии», упоминается в «Путешествии в Арзрум» (VIII, 457). В № 32 (9 августа) «Ведомостей» Санковский сообщал об отъезде Пушкина, прибавляя: «Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения, наделит нашу литературу».

Прозвучавшая в заметках «Тифлиссских ведомостей» тема ожидания от Пушкина патриотических сочинений, воспевающих победы русского оружия, свидетелями которых явился поэт, была подхвачена «Северной пчелой». Заметка из № 26 «Тифлиссских ведомостей» была перепечатана в № 88 (23 июля) «Северной пчелы». В № 101 (21 августа) «Пчелы» официальный военный корреспондент И. Радожский в своих «Письмах из Кавказского лагеря» между прочим писал: «Дальнейшие подробности об Арзеруме, ежели буду иметь время, сообщу вам в следующих письмах; но скажу вам, что вы можете ожидать еще чего-либо нового, превосходного от А. С. Пушкина, который теперь с нами в Арзеруме». Еще позднее в разделе «Литературные известия» № 138 (16 ноября) «Пчелы» была напечатана заметка: «Александр Сергеевич Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для русского. Многие почитатели его музы надеются, что он обогатит нашу словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых мощная рука Эриванского героя водрузила русские знамена». Однако вскоре Булгарин перешел к прямым обвинениям в адрес Пушкина, заявляя об отсутствии у поэта патриотических чувств и о сознательном нежелании писать о русской славе (см. рецензии Булгарина на альманах «Северные цветы» на 1830 г. и на седьмую главу «Евгения Онегина»: СПЧ. 1830. № 5, 11 января; наст. изд., с. 216; СПЧ. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

Свое отношение к призывам воспеть победы русского оружия Пушкин выразил спустя несколько лет в предисловии к «Путешествию в Арзрум»: *«Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно»* (VIII, 433). Так называемый «кавказский» лирический цикл Пушкина, ставший своего рода поэтическим результатом его арзрумской поездки, также оказался в значительной мере полемичен официальным ожиданиям (см.: *Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 193–196.*

¹ Замысел поэмы «Кавказский пленник» возник у Пушкина под непосредственным впечатлением от пребывания на Кавказских минеральных водах в июле 1820 г.; сама поэма написана во второй половине 1820 г. в Гурзуфе, Кишиневе и Каменке, имении Давыдовых. Поэма «Бахчисарайский фонтан», отразившая крымские впечатления Пушкина августа–сентября 1820 г., написана в 1821–1823 гг. в Кишиневе и Одессе. «Цыганы» были начаты в январе 1824 г. в Одессе, закончены в октябре того же года в Михайловском. «Евгений Онегин» был начат Пушкиным в мае 1823 г. в Кишиневе; первая глава завершена в Одессе, там же написаны вторая и половина третьей главы.

² Имеется в виду ода (I, 3) Горация, написанная в 19 г. на отъезд поэта Вергилия в Грецию.

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»
«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ВТОРАЯ ЧАСТЬ

СПч., 1829. № 79, 2 июля. Без подписи.

Вторая часть «Стихотворений Александра Пушкина» вышла в свет 26–27 июня 1829 г. (П. в печати. С. 66–68).

К. А. ПОЛЕВОЙ
«СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА».
ВТОРАЯ ЧАСТЬ

МТ. 1829. Ч. 28, № 13 (выход в свет 21–24 июля — МВед. 1829. № 59, 24 июля). С. 100–102. Из раздела «Современная библиография». Подпись: Кс. П. (на с. 103, относящаяся к ряду предшествующих библиографических заметок).

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН
МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

<Отрывок>

Северная звезда. 1829. СПб., 1829 (выход в свет ок. 11 июля — П. в печати. С. 68–69). С. 257–291; приводимый отрывок — с. 280–290. Подпись: Аристарх Заветный.

Автором статьи был писавший под псевдонимом «Аристарх Заветный» поэт, критик и журналист Михаил Алексеевич Бестужев-Рюмин (1798–1832). Происходивший из старинного дворянского рода, Бестужев-Рюмин не получил сколько-нибудь систематического образования, службу начал в Вильманstrandском пехотном полку, стоявшем в Финляндии; там он познакомился с Баратынским, которого считал своим поэтическим наставником (см. его стихотворные послания: «К Б—му» (Майский листок. 1824. Весенний подарок для любителей и любителей отечественной поэзии. СПб., 1824. С. 18–19; перепечатано: Благ. 1826. № 1); «К Б—му, при посвящении поэмы “Умиравший Бейрон”» (Сириус. Собр. соч. и переводов в стихах и прозе. Издано М. А. Бестужевым-Рюминым. СПб., 1826. Кн. 1. С. 131–133)) и которого никогда не задевал впоследствии в печатных полемиках с пушкинским кругом. Выйдя в конце 1822 г. в отставку, Бестужев-Рюмин поселился в Петербурге и после краткой статской службы стал профессиональным литератором. Он печатается в журнале «Благонамеренный», в «Славянине» и «Северной пчеле», пишет сатиру на современные нравы «Оракул в новом роде, или Предсказание на 1828 год» (СПб., 1828), «анекдотическую сцену в стихах» «Мавра Власьева Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828; см. наст. изд., с. 312, 512); издает альманахи «Майский листок» (1824), почти полностью состоящий из его собственных произведений; «Сириус» (1826), «Северная звезда» (1829), газету «Северный Меркурий» (1830–1832), журнал «Гирланда» (1831–1832). В собственном поэтическом творчестве Бестужев-Рюмин предстает типичным эклектиком и эпигоном элегической школы, при этом критикует и элегиков, и новую поэзию с доромантических позиций,

выступая за чистоту и внешнюю понятийную логику поэтического языка, морально-дидактическое значение поэзии и т. д. и сближаясь в своих критиках то с кругом «Благонамеренного», то с «Вестником Европы», то с Булгариным. О Бестужево-Рюмине см. подробнее: Письма. Т. 3. С. 380–382; Вацуро В. Э. Из литературных отношений Баратынского // РЛ. 1988. № 3. С. 153–163; то же в кн.: Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 333–354; Русские писатели. Т. 1. С. 261–262 (статья В. Э. Вацуро). Характерной чертой критической манеры Бестужева-Рюмина была борьба с мелкими «нелепостями», «неточностями» и (по его мнению) ошибками против поэтического языка в сочинениях известных авторов. Иногда, воздерживаясь от прямых критических высказываний, Бестужев-Рюмин цитировал того или иного автора в своей «редакции», переделывая пришедшиеся ему не по вкусу стихи и выражения. Вращаясь в литературной среде, Бестужев-Рюмин обладал списками многих ненапечатанных произведений; по этим не всегда исправным спискам он публиковал произведения без ведома и согласия их авторов. Так, например, в альманахе «Майский листок» в виде эпиграфа к своей элегии «Возвращение на родину» (подпись: «—нь») был опубликован отрывок из пушкинской «Деревни» (ст. 1–8 и 21–26), в примечаниях к «анекдотической сцене» «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» цитировалась переделка двух стихов «Послания цензору» (см. наст. изд., с. 512); такова же была и публикация пушкинских стихотворений в «Северной звезде». В альманахе под произвольными заглавиями было напечатано шесть пушкинских стихотворений: «К N. N.» («К Чадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), 1818; текст сильно искажен; ст. 6 и 8 пропущены; в ст. 10 цензурная замена: вместо «Минуты вольности святой» — «Подруги сердцу дорогой»; ст. 17–21 опущены также по цензурным соображениям); «К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами» («Ее глаза. (В ответ на стихи князя Вяземского)» («Она мила — скажу меж нами...»), 1828; в ст. 9 имя Олениной заменено условным именем Элодии; другие неточности текста могут объясняться как ошибками списка, бывшего у Бестужева, так и его сознательным вмешательством в текст); «Будущая эпитафия» («Моя эпитафия» («Здесь П<ушки>н погребен; он с музой молодою...»), 1815); «К ***» (отсоветовавшему мне вступать в военную службу» («Орлову» («О ты, который сочетал...»), 1819; с пропуском ст. 5–11 и 16–24, переделкой ст. 3–4; многочисленными разночтениями и заменой имени Орлова в ст. 12 и 41 на: «***в»); «К.....ну» («К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...»), 1817; первая, лицейская, редакция стихотворения); «К Ю.....у» («Юрьеву» («Любимец ветреных Лаис...»), 1820). Кроме «Моей эпитафии», напечатанной Пушкиным в «Российском музее» в 1815 г., и послания «Каверину», в поздней редакции напечатанного в 1828 г. в «Московском вестнике», все остальные стихотворения опубликованы Бестужевым-Рюминым впервые.

В конце 1828 г. распространились слухи, что в готовящемся Бестужевым-Рюминым альманахе «Северная звезда» будут напечатаны новые стихи Пушкина и Дельвига. Возможно, эти слухи распускал сам Бестужев-Рюмин, чтобы привлечь к альманаху читательское внимание и способствовать его коммерческому успеху. 24 декабря 1828 г. Дельвиг и П. А. Плетнев (доверенное лицо отсутствовавшего в Петербурге Пушкина) обратились с официальными прошениями в Санкт-Петербургский цензурный комитет. «Дошло до сведения моего, — писал Дельвиг, — что г-н Бестужев-Рюмин печатает в альманахе своем "Северная звезда" какие-то стихи с моим именем. Как я никогда не давал ему стихов моих, то и прошу Цензурный комитет запретить ему подписывать мое имя под какой бы то ни было статьею. В случае же, если он уже напечатал самовольно мое имя, то благоволит Цензурный комитет не выдавать ему билета для выпуска альманаха его из типографии до выключения оной подписи». В прошении Плетнева содержалась аналогичная просьба: не пропускать пушкинские стихи в печать, «а если они уже пропущены, то не

выдавать ему, г. Бестужеву-Рюмину, билета на выпуск книги, пока он не исключит из нее всех стихотворений Александра Пушкина». Бестужев получил официальное замечание Цензурного комитета, а выпуск альманаха существенно задержался (см.: *Левкович Я. Л.* К истории статьи Пушкина «Альманашник» // ПИМ. Т. 1. С. 272—274). Бестужев изъял из альманаха стихи Дельвига, а пушкинские стихи напечатал под анаграммой «Ап» (т. е. «Анопуме») как присланные от «неизвестного», в предисловии же благодарил «г. Ап., доставившего к нему тринадцать пьес (из коих несколько помещено в сей книжке)» и просил «гг. неизвестных об· объявлении впредь имен своих издателю» (Северная звезда. С. VI). Кроме пушкинских стихов подпись «Ап» стояла также под переделанным в самостоятельное стихотворение отрывком из «Негодования» (1820) Вяземского. В предисловии Бестужев также извинялся перед читателями за несвоевременный выход альманаха, произошедший «от обстоятельств, вовсе не зависевших от издателя» (СЗ. 1829. С. V).

Статья «Мысли и замечания литературного наблюдателя», содержащая грубые выпады против Дельвига, Плетнева, а отчасти и самого Пушкина, была написана Бестужевым именно в ответ на действия Дельвига и Плетнева, причем личную подоплеку статьи сам он и не скрывал. «Предчувствуем, — говорит автор «Мыслей и замечаний» в заключительных строках, — что породим на себя дюжину эпиграмм, искренно желая хоть одной из них быть хорошею». К этим словам сделано подстрочное примечание, прозрачно намекавшее на обращение Дельвига и Плетнева в Цензурный комитет: «Впрочем, пусть лучше пишут эпиграммы, нежели подъяческие жалобы» (с. 290—291). Грубое ожесточение Бестужева-Рюмина было сразу отмечено критикой, в том числе даже «Северной пчелой», в которой Бестужев сотрудничал. Рецензент «Пчелы» писал, что «Мысли и замечания» Аристарха Заветного «по слогу их и по литературной близорукости сочинителя заставляют желать, чтобы г. Аристарх Заветный положил на себя завет не быть ни *Аристархом*, ни писателем» (СПч. 1829. № 83, 11 июля). «В “Мыслях и замечаниях” своих, — говорилось в отзыве «Московского телеграфа», — г. Заветный жестоко нападает на литературное достоинство г-д Плетнева и барона Дельвига. Все остальное в сей статье не стоит упоминания, но неуместная смелость г-на Заветного против упомянутых литераторов едва ли не беспримерна и потому должна быть замечена» (МТ. 1829. Ч. 28, № 14. С. 220). «...Ни издатель “Северной звезды”, ни жалкий альманах его, ни шумливый его сотрудник (?) Аристарх Заветный, которому русская грамота не далась в руки, не приобрели еще никакого права выказываться в свет с решительными приговорами кому бы то ни было; не говорим уже о дерзких намеках и вздорных догадках помянутого Аристарха», — писал О. М. Сомов в «Обозрении российской словесности за первую половину 1829 года» (СП на 1830. «Проза». С. 42—43).

Пушкин, не отвечая на статью Бестужева, резко протестовал против публикации в альманахе своих стихов. «Возвратясь из путешествия, — писал он, — узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе. — Неуважение к литературной собственности сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева нимало не показался мне странным. <...> Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочел <я> нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап, доставившему ему (г. Бестужеву) п<иесы>, из коих 5 и удостоились печати, — то признаюсь, удивление мое было чрезвычайно. В числе пьес, доставленных г-ном Ап, некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно писанные и мною к п<ечати не предназначенные стихотворения> и снисходительно заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои пре<жние> и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при

первом таком же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов» (XI, 82). Эта черновая заметка не была Пушкиным доработана и опубликована. В печати на контрафакцию Бестужева еще до возвращения Пушкина с Кавказа указал «Московский телеграф» (возможно, со слов и по просьбе кого-то из пушкинского круга): «Из стихотворений сего альманаха упомянем о нескольких пьесах, подписанных буквами *Ал.* В них узнаем мы одного из знаменитейших поэтов наших, но не думаем, чтобы издатель имел позволение напечатать сии стихотворения. Это сочинения юных лет узнаваемого поэта или случайные пьесы, которые не были назначены к печати. Впрочем, не наше дело судить о правах г-на издателя: мы рады встречать в его книжках даже и первые опыты поэта...» (МТ. 1829. Ч. 28, № 14. С. 220). Литературная война Бестужева-Рюмина с писателями пушкинского круга в полную силу развернулась в следующем, 1830 г. на страницах бестужевского журнала «Северный Меркурий». Пушкин в открытую полемику с Бестужевым никогда не вступал и относился к нему пренебрежительно-иронически. Памфлетная характеристика Бестужева-Рюмина была дана Пушкиным в сатирических сценах «<Альманашник>» (1830; см.: XI, 133–138), где он выведен под именем Бесстыдина, и, в частности, сделан намек на его пьянство — порок Бестужева, постоянно обгрызавшийся всеми его журнальными и литературными противниками (ср. в письме Пушкина к Плетневу от 3 августа 1831 г., во время холеры: «Кстати: не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера уносит пьяниц» — XIV, 206).

¹ Это замечание, по сути дела, являлось прямым цензурным доносом на Пушкина.

² Имеется в виду статья Плетнева «О стихотворениях Баратынского» (СЦ на 1830. С. 301–311; см. примеч. 5 к статье Ф. В. Булгарина «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» — наст. изд., с. 332).

³ С незначительными неточностями цитируется напечатанный в «Сыне отечества и Северном архиве» ответ Дельвига автору рецензии на «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829) в журнале «Галатея» (1829. Ч. 4, № 19. С. 182–191; по-видимому, принадлежала самому редактору «Галатеи» С. Е. Раичу). Рецензент «Галатеи», высказывавшийся достаточно сдержанно и свысока, упрекал Дельвига за комплиментарные обращения к друзьям: «Есть пьесы полные, художественные по изобретению и отделке; есть и не полные, не во всех отношениях удовлетворяющие вкусу. Язык, впрочем, везде благозвучен, вкус благороден; неприятно только было нам встретить в некоторых стихотворениях неумеренные похвалы писателя своим друзьям: *рука руку моет; обе белы бывают.* Может быть, г. Дельвиг, держась этой пословицы, кадил некоторым из своих собратий по Аполлону. Очень хорошо; но всему должна быть мера. Например, сочинитель платит дань удивления Пушкину и Баратынскому в сонете, посвященном Языкову («Н. М. Языкову» («Младой певец, дорогою прекрасной...»), 1822. — *Ред.*), не забывая притом и себя, — это делает честь его вкусу, и мы молчим. Но, прочитавши в пьесе «Ответ» (Плетневу) следующие стихи:

Как слушал Лаертид, привязанный к мачте,
Волшебные песни Скиллийских сирен
И тщетно к ним рвался — упрямые верви
Держали его, —

Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу! —

невольно улыбнешься и спросишь самого себя:

Пред кем (Сочинитель) унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Впрочем, видно, в самом деле недурно в наш не эгоистический век держаться пословицы «рука руку моет; обе белы бывают» (Там же. С. 187–188; к этому пассажу из «Галатеи» прямо восходит, в частности, следующее далее в статье Бестужева-Рюмина рассуждение об «обществе взаимного прославления», участники которого «пишут беспрестанно друг к другу послания, в которых истощаются во взаимных похвалах»). Дельвиг писал в своем ответе рецензенту: «По природе и по образу мыслей моих я всегда был и буду равнодушен к похвалам и брани журнальных аристархов наших; никогда не сердился на их замечания, даже радовался, доставляя им случай написать одну или две лишние странички. Но, прочитав в 19-м № «Галатеи» критику на мои стихотворения, почел обязанностью заметить сочинителю ее всю неприличность его нападок на нравственное чувство уважения, которое я со всеми благомыслящими соотечественниками питаю к Пушкину, Баратынскому и Плетневу» (далее следует цитируемый Бестужевым-Рюминым отзыв о Плетневе) (СО и СА. 1829. Т. 4, № 22. С. 124). Ответ Дельвига был напечатан с сопроводительным примечанием О. М. Сомова (подпись: «С»), выступившего в защиту Дельвига: «Человек, не знающий ни нравственных свойств сего поэта, ни отношений его к другим литераторам, прочитав его послание к одному из них, решается в критике своей приводить в виде замечаний пословицы: *рука руку моет, и обе белы бывают*. Подобные выходки, конечно, не могут повредить барону Дельвигу ни в понятии тех людей, которые знают его лично, ни даже в глазах публики. О ком же они могут поселить в читателей невыгодное мнение? О самом г. критике. Всякий подумает, и весьма основательно, что приводимые им пословицы суть те правила, которыми он руководствуется в литературных своих отношениях...», и т. д. (Там же. С. 125).

⁴ Б. Д. — барон Дельвиг; А. П. — Александр Пушкин; П. П. — Петр Плетнев.

В. Н. ОЛИН

ВЗГЛЯД НА СТИХОТВОРЕНИЕ А. ПУШКИНА ПОД НАЗВАНИЕМ «ЦЫГАНЫ»

Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1829 год. Издана В. Н. Олиным. СПб., 1829 (выход в свет ок. 27 июля — СПб. 1829. № 90, 27 июля). С. 257–269. Подпись: *****. (Переиздана в 1832 г. (ценз. разр. от 18 марта) с шмуцтитолом: «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1832 год».)

Библиографический отдел «Карманной книжки» вел сам ее издатель, В. Н. Олин, которому с уверенностью может быть атрибутирована и настоящая статья (астроним раскрывается: Олинъ). Отклик на пушкинских «Цыган», совершенно несвоевременный в 1829 г., скорее всего, был написан Олиным раньше для какого-нибудь из периодических изданий, в которых он сотрудничал. Появление этой статьи в «Карманной книжке» было встречено критически. О. М. Сомов в рецензии на альманах в «Северной пчеле» (№ 90, 27 июля; подпись: С.) отметил невятность олинского разбора: «Взгляд на стихотворение Пушкина под названием «Цыганы» написан слабо и не решает главного вопроса: хорошо или худо сие

стихотворение? Оговорки и вежливое уклонение критика в подобных сочинениях бесполезны и даже досадны для читателей: они требуют приговора решительного». Еще более резким был приговор «Московского телеграфа», рецензент которого обильно цитировал рассуждения Олина, сопровождая их своим ироническим комментарием: «Статья презабавная! Автор, как видно, хотел повеселить читателя и достиг своей цели. <...> “Мысли”, сочиненные самим автором, не отличаются ни глубиной взгляда, ни остроумным выражением: они годились бы для печати лет двадцать пять назад» (МТ. 1829. Ч. 28, № 15. С. 340–341).

¹ «И смертью — чуждой сей земли — Не успокоенные гости».

² «И то недолго посетит».

³ «Беги — вот он. Приду, мой милый».

⁴ Переделка афоризма, приписываемого римскому сатирику Луцилию (II в. до н. э.) — «Non omnia possumus omnes» («Не всё мы все можем»).

В. Т. ПЛАКСИН

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ

(Лекции из истории литературы)

<Отрывок>

СО и СА. 1829. Т. 5, № 33 (выход в свет 16–17 августа — СПч. 1929. № 99, 17 августа). С. 397–416; Т. 6, № 34 (выход в свет 23–24 августа — СПч. 1929. № 102, 24 августа). С. 17–33; № 35 (выход в свет 1–3 сентября — СПч. 1929. № 106, 3 сентября). С. 82–95; приводимый отрывок — № 35. С. 91–93.

Настоящая статья явилась одним из первых выступлений в печати критика, историка литературы и педагога Василия Тимофеевича Плаксина (1795–1869; см. о нем: Русские писатели. Т. 4. С. 630–633 (статья Н. П. Розина и М. А. Котомина)). Статья посвящена романтизму как новейшему литературному течению и его месту в истории русской литературы; как и другие сочинения Плаксина, носит обзорный и во многом компилятивный характер. Приводя различные определения романтизма, автор выделяет наиболее существенные для отечественной словесности его черты, из которых на первом месте стоит народность, национальность. Упоминание Пушкина интересно тем, что Плаксин впервые в русской критике отчетливо говорит о поэтическом соперничестве Пушкина и Баратынского за первенство на русском Парнасе.

¹ «Громвал» (1802; опубли. в 1804 г.) — стихотворная «рыцарская повесть» Г. П. Каменева, предшествовавшая балладным опытам Жуковского.

² *Пери* — см. примеч. 5 к статье И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» — наст. изд., с. 362. *Дивы* — злые духи. В русскую поэзию дивы и пери вошли с поэмой Жуковского «Пери и ангел» (1821) — переводом одной из частей восточной поэмы Томаса Мура (Moore, 1779–1852) «Лалла Рук» («Lalla Rookh; an Oriental Romance», 1817); в употреблении их Плаксиным отчетливо влияние заглавия первой поэмы А. И. Подолинского «Дивы и Пери» (СПб., 1827).

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ КАСАТЕЛЬНО СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

<Отрывок>

Атеней. 1829. Ч. 4, № 21 (выход в свет 24–27 ноября — МВед. 1829. № 95, 27 ноября). С. 223–232; приводимый отрывок — с. 229–232.

Автор статьи, Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1790–1849), поэт сентименталистской ориентации, эссеист и историк-дилетант, был не очень заметной фигурой в литературных кругах. Он принадлежал к кругу московских карамзинистов, группировавшихся сначала вокруг П. И. Шаликова, затем — И. И. Дмитриева; был фанатичным поклонником Н. М. Карамзина, память которого свято чтит, — см., например, его «Речь в память историографу Российской империи» (Литературный музей на 1827 г. М., 1827. С. 61–140) или изданную им компиляцию «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (М., 1827. Ч. 1–2). Сколько-нибудь четко выраженной литературной программы Иванчин-Писарев никогда не имел, его литературное творчество было полупрофессионально, а поэзия — на грани любительской версификации. Подробнее о нем см.: Русские писатели. Т. 2. С. 391–392 (статья А. Л. Зорина).

«Мысли и замечания касательно современной русской словесности» — написанное в свободной эссеистической манере рассуждение о трех русских писателях — Карамзине, по мнению Иванчина-Писарева имеющему все права на звание гения, Жуковском, «одном из величайших песнопевцев новейшего времени» (с. 226), и Пушкине.

¹ Цитата из «Евгения Онегина» (VII, XLV) — из строф, опубликованных под заглавием «Москва» в «Московском вестнике» (1828. Ч. 7, № 1), а затем перепечатанных в «Северной пчеле» (1828. № 17, 9 февраля).

² *Мадонна Рафаэля* — знаменитая картина («Сикстинская мадонна», 1515–1519) Рафаэля Санти (Raffaello Santi, 1483–1520). *Прометей Тицианов* — картина Тициано Вечелио (Tiziano, 1489 (?)–1576) «Прометей, прикованный к скале» (1549; Мадрид, Прадо); ее композиция была широко известна по гравюре (1566) Корнелиса Корта (Cort, 1536–1578).

ИЗ ЖУРНАЛА «АТЕНЕЙ»

«МОСКОВСКИЙ ПЛЕННИК».

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ Ф. С—ВА

<Отрывки>

Атеней. 1829. Ч. 4, № 21 (выход в свет 24–27 ноября — МВед. 1829. № 95, 27 ноября). С. 316–318. Без подписи.

Поэма Федора Соловьева «Московский пленник» была встречена критикой резко отрицательно. Рецензент «Атеней» колебался в определении новой «повести в стихах» как «пародии» на Пушкина или как «неудачного подражания» ему; критик «Московского телеграфа» однозначно оценил поэму Соловьева как грубую пародию: «Г-ну Ф. С<оловье>ву вздумалось писать стихи: кто запрещает? Но вот что непростительно: он написал *пародию* “Кавказского пленника”; рассказ Пушкина преобразил в нелепую повесть о битом, обыгранном провинциале, и прелестные стихи его переложил в отвратительные вирши. Писать пародии и переворачивать

наизнанку позволяется, но требуется притом вкус, остроумие, шутливость — этого ничего нет у г-на Ф. С<оловье>ва, и потому пародия его не стоит никакого внимания» (МТ. 1829. Ч. 29, № 17. С. 98). «Московский пленник» — рассказ о молодом жителе Калуги, попавшем «в плен» к московским карточным игрокам, проигравшем свое состояние и спасенном полюбившей его московской красавицей, которая помогает ему выбраться из Москвы и вернуться в Калугу к оставленной там невесте. По мнению В. М. Жирмунского, это не пародия, а «комическое травести такого же типа, как ироико-комические поэмы классической школы, в котором сюжет, композиционные мотивы и обороты речи романтической поэмы снижаются путем перенесения в тривиальную будничную обстановку» (*Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 253–254).

Федор Николаевич Соловьев (1803 или 1804 — после 1842), сын московского купца, в 1825–1828 г. студент нравственно-политического отделения Московского университета, принадлежал к университетской литературной среде и был активным участником студенческих альманахов. Соловьев переводил романы Фан дер Фельде и Поль де Кока, в 1829 г. издал анонимно свои первые книги: «Людмил и Эльвира, или Роман в X картинах», «Чудная невеста, вероятная быль в стихах». Подробнее о нем см.: *Вацуро В. Э.* Жизнь и поэзия Надежды Тепловой // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 392–394; *Рейтблат А. И.* Московские «альманашники» // Чтение в дореволюционной России. М., 1995. [Вып. 2]. С. 36–38. Соловьеву принадлежит еще романтическая поэма — «Могила» (1831), написанная по образцу «Чернеца» (1825) И. И. Козлова и «Борского» (1829) А. И. Подолинского, т. е. так называемых «семейных драм» с ревностью, убийством по ошибке, окровавленными кинжалами и т. д. Опубликована в изданном им альманахе «Метеор» (М., 1831).

1830

О. М. СОМОВ
**ОБОЗРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
 ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1829 ГОДА**

<Отрывок>

СПб., 1829 (выход в свет 20-е числа декабря 1829 г. — П. в печати. С. 69). «Проза». С. 3—114; приводимый отрывок — с. 49—58.

В новую книжку «Северных цветов» на 1830 г. вошли произведения Дельвига, Вяземского, Баратынского, Ф. Н. Глинки, Козлова, Катенина, В. Г. Теплякова, Ф. А. и В. И. Туманских, А. С. Хомякова и др. Из стихотворений Пушкина в поэтическом разделе альманаха были напечатаны отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина» (строфы I—IV), «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»), эпиграммы «Мальчишка Фебу гимн поднес...» и «Седой Свистов! ты царствовал со славой...», «Олегов щит» («Когда ко граду Константина...»), «Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю...» (в оглавлении под заглавием «2-го ноября» — в соответствии с пометой перед текстом стихотворения), «Дар напрасный, дар случайный...» (в оглавлении под заглавием «26 мая 1828» — как и в предыдущем случае, в соответствии с пометой перед текстом), «К**» («Подъезжая под Ижоры...»), «Я вас любил: любовь еще, быть может...», «К Н. Н.» («Счастлив ты в прелестных дурах...»); из прозаических произведений — заметка «Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат...», напечатанная с пометой: «Извлечено из рукописного сочинения А. С. Пушкина» как подстрочное примечание к переведенной Плетневым «Сцене из трагедии Шекспира “Ромео и Юлия”», а также «Отрывок из литературных летописей». В «Отрывке из литературных летописей» Пушкин иронично излагал историю ссоры московских журналистов — редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского с издателем «Московского телеграфа» Н. А. Полевым (см. подробнее наст. изд., с. 384—385). Статья, первоначально предназначавшаяся для «Невского альманаха» Е. В. Аладына и написанная Пушкиным еще весной 1829 г., была, однако, 8 октября 1829 г. запрещена цензурой, на том основании, что в ней выводится как действующее лицо цензор и обсуждаются действия цензурного ведомства. Тем не менее Пушкин не хотел вовсе отказываться от публикации статьи и передал ее в «Северные цветы», исключив из текста все упоминания о действиях цензоров и Главного управления цензуры. В таком существенно сокращенном виде «Отрывок из литературных летописей» и появился в печати.

Об альманахе «Северные цветы» на 1830 г. см.: Вацуру. С. 178—190. «Обозрение» Сомова, традиционно открывавшее книжку альманаха, на этот раз было полемично по отношению едва ли не ко всей русской журналистике. Сомов резко отозвался о критиках Каченовского и Надеждина, предлагая переделать псевдоним последнего из «Никодима Надоумка» в «Недоумка» (с. 33—34); горячо выступил в защиту Карамзина против критических статей Н. С. Арцыбашева в «Московском вестнике», в которых Карамзин обвинялся, с позиций скептической школы Каченовского, в многочисленных неточностях и беллетризации исторических событий

(с. 27–29); отметил «слабость исторической критики» в исторических сочинениях самого редактора «Московского вестника» М. П. Погодина, предоставившего в своем журнале место статьям Арцыбашева (с. 25). Другого критика Карамзина, Н. А. Полевого, оценивавшего Карамзина в своей статье в № 12 «Московского телеграфа» за 1829 г. как писателя ушедшего века и признававшего за «Историей государства Российского» только «историческое», «сравнительное» значение, Сомов упрекал в доктринерском тоне и «не всегда точному понятию о предметах, по крайней мере, относительно к времени и месту» (с. 20–21); фактическому соредктору «Московского телеграфа» К. А. Полевому пытался объяснить эстетическую несостоятельность его суждений о поэзии Дельвига (с. 58–66); обрушился на «ничтожность, пустоту и безвкусию» альманаха «Северная звезда» и сочинений его издателя М. А. Бестужева-Рюмина (с. 42–43). Десять страниц «Обозрения» Сомов уделил персонально роману Булгарина «Иван Выжигин». Отзыв о романе был очень сдержанным по тону, вежливым, но жестким. Разбор начинался и заканчивался весьма двусмысленными комплиментами: «“Выжигин” имеет весьма важное достоинство как *анекдотическая картина* нашего времени, представленная под формою романа. Достоинство сие доказывается необыкновенным его успехом; ибо “Выжигина” прочли люди всех состояний: знатный барин, скромный чиновник, провинциальный помещик, купец и мещанин искали в этом романе применений, каждый по своим понятиям и соображениям, и каждый, может быть, находил их. <...> Множество анекдотов, взятых из живого общества и рассеянных в этом романе, местами весьма удачно, составляют главную заманчивость “Выжигина” и делают его любопытным, даже любимым чтением разных классов нашей публики» (с. 85–86, 94–95). Эти комплименты были лишь обрамлением критических замечаний: Сомов писал о слабости завязки, архаизме авантюрной сюжетной схемы, неестественности и необыкновенности приключений, отсутствии характеров, подмененных в романе «говорящими» именами (Грабалин, Вороватин, Зарезин и др.) — «подобно надписям на аптекарских банках, как будто бы для того, чтобы не ошибались, чего в них искать» (с. 89); он отказывал булгаринскому роману в занимательности целого. Слог романа, по мнению Сомова, «чист, правилен, но холоден; в разговорах же слишком отзывается слогом книжным» (с. 93). Но наиболее серьезной претензией к нравоописательному роману было, пожалуй, указание на неверное изображение современного общества: «Если станем искать в “Выжигине” картины современных нравов, то увидим, что всякий раз, когда сочинитель касался высшего круга обществ Москвы и Петербурга, черты, схваченные им, были неверны. <...> Москва вообще описана и поделена на разные круги общества не по действительному своему быту, а по идеалу, который создало из нее воображение сочинителя. <...> там, где сочинитель заглядывал в большой свет обеих столиц, — кисть ему изменяла» (с. 90–91, 94). Это была всеми ожидаемая критика. Бывший сотрудник «Сына отечества» и «Северной пчелы», Сомов с созданием «Литературной газеты» окончательно порывал с булгаринско-греческим кругом. Тем не менее, очевидно, всерьез опасаясь упреждающих действий Булгарина, он старался держать готовившееся в «Северных цветах» выступление против «Выжигина» в тайне и специально просил об этом цензора альманаха К. С. Сербиновича: «Я совершенно уверен в том, что от вас никто не узнает тайн, исповедываемых вам на духу литературными грешниками, от них же первый емь аз; но Булгарин как-то всегда узнавал прежде печати то, что ему должно было узнать после...» (Вацуро В. Э. К истории пушкинских изданий. (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // ПИМ. Т. 6. С. 293; Вацуро. С. 183). Реакция Булгарина не заставила себя ждать. Достаточно высоко оценив альманах в целом, Булгарин обрушился на «Обозрение». Ядовито заметив, что Сомов «не мастер этого дела», он обвинял Сомова в необъективности: «...быв сотрудником в редакции “Северной пчелы” и “Сына отечества”, слишком

хвалил сочинения издателей, а нынче, не будучи сотрудником, принялся бранить. <...> Журналов он не мог еще тронуть, ибо ему стали бы отвечать: зачем же вы не предупредили издателей в течение года, быв сотрудником, что журналы дурны, и зачем не *охорошили* их своими трудами? Но г. Сомов восхваляет до небес журналы “С<еверную> п<челу>” и “С<ына> о<тчества>”, а бранит кого? — известно, “Выжигина”! Туда и дорога этому бродяге, который в третьем издании намеревается разгуливать по России! Если этот Выжигин жив еще в Крыму, то он поблагодарит г. Сомову за доставление ему для его записок *оригинальной черты журнальной приязни*. Теперь прихлопнул “Выжигина”, а в будущем году пристукнет журналы! И дельно! Могут ли они идти хорошо без сотрудничества О. М. Сомова? Слышно уже, что издатели “Сев<ерной> пчелы” и “С<ына> о<тчества>” в крайнем отчаянии и что один из них с горя даже намерен сделаться элегическим поэтом, а за неумением подбирать рифмы, станет писать без рифм, в древнем роде. Бедные издатели “С<ына> о<тчества>” и “С<еверной> п<челы>”!» (СПЧ. 1830. № 4, 9 января; отзыв Булгарина о “Северных цветах” на 1830 г. см. также: наст. изд., с. 216). Намек, скрытый в последних словах, был пояснен в печати А. Ф. Воейковым: «В последних строках наметка на стихотворения барона Дельвига, который по большей части пишет без рифм, в древнем роде. И как не побранить его? Он думает быть самостоятельным, а не вассалом в словесности! Он дерзнул принять в товарищи по изданию “Сев<ерных> цветов” того *Сомова*, которого объявили hors de la loi <вне закона — франц.> *Греч* и *Булгарин*! Он осмелился издавать в России новую литературную газету тогда, как одна газета, издаваемая *Гречем* и *Булгаринным*, существовать должна! Он святотатец: он не благоговеет пред мнением издателей “Сев<ерной> пчелы” о книгах... и даже, о верх беззакония! иногда им противоречит и мужественною рукою раздирает их приговоры. Как же не побранить его?» (Славянин. 1830. Ч. 13, № 2/3. С. 152–153).

Другие задетые Сомовым журналисты были столь же резки и недоброжелательны в своих оценках. «Не заглядывая даже на подпись имени, увенчивающую оное, — писал об «Обозрении» Н. И. Надеждин в «Вестнике Европы», — с первых двух строчек можно распознать в нем дальновидный взгляд *О. М. Сомова*, забившего уже себе многократными опытами славу охотника обзирать и — не мастера видеть» (1830. Ч. 196, № 2. С. 163; отзыв Надеждина о «Северных цветах» на 1830 г. см. также наст. изд., с. 219). Не замедлил с ответом и Н. А. Полевой в «Московском телеграфе»: «Отлично уважая другие литературные труды и доброе намерение О. М. Сомова, скажем, однако ж, почтенному обзирателю, что из его обзоров мы никогда многому не научались, но никогда же и не исполнил он своего дела так плохо, как в нынешнем году. Его обозрение литературы прошлого года есть полное собрание мнений устарелых, характеристик неверных и мыслей самых обыкновенных» (1830. Ч. 31, № 1. С. 77). Как пример Полевой, в частности, приводил рассуждения Сомова о Пушкине, «особливо о “Полтаве”» (Там же. С. 78; отзыв Полевого о «Северных цветах» на 1830 г. см. также наст. изд., с. 218). В «Московском вестнике» Сомову указывали, что «критика — не его дело», и упрекали в отсутствии «разнообразных сведений, твердых правил» (1830. Ч. 1, № 3. С. 293; отзыв «Московского вестника» о «Северных цветах» на 1830 г. см. также наст. изд., с. 222). «В нынешней статье, как и в прежних, — писал, в свою очередь, М. А. Бестужев-Рюмин, — г. Сомов решительно доказал, что он в совершенстве обладает неподражаемым качеством: в огромной статье (114 стран<иц>) не сказать ничего! В ней, как и в тех, говоря собственными его выражениями, он жует тупыми зубами произведения наших писателей и изумляет отличительными признаками своего безвкусыя. В ней, как и в тех, он пишет по диктовке оскорбленного авторского самолюбия; хочет блеснуть сведениями, которых не имеет; хочет выказать, вылить так сказать, все остроумие — но, весьма скудное в своем ораторе, оно обращается

в плоские фразы, начиненные бессвязными речениями и отрицательными качествами здоровой логики» (СМерк. 1830. Т. 1, № 3, 6 января. С. 11; еще один отзыв «Северного Меркурия» о «Северных цветах» на 1830 г. см.: Т. 1, № 13, 29 января; наст. изд., с. 221). См. также отклики на сомовский «Обзор» в «Галатее» (1830. Ч. 12, № 8. С. 78–89) и в «Славянине» (1830. Ч. 13, № 2–3. С. 151–154).

Печатаемый в настоящем издании отрывок из «Обозрения» Сомова посвящен разбору пушкинской «Полтавы» и направлен против ее критиков, в первую очередь, против рецензии в «Атенее» (1829. Ч. 2, № 8. С. 173–194; наст. изд., с. 145–154), статьи Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» (1829. Ч. 164, № 8. С. 287–302; Ч. 165, № 9. С. 17–48; наст. изд., с. 157–175) и, по-видимому, статьи Ф. В. Булгарина в «Сыне отечества и Северном архиве» (1829. Т. 3, № 15. С. 36–52; № 16. С. 102–110; наст. изд., с. 132–142).

¹ *Протей* — см. примеч. 1 к «Обзору российской словесности за 1828 год» О. М. Сомова — наст. изд., с. 381.

² Описание казни Кочубея восходит к поэме Байрона «Паризина» («Parisina», 1816), возможно, через посредство поэмы К. Ф. Рыльева «Войнаровский» (1825). См.: *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рыльева. Киев, 1912. С. 284–285; *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 213.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ФОН-ВИЗИНА

<Отрывки>

ЛГ. 1830. Т. 1, № 2, 6 января. С. 11–14; приводимые отрывки — с. 11–12, 13.

Отрывки первой редакции монографии П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине печатались в № 2, 3, 17 и 40 «Литературной газеты» за 1830 г. Вяземский передал в газету также неопубликованный фонвизинский «Разговор у княгини Халдиной» (ЛГ. 1830. Т. 1. № 3, 11 января. С. 17–20). Книга Вяземского, содержащая обширные авторские рассуждения по самым дискуссионным и животрепещущим в литературной среде конца 1820–1830-х гг. вопросам, в частности о связи литературы и общества, о преемственности литературы, о независимости писателя, о «литературном аристократизме» и т. д., не укладывалась в узкие границы чисто биографического сочинения. Основной тезис, развиваемый Вяземским в опубликованном в «Литературной газете» введении к книге, заключается в утверждении, что русское общество еще не выразилось вполне в своей литературе: «Вы должны искать следов его в истории двора, в истории походов, в истории успехов гражданственности <...>. Какое может быть на народ влияние литературы, не имеющей эпопеи, театра, романов, философов, публицистов, моралистов, историков?» (с. 12). Вместе с тем, считает Вяземский, неверным было бы полагать, что литература в России, со своей стороны, вовсе не является выражением общества. Против такого утверждения говорит хотя бы очевидное господство в русской литературе поэзии лирической. «Общество наше, — пишет Вяземский, — гражданственность наша образовалась победами. <...> На полях сражений купили мы свою грамоту дворянства. При громах Полтавской победы совершилось наше уже неоспориваемое водворение в семейство европейское. Сии грома, сии торжественные победные молебствия ото-звались в поэзии нашей и дали ей направление» (Там же).

Публикация фрагментов из книги Вяземского сразу вызвала полемические отклики. Н. А. Полевой, уже окончательно определившийся к 1830 г. в своей антидворянской позиции, был раздражен услышанными им в рассуждениях Вязем-

ского «аристократическими» нотками и очевидным стремлением автора подчеркнуть культурное значение дворянской верхушки XVIII в. Он откликнулся на публикацию отрывков из книги о Фонвизине в фельетоне «Слава, нас учили, — дым», где пародировал даже прозаический стиль Вяземского: «Впопад начать, да и начать на беду школьным педантам, конечно, дело удачи, но удачи гениальной, скажем проще — вековой. Начавшись дворянскою грамотою, данную нам на *европеизм* под Полтавою, наша литература захрясла было, но теперь она разрыхлила землю и пустила корень в мир, и прибавим, корень добрый. Пусть кажется она галлицизмом невеждам; мы не примем этого прозванья, неверно прилагаемого, и поспорим за вселеннизм ее. Карамзин умел выучить нас писать, научил и читать, прихотя Европу к своему творению. Европа повадилась читать гениев: он угодил ее повадке. Байрон высказан у нас лучше подлинника, а Дельвиг, конечно, вышибет рапиру у лучшего элегиста и идиллиста Европы. Правда, трагедия наша не столкнет Шекспира с его жертвенника, где теперь молятся ему поклонники романтизма, но приволье стихов Языка не даст нам пожалеть о Муровых мелодиях. Пусть только не втесняются к нам с своевольным нахальством из нижних рядов да выучатся хлопать в театре нашим водевилям, то мы заведем Благородное собрание литературы. Пусть наш Катенин доскажет свою теорию словесности — мы распрошаем с Шлегелями; пусть Пушкин допоет “Онегина” — мы не позавидуем “Дон-Жуану”; пусть родится для исторических романов человек, подобный Погорельскому, — мы отхлопаем Вальтер-Скотта в польском (то же, что полонез. — *Ред.*), какой ведут гении из страны в страну» (МТ. 1830. Ч. 33. Новый Живописец общества и литературы. № 12. С. 214—215). В «Сыне отечества и Северном архиве» также появилось пародийное «Введение в биографию Патрикеича»: «Словесность наша, стиснутая насильственным напряжением умов в тесном кругу общества неотборного, едва ли может назваться выражением точным образа мыслей лучшего круга, в котором Дидерот в 18-м веке тщетно искал представителей неподложных народного быта. Наши стихотворцы, как дети, катающиеся на коньках, едва касающиеся поверхности гладкого льда, редко попадают в существо внутреннее воды, на поверхности которой приманчивая твердость образуется, да и попадают туда на погибель совершенную. Тщетно ищут они с музами народными союза твердого и законного. Удаленные от высшего круга и его требований взыскательных, слишком брезгующие обществом простолюдинов, хотя необразованных, но замысловатых и остряков, сии подкидыши просвещения продолжают путь трудный в веригах правил школьных и в конце поприща едва ли слышат рукоплескание доморощенных своих доброхотов, из учтивости прикрывающих платочком зевоту, наведенную произведениями неестественными и надутыми. Еще не составились у нас звенья цепи неразрывной, которая, начинаясь от высшей точки, простиралась бы до народных дрождей (дрожей. — *Ред.*) ума и чувства неподкупного. Мы должны ограничиться или писателями паркетными, которым улыбка притворная вельможи заменяет улыбку музы живой и прихотливой, или изливаниями непритворного чувства души, не связанной школьными правилами и доступной внушениям картин, не дописанных природою, предоставляющею, так сказать, любимцам своим проводить последние черты по очеркам ее, и светлым, и естественным. Вот почему подле поэтов придворной славы, Ломоносова, Петрова, Державина, Капниста, подле поддельных стихотворцев идиллических (натужившихся и, так сказать, поднявшихся на цыпочки, чтоб разглядеть из дворцовых окон природу нераскрашенную в утреннем ее костюме привлекательном), каковы были Богданович и некоторые другие, представляются зоркому взгляду наблюдателя поэты народные по превосходству, не отделяясь от поэтов, которых бы желалось нам назвать *стихотворными полотерами*, никакою чертою яркою, никаким посредничеством замечательным», и т. д. (1830. Т. 11, № 14. С. 113—115).

Первоначально Вяземский предполагал издать свою биографию Фонвизина в качестве сопроводительной статьи к предпринятому в 1830 г. московским книгопродавцом И. Г. Салаевым четырехтомному полному собранию фонвизинских сочинений (см. объявление Салаева о выходе первых двух частей — МВед. 1830. № 21, 12 марта). Однако работа над рукописью затянулась. По этому поводу иронизировал Н. А. Полевой в рецензии на выход заключительных томов салаевского издания: «Лети, лети, медленное время; пиши, смелое перо князя Вяземского; двигайтесь скорее станки в типографии Селивановского; являйся, дорогое дитя — плод семилетнего труда и двадцатидвулетнего занятия литературного! Мы ждем тебя, мы лелеем тебя надеждами, готовимся к твоему явлению, достопамятному не менее идиллий нашего Феокрита — Дельвига, песен нашего Беранже — Языкова и послания Пушкина к <князю> Н. Б. Ю<супову>» (МТ. 1830. Ч. 34, № 13. С. 76). Пушкин на протяжении ряда лет следил за работой Вяземского над жизнеписанием Фонвизина, постоянно интересовался ею, сообщая свои критические замечания и советы, и высоко ценил ее. Так, например, в письме Пушкина П. А. Плетневу 11 апреля 1831 г. из Москвы книга Вяземского названа «едва ли не самой замечательной с тех пор, как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)» (XIV, 161). О работе Вяземского над книгой, а также об отношении к ней Пушкина см. подробнее: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине // Новонайденный автограф Пушкина М.; Л., 1968. С. 58—119. Отдельным изданием книга Вяземского вышла в свет лишь в 1848 г.

¹ Ромберг Хайнрих-Мария (Romberg, 1802—1859) — немецкий скрипач, композитор, певец, с 1827 г. выступал в Петербурге, впоследствии музыкальный директор петербургской Императорской оперы.

² Орфей — в греческой мифологии певец, своим пением и игрой на лире укрощавший диких зверей и приводивший в движение деревья и камни.

³ Имеются в виду военно-патриотические произведения В. А. Жуковского эпохи наполеоновских войн: «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806), «Певец во стане русских воинов» (1812), «Вождю победителей» (1812), «Императору Александру» (1814), «Певец в Кремле» (1816).

⁴ В 1822 г. Вяземский посвятил пушкинскому «Кавказскому пленнику» специальную статью (см.: СО. 1822. Ч. 82, № 49. С. 115—126; П. в критике, I. С. 124—128). По цензурным причинам в ней он обошел молчанием эпилог поэмы, который в частной переписке критиковал именно за проявление в нем «торжественной», «воинственной поэзии»: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он,

— Как черная зараза,
Губил, ничтожил племена?

От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны, и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны быть никогда славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг — настоящий анахронизм» (письмо к А. И. Тургеневу от 27 сентября 1822 г. — ОА. Т. 2. С. 274—275). М. Ф. Орлов в письме к Вяземскому от 9 ноября 1822 г. уподоблял эпилог «Кавказского пленника» сочинению «поэта-лауреата (lauréat)» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 236; П. в критике, I. С. 379); ср. в «Введении к жизнеописанию Фон-Визина» Вяземского: «Ломоносов, Петров, Дер-

жавин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьем, или праздновавшего победы, или готовившегося к новым. Они поэты присяжные, поэты laureat победы еще более, чем двора» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 2, 6 января. С. 12).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»
О НЫНЕШНЕЙ СЛАВЕ РОССИИ В ЧУЖИХ КРАЯХ

<Отрывок>

МВ. 1830. Ч. 1, № 1 (выход в свет 8 января — Летопись Боратынского. С. 237). С. 116—118; приводимый отрывок — с. 117. Из раздела «Смесь». Без подписи.

Раздел «Смесь» № 1 «Московского вестника» за 1830 г. включал рубрику «Отрывки из частных писем». «Под сим заглавием издатель, желая поделиться свежими заграничными известиями о разных любопытных предметах с своими читателями, будет помещать отрывки из писем к нему и его знакомым от наших путешественников по Италии, Франции и Германии», — писал в редакторском примечании М. П. Погодин (с. 111). Подборка «О нынешней славе России в чужих краях» включала отрывки из адресованных М. П. Погодину писем Н. М. Рожалина от ноября 1829 г. из Дрездена и С. П. Шевырева от 27 октября из Рима (атрибуцию см.: *Стратен В. В.* Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в. // Ученые записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 103). Погодин опубликовал лишь небольшой фрагмент письма Шевырева. Более полный текст см.: *Осват А. Л.* К литературным отношениям Пушкина и С. П. Шевырева // Проблемы пушкиноведения: Сб. научн. трудов. Рига, 1983. С. 61—62.

По иронии судьбы содержащийся в письме Шевырева совет Пушкину «воспеть наши подвиги» прозвучал в печати почти одновременно с булгаринскими обвинениями Пушкину в нежелании прославить победы русского оружия (см., например, рец. на «Северные цветы» на 1830 г. — СПч. 1830. № 5, 11 января; наст. изд., с. 216; рец. на седьмую главу «Евгения Онегина» — СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

¹ Имеется в виду Адрианопольский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг. и подписанный 2/14 сентября. К моменту подписания договора русские войска находились уже вблизи турецкой столицы; однако Николай I по разным международным и внутривосточным причинам отказался от захвата Константинополя (см.: *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958. С. 324—337).

И. В. КИРЕЕВСКИЙ
ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1829 ГОДА

<Отрывки>

Денница на 1830 г. М., 1830 (выход в свет 9 января — П. в печати. С. 74). С. IX—LXXXIV; приводимые отрывки — с. XI—XII, XVI—XXIV, XXXIV—XL. Заглавие в оглавлении: «Обозрение русской словесности за 1829 год».

Замысел альманаха «Денница» принадлежал, по-видимому, М. П. Погодину. «На 1830 год издаю и альманах и журнал. Убедили друзья», — писал Погодин

30 сентября 1829 г. в Рим С. П. Шевыреву (РА. 1882. № 5. С. 114). В сентябре того же года материалы для готовящегося альманаха обсуждаются в переписке Баратынского и И. В. Киреевского с Погодиным (см. ниже примеч. 3). Однако уже в конце октября Погодин колеблется: «Об альманахе раздумываю, — пишет он 20 октября 1830 г. С. П. Шевыреву. — Как-то совестно и журнал, и альманах вместе» (РА. 1882. № 5. С. 117). Видимо, в это время замысел альманаха передается Максимовичу. Баратынский, уехавший в свое тамбовское имение Мару, в октябре—ноябре, не представляя, кто именно издает альманах и сколько альманахов издается, пишет отдельно Максимовичу и Погодину. Максимовичу он обещает первые же написанные стихи, перед Погодиным извиняется: «Домашние, непредвиденные мною хлопоты отвлекают меня от литературы, и, не имея возможности изготовить обещанные мною статьи для нашего альманаха, я принужден отказаться от участия в его издании. Маловажные стихотворения, которые я мог бы вам доставить, помогли бы вам не много, и в этом случае я обязан отдать себе справедливость» (Летопись Баратынского. С. 232). Переход издания к Максимовичу, несомненно, способствовал расширению числа участников. Максимовичу удалось привлечь в альманах, кроме круга «Московского вестника», лучшие литературные силы Москвы и Петербурга. Пушкин отдал в «Денницу» две первые сцены «Бориса Годунова», Вяземский — прозаическую статью «Отрывок из письма А. И. Г<отовцев>ой» и три стихотворения; Баратынский — отрывок из новой поэмы «Наложница»; Максимович получил также отрывок из трагедии А. С. Хомякова «Ермак», произведения А. А. Дельвига, Ф. Н. Глинки, Н. М. Языкова. На всех этапах в замысле и подготовке альманаха активно участвовал И. В. Киреевский. Его «Обозрение русской литературы», открывавшее альманах, стало значительным литературным событием.

Это программная статья молодого И. В. Киреевского, с наибольшей полнотой выразившая его эстетические взгляды рубежа 1820—1830-х гг. Она развивала ряд положений, намеченных еще в первой статье критика «Нечто о характере поэзии Пушкина» (МВ. 1828. Ч. 8, № 6; наст. изд., с. 73). Но если в первой статье Киреевский делил на три периода творчество одного поэта, то теперь такая триада, где третий, заключительный, этап развития выступает своего рода синтезирующим и высшим по отношению к двум первым, была применена к истории всей новейшей русской литературы в целом. Именно за эту рациональную философичность упрекал Киреевского В. А. Жуковский (см.: *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 23); ее же имел в виду Пушкин, когда говорил о «слишком систематическом умонстроении автора» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 8, 5 февраля. С. 63; XI, 103).

Некоторые суждения Киреевского создали ему непримиримых литературных врагов. Так, говоря о выходе двенадцатого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, одним из примечательнейших событий года, Киреевский подробно говорит о критиках «Истории», выделяя «род критиков, которым самая ничтожность их дает право на особенный класс: это *критики-невежды*». Их характеристику, следовавшую далее, Н. А. Полевой имел все основания отнести прямо к себе: «Равно бедные познаниями историческими и литературными, лишённые даже поверхностного понятия об общих положениях науки и совершенно бесчувственные к приличиям нравственным, они слабыми руками селятся пошатнуть творение вековое, переворачивают смысл в словах писателя великого, смеют приписывать ему собственное неразумие и хотят учить детским истинам мужа бессмертного, гордость России. Даже достоинство учености думают они отнять у «Истории» Карамзина и утверждают, что она писана для одних светских невежд, они, невежи несветские! Все бесполезно, что они говорят; все ничтожно, все ложь — даже самая истина; и если случайно она вырвется из уст их, то, краснея, спешит снова спрятаться в свой колодезь, чтобы омыться от их осквернительного прикосновения»

(с. XXXII—XXXIII). Кроме того, издатели «Московского телеграфа», везде видевшие и преследовавшие призрак аристократической кастовости, должны были быть раздражены многими высказываниями Киреевского, невзначай позволившего себе употребить даже и самую скандальную формулу «литературная аристократия». О С. П. Шевыреве в «Обзрении» сказано: «Теперь он только выступает на поприще; когда же жизнь и опыт положат последний венец вкуса на его счастливые дарования, тогда, конечно, он займет значительное место в нашей литературной аристократии» (с. XLIII). Немногом далее о поэзии Баратынского: «...если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка» (с. LIV). Еще дальше Киреевский обвинял авторов русских комедий в неоригинальности и незнании правил хорошего общества: «Наша сцена, вместо того чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая муза» (с. LXIV). В оценке стихотворений Дельвига Киреевский прямо противоречил мнению К. А. Полевого (см. его рецензию на «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829): МТ. 1829. Ч. 27, № 11), подчеркивая оригинальность и высокое поэтическое достоинство дельвиговских подражаний древним: «Его муза была в Греции; она воспиталась под теплым небом Атики; она наслушалась там простых и полных, естественных, светлых и правильных звуков лиры греческой; но ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного Севера, если бы поэт не прикрыл ее нашею народною одеждою, если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния — и не к лицу ли гречанке наш северный наряд?» (с. LIX). Очень резким был отзыв Киреевского о романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829): «Пустота, безвкусие, бездушность; нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток — вот качества сего сочинения, качества, которые составляют его достоинство, ибо они делают его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая от азбуки и катехизиса приступает к повестям и путешествиям» (с. LXXIII—LXXIV). Признавая, что «Выжигин» действительно хорошо раскупается, Киреевский сравнивал его с сонниками и книгой «О клопах», которые тоже «раскупаются во всех лавках» (с. LXXIV).

Критические отклики на «Денницу», и в первую очередь на «Обозрение» Киреевского, не заставили себя ждать. Первым в печати выступил оскорбленный Булгарин: «Опять альманах, и опять обозрение русской словесности! Снова явился строгий судья с решительными приговорами, с теориями, определениями, с лавровыми венцами для друзей и родственников, с тяжелым орудием для противников друзей его и родственников» (СПЧ. 1830. № 11, 25 января). Булгарин особо отмечал неумеренные похвалы молодого критика Жуковскому, Вяземскому и Пушкину, но «из уважения к ним» не решился даже повторять этих похвал, чтобы избежать обвинений «в неблагонамеренности и насмешливости»; он издевался над выражением Киреевского «душегрейка новейшего уныния» и даже подписал свою статью в «Пчеле» «Порфирий Душегрейкин». Над «душегрейкой», впрочем, смеялись почти все критики (см. примеч. 15 к «Опровержению на критики» Пушкина — наст. изд., с. 488). Булгарин не ограничился рецензией на «Денницу» в «Пчеле»: в тот же день, 25 января, в письме шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу он привел выписку с отзывом о «Иване Выжигине» из «Обозрения» Киреевского в доказательство того, что он, Булгарин, «преследуем в литературной и гражданской жизни литературными партиями и сонмом злоупотребителей», что он «подвергается в журналах жесточайшей брани и личностям». При этом Булгарин обращал внимание Бенкендорфа, что бранят не только его, но и «тех, *которые читали "Выжигина"*» (см.: Видок Фиглярин. С. 380—385). Н. И. Надеждин находил, что «Обозрение»

Киреевского «так закопчено куревом чадного фанатизма, что самая истина, если иногда проглядывает из него кое-где, едва не кажется ложью» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2. С. 170). К. А. Полевой посвятил опровержению мнений Киреевского специальную статью (МТ. 1831, № 2. С. 203–232; наст. изд., с. 224–226). См. также критические отклики газеты «Северный Меркурий» (1830. Т. 1, № 23, 21 февраля. С. 89–92; наст. изд., с. 226–228) и журнала «Галатея» (1830. Ч. 11, № 6. С. 322–337). Ругая Киреевского, критики мало внимания уделяли самому альманаху. В частности, помещенные в «Деннице» сцены из пушкинского «Бориса Годунова» упоминались, как правило, вскользь, в общих перечислениях, в одобрительном или достаточно нейтральном тоне. Исключение составляет, пожалуй, лишь отзыв Надеждина: «В так называемых “Сценах из «Бориса Годунова», успевшего уже изжить огромную славу еще до своего появления, мы — скажем откровенно — не могли никак признать *Пушкина*, сколько ни бились!» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2. С. 167).

Пушкину статья Киреевского понравилась. Он встретился с молодым автором 14 января 1830 г. у Жуковского и, как писал Киреевский родным, «сделал <...> три короба комплиментов» о его статье (см.: *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 24). В печати Пушкин откликнулся пространной статьей о «Деннице» в «Литературной газете» (Т. 1, № 8, 5 февраля. С. 57–59; без подписи; XI, 103–109), посвященной не столько самому альманаху, сколько «Обозрению» Киреевского, названному «замечательнейшей статьей» «Денницы», мнения которой выражены «резко и неожиданно».

¹ Прежде чем перейти к рассуждениям о творчестве Карамзина, Киреевский посвящает несколько слов Н. И. Новикову как одной из ключевых, по его мнению, фигур в истории русского просвещения, человеку, который «не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению». «...Не только вся европейская Россия, но и Сибирь начала читать, — пишет Киреевский. — Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*» (с. XIV–XV). Выступление Киреевского в память Новикова было особо отмечено современниками. Так, А. И. Тургенев, узнавший о статье Киреевского из разбора Пушкина в «Литературной газете», писал Вяземскому 2 июня 1830 г. из Парижа: «Кто таков Киреевский? Пришлите мне скорее его обозрение в “Деннице”. Не сын ли он приятельницы Жуковского? Не он ли будет жить или уже живет в Мюнхене? Высылайте его скорее в Европу: дайте ему дозреть! Я уже люблю его за Новикова <...>. Я всегда досадовал, что никто в истории нашего просвещения ни слова не сказал о Новикове, а он точно и просветитель, и мученик» (ОА. Т. 3. С. 202).

² См. примеч. 3 к статье П. А. Вяземского «Введение к жизнеописанию Фон-Визина» — наст. изд., с. 433.

³ В сентябре 1829 г. Киреевский писал Погодину: «Статьи об Жук<овском> не будет, а, вероятно, Баратынский даст какую-нибудь однородную и высокороднейшую. <...> Так как Баратынский намерен писать об истории непременно, так вот вместо Жук<овского>. Может быть, он напишет и о Батюшкове, и о Дельвиге!» (*Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Подгот. С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина. М., 1987. С. 187–188; Летопись Боратынского. С. 229–230). Планы Баратынского остались, однако, неисполненными. Он отдал в «Денницу» только один отрывок из своей новой поэмы «Наложница».

⁴ Имеется в виду сочинение французского историка Огюстена Тьерри (Thierry, 1765–1856) «Письма по истории Франции» («Lettres sur l'histoire de France». Paris, 1827).

⁵ Речь идет о 12-м томе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, изданном посмертно (СПб., 1829).

⁶ В последней сцене драмы В.-А. Гете «Эгмонт» («Egmont», 1788), приговоренному к смерти герою является видение Свободы в образе его возлюбленной, вручающей ему лавровый венок.

⁷ В конце своей статьи о «Деннице» Пушкин выписал эти слова Киреевского со следующим замечанием: «Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое *обозрение словесности*, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 8, 5 февраля. С. 66; XI, 109). Ср. впечатления Жуковского от статьи Киреевского: «Где нашел ты литературу? Какая, к черту, в ней жизнь? Что у нас своего? ты говоришь об нас, как можно говорить только об немцах, французах и проч.» (*Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 23).

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
«РАДУГА», ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ НА
1830 Г., ИЗДАННЫЙ П. АРАПОВЫМ
И Д. НОВИКОВЫМ
<Отрывок>

СМерк. 1830. Т. 1, № 5, 10 января. С. 17–20; приводимый отрывок — с. 17–19. Без подписи.

Альманах «Радуга» был издан драматургом и переводчиком, будущим историком театра П. Н. Араповым (1796–1861) и поэтом и прозаиком Д. И. Новиковым (1799–1831). Издатели напечатали в своем альманахе неопубликованное стихотворение Пушкина «К. А. Т<имаше>вой» («Я видел вас, я их читал...»), написанное еще в 1826 г. в альбом московской поэтессе Екатерине Александровне Тимашевой (1798–1881). Вероятно, издатели альманаха получили стихотворение при посредстве протежировавшего Тимашевой П. А. Вяземского. Сам Вяземский отдал Арапову и Новикову три стихотворения: кроме упоминаемого рецензентом «Три века поэтов» («Когда поэт еще невинен был...»), в «Радуге» были напечатаны «В альбом Кар<олине> Кар<ловне> Я<ниш>» («С стеснением чувств смотрю на ваш альбом...») и «Н* М* Д*». Присылке стихотворения «Простоволосая головка» («Вот вам портрет одной головки...»). Эти три стихотворения Вяземского и одно пушкинское рецензент «Северной пчелы» (Ф. В. Булгарин) называл «перлами этого альманаха» (1830. № 2, 4 января); в «Вестнике Европы» стихи Пушкина, «несмотря на громкое имя», не были выделены из «литературного хлама», наполнявшего, по мнению рецензента, большую часть стихотворного раздела альманаха (1830. Ч. 169, № 1. С. 80).

¹ Имеется в виду объявление в разделе «Смесь» «Московского телеграфа» (1829. Ч. 30, № 21. С. 103).

² *Бриарей* — в греческой мифологии один из титанов, чудовищное существо с пятьюдесятью головами и сотней рук.

³ В «Радуге» перепечатана «Эпиграмма» («Он с цветочка на цветок...») Д. В. Давыдова, впервые опубликованная в 1820 г. в «Сыне отечества» (Ч. 66, № 48. С. 80).

Ф. В. БУЛГАРИН

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

<Отрывки>

СПч. 1830. № 4, 9 января; № 5, 11 января. Подпись: А. В. С.

По самому характеру статьи она может быть уверенно атрибутирована Булгарину. Большая часть обширной рецензии на «Северные цветы» посвящена разгромному отзыву об «Обзрении российской словесности» О. М. Сомова (см. наст. изд., с. 429–430). Особенно раздражен был Булгарин, разумеется, холодным отзывом Сомова о его романе «Иван Выжигин». Посчитав, что критика Сомова выражает общее мнение враждебной «литературной партии», Булгарин ответил резким выпадом против всего пушкинско-дельвиговского круга: «Мы не хотим утверждать, что “Выжигин” не имеет недостатков, а желали только показать, что г. Сомов на них не наткнулся. Распространились же о “Выжигине” для того, что еще не было до сих пор сказано двух слов в его защиту. У наших доморожденных Вальтер Скоттов, Гёте, Байронов, Джонсонов и Аристофанов главный порок в “Выжигине” тот, что он *продается*, а не тлеет на полках вместе с их бессмертными творениями. А за нашими великими туда же и малые, по пословице: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Беда!» (№ 5).

¹ Первые альманахи, на 1825 и 1826 гг., носили заглавие «Северные цветы... собранные бароном Дельвигом, изданы Иваном Слениным»; в книжках на 1827 и 1828 гг. издателем числился А. А. Дельвиг, с 1829 г. имени издателя на титульном листе не обозначалось. Имени О. М. Сомова, с 1827 г. помогавшего Дельвигу в редакционной работе над альманахом, на титульном листе «Цветов» никогда не было. Не имеющий под собой реальных оснований выпад Булгарина, по-видимому, метил как раз в Сомова: Булгарин намекает, что издает и составляет альманах именно он, а не Дельвиг.

² Булгарин называет стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю...» и «Дар напрасный, дар случайный...» в соответствии с заглавиями, указанными в оглавлении «Северных цветов» (см. наст. изд., с. 428).

³ Внешне комплиментарный отзыв Булгарина имел очевидный, хотя и вряд ли понятный широкой публике политический подтекст. Стихотворение «Демон», в свое время восторженно встреченное читателями и критикой (см.: П. в критике, I, по указ.), к 1830 г. вызвало у властей ощущение неблагонадежности и вольномыслия. 14 ноября 1828 г. Вяземский обеспокоенно писал Жуковскому: «До меня дошел еще следующий слух. Бенкендорф, говоря о Пушкине, сказал, что он, Пушкин, меня называет своим Демоном, что без меня он кроток, а что я его пёну. Ты знаешь меня и Пушкина. Есть ли во мне какое-нибудь мефистофельство, и буде было бы, Пушкин такой ли человек, чтобы признаться, что есть в людях ключ, способный его заводить? Похоже ли подобное признание на самолюбие Пушкина? А между тем такой нелепый слух — одна из заповедей жандармских, дошедшая до меня с разных и достоверных сторон» (РА. 1900. Т. 1. С. 197). Ср. булгаринский донос на Вяземского, поданный в III Отделении 6 июня 1828 г.: «Князь Вяземский (Петр Андреевич), пребывая в Петербурге, был атаманом буйного и ослепленного юношества, которое толпилось за ним повсюду. Вино, публичные девки и сарказмы против правительства и всего священного составляют удовольствие сей достойной компании. Бедный Пушкин, который вел себя доселе как красная девица, увлечен совершенно Вяземским, толкается за ним и пьет из одной чаши...» (Видок Фиглярин. С. 299). Стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» вызвало полемический стихотворный ответ митрополита Филарета (В. М. Дроздова), где указывалось, что поэт сам испортил свою жизнь страстями и сомнениями:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана.
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И соизждется тобою
Сердце чисто, светел ум.

(Цит. по: Письма. Т. 2. С. 360).

Булгарин сравнивал, таким образом, одно, «неблагонамеренное» с точки зрения официальной церкви, стихотворение поэта с другим, политически «неблагонамеренным». Пушкин отказался присутствовать на чтении стихов Филарета у Е. М. Хитрово. «Мне невозможно сегодня предоставить себя в ваше распоряжение, — отвечал он на приглашение Хитрово, — хотя, не говоря уже о счастье быть у вас, одного любопытства было бы достаточно для того, чтобы привлечь меня. Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! — это, право, большая удача» (XIV, 57, 398; перев. с франц.). 19 января он ответил Филарету стихами «В часы забав и праздной скуки...», напечатанными позже в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 12, 25 февраля). Посылая этот номер «Литературной газеты» в Париж А. И. Тургеневу, Вяземский писал: «Ты удивишься на странице 94-й стихам Пушкина к Филарету: он был задран стихами его преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал (палинодия — стихотворение, отрицающее сказанное ранее. — *Ред.*) стихи Пушкина о жизни, которые нашел он у общей их приятельницы, Элизы Хитровой, пылающей к одному христианскою, а к другому языческою любовью» (ОА. Т. 3. С. 193).

Существует, однако, мнение, что отзыв Булгарина не преследовал сознательно цели политической дискредитации Пушкина. См.: Вацуро. С. 198, 270.

⁴ С обвинениями в отсутствии патриотизма, обращенными уже не только к Пушкину, но ко всем новым русским поэтам, выступил и Надеждин на страницах «Вестника Европы». В статье «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии» (переведенном с латыни отрывке его докторской диссертации) Надеждин писал: «...патриотический энтузиазм составляет как бы родовое непреложное наследие русской поэзии; и это нимало не удивительно, когда вековые предания и ежедневные опыты свидетельствуют, что национальный характер самого народа русского — отличается живою, пламенною, неизменною любовию к отечеству. <...> И — о несчастие!.. уже скудеет сие благородное стремление, гаснет сие небесное пламя, умолкает сия священная поэзия!.. <...> Какое странное превращение!.. Некогда безвестный ревнитель *Баяна, соловья старого времени*, услаждаясь и дымом отчизны, не поскучал вверить заунывным звукам злополучное поражение и поносный плен *Игоря*; ныне — когда будто по следам баснословным *Олега* торжествующая Россия уже готова была пригвоздить победоносный щит к стенам Константинополя, если б, смиловавшись над поверженным врагом, не победила самой себя христианским смирением и человеколюбием, — ныне ни один из певунов, толпящихся между нами, не подумал и пошевелить губ своих!.. Что это значит? Неужели в

груди их не бьется сердце русское! Неужели в жилах их не струится кровь русская?.. Увы! они сделались — *романтиками* и ничем не хотят быть более» (1830. Ч. 169, № 2. С. 145—146). В следующем номере журнала, рецензируя альманах Е. Ф. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село», Надеждин не без иронии замечал о напечатанном в нем пушкинском стихотворении «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»): «Стишки *из Гафиза*, на коих значится в подписи: *лагерь при Евфрате*, показывают, что наш любимый поэт вывез кое-что и из-за Кавказа на утешение наше» (Там же. № 3. С. 248).

ИЗ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»

ВОПРОС

СПч. 1830. № 6, 14 января. Без подписи.

Статья является репликой на пушкинскую заметку в № 3 «Литературной газеты» (11 января 1830 г.) «В одном из наших журналов дают заметить...» («<О журнальной критике>» — XI, 89). Написана, по всей видимости, Булгариным, который воспользовался неловким оборотом в статье Пушкина, чтобы продолжить дискредитацию «Литературной газеты» в глазах широкого читателя. Еще в № 3 (7 января) «Северной пчелы» Булгарин откликнулся на объявление о «Литературной газете». В объявлении было сказано: «Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в “Северных цветах”, будут постоянно участвовать в “Литературной газете”». (Разумеется, что г. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты). Булгарин в ответ писал: «Теперь мы получили письма от двух писателей, прозаика и поэта, не журналистов, которые поручают нам известить публику, что и они не могут участвовать в издании “Литер<атурной> газеты”, хотя и помещали свои статьи в “Северных цветах”, ибо участвуют в другом издании. Просим г. барона Дельвига не принять этого пояснения в дурную сторону и не думать, чтоб мы хотели вредить его изданию, объявляя, что у него не будет столько сотрудников, сколько имен сочинителей в “Сев<ерных> цветах”. Побыв долее на журнальном поприще, он увидит и узнает, что значат сотрудники!» Целью Булгарина было оттолкнуть читателей и подписчиков от «Литературной газеты», последовательно представляя ее органом узкой литературной партии, окруженным атмосферой литературного скандала (см. подробнее: Вацура. С. 196—197). В пушкинской заметке в № 3 «Литературной газеты» Булгарин, по-видимому, был задет и скрытым выпадом против «Ивана Выжигина». «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство, — писал Пушкин, — не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочим «Иван Выжигин»), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного».

¹ Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Чувства перед гробом государыни императрицы Марии Феодоровны, в ночи накануне погребения тела ее величества» (отд. изд.: СПб., 1828). Отрывок перепечатан в «Московском вестнике» (1828. Ч. 12, № 21/22. С. 192). Упоминание здесь и далее журнала А. Ф. Во-

ейкова «Славянин», по-видимому, должно восприниматься в связи с формулой «знаменитые друзья» (см. о ней примеч. 6 к статье Н. А. Полевого «Новые альманахи» — наст. изд., с. 443): именно Воейков в свое время, будучи редактором «Сына отечества» объявил о участии в его журнале «знаменитых его друзей», имея прежде всего в виду Жуковского и Вяземского.

² Имеются в виду «Хор, петый девицами, воспитанными в Екатерининском институте, при последнем экзамене по случаю выпуска их 1826 года, февраля 20 дня» (ДЖ. 1826. Ч. 9, № 5. С. 215—216); «Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц при выпуске 1827 года» (Славянин. 1827. Ч. 1, № 9. С. 141—142); отрывки из «Илиады» (СЦ на 1829. «Поэзия». С. 76—119).

³ «Московский вестник» в 1829 г. издавался не ежемесячными книжками. За год было выпущено шесть тематических частей. В первой части, стихотворной, были напечатаны следующие сочинения Пушкина: «Подражания» (1. «В крови горит огонь желанья...»; 2. «Вертоград моей сестры...»), «Утопленник. (Простонародная сказка)» («Прибежали в избу дети...»), «Д<авыдов>у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма. (1824)» («Нельзя, мой толстый Аристип...»), «К ...<Баратынскому>» («Стих каждый повести твоей...»), «Отрывок из поэмы Мицкевича “Конрад Валленрод”» («Сто лет минуло, как Тевтон...»), «Чернь» («Поэт и толпа») («Поэт на лире вдохновенной...»).

Н. А. ПОЛЕВОЙ

НОВЫЕ АЛЬМАНАХИ

<Отрывки>

МТ. 1830. Ч. 31, № 1 (выход в свет 23 января — Летопись Боратынского. С. 239). С. 75—87; № 2 (выход в свет 11 февраля — Летопись Боратынского. С. 241). С. 233—238; № 3 (выход в свет 9—12 марта — МВед. 1830. № 21, 12 марта). С. 355—363; приводимые отрывки — № 1. С. 78—80, 81, 82; № 3. С. 355—357. Без подписи (см.: Шикло. С. 195; *Попкова Н. А.* «Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым»: Указатель содержания. 2-е изд. Саратов, 1990. Вып. 2. С. 49).

В первых номерах «Московского телеграфа» за 1830 г. печатался традиционный ежегодный разбор новых альманахов (в № 1 — «Северные цветы», «Денница» М. А. Максимовича, «Радуга» П. Н. Арапова и Д. И. Новикова, «Московский альманах» С. Н. Глинки; в № 2 — альманах Н. М. Коншина и Е. Ф. Розена «Царское Село» и «Альманах анекдотов» К. И. Зейделя; в № 3 — «Невский альманах» Е. В. Аладьина). Свое обозрение Н. А. Полевой начал с разбора изданий «пушкинского круга» — «Северных цветов» и «Денницы». Общая оценка обоих альманахов была достаточно критической: «...спрашиваем: какие главные недостатки замечают теперь в нашей словесности благомыслящие люди? Два главные суть: пустота и полемика. “Северные цветы” можно упрекнуть тем и другим; “Денница” по содержанию своему лучше, но, к сожалению, полемика тут вкралась в высочайшей степени. Вот потому-то мы опасаемся, чтобы по новым альманахам не вздумал кто-нибудь ворожить об участии словесности нашей на 1830-й год» (№ 1. С. 77). В излишней полемичности Полевой обвинил и напечатанные в обоих альманахах обозрения отечественной словесности; впрочем, ограничился здесь общей достаточно резкой оценкой (см. также наст. изд., с. 430). Подробный разбор «Обозрений»

О. М. Сомова и И. В. Киреевского был написан К. А. Полевым для № 2 «Московского телеграфа» (см. наст. изд., с. 224–226).

¹ Статья Вяземского представляла собой обработанный для печати отрывок из его письма к молодой костромской поэтессе Анне Ивановне Готовцевой (1799–1871), с которой Вяземский познакомился летом 1828 г. во время своей поездки в Кострому и которой некоторое время оказывал литературное покровительство (см.: Вацуро. С. 141–143).

² В журнальном тексте в этом месте следует опущенное в наст. изд. подстрочное примечание Полевого с примерами подобных «наставлений».

³ В указанном месте своей статьи Вяземский прямо намекал на Полевого, резюмируя, в частности, основные тезисы его статьи о Карамзине в № 12 «Московского телеграфа» за 1829 г., вызвавшей в пушкинском кругу негодование своим снисходительно-пренебрежительным тоном и нежеланием признавать за Карамзиным иного значения, кроме «исторического». Вяземский писал: «По многим из наших новейших писателей заметно глубокое и всеобъемлющее незнание того, что сделано предшественниками нашими. Как иные поют, так они пишут со слуха. Им русская литература знакома только с той эпохи, в которой они застали ее. Сказано было уже, что и Карамзин писатель старинный и век свой отживший; если верить некоторым слухам, то проза наша, мимо его, ушла далеко вперед. Ушла она, это быть может, только не вперед и не назад, а вкось. Набеги наших литературных наездников не подвинул прозы нашей; но зато, благодаря Бога, пример их не довольно увлекателен, чтобы дать ей общее обратное движение. Проза, являющаяся в новейших журналах, почти единственных хранилищах новейшей прозы, или совершенно бесцветна и безжизненна, или рдеет какою-то насильственной пестротой и движется судорожными припадками» (Денница на 1830 г. С. 130).

⁴ Под псевдонимом «Журнальный сыщик» печатались некоторые критические заметки Вяземского в «Московском телеграфе» в 1827 г. Тем же псевдонимом, однако, одновременно пользовались Н. А. и К. А. Полевые (см.: Гиллельсон М. И. Указатель статей и других прозаических произведений П. А. Вяземского с 1808 по 1837 год // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая. Горький, 1963. Вып. 58. С. 321–322).

⁵ По-видимому, в первую очередь Полевой намекает на «Послание к Каченовскому» (1818; опубл. 1821) Вяземского и вызванную им полемику (см.: *Вяземский П. А. Стихотворения*. Л., 1986. С. 475–476 (Б-ка поэта; Большая серия); коммент. К. А. Кумпан).

⁶ О происхождении формулы «знаменитые друзья» см.: П. в критике, I. С. 407; Полевой. С. 153–154. В полемике 1830 г. она употреблялась как ироническое обозначение писателей пушкинского круга. В дальнейших словах Полевого содержатся прямые выпады против Пушкина, Вяземского и Дельвига.

⁷ На выпады Полевого против Вяземского Пушкин отвечал заметкой в «Литературной газете» (Т. 1, № 10, 15 февраля. С. 81) «Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики...» («<О статьях кн. Вяземского>» — XI, 97), где отмечал, что в отличие от критических статей самого Вяземского, никогда не оскорбляющих личность его противников и отмеченных «печатью ума светского и тонкого знания общезития», нападающие на Вяземского журналисты всегда «преступают черту литературных прений». «Но должно ли на них негодовать? — продолжал Пушкин. — Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. — Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки,

непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав».

⁸ Имеется в виду статья «Отрывок из литературных летописей». См. о ней наст. изд., с. 384–385, 428.

⁹ В № 33 (16 марта) «Северной пчелы» за 1829 г. под видом «китайского анекдота» о ссоре китайских журналистов в «палате стихов и прозы Южной столицы» была иронически рассказана история конфликта Каченовского с Н. А. Полевым (см. о ней наст. изд., с. 384–385). Статья «Пчелы» перепечатана в «Московском телеграфе» (Ч. 26, № 5. С. 103–108).

¹⁰ В предыдущие годы «Невский альманах» иллюстрировался гравюрами, не всегда удачными. Например, на картинки к «Евгению Онегину» (рисунки А. В. Нотбека; гравировали Е. И. Гейтман, С. Ф. Галактионов, А. Збруев, М. А. Иванов, И. В. Ческий), помещенные в «Невском альманахе» на 1829 г., Пушкин написал эпиграммы — «Вот перешед чрез мост Кокушкин...» и «Пупок чернеет сквозь рубашку...». Ср. насмешливую критику этих картинок в анонимной рецензии журнала «Галатей» (1829. Ч. 2, № 8. С. 101–102).

¹¹ «Эти господа мы друг друга верно понимают, — писала в ответ «Литературная газета», — но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом?» (Т. 1, № 20, 6 апреля. С. 162). Роспись содержания «Невского альманаха» на 1830 г. см.: *Смирнов-Сокольский Н.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 142–143.

Н. И. НАДЕЖДИН

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

<Отрывки>

ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2 (выход в свет 1 февраля — МВед. 1830. № 9, 29 января). С. 162–166; приводимые отрывки — с. 162, 164–166. Подпись: N. N. Авторство Н. И. Надеждина раскрывается на основании его собственного свидетельства в рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» (ВЕ. 1830. Ч. 170, № 7. С. 200; наст. изд., с. 264).

¹ Во время своего заключения на о. Св. Елены (с декабря 1815 г.) Наполеон диктовал сопровождавшему его в изгнание графу Э.-А. Лас-Казу (Las Cases, 1766–1842) свои мемуары, изданные посмертно (*Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Ste.-Hélène....* Paris, 1822. 8 vol.).

² Пушкинские слова о «пьяных семинаристах» в «Отрывке из литературных летописей» были выпадом против Надеждина (см. наст. изд., с. 385–386).

³ Цитата из опубликованного в № 1 «Литературной газеты» «Отрывка из VIII главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, берега Тавриды ~ Зарему я воображал»). В полном издании романа 1833 г. Пушкин напечатал эти строфы в составе «Отрывков из путешествия Онегина».

⁴ Из восьми стихотворений А. А. Дельвига, помещенных в «Северных цветах» на 1830 г., пять («Четыре возраста фантазии», «Грусть», «Слезы любви», «Удел поэта», «Изобретение ваяния») написаны гекзаметром, его любимым стихотворным

размером. Кроме них, в альманахе напечатаны гекзаметры П. А. Катенина («Элегия» («Феб и музы! нет вам жестокостью равных...»)) и М. Д. Деларю («К Неве», «Ангелу-хранителю», «Слеза любви (б<аронессе> С. М. Дельви́г)»).

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ

<Отрывки>

СМерк. 1830. Т. 1, № 13, 29 января. С. 50—5. Подпись: Х.

¹ Об «Отрывке из литературных летописей» см. наст. изд., с. 384—385, 428.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

<Отрывки>

МВ. 1830. Ч. 1, № 3 (выход в свет 30 января—1 февраля — МВед. 1830. № 10, 1 февраля). С. 293—300; приводимые отрывки — с. 293, 297—299. Подпись: Пилад Белугин 2; перед текстом помета: «Сообщено».

Большая часть рецензии посвящена полемике с О. М. Сомовым; отсюда и псевдоним автора, пародирующий имя и фамилию Ореста Сомова (впервые псевдоним «Пилад Белугин» был использован А. И. Писаревым в 1825 г. в полемике с О. М. Сомовым вокруг «Горя от ума», см.: Масанов. Т. 1. С. 154). В статье отражена общая оценка альманаха в кругу «Московского вестника». Ср., например, мнение С. П. Шевырева о русских литературных новостях, высказанное в письме к С. А. Соболевскому от 15/27 февраля 1830 г. из Рима: «Главное: “Северные цветы”. Еще сам не все прочел. Вот тебе “Зимний вечер” Пушкина: это, по-моему, лучшая из его пьес в “Цветях”. <...> “2-ое ноября” занимает второе место. Это картина зимы русской в деревне. “26-ое мая” никак не может стать наряду с “Демоном”. Весна из “Онегина” мне не нравится. В первой строфе хороши “прозрачные леса”, а следующие 4 строфы — болтанье. Мила идиллия Дельвига “Отставной солдат”. Впрочем, “Цветы” беднее против прежних. Много однообразного, скучного. Явился новый поэт Деларю. Какие-то Карцовы, Носковы переводят Байрона. В “Прозе”: “Обозрение” (раз<умеется> глупое) Сомова. С сожалением увидел имя Пушкина под статью “Отрывок из литературных летописей”. Грех бы ему мешаться в эти дрязги. Коль он туда же, так прочие-то и подавно. Ругается с Каченовским. С кем связался?» (ЛН. М., 1934. Т. 16—18. С. 744).

М. П. ПОГОДИН

ИЗВЕСТИЯ, ЗАМЕЧАНИЯ, АНЕКДОТЫ

МВ. 1830. Ч. 1, № 3 (выход в свет 30 января—1 февраля — МВед. 1830. № 10, 1 февраля). С. 309—321; приводимые фрагменты — с. 315—318; Подпись: М. П.

¹ Имеется в виду заметка Пушкина «<О переводе романа Б. Констана „Адольф“>» («Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман...») (ЛГ. 1830. Т. 1, № 1, 1 января. С. 8; XI, 87). «Любопытно видеть, — писал Пушкин, — каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы». Перевод Вяземского был издан в 1831 г. с посвящением Пушкину.

² *Первая ода Ломоносова* — «Ода блаженныя памяти государыне Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» была написана Ломоносовым во Фрейберге (Германия) и послана в Петербург с приложением «Письма о правилах российского стихотворства», где были сформулированы основные правила силлабо-тонического стихосложения. По словам В. Г. Белинского, эту оду Ломоносова должно считать «началом русской литературы» (Белинский. Т. 10. С. 8).

³ Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794. Ч. 1—6 (2-е изд. СПб., 1806—1822. Ч. 1—6) — первый толково-нормативный словарь русского литературного языка.

⁴ Имеются в виду московские публичные лекции А. Ф. Мерзлякова по теории литературы (первый курс Мерзляков читал весной 1812 г., второй, из 24 лекций, начал в конце 1815 г.), включавшие разборы сочинений новейших русских авторов (Хераскова, Державина, Сумарокова, Озерова); фрагменты публиковались в журналах «Вестник Европы» (1812, 1813, 1817) и «Амфион» (1815).

⁵ История государства Российского. СПб., 1818. Т. 1—8; 1821. Т. 9; 1824. Т. 10, 11; 1829. Т. 12.

⁶ Сцена «Ночь. Келья в Чудове монастыре» — первый появившийся в печати отрывок из трагедии «Борис Годунов» (МВ. 1827. Ч. 1, № 1).

⁷ Имеется в виду прежде всего журнал Карамзина «Пантеон иностранной словесности» (1798; переизд. 1818), задуманный как собрание переводов из разных источников.

⁸ Отношение Погодина к «Литературной газете» было критическим; с самого начала он обвинял ее в партийности и «аристократизме». Ср. высказывания о ней в его письмах к С. П. Шевыреву: «В Пет<ербурге> затевается пятидневная газета; сотрудники Пушкин, Дельвиг, Вяземский, Сомов, Жуковский, с целью действовать против Пол<евого> и Булгарина. Ага! Как стали кусать их, так поднялись; а нам не помогали. Литераторов — горсть; война великая поднимается в журналах. <...> Титов и Од<оевский>, верно, передадутся к той аристократической партии, газете. Признаюсь, мне больно. Кир<еевский> выезжает 3 января. Он, вероятно, станет участвовать также там, как сектант в душе» (РА. 1882. № 5. С. 124—125; письмо от 23 декабря 1829 г.); «В Пет<ербурге> выходит „Лит<ературная> газета“ (титularный советник без имени, как говорит Греч), изд<атель> Дельвиг. Следовательно, ты перечтешь сотрудников. В явившихся нумерах несколько порядочных еще только стихов, но прозаических. Статейки слабейшие, младенческие понятия о теориях» (Там же. № 6. С. 130; письмо от 27 января 1830 г.); «„Лит<ературная> газета“ слаба, и критика ее ничтожна: наши патриции не знают, где Восток в искусствах и науках. Есть только хорошие стишки, и то у меня больше. Подписч<иков> у нее нет» (Там же. С. 134; письмо от 19 февраля 1830 г.).

⁹ См. статью «Вопрос» и примеч. к ней — наст. изд., с. 216, 441.

К. А. ПОЛЕВОЙ
**ВЗГЛЯД НА ДВА ОБОЗРЕНИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1829
 ГОДА, ПОМЕЩЕННЫЕ В «ДЕННИЦЕ»
 И «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТАХ»**

<Отрывок>

МТ. 1830. Ч. 31, № 2 (выход в свет 11 февраля — Летопись Боратынского. С. 241). С. 203—232; приводимый отрывок — с. 204—209.

Статья посвящена разбору «Обозрения российской словесности за первую половину 1829 года» О. М. Сомова, напечатанного в альманахе «Северные цветы» на 1830 г., и «Обозрения русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского, напечатанного в альманахе «Денница» на 1830 г. «Обозрению» Сомова, определенному как «род библиографической переключки» (с. 204), критик при этом почти не уделяет внимания, направив весь свой полемический запал на борьбу с суждениями Киреевского. К. Полевой опровергает практически все, и общие, и частные, мнения Киреевского. Сама концепция развития русской литературы, предложенная Киреевским, его жалобы на оторванность русской словесности от образованности и вкусов «большого света» неприемлемы для Полевого своим «аристократизмом»: «Во многих местах своего “Обозрения”, — замечает Полевой, — г. Киреевский дает заметить, что в литераторах наших нет остроумия, вкуса, слога, жизни оттого, что они не принадлежат к так называемому лучшему обществу, или большому свету <...>. Справедлив ли упрек, что литераторы наши чуждаются большого света? Не знаем, но искренно желали бы подтвердить сие. Большой свет никогда не был рассадником дарований и, напротив, много раз убивал самые счастливые надежды» (с. 226). В противовес триаде Киреевского (Карамзин—Жуковский—Пушкин) Полевой в нескольких словах намечает иную схему русского литературного развития, основной акцент в которой переносится с влияния ярких творческих индивидуальностей на «среднее состояние», — условно говоря, «демократические» слои, распространяющие образованность «в том отделе нашего общества, где она производит многозначашие, прочные успехи», создающие публику «не придворную». Именно эту антисловесную направленность подчеркивает Полевой и в деятельности Новикова (о связи различных концепций литературы XVIII в. с полемиками 1830-х гг. см., например: Вацуро В. Э. К вельможе // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 184—186; Куприянова Е. Н. Н. А. и К. А. Полевые // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 258—259). Существование в отечественной словесности эпох, определяющихся влиянием Жуковского и Пушкина, Полевой признавать отказывается: «После Карамзина у нас не было уже ни одного писателя, увлекавшего за собою всю литературу и с нею публику...» (с. 209). Более того, по мнению критика, Киреевский забыл влияние, «важнейшее всех других, составляющее основной характер нынешней литературы русской» — «влияние новейшей философии, обратившейся у нас в критицизм» (с. 211). «После 1820-го года, — поясняет Полевой, — в русской литературе появился дух изыскательности, или, сказать общее, критицизма, основанного на истинной философии. Вот отчего мы начали глядеть неомраченными глазами на все литературы, вот отчего разрушились для нас французские пиитики, пали многие незаслуженные славы, и вот причина нынешнего бурного состояния нашей словесности. И г. Киреевский, и г. Сомов жалуется на неприличность нынешней полемики; правда, что тона полемики нашей похвалить нельзя, но нельзя ей и не порадоваться! Не благо ли уже одно то, что у нас теперь нельзя получить лаврового венка за два-три гладкие стихотворения и за несколько страничек опрятной прозы? Не благо ли та смелость, с какою срывают ныне маски с мнимых дарований, с поддельной учености и обнажают

небывалые заслуги? <...> Не думаем также, чтобы в настоящее время неприличность критики происходила от того, что ею занимаются не одни поклонники знаменитости. Гг. Киреевский, Сомов и князь Вяземский (поместивший в "Деннице" какие-то учебные наставления) беспрестанно толкуют о хорошем тоне, о соблюдении приличий и в то же время сами бранятся, право, не хуже других...» (с. 211—212). «У людей знатных, — отчетливо формулирует свою третьесословную позицию Полевой, — с весьма немногими исключениями литература всегда останется делом посторонним: они заняты своим честолюбием, своею службою, своими отношениями. <...> Напротив, для низших классов литература есть та стихия, которую они сближают с человечеством. Она просветит их ум, образует их чувства и покажет им обязанности их к Богу, к царю, к отечеству» (с. 229).

¹ Имеется в виду «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785), которой Екатерина II подтверждала указ Петра III 1762 г. о вольности дворянства и даровала значительные личные, имущественные и сословные привилегии.

² Речь идет о созданной Н. И. Новиковым и его единомышленниками (А. М. Кутузовым, И. П. Тургеневым, братьями Лопухиными, князьями Трубецкими и др.) в 1784 г. Типографической компании (фактически действовала еще с 1779 г.), ставившей перед собой широкие просветительские задачи. Кроме того, Типографическая компания, выпускавшая почти четверть книжной продукции того времени, заложила основы нового коммерческого книгоиздательства. В результате расследования деятельности московских масонов, предпринятого по прямому приказу Екатерины II, Типографическая компания была вынуждена прекратить свое существование, новиковские типографии закрыты, а сам Новиков в 1792 г. арестован (пробыл в тюрьме до вступления на престол Павла I в 1796 г.).

³ «Славный Ленц», по словам Киреевского, «надежда и удивление просвещенной Европы», — Якоб Михаэль Рейнхольд Ленц (Lenz, 1751—1792), немецкий писатель-драматург, один из теоретиков литературного движения «Бури и натиска». Ленц с 1780 г. жил в России. В связи с берлинским изданием сочинений Ленца 1828 г. во французском журнале «Le Catholique» за 1829 г. появилась статья о нем известного французского публициста Ф. д'Экштейна (Eckstein, 1790—1861), к которой отсылал читателей «Денницы» Киреевский.

⁴ «Московский журнал» — первое журнальное предприятие Н. М. Карамзина; издавался в 1791—1792 гг.

⁵ Речь идет об Александре Андреевиче Петрове (1763—1793), писателе, переводчике, близком к кругу Новикова, друге Карамзина, оказавшем на него большое влияние.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»
«ДЕННИЦА», АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД,
ИЗДАННЫЙ М. МАКСИМОВИЧЕМ

<Отрывок>

СМерк. 1830. Т. 1, № 23, 21 февраля (дата ценз. разр. 22 февраля). С. 89—92; приводимый отрывок — с. 90—92. Без подписи.

Большая часть рецензии посвящена отзыву об «Обзрении» Киреевского, причем цитаты в основном выбираются рецензентом именно из той части «Обзрения», в

которой говорится о Пушкине (см. наст. изд., с. 211–214). В остальном оценка альманаха скорее доброжелательная.

¹ «По небу тучи громовые ходят...» — единственное стихотворение А. А. Дельвига, отданное им в «Денницу»; было послано М. А. Максимовичу при письме от 12 декабря 1829 г. (см.: Дельвиг. Соч. С. 339).

² Речь идет о стихотворении С. С. Тепловой «К***» («Слезами горькими, тоскою Твоя погибель почтена...»), которое, по слухам, было посвящено памяти казненного К. Ф. Рыльева. За пропуск этого стихотворения в печать цензор «Денницы» С. Н. Глинка подвергся взысканию. Издатель альманаха М. А. Максимович, вынужденный давать подробные объяснения, заявил, что элегия написана на смерть утонувшего юноши-студента. Этот эпизод получил широкую огласку. Так, П. А. Вяземский писал в Париж А. И. Тургеневу 25 июня 1830 г.: «В “Деннице”, на странице 121-й, найдешь ты стихи девицы, за которые московский Глинка, цензор, просидел неделю на гауптвахте <...>. Это стихи на смерть какого-то студента утопившегося, а им дали политическое перетолкование» (ОА. Т. 3. С. 209; см. также: Письма. Т. 2. С. 390; Вацуро В. Э. Жизнь и поэзия Надежды Тепловой // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 391).

³ На самом деле это было сказано не Каченовским, а Н. И. Надеждиным в рецензии на «Северные цветы» на 1830 г. (ВЕ. 1830. Ч. 196, № 2. С. 163) по поводу «Обозрения российской словесности за первую половину 1829 года» О. М. Сомова.

⁴ Намек на семейные и родственные связи семьи И. В. Киреевского с В. А. Жуковским (Жуковский принимал близкое участие в судьбе матери Киреевского А. П. Елагиной, приходившейся ему племянницей, и в воспитании ее детей).

⁵ Цитируется басня «Метафизик» («Метафизический ученик») И. И. Хемницера в редакции В. В. Капниста (по изданию «Басни и сказки И. И. Хемницера» 1799 г.). Интересно, что на эту басню Хемницера ссылался в свое время и Пушкин, говоря об участниках «Московского вестника»: «“Моск<овский> вестн<ик>” сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая?» (письмо к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 г. — XIII, 320).

⁶ Неточная цитата из «Метафизика» (редакция Капниста). У Хемницера:

А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять.

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ» «СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ НА 1830 ГОД»

<Отрывок>

Галатея. 1830. Ч. 12, № 8 (выход в свет 20–22 февраля — МВед. 1830. № 16, 22 февраля). С. 78–89; приводимый отрывок — с. 82. Без подписи.

Это одна из наиболее грубых рецензий на альманах. Так, об «Обозрении» О. М. Сомова рецензент пишет: «Все последующие годы обозрение русской литературы в “Северных цветах” прибрал к своим рукам г. Сомов и *обзирает* ее по-своему... Ждите после этого ароматов из цветника нашей словесности!» (с. 79). Разделом поэзии в альманахе критик также не доволен: «Перейдем к *поэзии* “Северных цветов” и посмотрим, много ли поэзии в этой *поэзии*? (Далее следует перечень авторов. — *Ред.*) <...> И только! “Как только? — возразит нам кто-нибудь, — но в “Северных цветах” есть стихотворения Пушкина, Баратынского,

б<арона> Дельвига?" Это ничего не доказывает или доказывает, что А. С. Пушкин поспешил на пьесы» (с. 83–84).

¹ Об «Отрывке из литературных летописей» см. подробнее наст. изд., с. 385–386, 428.

² Где именно Вольтер употребляет сочетание «vile prose» (презренная проза), ставшее, судя по всему, уже в XVIII в. устойчивым фразеологизмом, обнаружить не удалось. Ср. в «Предисловии к переводу Геродота» («Préface d'une traduction d'Hérodote», 1822) французского эллиниста и литературного критика П.-Л. Курье (Courier du Mèrè, 1778–1825): «C'est que vraiment la poésie est l'enfance de l'esprit humain, et les vers l'enfance du style, n'en déplaît à Voltaire et autres contempteurs de ce qu'ils ont osé appeler vile prose» (перевод: «На самом деле поэзия есть детство человеческого духа, а стихотворная речь — детство стиля, не в обиду будь сказано Вольтеру и прочим хулителям прозы, которую они имели смелость именовать презренной») (цит. по: Dictionnaire de la langue française. Par E. Littré. Paris, 1876. Т. 3. Р. 1367). В русском восприятии устойчивость сочетания «vile prose» поддерживалась употреблением его во французских переводах Байрона. См.: Рак В. Д. «Унижусь до презренной прозы...» // Русская речь. 1999. № 5. С. 9–17.

Ф. В. БУЛГАРИН

АНЕКДОТ

СПч. 1830. № 30, 11 марта. Без подписи.

Эта заметка явилась началом открытой полемической войны Булгарина с Пушкиным и писателями пушкинского круга, объединившимися вокруг «Литературной газеты». Поводом к появлению «Анекдота» послужила опубликованная 7 марта в № 14 «Литературной газеты» статья Дельвига об историческом романе Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830). Роман Булгарина поступил в продажу 17 февраля 1830 г. (СПч. 1830. № 21, 18 февраля). Ожидания публики были подготовлены заранее: в объявлении «Северной пчелы» о готовящемся издании «Димитрия Самозванца» (1829. № 135, 9 ноября) новое сочинение Булгарина прямо называлось «первым опытом» «оригинального русского исторического романа». Булгарин ревниво относился к первенству в области исторического повествования. Поэтому когда раньше булгаринского «Самозванца» в свет появился роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (М., 1829), он был встречен уничтожительной критикой «Северной пчелы» (СПч. 1830. № 7, 16 января, № 8, 18 января и № 9, 21 января). Автором статьи, обвинявшей роман Загоскина в исторических неточностях, анахронизмах, неправильностях языка и слога и даже грамматических ошибках, был сотрудник «Северной пчелы» А. Н. Очкин, но непосредственное участие в подготовке рецензии приняли сами издатели «Пчелы», Булгарин и Греч (см.: Греч Н. И. Фаддей Булгарин // Греч Н. И. Записки. М.; Л., 1930. С. 704; Видок Фиглярин. С. 384 (коммент. А. И. Рейтблата)). По свидетельству самого Греча, нападки на роман Загоскина были внушены Булгарину «не авторским самолюбием, боявшимся превосходства своего соперника в литературе, а боязнию за коммерческий успех своего нового произведения» (Греч Н. И. Фаддей Булгарин. С. 704). В противовес критике «Северной пчелы» с положительной рецензией на «Юрия Милославского» в «Литературной газете» выступил Пушкин (1830. Т. 1, № 5, 21 января; без подписи; XI, 92–93), подчеркнувший историческую достоверность романа Загоскина («Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына»), а также его

«блистательный и вполне заслуженный успех». «Роман Загоск<ина> весь вышел в месяц, и начинается 2-е издание, — писал М. П. Погодин в феврале 1830 г. в Рим С. П. Шевыреву. — Видишь, у нас есть читатели! Булгарина было почти ругательство на него, и все пришли в ужасное негодование. Противоположная партия даже нарочно славит Загоскина, чтоб уронить Булгарина» (РА. 1882. № 6. С. 132). Сам Булгарин поспешил обратиться к читателям со страниц «Северной пчелы» и просил их благосклонности в награду за «литературные терния»: «Дух литературных партий (существовавший и существующий везде) и положение г. Булгарина как журналиста и читаемого автора лишают его удовольствия выслушать в России печатный справедливый приговор своим трудам. Кроме того, автор “Дмитрия Самозванца” не употребляет никаких известных мер для приуготовления мнения общества большого света в свою пользу: не читает предварительно своих сочинений в рукописи в собраниях, не задобривает суждения тех, которые имеют вес в обществе, но трудится в тишине кабинета, печатает и отдает свои сочинения на суд беспристрастной публики» (СПЧ. 1830. № 22, 20 февраля). Критика Дельвига, таким образом, продолжала полемику о русском историческом романе между «Северной пчелой» и «Литературной газетой». Дельвиг отчасти повторял недавние упреки, высказанные О. М. Сомовым (в «Северных цветах» на 1830 г., см. наст. изд., с. 429) предыдущему роману Булгарина, «Ивану Выжигину». Он писал, что «Дмитрий Самозванец» походит на «скучный, беспорядочный сбор богатых материялов, перемешанных с вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличия», указывал на отсутствие в нем «выдержанных характеров» и слога, «этой характеристики писателей, умеющих каждый предмет, перемыслив и перечувствовав, присвоить себе и при изложении запечатлеть его особенностью таланта», и т. д. Статья, появившаяся без подписи, была принята Булгариным за пушкинскую. Он ответил «Анекдотом», содержащим пасквильную характеристику Пушкина, и последовавшей вслед за тем разгромной рецензией на седьмую главу «Евгения Онегина» (СПЧ., 1830. № 35, 22 марта; № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 232–236).

Ошибка Булгарина в авторстве критики на «Дмитрия Самозванца» и его агрессивная реакция объяснялись еще и литературным скандалом, разгоравшимся вокруг его романа. В ноябре 1829 г. в печати появилось несколько отрывков из «Дмитрия Самозванца» (СО и СА. 1829. Т. 7, № 45, 46; Т. 8, № 47), давших повод подозревать Булгарина в заимствованиях из пушкинского «Бориса Годунова». Сам факт знакомства Булгарина с текстом неопубликованной пушкинской трагедии ясно указывал на его связи с III Отделением. Еще 23 декабря 1829 г. М. П. Погодин сообщал в Рим С. П. Шевыреву литературные новости: «Он («Юрий Милославский» Загоскина. — *Ред.*) вышел. Я прочел две части. Есть прекрасные русские сцены, но в целом, в характерах — поверхностен, и везде видна ужасная торопливость. “Милославский” Загоскина и “Самозванец” Булгарина бежали друг перед другом взапуски: кто прежде выйдет. Москвич перегнал. Пушкина “Бориса”, я слышал (от Розена, который тебе кланяется), удерживают в канцелярии, пока не вышел “Самозванец”; а между тем в напечатанном отрывке Булгарина видно похищение из него. Помнишь место о географии? Пушкин хочет извиняться перед публикою в заимствовании этих мыслей от Булгарина» (РА. 1882. № 5. С. 124). 12/21 февраля 1830 г. П. В. Киреевский, в свою очередь, писал С. П. Шевыреву из Мюнхена: «...наконец печатается “Борис”, появление которого, однако же, как говорят, удалось Булгарину еще задержать на несколько времени, по своему короткому знакомству с *Фоком*, для того, чтобы прежде успеть напечатать своего “Самозванца”» (Голос минувшего. 1914. № 7. С. 214). Нет оснований считать, что Булгарин каким-либо образом вмешивался в цензурную историю «Бориса Годунова» в 1829–1830 гг., и тем не менее уже предисловие Булгарина к «Дмитрию Самозванцу» свидетельствовало о хорошем знакомстве автора с пушкинской трагедией.

Слухи дошли до Булгарина, и 18 февраля 1830 г. он обратился к Пушкину с возмущенно-оправдательным письмом: «С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *огрбил* вашу трагедию *Борис Годунов*, переложил *ваши стихи* в прозу и взял из *вашей трагедии* сцены для *моего* романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такие небывлицы? Я не читал вашей трагедии, кроме отрывков печатных, а слышал только о ее составе от читавших и от вас. <...> Говорят, что вы хотите напечатать в Литер<атурной> газете, что я *обокрал вашу* трагедию! Что скажет публика? Вы должны будете доказывать» (XIV, 67). Пушкин одно время думал указать на заимствования Булгарина в предисловии к «Борису Годунову»; ср. в письме П. А. Плетневу 5 мая 1830 г.: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал<ександру> Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется не прилично» (XIV, 89). Осенью 1830 г. в Болдине Пушкин писал: «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны лит<ературного> имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих <?> *подражаниях*» (XI, 154; наст. изд., с. 298). См. также: *Винокур Г. О.* Кто был цензором «Бориса Годунова»? // П. Врем. Т. 1. С. 203–214; *Гозенпуд А. А.* Из истории литературно-общественной борьбы 20–30-х годов XIX в. («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец») // ПИМ. Т. 6. С. 252–275; Видок Фиглярин. С. 91–98.

Булгарин обратился к уже использовавшемуся им ранее полемическому приему. Так, в 1828 г. в «Северной пчеле» (№ 38, 29 марта) был сообщен анекдот о журнале «Эдинбургский вестник», якобы напечатанный в одном из французских журналов, где прозрачно намекалось на редакцию журнала «Московский вестник» (см. наст. изд., с. 82). Адресат нового булгаринского «анекдота», несмотря на указание на «нашу старую Англию», также был очевиден современникам. Неизвестный корреспондент Шевырева писал ему в Рим 18 апреля 1830 г.: «Недавно Булгарин в “Сев<ерной> пчеле” своей смешал Пушкина с грязью: величал его и бессмысленным, и злодеем, развращающим народ, и даже подлецом, шмыгающим в передних, чтоб добиться шитого мундира!! Каково вам это кажется? Честное слово, я не преувеличиваю нисколько. Разумеется, что все это он говорил иносказательно, но так, что всякий мужик поймет, о ком дело идет...» (РА. 1878. Кн. 2, № 5. С. 49). «У вас ли Пушкин? — спрашивал Вяземский жену в письме от 14 марта из Петербурга. — Что говорит он о глупой статье Булгарина на него, напечатанной в “Пчеле”? Здесь все читают ее с омерзением. Хорош Булгарин, что не узнал Дельвига и подумал, что критика на “Самозванца” писана Пушкиным» (Звенья. М., 1936. Т. 6. С. 216). Прочтя булгаринский пасквиль, Пушкин, действительно находившийся в это время в Москве, отвечал Вяземскому: «Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно...» (XIV, 74). Одновременно Пушкин обратился с письмом к Бенкендорфу, в котором между прочим писал: «...если вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрачут. Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва. После той гнусной статьи, которую напечатал он обо мне, я считаю его способным на все. Я не могу не предупредить вас о моих отношениях с этим человеком, так как он может причинить мне бесконечно много зла» (XIV, 73, 403; перев. с франц.). Булгарину Пушкин отвечал статьями в «Литературной газете» «<О записках Видока>» (Т. 1, № 20, 6 апреля; наст. изд., с. 229–230) и эпиграммой «Не то беда, что ты поляк...».

¹ Конрад *Мальте-Брюн* (Maltebrun, первоначально Malte Braun, 1775–1826) — французский географ и публицист. Родом датчанин; после изгнания в 1795 г. из

Дании за резкую сатиру против аристократии поселился во Франции. Георг Бернгард *Деттинг* (Derring, 1784–1853) — французский историк, уроженец Вестфалии. Франсуа-Бенуа *Гофман* (Hoffman, 1760–1828) — французский драматический автор и литературный критик, родом из Лотарингии.

² Булгарин имеет здесь в виду то место в статье Дельвига, где говорится об авторской позиции Булгарина и указывается на его откровенные польские симпатии: «Мы еще более будем снисходительны к роману “Димитрий Самозванец”: мы извиним в нем повсюду выказывающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 14, 7 марта. С. 113).

³ *Пильнай* (или Бидпай; Pilray, Vidray) — полуполюгендарный древнеиндийский брамин, гимнософист и баснописец. В басне, упоминаемой Булгариным, камни, брошенные в небеса, упали на головы их бросавшим.

⁴ Булгарин намекает на «Гавриилиаду», следствие по делу о которой велось с мая по середину октября 1828 г. и закончилось только по высочайшему повелению (с установлением за Пушкиным тайного надзора), и на политическую лирику Пушкина.

⁵ Речь идет о карточной игре. *Крапленые листы* — игральные карты, отмеченные шулерским крапом.

⁶ Вяземский откликнулся на выходку Булгарина статьей «Несколько слов о полемике», написанной для «Литературной газеты» (Т. 1, № 18, 27 марта. С. 143–144), где писал о невозможности прямо входить «в бой неровный, словесный или письменный, с противниками, которые не научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости». «Английские нравы, — продолжал Вяземский, — может быть, хороши в Англии, но не в литературе: там знатный лорд должен по первому вызову площадного витязя засучить рукава и действовать кулаками. Есть и в литературе аристократия: аристократия талантов; есть и в литературе площадные витязи, но, по счастью, нет здесь народного обычая, повелевающего литературным *джентльменам* отвечать на вызовы *Джон-Буля*».

А. С. ПУШКИН

«В одном из № «Литературной» газеты» упоминали о Записках парижского палача...»

ЛГ. 1830. Т. 1, № 20, 6 апреля. С. 162. Без подписи.

Авторство Пушкина было раскрыто в «Литературной газете» от 9 августа 1830 г.: «Издателю “Северной пчелы” “Литературная газета” кажется печальною: сознаемся, что он прав, и самую печальнейшею статью находим мнение А. С. Пушкина о сочинениях Видока» (Т. 2, № 45. С. 72).

Статья о Видоке написана после появления в «Северной пчеле» пасквильного «Анекдота» Булгарина, в котором он изобразил Пушкина в виде французского поэта (СПч. 1830. № 30, 11 марта; наст. изд., с. 228–229). По-видимому, Пушкин написал статью о Видоке сразу по прочтении пасквиля. В конце марта ее уже читали в Петербурге. 27 марта Вяземский писал жене: «Скажи Пушкину, что Дельвиг читал мне статью его, которая мне очень понравилась» (Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 220). Сначала Пушкин предложил свою статью в «Московский

вестник», однако М. П. Погодин уклонился от ее напечатания. В его дневнике имеется запись от 18 марта 1830 г.: Пушкин «давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина), и взял» (П. в восп. Т. 2. С. 19). Очевидно, тогда возникло решение отправить заметку из Москвы к Дельвигу в «Литературную газету» чтобы, по словам А. И. Дельвига, «последний ее напечатал в том номере, который должен был выйти в день Светлого Христова Воскресения, 6 апреля, в виде красного яичка для Булгарина» (Там же. С. 121). По поводу публикации статьи о Видоке среди пушкинских знакомых существовали разные мнения. Так, Е. М. Хитрово и А. А. Перовский опасались, что в сложившейся ситуации статья может серьезно повредить Пушкину (см. письмо Хитрово к П. А. Вяземскому второй половины марта 1830 г. — РА. 1884. Кн. 2. С. 411). Под именем Видока Булгарин был легко узнаваем. Неудивительно, что он был «взбешен» и говорил, «что между Видоком и им ничего нет общего» (П. в восп. Т. 2. С. 122). Пушкин интересовался, «какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке?» (письмо к П. А. Плетневу, около 5 мая 1830 г. — XIV, 89). 8 мая 1830 г. Дельвиг сообщал Пушкину: «Булгарин поглупел до того от Видока, что уехал ранее обыкновенного в деревню. Но подл по-прежнему» (XIV, 90). Одновременно начала распространяться пушкинская эпиграмма:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Вяземский сообщал А. И. Тургеневу в письме от 25 апреля 1830 г., отправляя ему «Литературную газету» с пушкинской статьей: «В статье о Видоке, на странице 162-й, ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкиным в ответ на пакостную статейку Булгарина в “Северной пчеле”, где Пушкин (под видом французского писателя, а Булгарин — Гофмана французского) назван картежником, пьяницею, вольнодумцем пред чернью и подлецом пред сильными. И все это потому, что Булгарин принял критику Дельвига на роман его за критику Пушкина и рассердился, что его называют поляком, а, вероятно, еще более за то, что обвиняют его в напрасной клевете на Самозванца, которого он представил шпионом. Вот еще ответ Пушкина (далее следует текст эпиграммы. — *Ред.*)» (ОА. Т. 3. С. 193). 26 апреля Булгарин и Греч перепечатали пушкинскую эпиграмму в № 17 «Сына отечества и Северного архива» (с. 303) с сопроводительным примечанием: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное» и с искаженной последней строкой: вместо «Беда, что ты Видок Фиглярин» было напечатано «Но то беда, что ты Фаддей Булгарин». Истинный смысл этой публикации раскрывал в письме Пушкину от 8 мая 1830 г. Дельвиг: «Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству как пасквиль и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил цензор, похваля его благородный поступок, разумеется, не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквильантом, человеком, делающим противозаконное, я подал в высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, <a> тебя прошу оправдаться пред его величеством» (XIV, 90–91). Цензурное разрешение на

напечатание подлинного текста эпиграммы в «Литературной газете», однако, не было получено; сопроводительную заметку Дельвига к этой несостоявшейся публикации см.: Дельвиг. Соч. С. 233. Между тем в защиту Булгарина раздался голоса его литературных соратников. Так, в «Московском телеграфе» была помещена хвалебная рецензия В. А. Ушакова на булгаринского «Димитрия Самозванца», проникнутая презрением к «нашим молодым писателям, которые, отделившись от классиков и завербовавшись под торжествующие знамена романтизма, полагают, что несоблюдение трех единств в трагедиях, отчуждение воззвания к музам в поэмах и употребление пятистопных ямбов вместо александрийских стихов дают полное право на звание романтического писателя». В заключение Ушаков восклицал: «Безграмотные писаки, боярские детки вменяли и вменяют в ужасный грех Булгарину то, что он родился не в России, а в Польше!! Да! я об этом объявляю во узание всей просвещенной Европе!..» (МТ. Ч. 32, № 6. С. 229, 237).

Спустя несколько месяцев, уже в Болдино, Пушкин написал вторую эпигramму на Булгарина, варьирующую и дополняющую первую:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
 Что родом ты не русский барин,
 Что на Парнасе ты цыган,
 Что в свете ты Видок Фиглярин:
 Беда, что скучен твой роман.

Она была напечатана без имени автора в альманахе М. А. Максимовича «Денница» на 1831 г.

В ответ на пушкинскую заметку Булгарин выступил в «Северной пчеле» (1830. № 94, 7 августа; наст. изд., с. 279–280) с новым пасквилем под названием «Второе письмо из Карлова на Каменный остров»: о поэте, подражателе Байрона, предок которого был куплен за бутылку рома. В полемических заметках, написанных осенью 1830 г. в Болдине, Пушкин еще раз напомнил о булгаринском «Анекдоте» и своей статье «<О записках Видока>»: «Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то фр<анцузский> стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Лит<ературной> газ<ете>, человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Фр<анцуз> отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encore moi-même <Над этим посмеялись, я сам еще смеюсь — франц.>» (XI, 168; наст. изд., с. 293). Впоследствии цензура не пропускала к печати статьи с упоминанием Видока — см.: Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине. IV. К истории пушкинской заметки о «Записках Видока» // ПиС. Вып. 29–30. С. 71–77.

¹ Имеется в виду пушкинская заметка «Французские журналы извещают нас о скором появлении “Записок Самсона, парижского палача”...» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 5, 21 января. С. 39).

² Записки начальника парижской сыскной полиции Ф.-Е. Видока (Vidocq, 1775–1857) были опубликованы в 1828 г. (Memoires de Vidocq... Paris, 1828. 4 vol.). Принадлежность их Видоку сомнительна, интересные факты перемешаны в них с самыми нелепыми вымыслами.

³ Пушкин намекает на прошлое жены Булгарина — Елены Ивановны, которая воспитывалась на «неблагополучной» Мещанской улице, где были расположены публичные дома. Ср. в пушкинском стихотворении «Моя родословная» (1830):

Решил Фиглярин вдохновенный:
 Я во дворянстве мещанин.
 Что ж он в семье своей почтенной?
 Он?.. он в Мещанской дворянин»
 (III, 263).

См. также: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 168—171.

⁴ Идея нравственности, которую Булгарин пропагандировал в своих беллетристических произведениях и критических статьях (см., например: «Как жаль, что я не богат, и хорошо, что я не богат» (1823), «Раздел наследства» (1823), «Талисман, или Средство жить без денег» (1824), «Фонтан милости» (1826), «Рассмотрение русских альманахов на 1828 год» (1828), «Иван Выжигин» (1829) и др.), была одной из основных в его эстетической концепции. О фальшивом характере нравственно-сатирических принципов Булгарина неоднократно говорили в печати писатели пушкинского круга. Ср., например, в рецензии на собрание сочинений Булгарина, автором которой, возможно, был П. А. Вяземский: «Хорошо быть гонителем пороков и проповедником благонравия; полезно даже искоренять дурные привычки и, для пользы образованности и вкуса, осмеивать глупости и странности. Худо только то, когда сатирик лозою своей стегает по воздуху: когда он оуждает пороки, небывалые в народе, или осмеивает странности, им самим выдуманные. Что, если бы какой иностранец заговорил китайцам, что они не соблюдают постов, установленных нашею церковью, или стал бы подшучивать над тем, что они слишком много танцуют и любят гоняться за европейскими модами? Такие или подобные нравственно-сатирические обвинения бывали, однако ж, у нас, и именно в статьях г. Булгарина» (ЛГ. 1830. Т. 2, № 47, 19 августа. С. 88).

⁵ Булгарин, выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в Петербурге, служил в русских войсках, участвовал в кампании 1806—1807 гг., затем в Шведской войне 1808—1809 гг. В 1811 г., уволившись из русской армии, Булгарин вступил во французскую и в составе Польского легиона воевал в Испании, а в 1812 г. участвовал в походе против России; был награжден орденом Почетного Легиона.

⁶ Пушкин имеет в виду А. С. Грибоедова, который был дружен с Булгариним. После его гибели Булгарин написал «Воспоминания о незабвенном А. С. Грибоедове» (СО и СА. 1830. № 1) и неоднократно упоминал о нем в «Северной пчеле»; см. подробнее: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. С. 152—185.

⁷ Пушкин и его друзья узнали о связях Булгарина с III Отделением в 1829 г., вероятно, от бывших «арзамасцев» Д. В. Дашкова и Д. Н. Блудова, которые при Николае I были назначены министрами (см.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и III отделение // Видок Фиглярин. С. 36).

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

«В литературе африканской происходят удивительные вещи...»

СМерк. 1830. Т. 1, № 35, 21 марта. Из раздела «Смесь». Без подписи.

Заметка является, по-видимому, первым откликом враждебной Пушкину печати на публикацию булгаринского «Анекдота» и вызванное им в пушкинском кругу негодование.

П. А. ПЛЕТНЕВ

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ,
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
ГЛАВА СЕДЬМАЯ**

ЛГ. 1830. Т. 1, № 17, 22 марта. С. 135. Без подписи. Перепечатана: РИ. 1830. № 79, 24 марта. С. 316.

Авторство П. А. Плетнева устанавливается по экземпляру «Литературной газеты», принадлежавшему А. И. Тургеневу, где П. А. Вяземский указал автора статьи (см.: *Фомин А. Л.* К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литературной газете» 1830 года и статья Ал. С. Пушкина об Ив. В. Киреевском по поводу его обзора русской литературы. СПб., 1914. С. 15; также: *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания. М., 1966. С. 62).

Отдельное издание седьмой главы «Евгения Онегина» вышло в свет 18–19 марта 1830 г. (см.: П. в печати. С. 77). Статья Плетнева, издателя седьмой главы, была первым и практически единственным безусловно доброжелательным критическим откликом на новое пушкинское произведение. Критика встретила очередную главу пушкинского романа крайне холодно (см. отзывы Ф. В. Булгарина — СПч. 1830. № 35, 22 марта, № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 232; журнала «Московский телеграф» — 1830. Ч. 32, № 6. С. 238–243; наст. изд., с. 256; Н. И. Надеждина — ВЕ. 1830. Ч. 170, № 7. С. 183–224; наст. изд., с. 258; журнала «Галатей» — 1830. Ч. 13, № 14. С. 124–134; наст. изд., с. 243). В проекте предисловия к восьмой и девятой главам «Евгения Онегина», в котором Пушкин, возражая своим критикам, писал: «При появлении VII песни Онег<ина> [все журналы (кроме Лит<ературной> Газ<еты>)] журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа» (VI, 539; наст. изд., с. 306).

¹ В тексте «Литературной газеты» опечатка: вместо «не частно» напечатано «частно». Исправлено в следующем номере газеты (№ 18, 27 марта. С. 146).

Ф. В. БУЛГАРИН

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ,
ГЛАВА VII. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА**

СПч. 1830. № 35, 22 марта; № 39, 1 апреля. Без подписи.

Очередной полемический выпад Булгарина против Пушкина имел ощутимый оттенок политического доноса. Пушкину было поставлено на вид молчание о «великих подвигах русских современных героев», «о незабвенном 1812 году», о «славных памятниках» «славянского Рима» — Москвы. С небывалой ранее в критической литературе о Пушкине решительностью звучал и эстетический приговор его новому произведению. Приятельница Пушкина Е. М. Хитрово, дочь М. И. Кутузова, собиралась даже выступить в печати с ответом Булгарину, главной целью которого было опровергнуть высказанные им Пушкину обвинения в отсутствии патриотизма. Статья Хитрово осталась неопубликованной, но, возможно, именно Хитрово инициировала перепечатку в газете «Русский инвалид» (№ 79, 24 марта) хвалебного отзыва П. А. Плетнева о седьмой главе из № 17 «Литера-

турной газеты» (см.: наст. изд., с. 230). См. подробнее: *Лотман Ю. М.* Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина» // Врем. ПК 1962. С. 52–57. Булгаринская критика привлекла внимание самого императора. Николай I обратился с письмом к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, указав на «несправедливейшую и пошлейшую статью, направленную против Пушкина», в «Северной пчеле» и предложив ему «призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения». «Приказание Вашего Величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на “Онегина”, — отвечал Бенкендорф, при этом, однако, твердо становясь на защиту Булгарина. — Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обессмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют “Онегина”. Последнее замечание, возможно, имеет в виду критику седьмой главы «Онегина» в журнале «Галатей» (Ч. 13, № 14. С. 124–134; наст. изд., с. 243); критические статьи в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 6; наст. изд., с. 256) и в «Вестнике Европы» (1830. Ч. 170, № 7. С. 183–224; наст. изд., с. 258) появились только 30 апреля–1 мая 1830 г. Вместе со своим ответом Бенкендорф посылал Николаю булгаринского «Димитрия Самозванца» и статью Дельвига из «Литературной газеты» (Т. 1, № 14, 7 марта), чтобы сам император мог убедиться, «как нападают на Булгарина». Защита Бенкендорфа не поколебала мнения Николая. В булгаринской критике «Онегина» он нашел «очень мало смысла», однако замечал: «...я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менее благородному, нежели его “Полтава”. Впрочем, если критика эта будет продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее везде» (Старина и новизна. СПб., 1903. Т. 4. С. 7–10; перевод с франц.).

Нападки на Пушкина Булгарин продолжил уже в следующем номере «Пчелы» (№ 40, 3 апреля), где была помещена небольшая заметка о цене седьмой главы пушкинского романа: «VII глава “Онегина” стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 копеек. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие в малую 12-ю долю 15 печатных листов, стоят, без пересылки, 35 рублей». Намек на дороговизну «Онегина» был тем очевиднее, что сообщение о цене новой пушкинской книги следовало непосредственно после перепечатанного из «Литературной газеты» (1830. Т. 1, № 17, 22 марта. С. 138) анекдота о бескорыстии французского писателя Лабрюйера, отдавшего свой гонорар дочери книгопродавца (см. также примеч. 114 к статье Пушкина «<Опровержение на критики>» — наст. изд., с. 502).

О булгаринской критике «Онегина» Пушкин писал в «<Опровержении на критики>»: «Критику 7-ой песни в “Сев<ерной> пчеле” пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до “Онегина”... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку *об жуке*. <...> Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было» (XI, 150; наст. изд., с. 284).

¹ Имеется в виду рецензия Н. А. Полевого на «Невский альманах» на 1830 г.; см. наст. изд., с. 219.

² Имеется в виду рецензия Н. И. Надеждина на «Северные цветы» на 1830 г., где выход «Полтавы» был назван «неудачным боем при *Полтаве* А. С. Пушкина»; см. наст. изд., с. 220.

³ «Евгений Вельский» — полуподражательный роман в стихах поэта и беллетриста М. И. Воскресенского (1803—1867), написанный с ориентацией на «Евгения Онегина»; подробнее о нем см. наст. изд., с. 509—511.

⁴ Речь идет о поездке Пушкина в действующую армию в Закавказье летом 1829 г. Эти слова содержали упрек Пушкину в политической неблагонамеренности, ранее уже звучавший со страниц «Северной пчелы» (ср.: в рец. Булгарина на «Северные цветы» на 1830 г.: «Наши победы, наша слава, геройская война и знаменитый мир не одушевили ни одного поэта! Все плачут да грустят, то о былом, то о будущем, чаще о небывалом, а в настоящем пишут в альбомы комплименты или парят в туманной дали. Жаль, право, жаль! Но мы проговорились неосторожно и забыли, что тотчас грянут эпитафией — конец» — СПч. 1830. № 5, 11 января; наст. изд., с. 216).

⁵ Имеются в виду стихи:

Все, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно...
(гл. VII, строфа II).

⁶ Сравнение пушкинского романа в стихах с поэмами Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Child Harold's Pilgrimage», 1812—1818), и «Дон-Жуан» («Don Juan», 1818—1823) было своего рода «общим местом» русской критической литературы о Пушкине (см., например, полемику Н. А. Полевого с Д. В. Веневитиновым о первой главе «Онегина» — П. в критике, I. С. 262 и след.; рец. Булгарина на вторую главу — СПч. 1826. № 132, 4 ноября; П. в критике, I. С. 300—301; статью И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» — МВ. 1828. Ч. 8, № 6; наст. изд., с. 73). Об Онегине как «неудачном подражании» героям Байрона, однако, не говорилось никогда.

⁷ Пушкинская строка о «падшей славе» имела в виду славу Наполеона; вырванная из контекста, она преподносится Булгариным как сомнение поэта в славе России.

⁸ «Горе от ума» — комедия А. С. Грибоедова, завершенная в 1824 г.; распротранялась в списках, полностью напечатана в 1833 г. Явления 7—10 действия I и целиком действие III, которые Булгарин и имеет в виду, обвиняя Пушкина в заимствованиях, были напечатаны в 1825 г. в альманахе Булгарина «Русская Талия». Другая известная книга — роман самого Булгарина «Иван Выжигин». Против этого обвинения в № 20 (6 апреля) «Литературной газеты» выступил Дельвиг (см. наст. изд., с. 236).

⁹ Еще прежде выхода № 39 «Северной пчелы» с окончанием статьи о седьмой главе «Онегина» на страницах газеты прозвучал новый выпад против пушкинского романа. В № 37 (27 марта) была напечатана рецензия Булгарина на первую часть романа А. Погорельского (Перовского) «Монастырка» (СПб., 1830), затрагивающая некоторые общие вопросы современного нравоописания. Отстаивая свое первенство в сфере нравоописательного романа, Булгарин был вынужден полемизировать с «Литературной газетой», в которой Вяземский, анонсировавший «Монастырку», объявил произведение Погорельского «настоящим и, вероятно, первым у нас романом нравов» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 16, 17 марта). Попутно Булгарин указал на критику света в «Онегине»: «Мы не знаем на Руси книг, где бы пороки или слабости одного человека приписываемы были целому обществу. Например, в «Иване Выжигине» в каждом сословии представлено лицо, достойное служить образцом, и для противоположности другое, дурное. Что же касается общих рассуждений об обществе, как находим, например, в XLVIII строфе VII главы «Онегина», то это риторическая фигура и вовсе не означает умысла вредить обществу».

А. А. ДЕЛЬВИГ

«В 39-м № “Северной пчелы”
помещено окончание статьи...»

ЛГ. 1830. Т. 1, № 20, 6 апреля. С. 161. Без подписи.

Авторство А. А. Дельвига установлено В. П. Гаевским (экземпляр «Литературной газеты» с его пометами хранится в Пушкинском кабинете ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Барон Антон Антонович Дельвиг (1798–1831) — ближайший друг Пушкина еще со времени учебы в Царскосельском Лицее, поэт, критик, издатель альманахов «Северные цветы» (1825–1831) и «Подснежник» (1829) и «Литературной газеты» (1830–1831). В незавершенной статье о Дельвиге Пушкин вспоминал: «Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державинным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием; Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. <...> Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды к Диону, к Лилете, Дориде писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял» (XI, 273–274). Дельвиг был четвертым от конца среди лицейстов по успеваемости, однако, по словам директора Е. А. Энгельгардта, русскую литературу он «изучил лучше всех своих товарищей» (Совр. 1863. Т. 97, № 8, отд. I. С. 377). Уже в лицейские годы он получил признание как поэт. Первое стихотворное произведение Дельвига — патриотическая ода «На взятие Парижа» — появилось в 1814 г. в «Вестнике Европы» (Ч. 75, № 12. С. 272–274; подпись: «Русской»), первая критическая статья — «Известность российской словесности (Письмо к издателю “Музеума”», — посвященная не вышедшей работе В. К. Кюхельбекера (на немецком языке) о древней русской поэзии, была напечатана в 1815 г. (Рос. музеум. 1815. Ч. 4, № 10–11. С. 209–212). После окончания Лицея Дельвиг продолжил занятия литературой. Он был избран в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1818 г.), а год спустя стал членом Вольного общества любителей российской словесности, участвовал в литературном обществе «Зеленая лампа» (1819 г.); был постоянным посетителем салона С. Д. Пономаревой. В поэтическом творчестве Дельвига преобладали лирические жанры: элегия, идиллия, песня, романс, антологическое стихотворение, сонет; единственный его сборник — «Стихотворения барона Дельвига» — вышел в 1829 г. (СПб.). Литературная судьба Дельвига тесно связана с именем Пушкина, которому еще в Лицее он предсказал великое будущее, объявив главой нового поэтического движения и наследником Г. Р. Державина. В последующих журнальных полемиках Дельвиг неизменно защищал пушкинский талант от нападков таких критиков, как Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, Н. А. Полевой, М. А. Бестужев-Рюмин и др. Большинство критических статей Дельвига опубликовано в «Литературной газете»; как правило, это анонимные рецензии — на роман Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830. Т. 1, № 14, 7 марта) и немецкий перевод его романа «Иван Выжигин» (1830. Т. 1, № 34, 15 июня), на поэму А. И. Подолинского «Нищий» (1830. Т. 1, № 19, 1 апреля), на трагедию Н. В. Станкевича «Василий Шуйский» (1830. Т. 2, № 38, 5 июля), на повесть И. И. Козлова «Безумная» и поэму Е. Ф. Розена «Рождение Иоанна Грозного» (1830. Т. 2, № 68, 2 декабря), на пушкинскую трагедию «Борис Годунов» (1831. Т. 3, № 1, 1 января) и др. Дельвиг-критик выступал против коммерческой эстетики, пустоты содержания, ложной аффектации и языковых небрежностей; призывал к изображению исторических характеров и

исторического быта, требовал уважения к литературному труду. Временный запрет «Литературной газеты», конфликт с Бенкендорфом, семейные неурядицы — окончательно подорвали и так уже расстроенное здоровье Дельвига. Он скончался от горячки 14 января 1831 г. «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига, — писал Пушкин после его смерти. — Изю всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели» (XIV, 147). О Дельвиге см. также: *Гаевский В.* Дельвиг // Совр. 1853. Т. 37, № 2, отд. III. С. 45—88; Т. 39, № 5, отд. III. С. 1—66; 1854. Т. 43, № 1, отд. III. С. 1—52; Т. 47, № 9, отд. III. С. 1—64; *Томашевский Б. А. А.* Дельвиг // Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 5—58 (Б-ка поэта; Большая серия); *Вацуро В.* Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг. Соч. С. 3—20.

Настоящая статья Дельвига направлена против болгаринского критического разбора седьмой главы «Евгения Онегина». Дельвиг отвечает на обвинения в заимствовании из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и романа самого Булгарина «Иван Выжигин», которые Булгарин выдвинул Пушкину (см.: СПч. 1830. № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 235). Предположение Н. О. Лернера, что ответ Дельвига Булгарину был написан «не без участия» Пушкина (см.: *Лернер Н. О.* Новооткрытые страницы Пушкина // П. и совр. Вып. 12. С. 131—133) было убедительно опровергнуто Б. Л. Модзалевским (см.: Письма. Т. 2. С. 400).

¹ См. наст. изд., с. 235.

² В главе 6-й второй части своего романа «Иван Выжигин» Булгарин рассуждал об «архивном юношестве»: «Это наши петиметры, фашионебли, женихи всех невест <...>. Этот разряд также доставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно чрез край, кроме здравого смысла; низателей рифм и отчаянных судей словесности и наук» (*Булгарин Ф.* Иван Выжигин. СПб., 1829. Ч. 2. С. 163). Характеристика относилась к кружку московских «любомудров», резко критиковавших Булгарина в своем журнале «Московский вестник» (само выражение «архивные юноши» было пущено в оборот С. А. Соболевским). Ср. в рецензии на «Ивана Выжигина» Н. А. Полевого, еще одного противника московских «любомудров», который, в целом восторженно отзываясь об «Иване Выжигине», приводил в пример мелких неточностей «описания, коими автор касается Москвы»: «Видно, что общество московское ему известно только понаслышке. Где у нас юноши-философы? что за отдел людей *архивные* юноши? Это кажется заметным только издали; вблизи это очень мелко» (МТ. 1829. Ч. 26, № 7. С. 347).

³ Строфы XXXVI—XXXVIII и XLIV—LIII седьмой главы «Евгения Онегина», в которых дается описание Москвы, в 1828 г. были напечатаны в «Московском вестнике» (Ч. 7, № 1. С. 5—12) под заглавием «Москва (Из «Евгения Онегина»)». По недосмотру редактора в публикацию «Московского вестника» вкрались раздражающие Пушкина опечатки, и он отдал отрывок для повторной публикации в «Северную пчелу». Булгарин сопроводил перепечатку пушкинских стихов своим примечанием, в котором говорил о «непростительных ошибках» «Московского вестника» (СПч. 1828. № 17, 9 февраля). По этому поводу, в свою очередь, последовало объяснение Пушкина с обиженным М. П. Погодиным (см.: XIV, 2—5; Письма. Т. 2. С. 272—273).

⁴ См. коммент. к статье Ф. В. Булгарина «Анекдот» — наст. изд., с. 451—452. Ср. у Пушкина: «...г. Бул<арин> не сказал бы, что описание Москвы взято из «Ив<ана> Выжигина», ибо г. Бул<арин> не сказывает, что трагедия «Борис Годунов» взята из его романа» («<Опровержение на критики>» — XI, 150; наст. изд., с. 284), а также в фельетоне «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»: «...разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем «Борисе Годунове» все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами

в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (Телескоп. 1831. № 13; XI, 209–210). Заявление Дельвига о том, что пушкинская трагедия была написана на пять лет раньше романа «Димитрий Самозванец», позднее оспаривал М. А. Бестужев-Рюмин, заявивший в своем «Северном Меркурии» (1831. № 1, 2 января. С. 8), что до весны 1830 г. полный текст «Бориса Годунова» не существовал.

С. Т. АКСАКОВ

**ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ
«МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»**

МВ. 1830. Ч. 2, № 6 (выход в свет 1 апреля — МВед. 1830. № 26, 29 марта). С. 201–204. Подпись: А.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) — писатель, литературный и театральный критик, мемуарист. После пятилетней жизни в своей деревне Надёжино в Оренбургской губернии вернулся в Москву осенью 1826 г., возобновил прежние литературные и театральные знакомства и развернул многообразную литературную деятельность. Дом Аксаковых становится одним из центров литературной жизни Москвы. С 1828 г. Аксаков постоянно сотрудничает с М. П. Погодиным, журнал которого «Московский вестник» очень ценит. Здесь он помещает собственные поэтические произведения (Рыбачье горе. (Русская идиллия) // МВ. 1829. Ч. 1. С. 100–102) и театральные критические разборы (см., например: Письма из Петербурга к издателю «Московского вестника» // МВ. 1828. Ч. 11, № 19/20. С. 41–45; Ч. 12, № 21/22. С. 52–59); как театральные критик в 1829 г. активно сотрудничает также с журналом «Галатее». Первым литературно-критическим опытом Аксакова, по-видимому, была рецензия на роман Булгарина «Иван Выжигин», напечатанная в 1829 г. в «Атенее» под псевдонимом «Истома Романов» (Ч. 2, № 9. С. 298–324; см. также наст. изд., с. 400). В следующем году он печатает в «Московском вестнике» разбор романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1830. Ч. 1, № 1. С. 55–61), вызвавший иронический отклик Вяземского в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 8, 5 февраля. С. 61). В начале 1830 г. много шуму в Москве наделал сатирический фельетон Аксакова «Рекомендация министра» (МВ. 1830. Ч. 1, № 1. С. 118–121), привлечший к автору внимание III Отделения. Хорошо знаком с Пушкиным Аксаков не был; сохранились сведения о нескольких их встречах в 1829 г. у Погодина (см.: *Цявловский М. А.* Пушкин по документам погодинского архива // *ПиС.* Вып. 19–20. С. 94; Черейский. С. 11). Аксаков не принадлежал к числу безусловных поклонников пушкинской поэзии (см., например, его отзыв о «Полтаве» — наст. изд., с. 400). Статья «Письмо к издателю “Московского вестника”» характеризует поворот Аксакова к более сочувственной оценке пушкинского творчества. В своих позднейших «Литературных и театральные воспоминаниях» Аксаков писал: «Я постоянно участвовал небольшими статейками в “Московском вестнике”, и в 1830 году, когда журналисты, прежде поклонявшиеся Пушкину, стали бессовестно нападать на него, я написал письмо к Погодину о значении поэзии Пушкина и напечатал в его журнале. <...> Пушкин был им очень доволен. Не зная лично меня и не зная, кто написал эту статейку, он сказал один раз в моем присутствии: “Никто еще никогда не говаривал обо мне, то есть о моем даровании, так верно, как говорит в последнем номере «Московского вестника» какой-то неизвестный барин”» (Аксаков. Т. 3. С. 128).

¹ Имеется в виду рецензия М. П. Погодина на первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого (МВ. 1830. № 2. С. 50–70). О беспрецедентной грубости и оскорбительности тона рецензии дают представление первые же ее фразы: «Самохвалство, дерзость, невежество, шарлатанство в высочайшей и отвратительнейшей степени, высокопарные и бессмысленные фразы, все прежние недоразумения, выписки из Карамзина, переведенные на варварский язык и пересыпанные яркими нелепостями автора, несколько чужих суждений, непонятых и неразвитых, ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной, ни одного объяснения исторического, ни одного предположения, ни вероятного, ни сомнительного, ни одной догадки, — и по несколько строчек на странице, написанных правильно из готовых выражений; вот отличительный характер нового сочинения, если уж не грех называть сочинением всякую безобразную компиляцию».

² Аксаков говорит здесь о пародиях из альманаха «Литературное зеркало», с февраля 1830 г. регулярно печатавшихся в «Новом Живописце общества и литературы» — сатирическом прибавлении к «Московскому телеграфу» (см. подробнее: наст. изд., с. 515–516).

³ Имеется в виду Н. И. Надеждин, до 1830 г. выступавший против Пушкина на страницах «Вестника Европы». При перепечатке статьи в своей книге «Разные сочинения» (М., 1858. Приложения. С. 405–408) Аксаков сопроводил это место следующим примечанием: «Это говорилось о Н. И. Надеждине, в грубых критиках которого всегда было много и дельного; впоследствии он сознавался мне не один раз, что был неправ перед Пушкиным».

⁴ См. примеч. 6 к статье Н. А. Полевого «Новые альманахи» — наст. изд., с. 443.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

«К наступающему светлomu празднику любители словесности получили...»

СМерк. 1830. Т. 1, № 40, 2 апреля. С. 159–160. Без подписи.

Альманах «Подснежник» в 1830 г. был передан А. А. Дельвигом второстепенному писателю и достаточно удачливому литературному дельцу Е. В. Аладыну, многолетнему издателю «Невского альманаха». «Подснежник» вышел, как и в предыдущем году, к Пасхе, приходящейся в 1830 г. на 6 апреля. Новый альманах по составу был значительно беднее своего прошлогоднего предшественника. Дельвиговско-пушкинский круг практически не принял в нем участия, и он в основном был заполнен произведениями второстепенных литераторов. Пушкин отдал Аладыну одно стихотворение — эпиграмму «Собрание насекомых» («Мое собрание насекомых...»). Полемиическая заостренность стихотворения была очевидна; цензор П. И. Гаевский даже затруднился сам пропустить это стихотворение Пушкина в печать, подозревая в нем «эпиграммы на известные какие-нибудь лица, хотя на месте имен и поставлены одни только знаки». Однако Цензурный комитет вынужден был «допустить означенную статью к напечатанию», так как не имел права «произвольно толковать речь в дурную сторону» (см.: *Егоркин А.* Пушкин и цензура // ПиС. Вып. 13. С. 177). Эпиграмма была известна в литературных кругах еще до опубликования. 23 марта М. П. Погодин писал из Москвы в Рим С. П. Шевыреву: «Литературных новостей множество. Пушкин здесь. Как бы ты думал — его ругают напалов во всех почти журналах: в “Сев<ерной> пчеле”, “С<ыне> от<ечества>”, “Тел<еграфе>”, “Гал<атее>”, “В<естнике> Евр<опы>”. “Сев<ерная> пчела” говорит даже, что он картежник, чванится вольнодумством пред чернью, а у знатных ползает,

чтоб получить шитый кафтан и проч. Мои отношения к нему прежние, т. е. очень хорошие. Он зовет тебя в Москву: “что не летит этот к нам ворон, здесь для него столько трупов”. Мне очень жаль, что эти площадные брани его слишком трогают, как, бывало, тебя. О *irritabile genus!* (О раздражительное племя <поэтов>! (*лат.*) — см.: Гораций. Послания, II, 2, 102. — *Ред.*) Он поет твои куплеты и отпаливается эпиграммами. Вот содержание одной: “у меня есть собрание насекомых, вот Гл<инка>, Божия коровка, вот Кач<еновский>, злой паук, вот и Св<иньин>, российский жук... Вот Р<аич>, гадкая козявка... Смотрите, они все под стеклами у меня торчат на острых эпиграммах. Каков последний стих!” (РА. 1882. № 6. С. 161). Ек. Н. Ушакова писала, по-видимому, брату Ивану в июне 1830 г. из Москвы, сообщая текст эпиграммы: «Эти стихи написаны на Глинку, Каченовского, Свинына, Раича, последнего позабыла...» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 96–97). В позднейшей расшифровке П. А. Плетнева: «Глинка (Фед<ор>) — Божия коровка, Каченовский — злой паук, Свинын — рос<сийский> жук, Рюмин (Бестужев) издавал какой-то журнал, Борька (Федоров, Борис) — мелкая букашка» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 401). В «Северном Меркурии» (1830. Т. 1, № 55, 7 мая. С. 217–218; наст. изд., с. 239) намекали как на одного из адресатов на В. Н. Олина. См. также: *Лернер Н. О. Имена литераторов в «Собрании насекомых» // ПиС. Вып. 16. С. 23–28.*

Статья в № 40 «Северного Меркурия» явилась первым откликом на альманах. Напечатанное в «Подснежнике» «Собрание насекомых» удостоилось особого внимания критики, но полемика вокруг него развернулась месяцем позже. В № 53 (2 мая) «Северного Меркурия» появилась еще одна рецензия на альманах. Анонимный рецензент (вполне вероятно, сам Бестужев-Рюмин) сосредоточился в этот раз на похвалах А. И. Подолинскому, Ф. Н. Глинке и В. И. Карлгофу, намеренно обходя молчанием произведения писателей пушкинского круга. Все же он не удержался от выпада в адрес «Литературной газеты»: «Некоторые журналисты часто упрекают своих собратий, что они привыкли неотчетливо хвалить, между тем как самые же сии журналисты почти в каждом № своего издания явно подвергают сему упреку, ибо они превозносят до небес не только посредственные, но даже и видимо дурные сочинения своих приятелей. Некоторые журналисты могут возразить в свое оправдание, что не они сами пишут те статьи, в коих заключаются подобные похвалы, но будто бы те же самые авторы, о коих идет дело. Едва ли можно принять это в оправдание! — Каждый журналист имеет приятелей, но разве он должен *несправедливо* расхваливать их в своих листках? Разве он должен печатать те статьи, в коих приятели его расхваливают самих себя до *nes plus ultra* <последней степени — *лат.*>?.. Разве он должен употреблять во зло доверенность публики и явно издеваться над нею?.. Разве не найдутся люди, умнее его, которые покажут истину во всей ее наготе и *докажут*, что мишура (выдаваемая за золото взаимными дружескими похвалами) не есть драгоценный металл?...» (с. 210). Через несколько дней в «Меркурии» появилась еще одна заметка, посвященная персонально пушкинской эпиграмме (№ 55, 7 мая; наст. изд., с. 239). Неодобрительно отозвались об эпиграмме В. Н. Олин (Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 год. СПб., 1830. № 4. С. 541; наст. изд., с. 239) и рецензент «Вестника Европы» (ВЕ. 1830. Ч. 170, № 8. С. 301–302; наст. изд., с. 240); Н. А. Полевой начала ограничиться замечаниями, что в «Подснежнике» нет «ни одной отличной пьесы», а «Собрание насекомых» Пушкина «есть какая-то приятельская тайна: все экземпляры насекомых в этом собрании означены звездочками, и, следовательно, не посвященным в приятельские тайны самое стихотворение совершенно излишне» (МТ. 1830. Ч. 32, № 7. С. 361), но уже в следующем номере «Телеграфа» поместил пародию (Ч. 32. Новый Живописец общества и литературы. № 8. С. 135; наст. изд., с. 318). Задетый журнальными нападками Пушкин пере-

печатал (с незначительными изменениями) стихотворение в «Литературной газете», сопроводив ироничной заметкой (1830. Т. 2, № 43, 30 июля. С. 56; наст. изд., с. 241). О реакции Пушкина см. наст. изд., с. 466.

¹ *Синенькая бумажка* — пятирублевая ассигнация.

² Намек на редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского, печатавшего в своем журнале резкие критики Н. И. Надеждина на новые поэмы Пушкина.

³ Имеется в виду повесть О. М. Сомова «Исполин-рак. Анекдот. (Из рассказов путешественника)».

⁴ Имеется в виду напечатанная анонимно «восточная сказка» «Красноносый кади».

⁵ «Элегия на смерть бешеной собаки. (Из Гольдсмита)», подписанная: М. В. Принадлежит М. П. Вронченко. См.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 29.

В. Н. ОЛИН

«ПОДСНЕЖНИК», АЛЬМАНАХ НА СЕЙ 1830-й ГОД.

Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 год. Издана В. Н. Олиным. СПб., 1830. Ч. 1, № 4 (ценз. разр. 4 апреля 1830 г.). С. 541. Из раздела «Библиография отечественная». Без подписи.

Библиографический отдел «Карманной книжки» вел сам ее издатель В. Н. Олин, которому с уверенностью может быть атрибутирована и настоящая статья.

¹ См. наст. изд., с. 238.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ»

НЕЧТО О «СОБРАНИИ НАСЕКОМЫХ», ЭПИГРАММЕ А. ПУШКИНА, ПОМЕЩЕННОЙ В «ПОДСНЕЖНИКЕ»

СМерк. 1830. Т. 1, № 55, 7 мая. С. 217–218. Без подписи.

Ответ на заметку В. Н. Олина в «Карманной книжке для любителей русской старины и словесности» (1830. № 4. С. 541; наст. изд., с. 239).

¹ Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 3, явл. 5).

² Трагедия «*Синав и Трувор*» (1751; переработана в 1768) — одна из самых популярных пьес А. П. Сумарокова, сохранявшаяся в театральном репертуаре еще в начале XIX в.

³ «*Кальфон*» (СПб., 1824) — оссианическая поэма В. Н. Олина, недоброжелательно встреченная критикой (см., например: СПч. 1825. № 12, 27 января (рец. Н. И. Греча); № 15, 3 февраля (его же); № 33, 17 марта; СО. 1825. Ч. 100, № 6. С. 164–183 (рец. О. М. Сомова); также: П. в критике, I. С. 411). «*Корсар*» — романтическая трагедия В. Н. Олина «*Корсер*» (СПб., 1827), представляющая собой прозаическое переложение сюжета поэмы Байрона «*Корсар*» (1814); см. о ней наст. изд., с. 370.

⁴ Бестужев-Рюмин намекает на то, что в этом стихе подразумевается Олин.

Л. С.

«ПОДСНЕЖНИК НА 1830»

ВЕ. 1830. Ч. 170, № 8 (выход в свет 10 мая — МВед. 1830. № 37, 7 мая). С. 298—302; приводимый отрывок — с. 300—302.

Отзыв об альманахе выдержан в иронически-снисходительном тоне; ни одному произведению рецензент не отдает предпочтения. Из произведений поэтической части альманаха вообще не названо ни одно, кроме «Собрания насекомых» Пушкина, которому и посвящена почти половина рецензии. После появления рецензии «Вестника Европы» Ек. Н. Ушакова писала, по-видимому, брату И. Н. Ушакову в июне 1830 г. из Москвы: «Каков Каченовский — отделал самодержавного поэта, который вздумал завести натуральный кабинет, — да и завел на свою голову; его, моего батюшку, без звездочек поместили с *чадами*. Он очень сердит; говорит, что очень глупо, что не понимают никаких критик, — но, бывши у нас <...>, сказал, что *сам съел*» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 96—97). Об употребленном Пушкиным в разговоре с Ушаковыми выражении «сам съешь» см. в его письме к Вяземскому от 13 сентября 1825 г.: «*Сам съешь!* — Заметил ли ты, что все наши журнальные анти-критики основаны на *сам съешь*? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Фед<оров> говорит Бул<арин>у: сам ты лжешь. <...> — и все правы (XIII, 225; ср. в болдинских полемических заметках 1830 г. — XI, 169; наст. изд., с. 285). Вернувшись в июле в Петербург, поэт решил ответить своим недругам, перепечатав стихотворение в «Литературной газете» (с незначительными изменениями) и сопроводив его ироничной заметкой (см. след. статью).

¹ См.: «Евгений Онегин», гл. 7, строфа XLV.

А. С. ПУШКИН

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ, СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА

ЛГ. 1830. Т. 2, № 43, 30 июля. С. 56. Без подписи.

Заметка была написана Пушкиным в ответ критикам его стихотворения «Собрание насекомых», напечатанного в альманахе «Подснежник» на 1830 г. Полемика, однако, на этом не прекратилась. «Такому вниманию, какое обращено на сие стихотворение, кажется, нельзя радоваться, — злорадствовал в «Северном Меркурии» М. А. Бестужев-Рюмин. — Каждая речь, примечательная своею уродливостью и безнравственною целию, обращает на себя внимание — но какое?..» (СМерк. 1830. Т. 2, № 97, 13 августа. С. 75). Осенью 1830 г. Пушкин писал в «Опровержении на критики»: «Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. <...> Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. — Сам ты *букашка*, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои *букашки* и друзья-то твои *букашки*. Сам съешь» (XI, 169; наст. изд., с. 285).

¹ Критические отклики на «Собрание насекомых» см. наст. изд., с. 238—242 (также их перечень на с. 464). Только А. А. Дельвиг в рецензии на альманах «Подснежник» назвал пушкинскую эпиграмму «прекрасной» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 25, 1 мая. С. 202).

² В пародии на «Собрание насекомых» в «Вестнике Европы» вместо звездочек вставлены имена пушкинских произведений: «Полтава», «Кавказский пленник», «Борис Годунов» и «Евгений Онегин» — см. наст. изд., с. 241.

³ Пушкин внес изменения в ст. 9–10; в первой публикации в альманахе «Подснежник» было напечатано:

Вот ** тощия пиявка,
Вот ** мелкая козявка.

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

СМОТР ЖУРНАЛАМ

<Отрывок>

СМерк. 1830. Т. 2, № 97, 13 августа. С. 75–76; приводимый отрывок — с. 75. Без подписи, с пометой: «Сообщено от Мав<ры> Вл<асьевны> Томской».

Полемиическая статья «Смотр журналам», написанная от лица Мавры Власьевны Томской, персонажа «анекдотической сцены» Бестужева-Рюмина «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828; наст. изд., с. 312), начала печататься в № 87 (21 июля) «Северного Меркурия». Предшествующие заметке о «Собрании насекомых» в № 97 разделы статьи также содержали нападки на Пушкина и пушкинский круг. В № 87 и № 92 (1 августа) появились иронические замечания по поводу «Графа Нулина», в № 93 (4 августа) — насмешки над «Размышлениями и разборами» П. А. Катенина, печатавшимися в «Литературной газете», в № 96 (11 августа) — выпады в адрес самой «Литературной газеты».

Печатаемый в настоящем издании отрывок, посвященный «Собранию насекомых», вызван повторной публикацией пушкинского стихотворения в «Литературной газете» (1830. Т. 2, № 43, 30 июля; наст. изд., с. 241) и завершает длительную журнальную полемику вокруг этого произведения (см. наст. изд., с. 238–242).

¹ См. рецензию В. Н. Олина на альманах «Подснежник» (Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 год. СПб., 1830. Ч. 1, № 4. С. 541; наст. изд., с. 239), ответ Олину в газете «Северный Меркурий» (1830. Т. 1, № 55, 7 мая; наст. изд., с. 239) и примеч. к ним (наст. изд., с. 465).

ИЗ ЖУРНАЛА «ГАЛАТЕЯ»

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ, СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Галатея. 1830. Ч. 13, № 14 (выход в свет 3–5 апреля — МВед. 1830. № 28, 5 апреля). С. 124–134. Без подписи.

¹ См. примеч. 3 к статье А. А. Дельвига «В 39-м № “Северной пчелы” помещено окончание статьи...» — наст. изд., с. 461.

² П. А. Вяземский высказывал предположение, что эта строфа относится к московской красавице Александре Александровне Римской-Корсаковой, которой Пушкин был, по-видимому, увлечен зимой 1826–1827 г. (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 170).

П. И. ШАЛИКОВ (?)
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН».
ГЛАВА VII

ДЖ. 1830. Ч. 30, № 20 (выход в свет 10 мая*). С. 108—111. Без подписи, с датой под текстом: 24 апреля.

Статья, направленная против болгаринского разбора седьмой главы «Евгения Онегина» (СПч. 1830. № 35, 22 марта; № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 232—236), принадлежит, скорее всего, самому издателю журнала П. И. Шаликову.

¹ Цитата из рецензии Н. А. Полевого на «Невский альманах на 1830 г.» (МТ. 1830. Ч. 31, № 3. С. 357; наст. изд., с. 219); эти слова Полевого цитировал в первых же строках своей рецензии Булгарин (СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

² Имеется в виду статья Булгарина о седьмой главе «Евгения Онегина», которая и цитируется далее.

³ Намек на новый роман Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830) (о связи «Димитрия Самозванца» с полемикой 1830 г. вокруг пушкинских произведений см. наст. изд., с. 450—452).

⁴ Герой поэмы Е. А. Баратынского «Бал» (1828).

А. А. ДЕЛЬВИГ
«БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН».
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.
ИЗДАНИЕ ТРЕТИЕ

ЛГ. 1830. Т. 1. № 22, 16 апреля. С. 177—178. Без подписи.

Авторство А. А. Дельвига установлено В. П. Гаевским (экземпляр «Литературной газеты» с его пометами хранится в Пушкинском кабинете ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).

А. А. Дельвиг единственный откликнулся на выход третьего издания «Бахчисарайского фонтана» Пушкина (СПб., 1830; выход в свет 1—2 апреля 1830 г. — П. в печати. С. 78), появление которого прошло в печати незамеченным.

¹ В первых двух изданиях «Бахчисарайского фонтана» (М., 1824; СПб., 1827) «вместо предисловия» был напечатан «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» П. А. Вяземского, который стал своеобразным манифестом русского романтизма (см.: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 100—111; П. в критике, I. С. 393—395). О полемике, возникшей вокруг этого предисловия, см.: П. в критике, I. С. 152—189, 396—406. Предполагая посвятить Вяземскому «в знак уважения к его характеру <и> любви [к его] таланту» (Справочный том. С. 39) третье издание «Бахчисарайского фонтана», Пушкин исключил из него предисловие, которое в 1830 г. перестало быть злободневным. Однако поэма вышла в свет без пушкинского посвящения. 2 мая 1830 г. он писал Вяземскому: «Отчего не напечатано мое

* В «Московских ведомостях» даты выхода в свет этого и нескольких других номеров «Дамского журнала» не указаны. Журнал выходил один раз в неделю по субботам. Время выхода № 20 высчитывается по сообщениям о выходе предшествующих и последующих номеров.

посвящение тебе в третьем изд<ании> «Фонтана»? Неужто мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно» (XIV, 87).

² Отрывок из письма Пушкина к Дельвигу («Из Азии переехали мы в Европу...»), напечатанный ранее в «Северных цветах» на 1826 г. («Проза», с. 101–106).

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН СПЛЕТНИЦА

СМерк. 1830. Т. 1, № 49, 23 апреля. С. 194–196; № 50, 25 апреля (ценз. разр. от 28 июня 1830 г.). С. 197–200. Подпись: VI. XI. С датой под текстом: 23 апреля 1830 г.

Приводимый текст представляет собой беспрецедентный по грубости памфлет, направленный против А. А. Дельвига и Пушкина, которых Бестужев-Рюмин числил своими главными литературными врагами еще с конца 1829 г., со времени скандала вокруг его альманаха «Северная звезда» (см. подробнее наст. изд., с. 421–422). В «Северном Меркурии» Бестужев-Рюмин вел постоянную полемику с «Литературной газетой» и писателями пушкинского круга, хотя крайне грубые, отличающиеся совершенно развязным, а нередко и прямо вульгарным тоном полемические выпады «Меркурия», как правило, оставлялись издателями «Литературной газеты» без ответа. Поводом к написанию «Сплетницы» послужил следующий эпизод литературной полемики 1830 г. В № 15 «Сына отечества и Северного архива», в материалах пародийно-полемического альманаха «Альдебаран» (см. о нем наст. изд., с. 517), была напечатана статья «О происхождении имени руссов» — пародия на исторические критики, печатавшиеся в журнале «Московский вестник» (Н. С. Арцыбашева, М. П. Погодина). Автор статьи, в частности, обрушился с гневной критикой на Н. А. Полевого: «Ныне некто г-н Николай Полевой, в сочинительском пылу о дарованиях и знаниях своих возмечтав, первый том “Истории русского народа” напечатал и там равномерно свои суесловия о происхождении руссов поместил» (с. 165). Эти слова откровенно пародировали резкую рецензию Погодина на «Историю русского народа» Н. А. Полевого, помещенную в № 2 «Московского вестника» (см. наст. изд., с. 463). Полемический прием был довольно простым и, разумеется, всем понятным. В ответ в «Литературной газете» появилась анонимная заметка, написанная Вяземским (аргументы в пользу авторства Вяземского см.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 403–404). Вяземский попытался использовать пародию «Сына отечества» в борьбе против самих издателей журнала. Статья «О происхождении имени руссов» (соответственно, и включенный в нее выпад против Полевого) якобы была воспринята автором заметки в «Литературной газете» совершенно серьезно. «Все благоразумные люди предвидели, что дружбе “Телеграфа” с “Сыном отечества” недолго сдобровать; но никто не мог угадать, что союз сей, недавно заключенный, рушится так скоро, — писал Вяземский и далее, цитируя приведенный выше выпад в адрес Полевого, с деланным пафосом восклицал: — Вот слова из “Сына отечества” (№ 15, 1830 года, стран<ица> 165), которые, как бомба, пущенная в неприятельский стан, возвестили крутой и неожиданный разрыв перемирия <...>. Понимаем, что “Сыну отечества” как журналу заслуженному, пользующемуся некоторым вниманием, основанным, по крайней мере, на праве давности, невозможно было из уважения к себе и читателям своим не сказать наконец искреннего мнения своего о худой и незрелой компиляции, изданной под именем “Истории русского народа”; понимаем также в этом отношении и совестливое молчание “Телеграфа” о романе “Димитрий Самозванец”, которое, впрочем, может быть, также скоро разорвется нечаянною бомбой; но во всяком случае, вследствие правил, уже несколько раз изложенных в “Лите-

ратурной газете”, мы не одобряем личностей и непристойных выходок, хотя бы предметами оных были и люди, коих мнения и литературные действия в совершенном противоречии с нашими. Выражение *некто г-н Николай Полевой* есть выражение не литературское, не вежливое. Осуждайте творение, но имейте всегда уважение к лицу» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 23, 21 апреля; без подписи; Вяземский здесь, между прочим, пытался воспользоваться затнувшимся молчанием «Московского телеграфа» о «Димитрии Самозванце» Булгарина, — спустя буквально несколько дней вышел № 6 «Телеграфа» с панегирической рецензией В. А. Ушакова). В ответ в «Сыне отечества и Северном архиве» появилось письмо «издателя “Альдебарана”» «Ивана Петухова» к одному из «читателей “Сына отечества”» «П. Коврижину» (намек на Вяземского), где высмеивались издатели «Литературной газеты». «В № 23 “Литературной газеты” преважно вступились за г. Полевого, будто бы обиженного статьей “Альдебаран” “О происхождении имени руссов”, <...> и не заметили того, что сия статья есть шуточная, что в ней нет ни одной фразы с толком, что порицания в сей статье столь же мало могут огорчить г. Полевого, как и критики “Литературной газеты”! И по этой статье заключают в “Литературной газете”, что возгорится война между “Сыном отечества” и “Телеграфом”! Я не надеялся такого успеха, не думал, что сообщенные мною пародии будут приняты за статьи серьезные» (1830. Т. 11, № 17. С. 304–305).

В памфлете Бестужева действующие лица всей этой истории скрыты за достаточно прозрачными для хотя бы сколько-нибудь посвященного человека именами «содержательниц магазинов»: Мавра Ивановна Крупина и Эмилия Венедиктовна Критиковская, владеющие одним магазином пополам, — это Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин, соиздатели «Сына отечества и Северного архива» и «Северной пчелы»; Матрена Алексеевна Лесная — Николай Алексеевич Полевой, издатель «Московского телеграфа» (этот пародийный псевдоним уже ранее использовался Воейковым в полемике с Полевым); открывшая свой новый магазин Аделаида Антоновна Габенихтсина — Антон Антонович Дельвиг, издатель «Литературной газеты»; в приятельнице Аделаиды Антоновны Александре Сергеевне, разумеется, безошибочно узнавался Пушкин.

Памфлет Бестужева был настолько груб, что после публикации первой его части в № 49 возникло разбирательство в Цензурном комитете. Один из членов Комитета, К. С. Сербинович, подал «особое мнение», рекомендуя запретить окончание статьи (см.: *Замков Н. К.* Архивные мелочи о Пушкине. III. «Мнение» цензора Сербиновича о рассказе «Сплетница» // ПиС. Вып. 29–30. С. 68–71). Цензурное разрешение № 50 было дано только 28 июня 1830 г. Бестужев извинялся перед читателями, объясняя, что задержка номера произошла «от причин, совершенно не зависевших от него» и главной причиной стало то, что «сочинитель статьи “Сплетница” замедлил доставлением к нему *окончания* оной, в коем, по его словам, надлежало сделать некоторые перемены» (СМерк. 1830. Т. 1, № 50. С. 200). Вместе с тем уже в № 52 газеты продолжились нападки на Дельвига в статье «О самолюбии», написанной от лица издателя «Литературной газеты», где, кроме Дельвига, были задеты почти все писатели пушкинского круга и сам Пушкин, выведенный под именем «знаменитого писателя Емельяна Емельяновича Корюшкина». Сочинитель статьи «О самолюбии» (то есть якобы сам Дельвиг) говорит о своем намерении написать прозаическую статью в защиту своих гекзаметров. «Если б в чем и предстояло мне затруднение, — пишет от лица Дельвига Бестужев-Рюмин, — то разве только в том, что сию статью надлежало бы мне написать в прозе; а как я считаю презренным прозаический язык и совершенно не умею на нем изъясняться (хотя между тем издаю “Литературную газету”), ибо постигнуть не могу великой тайны, как надобно связывать между собою глаголы, существенные и прилагательные, — то в сем случае я обратился бы к товарищу моему по газете, сердечному другу моему и знаменитому писателю, Емельяну Емельяновичу Корюшкину: он бы написал за

меня статью, как обыкновенно всегда это делает, ибо без него, сердечного друга моего Емельяна Емельяновича, стал бы я в пень и не выдал бы по сие время и 3-х №№ своей газеты» (с. 208).

¹ Первые годы существования «Московского телеграфа» были отмечены его ожесточенной полемикой с изданиями Греча и Булгарина. Примирение Полевого с издателями «Сына отечества» и «Северной пчелы» состоялось в конце 1827 г.

² Имеется в виду заметка Пушкина «В одном из наших журналов дают заметить...» в № 3 «Литературной газеты», где было сказано: «Впрочем, “Литературная газета” была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов»; см. подробнее статью «Вопрос» и примеч. к ней — наст. изд., с. 216, 441.

³ О нападках враждебной пушкинскому кругу журналистики на дороговизну пушкинских изданий см. наст. изд., с. 513–514 и примеч. 114 на с. 502.

⁴ В № 50 «Северного Меркурия» (с. 200) указана «опечатка», якобы вкравшаяся в этом месте в текст: «Должно читать: пока еще не успеете заметить *обмана*».

⁵ Бестужев имеет в виду рецензию П. А. Плетнева на седьмую главу «Евгения Онегина». См.: ЛГ. 1830. Т. 1, № 17, 22 марта. С. 135; без подписи; наст. изд., с. 230–231.

⁶ Речь идет об обвинениях Булгарина в заимствовании Пушкиным из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и его романа «Иван Выжигин», будто бы допущенных Пушкиным в седьмой главе «Онегина» (СПч. 1830. № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 235) и ответе на них Дельвига (ЛГ. 1830. Т. 1, № 20, 6 апреля. С. 161; наст. изд., с. 236).

⁷ Имеется в виду рецензия Дельвига на третье издание «Бахчисарайского фонтана» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 22, 16 апреля. С. 177–178; наст. изд., с. 249–250). На этих словах кончается первая часть статьи «Сплетница», опубликованная в № 49.

⁸ Под именем Людмилы Ивановны в памфлете Бестужева выведен Андрей Иванович Подолинский. Подолинский родился и долгое время жил в Киеве.

⁹ Здесь рассказан эпизод разрыва А. И. Подолинского с пушкинским кружком. В № 19 (1 апреля) «Литературной газеты» появилась резкая рецензия Дельвига на новую поэму Подолинского «Нищий» (СПб., 1830). Дельвиг отказывал новой поэме в поэтическом вымысле, в грамматической точности и даже в смысле. Пустым и звучным стихам Подолинского он противопоставлял творения истинных поэтов: «Благозвучные стихи без мыслей обнаруживают не талант поэтический, а хорошо устроенный орган слуха. Гармония стихов Виргилия, Расина, Шиллера, Жуковского и Пушкина есть, так сказать, тело, в котором рождаются поэтические чувства и мысли. Как женская красота вполне выразилась в формах Венеры Медицинской, так у истинных поэтов каждая мысль и каждое чувство облекаются в единый, им свойственный гармонический образ» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 19, 1 апреля. С. 152). Рецензия явилась для Подолинского полной неожиданностью; он порвал с «Литературной газетой» и написал на нее эпиграмму, где обыгрывал слова Пушкина о газете для «некоторого числа писателей»:

Не для большого ты числа,
А ради дружбы выходила;
Где колыбель твоя была,
Там и могила!

(Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л., 1988. С. 326 (Б-ка поэта; Большая серия).

Подолинский всерьез считал, что отзыв Дельвига продиктован желанием устранить опасного соперника пушкинской славы. Эта версия отразилась и в его позднейших воспоминаниях: «Избалованный дружбою Пушкина, барон Дельвиг до того ревновал к славе великого поэта, отражавшейся косвенно и на нем, что малейший успех другого начинавшего поэта его уже тревожил» (П. в восп. Т. 2. С. 136). Подолинский перешел в «Северный Меркурий» Бестужева. В № 36–41 (24, 26, 28, 31 марта, 2 и 4 апреля) «Меркурия» появилась большая хвалебная статья о «Нищем». См. также: Вацуро. С. 201; примеч. 2 к статье Н. А. Полевого «“Чека”. Уральская повесть. Сочинение Феодора Алексеева» — наст. изд., с. 393–394.

Под *некоторыми другими магазинщицами, торгующими в Москве*, Бестужев подразумевает М. П. Погодина, поместившего в редактируемом им «Московском вестнике» более чем сдержанный по тону отзыв о «Нищем» (см.: МВ. 1830. Ч. 2, № 7. С. 258–261).

¹⁰ Имеются в виду стихотворения Дельвига, написанные в подражание русским песням.

¹¹ Речь идет об «Обзрении русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского, напечатанном в альманахе «Денница» на 1830 г. См. подробнее наст. изд., с. 211, 434–437. Ср. ссылки на басню И. И. Хемницера «Мегафизик» в рецензии газеты «Северный Меркурий» на альманах «Денница» (СМерк. 1830. Т. 1, № 23, 21 февраля; наст. изд., с. 227; см. также примеч. 5 к ней — наст. изд., с. 449).

¹² Имеются в виду дельвиговские подражания древним.

¹³ Под этим именем в памфлете выведен Орест Михайлович Сомов.

¹⁴ «Литературная газета» выходила раз в пять дней.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ» «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

МТ. 1830. Ч. 32, № 6 (выход в свет 27–30 апреля — МВед. 1830. № 35, 30 апреля). С. 238–243. Без подписи.

¹ *Скоты и бритты* (скотты и бритты) — кельтские племена в древней Ирландии и Шотландии (скотты) и Британии (бритты).

² *Фашинебль* — светский человек (англ. fashionable).

³ Имеется в виду рецензия Ф. В. Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина» (СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

⁴ Пародии на Пушкина и писателей пушкинского круга с февраля 1830 г. регулярно печатались в сатирическом приложении к «Московскому телеграфу» — «Новом Живописце общества и литературы». См. подробнее наст. изд., с. 515.

⁵ До отдельного издания седьмой главы было опубликовано два отрывка: «Москва (Из “Евгения Онегина”»)» («...Перед ними Уж белокаменной Москвы ~ Туда, где он являлся ей») (МВ. 1828. Ч. 7, № 1; перепеч.: СПч. 1828. № 17, 9 февраля) и строфы I–IV («Гонимы вешними лучами ~ Тянитесь из застав градских») (СЦ на 1830). См. также примеч. 3 к статье А. А. Дельвига «В 39-м № “Северной пчелы” помещено окончание статьи...» — наст. изд., с. 461.

⁶ Называя французского писателя-моралиста Жана де Лабрюйера (La Bruyère, 1645–1696), автора знаменитого «Характеров» («Les caractères ou les mœurs de ce siècle», 1688), *рудником для этиграфов*, автор статьи имеет в виду прежде всего излюбленную прозаическую форму французского классицизма, к которой тяготел Лабрюйер, — афористические высказывания, максимы.

Н. И. НАДЕЖДИН
**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», РОМАН В СТИХАХ. ГЛАВА VII,
 СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА**

ВЕ. 1830. Ч. 170, № 7 (выход в свет 1 мая — МВед. 1830. № 35, 30 апреля). С. 183—224. Подпись: С Патриарших прудов. Апреля 5.

В разборе седьмой главы «Евгения Онегина» Надеждин остался верен высказанным им ранее (в статьях о «Полтаве» и «Графе Нулине») взглядам на пушкинское творчество как естественно тяготеющее к гротеску и бытописанию. Как и прежде, критические оценки Надеждина оказались полемичными по отношению к его постоянным оппонентам — «Северной пчеле» и «Московскому телеграфу», где на этот раз говорилось о бедности содержания новой главы пушкинского романа. Надеждин же, указав на ограниченность творческих возможностей поэта, обращал особое внимание на художественную изобразительность, живописность ряда стрóf.

¹ *Тленский* — «записной поэт наших времен», персонаж литературных фельетонов Надеждина, впервые появившийся в его «Литературных опасениях за будущий год» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 21—22).

² Иронический отклик Надеждина на напечатанный в «Московском телеграфе» разбор его рассуждения «Различие между классическою и романтическою поэзиею, объясняемое из их происхождения» (Атеней. 1830. Ч. 1, № 1) — перевод с латинского части докторской диссертации Надеждина. Анонимный рецензент «Телеграфа», доказывавший компилятивность надеждинского рассуждения, воскликнул в заключение, пародируя стиль журнальных статей Надеждина-критика: «Кто ж этот мистификатор? Уж это ли не проказник ли и балагур Надоумко? Не он ли в сладостной теплоте разыгравшегося сердца и при скакании играющей чувственности, чрез приникновение к любомудрию, то по расширительному стремлению вне себя, то по стремлению самовозвратному внутрь себя, возвергаясь обратно к самому себе и претыкаясь всюду на гробищах всяких мыслителей, разманенный примером к подобным вторжениям и оцветленный премирным светом...», и т. д. (МТ. 1830. Ч. 31, № 3. С. 354).

³ Здесь и далее цитируется рецензия Ф. В. Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина» в № 35 (22 марта) «Северной пчелы» 1830 г. (наст. изд., с. 232).

⁴ На выход из печати изданного посмертно 12-го тома «Истории государства Российского» Карамзина Н. А. Полевой отозвался рецензией, в которой утверждал, что «История...» его «неудовлетворительна» и что «как философ-историк Карамзин не выдержит строгой критики» (МТ. 1829. Ч. 27. № 12. С. 481—482). По мысли Полевого, трудом, удовлетворяющим требованиям современной исторической науки, должна была стать его «История русского народа».

⁵ Здесь намек на ироническое название журнала «Московский телеграф» — «Бомбайская каланча», данное ему в свое время князем П. И. Шаликовым в «Дамском журнале»; со временем было принято другими журналистами и широко употреблялось в полемике против «Телеграфа» (см.: Полевой. С. 442).

⁶ Имеется в виду «Отрывок из поэмы «Курбский»» (подпись: И. Пустоцветов), который был напечатан в «Новом Живописце общества и литературы», сатирическом приложении к журналу «Московский телеграф», среди других произведений из пародийного альманаха «Литературное зеркало» (см. о нем. наст. изд., с. 515). В «Отрывке из поэмы «Курбский»» пародировалась романтическая поэма на исторический сюжет:

Отрывок из поэмы «Курбский»
(Песнь III)
LXVIII

...Сказал, и вот

Кипит народ нетерпеливый:
«Где он? Где он? Зачем нейдет?
Зачем...» Но шум толпы крикливой
Умолк. С узорчатых высот
Кремля, святого по преданью,
И по молве, и по сказанью
О чудесах былых времен,
Валит народ со всех сторон
На место лобное, где казни
Вельможа гордый учреждал,
Где прежде ужас неприязни
Он сам на плахе испытал...

LXIX, LXX, LXXI, LXXII.

«Нет, нет! — рекла святая дева.
Ты не погибнешь от меча!
От царского спасу я гнева
И от секиры палача!
Чрез монастырь, чрез переходы,
Чрез подземелья проведу,
И — двинешь ты его народы
Ему на гибель и беду!..»
Умолкла. С тайною тоскою
На деву юноша глядел.
Ведомый милою рукою,
Он холодел, он пламенел,
Он забывал свои обеты,
Он забывал свою судьбу,
И тайные любви приметы
Искал...

Пародия Полевого не носила безусловно персонального характера, но, очевидно, Надеждин считал, что пародируются поэмы Пушкина, главным образом «Полтава».

⁷ Имеются в виду публикации пушкинских эпиграмм в «Московском телеграфе», в первую очередь, по-видимому, эпиграммы 1829 г., написанные против Каченовского и Надеждина (см. наст. изд., с. 385, 407).

⁸ Здесь идет речь об обвинениях в отсутствии патриотизма, обращенных к Пушкину и к новым русским поэтам, которые прозвучали в статье Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2. С. 145–146).

⁹ В «Радуге, литературном и музыкальном альманахе на 1830 г.» (М., 1830) было опубликовано стихотворение Пушкина «К. А. Т<имаше>вой» («Я видел вас, я их читал...»), отмеченное в рецензии «Северной пчелы» как «перл этого альманаха» (1830. № 2, 4 января).

¹⁰ По-видимому, перефразируется суждение о Пушкине из заметки «Московского телеграфа», посвященной выходу первой части его «Стихотворений» в 1829 г.: «Наш русский поэт со славою поддерживает достоинство своего народа в кругу человечества» (МТ. 1829. Ч. 27, № 11. С. 389; наст. изд., с. 189).

¹¹ Цитируется начало басни И. А. Крылова «Пустынный и Медведь» (1808).

¹² Имеется в виду статья П. А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова. Вместо предисловия

к «Бахчисарайскому фонтану» (1824). О влиянии на концепцию «Предисловия» Вяземского теоретических работ европейских романтиков см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 104–109.

¹³ После публикации в 1748 г. трех первых песен «Мессиады» Ф.-Г. Клопштока развернулась острая полемика.

¹⁴ Имеется в виду публикация в «Дамском журнале» (1824. Ч. 6, № 7, 8 и 9) статей П. А. Вяземского, который полемизировал с М. А. Дмитриевым, выступавшим на страницах «Вестника Европы» (см.: П. в критике, I. С. 156–188).

¹⁵ В городе Лебедяни Тамбовского уезда проходили традиционные конные ярмарки. Учрежденное коннозаводчиками Лебедянское скаковое общество дважды в год проводило скачки (во время Троицкой и Покровской ярмарок). По-видимому, Надеждин намекает на публиковавшиеся в «Московском телеграфе» подробные корреспонденции о скачках (см., например: Лебедянские конские скачки // МТ. 1828. Ч. 23, № 17. С. 130–138; подпись: Беспристрастный зритель).

¹⁶ Имеется в виду статья «Московские записки» за подписью «Н. Д.» (возможно, ее автором был М. А. Дмитриев), опубликованная в № 1 «Вестника Европы» за 1824 г. (см.: П. в критике, I. С. 149–150; 388–391).

¹⁷ Намек на Н. А. Полевого.

¹⁸ Перефразируется басня И. А. Крылова «Обоз» (1812). Ср.:

Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

¹⁹ В насмешливой рецензии на альманах «Северные цветы» на 1830 г. Надеждин писал о статье Пушкина «Отрывок из литературных летописей», направленной против М. Т. Каченовского и его самого: «Чудная судьба великих гениев!.. После неудачного боя при *Полтаве* А. С. Пушкин, отстреливаясь карикатурами и эпиграммами, отретировался мужественно с поля литературного и принялся — за грифель летописца! Видим *Наполеона* — на *острове С<вятой> Елены*, предприимлющего писать историю, распростившись с возможностью действовать для истории!.. Зрелище поистине умилительное!..» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2. С. 164; наст. изд., с. 220).

²⁰ «Иван Выжигин» (СПб., 1829) и «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830) — романы Ф. В. Булгарина.

²¹ Имеется в виду высказывание И. В. Киреевского об А. И. Дельвиге в «Обзрении русской словесности 1829 года»: «Его муза была в Греции <...> ее южная краса не вынесла бы холода мрачного севера, если бы поэт не прикрыл ее нашею народною одеждою; если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния, — и не к лицу ли гречанке наш северный наряд?» (Денница на 1830 г. С. LIX) В болдинских заметках 1830 г. Пушкин отмечал: «Журналисты наши <...> обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику» (XI, 151; наст. изд., с. 285).

²² Число муз в античной мифологии — девять.

²³ *Пахом Силчи Правдивин* — персонаж написанных в диалогической форме статей Надеждина о поэме Пушкина «Полтава» (ВЕ. 1829. Ч. 164, № 8. С. 287–302; Ч. 165, № 9. С. 17–48; наст. изд., с. 157) и о романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 10. С. 114–113; № 11. С. 197–228).

²⁴ А. С. Ширяев был книготорговцем-комиссионером Московского университета.

²⁵ *Нещичко* (нешечко) — «нечто; тайна; вещица, гостинец, дорогая вещь, лакомство и пр.» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е изд. СПб., М., 1914. Т. 2. Стб. 1462).

²⁶ Цитируются заключительные строки стихотворения «Наполеону» («A Napoléon»), входящее в книгу «Мессенские элегии» («Messniennes», 1818) французского поэта Казимира Делавиня (Delavigne, 1793–1843).

²⁷ Имеются в виду слова Наполеона «От великого до смешного один шаг» («Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas»), сказанные им во время бегства из России французскому посланнику в Варшаве Д. Прадту (см.: *Pradt. Histoire de l'ambassade dans le Grand-duché de Varsovie en 1812*. Paris, 1815. P. 182).

²⁸ *Аристарх* — см. примеч. 6 к статье С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» — наст. изд., с. 339.

²⁹ Имеется в виду сцена «Триссотин и Вадюс» (1810) — вольный перевод И. И. Дмитриева из комедии Мольера «Ученые женщины» (д. 3, явл. 5). У Дмитриева ссора между Вадюсом и Триссотиним вспыхивает из-за пренебрежительной оценки, данной Триссотином «сонету на прыщик Делии», написанному Вадюсом.

³⁰ Цитата из сказки И. И. Дмитриева «Воздушные башни» (1790).

³¹ Намек на «Историю русского народа» Н. А. Полевого.

³² Имеется в виду «исторический роман» Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830. Ч. 1–4).

³³ В романе Булгарина Калерия — жертва Лжедмитрия, чудом спасаясь и преследующая его для отмщения.

³⁴ Английский живописец У. Хогарт (Hogarth, 1697–1764) был признанным мастером сатирического бытового жанра.

³⁵ Намек на «нравственно-сатирический» роман Булгарина «Иван Выжигин».

³⁶ «*Улей*» и «*Каланча*» — соответственно «Северная пчела» и «Московский телеграф» (см. выше примеч. 5). Здесь игра слов: *неумытный* (*устар.*) — беспристрастный, неблагоприятный.

³⁷ «История русского народа» Н. А. Полевого открывалась посвящением выдающемуся немецкому ученому: «Б.-Г. Нибуру, первому историку нашего века».

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ» «ЕВГЕНИЙ ВЕЛЬСКИЙ», РОМАН В СТИХАХ. ТРИ ГЛАВЫ

СМерк. 1830. Т. 1, № 58. С. 229–231. Подпись: Евгений Лизин (по видимому, один из псевдонимов М. А. Бестужева-Рюмина).

О романе в стихах М. И. Воскресенского «Евгений Вельский» и критических отзывах о нем см. наст. изд., с. 375, 509–511.

¹ См.: СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232.

² О популярной в периодике 1830 г. теме высокой продажной цены пушкинских произведений и корыстолюбия Пушкина см. в пушкинском «<Опровержении на критики>», в примечаниях к нему и в примечаниях к отрывку из «анекдотической сцены» М. А. Бестужева-Рюмина «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» — наст. изд., с. 502, 513–514.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК»
 НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ
 В «СЫНЕ ОТЕЧЕСТВА», В «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ»
 И «МОСКОВСКОМ ТЕЛЕГРАФЕ»

МВ. 1830. Ч. 3. № 9. С. 75—84 (выход в свет 18—21 мая — МВед. 1830. № 41, 21 мая). Подпись: W, с пометой у заглавия: «Сообщено».

Настоящая статья явилась одним из самых решительных выступлений «Московского вестника» в поддержку «пушкинской» партии в ходе полемики о литературной аристократии. Об авторстве статьи можно высказать лишь самые осторожные и предварительные предположения. Помета «сообщено» у заглавия показывает, что статья написана человеком, не только не принадлежавшим к кругу сотрудников «Московского вестника», но скорее всего вообще не являвшимся активным участником московской литературной жизни. Под текстом стоит помета: «село Успенское». Возможно, речь идет о селе Успенском Александровского уезда Владимирской губернии, которое было родовым имением Мухановых. Все три брата Мухановы, Александр Алексеевич (1800—1834), Николай Алексеевич (1802—1871) и Владимир Алексеевич (1805—1876), были лично знакомы с Пушкиным и принадлежали к поклонникам пушкинского таланта. Старший из братьев, Александр Муханов (см. о нем: Русские писатели. Т. 4. С. 181—182 (статья Е. Е. Пастернак)), литератор, сотрудничавший в середине 1820-х гг. в московских журналах, сослуживец и приятель Баратынского, А. С. Хомякова, знакомый Вяземского, Грибоедова, Д. В. Давыдова, вполне мог бы быть и автором статьи в защиту Пушкина, посланной в «Московский вестник». (Подпись «W» может рассматриваться как перевернутое «М»; ср. аналогичные криптонимы, которыми пользовался М. А. Максимович: Машанов. Т. 2. С. 135, 148; Т. 3. С. 340.) Однако имеющийся фактический материал для обоснования этой гипотезы явно недостаточен.

¹ См. рецензию Н. А. Полевого на «Невский альманах» на 1830 г. — МТ. 1830. Ч. 31, № 3. С. 355—356.

² Подразумеваются слова В. К. Кюхельбекера о поэтическом триумvirате Жуковский—Батюшков—Вяземский в статье «Взгляд на текущую словесность» (НЗ. 1820. Ч. 1, № 2. С. 116).

³ Имеются в виду хвалебные отзывы «Московского телеграфа» о романах Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829) и «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830) — см.: МТ. 1829. Ч. 26, № 7. С. 344—347 (без подписи); Ч. 28, № 13. С. 65—79 (рец. Н. А. Полевого); 1830. Ч. 32, № 6. С. 193—237 (рец. В. А. Ушакова).

⁴ По-видимому, имеется в виду статья П. А. Вяземского «О духе партий; о литературной аристократии» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 23. С. 182—183). Статья «Московского вестника» обнаруживает ряд точек соприкосновения с рассуждениями Вяземского.

⁵ Имеется в виду соответствующее высказывание Булгарина из рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» (СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

⁶ Возможно, неточно цитируется рецензия Булгарина на вторую часть «Мнемозины» (ЛЛ. 1824. № 15. С. 77; П. в критике. Т. 1. С. 420—421).

⁷ См.: СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232.

⁸ Речь идет о комедии «Горе от ума», первые два акта которой были написаны Грибоедовым во время службы при Главноначальствующем в Грузии генерале А. П. Ермолове с конца 1821 г. по март 1823 г. (см.: Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 272—274, коммент. А. Л. Гришунина).

⁹ Имеются в виду поэма Т. Тассо (Tasso, 1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» («La Gerusalemme Liberata», 1580), рассказывающая об осаде и взятии Иерусалима войсками Готфрида Бульонского в 1099 г., и романтическая поэма Т. Мура (Moore, 1779–1852) «Лалла Рук» («Lalla Rookh», 1817), состоящая из четырех восточных сказок.

¹⁰ Имеется в виду «Сын отечества», издававшийся с 1812 г. (в 1829 г. слился с «Северным архивом»).

Н. А. ПОЛЕВОЙ

УТРО В КАБИНЕТЕ ЗНАТНОГО БАРИНА

<Отрывок>

МТ. 1830. Ч. 33, № 10 (выход в свет 15–18 июня — МВ. 1830. № 49, 18 июня). Новый Живописец общества и литературы. С. 159–180; приводимый отрывок — с. 170–171. Без подписи.

Сатирический фельетон Н. П. Полевого явился откликом на стихотворение Пушкина «К вельможе», опубликованное в № 30 (26 мая) «Литературной газеты» под заглавием: «Послание к К. Н. Б. Ю.» и с пометой: «Москва. 1830». Художественное задание стихотворения Пушкина даже в близком пушкинском кругу было понято не всеми. В нем видели лишь комплиментарное обращение к видному вельможе, князю Николаю Борисовичу Юсупову, человеку с весьма не безупречной репутацией. Пушкин отмечал «недовольство», которым было встречено его новое стихотворение (XI, 153; наст. изд., с. 287). Полевой, как и большая часть читателей, не смог разделить реальный прототип и созданный в послании поэтический образ и увидел в стихотворении лишь еще одно доказательство пушкинского «аристократизма». На этот раз он даже обвинил поэта в низкопоклонстве. «Чего желал, чего искал он? — недоумевал уже много лет спустя К. А. Полевой, рассказывая этот эпизод в своих «Записках». — Похвалить богатство и сластолюбие. Пообедать у вельможи и насладиться беседою полумертвого, измененного старика, недостойного своих почтенных лет? Вот в чем было недоумение и вот что возбуждало негодование. Понимание! Тем хуже было, что, писавши о недостойном предмете, Пушкин находил прекрасные стихи и как будто вдохновение» (Полевой. С. 304). О критической реакции на пушкинское послание и о связи стихотворения «К вельможе» с полемикой 1830–1831 гг. о «литературной аристократии» см.: Вацууро В. Э. «К вельможе» // Вацууро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 179–216. Сатирический фельетон Полевого был, разумеется, много шире полемики с Пушкиным. Он являл собой типичный образец сатиры «на лицо». Адресат пушкинского послания, выведенный Полевым под именем «князя Беззубова» был легко узнаваем. Юсупов обратился с жалобой к московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну. Полевому был сделан выговор; цензуровавшего «Телеграф» С. Н. Глинку отрешили от должности. По Москве стали распространяться слухи, что Юсупов приказал своим лакеям «отколотить» редактора «Московского телеграфа» палками. Эти слухи попали на страницы журналов (см., в частности, заметку в № 45 (14 августа) «Литературной газеты» «В газете “Le Furet”...»). См. подробнее: Полевой. С. 432–434, 404–405. При выпуске в 1832 г. отдельного издания «Нового Живописца» фельетон «Утро в кабинете знатного барина» был запрещен цензурой (см.: Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма: Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903. С. 501–502).

Ф. В. БУЛГАРИН
ВТОРОЕ ПИСЬМО
ИЗ КАРЛОВА НА КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

<Отрывок>

СПч. 1830. № 94, 7 августа. Подпись: Ф. Б.

Летом 1830 г. на страницах «Северной пчелы» печаталась серия статей, написанных в форме переписки между Каменным островом и Карлово. На Каменном острове, традиционном месте петербургских летних дач, находилась дача Н. И. Греча; Карлово было имением Ф. В. Булгарина под Дерптом. Начало этому циклу газетных статей положило «Письмо с Каменного острова в Карлово», датированное 2 июня и напечатанное в № 67 газеты от 5 июня. Всего в течение июля 1830 г. было напечатано восемь писем, последнее — в № 89 (26 июля). Письма были подписаны литерой «N.», выдержаны в достаточно нейтральном тоне и заключали в себе обзор новейших петербургских происшествий, в том числе новостей литературных, музыкальных и театральных. Наконец 31 июля в № 91 «Пчелы» было напечатано ответное «Письмо из Карлова на Каменный остров», подписанное инициалами Булгарина. В отличие от писем Греча, оно дышало полемикой. Булгарин довольно грубо задел Вяземского, названного в «Письме» «нашим доморожденным Боало, автором тысячи и одной неоконченной биографии и тысячи и одного предисловия к чужим сочинениям»; привычно иронизировал по поводу «Литературной газеты» и отказывался от дальнейшей журнальной войны: здесь, в Карлово, глядя на «возлеянные» им «цветы и деревья», он не желал вспоминать «о интригах, о пронырстве, о происках честолюбия, корыстолюбия». В полемике с «Литературной газетой» он прямо апеллировал к голосу широкого читателя: «Я смеюсь, видя в каждом нумере журнала мое имя и не хочу отвечать. Стоит ли занимать публику своими личностями? <...> Видя, что мои сочинения жестоко гневают моих противников, я, в самом деле, вздумал отомстить им и написать что-нибудь новое. Если публика примет это произведение так же благосклонно, как и прежние мои труды, тогда мне снова будет потеха: слышать вопли, крик, брань и прогуливать себя безвредно под выстрелами зависти. Надеюсь, что публика поможет мне отомстить бранливым журналистам за то, что они ей надоели».

«Второе письмо из Карлова на Каменный остров» содержало грубейший выпад против Пушкина. О происхождении очередного булгаринского пасквиля сохранилось свидетельство (впрочем, позднее и, видимо, не вполне достоверное) в воспоминаниях Греча: «Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем, что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома! Булгарин, услышав это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в «Северной пчеле» этот отзыв» (*Греч Н. И. Фаддей Булгарин // Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 702*). Кроме Пушкина, в «Письме» были задеты также И. В. Киреевский и С. П. Шевырев. Реакция на новый пасквиль Булгарина последовала незамедлительно. Уже через два дня, 9 августа, в «Литературной газете» появилась статья: «Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии...» (1830. Т. 2, № 45. С. 72; об авторстве статьи и реакции на нее см. примеч. 6 к «Опыту отражения некоторых не-литературных обвинений» Пушкина — наст. изд., с. 504). Здесь же был перепечатан из «Обозрения» Киреевского отзыв о Булгарине, сопровождаемый следующим примечанием: «Заметим, что нам не удалось встретить ни одного порядочного литератора, ни одного умного светского человека, ни одной образованной женщины, которые бы вполне не согласились с мнением г. Киреевского». Далее пересказывался хвалебный отзыв о Булгарине из немецкой газеты «Allgemeine Zeitung». «Сочинитель писем из Карлова может быть

вследствие сего спокоен, видя, что заказные похвалы скорее доходят из России к иностранным журналистам, чем мнения путешествующих литераторов», — говорилось в заключение. В этой же заметке, между прочим, сообщалось, что не Пушкин был автором статьи о «Димитрии Самозванце» Булгарина в № 14 (7 марта) «Литературной газеты»; причем было сделано следующее подстрочное примечание: «А. С. Пушкину предлагали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь». В № 46 (14 августа) и № 47 (19 августа) «Литературной газеты» помещен разбор 2-го издания «Сочинений Фаддея Булгарина» (СПб., 1830), по поводу чего Греч в очередном, одиннадцатом, «Письме с Каменного острова в Карлово» ехидно сообщал о появлении еще одной вариации на тему: «мы не любим Булгарина, следственно, он пишет дурно» (СПЧ. 1830. № 101, 23 августа). Но наиболее сильным литературным ответом на выходку Булгарина стало написанное несколькими месяцами позднее, в Болдине, стихотворение «Моя родословная»; непосредственно на «Второе письмо из Карлова» отвечал постскриптом к стихотворению — «Решил Фиглярин, сидя дома...». Не попавшая в печать, «Моя родословная» широко распространялась в списках, поэтому год спустя Пушкин даже счел нужным пояснить Бенкендорфу обстоятельства создания стихотворения. Пересказав шефу жандармов булгаринскую статью, Пушкин отмечал, что напечатана она в «официальной газете», что «непристойность» зашла слишком далеко даже для литературного фельетона, но, поскольку «журналисты наши не дерутся на дуэли», он, Пушкин, был вынужден отвечать «анонимному сатирику» в стихах и ответил «очень круто» (XIV, 241, 442; перев. с франц.). Ознакомившись с пушкинским письмом, Николай I передал поэту, что «такие низкие и подлые оскорбления, которыми его угостили, обещивают не того, к кому они относятся, а того, кто их произносит. Единственное оружие против них есть — презрение...» К распространению же «Моей родословной» в списках царь отнесся неодобрительно (см.: Письма. Т. 3. С. 440—443).

Булгарину отвечал и Шевырев, обратившийся с письмом в редакцию «Литературной газеты». Это письмо, датированное 14 /2 сентября было напечатано в № 56 (3 октября) газеты. См. подробнее: *Шевырев С. П.* Письмо к барону А. А. Дельвигу // Литературные портфели. I: Время Пушкина. Пб., 1923. С. 95—99 (публ. и коммент. Н. В. Измайлова).

¹ Речь идет о И. В. Киреевском и его «Обозрении русской словесности 1829 года» напечатанном в альманахе «Денница» на 1830 г. Об «Обозрении» Киреевского, в частности, его отзывы о романе Булгарина «Иван Выжигин» и о поэзии Дельвига см. наст. изд., с. 435—436.

² Имеется в виду С. П. Шевырев, в 1828 г. бывший фактическим соредактором «Московского вестника» и основным критиком журнала. В 1829 г. Шевырев уехал в Италию в качестве воспитателя сына З. А. Волконской. Итальянские корреспонденции Шевырева в 1830 г. регулярно печатались в «Московском вестнике».

³ Имеется в виду следующий пассаж из первой статьи «Размышлений и разборов» П. А. Катенина: «Справедливо ли наравне с сими искусствами (поэзией и живописью. — *Ред.*) называть изящными архитектуру и музыку? что есть изящного в каком-нибудь строении? почему восхищаться более фасадом дома, удобством лестницы, разрезом двери либо окна, нежели отделкою кареты, фасоном кресел или щегольством наряда? Что может быть высокого в музыке отдельно от слов? Ряд стройных звуков доставляет удовольствие физическое: приятно греться у огня, качаться на качелях, кружиться в пляске, скакать на лошади, слушать соловья в лесу или Фильда в концерте; но благороднейшим чувствам человека до всего этого дела нет» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 4, 16 января. С. 29).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

БОЛДИНСКИЕ
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПУШКИНА

Осенью 1830 г. Пушкин задумал для «Литературной газеты» цикл литературно-критических, полемических и автобиографических заметок. Наполненные фактами современного журнального быта и прошлой литературной жизни, содержащие живые отклики на злобу дня и отголоски былых споров, они должны были оживить и поднять издание Дельвига. «Доношу тебе, моему владельцу, — сообщал ему Пушкин 4 ноября, — что нынешняя осень была детородна и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого <...>, то в замке твоём, “Литературной газете”, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропась полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина» (XIV, 121). О том же писал он и Вяземскому на следующий день: «Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер» (XIV, 122).

Ко времени этих «донесений» у Пушкина было не менее сорока небольших заметок, которые включали «острый автокомментарий к собственным произведениям и к их литературной судьбе» (Оксман Ю. Пушкин — литературный критик и публицист // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 451), резкие оценки современного состояния русской критики, эскиз собственной родословной, грамматические замечания и суждения о разговорном языке. Главное же место в них уделялось современной литературной полемике и отражению критических выпадов «Северной пчелы», «Московского телеграфа», «Северного Меркурия», «Вестника Европы», «Галатеи», которые вели жесткую борьбу с «Литературной газетой». Болдинские заметки, ориентированные на эту журнальную войну, насквозь полемичны, потому в письмах к Дельвигу и Вяземскому Пушкин прежде всего подчеркивает намерение «отделать» русские журналы «на их же манер».

«Пропась полемических статей» сначала формировалась как общий поток «антикритик». Избранный Пушкиным жанр позволял вести и современную полемике, и обращаться к своему литературному прошлому. Как отмечал Ю. Г. Оксман, «поэт хорошо, видимо, помнил все, сколько-нибудь существенные, критические замечания, которые ему когда-либо были сделаны и в печати, и в устных спорах, и письменно. Статья получала поэтому в некоторых своих частях определенное мемуарное звучание» (Там же. С. 546). Еще в Болдине эти заметки начали оформляться в циклы. Для одного уже тогда было найдено заглавие — «Опыт отражения некоторых не-литературных* обвинений» и эпиграф из Р. Саути («Сколь ни удален

* Написание слова «не-литературных» дается в соответствии с рукописью болдинских полемических заметок, где сочетание «не-литературных обвинений» встречается трижды: два раза в заглавии задуманного Пушкиным цикла и один раз в предисловии к «Опыту». В последнем случае Пушкин даже использует тире и пишет «обвинений не — Литературных», что, как представляется, подчеркивает осознанный выбор такого написания, которое усиливает смысловую нагрузку слова, приобретающего в данном контексте определенную терминологическую семантику («возражения не на [литературные] критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения не — Литературные, которые пычче в большой моде»).

я моими привычками и правилами от полемики всякого рода, еще не отрекся я совершенно от права самозащиты»), переработано первоначальное предисловие и составлены два варианта плана. Судя по ним, Пушкин предполагал включить в «Опыт» полемическую часть уже написанных к тому времени болдинских заметок. Другой цикл, впоследствии вычлененный исследователями из общего потока заметок, содержал ответы на «литературные обвинения» и получил редакторское заглавие «Опровержение на критики», основанное на пушкинском определении в предисловии к циклу. Окончательную работу над статьями Пушкин отложил до возвращения в Москву, чтобы понять, как изменилась журнальная ситуация в его отсутствие, и расставить последние акценты в созданных им полемических заметках.

Однако он так и не подготовил их к печати. В ноябре 1830 г. выпуск «Литературной газеты» был приостановлен, и она вскоре прекратила свое существование. При жизни автора был напечатан только фрагмент о «Полтаве», который в сжатом виде содержал две болдинских заметки: «Habent sua fata libelli...» и «Кстати о "Полтаве"...» (Денница на 1831 г.; наст. изд., с. 307–308).

Рукопись болдинских «полемических статей» осталась в архиве Пушкина. Во время «жандармского обыска» бумаг поэта они вместе с автографами других произведений были произвольно сшиты в разные тетради, и одна из самых больших болдинских рукописей, таким образом, потеряла свою внешнюю целостность для первых издателей. Они извлекали для публикации отдельные заметки и отрывки, группируя их по собственному усмотрению. Впервые 11 заметок под общим заглавием «Отрывки из записок А. С. Пушкина» появились в «Сыне отечества» (1840. № 7).

П. А. Плетнев, составлявший в 11-м томе «посмертного» издания собрания сочинений поэта раздел «Отрывки: литературные, критические, грамматические замечания», напечатал 34 болдинские заметки в той последовательности, в какой они оказались в «жандармских тетрадях». Не включенные в «посмертное» собрание сочинений статьи появились позднее в изданиях П. В. Анненкова* и в описании пушкинских тетрадей, выполненном В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Декабрь. С. 546–551, 557–563). Якушкин впервые напечатал и планы «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений» (не объяснив, однако, их связи с болдинскими полемическими заметками из «жандармских тетрадей»), и заметки о «литературной аристократии». Дополняя Плетнева, и Анненков, и Якушкин повторяли его по существу: пушкинские «опровержения на все критики» по-прежнему представляли перед читателем как разрозненные отрывки и размышления поэта о своем творчестве, литературе, критике, полемике, языке, не связанные между собою общим замыслом.

В 1930-е гг. Ю. Г. Оксман соотнес заметки Пушкина с планами «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений» и на их основе произвел собственную реконструкцию окончательной редакции этого пушкинского замысла**. Заметки, которые не нашли отражения в плане, были сгруппированы по тематическому признаку и первоначально входили в собрания сочинений под общими условными заглавиями: «Наброски возражений критикам языка и стиля "Евгения Онегина"»,

* Это фрагмент введения и две заметки: «В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен...» (Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 1. С. 298–299) и «Читал ты в № <45> Литературной газеты...» (ВЕ. 1880. Июнь. С. 601–603).

** Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М., 1936. Т. 6. С. 104–129. В десятитомнике, выпущенном Государственным издательством художественной литературы в 1959–1962 гг., Оксман сохранил предложенные им состав и композицию «Опыта».

«Заметки о ранних поэмах», «Заметки, исключенные из “Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений”».

При подготовке «большого» академического издания собрания сочинений Пушкина, когда «жандармские тетради» были расшиты и появилась возможность всестороннего текстологического обследования вошедших в них рукописей, В. В. Гиппиус установил, что «замыслу “Опыта” предшествовал другой полемический замысел, до конца не осуществленный. Это был тоже “Опыт отражения обвинений”, но, преимущественно, как раз “литературных”» (*Гиппиус В. В. О текстах критической прозы Пушкина. Отчет о работе над XI томом // П. Врем. Т. 4/5. С. 559*). Восстанавливая первоначальную редакцию этого замысла, Гиппиус пришел к выводу, что первая по времени серия статей включала в себя впечатления Пушкина от враждебной критики 1829—1830 гг. (она начиналась заметкой «Граф Нулин» — «наделал мне больших хлопот...» и заканчивалась ответом на известный булгаринский «Анекдот»: «Иной говорит: какое дело критику...»). Вторая по времени цепочка заметок представляла собою последовательный ответ на все критики, положительные и отрицательные, в порядке появления произведений Пушкина и откликов на них в печати (от заметки «Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно...» до «Мы так привыкли читать ребяческие критики...»). По мнению Гиппиуса, «оба эти замысла друг с другом согласованы не были (хотя второй и мог быть продолжением первого), так как оба уступили место третьему» — «Опыту отражения некоторых не-литературных обвинений» (Там же. С. 563—564). Первые два цикла заметок, расположенные Гиппиусом в хронологии пушкинского творчества, и составили в «большом» академическом издании «<Опровержение на критики>». Реконструкция, представленная в академическом издании, в путанице разрозненных листов впервые позволила увидеть два замысла, вырастающих один из другого. Однако на основе современного текстологического и палеографического изучения рукописи последовательность работы Пушкина над ними может быть представлена иначе.

Рукопись болдинских заметок состоит из двенадцати двойных листов *in folio*, которые Пушкин заполнял последовательно, один за другим, и шести двойных листов, сложенных тетрадью и также заполненных страница за страницей. В настоящее время они составляют шесть архивных единиц в составе пушкинского рукописного фонда (ПД 1077—1082). Автографы черновые, с несколькими слоями разновременной правки другими чернилами и пером, чем в первоначальном тексте, который, в свою очередь, тоже был написан в несколько приемов. Заметки и отдельные наброски Пушкин отделял друг от друга короткой горизонтальной чертой.

Работа над болдинскими «антикритиками» была начата после неудачной попытки Пушкина покинуть Болдино, оцепленное холерными карантинами. Первым было написано введение «Будучи русским писателем...», помеченное в рукописи 2 октября. В нем Пушкин объяснял своему будущему читателю, почему впервые за 16 лет «авторской жизни» он решил нарушить молчание и написать «опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения». В этой фразе предисловия В. В. Гиппиус видел ключ к пушкинскому замыслу: «Естественно, что ряд ответов на критики и замечания о своих сочинениях начинается он с первого замеченного критикой произведения — с “Руслана и Людмилы”» (Там же. С. 560), а следующие за ним в рукописи заметки о «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Братьях разбойниках», по мнению ученого, «лишний раз доказывают единство и непрерывность пушкинского замысла» (Там же). Следует, однако, отметить, что такая последовательность, спокойная и ровная, больше свойственна завершающему этапу работы над полемической статьей, нежели раннему периоду замысла.

С чего же начались «опровержения»? Какую из журнальных критик своих произведений Пушкин «припомнил» первой? Ответить на эти вопросы помогает рукопись болдинских заметок.

Введение, написанное 2 октября, Пушкин перерабатывает некоторое время спустя для нового замысла — «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений». Правка сделана тонким пером и черными чернилами. На полях третьей страницы рукописи предисловия против фразы: «Я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику» — Пушкин делает помету: «Я замечал etc. См. замеч. 14» (ПД 1077, л. 2). Помета явно указывает на перенос сюда с другого листа части уже написанной заметки. Ее легко отыскать: она обозначена цифрой «14», сделанной, как и правка, тем же пером. Это отрывок о «волшебном влиянии типографии», которое в глазах читающей публики самое «глупое ругательство» делает справедливым и истинным («Перечитывая самые бранчивые критики...»). Значит, занумерованный Пушкиными фрагмент на определенном этапе работы был четырнадцатым по общему счету. Если найти тринадцать заметок, предшествовавших ему, то тогда возможно достоверно восстановить хотя бы часть авторского порядка листов в пачке рукописей.

Отрывок, отмеченный цифрой «14», написан на лицевой странице двойного листа (ПД 1081, л. 3). Ему предшествует заметка «Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста...», начало которой находится на последней странице другого двойного листа (ПД 1081, л. 2 об.). Вместе с ней на этом листе пять других замечаний и фрагментов, отделенных друг от друга горизонтальной чертой. Остается «подобрать» те листы, на которых поместились восемь пушкинских «антикритик». Из сохранившихся такому требованию удовлетворяют два двойных листа, объединенных современным шифром ПД 1079.

Первой в этом ряду оказывается, таким образом, заметка «Критику 7-ой песни в “Северной пчеле” пробежал я в гостях...», и такое ее положение в ряду болдинских «опровержений» объяснимо. Реальные обстоятельства последних месяцев жизни Пушкина заставляли его «припомнить» в первую очередь издательский отзыв Булгарина о седьмой главе «Евгения Онегина», который был напечатан в «Северной пчеле» (22 марта и 1 апреля 1830 г.) и был последней к тому времени булгаринской критикой пушкинских сочинений. Беспокойство Пушкина о том, как повлиял выпад Булгарина на продажу седьмой главы романа в стихах, едва ли было простым авторским «любопытством» (так определил он в письме к Плетневу свой интерес к действию, которое произвела на читателей очередная выходка «Северной пчелы»). В начале мая, сообщая Плетневу о высочайшем позволении напечатать «Бориса Годунова», Пушкин продолжал: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, не прилично. Как ты думаешь? реши» (XIV, 89). «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине, — отвечал поэту его «наставник строгий», — следственно (по моему разумению), не стоит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы для чего не поучить» (XIV, 93). Невольный досуг в окруженном карантинными Болдине и возникший тогда замысел «опровержений на все критики» предоставили Пушкину и случай, и место, чтобы «отделать» своего врага.

Предположение о том, что цепочка болдинских возражений на критики началась с ответа именно на эту булгаринскую критику и следующих за ним в рукописи заметок, вобравших в себя факты журнальной хроники 1830 г., не входит в противоречие ни с палеографическими данными (одинаковые светло-коричневые чернила, расписанное перо, характер почерка в предисловии и на этих листах), ни с

творческим контекстом, в котором они создавались. 5–10 октября Пушкин работал над шутливо-пародийной поэмой «Домик в Коломне», вступление к которой, впоследствии отброшенное, наполнено реалиями журнальной войны 1830 г. Ассоциативный ряд первых трех заметок «<Опровержения на критики>»: от болгаринской критики седьмой главы с ее шуткой о жуке — к «затейливой шутке» «Вестника Европы», напомнившей Пушкину лицейские стишки о Дельвиге, и к неудачному выражению И. В. Киреевского о поэзии Дельвига (см. наст. изд., с. 436), которое подхватили журналисты, «разорвали на лоскутки», стараясь рассмешить читателей, — отразился через несколько дней в полемических октавах «Домика в Коломне»:

И там копышутся себе в грязи
 Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
 Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
 Кто раком пятится, кто вьется змейкой...
 Но, муза, им в шутку не грози —
 Не то тебя покровом телогрейкой
 Оборванной и вместо похвалы
 Поставим в угол Северной пчелы
 (V, 378–379).

Недобросовестная болгаринская критика седьмой главы «Онегина» не давала Пушкину покоя этой осенью: в конце октября она отозвалась в «Отрывке» («Несмотря на великие преимущества...»), а месяц спустя, 21 ноября, Пушкин вновь вернулся к ней в проекте предисловия к роману в стихах (см. наст. изд., с. 305).

Итак, в начале октября у Пушкина возник замысел большого цикла критико-полемических и автобиографических статей. Окончательные рамки замысла определяются позднее, в первый же «присест» Пушкин написал целую серию заметок, отрывков, замечаний, набросков (в предлагаемой реконструкции — от «Критику 7-ой песни в “Северной Пчеле”...» до «Иной говорит...»).

Первоначально «возражения на все критики» (то есть полемическая часть) и «собственные замечания на собственные сочинения» (то, что можно определить как автобиографические заметки) не были отделены друг от друга, а шли вперемешку. Пушкин останавливается на конкретных фактах и событиях литературной жизни и определяет механизм, движущую пружину современной журнальной полемики («Сам съеш...»); от разбора «самых бранчивых критик» седьмой главы «Онегина», «Графа Нулина», «Полтавы» переходит к рассуждениям о нравственности и нравоведении в литературе («Безнравственное сочинение есть то...»); возвращается к полемике о «литературной аристократии», размышляет о роли дворянства в русской истории и обращается к истории собственного рода. Вместо хронологического порядка — ассоциативная связь между заметками, «припоминание», по определению самого автора. В этом состояла особенность первого этапа работы, когда границы возникшего замысла не обрели еще четкости и ясности. В первую треть октября была создана основная часть пушкинских заметок. Вероятно, позднее были написаны опровержения на критики ранних поэм, четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»; «грамматические рассуждения» (от «“Руслана и Людмилу” приняли благосклонно...» до «Шестой песни — не разбирали...»); заметки в сшитой тетради (от «О “Цыганах” одна дама заметила...» до «Мы так привыкли читать ребяческие критики...»). «Разговор» о заметке «Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии», напечатанной в № 45 «Литературной газеты», скорее всего, создавался до «<Опровержения на критики>», как самостоятельная статья для газеты Дельвига, и затем был включен в планы «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений» как его составная часть (по-

дробно об этом см.: *Краснобородько Т. И.* Болдинские полемические заметки Пушкина. (Из наблюдений над рукописями) // ПИМ. Т. 14. С. 170—175). Планы «Опыта», в свою очередь, свидетельствуют о четко определившемся к концу октября замысле, который не покрывал всего написанного ранее, но вбирал в себя основные статьи, связанные с полемикой о «литературной аристократии» и актуальными для Пушкина вопросами о литературной критике и журнальной полемике.

По первоначальному замыслу, болдинские «опровержения» должны были подвести итоги журнального 1830 г. и появиться, вероятно, в первых номерах «Литературной газеты» в следующем году. Возникая на определенном рубеже существования «Литературной газеты», болдинские циклы явились этапной работой для самого Пушкина. Они впитали многое из прежних его размышлений о состоянии русской критики: и то, что уже было начато когда-то в черновых тетрадах, но оставлено по разным причинам, и то, что уже было сформулировано в письмах к литературным единомышленникам. Опубликованные в «Литературной газете» и включенные таким образом в современный литературный процесс, они, по пушкинскому определению, готовили бы время «истинной критики». Их судьба оказалась иной: вобрав в себя многие из неосуществленных журнальных намерений Пушкина, они сами становились «запасным материалом» для его будущих трудов.

В настоящем издании публикуется по черновой рукописи реконструкция первоначальной редакции «<Опровержения на критику>». Она представлена в виде трех условно выделяемых частей, которые отражают определенные этапы работы Пушкина над этим незавершенным замыслом. Помещенные далее планы «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений», радикально переработанное для него введение и специально написанные фрагменты дают возможность представить состав и содержание нового цикла, а также направление, в котором Пушкин мог дорабатывать для публикации уже созданные болдинские «замечания» и «опровержения».

<ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКУ>

Первоначальная редакция

¹ Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанное во 2-й половине октября — ноябре 1812 г. и посвященное событиям Отечественной войны. Оно построено как чередование поэтических тостов «певца» (за родную землю, за ратные подвиги русских воинов и полководцев прошлого, за живых и погибших героев войны 1812 г.) и ответов хора («воинов»). И. И. Лажечников свидетельствовал, что в армии «сию пьесу», Жуковского знали наизусть и что «Певец во стане русских воинов» «сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов!» (*Лажечников И. И.* Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 73, 80). Пушкин называет «Певца во стане русских воинов» пеаном по аналогии с торжественными древнегреческими песнопениями, гимнами (сначала — в честь Аполлона, потом — в честь других богов).

² Ср. с аналогичным фрагментом в «Обзрении русской словесности 1829 года», написанном И. В. Киреевским для альманаха «Денница»: «...если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: "Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европю?" <...> Мы укажем ему на "Историю Российского государства"; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и

Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фон-Визина и Грибоедова — и где еще найдем мы произведение достоинства европейского?» (Денница на 1830 г. С. LXXVIII—LXXIX; наст. изд., с. 214). Пушкин откликнулся на эту, по его словам, «замечательнейшую статью» подробной рецензией в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 8, 5 февраля; без подписи).

³ Неточная цитата из комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп» («Le Misanthrope», 1666) (д. I, явл. 2).

⁴ В действительности Пушкин цитирует по памяти рецензию на седьмую главу «Евгения Онегина» (Галатея. 1830. Ч. 13, № 14; наст. изд., с. 247), автором которой, вероятно, был сам издатель журнала С. Е. Раич.

⁵ В дневниковых записях М. П. Погодина от 18 и 21 марта 1830 г. зафиксировано это состояние психологической готовности поэта «отделать русские журналы на их же манер»: Пушкин «рассказывал о скверности Булгарина, Полевого хочет втоптать в грязь и пр.»; «...толковали о нашей литературе. Пушкин сердится ужасно, что на него напали все» (П. в восп. Т. 2. С. 19). В письме к С. П. Шевыреву 23 марта Погодин сообщал, что Пушкина «ругают наповал во всех почти журналах», и сожалел, что «эти площадные брани его слишком трогают» (РА. 1882. № 6. С. 161).

⁶ Имеется в виду рецензия Булгарина, напечатанная в «Северной пчеле» (1830. № 35, 22 марта; № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 232).

⁷ В ожесточенную полемику вокруг седьмой главы пушкинского романа в стихах, которая вышла отдельным изданием в марте 1830 г., включились также «Московский телеграф» (Ч. 32, № 6; наст. изд., с. 256), «Вестник Европы» (Ч. 170, № 7; наст. изд., с. 258), «Галатея» (Ч. 13, № 14; наст. изд., с. 243), «Северный Меркурий» (№ 58, 14 мая; наст. изд., с. 274), «Московский вестник» (Ч. 3, № 9; наст. изд., с. 276), «Дамский журнал» (Ч. 30, № 20; наст. изд., с. 248).

⁸ Имеется в виду обвинение Булгарина в том, что при описании московской жизни и московского общества Пушкин «взял обильную дань из “Горя от ума” и <...> из другой известной книги» (СПЧ. 1830. № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 000). На эту выходку Булгарина отвечал в «Литературной газете» Дельвиг (1830. Т. 1, № 20, 6 апреля; наст. изд., с. 235). Первоначальный вариант этого доказательства, якобы отводящего от Булгарина подозрения в сочинении рецензии на седьмую главу «Онегина», был у Пушкина следующим: «Г. Бул<арин> не сказал бы, что стихи

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядят

взяты из “Ив<ана> Выжигина”. Весь отрывок был напечатан в “Сев<ерной> Пчеле” года 2 прежде появления г. Выжигина. [А шутка] Неправильное выражение *архивны юноши* принадлежит не мне, а приятелю моему С<оболевскому>у».

⁹ См. заметку «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...» — наст. изд., с. 298.

¹⁰ Работая в Болдине над полемическим заметками, Пушкин предполагал опубликовать их, вероятно, уже в первых номерах «Литературной газеты» в 1831 г.; поэтому заканчивающийся 1830 г. назван в этой заметке «прошлым».

¹¹ Пушкин цитирует по памяти рецензию Н. И. Надеждина на альманах Дельвига «Северные цветы» на 1830 г.: «Расположение сих мерзлых цветов в одну альманачную связку сделано однако по-прежнему. Они делятся на прозу и стихи... хи! хи!..» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 2. С. 162; подпись: N №; наст. изд., с. 220). «Детская» шутка «Вестника Европы» была подхвачена не «Северной пчелой», как пишет далее Пушкин, а «Сыном отечества» — другим изданием Булгарина—Греча. В статье «Опять литературный крючок!», подписанной пародийным псевдонимом «барон

Шнапс фон Габенихтс», об идиллиях Дельвига говорилось: «Если б немцы знали по-русски, то сказали бы об этих стихах то же самое, что “Вестник Европы”, — “это стихи! — хи, хи, хи!”» (СО. 1830. Т. 11, № 16. С. 243).

¹² Имеется в виду статья И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года» (Денница на 1830 г. С. IX—LXXXIV; см. также выше примеч. 2 и наст. изд., с. 000, 000).

¹³ У Киреевского: «Его <Дельвига> муза была в Греции; она воспиталась под теплым небом Аттики; <...> но ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного Севера, если бы поэт не прикрыл ее нашу народную одеждою, если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния...» (Денница на 1830 г. С. LIX).

¹⁴ Давая общую характеристику русских журналов 1829 г., Киреевский отметил прежде всего «странную неприличность полемики» и «странный слог, которым пишутся многие оригинальные и большая часть переводных статей, слог неточный, шершавый» (Там же. С. LXXV, LXXVI—LXXVII).

¹⁵ См., например, рецензию Булгарина на альманах «Денница», подписанную «Порфирий Душегрейкин» (СПч. 1830. № 11, 25 января; № 12, 28 января), пародию «Чудо в пещере (Древняя греческая идиллия)» (СО. 1830. Т. 11, № 17. С. 305—307; подпись: Аполлон Зевесов), статью К. А. Полевого «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года, помещенные в “Деннице” и в “Северных цветах”» (МТ. 1830. Ч. 31, № 2. С. 221, 232), рецензию Н. А. Полевого на историческую повесть П. Сумарокова «Федора» (Там же. Ч. 32, № 5. С. 95), пародию на русскую песню «Не шуми, мати зеленая дубровушка» — «Та же песня, только в душегрейке новейшего уныния» (МТ. 1830. Ч. 32, № 8. Новый Живописец общества и литературы. С. 140—142; подпись: Феокритов); статьи Надеждина в «Вестнике Европы» (1830. Ч. 169, № 2. С. 168; Ч. 170, № 7. С. 201—202; наст. изд., с. 219, 258), рецензию на «Денницу» в «Северном Меркурии» (1830. Т. 1, № 23, 21 февраля. С. 92), фельетоны М. А. Бестужева-Рюмина «Сплетница» (СМерк. 1830. Т. 1, № 50, 25 апреля. С. 198; наст. изд., с. 250); В. П. Бурнашева «Новый год» (Там же. 1831. № 1, 1 января. С. 3); Н. И. Греча в «Сыне отечества и Северном архиве» (1830. Т. 11, № 16. С. 236) и «Четвертое письмо с Каменного острова в Карлово» (СПч. 1830. № 76, 26 июня), а также «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» Булгарина (Там же. № 94, 7 августа). Обзор некоторых журнальных «выходок», вызванных неудачным выражением Киреевского, приводит В. П. Гаевский в биографическом очерке «Дельвиг» (Совр. 1854. Т. 47, № 9, отд. III. С. 31—33). Он указывает также на отклик в газете «Le Furet» (1830. № 78. С. 312).

¹⁶ Составляя второй вариант плана «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений», Пушкин дописал под ним следующее примечание к выражению «сам съешь»: «Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для будuarных или даже для паркетных дам, как журналисты называют дам, им не знакомых)».

¹⁷ Осенью 1825 г. Пушкин, лишенный возможности участвовать в журнальной полемике, но пристально следивший за ней из михайловской ссылки, отмечал в одном из писем Вяземскому: «Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные анти-критики основаны на сам съешь? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Федоров Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда; Полевой возражает Пинскому: ты сам невежда; один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — и все правы» (XIII, 225).

¹⁸ Имеются в виду эпиграмма Е. А. Баратынского на Н. А. Полевого «Писачка в Фебов двор явился...» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 33, 10 июня) и ответная пародия

«Пришел поэт и пущен на Парнас...», подписанная «Гамлетов» (МТ. 1830. Ч. 34, № 13. Новый Живописец общества и литературы. С. 228–229).

¹⁹ В ответ на стихотворение Пушкина «Собрание насекомых», опубликованное в альманахе «Подснежник» на 1830 г., появились язвительные комментарии в «Северном Меркурии» (1830. Т. 1, № 40, 2 апреля; № 55, 7 мая; Т. 2, № 97, 13 августа; наст. изд., с. 238, 239), «Вестнике Европы» (1830. Ч. 170, № 8. С. 302; подпись: Л. С.; наст. изд., с. 240) и эпиграмма в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 7. С. 361). Кроме того, в № 8 «Нового Живописца», приложения к «Телеграфу», была напечатана грубая пародия («Эпиграмма (на голос: *Мое собрание насекомых*)» с подписью «Обезьянин»; наст. изд., с. 318), а в № 9 в отзыве о 2-м издании «Сочинений Фаддея Булгарина» Н. А. Полевой писал: «Булгарин <...> может ожидать, что второе издание его «Сочинений» возбудит желчь его многочисленных неприятелей. Того и смотри, что теперь опять по его сочинениям поползет отвратительная гусеница ферульного рода или какой-нибудь газетный червяк мнимо-литературной аристократии... Советуем почтенному Булгарину перенести это с улыбкою презрения...» (с. 98). О пушкинской реакции см.: ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 97 (письмо Ек. Н. Ушаковой к брату И. Н. Ушакову в июне 1830 г.); наст. изд., с. 466. Пушкин отвечал на выпады «Московского телеграфа» и «Вестника Европы» анонимной заметкой «Собрание насекомых. Стихотворение А. С. Пушкина» (ЛГ. 1830. Т. 2, № 43, 30 июля; наст. изд., с. 241).

²⁰ Пушкин вспоминает эпизод журнальной полемики 1825 г., когда стал выходить «Московский телеграф» Н. А. Полевого. Булгарин тогда позволял себе издеваться над купеческим происхождением нового соперника на журнальном поприще. В защиту Полевого выступил П. А. Вяземский. В «Письме в Париж» он писал о недобросовестных нападениях «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Вестника Европы» на журнал Полевого: «Еще отличительная черта этих союзных походов на «Телеграф» есть то, что сии крестовые рыцари упрекают издателя в том, что он купеческого сословия. Да кто же, спросите вы, сии феодальные бароны, повитые на пергамене и вскормленные на щите, которые не иначе хвалят книгу, как удостоверившись, что она писана дворянскою рукою? Умора! <...> Чего ожидать от писателей, которые в литературных прениях употребляют подобные орудия личности и не стыдятся в 19-м веке обнаруживать такие мнения? Но как и не пожалеть о состоянии текущей литературы, которая вертится на подобных пружинах!» (МТ. 1825. Ч. 6, № 22. С. 178–179).

²¹ Ироническая парафраза булгаринского выпада против Пушкина во «Втором письме из Карлова на Каменный остров» (СПч. 1830. № 94, 7 августа; наст. изд., с. 279–280).

²² Вероятнее всего, Пушкин подразумевает здесь заметку «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...» (ЛГ. 1830. Т. 2, № 45, 9 августа). Этой статье посвящен «Разговор о примечании», который Пушкин предполагал включить в «Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений» (см. наст. изд., с. 300).

²³ Вероятнее всего, под «китайским анекдотом № I» Пушкин подразумевал изобретенный Булгариним памфлетный жанр. В 1829 г. Булгарин изложил историю журнальной распри между Каченовским и Полевым в форме рассказа о необыкновенном происшествии в китайской литературе (СПч. 1829. № 33, 16 марта). Ср. также в заметке «Один из великих наших сограждан...»: «Первым примером обязаны мы**», который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах» (наст. изд., с. 292). Жанр китайского анекдота Пушкин пародировал в специально написанной для «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений» заметке «Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие...» (см. наст. изд., с. 302). 9 августа в № 45 «Литературной газеты» было напечатано

анонимное сообщение о публикации в газете «Le Furet» известия о том, что «некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста». В. В. Виноградов атрибутировал эту заметку Пушкину; в академических изданиях она включена в корпус пушкинских сочинений. По мнению В. Э. Вацууро, Пушкин не был автором этой статьи (см.: Вацууро В. Э. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л., 1974. С. 178; то же: Вацууро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 213).

²⁴ Возможно, здесь содержится намек на рассуждения К. А. Полевого о пагубном влиянии большого света на писателей, которые он высказал во «Взгляде на два «Обозрения русской словесности 1829 года», помещенные в «Деннице» и «Северных цветах»: «Но вдали от большого света для писателя разве закрыта вечная, великая картина природы? Разве для него не существует красота, добродетель и страсти высокие, творческие? Для них не нужны толпы слуг и мраморные стены, обставленные несколькими поколениями людей, возросших на паркетах» (МТ. 1830. Ч. 31, № 2. С. 227).

²⁵ Пушкин иронически излагает один из принципов Булгарина-романиста, заявленных им в авторском предисловии к «Димитрию Самозванцу»: «Просторечие старался я изобразить *простомыслием* и низшим тоном речи, а не грубыми поговорками» (Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец. СПб., 1830. С. XVI).

²⁶ Полемический пассаж Пушкина восходит к черновому наброску ««О новейших блюстителях нравственности»», который, в свою очередь, представляет фрагмент заметки ««О статьях князя Вяземского»», так и не напечатанный в «Литературной газете»: «Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться. Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам*? — Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки? — Почему им знать, что в лучшем обществе <?> жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (*vulgarité*) и что оно-то именно и обличает незнание света? Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, — между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку?» (XI, 98).

²⁷ Имеется в виду гравированный И. Фридрицем и изданный И. В. Слениным портрет Булгарина, который был приложен к третьему тому его «Сочинений» (СПб., 1828). Под портретом был воспроизведен герб Булгарина. В «Послании к читающей русской публике», предворяющем том, Булгарин счел необходимым объяснить появление в книге своего портрета. Это было сделано в форме его разговора с книгопродавцем Слениным:

«И. В. Сленин. Вы издаете еще три тома ваших «Сочинений» с картинками? Я. К вашим услугам.

И. В. Сленин. Позвольте мне приложить к ним ваш портрет.

Я. А это на что?

И. В. Сленин. Если вы читаете книгу и покупаете ее, это значит, что она вам нравится. Если книга вам нравится, то вам приятно взглянуть на черты лица ее автора. Не правда ли? <...> А как два первые тома ваших «Сочинений» разошлись с неимоверною скоростью, то я полагаю, что в числе 1500 покупателей, верно, найдется двести человек, которым приложение вашего портрета будет приятно. К тому ж г. Фридриц, отличный наш гравер, так мастерски отделает ваш портрет, что он, без всякого сомнения, украсит издание. <...>

Я. Но что скажут критики?

И. В. Сленин. Им ничем не угодишь. Если б вы иначе не показывались в люди, как с закрытым лицом, а портрет свой зарыли в землю — все-таки они нашли бы к чему привязаться.

Я. Мастер убеждать! Но, послушайте, приятель: портреты живых сочинителей прилагаются только к сочинениям, издаваемым другими лицами, — а я сам издатель. — Что об этом скажут?

И. В. Сленин. Но ведь я буду издателем портрета» (Сочинения Фаддея Булгарина. СПб.: В типографии Н. Греча, 1828. Т. 3, ч. 5. С. XV—XVIII).

К этому разговору Булгарин добавил примечание: «По отпечатанию портрета И. В. Сленин сказал мне: “Вашим критикам не удалось отделать вас, а Г. Фридриц — мастерски отделал!”» (Там же. С. XVI). В начале 1830 г. Смирдин напечатал «Сочинения» Булгарина вторым, исправленным изданием. Портрет автора снова был приложен, но уже к первому тому и без каких-либо пояснений. В 1846 г., приступив к изданию своих «Воспоминаний», Булгарин словно воскрешал эпизоды ушедшей в далекое прошлое ожесточенной полемики о «литературной аристократии» и дворянстве и предъявлял читателям доказательства родovitости и знатности своего происхождения: «Если б я писал мои “Воспоминания” не в России, то не сказал бы слова о моем происхождении; но здесь я *должен* упомянуть о роде моем. Клевета, выродившаяся из враждующих литературных партий, устремляясь на меня непрерывно в течение двадцати пяти лет, в различных видах и образах, подобно баснословному Протею, не пощадила даже моего рода. Были эпиграммы и сатиры, в которых меня изображали каким-то безродным скитальцем! Не могу удержаться от смеха, когда добрые люди играют предо мной роль аристократов. Пусть же они узнают, что и я принадлежу к древнему боярскому роду, поселившемуся в Западной Руси от незапамятных времен. Предки мои были *старшины* (как угодно называйте их) из славянского племени Булгар и переселились, вероятно, вследствие внутренних замешательств края, на *Русь Белую*, т. е. *вольную*, не подлежавшую владычеству монголов, гораздо прежде соединения Литвы с Польшею. Древнейшие известия о нашем роде сохранились в фамильных преданиях, а потому об этом и говорить нечего. Скажу только, что предки мои в древности назывались “Скандербеками” (по польскому произношению, Шкандербеками) и что “Булгарин” было только прозвание, для означения прежнего отечества; что у нас нет однофамильцев, но все Булгарины (их теперь весьма немного) принадлежат к одному роду и племени, что все они одной фамилии и одного герба. <...> Княжеское происхождение рода нашего осталось в предании, в подписях на старинных сделках и на надписях в некоторых церквях в Литве; род наш вообще не искал признания этого титула на Сейме, будучи в оппозиции противу признания чужеземных титулов. После этого позволяю всем и каждому аристократиться передо мною! Я же по-прежнему остаюсь братом каждого честного, благородного и даровитого человека» (Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846. Ч. 1. С. 307—308, 311—312).

²⁸ Далее в рукописи следовали слова: «прилагаемого ниже», сразу же зачеркнутые. Вероятнее всего, здесь идет речь о письме Екатерины II к А. П. Ганнибалу от 2 сентября 1765 г.: «Абрам Петрович. Мне неизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились в то время, когда блаженные памяти Государь Петр Великий, по способности вашей, употреблял вас по многим делам; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого Государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги. А как мне известно же, что он помышлял о строении канала от Москвы до Петербурга и к тому же и проект сделан был, то вы мне особливую благодарность сделаете, ежели, чертеж тому отыскав (когда он у вас был), пришлете ко мне со всеми принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он вчерне только был сделан. Но

ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то, по крайней мере, укажите мне, где оный отыскать можно, который я с нетерпеливостью видеть хочу. Также есть ли вы о сем проекте от Его Величества рассуждения слышали, прошу, сколь вы о том вспомните, ко мне отписать. Остаюсь вам доброжелательная Екатерина» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 862–863). Копия этого письма, в которой Пушкин отметил фрагмент, собственноручно написанный императрицей, сохранилась в бумагах поэта (ныне — ПД 1196). Подлинник, который Пушкин видел, скорее всего, у П. А. Ганнибала, в настоящее время хранится в Историко-художественном музее г. Пскова.

²⁹ Пушкин имеет в виду пасквильный анекдот о «поэте из испанской Америки» во «Втором письме из Карлова на Каменный остров» Булгарина, в котором говорится, что один из предков поэта был негритянским принцем, кулленным за бутылку рома (СПЧ. 1830. № 94, 7 августа; наст. изд., с. 279–280).

³⁰ В «Деяниях Петра Великого, мудрого преобразителя России...» И. И. Голикова один из записанных М. И. Верекиным со слов Ганнибала анекдотов предварен следующим замечанием: «Сей российский Ганнибал, между другими дарованиями, имел чрезвычайную чудкость, так что, как бы он ни крепко спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал. Сия чудкость его была причиною, что монарх сделал его своим камердинером и повелевал ночью ложиться или в самой своей спальне, или подле оной»; «Но как великий Государь приметил в сем Арапе многие хорошие способности, которые могли приносить пользу отечеству; то колико ни нужен был ему такой камердинер, однако же он отлучил от себя: он послал его во Францию для учения, главнейше же инженерству, а по возвращении оттуда пожаловал его офицером в бомбардирскую роту гвардии своей; впоследствии же достоинства его доставили ему чин инженер-генерала и кавалера Святого Александра Невского» (Голиков И. И. Дополнение к деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. С. 261–262. Анекдот № 68). О том, как отразился этот эпизод биографии предка в творчестве Пушкина, подробно см.: Листов В. С. Легенда о черном предке // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 60–62.

³¹ Стихотворение Пушкина «К вельможе» было опубликовано 26 мая 1830 г. в № 30 «Литературной газеты» под заглавием «Послание к К. Н. Б. Ю.» и с полной подписью Пушкина.

³² Речь идет о памфлете Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» (МТ. 1830. Ч. 33, № 10. С. 170–171; наст. изд., с. 279).

³³ «*Minerve littéraire*» — либеральный парижский журнал, выходивший в 1818–1820 гг. под редакцией Б. Констана. Один из сотрудников журнала, драматург В.-Ж. Жуи (Jouy, 1764–1846), регулярно печатал в нем сатирические фельетоны из светской жизни под названием «Пустынник в провинции». По предположению Б. В. Томашевского, «Пушкин имел в виду этот нравоописательный жанр в духе модных в эти годы «Пустынников»» (см. его комментарий в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 686).

³⁴ Позднее, в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833), Пушкин снова возвратился к этому эпизоду полемики 1830 г. В одном из примечаний черновой редакции главы «Черная Грязь», посвященной общественному положению и социальному поведению писателя, он вспомнил историю публикации послания «К вельможе»: «Все [моск<овские>] журналы пришли в благородное бешенство, восстали против стих<отворца>, который (о верх унижен<ия>!) в ответ на приглаш<ение> кн<язя>*** <извинялся в стихах>, что не может к нему приехать и обещался к нему приехать на дачу! Сие несч<астное> послание было предано всенародно проклятию, и с той поры, говорит один ж<урналист>, слава *** упала совершенно!» (XI, 228).

³⁵ Позднее, в другом месте рукописи «<Опровержения на критики>», в ряду дополнений к разным заметкам, Пушкин написал вставку, не сопроводив ее каким-либо пояснительным значком: «Примечание». Будем справедливы: Г-на Пол<евого> нельзя упрекнуть в низк<ом> подобострастии пред знатыми, напротив: мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым». Ю. Г. Оксман справедливо отнес это дополнение к настоящей заметке (см. его комментарий в кн.: Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1962. Т. 6. С. 551).

³⁶ См. рецензию Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» (1829. Ч. 163, № 2, 3; наст. изд., с. 112). Во время правки рукописи «<Опровержения на критики>» для «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений» после слова «похабным» Пушкин сделал вставку: «разумеется, в журналах. В свете приняли его благосклонно». Она заменила фразу неосуществленного наброска, который в начале работы появился через одну заметку и был оформлен графически как отдельный фрагмент.

³⁷ В тексте цитата из комедии Мольера «Тартюф» («Le Tartuffe, ou l'Imposteur», 1664) (д. III, явл. 2) обозначена следующим образом: «Vous êtes etc — (выписать до: *que toute votre peau ne me tenteroit pas*)».

³⁸ Отсылка к статье Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (см.: ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 91; также: примеч. 9 к статье Надеждина «Две повести в стихах: “Бал” и “Граф Нулин» — наст. изд., с. 386).

³⁹ В «Обзоре альманахов на 1828 год» отзыв о «Графе Нулине», опубликованный в «Северных цветах», Булгарин предварил «*маленькой* диссертацией о *большом* предмете, а именно нравственности». В ней он отвечал на вопрос, поставленный в начале рассуждения: «Что значит *нравственное* и что значит *безнравственное* сочинение?» (СПЧ. 1828. № 4, 10 января; наст. изд., с. 30, 332). В болдинской заметке «Безнравственное сочинение есть то...», которая в пушкинском полемическом цикле подводила итог обзору журнальных толков о «Графе Нулине», Пушкин, безусловно, имел в виду и вопрос давней «диссертации» Булгарина.

⁴⁰ *Канидия* — колдунья и отравительница, «чьи волосы нечесаны и перевиты змейками»; адресат 5-го и 17-го эподов Горация. Описание ее колдовства на Эсквилинском кладбище составляет содержание 8-й сатиры (кн. I) римского поэта.

⁴¹ В альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 г. Б. М. Федоров напечатал пять стихотворений Пушкина: «Романс», «Желание», «Заздравный кубок», «К живописцу», «Сон. (Отрывок из Новгородской повести “Вадим”» и отрывок из лицейского стихотворения «Фавн и пастушка», который Пушкин в этой заметке и назвал «идиллией». В незавершенной статье 1829 г. «<О публикации Бестужева-Рюмина в “Северной звезде”>» Пушкин определил отрывок близкой формулировкой: «какая-то <?> идиллическая нелепость, сочиненная, вероятно, камердинером г-на П<ан>аева» (XI, 82). Против самой публикации в альманахе Федорова Пушкин не возражал, но, по-видимому, отбор текстов для нее осуществлял не он (об этом см. комментарий к стихотворениям «Романс» и «Фавн и пастушка» в кн.: Пушкин. Соч. 1999. С. 597—598, 700—701; Пушкин. ПСС. Т. 1. С. 619—620, 730). Намерение Пушкина дезавуировать публикацию «Фавна и пастушки», не осуществленное им самим, было реализовано в «Северных цветах» на 1829 год. В «Обзоре российской словесности за 1828 год» О. М. Сомов ссылаясь на мнение поэта: «В “Памятнике муз на 1827 год” напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина “Фавн и Пастушка”, стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие пред публикой. Невеликодушно выводить наружу обмолвки покойников, которых всегда должно поминать добрым словом; но выпускать в свет ранние, незрелые попытки живых писателей против их желания — непростительно» (СЦ на 1829. СПб., 1828. С. 35—36). Настойчивое стремление Пушкина отказаться от авторства «эротических картин» «Фавна и

пастушки» было прямо связано с недавним, закрытым в конце 1828 г. делом об авторстве «Гавриилиады» и являлось в определенном смысле попыткой отвести от себя новые возможные обвинения в «безнравственности».

⁴² Панаев Владимир Иванович (1792—1859) — поэт, эпигон сентиментализма, автор сборника «Идиллии» (1820) и рассуждения «О пастушеской, или сельской, поэзии» (1818), которого Пушкин в письме к брату называл «идиллическим коллежским ассессором» (XIII, 127).

⁴³ См. примеч. к статье М. А. Бестужева-Рюмина «Мысли и мнения литературного наблюдателя» — наст. изд., с. 421—423. Пушкин вернулся в болдинском «опровержении» к черновому наброску своей более ранней статьи, задуманной в ответ на публикацию Бестужева-Рюмина, в которой предпологал выступить с протестом против производства альманашиков и «неуважения к литературной собственности».

⁴⁴ Неточная цитата из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» («Печатный всякий лист быть кажется святым...») (1794).

⁴⁵ Ставший афоризмом усеченный стих из трактата римского поэта и грамматика Теренциана Мавра «О буквах, слогах и метрах» (конец III в. н. э.): «Pro carptu lectoris habent sua fata libelli» («Книги имеют свою судьбу смотря по тому, как их принимает читатель»).

⁴⁶ Пушкин отвечает на рецензии Булгарина (СО и СА. 1829. Т. 3, № 15, 16; наст. изд., с. 132) и Надеждина (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9; наст. изд., с. 157).

⁴⁷ По предположению Н. В. Измайлова, Пушкину могли быть известны любовные письма Мазепы к дочери Кочубея, которые были обнаружены в архивах; Д. Н. Бантыш-Каменским, опубликованы им в приложении к третьему тому «Истории Малой России» (М., 1822), но вырезаны по требованию цензуры из уже отпечатанной книги. Уцелело несколько экземпляров с полным текстом приложения; один из них Пушкин мог видеть у М. П. Погодина, П. П. Бекетова или М. А. Максимова (подробно см.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 29—32, 65; см. также примеч. 12 к статье М. А. Максимова «О поэме Пушкина “Полтава” в историческом отношении» — наст. изд., с. 417).

⁴⁸ Цитата из комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун».

⁴⁹ Пушкин приводит широко известные примеры из «Метаморфоз» Овидия: *Леда* — возлюбленная Юпитера, который явился к ней в образе лебеда; *Филцра* — любовница Сатурна, превратившегося в коня; *Пасифая* родила от связи с быком Минотавра; *Пигмалион* изваял из слоновой кости статую прекрасной женщины и влюбился в нее.

⁵⁰ Отсылка к статьям Булгарина, который обвинял Пушкина в том, что он представил Мазепу «безрассудным и мстительным старичишкой», «не честолюбцем, не хитрецом, не злодеем, но просто — *злым дураком*» (СО и СА. 1829. Т. 3, № 15. С. 48, 52; см. наст. изд., с. 136, 138), и Надеждина, утверждавшего, что пушкинский Мазепа «есть не что иное, как лицемерный, бездушный старичишка» (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9. С. 24; см. наст. изд., с. 165).

⁵¹ Ответ на замечание, высказанное в критике «Сына отечества»: Мазепа «поднял знамя бунта за то, что Петр Великий подрал его за усы, во время пиршества, хотя после осыпал своими милостями. В то время это не почиталось даже обидою» (1829. Т. 3, № 15. С. 48; наст. изд., с. 136).

⁵² Отсылка к неизданной в то время «Истории русов, или Малой России» (гл. 3), которая ошибочно приписывалась белорусскому архиепископу Георгию Конискому (в действительности ее автором был украинофил Г. А. Полетика). См.: *История русов, или Малой России.* Соч. Г. Кониского, архиепископа Белорусского. М., 1846. С. 50. Список «Истории русов» подарил Пушкину М. А. Максимович осенью 1829 г., узнав, что поэт «написал “Полтаву”, не читавши еще Кониского» (см.: *Максимович М. А.* Собр. соч. Киев, 1880. Т. 3. С. 49).

⁵³ См. рецензию Надеждина (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9; наст. изд., с. 169–170).

⁵⁴ Имеется в виду рецензия Булгарина в «Сыне отечества и Северном архиве» (1829. Ч. 3, № 15. С. 50; наст. изд., с. 137).

⁵⁵ См. рецензию Надеждина на «Полтаву» (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9. С. 17–18; наст. изд., с. 162).

⁵⁶ Эпиграф к «Полтаве», взятый из поэмы Байрона «Мазепа», напоминал о Полтавской победе Петра I:

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

(См. примеч. 1 — наст. изд., с. 400.)

⁵⁷ В «Истории Карла XII» Вольтера, упомянутой Пушкиным в качестве источника поэмы Байрона, нет упоминания об истории Мазепы и Матрены Кочубей.

⁵⁸ Цитата из второй части поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (1825). В черновой рукописи поэмы была намечена сюжетная линия, связанная с историей Матрены Кочубей, но в окончательной редакции Рылеев от нее отказался.

⁵⁹ Мнение Дельвига о пушкинской поэме было изложено в статьях, посвященных выходу «Бориса Годунова» (ЛГ. 1831. Т. 3, № 1, 1 января; № 2, 6 января).

⁶⁰ В действительности работа над «Полтавой» заняла в общей сложности полгода: первые черновики помечены 5 апреля 1828 г.; последняя, третья, песнь была переписана 16 октября. Однако основная — черновая и беловая — работа шла с поразительной быстротой на завершающем этапе — с середины сентября до середины октября. Эту стремительность и констатировал Пушкин в болдинских «опровержениях»: «неделя» (первоначальный вариант), «2 недели», «несколько дней» (публикация в «Деннице»). Подробно о хронологии работы Пушкина над «Полтавой» см.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 6, 87–95.

⁶¹ Отсылка к статье Булгарина «Второе письмо из Карлова на Каменный остров», опубликованной в «Северной пчеле» (1830. № 94, 7 августа; наст. изд., с. 279–280).

⁶² Историко-генеалогический фрагмент этой заметки о предках по линии отца был переработан Пушкиным в 1834 г. для так называемого «Начала автобиографии».

⁶³ В «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих» (экземпляр ее сохранился в библиотеке Пушкина) о происхождении Радши сказано: «Из Немец пришел Ратша» (М., 1787. Ч. 1. С. 309). В описании герба Пушкиных отмечалось, что «выехавший в Россию из Славянской земли муж честный Радша, родоначальник Пушкиных и других однородцев их, еще под победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевал; <...> сей щит с самых древних времен был гербом королевства Славянского и издавна принят потомками Радши в доказательство происхождения их из Славонии». В дипломе на графское достоинство А. И. Мусину-Пушкину также указывалось происхождение Радши «от знатной фамилии славенской». В. К. Лукомский, исследуя документы «Дела Герольдии о внесении герба рода Пушкиных в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», установил, что «предание о выезде Радши «из Немец» следует понимать, как выезд из пределов Германской империи, точнее — из Славонии, утратившей свою независимость в XII в. путем присоединения ее к Венгрии и вместе с нею в 1531 г. вошедшей в состав Священно-Римской или Германской империи» (*Лукомский В. К.* Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше // П. Врем. Т. 6. С. 404).

⁶⁴ Современником кн. Александра Невского был не Радша, а его потомок Гаврила Алексич (Олексеич). Сам же «легендарный» основатель многих известных дворян-

ских фамилий появился, по свидетельству летописей, в Киевской Руси в начале XII в. (см.: *Лукомский В. К.* Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше. С. 407; *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории // *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 39—49).

⁶⁵ Скорее всего, здесь имеется в виду «Летописец Русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (СПб., 1792. Ч. 1—5), который входит в круг основных источников «Истории» Карамзина.

⁶⁶ Имеется в виду «История государства Российского» Карамзина.

⁶⁷ Перечень родов, ведущих свое происхождение от Радши, Пушкин дополнил позднее фамилиями Бобрищевых-Пушкиных, Мятлевых, Поводовых.

⁶⁸ В «Истории государства Российского» к рассказу о знатных людях, приехавших служить Александру Невскому, у Карамзина сделано примечание: «Из Германии выехали Ратша и Гавриил, а из Пруссии Михаил. От первого ведут род свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменские и проч.» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. 4. Примеч. С. 60).

⁶⁹ *Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817)* — собиратель и знаток российских рукописных древностей, владелец и первый издатель единственного из известных списков «Слова о полку Игореве», сгоревшего в московском пожаре 1812 г.

⁷⁰ В числе «людей родовых, более или менее знатных, которые после губительного Иоаннова века до царствования Романовых окружали престол Московский», Карамзин называет Остафия Михайловича Пушкина (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. Примеч. С. 104, 103).

⁷¹ Развернутую характеристику Гаврилы Григорьевича Пушкина поэт дал в письме о «Борисе Годунове» (июль 1829 г.), адресованном предположительно Н. Н. Раевскому-младшему: «Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве [среди] в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году, заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то, подобно [комиссарам] проконсулам Национального Конвента)» (XIV, 395—396; перев. с франц.). О положении Пушкиных при Годунове см.: *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и предки Пушкина // РЛ. 1974. № 2. С. 131—133).

⁷² Григорий Григорьевич Пушкин, брат Гаврилы Пушкина, также сражавшийся на стороне Шуйского. Говоря о нем, Пушкин цитирует слова Карамзина из первой главы тома XII «Истории государства Российского»: «Другие воеводы, встретив неприятеля в поле, бежали <...>. Только Измайлов и Пушкин честно сделали свое дело: первый, рассеяв многочисленную шайку изменника князя Михайла Долгорукова, осадил мятежников в Козельске; второй спас Нижний Новгород, усмирив бунт в Арзамасе, в Ардатове и еще приспел к Хилкову в Коширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они истребили скопище злодеев и взяли их двух начальников, князя Ивана Мосальского и Литвина Сторовского; но близ Дедилова были разбиты сильными дружинами Телятевского и в беспорядке отступили к Кошире» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1829. Т. 12. С. 51—52).

⁷³ В июне 1825 г., спрашивая у Дельвига, как продвигается работа Карамзина над «Историей», Пушкин писал из михайловской ссылки: «Где он <Карамзин> остановится? Не на избрании ли Рома<новых>? Неблагодарные! 6 Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать!» (XIII, 182). В «Опровержении на критики» и, позднее, в «Начале автобиографии» он называл четверых представителей рода Пушкиных, которые участвовали в избрании на трон М. Ф. Романова. В действительности избирательную грамоту подписали семеро Пушкиных (см.: Письма. Т. 1. С. 455).

⁷⁴ Описка Пушкина в отчестве: Федор Матвеевич Пушкин за участие в стрелецком заговоре был казнен 4 марта 1697 г. вместе со стрелецким подполковником И. Е. Циклером и окольным А. П. Соковниным. Стольник Ф. М. Пушкин упомянут также в «Моей родословной», которая создавалась в Болдине одновременно с полемическими заметками:

С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

О степени родства казненного Пушкина с поэтом см. в статье В. П. Старка «Пушкин и семейные предания его рода» (Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 74–76).

⁷⁵ Ошибка Пушкина, восходящая, видимо, к семейным преданиям: прадед поэта Александр Петрович Пушкин был женат на Евдокии Ивановне Головиной — дочери адмирала Ивана Михайловича Головина. Графский же титул носил его двоюродный брат адмирал Федор Алексеевич Головин, который и был первым кавалером ордена Св. Андрея Первозванного (об этом см.: *Старк В. П.* Пушкин и семейные предания его рода. С. 80–82).

⁷⁶ Как отметил С. К. Романюк, в сочинениях К. Рюльера (*Rulhière C.* Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russia, en 1762. Paris, 1797) и Ж. Кастера (*Castéra J.* Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, 1809) нет прямого указания на Л. А. Пушкина: в первом упомянут некий «младший офицер Пушкин», во втором — «лейтенант Пушкин» (см.: *Романюк С. К.* К биографии родных Пушкина // Врем. ПК. Вып. 23. С. 11). Обе книги, запрещенные в России, сохранились в библиотеке Пушкина.

⁷⁷ Л. А. Пушкин не участвовал в дворцовом перевороте 1762 г. Семейное предание, которому Пушкин придавал столь важное значение, не подтвердилось позднейшими архивными разысканиями (см.: *Модзалевский Б. Л.* Род Пушкиных // Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 5; *Овчинников Р. В.* К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина: (Версия об участии Льва Александровича Пушкина в дворцовом перевороте 1762 года) // История СССР. М., 1988. Вып. 3. С. 156–165; *Романюк С. К.* К биографии родных Пушкина // Врем. ПК. Вып. 23. С. 9–11).

⁷⁸ Возможно, речь идет о «Собственноручной записке графа А. В. Суворова об его службе и происхождении его фамилии», поданной в Герольдмейстерскую контору 28 октября 1790 г. Она была опубликована в «Северном архиве» (1823. № 2. С. 147–168; № 3. С. 211–223; № 4. С. 297–317). Копия, с которой напечатали в журнале эту «записку», хранилась у гр. Д. И. Хвостова, в петербургском доме которого жил после отставки и умер знаменитый полководец.

⁷⁹ Н. М. Карамзин.

⁸⁰ См. выше, примеч. 23.

⁸¹ *Кухенрейтер* — известный в свое время фабрикант пистолетов.

⁸² Пушкин почти дословно повторяет фрагмент своего незавершенного «Разговора о критике», поводом к которому послужил разбор Раичем альманахов

«Денница» и «Северные цветы» в № 6 и 8 «Галатеи» за 1830 г.: «Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на анг<лийского> лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухнерейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксировать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны» (XI, 91). Пассажем об «аристократической гордости» в журнальной полемике Пушкин отвечал здесь Вяземскому, заявившему иную точку зрения в статье «Несколько слов о полемике» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 18, 27 марта). См. также примеч. 6 к статье Ф. Булгарина «Анекдот» — наст. изд., с. 453.

⁸³ Намек на Булгарина, которого Дельвиг вызвал на дуэль. Этот анекдот Пушкин позднее включил в «Table talk» (см.: XII, 159).

⁸⁴ Имеется в виду «Анекдот» Булгарина, напечатанный в «Северной пчеле» (1830. № 30, 11 марта; наст. изд., с. 228–229).

⁸⁵ На булгаринский «Анекдот» Пушкин ответил статьей в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 20, 6 апреля; наст. изд., с. 229–230).

⁸⁶ М. А. Бестужев-Рюмин в № 56 и 57 «Северного Меркурия» (1830. 9 и 12 мая) напечатал «Послание ко всем благообразованным россиянкам», в котором призывал дам заниматься отечественной словесностью, так как «литература есть самое легкое средство к снисканию себе известности *в целом свете*», а к собраниям своих сочинений прилагать свой портрет. Бестужев писал: «Если многие из наших писателей, вовсе еще не заслужившие той чести, чтобы лики их сохранились для потомства, выгравировывают свои портреты, — то не приятнее ли будет каждому иметь у себя портрет прелестной женщины или девицы, нежели какого-нибудь рифмотвора, которого подлинная особа хотя и одарена не весьма благообразною наружностью, но которому польстил живописец, а лесть живописца увеличил гравер». Выпад издателя газеты против безымянного «рифмотвора» был явно направлен против Пушкина.

⁸⁷ Отсылка к статье А. Г. Глаголева «Еще критика. (Письмо к редактору)» (ВЕ. 1820. Ч. 111, № 11. С. 213–220). См.: П. в критике, I. С. 25–27.

⁸⁸ Имеются в виду вопросы в «Письме к сочинителю критики на поэму “Руслан и Людмила”» (СО. 1820. Т. 64, № 38. С. 228–229). Автором статьи был Д. П. Зыков. См.: П. в критике, I. С. 80–81.

⁸⁹ Поэма («старинная повесть») В. А. Жуковского.

⁹⁰ Помета Пушкина указывает на следующие стихи поэмы Л. Ариосто (Ariosto, 1474–1533) «Orlando furioso» («Неистовый Роланд», 1516):

Perchè egli mostrò amarmi più che molto,
Io ad amar lui con tutto il cor mi mossi.
Ben s' ode il ragionar, si vede il volto;
Ma dentro il petto mal giudicar puossi.
Credendo, amando, non cessai che tolto
L'ebbi nel letto: e non guardai ch' io fossi
Di tutte le real camere in quella
Che più secreta avea Ginevra bella.

(По-видимому, он и сам
В меня влюбился страстно...
Понятна речь другого нам,
Лицо мы видим ясно, —
Но можно ль сердце разгадать
И видеть в нем все злое?
Я... я дерзнула принимать

Любовника в покое!..
 Да и в каком покое? там,
 Где с юною царевной
 По целым сиживал часам
 Родитель ежедневно.

Перевод С. Е. Раича; *Ариосто Л.* Неистовый Орланд. М., 1832. Ч. 1. С. 181).

⁹¹ Аналогичные суждения о «Кавказском пленнике» Пушкин высказывал в письмах В. П. Горчакову (октябрь—ноябрь 1822 г.); П. А. Вяземскому (6 февраля 1823 г.) и в черновом варианте письма Н. И. Гнедичу (29 апреля 1822 г.). Сходный с пушкинским взгляд на характер главного героя отразился и в критических статьях Плетнева (Соревн. 1822. Ч. 20, № 10), Вяземского (СО. 1822. Т. 82, № 49), Погодина (ВЕ. 1823. Ч. 127, № 1). См.: П. в критике, I. С. 123, 126, 134.

⁹² Одна из оценок «Кавказского пленника», данная Н. Н. Раевским-младшим, отразилась, в частности, в его письме к Пушкину от 10 мая 1825 г.: «Ваш “Кавказский пленник”, хоть его и нельзя назвать хорошим произведением, открыл дорогу, на которой споткнется посредственность» (XIII, 536; перев. с франц.).

⁹³ Болдинская мемуарная заметка о «Братьях разбойниках» восходит к пушкинскому комментарию при посылке Вяземскому отрывка из поэмы 11 ноября 1823 г.: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году в бытность мою в Екатеринославле два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись, их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы» (XIII, 74).

⁹⁴ Имеется в виду рецензия М. А. Дмитриева, напечатанная в журнале «Атеней» (1828. Ч. 1, № 4). См. наст. изд., с. 47–55.

⁹⁵ Цитата из стихотворения К. Н. Батюшкова «Мои пенаты» (1811–1812).

⁹⁶ В статье Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 88–89).

⁹⁷ Стих из былины «Иван Гостиной сын», вошедшей в книгу «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». В библиотеке Пушкина сохранилось второе издание этого сборника (М., 1818).

⁹⁸ См., например, рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» Булгарина (СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232) и Надеждина (ВЕ. 1830. Ч. 170, № 7. С. 202; наст. изд., с. 258).

⁹⁹ Настоящую заметку Пушкин частично использовал в предисловии к отдельному изданию «последней главы» «Евгения Онегина», увидевшей свет в 1832 г.: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описал было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить вместо девятого номера осьмой над последней главою “Евгения Онегина”».

¹⁰⁰ Продолжение ответа на критику четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» в «Атене» (см. примеч. 94). В черновой рукописи он разделен заметкой «Пропущенные строфы...».

¹⁰¹ П. А. Плетнев в разборе «Кавказского пленника» (Соревн. 1822. Ч. 20, № 10. С. 43; П. в критике, I. С. 123) отнес «к числу небольших ошибок» следующее место:

Остановлял он долго взор
 На отдаленные громады.

Во втором издании поэмы неудачный стих был исправлен на «Вперял он неподвижный взор» (Кавказский пленник. Повесть Александра Пушкина. СПб., 1828. С. 22).

¹⁰² Имеется в виду стих из третьей песни «Руслана и Людмилы»:

На теме полнощных гор.

Во втором издании поэмы, «исправленном и умноженном», Пушкин заменил его: «На темени полнощных гор» (Руслан и Людмила. Поэма Александра Пушкина. СПб., 1828. С. 60).

¹⁰³ Грамматическая ошибка в стихотворении «Буря» («И ветер воил и летал...»), которое впервые было напечатано в «Московском вестнике» (1827. Ч. 1, № 2). В «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 2. С. 69) поэт заменил этот стих на «И ветер бился и летал».

¹⁰⁴ Грамматическую неточность в 4-м примечании к поэме «Полтава» (СПб., 1829. С. 85) отметил Надеждин (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9. С. 42; наст. изд., с. 173). Пушкин исправил ее в следующем издании — во второй части «Поэм и повестей Александра Пушкина» (СПб., 1835). Видимо, уже после того, как тираж книги был отпечатан, лист с примечаниями к «Полтаве» был вырезан и заменен новым, где ошибка в 4-м примечании была исправлена («Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали»). Сохранились, однако, и экземпляры с неисправленным текстом.

¹⁰⁵ Речь идет о двух стихах из сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», напечатанной в «Московском вестнике» (1827. Ч. 1, № 1. С. 7):

А грозный царь игуменом смиренным...

и

Он говорил Игумену и братья.

В отдельном издании «Бориса Годунова» (СПб., 1831. С. 19) эти неточности исправлены:

А грозный царь игумною богомольным...

и

Он говорил Игумну и всей братье.

¹⁰⁶ *Альфьери* Витторио (Alfieri, 1749–1803) — итальянский драматург, к биографии и сочинениям которого Пушкин проявлял постоянный интерес.

¹⁰⁷ Возможно, Пушкин имел в виду следующее место в поэме И. Ф. Богдановича «Душенька»:

Пришла к речному берегу,
И там на муравах
Нашла огонь в дровах,
К рыбацему наслегу

(Богданович И. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. Новое исправленное издание. СПб., 1794. С. 91).

¹⁰⁸ Появление этого «грамматического» замечания, с одной стороны, можно объяснить реальным журнально-полемическим контекстом 1830 г., связанным с Видоком-Булгариным. С другой стороны, сопоставление шпионов и одной из самых старых букв русской азбуки как лишних можно связать и с полемикой о роли буквы «ъ» в современном русском языке, которая возникла между А. Гумбольдтом и А. А. Перовским. Известный немецкий ученый во время краткого пребывания в России в ноябре–декабре 1829 г. учился русскому языку. Особенное внимание барона привлекла буква «ъ». «Однажды в Петербурге, в одном доме (возможно, здесь идет речь о вечере в доме Е. М. Фроловой-Багреевой, дочери М. М. Спе-

ранского. Запись об этом вечере, где среди прочих гостей был и Пушкин, сделана в дневнике Е. Шимановской 29 ноября 1829 г.; см.: Врем. ПК. 1979. С. 156. — Т. К.) изъявил он мнение свое о бесполезности существования ее в нашей азбуке. Один из присутствующих написал к нему на другой день челобитную от буквы “ъ” на французском языке», — сообщил Вяземский в анонимном предисловии к публикации переписки Перовского и Гумбольдта (их письма датированы 28 и 29 ноября 1829 г.) в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 22, 16 апреля. С. 173; авторство Вяземского доказано М. И. Гиллельсоном; см.: *Гиллельсон М. И.* Указатель статей и других прозаических произведений П. А. Вяземского с 1808 по 1837 год // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 318).

¹⁰⁹ Речь идет о рецензии Б. М. Федорова в журнале «Санктпетербургский зритель» (1828. № 1; наст. изд., с. 59), который прекратился на первом номере.

¹¹⁰ В отдельном издании шестой главы «Евгения Онегина» (СПб., 1828) в строфе VII вместо «*Sed alia tempora!*» («Но времена иные!») было напечатано «*Sed altri tempora!*». В полном издании 1833 г. Пушкин исправил эту «латинскую опечатку».

¹¹¹ Пушкин приводит мнение К. Ф. Рыльева, высказанное им в апрельском письме 1825 г., под непосредственным впечатлением от чтения Л. С. Пушкиным еще не опубликованной поэмы брата. «“Цыган” слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением, — писал Рылев. — Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом» (XIII, 168–169).

¹¹² Имеется в виду упрек Вяземского в рецензии, напечатанной в «Московском телеграфе»: «...не хотелось бы видеть, как Алеко по селеньям *водит с пенъем медведя*. Этот промысл, хотя и совершенно в числе принадлежностей молдавских цыганов, не имеет в себе ничего поэтического. <...> Если непременно нужно вести Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадыми. В этом ремесле, хотя и не совершенно безгрешном, все есть какое-то удалство и, следственно, поэзия» (1827. Ч. 15, № 10. С. 119; П. в критике, I. С. 321, 457).

¹¹³ Булгарин прочитал «Бориса Годунова» задолго до публикации трагедии, в конце 1826 г., когда поэт через Бенкендорфа представил ее рукопись на высочайшее рассмотрение. По заданию III Отделения Булгарин написал «Замечания на комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве», переданные Николаю I, который не позволил печатать новое сочинение Пушкина (см.: Пушкин. 1935. Т. 7. С. 412–414; Видок Фиглярин. С. 91–99). 20 июля 1829 г. Плетнев по просьбе Пушкина передал в канцелярию III Отделения исправленную рукопись «Бориса Годунова», которая, после просмотра ее царем, пролежала там более трех месяцев. В обеих столицах распространился слух об истинных причинах этой проволочки (см. примеч. к статье Ф. В. Булгарина «Анекдот» — наст. изд., с. 450). Роман Булгарина вышел в феврале 1830 г.; Пушкин получил разрешение напечатать свою трагедию 28 апреля 1830 г. (подробно об обстоятельствах, предшествовавших публикации «Бориса Годунова», см. комментарий Л. М. Лотман в кн.: *Пушкин А. С. Борис Годунов / Предисл., подгот. текста, ст. С. А. Фомичева; Комментар. Л. М. Лотман.* СПб., 1996. С. 197–321). Булгаринскому плагиату из «Бориса Годунова» Пушкин посвятил специально написанную для «Опыта опровержения некоторых не-литературных обвинений» заметку в жанре «китайского анекдота» о трагике Фан-Хо и романисте Фан-Хи («Недавно в Пекине случилось забавное происшествие...») (см. наст. изд., с. 302).

¹¹⁴ Вероятно, имеется в виду сообщение, напечатанное газетой Булгарина и Греча в отделе «Смесь» 3 апреля 1830 г.: «В известии о новой книге: “Евгений Онегин”, глава VII (см. “Сев<ерную> пчелу” № 35 и 39), мы, противу обыкновения, не выставили цены сего сочинения. Спешим поправить ошибку. VII глава “Онегина” стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 копеек. Все поныне вышедшие *семь* глав, составляющие в малую 12 долю 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены целого сочинения» (СПч. 1830. № 40). Бестужев-Рюмин, сообщая о том, что Смирдин намерен продавать новое издание «Истории государства Российского» Карамзина по 30 рублей, напомнил о цене семи глав «Онегина» и язвительно заметил: «Похождения Евгения <...> Онегина для каждого гораздо необходимее и полезнее, чем “История” Карамзина» (СМерк. 1830. Т. 1, № 60, 19 мая). См. также коммент. к «Анекдотической сцене» М. А. Бестужева-Рюмина «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» — наст. изд., с. 513–514. Десятилетия спустя сеговетания на дороговизну пушкинского романа в стихах из уст провинциального читателя зафиксировал в своих воспоминаниях В. Я. Брюсов: «Голос далекого прошлого звучал в словах деда (А. Я. Бакулина (1813–1893) — деда Брюсова по матери; сына купца, поэта-самоучки, баснописца, впоследствии — члена Суриковского кружка. — Т. К.), когда он начинал жаловаться на слишком дорогую цену отдельных глав “Онегина”» (Брюсов В. Я. Из моей жизни. М., 1927. С. 92).

¹¹⁵ 19 мая 1830 г. в № 60 «Северного Меркурия» Бестужев-Рюмин сообщал о том, что А. Ф. Смирдин «приступил к новому изданию басен знаменитого Крылова» и что «эта полезная книга также (то есть как и «История государства Российского». — *Ред.*) будет продаваться весьма дешево — по *четыре* рубля». Сообщение о доступной цене предпринятых Смирдиным изданий Крылова и Карамзина было главным и в объявлении «Московского телеграфа»: «Мы радуемся, что новое издание будет удобно по цене своей для приобретения всякому читателю, несмотря на то, что оно будет весьма хорошо. Г-н Смирдин предпринял новое издание “Истории государства Российского”, желая сделать сие великое творение также удобным для приобретения всякому читателю. Умеренная цена, против прежней безмерной цены, конечно, сделает “Историю государства Российского” необходимою для каждого образованного русского» (1830. Ч. 33, № 9. С. 133). Рецензент «Северной пчелы» в заметке об уже вышедшей книге тоже не обошел вниманием невысокую цену (4 рубля в Петербурге и Москве, 5 рублей — с пересылкой в другие города) пятого издания «Басен» Крылова: «Прежние продавались по слишком высокой цене, отчего не все желавшие иметь сии “Басни” могли приобретать оные. Издание И. В. Сленина (имеется в виду издание 1825 г. — *Ред.*) очень красиво, украшено портретом баснописца, картинками и виньетами, — но все ли могут заплатить двадцать рублей? Напротив, сии два издания (сначала Смирдин выпустил книгу в двух форматах — в 8-ю и 16-ю долю, затем был допечатан тираж и в 12-ю долю листа. — *Ред.*), продаваемые по весьма умеренной цене, доступны для всех» (СПч. 1830. № 112, 18 сентября). По информации «Московского вестника» (1828. Ч. 7, № 3. С. 395) и «Московского телеграфа» (1830. Ч. 32, № 17. С. 107), общий тираж должен был достигнуть 40000 экземпляров.

¹¹⁶ Пушкин имеет в виду суждение Вяземского, высказанное в полемике с М. А. Дмитриевым по поводу предисловия к «Бахчисарайскому фонтану»: «Всякий грамотный знает, что слово *национальный* не существует в нашем языке; что у нас слово *народный* отвечает одно двум французским словам: *populaire* и *national*; что мы говорим: *песни народные* и *дух народный* там, где французы сказали бы: *chanson populaire* и *esprit national*» (ДЖ. 1824. Ч. 6, № 8. С. 76–77; П. в критике, I. С. 174).

¹¹⁷ Возможно, Пушкин имеет в виду следующее место статьи Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии»: «Наша *романтическая поэзия* есть настоящее лобное место — настоящая торговая площадь. Один

поэтический взмах проливает ныне более крови, чем грозная муза *Шекспира* во всех своих мрачных произведениях: сам *Аретин* покраснел бы, глядя на беспутство и наглость, обнажающую себя столь незастенчиво на торжищах литературного нынешнего мира. Да и притом — разве эта зловещая мрачность, услаждающаяся одними кровавыми жертвами, составляет высочайшее достоинство котурна *Шекспирова*? И *Аретиновы* ли кошунства дают право называть *романтическую поэзию* — училищем людскости и зеркалом развития внутренней человеческой жизни? Совсем напротив. Кровавая дикость британского певца была не что иное, как печальная тень века, в коем сила духа, предоставленная самой себе, клочкотала и клубилась, не презирая, а не зная границ, поставляемых законами чувства нравственного; и бесчиние италийского шалуна извинительнее было во времена, когда круг общественных отношений не был еще столь строго округлен приличиями образованного тона. Куда ж как приятно видеть нашу поэзию, добивающуюся имени *романтической* чрез постыдное подбирание изгарин и поддонков *романтического духа*! Лучше несравненно оставаться ей по-прежнему в работном подражании *классицизму*, чем предаваться столь беспутному своеволию. Мы охотнее позволим неподвижным статуям, выписанным из древнего мира, истязывать слух наш чинным разглагольствием, чем представлять взорам нашим жизнь человеческую в столь ужасных конвульсиях или столь отвратительными гримасами. Это природа человеческую не возвышает, а унижает; не просветляет, а омрачает; не славит, а бесчестит! Таковой преступной деятельности — бездейственная косность достойнее; таковой безумной свободы — бессмысленное невольничество честнее; таковой срамной жизни — смерть бесчувственная славнее! В какую бездонную пучину ужасных мраков может низвергнуться даже великий гений, попустивший овладеть собой таковому лже-*романтическому* неистовству: тому поистине изумительный пример представляет знаменитый *Байрон*, слава коего оглашает донныне, хотя и не благовестительно, всю литературную вселенную» (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 1. С. 24–26).

¹¹⁸ Пушкин иронически использует определения Булгарина и Надеждина, данные пушкинскому Мазепе (см. заметку «*Habent sua fata libelli...*»).

¹¹⁹ Пародийная парафраза заключительных слов рецензии Надеждина на отдельное издание «Бала» Баратынского и «Графа Нулина» Пушкина: «Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрелы» (ВЕ. 1829. Ч. 164, № 3. С. 230; наст. изд., с. 120).

¹²⁰ В комедии Фонвизина Простакова бранит «собачьей дочерью» не Палашку, а старую няню Митрофана — Еремеевну; «канальями» — своих людей.

¹²¹ В «современной» критике «Недоросля» Пушкин пародирует рецензию «Северной пчелы» на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». Ее автор, «посмеясь над правосопианием» Загоскина и отметив в романе «грубые, противные вкусу выражения» (в том числе «собачий сын», «собачьи дети»), восклицал: «Неужели автор не подумал, что книга его может попасться в руки дамам, может войти в учебные заведения?..» (СПч. 1830. № 9, 21 января).

¹²² Намек на Булгарина (см. примеч. 25).

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕ-ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

¹ Эпиграф взят из первого письма английского поэта-лауреата Р. Саути (1774–1843), одного из представителей «озерной школы», к издателю газеты «The Courier» («Курьер») (5 января 1822 г.). Оно посвящено полемике Саути с Байроном. В 1821 г. Саути в поэме «Видение суда» («A Vision of Judgement») выступил против «сата-

нинской» поэзии Байрона; последний отвечал ему сатирической пародией под тем же названием. Письмо Саути к издателю «Курьера» было перепечатано, в частности, в неподписанном предисловии («Memoir of Robert Southey») к книге «The poetical works of Robert Southey. Complete of one volume» (Paris, 1829. P. XVI), которая сохранилась в библиотеке Пушкина (№ 1399 по описанию Б. Л. Модзалевского; указано А. А. Долининым). Первоначально Пушкин предполагал избрать в качестве эпиграфа латинское выражение «In statu quo ante Bellum» («В том же положении, как и до войны»).

² Пушкинская эпиграмма представляет собой вольное переложение эпиграммы французского поэта XVII в. П. Пеллиссона-Фонтанье (Pellisson-Fontanier, 1624–1693) «Трое глухих» («Les trois sourds») (см.: *Томашевский Б. В.* Заметки о Пушкине // ПиС. Вып. 28. С. 4–9). В качестве источника текста назывались и эпиграмма из греческой антологии (см.: *Лернер Н. О.* Источник эпиграммы «Глухой глухого звал...» // РС. 1911. № 12. С. 654–657; *Соболевский С. И.* Стихотворение А. С. Пушкина «Глухой глухого звал на суд судьи глухого» // Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1930. № 1. С. 1–3), и шутивная индийская сказка «Глухие», перевод которой был опубликован в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 13, 2 марта) (см.: *Белкин Д. И.* Индийская сказка «Глухие» и пушкинское стихотворение «Глухой глухого звал к суду судьи глухого...» // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 166–176).

³ Пушкин цитирует Н. Полевого, который в рецензии на книгу С. Руссова «Замечания на “Историю русского народа”, сочиненную Николаем Полевым», писал: «Выше я советовал Ф. В. Булгарину (ранее в том же разделе «Современная библиография» Полевой поместил сообщение о выходе частей I–V второго издания «Сочинений Фаддея Булгарина». — Т. К.) не отвечать на пустые привязки к его сочинениям и подам ему пример собою. Все привязки, клики и вопли критиков на “Историю русского народа”, мною сочиненную, — не будут удостоены с моей стороны никаким ответом. — С благодарностию принимаю всякий полезный совет; но спорить с г-ми Недоумкою, Погодиным, Руссовым, хоть одним словом отвечать им — не буду решительно» (МТ. 1830. Ч. 33 № 9. С. 103).

⁴ «Илиада» Гомера в переводе Н. И. Гнедича вышла в конце 1829 г. Пушкин откликнулся на это «так давно и так нетерпеливо ожидаемое» событие коротким объявлением в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 2, 6 января; без подписи), в котором назвал многолетний труд переводчика «единым, высоким подвигом» и предрекал книге «важное влияние на отечественную словесность». В ответ на записку Гнедича, растроганного этой статьей, Пушкин писал: «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору “Илиады” Вашей. Он не нужен для Вашей славы, но был бы нужен для России» (XIV, 56).

⁵ Н. В. Яковлев отметил, что имена трагика и романиста в «китайском анекдоте» Пушкина восходят к шуточной поэме Б. Корнуолла (Cornwall, 1787–1874) «Генеалогисты» («Genealogists»), в которой действуют столяр Phang и его сын Chang-ho, живописец Foh и его дочь Fohi. Книга «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall» (Paris, 1829), куда входила и поэма в октавах «Генеалогисты», была в числе немногих, что Пушкин взял с собой в Болдино (см.: *Яковлев Н. В.* «Последний литературный собеседник Пушкина»: (Бари Корнуоль) // ПиС. Вып. 28. С. 12, 117). См. также примеч. 23 и 113 к «<Опровержению на критики>» — наст. изд., с. 489, 501.

⁶ 9 августа 1830 г. в отделе «Смесь» «Литературной газеты» (№ 45) была анонимно опубликована заметка «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...», в которой проводилась параллель между событиями кануна Французской революции 1789–1793 гг. и журнальной войной, которую издания Булгарина, Греча и Полевого объявили «дворянским» писателям. Она

заканчивалась фразой: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуточили крики: *Аристократов к фонарю* — и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим. Avis au lecteur*». Появление этой заметки, скорее всего, было спровоцировано болгаринским «Вторым письмом из Карлова на Каменный остров», напечатанным «Северной пчелой» 7 августа (см. наст. изд., с. 279). 8 августа цензор Н. Щеглов подписал № 45 «Литературной газеты», на следующий день подписчики получили его, а 10 августа Пушкин, который ненадолго приезжал в Петербург, вновь уехал в Москву. Вопрос об авторстве заметки до сих пор остается дискуссионным. В «большом» академическом издании она отнесена в раздел «Dubia». Ю. Г. Оксман считал наиболее вероятным авторство Дельвига. А. И. Дельвиг, свидетель описываемых событий, вспоминал о том, что заметки «С некоторых пор журналисты наши...» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 36, 25 июня) и «Новые выходки...» были «шутя» написаны в его присутствии Пушкиным и Дельвигом (см.: П. в восп. Т. 2. С. 125—127). По первоначальному замыслу, пушкинский «Разговор», разъясняющий настоящий смысл фразы об эпиграммах французских демократических писателей XVIII в. и позицию «Литературной газеты» в полемике о «литературной аристократии», ее отношении к просвещенному дворянству, должен был отвести обвинения в предосудительном содержании заметки, отклонить недобросовестные политические «применения» со стороны враждебной партии и оправдать (как считает один из участников разговора) издателя «Литературной газеты». Работая в Болдине над «Разговором», стремясь вывести газету Дельвига из опасной для нее колеи политических вопросов, которые «никогда не бывали у нас разбираемы», Пушкин не знал, что статья «Новые выходки...» уже вызвала крайнее раздражение Бенкендорфа своей «неприличностью», в «особенности при настоящих политических происшествиях» (имелась в виду июльская революция во Франции). Пушкину не было известно, что 24 августа Дельвиг давал письменное объяснение по поводу автора статьи и получил, как сообщает мемуарист, «строгий выговор» от Бенкендорфа и предупреждение, что «он вперед за все, что ему не понравится в “Литературной газете” в цензурном отношении, будет строго взыскивать» (см.: П. в восп. Т. 2. С. 127).

⁷ Тома Антуан Леонард (Thomas, 1732—1785) — французский писатель; приобрел известность как автор од и «похвальных слов» знаменитым историческим деятелям; заслужил у современников репутацию сторонника культуры и прогресса. Творчество Тома высоко ценили в России, его переводили Д. И. Фонвизин, В. П. Петров.

⁸ Дюкло Шарль Пино (Duclos, 1704—1772) — французский историк, романист, моралист, автор повести «Исповедь графа де ...» («*Les confessions du comte de ...*», 1742), трактата «Размышление о нравах сего века» («*Considération sur les mœurs de ce siècle*», 1751), в котором с позиций французских просветителей обличал абсолютную монархию и моральное разложение аристократии накануне революции.

⁹ Шамфор Никола Себастьян Рок (Chamfort, 1741—1794) — французский писатель и публицист; противник монархии, объявивший, по преданию, «войну палатам и мир хижинам». В его посмертно изданной книге «Максимы и мысли, афоризмы и анекдоты» («*Maximes et pensées. Caractères et anecdotes*»; в нее частично вошли остроты и анекдоты Шамфора, которые он записывал на протяжении всей своей жизни) дана картина жизни французской аристократии накануне революции 1789 г. В ходе ее событий Шамфор примкнул к умеренному крылу восставших; во время ареста покончил с собой.

¹⁰ «*Les aristocrates à la lanterne*» — слова из припева революционной песни 1793 г. «*Ça ira*».

¹¹ Полиньяк Огюст Жюль Арман Мари (Pouginac, 1780—1847) — французский политический деятель, крайний реакционер; с августа 1829 г. был министром

иностранных дел при короле Карле X, с ноября 1829 г. возглавлял кабинет министров. 25 июля 1830 г. Полиньяк подписал 6 ордонансов (в том числе о роспуске Палаты депутатов, об отмене свободы периодической печати и введении цензуры), которые нарушали конституционную хартию 1814 г. Они спровоцировали начало революционных событий и падение Карла X. Полиньяк был арестован и вместе с другими министрами предан суду. Пушкин внимательно следил за ходом июльской революции. В начале августа, когда были получены первые известия о событиях во Франции, он заключил с Вяземским пари на бутылку шампанского, что Полиньяк будет приговорен к смертной казни (см. об этом: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1874. Т. 9. С. 136–137, а также письма Пушкина к Вяземскому от 5 ноября 1830 г. и 2 января 1831 г. (XIV, 122, 139–141), письма Вяземского А. Я. Булгакову от 27 ноября 1830 г. (РА. 1879. Кн. 2. С. 114–115) и Пушкину от 1 января 1831 г. (XIV, 139)). Это пари Пушкин проиграл: Полиньяка приговорили к пожизненному заключению; в 1836 г. он был амнистирован.

¹² Возможно, Пушкин имеет в виду статью в № 34 «Галатее», который вышел 23 августа. В ней заострилось внимание на заключительной фразе заметки «Новые выходки...» (см. выше примеч. 6) и содержалось прямое обвинение не только в недобросовестности и необдуманности статей, но и в неблагонадежности издателей «Литературной газеты»: «Вот до чего может довести пристрастие к чему-то самых образованных литераторов! Что хотели сказать здесь этим?.. К чести господ издателей “Литературной газеты” думаем, что замечание это есть одна из тех недобрых статей, которые печатаются в минуту гнева и надолго остаются упреками издателям, которые и сами впоследствии чувствуют иногда необдуманность своего поступка. Если выходы наших писателей, по словам самих же издателей “Литературной газеты”, действительно, ни в каком отношении нельзя сравнивать с выходами демократических писателей XVIII века, то для чего же наводить такую мрачную тень на них, припоминая неистовые крики французов? Благонамеренно ли... это? Литературных отношений здесь не видно. Можно ли что-нибудь хуже этого сказать о человеке в благоустроенном обществе? И это пишут или, лучше сказать, делают русские литераторы?» (с. 135–136). Статья в «Галатее» заканчивалась несколькими рядами пунктирных линий. По существующей комментаторской традиции считается, что первая статья, которую читают участники «Разговора», — рецензия Булгарина на «Историю русского народа» Полевого. Она заканчивалась выпадом против «Литературной газеты»: «Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать» (см.: *Пушкин.* Соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 9, кн. 2. С. 274–275 (коммент. Н. К. Козмина); *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 552 (коммент. Ю. Г. Оксмана); *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 691 (коммент. Б. В. Томашевского)). Но № 110 «Северной пчелы», в котором опубликована эта статья, вышел 13 сентября — следовательно, Пушкин не мог читать его ни в Москве, откуда уехал 31 августа, ни в Болдине, куда доходили только «Московские ведомости» (см. его письмо М. П. Погодину от начала ноября 1830 г. — XIV, 121).

¹³ Видимо, № 14 «Московского телеграфа», который вышел несколькими днями раньше «Галатее» и также содержал отклик на «примечание» «Литературной газеты», принятое Полевым на свой счет: «Одна из статей “Литературной газеты” вынуждает у него (издателя «Московского телеграфа»). — *Ред.*) несколько нещутливых слов. “Литературная газета” замахнулась на него камнем, он выхватывает этот камень и бросает его ей обратно, прямо в лоб» (с. 240). Заканчивалась гневная филиппика Полевого против «самых знаменитых писателей» указанием на «литературную недобросовестность» «Литературной газеты» и высокомерным отказом

вступать с нею в полемику: «Опровержения она не стоит и не заслуживает. "Литературная газета" есть последнее усилие жалкого *литературного аристократизма*» (с. 242).

¹⁴ Фраза «avis au lecteur», которой завершалась заметка «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...», носила, возможно, скрытый полемический характер. Так заканчивалась давняя статья Булгарина против «Московского вестника» (СПч. 1828. № 38, 29 марта; наст. изд., с. 83). Задетый выступлением погодинского журнала, издатель «Северной пчелы» сочинил цветнический анекдот об «Эдинбургском вестнике» — «пустом и детском журнале с глупыми картинками», который ради популярности и увеличения числа подписчиков начал браниться со всеми журналами, разругал «в пух всех лучших писателей, поэтов и прозаиков, исключая лорда Байрона». Бывший сотрудник журнала, от имени которого и писал Булгарин, якобы опубликовал этот анекдот в популярном среди читающей публики журнале «Эдинбургский маяк» с эпиграфом: «avis au lecteur». Это был завуалированный намек на аристократизм журнала Погодина, сотрудниками которого были писатели пушкинского круга.

¹⁵ Окончание этой реплики, а также следующая появились позднее основного текста «Разговора» и в другом месте. Пушкин сделал эту приписку после планов «Опыта» и черновых набросков к нему, с пометой «№ 100» (не исключено, после возвращения из Болдина — это самая последняя запись в сшитой тетради). Возможно, здесь дано указание на номер «Северного Меркурия», который вышел 20 августа. Там была напечатана реплика Бестужева-Рюмина на заметку «В газете "Le Furet"...» (в № 45 «Литературной газеты» она следовала сразу же за статьей «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...»). Изложив содержание «китайского анекдота» о «некотором мандарине», приказавшем побить палками «некоторого журналиста», издатель газеты заключал: «Не имея теперь у себя перед глазами того № "Furet", в котором напечатано это известие, и ленясь его отыскивать, мы в этом случае верим на слово "Литературной газете". В отношении же того обстоятельства, здоровы ли журналисту палочные побои или нет, мы, как люди неопытные в этом предмете, и зная, что издатель "Furet" о некоторых вещах судит здраво и основательно, — мы, повторяем, в справедливости сего замечания сомневаться не смеем». Таким образом, в число изданий, вступившихся «с такою братскою горячностью за "Северную пчелу"», кроме традиционно перечисляемых «Галатеи» и «Московского телеграфа» следует включить и «Северный Меркурий».

<ПРОЕКТ ПРЕДИСЛОВИЯ К VIII И IX ГЛАВАМ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

Проект предисловия к последним главам «Евгения Онегина» (черновой автограф с заглавием «Предисловие к "Евгению Онегину"» — ПД 1084) относится к последним дням пребывания Пушкина в Болдине. Предисловие предназначалось для отдельного издания восьмой («Путешествие Онегина») и девятой глав романа в стихах. Этот проект Пушкина не был осуществлен: «Путешествие Онегина» не было издано отдельной главой, отрывки «Путешествия» были напечатаны в отдельном издании романа в 1833 г.; восьмая (первоначально девятая) глава «Евгения Онегина» вышла в 1832 г. с другим предисловием автора. В центре болдинского наброска Пушкина два критических разбора седьмой главы романа — в «Северной пчеле» (1830. № 35, 22 марта; № 39, 1 апреля; наст. изд., с. 232–236) и «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 6. С. 238–243; наст. изд., с. 256–258).

¹ Следующий далее фрагмент отзыва «Северной пчелы» (1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232–233) Пушкиным не выписан, но к нему сделаны примечания.

² Имеется в виду «Московский телеграф» (1830. Ч. 32, № 6. С. 240; наст. изд., с. 256). Первоначально Пушкин написал в рукописи название журнала Полевого, но потом решил ограничиться общей формулировкой, как и в случае с «Северной пчелой».

³ Традиционное чтение даты — «28». Анализ рукописи и сопоставление начертания цифр под проектом предисловия с аналогичными случаями употребления у Пушкина позволяют ввести предложенное чтение.

**ИЗ АЛЬМАНАХА «ДЕННИЦА»
ОТРЫВОК ИЗ РУКОПИСИ ПУШКИНА
(Полтава)**

Денница на 1831 г. С. 124–130.

Единственный опубликованный при жизни Пушкина отрывок из «<Опровержения на критики>». Ср. с текстом «<Опровержения>» — наст. изд., с. 289–291.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

М. И. ВОСКРЕСЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ ВЕЛЬСКИЙ

<Отрывок>

Разговор автора с книгопродавцем

Евгений Вельский, роман в стихах. Глава первая. М., 1828. С. I—XI (выход в свет ок. 23 мая — МВед. 1828. № 41, 23 мая).

Роман в стихах «Евгений Вельский», напечатанный анонимно в московской типографии С. Селивановского, был одним из первых подражаний-пародий, которыми русская стихотворная беллетристика откликнулась на появление в печати «Евгения Онегина». Первая глава «Вельского» вышла в 1828 г. (ценз. разр. 17 апреля), вторая и третья — в 1829 г. (ценз. разр. соответственно от 19 июня и декабря (без даты) 1829). Отрывки из так и не законченной четвертой главы печатались в альманахах «Полярная звезда» на 1832 г. и «Улыбка весны» (1832). Автору удалось сохранить инкогнито: по-видимому, ни Пушкин, ни журналисты-критики «Вельского» так и не узнали его имени. Авторство Михаила Ильича Воскресенского (1803—1867, подробнее о нем см.: Русские писатели. Т. 1. С. 490—491 (статья К. Ф. Турумовой и А. И. Рейтблата)), врача и коммерческого беллетриста 1840—1850-х гг., было установлено К. Ф. Турумовой в статье «Евгений Вельский» и его автор» (Вопросы литературы. 1972. № 8. С. 106—125). М. И. Воскресенский к моменту написания «Вельского» уже перевел три романа Вальтера Скотта; «Вельский» же явился его первым оригинальным произведением. Впоследствии он писал большие прозаические романы, хорошо продававшиеся, имевшие успех у массового читателя, и подписывал их своим именем. Известно еще одно его анонимное произведение — «Утро после бала у Фамусова, или Все старые знакомцы» (М., 1844), шутивное продолжение грибоедовского «Горя от ума». В качестве подражателя-пародиста он предпочитал оставаться безымянным, что не очень согласуется с причиной, побудившей его, согласно тексту «Вельского», взяться за перо: «Теперь, путь славы полюбя, Я также быть хочу известным» (с. IV). При этом собственно пародийная сторона романа тоже вызывает некоторое недоумение: автор откровенно восхищается пародируемым произведением («Как ни суди о нем кто строго — Хорошего все очень много: Стихи прекрасны, слог живой, И это-то стихотворенье Я пародировать хочу...» — с. V). Однако перед нами все же больше пародия, чем подражание. Пародийность в «Вельском» несомненно присутствует прежде всего в снижении фигуры главного героя — мелкого тамбовского дворянина, едущего в Москву к богатому родственнику; в описании раннего любовного опыта Евгения («И признаюсь — в тринадцать лет Мне стал знаком довольно свет» — гл. 1, с. 10), в многочисленных переделках стихов Пушкина, например:

Боясь прослыть за метромана,
Героя моего романа
Не познакомлю я с Москвой
И — кончу все одной главой

(гл. 1, с. 44).

Вопрос о том, зачем написан «Евгений Вельский», был загадкой и для современников и для позднейших исследователей (см.: Розанов И. Н. Ранние подражания «Евгению Онегину» // П. Врем. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 221—229; Турумова К. «Ев-

гений Вельский» и его автор; *Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 84–96). Автор явно не ставил себе цель высмеять Пушкина, не пытался состязаться с ним или создать нечто самостоятельное и самоценное — роман не может быть воспринят вне связи с первоисточником. Ю. Н. Чумаков предполагает в авторе лишь меркантильный интерес, но, вероятно, дело было не только в нем. Полевой в своей рецензии на первую главу «Вельского» (МТ. 1828. Ч. 21, № 9. С. 125–127) предлагал считать его пародией и на подражания Пушкину, высмеивающей не только первоисточник, но и эпигонов. С этой задачей, по мнению рецензента, сочинитель справился удачно.

Как было отмечено Розановым, «Евгений Вельский» — единственное из ранних подражаний «Онегину», где соблюдена онегинская строфа, причем если сначала она вызывает у автора явные трудности, порядок рифм нарушается и меняется от строфы к строфе, то к концу первой главы ошибки пропадают, автор овладевает формой и, если сбивается с нее, то делает это намеренно и оговаривает:

Так иногда... Но для сравненья
Я, позабывшись, согрешил,
И стих пятнадцатый вклеил
В строфу мою. Прошу прощенья!
Иному б, может, не в догад,
Но я в грехе сознаться рад
(гл. 3, с. 78).

Создается впечатление, что сочинитель учится в процессе написания романа. Возможно, пародируя «Онегина», Воскресенский пытался освоить новую, поразившую его литературную форму. Век классицизма, одобрявший подражание образцам, давно прошел, критика и читатели девятнадцатого века скептически относились к прямым подражаниям, форма же пародии давала некоторое право на неприкрытые перепевы чужого произведения. Автор «Вельского» постоянно ссылается на Пушкина («Иным и Пушкина Евгений Не слишком нравится; — ну что ж?» (гл. 2, с. 15); «Волшебник-Пушкин написал То, что доселе я скрывал В моей груди оледенелой...» (гл. 2, с. 42)).

Этим и интересен «Евгений Вельский»: пытаясь овладеть онегинскими приемами, автор невольно показывает, что именно поразило его в романе, показалось новым и необычным, наконец, просто — что он в нем понял. Сопоставление же ряда подражаний и пародий на «Онегина» и критики на них дает довольно ясное представление о восприятии романа в период его написания и первой публикации (см. об этом в указ. выше статье Розанова, а также: *Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. С. 97–107). В «Евгении Вельском» наиболее очевидна рефлексия по поводу пушкинского романа.

Одна из характерных особенностей «Вельского» — невыстроенность сюжета. Вся первая глава посвящена отъезду героя из родного Тамбова и его дороге в Москву. Никаких событий в ней не происходит. Во второй главе дается характеристика графа Знатова, к которому едет герой, и его молодой жены. Здесь, кажется, наконец, должен завязаться сюжет: Евгений случайно оказывается свидетелем туалета покорившей его сердце графини. Но глава этим и заканчивается. Затем в третьей главе герой нечаянно встречается с графиней в беседке — однако действие на этом обрывается, и автор приглашает читателей перешагнуть через три года (и сразу еще через один), а графиня вообще из романа исчезает вместе со своим так и не появившимся мужем. Эта бессюжетность для Воскресенского не ошибка и не неумение построить сюжет — он воспринимает ее как пушкинский прием, который применяет вполне осознанно:

— Помилуй, скажут, что за мода
Шагать через четыре года,
И что за премудренный план
Ты выдумал на свой роман?
(гл. 3, с. 79).

«Вельский» появился до публикации последних двух глав «Онегина», и очевидно, что сюжетное построение напечатанных глав романа для Воскресенского распадалось, терялось за лирическими отступлениями, характеристиками героев, литературной игрой и т. п. Именно их он прилежно копирует, щедро раздавая подробные характеристики персонажам, которые далее ни разу в романе не появляются. Воскресенский пользуется любым предлогом, чтобы поговорить обо всем на свете, и особенно о литературе, — порой не без остроумия, как, например, в пассаже о луне:

К ней куча приторных посланий,
И чуть уж сел кто у окна,
Глядишь — и выплыла луна!
О ночи бедное светило!
Уж кто тебя не тормозил?
Кому твой луч уж не светил?
Кто не взывал к тебе уныло!
(гл. 3, с. 50).

Так литературная саморефлексия опускается в низовую словесность.

Предпосланный первой главе «Вельского» «Разговор автора с книгопродавцем» — это ответ на «Разговор книгопродавца с поэтом», открывавший отдельное издание первой главы «Евгения Онегина». Ситуация пушкинского «Разговора» у Воскресенского перевернута — не книгопродавец уговаривает поэта продать рукопись новой поэмы, а сочинитель упрасивает книгопродавца купить его творение, но все заканчивается также соглашением и уговором о цене. Характерна замена «поэта» на «автора» — «автор» оказывается в том же отношении к пушкинскому «поэту», в каком Вельский (который «в кругу тамбовок чернооких, Блистал нередко остротой И — даже иногда чужой») находится к Онегину. В сущности, это отношение поэта и «авторов» задано самим Пушкиным в «Разговоре»: «Вкруг лавки журналисты бродят, За ними тощие певцы: Кто просит пища для сатиры, Кто для души, кто для пера...». «Автор» Воскресенского — один из этих тощих певцов. Именно в этом плане справедливо замечание Турумовой, что разговор в «Вельском» начинается с того места, где у Пушкина кончается, — он показывает, что произошло после того, как пища для сатиры, для души и для пера была наконец получена и переработана «низовыми» литераторами.

¹ Ср. в «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина:

...уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят...

² Ср. у Пушкина:

Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!

³ Ср. у Пушкина:

И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

⁴ Ср. у Пушкина:

Немножко стоит вам присесть,
.....
Поэма, говорят, готова...

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

**МАВРА ВЛАСЬЕВНА ТОМСКАЯ
И ФРОЛ САВИЧ КАЛУГИН**

Анекдотическая сцена

<Отрывок>

СПб., 1828. С. 11—18 (ценз. разр. от 5 апреля 1828 г.)

За пределами приведенного отрывка в «сцене» Бестужева-Рюмина нет ничего, прямо относящегося к Пушкину или его произведениям. Заслуживает упоминания только одна деталь. В самом конце книги, после списка «замеченных погрешностей», напечатана заметка:

Вместо поправки

В конце 60-й страницы напечатаны два стиха, которые отзываются чем-то неправильным*. Иные называют грамматические *свои* грехи галлицизмами, а я покаюсь искренно: это антиграмматизм, господа, антиграмматизм. Можно было бы избежать от него, но...

Стопа и рифма, друг, у нас большое зло:
От них все скверное в стихах произошло.

Б. Р.

Тут интересна даже не скрытая выходка в адрес Пушкина (ср. в «Евгении Онегине»: «Раскаяться во мне нет силы, Мне галлицизмы будут милы, Как прошлой юности грехи...» (гл. III, строфа ХХІХ)), а то, как Бестужев-Рюмин по своему обыкновению (см.: наст. изд., с. 421) цитирует в искаженном и переиначенном виде неопубликованные неподцензурные стихи Пушкина, на этот раз «Послание цензору» (1822) (ср. у Пушкина: «Жена и дети, друг, поверь — большое зло: От них все скверное у нас произошло»).

«Анекдотическая сцена» М. А. Бестужева-Рюмина была встречена доброжелательной рецензией «Северной пчелы». «*Мавра Власьевна Томская*, богатая помещица лет шестидесяти, вдова, охотница до чтения, и *Фрол Савич Калугин*, старинный приятель покойного ее мужа, человек, образовавшийся в кругу ученых людей, — вкратце излагал рецензент содержание, — разговаривают между собою сперва о литературе, а потом поверяют небольшое сочиненьице сего же автора: «Оракул в новом роде, или Предсказанія на 1828 год». Более всего нападают пожилые судьи литературы на пятирублевые стихотворные произведения, которые в подражание неподражаемым поэмам А. С. Пушкина беспрестанно размножаются, будучи похожими только в одной цене на сочинения сего поэта». Рецензент находил «в

* Имеются в виду стихи:
Пришли тогда в энтузиазм
Все бывшие на бале гости;
И в скольких матушках от злости
Тогда наделалось спазм. — *Ред.*

разговорах сих пожилых судей чрезвычайно много остроты и истинного сатирического духа» и заканчивал статью следующим замечанием: «Мы бы советовали автору сей книги истребить все, что он написал поныне, и оставить одну эту книжонку. Мавра Власьева и Фрол Савич своею остроумною и забавною болтливостью выхлопочут ему укромное местечко на Парнасе, на который он смотрел до сих пор только издали» (СПч. 1829. № 1, 1 января). Тема «пятирублевых» и «десятирублевых» книжек, впервые отчетливо заявленная здесь Бестужевым-Рюминым, широко эксплуатировалась им и далее; она была охотно подхвачена критикой, хотя первое время обвинения в дороговизне сочинений предъявлялись не собственно Пушкину. Уже 5 января 1829 г. в № 3 «Северной пчелы» рецензент поэмы В. С. Филимонова «Дурацкий колпак» писал: «А. С. Пушкин пишет и издает в свет свой роман в стихах “Евгений Онегин” главами, небольшими книжками, ценою по 5 рублей. Публика с удовольствием раскупает это произведение первоклассного нашего поэта, и вот в задней шеренге нашего литературного легиона и в вагенбурге (нем. военный термин: Wagenburg — заграждение из повозок. — *Ред.*) зашумели и по примеру вождя расписались. Поэмки и книжечки посыпались, цена та же, пять рублей, те же пробелы между строфами, те же пропуски в нумерации глав, но разница в том, что публика не раскупает книжонку мастерства задней шеренги, не раскупает потому, что бумаги на папильоты и на обертывание разных вещей можно купить гораздо дешевле, а поскучать есть отчего и даром!» (подпись: «Никодрас Криспов»).

В 1830 г. тема цены за книгу выходит на первый план. Высокой ценой «Онегина» порекала Пушкина булгаринская «Северная пчела» (1830. № 40, 3 апреля). Эту же тему подхватил бестужевский «Северный Меркурий». Например, в заметке из раздела «Смесь» в № 60 (19 мая) «Меркурия» сообщалось о новом издании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, предпринятом книгопродавцом А. Ф. Смирдиным. Предполагаемая цена издания составляла 30 рублей. «Припомните, — замечалось при этом, — что за семь глав “Евгения Онегина”, которые вы прочитаете в три часа времени и в которых едва ли есть пятнадцать листов бумаги, надобно заплатить — тридцать пять рублей государственными ассигнациями. Слова нет, что похождения Евгения (как бишь его по батюшке) Онегина для каждого гораздо необходимее и полезнее, чем “История” Карамзина, но... (Продолжение впрдь)». К заметке сделано и язвительное примечание: «За пересылку же в города каждой главы прилагается за один фунт, хотя во всех-то семи не будет полуфунта». Еще ранее, в № 14 (31 января) «Северного Меркурия», в известии о выходе первой части «Театра Николая Хмельницкого» (СПб., 1829) подчеркивалось бескорыстие Хмельницкого, отказавшегося от гонорара в пользу «одного небогатого семейства». «У нас есть поэты, — замечал по этому поводу автор заметки, — которые и осмыслишия своего не позволят постороннему человеку напечатать даром, требуя, по установленной ими таксе, не менее пяти рублей за каждый стих. Часто случается, что такое осмыслишие единственно и поддерживается литературною известностью имени, под ним означенного; а если б принадлежало другому какому автору, то следовало бы брать деньги с сего последнего за его напечатание». Откликаясь на появившееся в № 85 (22 октября) газеты «Le Furet» сообщение, что восьмая глава «Онегина» будет напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1831 г., бестужевский «Меркурий» писал: «Особы, имеющие у себя первые семь глав “Онегина”, сетуют, что осьмая глава сего стихотворного романа назначена к напечатанию в «Северных цветах на 1831-й год». Они могут утешиться: помещение помянутой главы “Онегина” в “Сев<ерных> цв<етах>” назначено единственно для того, чтоб они скорее разошлись по рукам любителей альманачной ботаники; несомненно, что глава эта будет напечатана особо и даже в скором времени, если только означенное предположение гг. издателей сказанного альманаха увенчается благоприятным успехом. В наш век ничего не делается без основательной цели. — Некоторые, полагая, что “Евгений Онегин” по дороговизне своей будет самым

примечательным из всех стихотворных романов в свете, любопытствуют знать, из скольких глав он будет состоять. Иные утверждают, будто бы до *ста*» (СМерк. 1830. Т. 2, № 134, 7 ноября). 12 ноября в «Литературной газете» (Т. 2, № 64. С. 230) было напечатано опровержение на известие «Le Furet». Пушкин помнил обвинения своих недоброжелательных критиков в корыстолюбии и отвечал на них осенью 1830 г. в болдинском «<Опровержении на критики>» (см.: XI, 154; наст. изд., с. 299).

¹ «Оракул в новом роде, или Предсказания на 1828 год...» (СПб., 1828) — сочинение самого Бестужева-Рюмина, моралистическая сатира на современные нравы, женское «модное воспитание» и т. п.

² Ср. критические замечания Б. М. Федорова и М. А. Дмитриева о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина» (СПб зритель. 1828. Ч. 1, № 1. С. 148; наст. изд., с. 64, 68; Атеней. 1828. Ч. 1, № 4. С. 84, 88; наст. изд., с. 52, 55) и примеч. 12 к статье Б. М. Федорова (наст. изд., с. 359).

³ Ср. в статье Б. М. Федорова (СПб зритель. 1828. Ч. 1, № 1. С. 143; наст. изд., с. 61; см. также примеч. 7 к ней — наст. изд., с. 358).

⁴ Имеется в виду поэма И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (СПб., 1828).

⁵ В списке «замеченных погрешностей» в конце книги, содержащем, впрочем, не только исправление опечаток, но и смысловые изменения, эти строки исправлены следующим образом:

Вот за княгиню-то Наталью
Хоть десять плакали рублей,
А только раз прочла; Бог с ней.

⁶ Имеется в виду «повесть в стихах» А. И. Подолинского «Див и Пери» (СПб., 1827); см. также примеч. 2 к статье В. Т. Плаксина «Взгляд на состояние русской словесности в последнем периоде» — наст. изд., с. 425.

⁷ Поэма «Див и Пери» Подолинского предварялась предисловием «От издателя», подписанным неизвестным в литературных кругах именем В. Кречетова. «Возложив на себя приятную обязанность быть издателем этой небольшой поэмы, — писал издатель, — позволяю себе надеяться, что просвещенная публика найдет ее достойною своего внимания. Может, случится в ней какие-нибудь недостатки, но кто ж без них? По крайней мере мне, некогда делившемуся с сочинителем моими скудными познаниями в российской словесности, да позволят читатели сказать, что поэма «Див и Пери» в расцветающем вертограде нашей поэзии есть такой цветок, мимо которого нельзя пройти, не полюбовавшись».

М. А. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

A MADAME DE N. N.,
ПРОСИВШЕЙ МЕНЯ ПРИСЛАТЬ ЕЙ РОМАН А. С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

СМерк. 1830. № 27, 3 марта. С. 108. Подпись: Б. Р.

¹ Стихотворная «анекдотическая сцена» М. А. Бестужева-Рюмина «Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин» (СПб., 1828); отрывок из нее см.: наст. изд., с. 312–315.

² Имеется в виду рецензия Булгарина на «Мавру Власьевну Томскую...» в «Северной пчеле» (1829. № 1, 1 января; см. также наст. изд., с. 512–513).

ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
 ОТРЫВКИ ИЗ НОВОГО АЛЬМАНАХА
 «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗЕРКАЛО»

МТ. 1830. Ч. 31, № 2 (выход в свет 11 февраля — Летопись Боратынского. С. 241). Новый Живописец общества и литературы. С. 26–29. Подпись: А. Феокритов с товарищами. Перепечатано: Новый Живописец общества и литературы. М., 1832. Ч. 2. С. 183–186.

«Новый Живописец общества и литературы» сначала появился в «Московском телеграфе» в 1829 г. (Ч. 28, № 13) как один из подразделов отделения «Смесь». Само название обозначало преемственность «Нового Живописца» по отношению к знаменитому журналу Н. И. Новикова «Живописец» (1772–1773); содержание раздела должны были составить сатирические фельетоны на дух и нравы современного общества. С 1830 г. издатели «Московского телеграфа» выделили «Новый Живописец» в особое сатирическое прибавление, печатавшееся при каждой книжке журнала. В это же время на равных правах с нравописанием и социальной сатирой (сценами из жизни чиновников, купцов, вельмож; статьями, критикующими взяточничество, судебный произвол и пр. и, как правило, имеющими в виду реальные лица и происшествия) в «Новый Живописец» входят литературная полемика и пародия, становящиеся для Н. А. и К. А. Полевых средством активной борьбы с писателями пушкинского круга. Первые опыты пародии появились в «Новом Живописце» еще в 1829 г. В № 17 (с. 139–140) был напечатан «Опыт юного поэта» — стихотворение «А. Т. Х-ву» («По сердцу брат, шалун с умом...») с подписью: «Бессмыслин», пародирующее послания Н. М. Языкова. В письме к Живописцу, предворявшем публикацию стихотворения, юный поэт Бессмыслин писал: «Уверенный примером наших поэтов, что *подражание* есть единственное средство писать русские стихи, и видя, что одни подражают Пушкину, Баратынскому; что этим подражателям являются еще подражатели, этим подражателям подражателей — еще новые, и что из этого составляется нынешняя русская поэзия, я, поэт юный, решился следовать общему примеру и прошу вас напечатать опыт трудов моих. Кому я подражаю — угадайте сами и по совести скажите, можно ли мне продолжать и мои стихи стоят ли других, помещаемых в альманахах и журналах стихов в этом роде? Утвердительный ответ ваш сердечно обрадует меня» (с. 138–139). Живописец, со своей стороны, предоставлял решение этих вопросов публике. Вскоре для публикации пародий на Пушкина и его литературных друзей Полевым была заведена рубрика «Отрывки из нового альманаха “Литературное зеркало”». Начиная ее в № 2 «Нового Живописца» 1830 г., издатели предпослали ей объяснительное предисловие, печатаемое в настоящем издании. Традиционно считается, что все пародии «Литературного зеркала» написаны Н. А. Полевым. Это представляется очень вероятным, хотя и не имеет фактических подтверждений.

«Литературное зеркало» включало пародии на стихи А. А. Дельвига, печатавшиеся с подписью «Феокритов» (например, «Русская песня» и элегические дистихи «Сходство» и «Судьба человека» в № 2; еще одна «Русская песня» в № 4), П. А. Вяземского — с подписью «Шольё-Андреев» («Эпиграмма» в № 2; «В альбом княгине Ф. Ф. Б. Г. Д.» в № 3; «Иголки» в № 8), Е. А. Баратынского — с подписью «Гамлетов» (эпиграммы в № 2 и 4), Н. М. Языкова — с подписью «Буршев»

(«Забубенная жизнь» в № 4). Некоторые пародии не имели конкретного адресата. Так, начало предисловия к «Сценам из трагедии “Стенька Разин”», казалось бы, указывало на Пушкина. «Представляя читателям несколько сцен из новой романтической трагедии, которою обогатил русскую литературу юный поэт и друг наш г-н Демишиллеров, мы должны сказать, что сей трагедии никто еще, кроме нас, друзей поэта, не видал и не знает; может быть, ее десять лет еще никто не увидит вполне, но тем не менее она существует, поверьте нам на слово, и потому об ней должно писать, кричать, спорить; автор будет по временам рвать из нее клочки и помещать их в журналах, альманахах; дело его сделано, венец надет на его голову!» (№ 5. С. 73–74). Однако дальше все сказанное Полевым применимо уже скорее к А. С. Хомякову, успешная премьера неизданной трагедии которого «Ермак» состоялась в Петербурге в августе 1829 г.: «Если потом он отдаст свою трагедию на театр, мы, друзья поэта, постараемся похлопать и поднять ее, а если критика станет привязываться и находить в ней не Шиллерово, не Гётево, не Шекспирово творение, но бред, детскую болтовню на ходулях, где перевраны и время, и характеры, и действия, — мы сумеем отвечать и эпиграммою, и бранью, и тем, что “Стенька Разин” есть трагедия *романтическая*» (Там же. С. 74). Сами отрывки из «Стеньки Разина», написанные белым пятистопным ямбом, пародировали как пушкинского «Годунова», так и хомяковского «Ермака»; имя же «Демишиллеров» указывает, конечно, в первую очередь на Хомякова. Впрочем, видимо, объект пародии здесь (как и вообще в «Литературном зеркале») шире — пародируются не столько конкретные авторы, сколько устойчивые литературные модели. Не вполне ясен и конкретный адресат «Зимнего вечера» в № 8 (с. 136–142):

Ветр бушует по полям;
 Полно, дядька мой, вставай-ка —
 Скучно, брат, с тобою нам...
 Где гудок, где балалайка?
 Спой мне песенку лесов
 Страшных, муромских, дремучих,
 Спой, как в глубь речных валов,
 Размахнувшись с плеч могучих,
 Бросил деву-красоту
 Атаман лихой, удалый.
 А чтоб старую мечту
 Запеканка оживляла —
 Подавай сюда стакан:
 Я налью. — Ну! Бог с тобою! *и т. д.*

Дальнейший текст пародии не позволяет признать ее адресатом Пушкина; в ней пародируются русские песни Дельвига, да и подписана она именем «Феокритов», обычно использовавшимся Полевым для пародий на Дельвига.

«Новый Живописец» издавался при каждом номере «Телеграфа» до конца 1831 г. В 1832 г. Полевой собрал все статьи «Нового Живописца» и выпустил отдельным изданием (М., 1832. Ч. 1–6; перепечатка нескольких статей была при этом запрещена цензурой). Литературные пародии «Нового Живописца» вошли во вторую часть отдельного издания (с. 181–230) под заглавием: «Поэтическая чепуха, или Отрывки из нового альманаха “Литературное зеркало»».

Пушкин откликнулся на появление в «Телеграфе» литературных пародий двумя статьями. В рецензии на «Невский альманах» на 1830 г., говоря о стихотворениях Языкова, Пушкин выразил удивление, что «издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то

пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 12, 25 февраля. С. 96; без подписи; имеется в виду упомянутая выше пародия на Языкова в № 17 «Телеграфа» 1829 г.). В том же номере «Литературной газеты» (с. 98; без подписи) напечатана заметка Пушкина «Англия есть отечество карикатуры и пародии...», в которой Пушкин вновь говорит о пародиях «Московского телеграфа», выражая сомнение, чтобы в них мог узнать себя хоть кто-нибудь из известных писателей.

¹ Роман Ф. В. Булгарина «*Иван Выжигин*» (СПб., 1829) резко критиковался писателями пушкинского круга (см., например, критические отзывы о нем в «Обзрениях» О. М. Сомова и И. В. Киреевского — наст. изд., с. 429, 436). Среди других отзывов о романе в первую очередь следует указать на отрицательные рецензии Н. И. Надеждина (ВЕ. 1829. Ч. 165, № 9—10) и С. Т. Аксакова (?) (Атеней. 1829. Ч. 2, № 9; подпись: Истома Романов). Первый том «*Истории русского народа*» Н. А. Полевого также был встречен неблагоприятно. Кроме выдержанной в корректном тоне рецензии Пушкина (ЛГ. 1830. Т. 1, № 4, 16 января; вторая пушкинская статья об «*Истории русского народа*» появилась позднее: ЛГ. 1830. Т. 1, № 12, 25 февраля), появились исключительно грубые критики М. П. Погодина (МВ. 1830. Ч. 1, № 2) и Н. И. Надеждина (ВЕ. 1830. Ч. 169, № 1).

² Имеются в виду ученые труды выдающегося сиолога и переводчика Н. Я. Бичурина (в монашестве о. Иакинфа) (1777—1853) — «*Описание Тибета в нынешнем его состоянии...*» (СПб., 1828), «*Записки о Монголии*» (СПб., 1828), «*Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии*» (СПб., 1829) и др.

³ См. примеч. 6 к статье Н. А. Полевого «*Новые альманахи*» — наст. изд., с. 443.

⁴ Немецкую, французскую и итальянскую школы выделял в современной русской литературе И. В. Киреевский в своем «*Обзрении русской словесности 1829 года*», напечатанном в альманахе «*Денница*» на 1830 г.

⁵ То есть апеллировать к мнению А. Ф. Воейкова, которому принадлежала формула «знаменитые мои друзья». Воейков в своем журнале «*Славянин*» вел ожесточенную полемику с Полевым (см.: Полевой. С. 403—405), поэтому и «*Славянин*», и его издатель подвергались постоянным нападкам Полевого.

ИЗ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К «АЛЬДЕБАРАНУ»

Письмо читателя «Сына отечества» к издателям «Альдебарана»

СО и СА. 1830. Т. 11, № 16 (выход в свет 18—19 апреля — СПч. 1830. № 47, 19 апреля). С. 244—246. Подпись: П. Коврыжкин, сочинитель тысяча и одного предисловия.

Вслед за «Московским телеграфом» пародии на писателей пушкинского круга начал печатать и журнал Греча и Булгарина «Сын отечества и Северный архив». В разделе «Смесь» № 13 журнала за 1830 г. (с. 62—63) появилось следующее «письмо в редакцию»:

«Несколько знаменитых писателей вознамерились было издать в нынешнем году литературный альманах «Альдебаран», составив оный из отрывков собственных

своих оригинальных сочинений, которые, по внутреннему и наружному достоинству своему, не могли быть помещены ни в одном из наших периодических изданий. Меня избрали в редакторы. Большая часть предназначенных к оному статей была уже готова, но непредвиденные обстоятельства заставили сих господ отложить свое намерение. Некоторые из них взяли обратно доставленные ими пиесы и, как я вижу из новейших книжек "Московского телеграфа", сообщили оные г. Полевому. Не желая, чтоб остальные залежались без пользы и удовольствия для публики, препровождаю оные к вам, предоставляя напечатать в вашем журнале. Ручаюсь в том, что ни один из безыменных авторов не вступится за сию собственность.

Имею честь и пр. *Иван Петухов*.
24-го марта, 1830.

Издатели благодарили своего корреспондента «г. Петухова» за подарок и обещали помещать в следующих книжках присланные им статьи. В разделе «Словесность» следующих номеров журнала действительно начали появляться материалы «Альдебарана». В № 14 были напечатаны: «Введение в биографию Патрикеича» (с. 113–116) — пародия на «Введение к жизнеописанию Фон-Визина» П. А. Вяземского (см. также наст. изд., с. 432) и «Я. Лекция Шеллинговой философии» (с. 117–121) — пародия на статьи «любомудров» (в первую очередь И. В. Киреевского); в № 15 появились: «О происхождении имени руссов» — пародия на исторические статьи, печатающиеся в журнале «Московский вестник» («О происхождении Руси» — название магистерской диссертации Погодина), и «Справщик. Отрывок из нового романа в Скоттском роде, поступившего уже в печать» (с. 169–173; в заглавии намек, очевидно, на «Монастырку» А. А. Погорельского, отрывок из которой был напечатан в № 14 и 15 (7 и 12 марта) «Литературной газеты»; первая часть романа вышла в свет в эти же дни, см. рецензию Булгарина в № 32 (15 марта) «Северной пчелы»); в № 17 помещены стихотворные пародии на идиллии и песни Дельвига: «Чудо в пещере. Древняя греческая идиллия», с подписью: «Аполлон Зевесов» (идиллия завершается тем, что некий юноша набрасывает озябшей музе на плечи «душегрейку унынья»); «Песня», с подписью: «Санрим-Санрезонов»; на описательные поэмы Воейкова — «Изобретение стекла», с подписью: «Пуд Скучалкин». Сама подпись «П. Коврыжкин, сочинитель тысяча и одного предисловия» под письмом к издателям «Альдебарана», напечатанном как «запоздалое предисловие» к альманаху, прозрачно намекала на Вяземского, автора предисловий к «Стихотворениям И. И. Дмитриева» (СПб., 1823) и к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» (1824).

В том же разделе «Смесь» № 16 «Сына отечества и Северного архива» был напечатан еще один полемический материал — статья под названием «Опять литературный крючок!» (с. 236–243). Предыстория этой статьи такова. В № 18 (22 марта) «Литературной газеты» появились две небольших анонимных заметки. В первой внимание читателей обращалось на «противоречие» в «Учебной книге русской словесности» Н. И. Греча, вышедшей вторым изданием в 1830 г.: на с. 325 первой части «Учебной книги» было сказано, что русская литература не имеет еще «ни одного хорошего оригинального романа», а на с. 326 третьей части лучшим русским романом из числа оригинальных сочинений назван «Иван Выжигин» Булгарина. «Что значит лучший роман там, где нет ни одного хорошего?» — ехидно спрашивал по этому поводу критик «Литературной газеты». Вторая заметка касалась отзыва в немецкой газете «Hallesche Literaturblatt» (1829. Juni, № 116. S. 287) об издании первых двух томов сочинений Булгарина на немецком языке в переводе Е. И. Ольдекопа. «Литературная газета» привела лишь одну фразу немецкого критика: «Отдавая справедливую похвалу г. Ольдекопу как хорошему переводчику, мы не можем, однако, благодарить его за выбор оригинала, потому что помянутые сочинения нимало не обогащают нашу литературу». В № 14 «Сына отечества и

Северного архива» была напечатана статья Греча «Литературный крючок» — антикритика на замечания «Литературной газеты» об «Учебной книге». Статья «Опять литературный крючок!», возможно принадлежавшая самому Булгарину, продолжала полемику. Она начиналась противопоставлением беспристрастного критика Булгарина участникам «Литературной газеты» — Дельвигу, Киреевскому, Жуковскому, Вяземскому и Пушкину: «Издатели “Литературной газеты”», в общем собрании своих сотрудников, уже давно решили, что все сочинения г. Булгарина никуда не годятся, именно потому, что этот г. Булгарин имеет весьма дурной вкус, не восхищается рубленую прозою, называемую (приятелями сочинителей) стихами, подражанием древним, прикрытым *душегрейкою новейшего уныния*, и смело говорит, что кто не знает не только греческого и латинского языков, но даже и немецкого, тот не подражает древним, а передразнивает их, на смех новейшим, не прикрывающимся *унынием*. О, этот г. Булгарин сущий литературный еретик! Он смело утверждает, что тот, у кого все стихи начинаются буквою *И* и все сочинения не что иное, как калейдоскоп, в котором переворачиваются владыды Биргера, не оказал большой услуги русской словесности, но испортил вкус введением в поэзию тошного мистицизма, а язык русский сделал непонятным неологизмами. По мнению этого г. Булгарина, восклицания: *там, там* похожи на барабанные звуки *там-там-там* и не выражают ничего, кроме недостатка чувства, а пошлые воспоминания о *былом*, о *луне и звездах* смешны до крайности. Мало этого: г. Булгарин не называет остроумием ни вырванных стихков из Вольтера, ни перековерканных речений из г-жи Сталь и посмеивается над диктаторским тоном стихо-прозаиков, которые, браня всех, не умеют ясно и правильно написать трех слов по-русски. Этот г. Булгарин даже не любит неудачных подражаний Байрону и — о дерзости! — требует от своих сотрудников прилежания и беспристрастных известий о книгах! Но довольно примеров. Дело решенное: г. Булгарина надобно согнать с литературного поприща, заставить публику не читать его сочинений и не верить его критикам, потому что он поклялся быть беспристрастным и не признает литературной аристократии. Как же это исполнить? Бранить в “Литературной газете” все, что он напишет, и в каждом нумере стрелять в него впрямь или вкось. Похвально! — Повторять все, что будет сказано дурного в пяти частях света об его сочинениях, и умалчивать о хорошем. Если же где-либо сказано будет двусмысленно или хорошее перемешано с дурным, то выбирать одно дурное» (СО и СА. 1830. Т. 11, № 16. С. 236—237). Далее разбиралась история с немецкой рецензией и следовала грубая выходка против Дельвига: «Хорошо ли таким образом выдергивать речения без последующего смысла? Пусть на это отвечают сами читатели. Любопытно, однако ж, знать, что бы сказали строгие немецкие критики, если б перевести на немецкий язык существующие на русском языке разные пошлые идилии, каковы, например: “Дамон”, “Купальницы”, “Титир и Зоя”, “Цефиз”, “Друзья”, “Конец золотого века”, и другие подобные редкости, собранные в книжонке («Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829). — *Ред.*), которая тлеет в книжных лавках и только для курьезу куплена некоторыми любителями пародий? Что бы сказали ученые немцы об этих стихах, будто бы в подражание древним (sic!), стихах, которые, за недосугом подбирать рифмы, превратились в *древний* размер и которые отличаются от дурной прозы только тем, что напечатаны разбивными строками! Если б немцы знали по-русски, то сказали бы об этих стихах то же самое, что “Вестник Европы”: “Эти стихи! — хи, хи, хи!”» (с. 243). В довершение всего статья была подписана

* Которая сама сказала о себе, что издается не для публики, но только для некоторого числа писателей, и, сознаем, держит крепко слово. *Соч<инитель>*.

прямо метившим в Дельвига пародийным псевдонимом: «Барон Шнапс фон Габенхитс».

В ответ на публикации № 16 «Сына отечества и Северного архива» появилась статья Вяземского «Объяснения некоторых современных вопросов литературных. Статья I-я. О духе партий; о литературной аристократии» (ЛГ. 1830. Т. 1, № 23, 21 апреля), где он отвечал на обвинения в партийности и аристократизме: «У нас можно определить две главные партии, два главных духа, если непременно хотеть ввести междоусобие в домашний круг литературы нашей <...>. К первому разряду принадлежат литераторы с талантом; к другому литераторы *бесталанные*. Мудрено ли, что Расин, Мольер, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вероятно, связь их духом партии, заговором аристократическим. Но дело в том, что потомство само пристало к этой партии и записалось в заговорщики» (с. 182). Далее Вяземский прямо указал на «коммерческие» интересы своих литературных противников: «Справьтесь с ведомостями нашей книжной торговли, и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умеет писать, то другая умеет печатать: а это уменье род майората, без коего аристократия не может быть могущественна. <...> Например, «История русского народа» и «Иван Выжигин», сии книжные близнецы нашего времени, сии Иван и Марья в царстве литературного прозябения, имели гораздо более расхода, чем несколько других творений, заслуживающих истинное уважение. Таким образом, литературной промышленности, которая есть существенная аристократия нашего века, нечего по-пустому заботиться и кричать о так называемой аристократии, которая чужда оборотов промышленности» (с. 183; см. также ответ на антикритику Булгарина в № 24 (26 апреля) «Литературной газеты», с. 194). Булгарин и Греч, в свою очередь, ответили на страницах своего журнала письмом к г. Коврыжкину, написанном от имени «издателя «Альдебарана» Ивана Петухова», где статья Вяземского объявлялась «подражением, и весьма удачным» напечатанному ранее в «Альдебаране» «Введению в биографию Патрикеевича»: «Слог неправильный, тяжелый, темный; сравнения высканские; шутки тупые; презрительный тон какого-то литературного полотера — все это приложено очень хорошо и приносит честь искусному подражателю. Я уверен, что вы, г. Коврыжкин, и многие другие прямодушные читатели отныне будете смотреть на «Литературную газету» как на продолжение «Альдебарана» (СО и СА. 1830. Т. 11, № 17. С. 305).

¹ Ироническая отсылка к стихотворению Пушкина «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг: он...»), напечатанному под заглавием: «Череп. (Послание к Д.)» в «Северных цветах» на 1828 г.

² Имеется в виду Пушкин.

Н. А. ПОЛЕВОЙ (?)

ЭПИГРАММА

(на голос: *Мое собрание насекомых*)

МТ. 1830. Ч. 32, № 8 (выход в свет 18–21 мая — МВед. 1830. № 38, 10 мая). Новый Живописец общества и литературы. С. 135. Подпись: Обезьянин. Перепечатано: Новый Живописец общества и литературы. М., 1832.

Эпиграмма пародирует стихотворение Пушкина «Собрание насекомых», напечатанное в альманахе «Подснежник» на 1830 г. Кроме самого Пушкина в эпиграмме задепы П. А. Вяземский («Дидеротия блажная»), Н. М. Языков («Пырей Ливонии

удалый»), Е. А. Баратынский («финский наш чертополох»), А. А. Дельвиг («мак Германии завялый», «древних эллинов горох»).

Ф. В. БУЛГАРИН
ПРЕДОК И ПОТОМКИ
 (Сатирическая повесть)

<Отрывок>

Сочинения Фаддея Булгарина. СПб., 1830. Ч. 12 (ценз. разр. от 14 октября 1830 г.). С. 30—80; приводимый отрывок — с. 54—69.

Повесть «Предок и потомки» была включена Булгариным в последнюю, 12-ю часть собрания его сочинений, вышедшую в октябре 1830 г. Ни до, ни после этого она не публиковалась и, соседствуя с перепечатками старых произведений Булгарина, прошла незамеченной (см.: *Гиппиус В. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. // П. Врем. Т. 6. С. 242—243). В повести использован сюжет новеллы В. Ирвинга «Рип Ван Винкль». Речь в ней идет о стольнике царя Алексея Михайловича Сергее Сергеевиче Свистушкине, который попал во время кораблекрушения в ледяную глыбу и, замороженный, проспал в ней двести лет, а затем вернулся в александровскую Россию. Антикварий со стряпчим помогают ему разыскать своего потомка, поэта Никандра Семеновича Свистушкина. Свистушкин продолжает ряд обозначений Пушкина в журнальной перебранке 1830 г., где поэт уже появлялся под именами Ряпушкина (СО и СА. 1830. Т. 11, № 16. С. 246; наст. изд., с. 318) и Корюшкина (СМерк. № 52, 30 апреля. С. 208; наст. изд., с. 470). Повесть «Предок и потомки», содержащая грубые выпады против Пушкина, была продолжением этой перебранки. В конце повести снова упоминается Никандр Семенович: «...даже мой потомок похож на обезьяну, а книжник назвал еще его славным человеком за то только, что он пишет сказки о ворах и негодяях!» (с. 80).

¹ Имеются в виду «Братья разбойники» Пушкина.

² Речь идет о драме Ф. Шиллера «Разбойники» («Die Räuber», 1781).

³ Намек на поэму Пушкина «Цыганы».

⁴ Имеются в виду сочинения В. А. Жуковского.

⁵ Продолжение булгаринских обвинений в молчании о великих подвигах современных русских героев, выдвинутых в рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» (см.: СПч. 1830. № 35, 22 марта; наст. изд., с. 232).

⁶ Бароном Шнапс фон Габенихтс именовался А. А. Дельвиг в пародийных материалах для альманаха «Альдебаран», печатавшихся в «Сыне отечества» начиная с № 13 (29 марта) 1830 г. — см. наст. изд., с. 517—520.

⁷ Намек на один из эпизодов литературной полемики 1820-х гг. В своей статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», напечатанной в качестве предисловия к посмертному изданию сочинений Озерова, П. А. Вяземский писал: «В “Поликсене” взята обильная дань с “Илиады”, и в этом смысле можно, по выражению Эсхила, назвать ее “барельфом” пиршеств Гомера» (*Озеров В. А.* Соч. СПб., 1817. Ч. 1. С. XXXVII). Это место содержало неточный перевод выражения, заимствованного Вяземским из статьи аббата П. Брюмоа (Brumoy, 1688—1742) «О происхождении трагедии» (*Sur l'origine de la tragédie // Théâtre des Grecs.* Paris, 1730. Т. 1. P. XXXVIII): слово «reliefs» означало не «барельфы», а «остатки, объедки» (речь идет о приписываемом Эсхилу высказывании, что его трагедии — «кусочки (объед-

ки) великих пиров Гомера»). Ошибка Вяземского была отмечена П. А. Катениным в ходе театральной полемики 1820 г. на страницах «Сына отечества» (см.: СО. 1820. Ч. 59. № 5. С. 227–228; также в переписке Вяземского с Пушкиным февраля–апреля 1820 г.: XIII, 12–16; Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 139–145 (с коммент. М. И. Гиллельсона)). Спустя два года в «Письме к издателю “Сына отечества”» Катенин вновь упоминал «известные *барельефы*», давая резкую оценку статье Вяземского об Озере в целом (см.: СО. 1822. Ч. 76, № 13. С. 256). В 1824–1825 гг. о «барельефах» опять вспомнил Булгарин (см.: ЛЛ. 1824. № 8. С. 319; 1825. № 7. С. 298). Вяземский откликнулся двумя эпиграммами: «Разница» («Ошибку у меня поймав, тотчас с улыбкой...») и «Крохоборам» («Сорвавшейся с пера ошибкою моею...»). См. также направленные против Вяземского эпиграммы Н. С. Голицына «Премудрый князь, Германии известный Рельефами Омировых пиров...» и П. А. Катенина «Наш барельефами прославленный писатель...» (см.: Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л., 1988. С. 223–224, 320 (Б-ка поэта; Большая серия); также: *Модзалевский Б. Л.* По поводу письма Пушкина к князю Вяземскому от 28-го марта 1820 г. // ПиС. Вып. 31–32. С. 81–82.

⁸ Намек на стихотворения Пушкина «Кинжал» (1821) и «К вельможе» (1830) и Вяземского «Негодование» (1820). Послание «К вельможе», напечатанное в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 30, 26 мая) под заглавием «Послание к К. Н. Б. Ю.», вызвало бурную реакцию в обществе при своем появлении и дало повод обвинениям Пушкина в угодничестве и низкопоклонстве (см. подробнее в коммент. к фельетону Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» — наст. изд., с. 279). «Кинжал» и «Негодование», одни из самых известных произведений вольнолюбивой политической лирики первой трети XIX в., широко распространялись в списках. В своем доносе в III Отделение на Вяземского и Н. А. Полевого в августе 1827 г. Булгарин писал: «Образ мыслей Вяземского может быть достойно оценен по одной его стихотворной пиесе “Негодование”, служившей катехизисом заговорщиков, которые чуждались его единственно по его бесхарактерности и непомерной склонности к игре и крепким напиткам» (цит. по: Видок Фиглярин. С. 193).

⁹ Возможно, здесь заключен конкретный намек на Вяземского. См. примеч. 3 к рецензии Ф. В. Булгарина на альманах «Северные цветы» на 1830 г. — наст. изд., с. 439.

¹⁰ Эта характеристика восходит к лицейскому прозвищу Пушкина «смесь обезьяны с тигром», получившему широкую известность за пределами узкого дружеского круга и оказывавшему определенное влияние на восприятие внешности поэта (см.: *Лотман Ю. М.* «Смесь обезьяны с тигром» // Врем. ПК 1976. Л., 1979. С. 110–112).

ИЗ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ» НЕСЧАСТНЫЙ ПОЭТ

СМерк. 1830. Т. 2, № 138, 17 ноября. С. 237. Без подписи

Анекдот о «не весьма пригожем собою» поэте, написавшем сатирическую повесть о своем неудачном любовном приключении, содержал прозрачный намек на «Графа Нулина». Выпады против пушкинской поэмы и раньше появлялись на страницах «Меркурия». Например, в статье «Смотр журналам» в № 92 (1 августа) Бестужев рассуждал о ее безнравственности: «Неужели по Наталье Павловне, изображенной в “Графе Нулине”, можно иметь общее понятие о русских дамах?.. Неужели можно определительно заключить о нравственности петербургских дам по совету, которого спрашивает у них певец Нулина, чтобы вывести из затруднительного положения свою героиню?.. — Мне кажется, нельзя и неблагоприятно» (с. 55).

ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ О ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ*

«Атеней» — «журнал словесности, наук и искусств», издававшийся в Москве в 1828–1830 г. Михаилом Григорьевичем Павловым (1792–1840), профессором физики, минералогии и сельского хозяйства Московского университета. Выходило 24 номера в год (в 1828 г. объединялись по 4 номера в часть, в 1829 г. — по 6 номеров в часть); в 1830 г. журнал выходил неаккуратно и прекратился в сентябре (с сентября было издано всего три номера вместо восьми положенных). С 1829 г. в приложение к журналу издавались «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов». Журнал имел преимущественно научно-литературное направление; номера журнала состояли из отделений: «Науки», «Словесность», «Библиография и критика», «Смесь». Основной круг сотрудников составляли университетские профессора — сам Павлов, И. М. Снегирев, Д. Н. Дубенский (см. его статью «О всех, употребляемых в русском языке стихотворных размерах» с многочисленными примерами из Пушкина — 1828. Ч. 4, № 13–16), А. З. Зиновьев, Д. М. и В. М. Перевошиковы, В. П. Андросов и др. Сам будучи одним из первых шеллингианцев и проводников новой немецкой философии в России, Павлов с самого начала журнала размежевался с «любомудрами», обвинив их в поверхностном усвоении философских идей и пренебрежении опытным знанием (см. подробнее наст. изд., с. 354; в дальнейшем по философским вопросам с «Атенею» вел ожесточенную полемику Н. А. Полевой). О редакционном кружке «Атенея» см. также наст. изд., с. 399–400.

В критическом отделе ключевой фигурой был М. А. Дмитриев, чьи литературные взгляды и пристрастия во многом определили антиромантическое направление в журнале. Со страниц «Атенея» систематически звучали выпады против новой литературной школы. См., например: статьи «О направлении поэзии в наше время» (1828. Ч. 1, № 1; подпись: X) и «Письмо к издателю от незнакомого» (Там же; подпись: Новизнин), содержащие, в частности, косвенные выпады в адрес Пушкина; отрывок из докторской диссертации Надеждина «Различие между классической и романтической поэзией, объясняемое из их происхождения» (1830. № 1) и др. Однако это антиромантическое направление не безраздельно господствовало в журнале, который, скорее, вообще не имел четко определенной литературной платформы и старался соблюдать некоторую видимость объективности. Это заметно даже на примере статей «Атенея», посвященных Пушкину: в 1828 г. в журнале печатается резкая критика М. А. Дмитриева на четвертую и пятую главы «Евгения Онегина» (Ч. 1, № 4. С. 76–89; наст. изд., с. 47), в 1829 г. сдержанная по тону анонимная рецензия на «Полтаву» (Ч. 2, № 8. С. 173–194; наст. изд., с. 145) и

* Приводятся сведения о периодических изданиях, не аннотированных в изд.: П. в критике, I.

статья М. А. Максимовича, написанная в защиту поэмы Пушкина от ее критиков и содержащая ее безусловно положительную оценку (Ч. 2, № 11. С. 501—515; наст. изд., с. 183); в том же году в журнале были рядом напечатаны два полемичные по отношению друг к другу отклики на эпиграмму Пушкина «Литературное известие», появившуюся в альманахе «Подснежник» (Ч. 2, № 8. С. 167—172; наст. изд., с. 155). В прозаическом разделе «Атеней» преобладали переводные повести именно писателей-романтиков — Л. Тика, В. Ирвинга, П. Мериме и др. Литературная часть журнала находилась в руках московского театрального кружка Ф. Ф. Кокошкина — М. Н. Загоскина. За пределами его в журнале широко печатались московские авторы разных литературных ориентаций; большая часть из них сотрудничала также с другими московскими журналами — «Галатеея», «Вестник Европы», «Московский вестник». Русская словесность на страницах «Атенея» была представлена произведениями А. А. Шаховского, М. Н. Загоскина, М. А. Дмитриева, Н. Ф. Павлова, С. Е. Раича, Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева, а также А. З. Зиновьева, Л. А. Якубовича, Ф. А. Алексеева, В. И. Оболенского, Д. Ю. Струйского (Трилуного). В 1830 г. в «Атенею» со стихотворением «Весна» дебютировал в печати М. Ю. Лермонтов.

Лит.: Колупанов М. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1. С. 476—480; *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Варшава, 1903. Т. 1. С. 168—173, 295—302; *Русские писатели.* Т. 4. С. 484—485 (статья Л. М. Щемелевой).

Е. О. Ларионова

«Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития» — газета, выходившая в 1829—1831 гг. в Петербурге дважды в неделю (по средам и субботам). Издателем ее сначала был поэт, переводчик и журналист Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858). Воспитанник Московского университета, участник войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., новгородский вице-губернатор (1817—1819), Филимонов в 1822 г. вышел в отставку и поселился в Москве, где близко познакомился с Н. А. Полевым (одно время они даже являлись совладельцами водочного завода), испытывавшим в первый период своей литературной деятельности определенное личное и литературное влияние Филимонова. В 1825 г. Филимонов переехал в Петербург. Писал басни, водевили, лирические стихотворения; и в стихах, и в жизни исповедовал философию гораццианского эпикурейства; автор шуточной поэмы «Дурацкий колпак» (1828—1838), первую часть которой, изданную в Петербурге в 1828 г., подарил Пушкину с посвятельным четверостишием. См. о нем: *Письма.* Т. 1. С. 397—399; *Черейский.* С. 466; *Поэты 1820—1830-х годов.* Л., 1972. Т. 1. С. 135—137 (биогр. справка В. Э. Вацуро) (Б-ка поэта; Большая серия). Еще в августе 1827 г. Филимонов подавал прошение об издании с 1828 г. ежемесячного журнала «Надежда, или Дневник русской словесности» и газеты «Отголоски мира, или Дневник новостей, относящихся до политики, просвещения и общежития». Оба издания, сначала одобренные Главным цензурным комитетом, были запрещены министром просвещения А. С. Шишковым вследствие доноса Булгарина (см.: Вацуро, Гиллельсон. С. 193—194; Видок Фиглярин. С. 213—214). Разрешенная Филимонову через год газета «Бабочка» не имела права на публикацию политических материалов. Основными разделами «Бабочки» были «Новости» («известия внутренние и заграничные»), «Новые книги», «Словесность», «Зрелища» (преимущественно новости российского и зарубежного театра, реже — описания петербургских увеселений), «Нравы», «Смесь». Первое время литературной критике и полемике отводилось видное место в газете. «Бабочка» была подчеркнута сориентирована на пушкинский круг и противостояла изданиям Булгарина и Греча. В № 2—4 за 1829 г. была напечатана статья «Борьба правды с неправдою»,

направленная против «Северной пчелы», в № 2–3 хвалебный отзыв о «Бале» Баратынского, в № 6 — о «Графе Нулине» Пушкина (см. наст. изд., с. 110). Видимо, автором почти всех литературно-полемических статей в «Бабочке» был сам Филимонов. Упоминания о Пушкине на страницах газеты в основном относятся ко времени редакторства Филимонова. Так, 23 февраля 1829 г. в № 24 было опубликовано стихотворение Филимонова «От классиков — к Пушкину» (за подписью: N. N.). Никогда не скрывавший своих классических симпатий, Филимонов писал:

Романтики кричат: вам дар небесный дан!
Но вы небесный дар во зло употребили:
Гречанку, Ленского сгубили;
Ввели нас в общество *разбойников, цыган*;
Взмутили кровию *фонтан*;
Черкешенку в волнах как будто утопили.
...Нет! мы не любим так писать;
Мы, классики, своих героев не морили;
Но жаль — не любят нас читать...

В том же номере помещены «Воспоминания о лорде Байроне» графини Альбрицци, где к словам «Стихи Байрона, изливавшиеся с пера его без всякого усилия, были для издателей оных род векселей, *надписанных на публику*» сделано примечание издателя, содержащее выпад против Надеждина: «У нас почти то же можно сказать о *стихах Пушкина*, несмотря на классическую критику, написанную на бедного «Графа Нулина» — *многогласным критиком*» (с. 96).

Основная масса материалов газеты публиковалась анонимно или под криптонимами. В «Бабочке» печатались, в частности, В. К. Бриммер, А. Е. Измайлов, А. А. Перовский (Погорельский) и др. В ряде номеров 1829 г. публиковались отрывки из сделанного Филимоновым перевода «Опытов» Монтеня (полностью так и не был издан). Известно ироническое упоминание Пушкина о «Бабочке» и ее издателя в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1829 г.: «Филимонов, конечно, борделен, а его бабочка, конечно, рублевая парнасская Варюшка...» (XIV, 38).

22 марта 1829 г. Филимонов был определен губернатором в Архангельск и уехал из Петербурга, передав газету К. И. Зейделю. При новом издателе литературная критика в газете сменяется аннотациями и простыми перечнями книжных новинок.

А. М. Березкин

«Галатея. Журнал литературы, новостей и мод» — еженедельник, издававшийся в Москве в 1829–1830 и 1839–1840 гг. поэтом и переводчиком Семеном Егоровичем Раичем (наст. фамилия Амфитеатров, 1792–1855). Ранее Раичем были выпущены альманахи «Новые Аониды» (1823) и «Северная лира» (1827; совм. с Д. П. Ознобишиным). О возникновении «Галатеи» Раич вспоминал в своей позднейшей автобиографии: «В 1829 и 1830 годах издавал я журнал, не по *призванию*, а по обстоятельствам, извиняющим мое временное отступничество, уклонение мое от принятого мною правила подвизаться на поприще словесности бескорыстно. <...> Решившись вступить в брак с особою, избранною сердцем, а не расчетом, не слепую корыстью, я счел нужным предварительно обзавестись маленьким хозяйством, потому что ни у меня, ни у суженой моей не было, как говорится, ни ложки, ни плошки. В это время я был, если смею сказать не оскорбляя скромность, в апогее моей литературной славы; опираясь на нее, я приступил к изданию журнала» (Автобиография Семена Егоровича Раича / Изд. Б. Л. Модзалевский. СПб., 1913.

С. 27, 28 (отд. оттиск)). Журнал не имел определенного направления и был ничем не примечательным. Открывая первый номер своего журнала, Раич писал: «Галатея — бабочка; как дать ей направление? Она прихотливо летает с цветка на цветок». В журнале преимущественно печатались статьи и стихи самого Раича, а также его учеников и участников его литературного кружка (Ф. И. Тютчева, С. П. Шевырева, Д. П. Ознобишина, Н. Н. Колачевского, С. И. Стромиллова). Иногда среди авторов «Галатеи» появлялись имена Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, В. И. Туманского, А. И. Полежаева; эпизодически сотрудничали с журналом и литераторы «Московского вестника». Прозаический отдел в основном заполнялся переводами из В. Скотта, А. Дюма, В. Гюго и др.

«Галатея» известна своей скандальной полемикой с «Московским телеграфом» Н. А. Полевого. «Телеграф с Галатеею грызутся так, что клочья вверх летят», — писал М. П. Погодин Шевыреву 20 октября 1829 г. (РА. 1882. № 5. С. 117). По этому же поводу еще ранее Вяземский замечал в письме И. И. Дмитриеву от 7 апреля 1829 г. из села Мещерского: «Сюда только по “Северной пчеле”, “Московским ведомостям” и “Галатее” доходит до меня невнятный гул действий русского литературного мира. Других журналов не вижу, но довольно и этих, чтобы знать, что все еще дерутся. Не понимаю, как Раич мог унизиться до такой степени. “Галатея” его напоминает мне московских баб, торгующих на перекрестках гнилыми яблоками: тот же товар и те же ругательства» (РА. 1868. Кн. 4 /5. Стб. 605).

Пушкин напечатал в «Галатее» стихотворения «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...») и «В альбом Е. Н. Ушаковой» («Вы избалованы природой...»). В приложении к журналу было также опубликовано его стихотворение «Два ворона» («Ворон к ворону летит...») с нотами на музыку А. Н. Верстовского. Большая часть отзывов «Галатеи» о Пушкине и его произведениях выдержана, однако, в явно неодобрительном тоне (например, об «Отрывке из литературных летописей» (1830. Ч. 12, № 8. С. 82; наст. изд., с. 228) и о седьмой главе «Евгения Онегина» (1830. Ч. 13, № 14. С. 124–134; наст. изд., с. 243)). Это отражало позицию издателя, отдававшего предпочтение ранним пушкинским произведениям и не принимавшего зрелого творчества поэта. Единственный безусловно положительный отзыв о Пушкине на страницах журнала принадлежит И. В. Киреевскому (см. его статью о «Полтаве»: 1829. Т. 4, № 17. С. 41–50; наст. изд., с. 142). В 1830 г. «Галатея» вступила в открытую полемику с «Литературной газетой».

Пушкин не принимал Раича всерьез и относился к нему насмешливо. Так, в конце января — начале февраля 1830 г. он писал Вяземскому: «Клянюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше. Я было написал на него ругательскую Антикритику, слогом Галатеи, — взял в эпитаф *Павлуша медный лоб приличное название!*» (XIV, 62).

Лит.: Письма. Т. 2. С. 378–379; Смирнов-Сокольский. С. 565–567.

С. Б. Федотова

«Денница» — московский литературный альманах, издававшийся М. А. Максимовичем. Вышло три книжки — в 1830, 1831 и 1834 гг. В 1834 г. с переездом Максимовича в Киев альманах прекратил свое существование. «Деннице» принадлежит одно из первых мест в ряду альманахов своего времени: здесь печатались Пушкин, А. А. Дельвиг, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, О. М. Сомов, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков, И. В. Киреевский и другие литераторы круга «Московского вестника». Наряду с ними в альманахе Максимовича были помещены стихи молодых поэтов М. А. Лисицкой и Н. С. и С. С. Тепловых, появление которых приветствовал Пушкин в «Литературной газете» (1830. Т. 1, № 8, 5 фев-

раля. С. 62). Первые две книжки альманаха открывались обзорением русской словесности за прошедший год. «Обозрение русской словесности 1829 года», написанное И. В. Киреевским для книжки 1830 г., стало литературным событием и возбудило жаркую полемику (см. наст. изд., с. 211); «Обозрение» для следующей книжки 1831 г. написал сам издатель.

Об издателе «Денницы» Михаиле Александровиче Максимовиче (1804–1873) см. наст. изд., с. 415. Хороший приятель братьев Полевых и сотрудник «Московского телеграфа», к началу издания «Денницы» Максимович сближается с пушкинским кругом, начинает сотрудничать в «Литературной газете» и вступает в литературную войну с Булгариным. Резкая критика романа Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829) содержалась в «Обозрении» И. В. Киреевского. В альманахе на 1831 г. полемика с булгаринской «Северной пчелой» продолжилась в «Обозрении» Максимовича. Свою статью Максимович перед публикацией отправил на суд Вяземскому и учел некоторые его замечания. «Обозрение» Максимовича содержало также критику в адрес «Московского телеграфа», однако полностью порывать отношения с Полевыми издатель «Денницы» не спешил. Так, в письме к Вяземскому от 9 января 1831 г. Максимович называет Полевого «все еще приятелем» своим (см.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского архива). СПб., 1901. С. 188); публикуя в «Деннице» на 1831 г. «Отрывок из рукописи Пушкина (“Полтава”)» (фрагмент из пушкинского «<Опровержения на критики>») и эпиграммы на Булгарина, написанные Пушкиным («Не то беда, Авдей Флюгарин...») и Баратынским («Поверьте мне, Фиглярин-моралист...»), он просит у Вяземского полемических статей «о нравственности литературной, о Видоке или об чем-либо другом, только бы не о Полевом исключительно» (Там же. С. 189), печатает повесть Н. А. Полевого «Сохатый» и отрывок «Постоялый двор» из романа «Клятва при гробе Господнем». Однако уже 13 апреля 1831 г. М. П. Погодин сообщал в Рим С. П. Шевыреву, что «Максимович рассорился с Полевым и написал к нему отзыв: “Я оставляю вас, разумеется, не первый, но уж верно последний”» (РА. 1882. № 6. С. 184).

Для первой книжки альманаха Пушкин отдал Максимовичу две первые сцены из «Бориса Годунова». В «Деннице» на 1831 г., кроме упомянутых выше отрывка из «<Опровержения на критики>» и эпиграммы на Булгарина, были напечатаны стихотворения «Цыганы» («Над лесистыми брегами...») и «Песня» («Пью за здравие Мери...»); в приложении к книжке помещены ноты романса А. Н. Верстовского «Певец» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...») с текстом пушкинского стихотворения. В альманахе на 1834 г. Пушкин участия не принимал.

Лит.: Пономарев С. И. М. А. Максимович. СПб., 1872; Гитлиц В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–31 гг. // П. Врем. Т. 6. С. 235–255; Вацуро В. Э. Жизнь и поэзия Надежды Тепловой // Памятники культуры: Новые открытия. 1989. М., 1990. С. 18–43 (то же: Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 386–439); Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского архива). СПб., 1901. Вороновская С. В. М. А. Максимович об А. С. Пушкине // Вопросы русской литературы. Львов, 1987. Вып. 2 (50). С. 35–41.

Т. А. Китанина

«Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» — иллюстрированный альманах, издававшийся в 1829–1830 гг. в Петербурге В. Н. Олиным. Полупериодическое издание. Альманах на 1830 г. выпускался отдельными тетрадями в виде журнала; всего вышло пять номеров; после майской книжки, появившейся с большим опозданием (цензур. разр. от 26 июня), издание прервалось.

Альманах на 1829 г. в 1832 г. был переиздан с новым шмуцтитолом: «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1832 год». «Карманная книжка» явилась одним из издательских предприятий В. Н. Олина, носивших откровенно коммерческий характер. Ср. характеристику Олина в записке Н. И. Греча, составленной для А. Х. Бенкендорфа в сентябре 1832 г., где Олин представлен как литератор, избравший ремеслом «литературную промышленность», собирающий «по всей России» деньги на очередное издание и вскоре прекращающий его, в результате чего типографии, бумаго- и книгопродавцы оказываются «обманутыми им наравне с подписчиками», — «и все это делает он гласно, без малейшего стыда» (цит по: Русские писатели. Т. 4. С. 432). Выпуск «Карманной книжки», как и другого издания Олина 1830-х гг., газеты «Колокольчик», прекратился за недостатком подписчиков.

Альманах делился на разделы: «Словесность», «Русская старина», «Науки» и «Волшебный фонарь», в состав которого входило не характерное для альманахов отделение библиографии. Вел это отделение сам Олин. В литературном отношении альманах Олина был малоинтересным и достаточно случайным по составу, однако и среди его авторов иногда встречались писатели первого ряда — Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский и др. Материалы о Пушкине, содержащиеся в «Карманной книжке», исчерпываются статьей о «Цыганах» (1829; наст. изд., с. 196), небольшой полемической заметкой по поводу «Собрания насекомых» (1830; наст. изд., с. 239) и публикацией в 1830 г. пушкинского стихотворения «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой» («Давно об ней воспоминашь...») с подписью Пушкина и пометой: «1823 г., Одесса». По мнению П. Е. Щеголева (см.: ПиС. Вып. 14. С. 85, 93), Олин получил стихотворение не от самого поэта, а от Голицыной.

Лит.: Смирнов-Сокольский. С. 584–586; Русские писатели. Т. 4. С. 431–432 (статья Т. В. Нешумовой и Л. М. Щемелевой).

С. В. Денисенко

«Литературная газета» издавалась с 1 января 1830 г. по 30 июня 1831 г. в Петербурге А. А. Дельвигом при активном участии Пушкина; с конца 1830 г., после ее временного запрещения, издателем стал О. М. Сомов. Выходила раз в пять дней. Пушкин и Дельвиг объединили лучших литераторов того времени. На страницах «Литературной газеты» печатались: П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, Н. М. Языков, А. И. Одоевский, А. А. Бестужев, П. А. Катенин, Ф. Н. Глинка, А. С. Хомяков, А. А. Шаховской, И. И. Козлов, Н. И. Гнедич, А. В. Кольцов, Н. В. Гоголь, В. Г. Тепляков, Е. Ф. Розен, М. Д. Деларю, В. И. Туманский, А. И. Подолинский и др. Из иностранной литературы публиковались переводы произведений Ж. Жанена, В. Гюго, К. Ф. Фан дер Фельде, П. Мериме, В. Ирвинга, В. Скотта, Стендаля, Э. Т. А. Гофмана, Л. Тика, Ш. Нодье и др.

Идея собственного периодического издания возникла у Пушкина еще в середине 1820-х гг. В феврале 1826 г. он писал П. А. Катенину: «...не затеять ли нам журнала...» (XIII, 261), а 9 ноября того же года — П. А. Вяземскому: «Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно» (XIII, 304). К 1829 г. Пушкин окончательно отошел от «Московского телеграфа» и «Московского вестника»: позиция их издателей по ряду литературно-общественных вопросов его уже не удовлетворяла. Альманах «Северные цветы», выходявший один раз в год, не мог заменить газету, на страницах которой можно было выступать против массовой коммерческой литературы и демократической (третьесословной) журналистики. Пушкин стремился участвовать в политической и литературной жизни, считая, что «если бы все писатели, заслуживающие уважение <и> доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика

сделалась бы не тем, чем она есть» («Разговор о критике» — XI, 90). Необходимо было начать борьбу за «литературную нравственность» и собственного читателя, направляя и создавая общественное мнение.

О возникновении «Литературной газеты» вспоминал А. И. Дельвиг: «Весьма трудно было найти редактора для этого органа. Пушкин был постоянно в разъездах, Жуковский занят воспитанием наследника престола, Плетнев — обучением русской словесности наследника и в разных заведениях, князь Вяземский и Баратынский жили в Москве, Катенин в деревне. Хотя Дельвиг, по своей лени, менее всего годился в журналисты, но пришлось остановиться на нем, с придачею ему в сотрудники Сомова. Все означенные литераторы любили Дельвига и уважали его вкус и добросовестность в суждениях о произведениях литературы. Вместе с этим надеялись, что этот новый орган послужит отпором с каждым днем увеличивающейся бессовестности Греча и Булгарина» (П. в восп. Т. 2. С. 119—120).

«Литературную газету» начали обсуждать еще до выхода ее первого номера. «...Здесь затевается штука: журнал — *пятидневная* “Литературная газета”, — она будет издаваема Дельвигом, Сомовым, Вяземским, Пушкиным, Жуковским, — писал А. Г. Ротчев С. Т. Аксакову 5 декабря 1829 г., — я назвал многих, но думаю, что газета не устоит, потому что главный редактор очень ленив. Но давай Бог!» (ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 92). 23 декабря 1829 г. М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву среди прочих новостей: «В Петербурге затевается пятидневная газета; сотрудники: Дельвиг, Пушкин, Вяземский, Сомов, Жуковский, с целью действовать против Полевого и Булгарина. Ага! Как стали кусать их, так поднялись; а нам не помогли. Литераторов — горсть; война великая поднимается в журналах. <...> Титов и Одоевский верно передадутся к той аристократической партии, газете» (РА. 1882. № 5. С. 124—125).

В конце 1829 г. Дельвиг наконец получил разрешение на издание газеты, однако без права печатать в ней политические новости, что было дозволено лишь правительственным изданиям и «Северной пчеле». Сомов стал его помощником, В. Н. Шастный — секретарем редакции, который одновременно занимался переводом и редактированием научных статей. О том, какой будет газета и каковы ее задачи, говорилось в заметке издателя, открывавшей «Литературную газету»:

«Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской.

Статьи, входящие в “Литературную газету”, суть следующие:

1) *Проза*. В это отделение будут входить статьи исторические, повести оригинальные и переводные, отрывки из романов и т. п.

2) *Стихотворения*. Здесь будут помещаться произведения полные и отрывки из больших поэтических сочинений.

3) *Библиография русская и иностранная*. К известиям о книгах будут присовокупляться замечания, более или менее обширные, смотря по важности предмета и по достоинству сочинения; местами же и любопытные выписки, особливо из книг иностранных.

4) *Ученые известия*. Об открытиях, изобретениях по части наук и искусств, о новых теориях, о замечательнейших учебных курсах; о важнейших путешествиях, изысканиях древностей и т. п.

5) *Смесь*. В этом отделении будут помещаться разные известия, не относящиеся до учености и политики; новейшие анекдоты, объявления, статьи о театре, короткие замечания и проч.

NB. При всех сих отделениях, по принадлежности, будут иногда прилагаться чертежи, картинки, географические карты и ноты.

Издатель признает за необходимым объявить, что в газете его не будет места критической перебранке. Критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу

какой-либо науки или искусства, будут с благодарностью принимаемы в "Литературную газету".

Разнообразие и занимательность будут главнейшим предметом трудов и пожеланий издателя. Литературные произведения в прозе и стихах, библиография и смесь будут постоянно входить в состав каждого №.

Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в "Северных цветах", будут постоянно участвовать и в "Литературной газете". (Разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты.) Всякая статья, сообразная с целию газеты, будет с благодарностью принята.

"Литературная газета" будет выходить чрез каждые *пять дней*, нумерами в *один* печатный лист большого размера. В течение года сих № будет издано 72. Первый № выйдет в свет 1-го января 1830 года. Цена годовому изданию 35 руб., с пересылкою в другие города и разною по домам 40 руб. Подписка принимается: в книжных магазинах И. В. Сленина, на Невском проспекте, в доме Имзена, у Казанского моста, № 23 и А. Ф. Смирдина, на Невском же проспекте, в доме лютеранской церкви и у Синего моста, в доме г-жи Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина, против зеркальной линии Гостиного двора, в доме Г. М. Балабина, в книжных лавках под № 18 и 28-м. В Москве: у комиссионера Императорского Московского университета, А. С. Ширяева и в конторе московского телеграфа. Гг. иногородные благоволят относиться в газетную экспедицию С.-Петербургского почтамта».

Издатели «Литературной газеты», таким образом, сразу же исключили из числа своих сотрудников Булгарина, Греча и Полевого. «Литературная газета» не должна была иметь ничего общего с такими изданиями, как «Северная пчела», «Сын отечества» и «Московский телеграф». Это объявление не осталось незамеченным. Булгарин, опасаясь возможной конкуренции, тотчас же откликнулся в «Северной пчеле»: «У нас на святой Руси четыре литературные газеты и до десяти литературных журналов, которые обещают строго наблюдать за ходом русской словесности и быть беспристрастными в критике. Намерение похвальное, но жаль, что несбыточное» (СПч. 1830. № 3, 7 января). Неделю спустя в статье «Вопрос» он писал: «Великих прозаиков мы не знаем на святой Руси, которые бы по *отношениям* не могли печатать своих сочинений ни в одном журнале, кроме одной "Литературной газеты". Истинный талант не знает никаких *отношений* в литературе, кроме отношения к публике, а не во гневе сказать, в России есть журналы не хуже "Литературной газеты", которых издатели приобрели право (своими трудами) быть посредниками между публикою и писателями» (СПч. 1830. № 6, 14 января; наст. изд., с. 216). Позднее в «Северном Меркурии» злорадствовал М. А. Бестужев-Рюмин: «В объявлении о издании "Литературной газеты" было возвещено, что в ней не будет места критической перебранке. Публика сперва обрадовалась было сему известию (как бы позабыв, что журнальным объявлениям никогда не должно верить), думая, что "Лит<ературная> газета" авось-либо будет заниматься своим предметом, т. е. литературою. Другие журналисты, которые любили посчитаться между собою в своих изданиях, думали, что им надобно будет, следуя похвальному примеру "Лит<ературной> газеты", оставить эту привычку, несносную для их читателей; но потом, увидев, что некоторое число писателей, которыми и для которых издается "Лит<ературная> газета", ввело в употребление злейший род журнальной брани, брани аллегорической, и что сии писатели не менее других причастны общему греху, т. е. говорят хорошее только о самих себе, а дурное вообще о людях, не принадлежащих к их приходу, — теперь те журналисты, указывая на упомянутое некоторое число писателей, с видимым удовольствием восклицают: *а! и у них то жел!*» (1830. № 112, 17 сентября. С. 136; ср. с нападками

на «Литературную газету» в других номерах «Северного Меркурия» 1830 г. — № 96, 11 августа; № 98, 15 августа; № 136, 12 ноября и № 137, 14 ноября; и др.).

Роль Пушкина в издании газеты была чрезвычайно велика. На ее страницах он опубликовал более тридцати произведений, в том числе отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, брега Тавриды...»), «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»), «Стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»), «К**» («Когда твои младые лета...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем?...»), «Калмычке», «Арион», «Кавказ» «Мадона»; отрывки из «Путешествия в Арзрум...» и «Арапа Петра Великого»; критические статьи. Пушкин шутя советовал Дельвигу заказать «виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего “Литературную газету”» (XIV, 118). В первые два месяца издания Дельвиг отсутствовал в Петербурге, а выпуском газеты занимались Пушкин с О. М. Сомовым и при деятельном участии князя Вяземского. Под непосредственной редакцией Пушкина вышли в свет № 3—12. В его собственных критических статьях, напечатанных в это время, были затронуты основные проблемы, впоследствии обсуждавшиеся на страницах «Литературной газеты»: о русской литературе, о нравственности в критике, о литературной аристократии и др. Так, отправляя цензору К. С. Сербиновичу пушкинскую рецензию на «Историю русского народа» Н. А. Полевого (подписана инициалом «Р.»), Сомов отмечал: «Из этой статьи публика отчасти ознакомится с духом “Литературной газеты”...» (*Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий: (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // ПИМ. Т. 6. С. 297). Позиция «Литературной газеты» была заявлена в пушкинской статье «О журнальной критике» («В одном из наших журналов дают заметить...») (ЛГ. 1830. Т. 1, № 3, 11 января. С. 24). Ее заключительная фраза: «...“Литературная газета” была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» (Там же. С. 24) — вызвала резкую критику в «Северной пчеле» (см. статью «Вопрос» — СПч. 1830. № 6, 14 января; наст. изд., с. 216). «Московский телеграф» также замечал: «Если некоторые газеты, по объявлению самих редакторов, издаются для *немногих* писателей, то мы имеем честь объявить, что наш журнал печатается для *многих* читателей...» (1830. Ч. 33, № 9. С. 77). Позднее пушкинское заявление было несколько подкорректировано О. М. Сомовым в «Обозрении российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года»: «Но друзья литературы и правды желали видеть другие, более откровенные и беспристрастные суждения о произведениях словесности русской, желали находить мнение о литературе вообще, а не вывески отношений личных; и для сих-то читателей, постигающих истинную цель журнала литературного, издавалась “Литературная газета”» (СЦ на 1831. С. 22). К этой теме впоследствии возвращался и Дельвиг: «Цель нашей газеты не деньги, а литература. Писатели, участвующие в нашем издании, желали, чтобы издавалась газета, в которой бы могли они беспристрастно и нелицеприятно говорить о литературах русской и иностранных, не находя препятствия в коммерческих видах издателя. Как они желали, так и исполнилось» (ЛГ. 1830. Т. 2, № 56, 3 октября. С. 164). Печатавшиеся в газете пушкинские рецензии на «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина, «Историю русского народа» Н. А. Полевого и альманах «Денница», заметка «О статьях князя Вяземского» («Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики...») и другие носили полемичный характер и были направлены против журналистов оппозиционного лагеря. Однако до поры до времени полемика была несколько завуалированной. Открытая война с Булгариным началась на страницах «Литературной газеты» после публикации пушкинской статьи, посвященной запис-

кам Видока, написанной в ответ на болгаринский пасквильный «Анекдот» в «Северной пчеле».

Пушкин стремился сделать «Литературную газету» общественно-политическим изданием. «Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его Газета хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой, — писал он 2 мая 1830 г. Вяземскому. — Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзицы или моду, или политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто кроме “Сев<ерной> пчелы” ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения?» (XIV, 87). Однако добиться разрешения поместить в газете политические новости так и не удалось. Одной из причин, несомненно, было то, что «Литературная газета» воспринималась властями как оппозиционное издание. В августе 1830 г. Дельвиг получил строгий выговор за вторичное опубликование фразы «Les aristocrates a la lanterne» («Аристократов на фонарь») в заметке «Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии...» (№ 45, 9 августа. С. 72), написанной, вероятно, им совместно с Пушкиным.

23 января 1831 г. П. А. Вяземский писал М. А. Максимовичу: «Обвиняйте “Газету” в бледности, в безжизненности, о том ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многом вы справедливы. Но мне жаль видеть, что и вы тянете туда же и говорите о *знаменностях*, об *аристократии*. Оставьте это “Северной пчеле” и “Телеграфу”, — у них свой *argot*, что называется, свой воровской язык; но не принадлежащему шайке их неприлично марать свой рот их грязными поговорками» (Записки Имп. Акад. наук. СПб., 1880. Т. 36. С. 203). Сам Вяземский в № 23 (21 апреля) 1830 г. поместил статью «О духе партий; о литературной аристократии», в которой говорилось о том, что в литературе ведут борьбу «две главные партии» — «литераторы с талантом» и «литераторы *бесталанные*»: «аристократия дарований» ведет борьбу против «дюжинной пошлости», «вкуса против безвкусицы, изящности против посредственности и ничтожества». Тема «литературного аристократизма» в том или ином его понимании неоднократно затрагивалась в статьях, обзорах и рецензиях «Литературной газеты»; см. также пушкинские заметки в «Опыте отражения некоторых не-литературных обвинений» (XI, 172–173).

Высокую оценку «Литературной газете» дал А. И. Тургенев. В письме к Вяземскому из Парижа от 2 июня 1830 г. он просил поблагодарить Дельвига за «журнал»: «Право, давно не читал такой занимательной газеты. В ней столько оригинальных статей: твои, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! Как умно многое судите или как дельно по крайней мере о многом намекаете! “Газета” Дельвига — петербургский “Globe»» (ОА. Т. 3. С. 202). С. П. Шевырев также благодарил Дельвига за газету: «...она мне тем более понравилась, что пахнет благородным, умеренным духом Европы и уничтожает злую вонь Азиатской Пчелы» (*Шевырев С. П.* Письмо к барону А. А. Дельвику // Литературные портфели. I: Время Пушкина. Пб., 1923. С. 98 (публ. и коммент. Н. В. Измайлова)).

Выход газеты был приостановлен на № 64 (12 ноября 1830 г.), после того как в № 61 (28 октября) появилось четверостишие из стихотворения Казимира Делавиня для памятника жертвам Июльской революции, который предполагалось воздвигнуть в Париже. Начальник III Отделения Бенкендорф грозился, «что он троих друзей — Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрячет, если не теперь, то вскоре, в Сибирь» (П. в восп. Т. 2. С. 129). Дельвиг в ноябре 1830 г. писал Пушкину: «“Литературная газета” выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные к своему

государю и чистые совестью, ничего не ищут и никому не кланяются, думая, что чувства верноподданические их и совесть защитят их во всяком случае. Неправда, подлецы в это время <...> хлопочут из корыстолюбия марать честных и выезжают на своих мерзостях. Булгарин верным подданным является, ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слышу карбонарием...» (XIV, 124). После настойчивых просьб В. А. Жуковского и Д. Н. Блудова издание газеты удалось возобновить, но формальным редактором ее стал уже Сомов. № 65 от 17 ноября вышел в свет 9 декабря 1830 г. В следующем номере «Литературной газеты» появилось объявление, что несколько номеров «запоздали появлением своим по причинам, не зависевшим от редакции, которая поставляет долгом предупредить гг. подписавшихся, что все помянутые №№ будут постепенно выданы до наступления будущего года» (ЛГ. 1830. Т. 2, № 66, 22 ноября). Однако «Литературная газета» переживала не лучшие свои времена. Пушкин, Вяземский, Плетнев были обеспокоены этим. В письме от 13 января 1831 г. Пушкин интересовался у Плетнева: «Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вялая; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин» (XIV, 143). Вяземский, обращаясь к Пушкину 14 января 1831 г., призывал его придумать что-нибудь: «...чтобы вырвать литературу нашу из рук Булгарина и Полевого. <...> Нужно будет нам с тобою и Баратынским написать инструкцию Дельвигу, если он хочет, чтобы мы участвовали в его газете. Смешное дело, что он не подписывается ни на один иностранный журнал и кормится сказками Бульи и петербургскою польскою газетою. Притом нужно обязать его, чтобы по крайней мере через № была его статья дельная и проч. и проч. А без того нет возможности помогать ему» (XIV, 144). Вяземский не знал, что отправляет письмо в последний день жизни Дельвига. После его смерти «Литературная газета» продолжала испытывать трудности. 22 февраля 1831 г. Плетнев писал Пушкину о газете, высказывал свое убеждение, что Сомов «ей не придаст живости, без чего она решительно умрет», и предлагал: «Не взяться ли тебе с Вяземским за нее? Будь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, то живых, и тем она уж поднимется над братиею своею. Вам двоим ничего это не будет стоить, а на будущее время она может сделаться верною арендою, при которой Сомов останется на обыкновенном жалованье» (XIV, 153). К этому времени Пушкин, вероятно, окончательно разочаровался в «Литературной газете»; у него возникает мысль о новом издании. «Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты!» — писал он Плетневу из Москвы 11 апреля 1831 г. (XIV, 161). Незадолго до закрытия «Литературной газеты», 11 июня 1831 г., Вяземский, который, очевидно, был посвящен в пушкинские планы, обращался к нему: «Что твои литературные проекты? Есть ли начало? Хорошо бы с нового года начать журнал, а к новому году изготовить альманачик» (XIV, 175). Однако лишь в 1836 г., основав журнал «Современник», Пушкину удалось реализовать идею собственного периодического издания.

Когда тираж «Литературной газеты» снизился до 100 экземпляров, Сомов прекратил издание: последний номер (№ 37, 30 июня) вышел в свет 5 июля 1831 г. «В июле, к общему сожалению, кончила земное поприще свое „Литературная газета“, отличавшаяся стихотворениями *Пушкина, Хомякова, Деларю, Трилунного и Якубовича*; оригинальными русскими повестями и дельными, остроумными статьями полемическими», — сообщалось в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (1831. № 90, 11 ноября. С. 705). Несмотря на свое недолгое существование, газета сыграла важную роль в становлении Пушкина-критика и оставила заметный след в истории русской журналистики.

Лит.: Замков Н. К. К цензурной истории произведений Пушкина // ПиС. Вып. 29—30. С. 53—62; *Степанов Н. Л.* «Литературная газета» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 383—401; *Томашевский Б. А. А. Дельвиг* // Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 29—43 (Б-ка поэта; Большая серия); *Виноградов В. В.* Пушкин и «Литературная газета» // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 369—456; *В. Э. Вацуро.* К изучению «Литературной газеты» Дельвига—Сомова // Врем. ПК. 1965. С. 23—36 (то же: *Вацуро В. Э.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 164—178); Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 213—227 (автор раздела *В. Э. Вацуро*); *Сидяков Л. С.* Статьи Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 91—102; *Блинова Е. М.* «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831: Указатель содержания. М., 1966; «Литературная газета» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830 год. № 1—13. М., 1988.
С. Б. Федотова

«Московский вестник» — журнал, издававшийся в Москве в 1827—1830 гг. В 1827 и 1828 гг. — по 24 номера в год (четыре номера, объединяются в часть); в 1829 г. — 6 тематических частей («Изысканная словесность. Стихотворения», «Изысканная словесность. Проза», «История», «Науки», «Исторические материалы», «Критика»); в 1830 г., как и в первые два года, — 24 номера, объединенные в 6 частей; фактически был прекращен на № 16; последние две части вышли с большим опозданием уже в 1831 г. Был создан при непосредственном участии Пушкина, вернувшегося в сентябре 1826 г. из михайловской ссылки и сблизившегося через С. А. Соболевского с группой «любомудров». Так называли себя члены «Общества любомудрия», действовавшего в Москве с 1823 по 1825 г. и ставившего своей целью изучение и пропаганду новейшей немецкой философии и эстетики (трудов Ф.-В.-Й. Шеллинга, А. В. и Ф. Шлегелей, Л. Окена, Ф. Аста, К. Ф. Бахмана и др.). В общество входили В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин; заседания, происходившие у Одоевского, носили тайный характер; общественная позиция «любомудров» была достаточно радикальной — не случайно после восстания декабристов «любомудры» приняли решение о роспуске своего Общества, опасаясь возможных репрессий. Одновременно с тайными заседаниями Общества происходили и заседания в более широком составе («вторники» Д. В. Веневитинова), в которых принимала участие молодежь из среды Московского университета и университетского Благородного пансиона: С. П. Шевырев, М. П. Погодин, В. П. Титов, Н. А. Мельгунов, А. В. Веневитинов, П. В. Киреевский, А. С. Хомяков, И. С. Мальцов, В. П. Андросов и др. Поэтому чаще всего слово «любомудры» используется в расширительном значении — применительно ко всему этому кругу московской молодежи.

Узнав, что «любомудры» давно мечтают издавать журнал, Пушкин, стремившийся обрести «свой» печатный орган, предложил им сотрудничество. Его привлекали обширные познания «любомудров», их независимая общественная и литературная позиция. «Любомудры» же в этот период готовы были видеть в поэзии Пушкина (прежде всего в «Борисе Годунове», которого поэт читал у Соболевского и Веневитиновых) воплощение своих идеалов — сочетание философичности, историзма и народности. 24 октября 1826 г. Пушкин и «любомудры» отметили основание «Московского вестника» торжественным обедом у Ф. С. Хомякова. С Пушкиным был заключен договор на очень выгодных для поэта условиях: с проданных 1200 экземпляров ему причиталось 10 000 руб. (см.: ЛН. Т. 16—18. С. 681). Пушкин

же обязался сотрудничать преимущественно с «Московским вестником». Редактором журнала избрали Погодина, помощником редактора — Рожалина.

Пушкин рассчитывал быть «хозяином» нового журнала, но вскоре выяснилось, что влияние его на «любомудров» не безусловно. Москвичи придерживались собственной литературной программы, которая раздражала Пушкина духом немецкой метафизики и вызывала резкое неприятие в ближайшем пушкинском кругу (см., например, письмо А. А. Дельвига к Е. А. Баратынскому, написанное в марте—мае 1828 г. — Дельвиг. Соч. С. 330). Кроме того, довольно быстро обнаружилось, что и в поэзии Пушкина «любомудры» принимают далеко не все. Они ожидали от Пушкина открытой философичности в духе Гете (см., например, послание Д. В. Веневитинова «К Пушкину», написанное еще в 1826 г.). «Гладкость» стиха Пушкина (а тем более других поэтов пушкинского круга) казалась им препятствием на пути к созданию «поэзии мысли». Принципиальные расхождения во взглядах наряду с более частными разногласиями относительно издательской тактики делали участие Пушкина в журнале все менее активным. Не оправдались и финансовые надежды Пушкина на издателей «Московского вестника»: в первый год он получил только 1000 руб., а затем сотрудничал в журнале безвозмездно (см.: Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л., 1930. С. 78—79).

Несмотря на ряд интересных критических выступлений и на участие в журнале самого Пушкина, «Московский вестник» не пользовался большим успехом у читателей. Это объяснялось достаточно отчетливыми «элитарностью» и «интеллектуализмом» издания, сухостью большинства теоретических статей, малым количеством беллетристики, особенно оригинальной. Постепенно к журналу остывали и сами его сотрудники. Уже в 1827 г. в редакции «Вестника» начались разногласия, приведшие осенью того же года к назначению С. П. Шевырева на пост соредактора журнала (см.: Барсуков. Т. 2. С. 130—135; ЛН. Т. 16—18. С. 695—696, 700, 733—741). Когда Погодин в конце 1828 г. напечатал очередное критическое выступление Н. С. Арцыбашева против «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, это вызвало возмущение и в пушкинском кругу, и среди «любомудров» (см.: Барсуков. Т. 2. С. 234—264). С отъездом Шевырева за границу в феврале 1829 г. журнал фактически перестает быть органом «любомудров»; Погодин сближается с С. Т. Аксаковым, М. А. Дмитриевым и другими литераторами, далекими от прежней редакции «Московского вестника», старается привлечь к активному сотрудничеству в журнале Н. И. Надеждина. Обостряются отношения с пушкинским кругом: в 1829—начале 1830 г. на страницах журнала встречаются откровенно резкие оценки сочинений Дельвига, Вяземского (см., например: 1829. Ч. 4, С. 7—16, 125, 128; 1830. Ч. 1, № 4. С. 430). Продолжая комплиментарно отзываться о пушкинских стихотворениях, редактор «Вестника» гораздо более холодно оценивает критические выступления Пушкина в «Литературной газете» и «Северных цветах» (1830. Ч. 1, № 3. С. 297, 315—318; наст. изд.). В целом к «Литературной газете» Погодин отнесся настороженно и даже неприязненно, как явствует из его писем к Шевыреву за конец 1829—1830 г. (см.: РА. 1882. № 5—6; наст. изд., с. 446). Однако необходимость сражаться против одних и тех же врагов — «Северной пчелы», «Сына отечества», «Московского телеграфа» — заставляла его в своих печатных выступлениях сохранять известную лояльность.

Во время своего пребывания в Москве весной—летом 1830 г. Пушкин пытался сблизить «Московский вестник» с «Литературной газетой». Он сочувственно отнесся к статье Погодина «Взгляд на кабинеты журналов и политические их отношения между собою» (МВ. 1830. Ч. 3, № 9. С. 84—92), где о «Литературной газете» говорилось в целом одобрительно, хотя с определенной долей иронии и не без упреков в «литературном аристократизме». «...у "Литературной газеты", — писал

Погодин, — больше полководцев, чем войска, солдаты хуже генералов, планы лучше исполнения, больше блеску, чем прочности, больше способности творческой, чем критической, больше силы в гостиных, чем в ученых кабинетах» (Там же. С. 91–92). Погодин в этой статье также высказывался за журнальный союз с пушкинским кругом, призывая «Литературную газету» «податься хоть на время некоторыми правилами и мнениями, отказаться от меценатского тону, прижать демократическую руку к аристократическому сердцу, разменяться комплиментами и соединенными силами ударить на общего врага» (Там же. С. 88). Именно в «Московском вестнике» хотел Пушкин напечатать свою антибулгаринскую статью о Видоке. Погодин предпочел уклониться от этого предложения, сулившего журналу новые неприятности; однако на страницах «Московского вестника» в 1830 г. появлялись выступления в защиту Пушкина и выпады в адрес его литературных врагов — «Письмо к издателю “Московского вестника”» С. Т. Аксакова (МВ. 1830. Ч. 2, № 6. С. 201–204; наст. изд., с. 237), «Некоторые замечания о критических статьях в “Сыне отечества”, в “Северной пчеле” и “Московском телеграфе”» (МВ. Ч. 3, № 9. С. 75–84, подпись: W; наст. изд., с. 276).

При всей сложности отношений Пушкина и «любомудров» «Московскому вестнику» принадлежит важное место в истории критического осмысления пушкинского творчества. Это относится прежде всего к статьям С. П. Шевырева «Обозрение русской словесности за 1827-й год» и И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина», где с позиций шеллингианской диалектики были предприняты первые попытки рассмотреть творческий путь Пушкина в его целостности, включить пушкинскую поэзию в контекст развития русской и европейской культуры. Традиции «Московского вестника» были в какой-то степени продолжены журналами «Европеец» (1832), «Московский наблюдатель» (1835–1837) и «Москвитянин» (1841–1856), связанными с кругом бывших «любомудров».

Лит.: Барсуков. Т. 2–3 (по оглавлению); *Стратен В.В.* Д. В. Веневитинов и «Московский вестник» // Изв. ОРЯС. 1925. Т. 29. С. 227–253; ЛН. М., 1934. Т. 16–18. С. 679–756; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 213–226 (автор раздела В. Э. Вацуро); *Маймин Е. А.* Еще раз о Пушкине и «Московском вестнике» // Пушкинский сборник. Псков, 1968. С. 165–190; *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.

Г. Е. Потапова

«Санктпетербургский зритель» — журнал, единственная книжка которого была издана в 1828 г. в Петербурге Б. М. Федоровым (о Федорове и его издательских предприятиях см.: П. в критике, I. С. 416–417; наст. изд., с. 355–356). Первоначально Федоров предполагал издавать газету «Санктпетербургский дневник»; 3 ноября 1827 г. А. Ф. Воейков сообщил В. М. Перевощикову о готовящемся издании (см.: РА. 1890. Т. 3, № 9. С. 94). Однако после доноса Булгарина, особенно бдительно следившего за конкуренцией в издании общих (т. е. включающих и политические известия) газет, «Санктпетербургский дневник» не был разрешен. В частности, Булгарин дал чрезвычайно невыгодную характеристику профессиональных качеств будущего издателя, подчеркивая, что «он из протекции или по незнанию позволит управлять собою каждому, который только ослепит его блеском знатности или богатства», но при том советовал «во уважение долговременного бумагомарательства Федорова и того, что он не замечен в правилах противообщественных», позволить ему издавать еженедельный литературный журнал. Николай I прислушался к рекомендациям III Отделения, разрешив Федорову вместо газеты журнал «Санктпетербургский зритель». См.: Вацуро, Гиллельсон. С. 246–249; Видок Фиглярин. С. 346–348.

В. Э. Вацуро

«Северная звезда» — альманах, изданный в 1829 г. в Петербурге М. А. Бестужевым-Рюминым (см. о нем наст. изд., с. 420). Скандальная известность этого издания в истории литературы связана с «пиратской» публикацией стихотворений Пушкина, из-за которой альманах был надолго задержан цензурой по жалобе поэта (см. подробно: наст. изд., с. 421–422). Альманах собран из произведений литераторов «второго ряда», по-видимому, в основном личных знакомых Бестужева, сотрудничавших и в других его изданиях. Наполовину альманах был заполнен сочинениями самого издателя — стихотворениями и прозаическими статьями, в том числе «О Веневитинове и его сочинениях» и «Мысли и замечания литературного наблюдателя», где содержались резкие полемические выпады против пушкинского круга (см. наст. изд., с. 193). Лучшими стихотворениями альманаха Бестужев был обязан своим давним знакомствам: в «Северной звезде» напечатаны четыре стихотворения Д. В. Давыдова, причем два из них, «Романс» («Сижу на берегу потока...») и «Ответ на вызов написать стихи» («Вы хотите, чтоб стихами...»), — впервые. Также впервые появилось в «Северной звезде» стихотворение Е. А. Баратынского «Уверение» («Нет, обманула вас молва...»), в публикации которого Баратынский незадолго перед тем отказал А. А. Дельвигу. Открывал стихотворную часть бестужевского альманаха отрывок «Палей» из неоконченной поэмы К. Ф. Рылеева о Мазепе, перепечатанный из «Северной пчелы» 1825 г. без имени автора.

Лит.: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашик» // ПИМ. Т. 1. С. 268–277; *Вацуро В. Э.* Из литературных отношений Баратынского // Вацуро В. Э. Пушкинская пор. СПб., 2000. С. 347–349.

Е. О. Ларионова

«Северный Меркурий» — литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1830–1832 гг. М. А. Бестужевым-Рюминым (см. о нем наст. изд., с. 420). Выходила три раза в неделю, но издавалась неисправно: в 1830 г. не вышли № 79–84 (из-за смены типографии) и 126–130 (без объяснения причин); в 1831 г. — № 78–156 (т. е. все номера за второе полугодие), а № 28–52 (с 6 марта по 29 апреля) раздавались подписчикам в октябре–ноябре; отдельные номера задерживались в цензуре и выходили позже обозначенной даты. В 1832 г. после № 4 газета прекратила свое существование.

По свидетельству В. П. Бурнашева, бывшего некоторое время сотрудником «Меркурия», публика «довольно охотно подписывалась на этот листок, в каждом номере которого так или иначе являлись в злой карикатуре корифеи тогдашней нашей журналистики» (РВ. 1871. № 9. С. 252). Помощниками Бестужева по редакции были А. Н. Глебов и Н. А. Татищев. В газете печатались произведения В. И. Карлгофа, В. П. Бурнашева, П. Г. Сянова, П. Г. Волкова, Ф. Я. Кафтарева, братьев Драгомановых и других литераторов второго и третьего ряда; из более значительных авторов с Бестужевым сотрудничали Ф. Н. Глинка, А. Е. Измайлов, Э. И. Губер и А. И. Подольинский, перешедший в «Северный Меркурий» после разрыва с пушкинским кругом. Конфликт Бестужева-Рюмина с ближайшим пушкинским окружением, возникший в 1829 г. в связи с альманахом «Северная звезда» (см. наст. изд., с. 420–421), определил антипушкинскую направленность «Меркурия». Уже в № 3 (6 января) Бестужев напечатал эпиграмму на Пушкина «Чтоб подслужиться в альманах Своим произведеньем новым...» (написана в ответ на пушкинскую эпиграмму против Надеждина «Седой Свистов! ты царствовал со славой...», опубликованную в «Северных цветах» на 1830 г., которую Бестужев почему-то ошибочно принял на свой счет). Далее в газете стали регулярно появляться полемические и памфлетные выступления против Пушкина и его друзей.

Автором большинства из них, скорее всего, был сам Бестужев-Рюмин, опускавшийся иногда до прямых пасквилей (см., например, фельетоны «Сплетница» (1830. № 49, 23 апреля и № 50, 25 апреля (вышел после 28 июня); наст. изд., с. 250) или «Несчастный поэт» (1830. № 138, 17 ноября; наст. изд., с. 324)). Какие-то анонимные заметки, возможно, принадлежат В. П. Бурнашеву, также свободно писавшему в фельетонной манере.

Ожесточенно воевавший с «Литературной газетой», в частности, позволявший неоднократные личные выпады против ее издателя, Бестужев тем не менее откликнулся на смерть Дельвига прочувствованным некрологом в «Меркурии». В 1831 г., после смерти Дельвига, полемика с пушкинским кругом отступает в «Северном Меркурии» на второй план, число антипушкинских выступлений уменьшается; основными журнальными противниками Бестужева становятся, кроме его постоянного врага А. Ф. Воейкова, Ф. В. Булгарин и Н. А. Полевой.

Лит.: Петербургский старожил В. Б. [Бурнашев В. П.] Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // РВ. 1871. № 9. С. 252–256; *Лернер Н. О.* Заметки о Пушкине. V. Арзамасская эпиграмма // ПиС. Вып. 16. С. 30–37; Письма. Т. 3. С. 380–382; Русские писатели. Т. 1. С. 261–262 (статья В. Э. Вацура).

Е. О. Ларионова

«Славянин» — «Военно-литературный журнал», издававшийся А. Ф. Воейковым в Петербурге в 1827–1830 гг. в качестве приложения к газете «Русский инвалид» (см.: П. в критике, I. С. 493–494) в частном порядке (все доходы от журнала поступали издателю). В 1827–1829 гг. выходил еженедельно, в 1830 г. — два раза в месяц.

Как и газета «Русский инвалид», «Славянин» состоял из двух разделов — военного и литературного. В первом разделе печатались статьи специфически военного характера (в основном переводные) и материалы, связанные с русской военной историей (письма Суворова к Багратиону, письма П. А. Румянцева, описание Бородинской битвы и др.). Литературный раздел повторял структуру «Новостей литературы» (см.: П. в критике, I. С. 488–489): включал прозу (также преимущественно переводную), поэзию и критику. Однако «Славянину» не удалось продолжить славу «Новостей литературы», имевших в свое время репутацию лучшего поэтического журнала: несмотря на то что здесь по-прежнему публиковались произведения лучших русских поэтов — Пушкина, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинки и др., — большинство из них были перепечатаны из других изданий.

Более заметным был критический отдел, которому уделялось основное внимание издателя и который с 1828 г. был практически полностью подчинен полемике с журнальными врагами Воейкова — Н. А. Полевым, Ф. В. Булгариним и Н. И. Гречем. Сам Воейков регулярно (начиная с № 6 за 1828 г.) печатал свои сатирические фельетоны под рубрикой «Хамелеонистика». Название рубрики отражало его основную цель — продемонстрировать «продажность» и непоследовательность своих журнальных конкурентов, указывая на изменение их мнений в зависимости от сиюминутной ситуации, на прямо противоположные оценки ими одних и тех же писателей и произведений. Пушкин находил «Хамелеонистику» «остроумным сбором статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни» («Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» — XI, 212).

Отношение Пушкина к Воейкову-журналисту всегда оставалось довольно ироничным, однако он отдавал должное полемическим выступлениям журнала против Полевого, Булгарина и Греча: «Кстати: похвалите “Славянина”, он нам нужен, как

навоз нужен пашне, как свинья нужна кухне, а Шишков русской Академии» (письмо к М. П. Погодину от 1 июля 1828 г. — XIV, 22; ср. также благожелательные отзывы о материалах отдела «Хамелеонистика» в рецензии на «Историю русского народа» Полевого (1830; XI, 120), в статье «Письмо к издателю» (1836; XII, 97) и в письме к П. А. Вяземскому от декабря 1836 г. (XVI, 211)).

За все время существования «Славянина» в нем появился лишь один критический отзыв о Пушкине — краткая рецензия на книгу «Две повести в стихах: "Бал", соч. Баратынского и "Граф Нулин", соч. А. Пушкина» (1828. Ч. 8, № 52. С. 503; наст. изд., с. 105). Из произведений Пушкина в «Славянине» впервые напечатано стихотворение «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...») под заглавием «К товарищам молодости» (1830. Ч. 15, № 13. С. 51).

Лит.: *Борисевич А. Т.* «Русский инвалид» за 100 лет. СПб., 1913. С. 213—215, 224, 230—231; *Соколовский М.* Материалы для биографии А. Ф. Воейкова. III. «Славянин» (1827—1830 гг.) // РС. 1908. № 4. С. 160—163; *Каллаш В. В.* Пушкин, Н. Полевой и Булгарин: Из журнальной полемики конца 20-х гг. XIX в. // ПиС. Вып. 2. С. 32—49; Полевой. С. 402—405.

А. И. Рогова

«Тифлиссские ведомости» — правительственная губернская газета, издававшаяся в 1828—1831 гг. в Тифлисе (первый номер — 4 июня 1828 г.). В 1828—1829 гг. выходила еженедельно; с 1830 г. — два раза в неделю, но уже нерегулярно и годовое число номеров не было выдано; в 1831 г. прекратилась после № 32. В 1829 г. каждый номер газеты издавался на трех языках — русском, грузинском и фарси. Основное содержание газеты составляли официальные сообщения, в основном — приказы по армии и сообщения с театра военных действий. Также печатались исторические, этнографические и статистические материалы. Собственно литературная часть «Ведомостей» исчерпывалась статьями в разделе «Нравы» и краткими заметками в разделе «Смесь», автором большей части которых был сам редактор газеты П. С. Санковский (см. о нем наст. изд., с. 418). Все упоминания о Пушкине в газете относятся к 1829 г. и так или иначе связаны с его поездкой в действующую армию. В 1832 г. Санковский вместе с Д. Е. Зубаревым и Г. С. Гордеевым в продолжение «Тифлиссских ведомостей» затеял издание: «Тифлиссские ведомости. Отделение литературное», выходившее два раза в месяц и прекратившееся в марте после № 6.

Лит.: Письма. Т. 3. С. 353—354, 356—357; *Ватейшвили Д. Л.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973.

Е. О. Ларионова

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аксаков — Аксаков С. Т. Собр. соч. / Вступ. ст., подгот. текста и прим. С. Машицкого. М., 1955—1956. Т. 1—4.

Архив Тургеневых — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской Академии наук, 1911—1921. Вып. 1—6.

Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Т. 1—22.

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

Благ. — журнал «Благонамеренный».

Вацуро — Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.

Вацуро, Гиллельсон — Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М., 1986.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

Видок Фиглярин — Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998.

ВОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности (Санкт-Петербург).

Врем. ПК 1962—1981 — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1963—1985. [Вып. 1—19] (1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. [Вып. 1]; 1963. М.; Л.: Наука, 1966. [Вып. 2]; 1964—1980. Л.: Наука, 1967—1983. [Вып. 3—18]; Сб. науч. тр. 1981. Л.: Наука, 1985. [Вып. 19]).

Врем. ПК 20—23 — Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1986—1989. Вып. 20—23.

ДЖ — «Дамский журнал».

Дельвиг. Соч. — Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит., 1986.

Денница — альманах «Денница».

Записки Имп. Акад. наук — Записки Императорской Академии наук.

ИВ — журнал «Исторический вестник».

Изв. ОРЯС — журнал «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».

Кирилук — Бібліографія творів Сомова // Кирилук З. В. О. Сомов — критик та белетрист пушкинської епохи. Київ, 1965. С. 145—166.

ЛГ — «Литературная газета».

ЛЛ — журнал «Литературные листки».

Летопись Боратынского — Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998.

ЛН — Литературное наследство.

Масанов — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956—1960. Т. 1—4.

МВ — журнал «Московский вестник».

МВед — газета «Московские ведомости».

Москв. — журнал «Москвитянин».

МТ — журнал «Московский телеграф».

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред. и с примеч. В. И. Сaitова; 1909—1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацуру; Подгот. текста, сост. и примеч. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1974 (Сер. лит. мемуаров).

П. в критике, I — Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под общей ред. В. Э. Вацуру и С. А. Фомичева; Вступ. ст. Г. Е. Потаповой; Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру, Е. А. Вилька, Е. А. Губко, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Г. М. Ивановой, Т. Е. Киселевой, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Т. М. Михайловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, А. В. Шароновой. СПб., 1996.

П. в печати — *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.: Соцэкгиз, 1938.

П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936—1941. [Т.] 1—6.

ПИМ — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1962. Т. 1—4; Л.: Наука, 1967—1991. Т. 5—14.

ПиС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Пг., 1903—1923. Вып. 1—36; Л., 1928—1930. Вып. 37—39.

ПиС (Нов. серия) — Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 1999—2001. Вып. 1 (40) — 3 (42).

Письма — *Пушкин.* Письма: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т. 1: 1815—1825; 1928. Т. 2: 1826—1830; М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3: 1831—1833 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского.

Письма посл. лет. — *Пушкин А. С.* Письма последних лет. Л., 1969.

Полевой — Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934.

Пушкин. 1935. Т. 7 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7. Драматические произведения.

Пушкин. ПСС — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813—1817 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Ред. В. Э. Вацуру; Подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуру, М. Н. Виротайнен, Е. О. Ларионова, Ю. Д. Левин, О. С. Муравьева, Н. Н. Петрунина, С. Б. Федотова, И. С. Чистова.

Пушкин. Соч. 1999 — *Пушкин А. С.* Сочинения. СПб., 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813—1817 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Ред. В. Э. Вацуру; Подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуру, М. Н. Виротайнен, Е. О. Ларионова, Ю. Д. Левин, О. С. Муравьева, Н. Н. Петрунина, С. Б. Федотова, И. С. Чистова.

РА — журнал «Русский архив».

РБ — журнал «Русский библиофил».

РВ — журнал «Русский вестник».

РИ — газета «Русский инвалид».

РЛ — журнал «Русская литература».

Рос. музей — «Российский музей, или Журнал европейских новостей, издаваемый В. Измайловым».

РС — журнал «Русская старина».

Русские писатели — Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1; Большая рос. энциклопедия, 1992—1999. Т. 2—4.

СМерк — журнал «Северный Меркурий».

Смирнов-Сокольский — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.

СО — журнал «Сын отечества»..

СО и СА — Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории.

Совр. — журнал «Современник».

Соревн. — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности)».

СПб вестн — журнал «Санктпетербургский вестник».

СПб зритель — журнал «Санктпетербургский зритель».

СПч — газета «Северная пчела».

СЦ — альманах «Северные цветы».

Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.

Шикло — Указатель основных трудов Н. А. Полевого [Сводная библиография основных опубликованных оригинальных произведений Н. А. Полевого] // Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 177–222

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аблссимов А. О. 370
Абрамович Д. И. 356
Аддисон (Addison) Джозеф (1672—1719), английский писатель и журналист 134, 397
Адлерфельд (Adlerfeld) Густав (1671—1709), шведский историк 167, 409, 410
Аксаков С. Т. 13, 237, 349, 351, 371, 399—401, 462, 463, 517, 529, 535, 536, 540
Аладьип Егор Васильевич (1796—1860), прозаик, поэт, издатель «Невского альманаха» 342, 428, 442, 463
Александр I Павлович (1777—1825), российский император (с 1801) 9
Александр Ярославич Невский (1220—1263), русский князь, полководец 291, 492, 495, 496
Александров Ю. А. 154
Алексеев М. П. 332, 401
Алексеев Федор Александрович, поэт 1820—30-х гг. 124—126, 392, 393 («Ческа»), 472, 524
Алексей Михайлович (1629—1676), русский царь (с 1645) 323, 521
Альбрици Изабелла Теотохи д' (1770—1836), итальянская писательница 525
Альфieri (Альфьери) Витторио (Alfieri, 1749—1803), итальянский драматург 297, 307 («Мирра»), 500
Анакреонт (Анакреон) (ок. 570—478 до н. э.), древнегреческий поэт 157, 379, 405
Анаксимадр (ок. 610—ок. 540 до н. э.), древнегреческий философ-материалист 387
Андросов Василий Петрович (1803—1841), ученый-статистик, публицист, издатель 91, 523, 534
Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица (с 1730) 446
Аппенков П. В. 482
Аппибал см. Ганнибал А. П.
Ансело (Anselot) Жак-Арсен-Франсуа-Поликарп (1794—1854), французский поэт и драматург 30, 332
Апеллес (2-я пол. IV в. до н. э.), древнегреческий живописец 412
Апулей (ок. 124 — ок. 180), римский писатель 265
Аранов Пимен Николаевич (1796—1861), издатель альманаха «Радуга», драматург, переводчик, историк театра 215, 438, 442
Аретино Пистро (1492—1556), итальянский писатель и публицист, сатирик, автор бытовых комедий и «рассуждений», обвинявшихся в безнравственности 265, 503
Ариосто Лудовико (1477—1533), итальянский поэт 75, 132, 134, 143, 179, 262, 265, 287, 294, 498, 499
Аристарх Самофракийский (ок. 215—145 до н. э.), александрийский филолог и комментатор; нарицательное имя для педантичных филологов и критиков 110, 269, 278, 339, 475
Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый 156, 404
Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.), древнегреческий поэт-комедиограф 265, 439
Архимед (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый, математик и механик 387
Арыбашев Николай Сергеевич (1771—1841), историк, поэт, прозаик 20, 21, 354, 428, 429, 469, 535
Аст Фридрих (1778—1841), немецкий философ и эстетик 401, 535
Аюка (1642—1724), хан волжских калмыков 409
Багратион Петр Романович (1765—1812), генерал, участник походов Суворова, в Отечественную войну главнокомандующий 2-й армией 538

* Аннотации не даются к именам критиков, подробные сведения о которых содержатся в примечаниях (в таких случаях фамилия критика и страницы, на которых содержится справка о нем, выделены в указателе жирным шрифтом). Имена исследователей не аннотируются.

- Байрон (Бейрон) (Вугон) Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт 35, 43, 45, 46, 76—83, 86, 88, 91, 125, 133—136, 143—145, 161—166, 168, 169, 179—183, 190, 196, 198, 202, 218, 228, 233, 234, 237, 256, 257, 262, 263, 265—267, 278, 280, 290—294, 296 («Дон-Жуан»), 299, 307 («Чайльд Гарольд»), 316, 336, 338, 339, 357, 358, 362—364, 367, 371, 374, 376 («Шильонский узник»), 383, 392—394, 396, 397, 400, 402, 405, 406, 408, 409, 412—414, 420, 427, 431, 432, 439, 445, 450, 455, 459, 465, 495, 503, 504, 507, 519, 525
- Бакулин Александр Яковлевич (1813—1893), дед В. Я. Брюсова по матери; сын купца, поэт-самоучка, баснописец, впоследствии член Суриковского кружка 502
- Бальби Адриан (1782—1848), итальянский географ и статистик 341
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1778—1850), историк, археограф 136, 145, 167, 183, 186, 187, 398, 399, 409, 410, 415—417, 494
- Баратынская Анастасия (Настасья) Львовна (1804—1860), жена Е. А. Баратынского 342
- Баратынская Варвара Абрамовна (1810—1891), сестра Е. А. Баратынского 342
- Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844), поэт 7, 12, 19, 21, 37, 47, 72, 73, 91, 104, 105, 110, 112 («Бал»), 113 («Бал»), 120, 122 («Бал»), 123 («Бал»), 125, 144, 155, 194, 195, 201, 215, 217, 219, 249, 304, 332, 333, 337—339, 341, 342, 347, 348, 350, 351, 357, 360, 361, 369, 370, 376—382, 385, 386, 388, 390, 391, 394, 396, 397, 402, 420, 421, 423—425, 428, 434—437, 442, 447, 449, 468, 477, 488, 493, 503, 515, 521, 525—529, 533, 535, 537—540
- Барков Дмитрий Николаевич (1796—1855), театральный критик, переводчик, член общества «Зеленая лампа» 372
- Барсуков Н. П. 8, 12, 17, 20, 21, 337, 340, 346, 354, 385, 535, 536, 540
- Басманов Петр Федорович (ум. 1606), русский воевода, стольник, приближенный Бориса Годунова, впоследствии перешедший на сторону Лжедмитрия 299
- Батте (Batteux) Шарль (1713—1780), французский философ-эстетик 156, 404
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт 33, 179, 219, 295, 324, 352, 437, 477, 499
- Баумгартен Александр Готтлиб (1714—1762), немецкий философ-эстетик 147, 401
- Бахман Карл Фридрих (1785—1855), немецкий эстетик 401, 534
- Бахмутский В. Я. 352
- Бахтин Николай Иванович (1796—1869), критик, видный чиновник 1850—1860-х гг. 341, 396
- Бейрон см. Байрон Дж.-Н.-Г.
- Бекстов Платон Петрович (1761—1836), издатель, историк литературы, литератор и коллекционер 494
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), критик, публицист 20, 406, 446, 540
- Белкин Д. И. 504
- Бем А. Л. 397
- Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт 335
- Бенксендорф Александр Христофорович (1781 или 1783—1844), генерал-адъютант, шеф корпуса жандармов и начальник III Отделения 5, 6, 436, 439, 452, 458, 461, 480, 501, 505, 528, 532
- Беранже Пьер Жан (1780—1857), французский поэт 433
- Березкин А. М. 327, 525
- Берли Франсуа Иоахим Пьер (1715—1794), французский поэт; аббат, впоследствии кардинал 265
- Бестужев Александр Александрович (1797—1837), прозаик, поэт, критик, переводчик, декабрист 332, 343, 528
- Бестужев-Рюмин М. А.** 22, 193, 242, 250, 289, 312, 315, 316, 375, 392, 407, 420—423, 424, 429—431, 460, 462, 464—467, 469—472, 476, 488, 493, 494, 498, 502, 507, 512—514, 522, 530, 537, 538
- Биргер см. Бюргер Г. А.
- Бичурин Никита Яковлевич (в монашестве о. Иакинф) (1777—1853), синолог, переводчик 316, 517
- Блинова Е. М. 457, 534
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), один из учредителей «Арзамаса», тов. министра народного просвещения (с 1826), впоследствии министр внутренних дел 17, 20, 456
- Бобрищевы-Пушкины 496
- Богданович Ипполит Федорович (1743—1803), поэт 60, 223, 287, 298, 357, 358, 432, 500
- Боккаччо Джованни (1313—1375), итальянский писатель 287, 385
- Борис Годунов см. Годунов Борис Федорович
- Борисевич А. Т. 539
- Борисова, актриса 371

- Бочаров С. Г. 437
- Бриммер Владимир Карлович (1783 — после 1845), поэт, переводчик 525
- Брюмоа Пьер (1688—1742), французский аббат-иезуит, историк и литератор 521
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, прозаик, критик, переводчик 502
- Буало-Депрео Никола (1636—1711), французский поэт и критик, теоретик классицизма 23, 177, 352, 479, 520
- Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), московский почтовый директор (1832—1856) 506
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), критик, прозаик, журналист, издатель «Северного архива» и «Северной пчелы» 6, 8—10, 13—19, 22, 25, 30, 36, 82, 91 (один из издателей «Северной пчелы»), 126, 132, 143 (автор разбора «Полтавы»), 144 (рецензент), 145 (рецензент), 171 («Иван Выжигин»), 183 (критик), 186 (критик), 216, 219, 228, 232, 236, 264 («Иван Выжигин», «Дмитрий Самозванец»), 279, 280 («Иван Выжигин»), 284, 293 (**, один из наших литераторов), 296, 299, 315, 316 («Иван Выжигин»), 319, 329—333, 336—343, 349, 350, 356, 358, 362—365, 368—370, 379, 380, 383, 394—398, 400, 402, 405, 408, 409, 411, 412, 415, 417—419, 421, 423, 429—431, 436, 438—441, 446, 450—462, 466, 468, 470—473, 475—477, 479—481, 483—485, 487—495, 498—507, 513, 515, 517—522, 524, 527, 529—533, 536, 538—540
- Булгарина Елена Ивановна (1808—1889), жена Ф. В. Булгарина 455
- Бульи Жан Никола (1763—1842), французский писатель, драматург 533
- Бурнашев Владимир Петрович (1810—1888), писатель, журналист 22, 488, 537, 538
- Бутервек Фридрих (1766—1828), немецкий философ-эстетик, историк литературы 401
- Бутурлины 291, 496
- Бюргер Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт 519
- Вальберх Иван Иванович (1766—1819), первый русский балетмейстер, переводчик 92 (пер. «Сороки-воровки»), 372
- Ван Дейк Антонис (1599—1641), фламандский художник 63
- Вариск Александр Михайлович (1782—1843), портретист, академик живописи 343
- Ватейшвили Д. Л. 539
- Вацуро В. Э. 7, 25, 327, 329, 331, 341, 343, 352, 384, 392, 395, 402, 409, 421, 427—429, 433, 440, 441, 443, 447, 449, 461, 472, 478, 490, 524, 527, 531, 534, 536, 537, 538, 540, 541
- Вельяминов Иван Александрович (1772—1837), первый переводчик «Отелло» У. Шекспира 401
- Венгеров С. А. 497
- Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), брат Д. В. Веневитинова, знакомый Пушкина 22
- Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт 9, 19, 46, 342, 346, 348, 349, 362, 379, 391, 459, 534—537
- Веневитиновы 338, 346, 361
- Вергилий (Виргилий) (Публий Вергилий Марон; 70—19 до н. э.), римский поэт 110, 132 («Энеида»), 143 («Энеида»), 152, 169 («Энеида»), 288, 381, 405, 409, 410, 419, 471
- Вердревский Александр, поэт 1830—1840-х гг. 357
- Веревкин Михаил Иванович (1732—1795), писатель, переводчик 492
- Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор и музыкант, автор многих романсов на стихи Пушкина 526, 527
- Веселовский С. Б. 496
- Вешняков А. П., переводчик «Пустышника дикой горы» 92 (пер. «Пустышника дикой горы»), 372
- Видок (Vidocq) Эжен-Франсуа (1775—1857), начальник парижской сыскальной полиции 229, 230, 300, 452, 453, 454, 455, 527, 532, 536
- Виланд Кристоф Мартин (1733—1813), немецкий писатель 76, 265, 277, 287, 362
- Вилье Е. А. 541
- Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768), немецкий просветитель, историк и теоретик искусства 401
- Виноградов В. В. 469, 490, 534
- Винокур Г. О. 342, 452
- Вишнь Альфред Виктор де (1797—1863), французский поэт 146
- Виргилий см. Вергилий
- Виролайнен М. Н. 541
- Владимир Святославович (Владимир Красное Солнышко; ум. 1015), великий князь киевский 295

- Владислав IV Ваза (1595—1648), польский король (с 1632) 185, 186, 417
- Воейков Александр Федорович (1778 или 1779—1839), поэт, переводчик, критик, издатель газеты «Русский инвалид» и журналов «Славянин», «Сын отечества» и др. 22, 219, 330, 357, 364—367, 373, 398, 406, 430, 441, 442, 470, 517, 518, 536, 538, 539
- Волков Платон Григорьевич (ок. 1799 или 1800—1850), поэт, журналист, критик 110 («Признание на тридцатом году жизни»), 537
- Волконская Зинаида Александровна, урожд. княжна Белосельская-Белозерская (1789—1862), хозяйка литературно-музыкального салона, поэтесса, писательница 335, 480
- Волконский Александр Никитич (1811—1878), сын З. А. Волконской 335, 480
- Вольтер (Voltaire) (наст. имя Аруэ Франсуа Мари; 1694—1778), французский писатель, философ и историк 76 (певец Иоанны), 111, 127, 210, 228, 265, 279, 290, 308, 317, 362, 389, 395, 450, 495, 519
- Вороповская С. В. 527
- Воропцов Михаил Семенович, граф (1782—1856), поворооссийский генерал-губернатор, наместник Бессарабской области и Кавказа 418
- Воскресенский М. И. 103—110, 232 («Евгений Вельский»), 248 («Евгений Вельский»), 257 («Евгений Вельский»), 260 («Евгений Вельский»), 261 («Евгений Вельский»), 274 («Евгений Вельский»), 275 («Евгений Вельский»), 277 («Евгений Вельский»), 278 («Евгений Вельский»), 306 («Евгений Вельский»), 309, 327, 375, 459, 476, 509, 510, 511
- Вронченко Михаил Павлович (1801 или 1802—1855), переводчик, военный геодезист, автор географических сочинений 219, 339, 465
- Вульф Александр Николаевич (1805—1888), мемуарист; сын близкой знакомой Пушкина П. А. Осиповой 350, 392
- Вяземские 10, 541
- Вяземский Павел Петрович (1820—1888), сын П. А. и В. Ф. Вяземских; археограф, основатель Общества любителей древней письменности 392
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, журналист и литературный критик, близкий друг Пушкина 6, 7, 10, 12—14, 17—21, 23, 33 («Море»), 37, 39, 155, 156, 209, 215, 217—219, 223, 226, 250, 289, 298, 304, 333, 334, 341—343, 348, 350, 356, 357, 360, 362, 368, 369, 379, 386, 391, 392, 396, 401, 402, 404, 413, 421, 422, 428, 431—433, 435—440, 442, 443, 446, 448, 449, 452—454, 456, 457, 459, 462, 466—470, 474, 475, 477, 479, 481, 488—490, 498, 499, 501, 502, 506, 515, 518—522, 525—529, 531, 532, 533, 535, 538, 539
- Гаврила Алексич (Олексеич) (ум. 1241), витязь, прославившийся в Невской битве 1240, правнук Радши 495, 496
- Гаврилова, домовладелица 239
- Гаевский В. П. 460, 461, 463, 468, 488
- Галактионов Стенан Филиппович (1779—1854), гравер 444
- Галлер Альбрехт фон (1708—1777), швейцарский поэт, врач, естествоиспытатель 115
- Гамалей (Гамалей) Григорий Михайлович (ум. 1702), полковник Лубенский, участвовавший в возведении Мазепы на гетманство и затем им отстраненный 140
- Гашибал Абрам Петрович (Ибрагим) (1696—1781), сын эфионского князя, русский военный инженер, генерал-аншеф, камердинер и секретарь Петра I, прадед Пушкина 286, 287, 479, 491, 492
- Ганнибал Иван Абрамович (1731—1801), сын А. П. Гашибала 286
- Ганнибал Петр Абрамович (1742—1826), двоюродный дед Пушкина 492
- Герсен см. Герен А. Г. Л.
- Гейтман Егор (Георгий-Иоганн) (1800—1829), гравер 444
- Гельвеций Клод Адриан (1715—1771), философ, предшественник французского материализма XVIII в. 225
- Гельти (Хельти) Людвиг Кристоф Генрих (1748—1776), немецкий поэт 460
- Гендрик (Гейзерих) (428—477), король вандалов 411 (время гендерикивых)
- Генрих IV Наваррский (1553—1610), король Франции 414
- Георгий Копийский (Кописский) (1717—1795), ректор Кисвской Духовной академии, архиепископ Могилевский 290, 308, 415, 494
- Гераклит (ок. 544—ок. 483 до н. э.), древнегреческий философ-материалист, диалектик 387
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), немецкий философ-просветитель, писатель, литературовед 277
- Герен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842), немецкий историк 146
- Геро см. Эро Э.-Ж.
- Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк 450
- Гесснер Соломон (1730—1788), немецкий поэт 341

Гессен С. Я. 348, 357, 535
 Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт 9, 31, 36, 76, 86, 136, 143, 181, 213, 277, 316, 334, 336, 341, 396, 406, 438, 439, 516, 535
 Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), французский историк и государственный деятель 263, 401
 Гиллельсон М. И. 13, 18, 331, 341, 343, 433, 443, 468, 475, 501, 522, 524, 536, 541
 Гипсбург Н. С. 371
 Гиппиус В. В. 483, 521, 527
 Глаголев Андрей Гаврилович (1793 или 1799—1844), критик, фольклорист, теоретик литературы 366, 367, 498
 Глебов Александр Николаевич (1803—1852), поэт, прозаик, критик 537
 Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), мемуарист, прозаик, драматург, поэт, журналист, цензор 334, 340, 384, 385, 442, 449, 478
 Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт, публицист, декабрист 36, 37, 39, 155, 226, 341, 343, 428, 435, 464, 528, 537, 538
 Глушковский Адам Павлович (1793—ок. 1870), артист балета, балетмейстер, педагог 372
 Глусич Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик 12, 289, 301 (пер. «Илиады»), 499, 504, 528
 Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель 528
 Годунов Борис Федорович (ок. 1552—1605), русский царь (с 1598) 32, 202, 291, 299, 347, 495, 496, 500, 501, 516
 Гозеншуд А. А. 452
 Голдсмит Оливер (1728—1774), английский писатель 465
 Голиков Иван Иванович (1734—1801), купец, историк-собиранье материалов о царствовании Петра I 287, 492
 Голицын Василий Васильевич (1643—1714), князь; фаворит царевны Софьи 184, 185, 416
 Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), московский военный генерал-губернатор (1820—1844) 18, 478
 Голицын Николай Сергеевич (1796—1833), поэт; сослуживец и близкий знакомый Катенина 522
 Голицына Александра Павловна, урожд. графиня Кутайсова (1804—1881), княгиня; жена А. А. Голицына 10
 Голицына Мария Аркадьевна, урожд. Суворова (1802—1870), фрейлина; внучка А. В. Суворова, знакомая Пушкина 528
 Головин Иван Михайлович (ум. 1737), адмирал; сподвижник Петра I; прапрадед Пушкина 291, 497
 Головин Федор Алексеевич (ум 1706), генерал-фельдмаршал; сподвижник Петра I; двоюродный брат И. М. Головина 497
 Головина Евдокия Ивановна, дочь И. М. Головина, жена А. П. Пушкина, прабабка Пушкина 497
 Головин Гавриил Иванович (1660—1734), государственный канцлер, один из ближайших соратников Петра I 185, 416
 Головин Александр Васильевич (1821—1886), государственный деятель 390
 Гольдсмит см. Голдсмит
 Гомер (Омир, между XII и VIII в. до н. э.), легендарный древнегреческий поэт 66, 132, 143, 157, 233, 249, 277, 279, 405, 413, 442, 504, 521, 522
 Гонзаго (Gonzago, Gonzaga) Пьетро ди Готтардо (1751—1831), итальянский живописец, театральный декоратор и архитектор, работавший в России 56, 354
 Гораций (NHoratius) (Квинт Гораций Флакк; 65—8 до н. э.), римский поэт 116, 157, 191, 196, 317, 358, 371, 387, 405, 407, 419, 460, 464, 493
 Гордесев Григорий Сергеевич (1791—1838), историк, этнограф, поэт и прозаик 539
 Горчаков Владимир Петрович (1800—1867), кипишевский друг Пушкина 499
 Готовцева (Готовцова) Анна Ивановна (1799—1871), костромская поэтесса 379, 380, 391, 435, 443
 Готфрид Бульонский (1060—1100), герцог Нижней Лотарингии, один из предводителей I крестового похода, первый правитель (с 1099) Иерусалимского королевства 146, 478
 Готшед Иоганн Христоф (1700—1766), немецкий писатель и критик, представитель раннего немецкого Просвещения 337
 Гофман (Hoffman) Франсуа-Бенуа (1760—1828), французский драматург и литературный критик 228, 229, 453, 454
 Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), немецкий писатель-романтик 528
 Гребенка Евгений Павлович (наст. фамилия Гребенкин; 1812—1848), украинский и русский писатель 401

- Греч Николай Иванович (1787—1867), журналист, издатель, переводчик, педагог 14—16, 22, 30, 37, 329, 331, 332, 341, 364, 396, 397, 430, 446, 450, 454, 460, 465, 470, 471, 479, 487, 488, 491, 502, 504, 517—520, 528—530, 538
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), драматург, поэт 30, 104, 214, 235 («Горе от ума»), 236, 278, 331 («Горе от ума»), 332, 377, 400, 402, 445 («Горе от ума»), 456, 459, 461, 465, 471, 477, 487, 509
- Грильяршер Франц (1791—1872), австрийский писатель 213
- Гришунина А. Л. 477
- Грот Яков Карлович (1812—1893), языковед, историк литературы 464
- Грушинцев (Грушинцов) Александр Николаевич (ок. 1779 — не ранее 1819, не позднее 1821), драматург, поэт 400
- Губер Эдуард Иванович (1814—1847), поэт, переводчик 537
- Губко Е. А. 541
- Гумбольдт Александр Фридрих Генрих фон (1769—1859), барон; немецкий ученый, естествоиспытатель и географ 500, 501
- Гюго Виктор Мари (1802—1885), французский писатель-романтик 526, 528
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт, гусар, партизан Отечественной войны 215, 438, 477, 528, 537
- Давыдовы 419
- Дагановская см. Огонь-Догановская Е. Н.
- Даль Владимир Иванович (1801—1872), врач, писатель, лексикограф 476
- Дагилевский Николай Васильевич (ок. 1804 — после 1847), московский литератор 125 («Донна Эльвира де Наварро, или Мать, каковых мало. Из Мейснера»), 393
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт 143, 177, 265, 279, 396
- Д'Арленкур Шарль Виктор Прево (Дарленкур; 1789—1856), французский писатель 92, 111, 146, 372
- Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), один из учредителей «Арзамаса», впоследствии министр юстиции, переводчик, критик, прозаик 17, 369, 390, 456
- Делавинь (Delavigne) Жан Франсуа Казимир (1793—1843), французский поэт 230, 268, 316, 476, 532
- Деларю Михаил Данилович (1811—1868), поэт, переводчик 219, 445, 528, 533
- Делиль Жак (1738—1813), французский поэт и переводчик 177
- Дельвиг Андрей Иванович (1813—1887), мемуарист; двоюродный брат А. А. Дельвига 329, 333, 334, 390, 391, 505
- Дельвиг А. А. 7, 8, 12, 16, 21, 22, 37 (издатель), 104, 123, 155, 195, 196, 216, 218—221, 226, 227, 236, 249, 285, 289, 291, 304, 329, 330, 338—342, 346, 359—361, 369, 377, 380, 385, 390, 391, 394, 402, 403, 421—424, 428—430, 432, 433, 435—437, 439, 441, 443—446, 449—455, 457, 458, 460, 461—463, 466—472, 475, 480, 481, 485, 487, 488, 495, 497, 498, 505, 515, 516, 518—521, 526, 528—535, 537, 538, 540
- Дельвиг Софья Михайловна, урожд. Салтыкова (1806—1888), жена А. А. Дельвига 329, 445
- Денисенко С. В. 327, 372, 528, 541
- Деппинг (Derring) Георг Бернгард (1784—1853), французский историк 228, 453
- Депрео см. Буало
- Державин Гаврила Романович (1743—1816), поэт 34, 50, 147, 177, 178, 196, 210, 214, 224, 270, 283, 287, 336, 338, 385, 400, 401, 432—434, 446, 460
- Дерюгина Л. В. 437
- Джонсон Сэмюэл (1709—1784), английский критик, лексикограф, эссеист 439
- Дидро Дени (1713—1784), французский философ 432
- Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт, государственный деятель 20, 46, 210, 223, 287, 348, 350, 385, 397, 426, 476, 494, 518, 526
- Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), литературный критик, поэт; племянник И. И. Дмитриева 47, 56 (критик «Атеней»), 295 (критик «Атеней»), 332, 347, 349—355, 360, 362, 373, 377, 381, 388, 399—401, 404, 475, 499, 502, 514, 523, 524, 535
- Дмитрий (Димитрий) (1582—1591), царевич, сын Иоанна Грозного 347
- Дмитрий Донской (1350—1389), великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362), полководец, канонизирован Русской православной церковью 146, 400
- Дмитрий (Димитрий, Лжедмитрий I) Самозванец (предположительно Григорий Богданович Отрепьев; ум. 1606), царствовал с 1605 г. 32, 82, 202, 223, 249, 270, 299, 476, 490, 496, 501
- Добиньи (Бодуэн) Ж.-М.-Т., французский драматург 92 («Сорока-воровка»), 372
- Долгоруков Михаил, князь, участник восстания И. Болотникова 496
- Долгоруков Яков Федорович (1639—1720), князь; сподвижник Петра I 147
- Долгорукова Наталья Борисовна, в монашестве Нектария (1714—1771), княгиня 514

- Долинин А. А. 504
Дорошенко Петр Дорощевич (1628–1698), гетман Правобережной Украины 184, 416
Драгоманов Петр Акимович (1802–1860), переводчик, поэт-дилетант 537
Драгоманов Яков Акимович (1801 или 1803–1840), поэт, переводчик 537
Дроздов В. М. см. Филарет
Дубенский Дмитрий Никитич (ум. 1863), магистр Московского университета 523
Дурьлин С. Н. 414
Дюканж (Ducange) Виктор Анри Жозеф (1783–1833), французский драматург и романист 338
Дюкло (Duclos) Шарль Пино (1704–1772), французский историк, романист, моралист 303, 505
Дюкре-Дюминиль Франсуа Гийом (1761–1819), французский писатель, автор правоучительных и фантастических романов и повестей 92, 372
Дюма Александр (Дюма-отец) (1802–1870), французский писатель 526
Дюсис Жан-Франсуа (1733–1816), французский драматург 401
- Ебергард см. Эбергард
Егоркин А. 463
Екатерина II (1729–1796), российская императрица (с 1762) 286, 292, 448, 491, 492, 497
Елагин Иван Перфильевич (1725–1794), гос. деятель, историк, переводчик 155
Елагина Авдотья Петровна, урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская (1789–1877), мать И. В. Киреевского 360, 361, 449
Елагины 360
Елизавета Петровна (1709–1761/62), российская императрица (с 1741) 55
Ермак Тимофеевич (ум. 1585), атаман донских казаков, завоеватель Сибири 393, 516
Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), генерал, главнокомандующий русскими войсками на Кавказе (1816–1827) 433, 477
- Жан-Поль см. Рихтер И. П.
Жанен Жюль (1804–1874), французский писатель и журналист 528
Жегалкина Е. П. 383
Женуд (Genoude) Антуан-Евгений (1792–1849), аббат; французский публицист 408
Жирмунский В. М. 374, 393, 427, 431
Жуи (Жоу) Виктор Жозеф Этьен де (1764–1846), французский писатель 134, 397, 492
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт 12, 17, 22, 46, 103, 136, 150 (северный Орфей), 178, 179, 195, 200, 202, 210–212, 214, 217, 219, 223, 224, 226, 227, 267, 283 («план 12-го года»), 289, 294 («Двенадцать спящих дев»), 301, 310, 332, 336, 338, 348, 360–362, 379, 387, 391, 398, 402, 414, 425, 426, 433, 435–439, 441, 442, 446, 447, 449, 460, 471, 477, 486, 498, 519, 521, 526, 533, 538
- Забсла Степап, казацкий полковник, участвовавший в возведении Мазепы на гетманство 140
Заборов П. Р. 401
Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), писатель 450, 451, 462, 503, 524, 531
Заикин Иван Иванович (ум. 1834), петербургский книгопродавец и издатель 530
Замков Н. К. 455, 470
Замотиш И. И. 524
Збуруев Алексей Алексеевич (ум. 1832), гравер 444
Зейдель Карл Иванович (1786–1842), лектор немецкой словесности в горном корпусе, переводчик, издатель газеты «Бабочка» и «Альманаха анекдотов» 442
Зиновьев Алексей Зиновьевич (1801–1884), педагог, автор трудов по теории словесности и античной истории, переводчик 399, 523, 524
Золотова О. Н. 327, 328, 541
Зорин А. Л. 426
Зотов Рафаил Михайлович (ок. 1796–1871), драматург, переводчик 92 (пер. «Убийцы и сироты»), 372
Зубарев Дмитрий Елисеевич (1801–1850), московский литератор 351, 539
Зульцер (Сульцер) Иоганн Георг (1720–1779), немецкий эстетик 147, 401
Зыков Дмитрий Петрович (1797 или 1798–1827), сослуживец и литературный единомышленник Катенина 366, 498
- Иакинф см. Бичурин Н. Я.
Иванов Михаил Андреевич (1783–1839), гравер на меди 343, 444
Иванова Г. М. 541

- Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848), делопроизводитель Следственного комитета по делу декабристов, чиновник III Отделения, литератор, издатель альманаха «Альбом северных муз» 38 (А. И.), 39 (издатель «Альбома», А. И.), 343
- Иванчин-Писарев Н. Д.** 201, 426
- Игорь Святославич (1150—1202), князь Новгород-северский (с 1178) и Черниговский (с 1199) 146, 440
- Исзуитова Р. В. 541
- Измайлов Александр Ефимович (1779—1831), поэт-баснописец, журналист, издатель журнала «Благонамеренный» и альманаха «Календарь муз» 525, 537
- Измайлов Артемий Васильевич (ум. 1634), окольничий, участвовал в подавлении восстания И. Болотникова 291, 496
- Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830), прозаик, поэт, переводчик, журналист 342, 379, 385, 541
- Измайлов Иван Михайлович (ум. 1787), генерал-майор или Петр Васильевич (ум. 1772), генерал-поручик, управляющий двором Петра III — оба отказались присягать Екатерине II и были отправлены ею в отставку 292
- Измайлов Н. В. 395, 416, 417, 480, 494, 495, 532
- Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584), русский царь (с 1547) 32, 291, 496, 500
- Иоанн VI Антонович (1740—1764), российский император (1740—1741) 416
- Иоаннесов И., архидиакон, руководитель типографии Лазаревского института восточных языков в Москве 103
- Иовский Александр Алексеевич (1796—1857), химик, фармаколог, доктор медицины, профессор Московского университета 91
- Ирвинг Вашингтон (1783—1859), американский писатель 146, 318, 521, 524, 528
- Искра Иван Иванович (ум. 1708), полковник Полтавского казачьего полка 126, 136, 145, 148, 174, 185, 186, 207—209
- Каверин Петр Павлович (1794—1855), участник Отечественной войны, член Союза благоденствия, знакомый Пушкина 421
- Кавос (Cavos) Катерино Альбертович (1775—1840), русский композитор, дирижер, педагог 92, 372
- Каллаш В. В. 365, 539
- Каменев Гавриил Петрович (1772—1803), поэт, прозаик, переводчик 201 («Громвал») Каменские 496
- Каменский Э. А. 384
- Камознс Луиш Важ ди (1524 или 1525—1580), португальский поэт 132, 143, 279
- Кант (Kant) Иммануил (1724—1804), немецкий философ и ученый, родоначальник немецкого классического идеализма 115, 387
- Капитист Василий Васильевич (1757—1823), поэт, драматург 386, 432, 449
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, историк 20, 21, 37, 38, 57, 103, 178, 179, 196, 210—212, 214 («История государства Российского»), 223—226, 260 («История государства Российского»), 283, 291, 292 (один из наших великих сограждан) 301, 331, 335, 340, 341, 345, 347, 350, 351, 354, 355, 397, 403, 414, 426, 428, 429, 432, 433, 435, 437, 438, 443, 446—448, 463, 473, 486, 496, 497, 502, 513, 535
- Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851), жена Н. М. Карамзина, сводная сестра П. А. Вяземского 10, 392
- Карамзина Софья Николаевна (1802—1856), фрейлина; старшая дочь Н. М. Карамзина 397
- Карамзины 356, 390
- Карафа де Колобрано Михаил (1787—1872), итальянский композитор 92, 372, 397
- Карл X (1757—1836), король Франции 506
- Карл XII (1682—1718), король Швеции (с 1697) 124, 126, 128, 130, 137, 138, 140, 145, 147, 148, 154, 164, 165, 167, 169, 170, 172, 174, 185, 187, 188, 207, 208, 214, 290, 308, 406, 409—411, 495
- Карлгоф Вильгельм Иванович (1796—1841), генерал-майор; писатель, переводчик 393, 464, 537
- Кариолин-Пинский Матвей Михайлович (1796—1866), сотрудник «Сына отечества», сенатор 488
- Карпеева О. Э. 328
- Карцев (Карцов), переводчик Байрона 445
- Кастелли Игнац-Фридрих (1781—1862), австрийский поэт, драматург 92 («Убийца и сирота»), 372
- Кастера Жан де (1755—1833), французский переводчик, автор «Истории Екатерины II» 292, 497
- Каси Джан Баттиста (1724—1803), аббат; итальянский поэт-сатирик 287, 385

- Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, критик, драматург 221, 379, 391, 396, 428, 432, 445, 467, 480, 522, 528, 529
- Катон Марк Порций (Старший) (234—149 до н. э.), римский государственный деятель, известный своей суровостью и борьбой за чистоту нравов 48, 352
- Кафтарев Федор Яковлевич (1803—1836), поэт, переводчик 537
- Каченковский Михаил Трофимович (1775—1842), историк, переводчик, издатель журнала «Вестник Европы» 20, 155, 221, 226, 297, 355, 382, 384, 385, 389, 400, 403, 404, 411, 428, 443—445, 449, 464—466, 489
- Келсо Анн Клод Филипп де Тюбьер (1692—1765), граф; французский археолог 147, 401
- Кенье Луи Шарль (1762—1842), французский драматург 92 («Сорока-воровка»), 372
- Керн (Маркова-Виноградская) Анна Петровна (1800—1879), племянница П. А. Осиповой, знакомая Пушкина 390
- Киנדякова Мария Петровна (1803—не ранее 1851), жена С. Д. Полторацкого 345
- Кипренский Орест Адамович (1782—1836), живописец и рисовальщик 87, 329, 346, 347
- Киреевские, братья 369
- Киреевский И. В.** 9, 12, 20, 73, 142, 211, 224—228, 280 («Обозрение словесности»), 285, 300, 316 (новейшие наши критики), 336, 346, 349, 360, 361—363, 397—399, 409, 434—438, 442, 446—449, 451, 457, 459, 472, 479, 480, 485, 486, 488, 517—519, 526, 527, 534, 536
- Кирилук Э. В. 365, 376, 388, 540
- Кирпичников А. И. 10
- Кириша Данилов (Кирилл Данилович; XVIII в.), предполагаемый составитель сборника «Древние российские стихотворения» 296, 499
- Киселев-Сергенин В. С. 335
- Киселева Т. Е. 541
- Китанина Т. А. 327, 328, 527
- Клейменова Р. М. 374
- Клошток Фридрих Готтлиб (1724—1803), немецкий поэт 143, 263, 460, 475
- Княжич Яков Борисович (1740—1791), драматург, поэт 289 («Хвастун»), 494
- Козлов В. П. 355
- Козлов Иван Иванович (1779—1840), поэт, переводчик 37, 39, 104, 314 («Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая»), 343, 391, 393, 427, 428, 460, 514, 528
- Козмин Н. К. 383, 385, 478, 506
- Кок Поль Шарль де (1793—1871), французский писатель 427
- Кокоскин Федор Федорович (1773—1838), драматург, переводчик, управляющий московскими театрами 338, 349, 524
- Колачевский Николай Николаевич (1809—после 1866), поэт 526
- Кологривовы 496
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт 528
- Колопанов М. П. 349, 350, 524
- Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851), переводчик, археограф, правитель дел Главного цензурного управления, директор канцелярии Министерства народного просвещения 406
- Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767—1830), французский писатель и публицист 223, 230, 446, 492
- Кошкин Николай Михайлович (1793—1859), поэт, переводчик, издатель 441, 442
- Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург 213
- Корниолов Александр Осипович (1800—1834), писатель, историк, декабрист 343
- Корнуолл Барри (наст. имя Брайан Уоллер Проктор; 1787—1874), английский поэт, драматург и прозаик 504
- Корт (Сорт) Корнелис (1536—1578), голландский художник-график 426
- Костюшко Тадеуш (1746—1817), руководитель Польского восстания 1794 г. 454
- Котляревский Петр Степанович (1782—1852), генерал, герой русско-иранской войны (1804—1813) 433
- Котошин М. А. 425
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), немецкий драматург 177, 279
- Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708), генеральный писарь (с 1687), генеральный судья (с 1699) Левобережной Украины 124, 126—128, 130, 136, 138—141, 144, 145, 147, 148, 150, 151, 153, 167, 171—174, 185, 186, 202, 207—209, 213, 290 (отец несчастной любовницы), 291, 307 (отец Марии), 392, 417, 431, 494
- Кочубей Матрена (Мария) Васильевна, дочь Кочубея 126, 130, 131, 136, 139, 140, 144, 145, 147—150, 152, 154, 167, 170, 171, 182, 185—187, 202, 207, 208, 214, 289, 290, 291 (обольщенная дочь), 299, 307, 308, 417, 494, 495, 500
- Кощанский Николай Федорович (1781—1831), профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее (1811—1828) 460

- Коншелев Александр Иванович (1806—1883), член кружка «любомудров», славянофил 349, 524, 534
- Красевский Андрей Александрович (1810—1889), издатель, журналист 383, 387, 406
- Крамер В. В. 344
- Краснобородько Т. И. 327, 486
- Кречетов В. 514
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844), поэт, баснописец 122, 210, 214, 241, 254, 262, 283, 366, 379, 386, 389, 391, 407, 413, 474, 475, 487, 502
- Крюков Александр Павлович (1800 или 1803—1833), прозаик, поэт 220
- Кузен Виктор (1792—1867), французский философ-идеалист, эклектик 263
- Кумпан К. А. 443
- Купер Джеймс Фенимор (1789—1851), американский писатель 134, 146, 336
- Купрянова Е. Н. 447
- Курский Андрей Михайлович (1528—1583), русский князь, государственный деятель, писатель, переводчик, бежавший в Литву от опалы Иоанна IV 32
- Курганов Николай Гаврилович (1725?—1796), просветитель, педагог, издатель, составитель «Письмовника» (1769, изд. 1770) 155, 407
- Курье (Courcier du Mere) Поль-Луи (1778—1825), французский эллинист и литературный критик 450
- Кутузов Алексей Михайлович (1746 или 1747—1797), переводчик, известный мистик и масон 448
- Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), генерал-фельдмаршал; русский полководец 457
- Кухенрейтер, известный фабрикант пистолетов 497
- Кювье (Cuvier) Жорж (1769—1832), французский естествоиспытатель 113, 386
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт, декабрист, лицейский друг Пушкина 379, 460, 477
- Лабрюйер (La Bruyère) Жан де (1645—1696), французский писатель-моралист 257, 458, 472
- Лагарп Жан Франсуа (1739—1803), французский писатель и теоретик литературы 196, 283, 301
- Лажечников Иван Иванович (1790—1869), исторический романист, драматург, мемуарист 486
- Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (1790—1869), французский поэт 111, 163, 221, 316, 408, 409
- Ларионова Е. О. 25, 328, 524, 537—539, 541
- Лас-Каз (Las Cases) Эммануэль Огостен Дьедонне (1766—1842), граф; французский политик, приближенный Наполеона, книгоиздатель 444
- Лафонтен (Lafontaine) Август-Хайнрих (1758—1831), немецкий романист 177, 358, 413, 414
- Лафонтен Жан (1621—1695), французский поэт 287, 288
- Левенгаупт (Lewenhaupt) Адам Людвиг (1659—1719), шведский генерал 137, 188, 417
- Левин Ю. Д. 465, 541
- Левкович Я. Л. 422, 537, 541
- Левшин Василий Алексеевич (1746—1826), драматург и переводчик 233, 370
- Лекса Иосиф, европейский механик, в середине 1820—1830-х гг. работавший в Москве и Петербурге, владелец оптической панорамы 159, 408
- Ленц (Lenz) Якоб Михаэль Рейнхольд (1751—1792), немецкий писатель-драматург, один из теоретиков литературного движения «Бури и натиска» 225, 448
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт 524
- Лернер Н. О. 461, 504, 538
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), немецкий просветитель, философ, публицист, драматург, критик и теоретик искусства 276, 401
- Лстурнер Пьер (1736—1788), французский писатель 401
- Лишпиченко И. А. 9
- Лисицына Мария Алексеевна (1810? — не позже 1842), поэтесса 526
- Листов В. С. 492
- Лихонин М. Н. 399
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), поэт, ученый 34, 55, 103, 156, 166, 177, 210, 223, 224, 292, 338, 400, 404, 409, 432, 433, 446
- Лопухины, братья 448
- Лотман Л. М. 501
- Лотман Ю. М. 458, 522
- Лудилова Е. В. 327, 328, 541

- Лукомский В. К. 495, 496
 Луцилий Гай (ок. 180–102 в. до н. э.), римский поэт 425
 Людовик XIV (Louis XIV) (1638–1715), французский король (с 1643) 395
 Людовик XV (Louis XV) (1710–1774), французский король (с 1715) 121
- Мазепа Иван Стенонович (1644–1709), гетман Украины (1687–1708) 124, 126–131, 136–141, 144, 145, 147–149, 151, 152, 154, 162–170, 172–174, 182–188, 202, 207, 208, 213, 214, 289 (гетман), 290, 307, 308, 398, 399, 401, 402, 406–410, 416, 417, 494, 495, 500, 537
- Мазур Н. Н. 9, 10
 Маймин Е. А. 536
- Максимович М. А. 12, 22, 183, 226, 308 (издатель), 396, 397, 399, 402, 415–416, 417, 435, 442, 448, 449, 455, 477, 494, 524, 526, 527, 532
- Мальте-Брюн (Maltebrun, первоначально Malte Braun) Конрад (1775–1826), французский географ и публицист 228, 452
- Мальцов Иван Сергеевич (1807–1880), чиновник Московского главного архива Министерства иностранных дел, первый секретарь русского посольства в Персии 534
- Манассеин (Манассин) Петр Петрович (1803–1837), поэт, переводчик 403
- Мандзони (Manzoni) Алессандро (1785–1873), итальянский поэт и писатель 334
- Машн Ю. В. 9, 336, 349, 362, 384, 536
- Мария Фёдоровна (1759–1828), вдовствующая императрица, жена Павла I 217, 441
- Мармон (Marmont) Огюст Фредерик Луи де (1774–1852), французский маршал 332
- Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799), французский писатель, автор правоучительных повестей и драм, теоретик литературы 176, 177
- Масанов И. Ф. 365, 388, 445, 477, 541
- Маслов В. И. 431
- Машинский С. И. 400
- Машков Петр Алексеевич (ок. 1807–1849), поэт и беллетрист 103, 110, 374, 375
- Медвин (Medwin) Т., капитан; автор записок о Байроне 367
- Мейснер Август Готлиб (1753–1807), немецкий писатель 393
- Мельгунов Николай Александрович (1804–1867), публицист, прозаик, литературный и музыкальный критик 10, 534
- Менцель Вольфганг (1798–1873), немецкий литературный критик 406
- Меншиков Александр Данилович (1672–1729), ближайший сподвижник Петра I 142, 398
- Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830), критик, теоретик литературы, поэт, переводчик, профессор Московского университета 147, 157, 223, 346, 387, 401, 416, 446
- Мериме Проспер (1803–1870), французский писатель 524, 528
- Меркантиле Джузеппе Северино Рафаэле (1795–1870), итальянский композитор 397
- Мещерская Екатерина Николаевна (1806–1867), дочь Н. М. и Е. А. Карамзиных, петербургская знакомая Пушкина 397
- Мещеряков В. П. 456
- Мислашевский Михаил, полковник Стародубский (в 1702) 185, 416
- Миллен Обен Луи (1759–1818), французский ученый, археолог, историк искусства, основатель «Magasin encyclopédique» 147
- Миллень см. Миллен О. Л.
- Мильтон Джон (1608–1674), английский поэт и публицист 143
- Мильчица В. А. 409
- Минин Кузьма (ум. 1616), один из руководителей 2-го Земского ополчения (1611–1612) 292, 450, 496
- Мирович Василий Яковлевич (1740–1764), подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудавшегося дворцового переворота 185, 416
- Мирович Иван (ум. 1706), переяславский полковник 185, 416
- Мирович Федор, переяславский полковник 185, 416
- Михаил Федорович Романов (1596–1645), русский царь (с 1613) 496, 497
- Михайлова Т. М. 541
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798–1855), польский поэт 192, 334, 380, 403, 411, 413, 454
- Модзалевский Б. Л. 461, 497, 504, 522, 525, 541
- Модзалевский Л. Б. 348, 357
- Мольер (наст. имя Жан-Батист Поклен; 1622–1673), французский драматург 23, 280, 288 («Тартюф»), 476, 487, 493, 520
- Монтень Мишель де (1533–1592), французский философ-гуманист 525
- Монфокон Бернар (1655–1741), французский ученый, археолог, собиратель редкостей 147, 401

- Мосальский Иван Данилович, князь; участник восстания И. Болотникова 496
 Мосх (II в. до н. э.), древнегреческий поэт 387
 Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор 397
 Мур (Moore) Томас (1779—1852), английский поэт 278, 336, 362, 425, 432, 478
 Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), поэт 195, 226, 332, 375
 Муравьев Николай, поэт 1820—1830-х гг. 103, 110—125, 374, 375, 393
 Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1762—1851), прозаик, переводчик, поэт 250
 Муравьева О. С. 541
 Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817), граф; собиратель и знаток российских рукописных древностей, владелец и первый издатель единственного из известных списков «Слова о полку Игореве» 291, 495, 496
 Мусины-Пушкины 291, 496
 Муханов Александр Алексеевич (1800—1834), военный, литератор; знакомый Пушкина 477
 Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876), переводчик Московского Главного архива Министерства иностранных дел; знакомый Пушкина 477
 Муханов Николай Алексеевич (1802—1871), военный, гос. чиновник; знакомый Пушкина 477
 Мятлевы 496
- Надеждин Н. И.** 13, 112, 121—123 (экс-студент Недоумко; критик с Патриарших прудов), 157, 219, 258, 347, 358, 366, 382—384, 385—389, 399, 403, 405—411, 413, 415, 418, 428, 430, 431, 436, 437, 440, 441, 444, 449, 457, 458, 463, 464, 465, 473—475, 487, 488, 493—495, 499, 500, 502, 504, 517, 523, 525, 535, 537,
- Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт; 1769—1821), полководец, французский император (1804—1814 и март—июнь 1815) 137, 138, 145, 220, 235, 257, 264, 268, 396, 413, 444, 459, 476
- Неведомский Николай Васильевич (1791 или 1796—1853), поэт, историк-дилетант 381
 Недович Д. С. 112
 Нешумова Т. В. 528
 Нибур Бертольд Георг (1776—1831), немецкий историк 273
 Николай I (1796—1855), российский император (с 1825) 5, 6, 9, 18 (император), 331, 332, 333 (государь), 382, 434, 455, 456, 458, 480, 501, 536
 Новиков Дмитрий Ипполитович (1799—1831), поэт, издатель альманаха «Радуга» 215, 438, 442
 Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель, журналист 225, 226, 370, 437, 448, 515
 Новосильцева Анастасия Петровна, соседка Пушкина по болдинскому имению 348
 Новосильцева Варвара Петровна, соседка Пушкина по болдинскому имению 348
 Нодье (Nodier) Шарль (1780—1844), французский писатель 179, 414, 528
 Носков, переводчик Байрона 445
 Нотбек Александр Васильевич (1802—1866), художник, автор иллюстраций к «Евгению Онегину» (1829) 444
- Обидовский Иван Павлович, племянник Мазепы 185
 Оболенский Василий Иванович (1790—1847), литератор, переводчик, член литературного кружка С. Е. Раича 524
 Овидий (Публий Овидий Назон; 43 до н. э. — 18 н. э.), римский поэт 79, 157, 289, 307, 494
 Овчинников Р. В. 497
 Оголь-Догановская Екатерина Николаевна, урожд. Потемкина (1788—1855), жена В. С. Оголь-Догановского, московская знакомая Баратынских 342
 Одесский Владимир Федорович (1804—1869), писатель, критик, философ, издатель 8, 9, 23, 332, 337, 347, 369, 397, 446, 528, 529, 534
 Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург 400, 446 521
 Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877), поэт и переводчик, один из издателей альманаха «Северная лира» 343, 525, 526
 Окен (наст. фамилия Океифус) Лоренц (1779—1851), немецкий натурфилософ 534
 Оксман Ю. Г. 481, 482, 493, 505, 506
 Олег (ум. 912), древнерусский князь, правил в Новгороде (с 879) и в Киеве (с 882) 146, 440
 Оленин Алексей Николаевич (1764—1843), археолог, историк, президент Академии художеств, гос. секретарь (с 1826) 479
 Оленина Анна Алексеевна (1808—1888), фрейлина; знакомая Пушкина 421

- Олин Валериан Николаевич (ок. 1788—1841), писатель, переводчик, издатель 91, 93, 196, 239, 240 («Кальфон», «Корсер»), 243, 362, 370, 371, 397, 424, 425, 452, 464, 465, 467, 527, 528
- Ольдекоп Е. И. 518
- Омнр см. Гомер
- Опегин Александр Федорович (1845—1925), коллекционер и библиофил 331
- Орлик Филипп (1672—1742), украинский политический деятель, генеральный писарь (1702—1708), сторонник Мазепы 128, 129, 139, 171, 174, 188, 208
- Орлов, денщик Петра I 287
- Орлов В. Н. 15, 385, 411
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор; член общества «Арзамас», глава Кишиневского отделения Союза благоденствия 421, 433
- Орлов Федор Григорьевич (1741—1796), граф; генерал-аншеф, главный участник переворота при воцарении Екатерины II 286
- Осипов Николай Петрович (1751—1799), поэт, переводчик 410
- Осипова Прасковья Александровна (1781—1859), помещица села Григорского, соседка Пушкина по селу Михайловскому 379
- Осовцов С. М. 400
- Осват А. Л. 434
- Отрешев Григорий см. Дмитрий Самозванец
- Отто, известный портной 162, 408
- Очкин Амплий Николаевич (1791—1865), журналист, литератор, цензор 450
- Павел I (1754—1801), российский император (с 1796) 448
- Павлов Михаил Григорьевич (1792—1840), профессор физики, минералогии и сельского хозяйства, издатель «Атея» 351, 354, 523
- Павлов Николай Филиппович (1803—1864), писатель, переводчик, водевиллист, сотрудник «Московского вестника» 524
- Павлова Каролина Карловна, урожд. Яниш (1807—1893), поэтесса, переводчица, прозаик 438
- Палей (Палий; наст. фамилия Гурко) Семен Филиппович (ум. 1710), казачий полковник, участник восстания против Мазепы 124, 185, 208, 416
- Палицын Авраамий (ум. 1626), кельарь Троице-Сергиева монастыря (1608—1619), писатель 450
- Панаев Владимир Иванович (1792—1859), поэт, эпигон сентиментализма 357, 493, 494
- Пари Эварист Дезире Дефорж (1753—1824), французский поэт 75
- Паскаль (Pascal) Блез (1623—1662), французский философ, математик, физик, один из основателей теории вероятностей 115, 387
- Паскевич Иван Федорович (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного кавказского корпуса (с 1820) 418
- Пастернак Е. Е. 477
- Пеллиссон-Фонтанье (Pellisson-Fontanier) Поль (1624—1693), французский поэт 504
- Перевощиков Василий Матвеевич (1785—1851), писатель, историк, профессор русской словесности Дерптского университета 523, 536
- Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), математик, астроном, профессор Московского университета 523
- Перовский Алексей Алексеевич (псевдоним Антоний Погорельский; 1787—1836), писатель, критик, филолог, естествоиспытатель 219, 221, 366, 432, 454, 459, 500, 501, 518, 525
- Песков А. М. 540
- Петр I Великий (1672—1725), русский царь (с 1682) 24, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 132, 136—138, 142, 144—148, 151, 153, 154, 168, 169, 172, 174, 178, 182, 185, 186, 202, 207, 208, 214, 225, 286, 287, 290 (московский царь), 291, 305, 308 (московский царь), 320, 334, 335, 347, 379, 398, 400, 406, 409—411, 416, 417, 479, 491, 492, 494, 495, 497
- Петр III Федорович (1728—1762), российский император (с 1761) 448
- Петров Александр Андреевич (1763—1793), писатель, переводчик, друг Н. М. Карамзина 226, 448
- Петров Василий Петрович (1736—1799), поэт 166, 396, 432, 433, 505
- Петроний Гай (ум. 66 н. э.), римский писатель 157
- Петрупица Н. Н. 541
- Петухов Е. В. 391
- Пиксерекур Рене Шарль Гильбер де (1773—1844), французский драматург 92, 372
- Пильпай (или Бидпай; Pīlpaṃ, Bīdpaṃ), полубогословный древнеиндийский брамин, гимнософист и баснописец 229, 453

- Пинский см. Карпиолип-Пинский М. М.
- Пипер Карл (1647—1716), граф; шведский государственный деятель, взятый в плен под Полтавой 409
- Пирон (Пиррон) Алексис (1689—1773), французский салонный поэт 265
- Писарев Александр Иванович (1803—1828), драматург-водевилист, поэт, переводчик 332, 445
- Пишо (Pichot) Амеде (1795—1877), французский историк, писатель, поэт, переводчик 401, 414
- Плаксин В. Т.** 200, 425, 514
- Плетнев Петр Александрович (1791—1865), поэт, критик, друг и издатель Пушкина 41, 59, 95, 125, 194—196, 230, 332, 341, 345, 358, 421—424, 428, 433, 454, 457, 464, 482, 484, 499, 501, 529, 533
- Плещев Алексей Романович (ум. 1607), окольничий при Лжедмитрии и Василии Шуйском 496
- Плиний Старший (I в.), римский писатель 412
- Плутарх (ок. 46 — ок. 127), древнегреческий писатель, философ-моралист 373
- Поводовы 496
- Погодин М. П.** 5, 7—10, 12, 13, 17, 19—22, 42, 56, 219, 223, 335, 337, 339—342, 344, 345, 346—347, 348—350, 353—356, 360, 361, 363, 365, 368, 369, 371, 373, 379, 380, 383, 385, 389, 392—394, 396, 398, 400, 403, 406, 414, 429, 434, 435, 445, 446, 451, 454, 462, 463, 469, 472, 487, 494, 499, 504, 506, 507, 517, 526, 527, 529, 534—536, 539
- Погорельский А. см. Перовский А. А.
- Подольский Андрей Иванович (1806—1886), поэт, истербургский знакомый Пушкина 39, 104, 125, 159 («Борский»), 214, 314 («Див и Пери»), 343, 391, 393, 394, 402, 403, 408, 425, 427, 460, 464, 471, 472, 514, 528, 537
- Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), критик, переводчик, издатель, мемуарист, брат Н. А. Полевого 15, 19 (Ксенофонт Телеграф), 21, 22, 176, 192, 224, 351, 371, 394, 395, 411—414, 420, 429, 436, 437, 442, 443, 447, 448, 478, 488, 490, 515, 527
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), беллетрист, историк, критик, журналист, издатель «Московского телеграфа» 7, 13—17, 19—22, 25, 37, 40 (Издатель), 91, 103, 124, 217, 221, 237 («История русского народа»), 277, 279, 287 (один журналист), 301 (издатель «Истории русского народа»), 304, 316 («История русского народа»), 318, 330, 332, 341, 342, 362—364, 366—368, 370, 371, 374—376, 384, 385, 392—396, 403, 411—414, 428—431, 432 («Слава, пас учили — дым»), 433, 435, 442—444, 447, 457, 458, 460, 461, 463, 464, 468—478, 481, 487—489, 492, 493, 504, 506, 508, 510, 515—517, 520, 522, 522—524, 526, 527, 529—531, 533, 538, 539, 541, 542
- Полежаев Александр Иванович (1805?—1838), поэт 163, 526
- Полетика Григорий Андреевич (1725—1784), писатель и общественный деятель 494
- Полиньяк (Polignac) Огюст Жюль Арман Мари (1780—1847), французский политический деятель, крайний реакционер 304, 505, 506
- Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884), библиограф и библиофил, член редакции «Московского телеграфа» 40, 344, 345
- Помяловский Иван Васильевич (род. 1845), филолог и археолог 356
- Пономарев С. И. 527
- Пономарева Софья Дмитриевна, урожд. Позняк (1794—1824), хозяйка литературного салона 460
- Понс де Верден (Pons de Verdun) Робер (1749—1844), французский писатель 408
- Попкова Н. А. 442
- Поповский Николай Никитич (1730—1760), просветитель, философ, поэт, профессор Московского университета 155
- Потапова Г. Е. 328, 340, 345, 536, 541
- Поттер Паулюс (1625—1654), голландский живописец 358 (Поль-Поттер)
- Прадт (Pradt) Доминик (1759—1837), французский публицист, придворный священник Наполеона 476
- Превиль Пьер-Луи (наст. фамилия Дюбус; Dubus, Dubus-Préville; 1721—1799), французский комический актер 120, 387
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775), предводитель крестьянского восстания 392
- Пушкин Александр Петрович (после 1686 — после 1726), прадед Пушкина 291, 497
- Пушкин Василий Львович (1770—1830), поэт; дядя А. С. Пушкина 161, 408
- Пушкин Гаврила Григорьевич (ум. 1638), воевода; предок Пушкина 291, 496
- Пушкин Григорий Григорьевич (ум. до 1626), воевода; предок Пушкина 291, 496
- Пушкин Лев Александрович (1723—1790), дед Пушкина 291, 292, 497
- Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852), младший брат Пушкина 353, 501

- Пушкин Остафий (Евстафий) Михайлович (ум. 1602 или 1603), восвода, окольныйчий; предок Пушкина 496
- Пушкин Федор Матвеевич (ум. 1697), участник заговора против Петра I; предок Пушкина 291, 497
- Пушкины 291
- Пушин Иван Иванович (1798—1859), лицейский товарищ Пушкина, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества 406
- Пуцин Михаил Иванович (1800—1869), брат И. И. Пуцина, участник восстания 14 декабря 1825 г. 406, 407
- Радожицкий Илья Тимофеевич (1788—1861), генерал-майор, участник Отечественной войны; ботаник, писатель 419
- Радша (или Рача), легендарный предок Пушкина 291, 495, 496
- Раевский Александр Николаевич (1795—1868), участник Отечественной войны; знакомый Пушкина 294
- Раевский Николай Николаевич, младший (1801—1843), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны; знакомый Пушкина 294, 496, 499
- Раич Семён Егорович (наст. фамилия Амфитеатов; 1792—1855), поэт, переводчик, журналист 39, 56, 334, 343, 346, 423, 464, 487, 497, 499, 524—526, 532
- Рак В. Д. 328, 401, 409, 450
- Рамсес II (1317—1251 до н. э.), фараон XIX египетской династии 400
- Расин Жан (1639—1699), французский драматург 23, 127, 210, 299, 300, 352, 395, 413, 471, 520
- Раупах Эрнст Бенъямин Соломон (1784—1852), немецкий драматург 213
- Рафаэль (Raffaello Santi) Санти (1483—1520), итальянский живописец 63, 202, 426
- Рейтблат А. И. 427, 450, 456, 509, 540
- Римская-Корсакова Александра Александровна (1803—1860), московская красавица, знакомая Пушкина 467
- Римский-Корсак (Рымский-Корсаков) Александр Яковлевич (1806 — не ранее 1856), поэт, журналист 402
- Рихтер (Richter) Иоган-Пауль (Жан-Поль; Jean Paul) (1763—1825), немецкий писатель 168, 334, 410
- Рогов К. Ю. 346
- Рогова А. И. 328, 539, 541
- Роде (Rode) Жак-Пьер-Жозеф (1774—1830), знаменитый скрипач и композитор 63, 359
- Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834), литератор, переводчик 434, 534, 535, 534, 535
- Розанов И. Н. 509, 510
- Розберг Михаил Петрович (1804—1874), писатель, филолог, историк, главный редактор «Одесского вестника» 399
- Розен см. Роос Г.-Ф.
- Розен Егор Федорович (1800—1860), поэт, драматург, критик, издатель 155, 402, 441, 442, 451, 460, 528
- Розин Н. П. 425
- Романовы, династия 291, 496, 497
- Романюк С. К. 497
- Ромберг (Romberg) Хайнрих-Мария (1802—1859), немецкий скрипач, композитор, певец 209, 210, 433
- Ропсар Пьер де (1524—1585), французский поэт, глава «Плеяды» 413
- Роос Густав Фридрих (у Пушкина назван Розеном) (1688—1769), шведский генерал 132
- Россини (Rossini) Джоакино (1792—1868), итальянский композитор 135, 396—398
- Ротчев Александр Гаврилович (1807—1873), поэт, переводчик, чиновник дирекции императорских театров 529
- Рубенс Питер Пауэл (1577—1640), фламандский живописец 139
- Румянцев (Румянец) Василий (XIV в.), нижегородский боярин, родоначальник семьи Румянцева 287
- Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796), российский полководец, генерал-фельдмаршал 538
- Руссо Жан Жак (1712—1778), представитель демократического крыла французского Просвещения, философ, социолог и эстетик 225
- Русов Степан Васильевич (1770—1842), писатель, историк 504
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, декабрист 291 («Войнаровский»), 298, 343, 431, 449, 495, 501, 537
- Рюльер (Рюлиер; Rulhière С.) Клод Карломан де (1735—1791), французский историк 292, 497

- Рюрик, согласно летописной легенде, варяг, призванный на княжество ильменскими славянами, основатель династии Рюриковичей 146, 292, 497
Рябов А. К. 375
- Сайтов В. И. 541
Саласв Иван Г., купец, книгоиздатель и книгопродавец 433
Сальников Иван Савельевич (ум. в 1830-х), известный московский шут князя В. А. Хованского 351
Самарин Федор Васильевич (1784—1853), полковник, действительный статский советник 382
Самарин Юрий Федорович (1819—1876), ученик Погодина, автор исторических сочинений, публицист славянофильского направления 382
Самойлович Иван (ум. 1690), малороссийский гетман 154, 184, 185, 402, 416
Самсон (Сансон) Анри (1767—1840), парижский палач эпохи революции 230
Сандомирская В. Б. 11, 395
Санковский П. С. 418—419, 539
Сатиас, известный портной 162, 408
Саути Роберт (1774—1843), английский поэт 301, 481, 503, 504
Свечинский Иван Н., переводчик 92 («Немой в горах Сиеры Морены»), 372
Свибловы 496
Свицинь Павел Петрович (1787—1839), писатель, историк, путешественник, издатель журнала «Отечественные записки» 15, 339, 464
Свифт Джонатан (1667—1745), английский писатель 265
Святослав Игоревич (945—972), князь Киевский 146
Селивановский Семен Иоанничинович (1772—1835), содержатель типографии в Москве и книгопродавец 215, 274, 433, 509
Семен (Рене-Семен) Август Иванович (1788—1862), московский книгоиздатель, книгопродавец, содержатель типографии 103, 203
Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800—1858), писатель, журналист, востоковед 341, 343
Сербинович Константин Степанович (1796—1874), цензор, чиновник Министерства народного просвещения 429, 470, 531
Сервантес Сааведра Мигуель де (1547—1616), испанский писатель 278
Сидорова Л. П. 400
Сидяков Л. С. 24, 534
Синявский Н. А. 541
Сиянов П. Г. 403, 537
Скаррон Поль (1610—1660), французский поэт, романист и драматург 265
Скотт Вальтер (1771—1832), английский писатель 6, 18, 36, 43, 88, 92, 133, 134, 146, 213, 217, 300, 317, 318, 335, 336, 359, 372, 397, 432, 439, 509
Скрышников Р. Г. 496
Сладковский Роман, автор поэмы «Петр Великий, лирическое песнопение в восьми песнях» (1810) 400
Слепин Иван Васильевич (1789—1836), книгопродавец, издатель 104, 105, 379, 439, 490, 491, 502, 530
Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), крупнейший петербургский издатель и книгопродавец 39, 42, 85, 87, 90, 102, 104, 105, 126, 239, 345, 346, 366, 502, 513, 530
Смирнов-Сокольский Н. П. 342, 343, 346, 377, 403, 404, 444, 526, 528, 542
Снегирев Иван Михайлович (1793—1868), профессор латинской словесности Московского университета, этнограф, археолог, цензор 523
Собольевский Сергей Александрович (1803—1870), поэт-эпиграмматист, библиофил; друг Пушкина 20, 351, 361, 391, 445, 461, 487, 534
Соболевский С. И. 504
Соковнин Алексей Прокофьевич (ум. 1697), околышничий, один из организаторов заговора стрельцов против Петра I 291, 497
Соколовский М. К. 539
Соловьев Ф. Н. 203 (Ф. С-в), 426, 427
Сомов Орест Михайлович (1793—1833), писатель, критик, журналист 16, 22, 85, 109, 120, 123, 207, 216, 220, 238, 329—332, 334, 337, 338, 340—344, 350, 357, 358, 365, 366, 376, 378—381, 388, 391, 393, 395, 402, 408, 414, 422, 424, 425, 428—431, 439, 442, 445, 447—449, 451, 465, 472, 493, 517, 526, 528, 529, 531, 531, 534
Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреческий драматург 181
Софья Алексеевна (1657—1704), царевна, правительница Русского государства (1682—1689) 184, 416
Спенсер Эдмунд (ок. 1552—1599), английский поэт 287

- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель 500
- Средний-Камашев Иван Николаевич, критик 1820—1830-х гг., ученый, историк 399
- Сталь (Staël) Анна Луиза Жермена де (1766—1817), французская писательница 177, 178, 317, 414, 519
- Стапислав Лещинский (1677—1766), польский король (с 1704) 145, 167, 173, 399, 409
- Станкевич Николай Владимирович (1813—1840), философ, поэт, общественный деятель 460
- Старк В. П. 497
- Стендаль (наст. имя Анри Мари Бейль) (1783—1842), французский писатель 528
- Стенатов Н. Л. 534
- Степанов Степан, автор «Пещеры Кудеяра» 125 («Пещера Кудеяра»), 393
- Стерн Лоренс (1713—1768), английский писатель 49, 178
- Столпянский П. Н. 394
- Сторовский Иван (Литвин), участник восстания И. Болотникова 496
- Стратен В. В. 434, 536
- Струйский Дмитрий Юрьевич (псевд. Трилунный; 1806—1856), поэт, прозаик, музыкальный критик, композитор, сотрудник «Литературной газеты» и других периодических изданий 398, 524, 533
- Суворов Александр Васильевич (1729—1800), полководец 292, 497, 538
- Сульцер см. Зильцер И. Г.
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777), поэт, драматург 156, 176, 177, 226, 240, 317, 413, 446, 465
- Сумароков Панкратий Платонович (1765—1814), поэт, журналист 488
- Сухомлинов М. И. 385
- Сеитин (наст. имя Жозеф Ксавье Бонифас; 1798—1865), французский драматург и романист; друг и соавтор Ансело 332
- Тассо (Tasso) Торквато (1544—1595), итальянский поэт 56, 73, 132, 177, 278, 354, 478
- Татищев Николай Александрович, литератор-дилетант, сотрудник редакции «Северного Меркурия» 537
- Телятевский Андрей Андреевич (ум. 1612), князь; исторический деятель эпохи Смутного времени 496
- Теплова Надежда Сергеевна, в замужестве Терюхина (1814—1848), поэтесса 427, 449, 526, 527
- Теплова Серафима Сергеевна, в замужестве Пельская (1815—после 1863), поэтесса и прозаик 226, 449, 526
- Тепляков Виктор Григорьевич (1805—1842), поэт, прозаик, археолог, путешественник 428, 528
- Теренциан Мавр (конец III в. н. э.), римский поэт и грамматик 494
- Тик Людвиг (1773—1853), немецкий писатель-романтик 524, 528
- Тимашева Екатерина Александровна, урожд. Загряжская (1798—1881), поэтесса, московская знакомая Пушкина 438
- Титов В. П.** 8, 9, 123—124 (Тит Космократов), 337, 346, 347, 350, 369, 371, **390—391**, 392, 446, 529, 534
- Тициан (Тициано Вечеллио; Tiziano) (ок. 1476/77 или 1489/90—1576), итальянский живописец 202, 426
- Толстой Федор Петрович (1783—1873), скульптор, живописец, медальер и график, вице-президент Академии художеств 72 (Т.), 73 (Т.), 360
- Тома (Thomas) Антуан Леонард (1732—1785), французский писатель 303, 505
- Томашевский Б. В. 461, 492, 504, 506, 534
- Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1768), поэт, переводчик, теоретик стихосложения 91 («Телсмахида»), 103, 155, 317, 369, 370, 385, 403, 407
- Трилунный см. Струйский Д. Ю.
- Трубецкие, князья 448
- Туманский Василий Иванович (1800—1860), поэт; близкий знакомый Пушкина 39, 428, 526, 528
- Туманский Федор Антонович (1799—1853), поэт; троюродный брат В. И. Туманского 428
- Тургенев Александр Иванович (1784—1845), общественный деятель, археограф, литератор 6, 19, 356, 360, 392, 433, 437, 440, 449, 454, 457, 532
- Тургенев Иван Петрович (1752—1807), директор Московского университета, переводчик, масон, участник новиковского кружка 448
- Тургеневы 540
- Турумова К. Ф. 509, 511
- Тьерри (Thierry) Огюстен (1765—1856), французский историк 213, 437

Тынянов Ю. Н. 419

Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт 219, 524, 526

Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф; член общества «Арзамас», президент Академии наук (с 1818), министр народного просвещения (с 1834) 414, 479

Уманец Ф. М. 398

Уткин Николай Иванович (1780—1863), гравер 87, 110, 329, 346

Ушаков Василий Аполлонович (1789—1838), участник Отечественной войны; писатель и театралый критик 15, 397, 455, 470, 477

Ушаков Иван Николаевич (род. 1806), брат Ек. Н. Ушаковой 464, 466, 489

Ушакова Екатерина Николаевна, в замужестве Наумова (1809—1872), московская зна-
комая Пушкина 464, 466, 489, 526

Ушаковы 9

Фадеев А. В. 434

Фалес (ок. 625—547 до н. э.), древнегреческий философ, основатель милетской школы 387

Фан дер Фельде (van der Velde) Карл Франц (1779—1824), немецкий беллетрист 134, 397, 427, 528

Федоров Борис Михайлович (1798—1875), литератор, критик 9, 10, 17, 35, 59, 289, 298, 337, 339, 343, 352, 355—360, 363, 373, 380, 381, 464, 466, 488, 493, 501, 514, 536

Федотова С. Б. 328, 526, 534, 541

Феокрит (конец IV в. — 1-я пол. III в. до н. э.), древнегреческий поэт 317, 433

Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782—1867), митрополит Московский и Коло-
менский (с 1826) 439, 440

Филимонов В. С. 17, 381, 513, 524—525

Фильд Джон (1782—1837), пианист и композитор; родом ирландец, живший в Петербурге (с 1804) 480

Фок Максим Яковлевич (Магнус Готфрид), фон (1777—1831), управляющий III Отде-
лением 451

Фомиш А. Л. 457

Фомичев С. А. 327, 328, 391, 501, 541

Фопизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), писатель, драматург 209, 214, 224, 300, 431—433, 437, 487, 503, 505, 518

Фонтенель Бернар ле Бовье де (1657—1757), французский писатель, ученый, философ 352

Френцель Фердинанд (1767—1833), немецкий скрипач и композитор 92, 372

Фридриц (Фридеричи) Иван Павлович (1802 или 1803—1860-е), гравер на меди, ученик Н. И. Уткина 490—491

Фролова-Багреева Елизавета Михайловна, урожд. Сперанская (1799—1857), писательница; дочь М. М. Сперанского 500

Фукс Егор Борисович (1762—1829), историк 345

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), поэт, переводчик 497

Хемпицер Иван Иванович (1745—1784), поэт, баснописец 227, 228, 253, 449, 472

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), поэт, драматург, прозаик 147, 177, 401, 412, 413, 446

Хилков Андрей Васильевич (ум. 1644), князь, боярин и воевода, сражавшийся против Болотникова 496

Хитрово Елизавета Михайловна (1783—1839), близкий друг Пушкина 440, 454, 457

Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657), гетман Украины, провоз-
гласивший воссоединение Украины с Россией 290, 308, 186, 417

Хмельницкий Николай Иванович (1789—1845), писатель, драматург 513

Хованский Василий Алексеевич (1755—1830), князь; сенатор, обер-прокурор Священного синода 351

Хогарт (Hogarth) Уильям (1697—1764), английский живописец 476

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт, драматург; впоследствии идеолог сла-
вянофильства 219, 221, 428, 435, 477, 516, 528, 533, 534

Хомяков Федор Степанович (1802—1829), переводчик в Коллегии иностранных дел; брат А. С. Хомякова 534

Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.), римский государственный политический
деятель, полководец, писатель 404

Циклер Иван Елисеич (ум. 1697), стрелецкий подполковник, участник стрелецкого за-
говора 291, 497

- Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806), князь; русский военный деятель, генерал от инфантерии 418
 Цявловская Т. Г. 390
 Цявловский М. А. 462, 541
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), философ, писатель 382, 421
 Чаплицкий (Чаплинский) Даниил, подстароста Чигиринский 290, 308
 Часовщиков, домовладелец 408
 Черейский Л. А. 329, 347, 356, 462, 524, 542
 Ческий Иван Васильевич (1782—1848), академик пейзажного гравирования 444
 Чижов Павел, автор «Рыбаков» 125 («Рыбаки»), 393
 Чистова И. С. 541
 Чистяков, домовладелец 159
 Чосер (Чaucер) Джефри (1340?—1400), английский поэт 287
 Чумаков Ю. Н. 510
- Шаликов Петр Иванович (1767 или 1768—1852), поэт, прозаик, издатель «Дамского журнала» и «Московских ведомостей» 33, 42 (издатель), 248, 333, 334, 346, 359, 426, 468, 532
 Шамфор (Chamfort) Никола Себастьян Рок (1741—1794), французский писатель и публицист 303, 505
 Шаронова А. В. 541
 Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель 293
 Шаховской Александр Александрович (1777—1846), писатель, драматург, театральный деятель 92, 371—373, 524, 528
Шевырев С. П. 8—10, 12, 13, 17, 22, 34, 79 (автор «Обозрения русской словесности за 1827-й год»), 90, 219, 280 (автор писем из Италии), 334—335, 336—343, 346, 347, 349, 356, 361—365, 367—369, 379—381, 383, 385, 389, 393, 394, 396, 398, 400, 403, 406, 434—436, 445, 446, 451, 452, 463, 476, 479, 480, 487, 524, 526, 527, 529, 532, 534—536
 Шекспир Уильям (1564—1616), английский поэт и драматург 31, 73, 86, 92, 148 («Венецианский мавр»), 177, 181, 182, 190, 213, 256, 265, 277, 289 («Отелло»), 299, 307 («Отелло»), 372, 373, 401, 414, 417, 428, 432, 502, 516
 Шеллер Александр Иванович, плодовитый театральный переводчик 92, 372
 Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ 277, 317, 518, 534
 Шенье Андре-Мари (1762—1794), французский поэт 179, 414
 Шереметев С. Д. 541
 Шеффер П. Н. 541
 Шикло А. Е. 370, 374, 392, 442, 542
 Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805), немецкий поэт 31, 86, 100, 136, 153, 178, 213, 228, 277, 316, 321, 333, 334, 336, 338, 380, 396, 402, 460, 471, 516, 521
 Шимановская Елена (1811—1861), дочь польской пианистки М.-А. Шимановской, знакомая Пушкина 501
 Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837), поэт, член «Беседы любителей русского слова» 400
 Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841), московский книгопродавец и издатель 104, 266, 475, 530
 Ширяев, переводчик «Маргариты Анжуйской» 92 (вольн. пер. «Маргариты Анжуйской»), 372
 Шишков Александр Ардалионович (1799—1832), поэт, переводчик 103 («Ермак»), 125, 393, 374, 374
 Шишков Александр Семенович (1754—1841), литератор, министр народного просвещения, глава Цензурного ведомства (1824—1828), один из основателей «Беседы любителей русского слова» 400, 524, 539
 Шлегель (Schlegel) Август-Вильгельм (1767—1845), немецкий историк литературы, критик, поэт, переводчик 283, 301, 414, 432, 534
 Шлегель Фридрих (1772—1829), немецкий философ, писатель, критик, теоретик романтизма 178, 213, 276, 283, 301, 432, 534
 Шлецер Август Людвиг (1735—1809), немецкий историк 403
 Шлиппенбах Вольмар Антон, шведский генерал 132
 Шолье Гильом Амфри (1639—1720), аббат; французский поэт 317
 Шольц Фридрих (1787—1830), композитор 372
 Шопен Жан-Мари (род. ок. 1795), французский литератор, долгое время живший в России 40, 344

- Шуйский Василий Иванович (Василий IV) (1552–1612), русский царь (1606–1610) 299, 496
- Щастный Василий Николаевич (1802 — не ранее 1853–1854), поэт, переводчик 39, 402, 403, 529
- Щеглов Николай Прокофьевич (1794–1831), профессор физики, издатель, цензор 505
- Щеголев П. Е. 528
- Щемслева Л. М. 524, 528
- Щербаков Василий Федорович (1810–1878), библиофил, знакомый М. П. Погодина 389
- Эбергард (Ебергард) Иоганн Август (1739–1809), немецкий философ-эстетик 147, 401
- д'Экштейн (Eckstein) Фердинанд (1790–1861), барон; французский философ и публицист 226, 448
- Энгель Иоганн Якоб (1741–1802), немецкий писатель, философ и эстетик 333
- Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862), директор Царскосельского лицея (1816–1822) 460
- Эро (Еро; Hèreau) Эдм-Жоашен (1791–1836), французский литератор 40, 344, 345
- Эсхил (ок. 525–456 до н. э.), древнегреческий драматург 181, 521
- Ювенал (Juvenal) (Децим Юний Ювенал; ок. 60–ок. 127), римский поэт-сатирик 112
- д'Юрфе (d'Urfé) Онопоре (1568–1625), французский писатель 411
- Юрьев Федор Филиппович (1796–1860), участник Отечественной войны; знакомый Пушкина 421
- Юсупов Николай Борисович (1750–1831), князь, дипломат, член Государственного совета, сенатор 287, 433, 478, 492, 522
- Юсуповы 354
- Языков Александр Михайлович (1799–1874), брат Н. М. и П. М. Языковых; помещик Симбирской губернии 406
- Языков Николай Михайлович (1803–1847), поэт 37, 39, 104, 125, 217, 219, 226, 333, 342, 343, 350, 357, 360, 379, 391–393, 402, 423, 432, 433, 435, 515–517, 520, 526, 528, 538
- Яковлев Н. В. 504
- Якубович Лукьян Андреевич (1808–1839), поэт 524, 533
- Якушкин В. Е. 482
- Япиш см. Павлова К. К.
- Bowles William Lisle (1762–1850), английский поэт 504
- Byron см. Байрон Дж. Г.
- Cornwall Barry см. Корнуолл Б.
- Dazincourt (Joseph-Jean-Baptiste Albouy; 1747–1809), французский актер 387
- Horatius см. Гораций
- Juvenal см. Ювенал
- Littre E. 450
- Milman Henry Hart (1791–1868), английский поэт и историк 504
- Ouzy Maurice (1776–1843), французский драматург и лирик, автор водевилей 387
- Pichot A. см. Пишо А.
- Southey см. Саути Р.
- Wilczyńska-Fiksińska M. 384
- Wilson John (1785–1854), английский писатель 504

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

- <Альманашик> 422, 423, 537
Ангел («В дверях Эдема ангел нежный...») 33, 37, 192, 329
«Анг<лийские> критики оспаривали у лорда Байрона...» см. <О драмах Байрона>
«Англия есть отечество карикатуры и пародии...» 517
Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир...») 192, 193, 414
<Арап Петра Великого> 123 («4 глава из исторического романа А. Пушкина»), 379, 380, 390, 531
Арион («Нас было много на челпе...») 531
- <Баратынскому> («Я жду обещанной тетради...») 190 («Ему же»)
Баратынскому. Из Бессарабии («Сия пустынная страна...») 190
Бахчисарайский фонтан 40, 74, 77, 78, 92, 127, 129, 130, 135, 138, 142, 144, 149, 159–161, 168, 180, 191, 218, 246, 249, 250, 263, 277, 278, 290, 294, 295, 308, 336, 343, 346, 362, 365, 366, 370, 376, 386, 394, 401, 402, 404, 412, 419, 468, 469, 471, 475, 483, 502, 518
«Близ мест, где царствует Венеция златая...» 192, 342
Борис Годунов 5, 9, 10, 18, 30, 31–33, 35, 37, 39, 40, 81, 82, 126, 153, 181, 202, 226, 236, 241, 250, 264, 277, 284, 298 (трагедия), 329, 336, 339, 342, 347, 361, 363 (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»), 371, 383, 414, 435, 437, 446, 451, 452, 460, 461, 462, 467, 484, 487, 495, 496, 500, 501, 527, 534
Братья разбойники 29, 35, 39, 78, 135, 161, 164, 168, 295, 338, 361, 362, 483, 521
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 531
Буря («Ты видел деву на скале...») 192, 352, 500
- В альбом П. А. О<сиповой> см. «Быть может, уж недолго мне...»
«В журнал совсем не европейский...» см. На Надеждина
«В крови горит огонь желанья...» 192, 442
«В одном из наших журналов дают заметить...» см. О журнальной критике
«В одном из № “Лит<ературной> газеты” упоминали о записках парижского палача...» см. <О записках Видока>
«В часы забав и праздной скуки...» 440, 531
«В Элизии Василий Тредьяковский» см. Литературное известие
Вакхическая песня («Что смолкнул веселая глас...») 192
«Вертоград моей сестры...» 192, 442
Веселый пир («Я люблю вечерний пир...») 192
<Влюбленный бес> 390
<Возражение на статью «Атеня»> («В 4 к<ниге> Аф<еня>...») 353
Возрождение («Художник-варвар кистью сонной...») 190, 342
«Ворон к ворону летит...» 192
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») 192, 379
«Вот муза, резвая болтуня...» 410
«Вот перешед чрез мост Кокушкин...» 444
«Вы так откровенны и снисходительны...» см. <Гости съезжались на дачу...>
- Гавриелиада 380, 453, 494
«Город пышный, город бедный...» 124, 192, 379
<Гости съезжались на дачу...> 24
Граф Нулин 31, 33, 40, 104, 105, 110–116, 119–123, 161, 168, 241, 287, 288, 300, 329, 330, 333, 334, 342, 350, 376–378, 380, 381, 384–389, 399, 405, 467, 473, 483, 485, 493, 503, 522, 525, 539
- «Давно об ней воспоминашь...» (Кн. М. А. Голицыной) 528
Д<авыдо>ву («Нельзя, мой толстый Аристип...») 190, 442
Да<выдо>ву, на приглашение схать с ним на полуденный берег Крыма см. Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип...»)

- «Дар напрасный, дар случайный...» 216 («26 мая 1828»), 428, 439, 445 («26-ое 1828»)
 Два ворона («Ворон к воропу летит...») 124, 379, 526
 Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый...») 192
 19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») 192
 19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...») 539
 Дельвиг («Дельвиг родился в Москве...») 460
 Демон («В те дни, когда мне были новы...») 180, 216, 439, 445
 Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 421
 Добрый человек («Ты прав — несносен Фирс ученый...») 192
 Домик в Коломне 485
 Дружба («Что дружба? Легкий ныл похмелья...») 192
 Дубровский 24
- Евгений Онегин 7, 10, 12, 17, 24, 29, 35, 39—76, 80, 81, 83, 84, 86, 88, 89, 91—102, 109, 129, 135, 156, 161, 162, 180, 181, 189, 191, 193, 216, 221, 230, 232—236, 241, 243, 246—249, 256—262, 264—266, 268—270, 273—275, 277, 278, 284, 295, 296, 298, 299, 301, 305—307, 311—315, 336, 339, 343—352, 353 (примечания к полному тексту романа), 354—363, 365, 366, 369, 373, 375—377, 381, 399, 404, 407, 418, 419, 426, 428, 432, 434, 444, 445, 451, 457—459, 461, 466, 467, 468, 471, 472, 473, 477, 482, 484, 485, 487, 499, 501, 502, 507, 509—514, 521, 523, 526, 531
- Ес глаза («Она мила — скажу меж нами...») 289, 421
 <Езерский> 24
 «Если жизнь тебя обманет...» 192
- Желание («Медлительно влекутся дни мои...») 493
 Желание славы («Когда, любовью и негой упоенный...») 192
 Жених («Три дня купеческая дочь...») 192
 «Журналами обиженный жестоко...» см. Эпиграмма
- Заздравный кубок («Кубок янтарный...») 38, 343, 493
 «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» 216 («2 ноября»), 221 («2-го ноября»), 428, 439, 445 («2-ое ноября»)
- Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...») 216, 220, 221, 428, 445
 Зимняя дорога («Сквозь волнистые туманы...») 192
 Золото и булат («"Все мое" — сказала злато...») 192
- «Из Азии переехали мы в Европу...» см. Отрывок из письма к Д.
 Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») 441
 Илиада Гомера («Наконец вышел в свет...») 504
 Именины («Умножайте шум и радость...») 192
 Иностранке («На языке, тебе невятном...») 192
 История русского народа, сочинение Николая Полевого 517, 539
 История стихотворца («Внимает он привычным ухом...») 192
 Испанский романс см. «Ночной зефир...»
- К** см. «Подъезжая под Ижоры...»
 К*** («Зачем безвременную скуку...») 190
 К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой...») 192
 К*** («Я помню чудное мгновенье...») 192
 К А. Б*** («Что можем наскоро стихами молвить ей...») 192
 К Б*** см. К <Баратынскому> («Стих каждый повести твоей...») 192
 К <Баратынскому> («Стих каждый повести твоей...») 192, 442
 К вельможе («От северных оков освобождая мир...») 287 (послание к князю**), 433 (послание к к<нзю> Н. Б. Ю.), 478, 492, 522
 К живописцу («Дитя Харит и вображенья...») 493
 К Каверину («Забудь, лобезный мой Каверин...») 421
 К пей («Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку...») 343
 К портрету <Вяземского> («Судьба свои дары явить желала в нем...») 192
 К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...») 192
 К Чудаеву («Любовь, надежды, тихой славы...») 421
 К Яз<ыков> («Яз<ыков>, кто тебе внушил...») 192, 379
 Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине...») 531
 Кавказский пленник 39, 40, 42, 74—77, 87, 92, 102, 110, 135, 146, 161, 168, 179, 180, 191, 193, 198, 203, 210, 241, 277, 278, 294, 336, 344—346, 348, 366, 373, 374, 376, 381, 394, 401, 419, 426, 433, 467, 483, 499

- «Как брань тебе не надоела?...» 192
«Как сатирой безымянной...» 407, 411
Калмычке («Прощай, любезная калмычка...») 531
Капитанская дочка 24
Кинжал («Лемпосский бог тебя сковал...») 522
Княгине Э. А. Волконской. («Среди рассеянной Москвы...») 192
«Кобылица молодая...» 124, 192, 379
Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей...») 190
«Когда твои молодые лета...» 531
Козлову («Певец! Когда перед тобой...») 192
- Лиле («Лила, Лила! Я страдаю...») 192
Литературное известие («В Элизии Василий Тредьяковский...») 155 («Литературное извещение»), 156 («Литературное извещение»), 385, 403, 411, 524
«Люблю ваш сумрак неизвестный...» 190
Любопытный («—Что ж нового?» — «Ей-Богу, ничего...») 192, 379
- Мадона («Не множеством картин старинных мастеров...») 531
«Мальчишка Фебу гимн поднес...» см. Эпиграмма
«Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру...» 428
Моя родословная («Смесь жестоко над собратом...») 455, 480, 497
Моя эпитафия («Здесь Пушкин погребен, он с музой молодою...») 421
- Н. Н. («Примите «Невский альманах...») 192
<На Булгарина> («Не то беда, что ты поляк...») 452, 454, 455 (эпиграмма), 527
<На Каченовского> («Хаврониос! ругатель закоспелый...») 389
<На Надеждина> («В журнал совсем не европейский...») 407
<На Надеждина> («Надеюсь на мое презренье...») 407
«Надеюсь на мое презренье...» см. <На Надеждина>
Наперсник («Твоих признаний, жалоб нежных...») 192, 379
<Начало автобиографии> («Несколько раз принимался я...») 495, 497
«Не пой, красавица, при мне...» 192, 379
«Не то беда, Авдей Флюгарин...» см. Эпиграмма
«Не то беда, что ты поляк...» см. <На Булгарина>
Недоконченная картина («Чья мысль восторгом угадала...») 190
«Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики...» см. <О статьях князя Вяземского>
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем («Я не принадлежу к числу тех...») 383, 538
«Нет ли в чем вам благодати...» 192
«Ни одно из произведений лорда Байрона...» см. <О трагедии Олива «Корсер»>
«Ночной зефир...» 190, 343
Нравоучительные четверостишия 342
- <О втором томе «Истории русского народа» Полевого> 517
<О драмах Байрона> («Анг<лийские> критики оспаривали у лорда Байрона...») 371
<О журнальной критике> («В одном из наших журналов дают заметить...») 441, 470, 471, 531
<О записках Видока> («В одном из № Лит. Газеты упоминали...») 452, 453, 454, 455, 498, 531, 532
<О записках Самсона> («Французские журналы извещают...») 455
<О народной драме и драме «Марфа Посадница»> («Между тем как эсфетика...») 347
О народном воспитании («Последние происшествия обнаружили много печальных истин...») 6
<О новейших блюстителях нравственности> («Но не смешно ли им судить...») 385, 490
<О переводе романа Б. Константа «Адольф»> («Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман...») 446
<О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде»> («Возвратясь из путешествия...») 493, 494
<О статьях князя Вяземского> («Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики...») 385, 443, 490, 531
<О трагедии Олива «Корсер»> («Ни одно из произведений лорда Байрона...») 371
<Общество московских литераторов> («Несколько московских литераторов...») 407
Олегов щит («Когда ко граду Константина...») 221, 428

- <Опровержение на критике> 11, 24, 353, 356, 359, 360?, 371, 380, 386, 387, 397, 401, 407, 416, 458, 461, 466, 475 (болдинские заметки), 482, 483, 485, 486, 493, 497, 508, 527
- Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений 24, 455, 479, 481—486, 488, 489, 493, 503, 507
- Орлову («О ты, который сочетал...») 421
- П. А. О<сиповой> («Быть может, уж недолго мне...») 192, 379 («В альбом П. А. О<сиповой>») 192
- Ответ («Я вас узнал, о мой оракул!..») 531
- Отвст А. И. Готовцовой («И недворчиво и жадно...») 192, 379, 380
- Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») 192, 379
- Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она...») 192
- Отрывки из писем, мысли и замечания 6, 30, 34, 37 («Отрывки из неизданных записок»), 329, 331, 332, 334, 340, 341, 343, 354, 371
- Отрывок («Несмотря на великие преимущества...») 485
- Отрывок из литературных летописей («Распря между двумя известными журналистами...») 220—222, 228, 347, 385, 403, 428, 444, 445, 450, 475, 526
- Отрывок из письма к Д. («Из Азии переехали мы в Европу на корабле...») 250, 469
- Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» см. «Сто лет минуло, как тевтон...»
- «Охотник до журнальной драки...» 192
- Певец («Слыхали ль вы за рощей глас почной...») 527
- Пир поэтов 11
- Письмо к издателю («Георгий Конисский, о котором напечатана статья...») 539
- «Под небом голубым страны своей родной...» 33, 192, 329
- <Подражание Анакреону> см. «Кобылица молодая...»
- Подражания Корану 190
- «Подъезжая под Ижору...» 428
- Полтава 11, 12, 124—127, 129, 130, 132, 136, 138, 142, 144—149, 153, 157, 162, 166—169, 171—176, 178, 181, 182, 202, 207, 208, 213, 214, 227, 228, 232, 241, 243, 250, 260, 278, 279, 284, 289—291, 307, 308, 384, 391, 392, 394—402, 405, 406, 408—412, 415—417, 430, 431, 458, 462, 467, 473—475, 482, 485, 494, 495, 500, 508, 523, 526
- Послание Дельвигу («Прими сей череп, Д<ельви>, он...») 6, 33, 34, 37, 192, 329, 333, 520
- Послание к Л. Пушкину («Что же? Будет ли вино?...») 353
- Послание к Ч<аадасву> («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 414
- Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой...») 421
- Поэт («Пока не требует поэта...») 192, 348
- Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...») 10, 192, 442
- Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной...») 12
- Предчувствие («Снова тучи надо мною...») 192, 379
- Приметы («Я ехал к вам: живые сны...») 403
- Прятелло («Не притворяйся милый друг...») 192
- Прятелям («Враги мои, покамест я ни слова...») 192
- Пробуждение («Мечты, мечты...») 343
- <Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина»> («У нас довольно трудно самому автору...») 305—307, 457, 485, 507
- Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты хлопчешь?») 192
- Пророк («Духовной жаждою томим...») 192
- Птичка («В чужбине свято наблюдаю...») 192
- «Пупок чернеет сквозь рубашку...» 444
- Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. 406, 419, 531
- <Путешествие из Москвы в Петербург> 492
- «Пью за здравие Мери...» (Из Barry Cornwall) 527
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава...») 401, 404, 511
- <Разговор о критике> («А. Читали вы в последнем №...») 497, 529
- Родословная моего героя. (Отрывок из сатирической поэмы) («Начнем ab ovo: мой Езрский...») 24
- Роза («Где наша роза...») 192
- <Роман в письмах> 24, 386
- Романс («Под вечер, осенью ненастной...») 343, 493
- Руслан и Людмила 39, 42, 73—76, 78, 85—88, 90, 92, 102, 110, 126, 134, 135, 144, 146, 161, 168, 179, 182, 232, 236, 243, 260—262, 265, 277, 278, 294, 306, 310, 346, 352, 357, 361, 362, 365—367, 371—373, 381, 394, 410, 412, 483, 485, 498, 500

- Сапожник (Притча) («Картину раз высматривал сапожник...») 407, 413
 Сафо («Счастливым юноша, ты всем меня пленил...») 192
 «Свод неба мраком обложился...» 190
 «Седой Свистов! ты царствовал со славой...» см. Эпиграмма
 Слеза («Вчера за чашей пушшевою...») 38, 343
 И. В. С<ленину> («Я не люблю альбомов модных...») 192, 379
 Собрание насекомых («Мое собрание насекомых...») 238–242, 463–467, 489, 520
 Собрание насекомых, стихотворение А. С. Пушкина («Мое собрание насекомых...») 466, 489, 528
 Совст («Поверь: когда слепней и комаров...») 192
 Сожженное письмо («Прощай, письмо любви! прощай: она велела...») 192
 Соловей и кукушка («В лесах, во мраки ночи праздной...») 192
 Соловей и роза («В безмолвии садов, весной, во мгле почвой...») 192 («Соловей»)
 Сои (Отрывок из Новгородской повести «Вадим») («Проходит ночь; огонь погас...») 493
 Стансы («В надежде славы и добра...») 5, 192, 400
 Старик («Уж я не тот любовник страстный...») 192
 «Сто лет минуло, как тевтон...» 192, 442
 Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...») 181 («Фауст» Пушкина), 192, 414
 «Счастлив ты в прелестных дурах...» 428
 Талисман («Там, где море вечно плещет...») 39, 192, 343
 «Там, где древний Кочерговский...» см. Эпиграмма
 К. А. Т<имаше>вой («Я видел вас, я их читал...») 215, 438, 474
 Торжество дружбы, или Оправданный Александр Алфимович Орлов («Посреди полемики...») 383, 461
 Ты и вы («Пустое *вы* сердечным *ты*...») 192, 379
 «У Кларисы денег мало...» 192
 Уединение («Блажен, кто в отдаленной сени...») 192
 Утоленник («Прибежали в избу дети...») 126, 192, 442
 Е. Н. У<шако>вой («Вы избалованы природой...») 192, 526
 Фавн и пастушка. Картины («С пятнадцатой весной...») 289, 380, 493, 494
 «Французские журналы извещают нас о скором появлении "Записок Самсона, парижского палача"...» см. <О записках Самсона>
 «Хавронис! ругатель закоспелый...» см. <На Каченовского>
 «Хоть впрочем он поэт изрядный...» 192
 Цветок («Цветок засохший, безуханный...») 192
 Цыганы 29, 31, 35, 39, 40, 74–76, 78–81, 91, 92, 125, 127, 129, 135, 138, 142, 161, 164, 168, 176, 180, 181, 191, 196, 277, 298, 344, 361, 362, 368, 369, 376, 402, 412, 419, 424, 485, 501, 521, 528
 Цыганы («Над лесистыми берегами...») 527
 Череп см. Послание Дельвигу
 Черная шаль («Гляжу, как безумный, на черную шаль...») 263, 343
 «Что в имени тебе моем?...» 531
 «Что же? Будет ли вино?...» см. Послание к Л. Пушкину
 Элегия см. «Под небом голубым страны своей родной...»
 Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко...») 385, 403, 406, 411
 Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...») 407, 408, 428
 Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин...») 455
 Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой...») 407, 428, 537
 Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский...») 385, 403, 406, 411
 Юрий Милославский, или Русские в 1612 году («В наше время под словом *раман*...») 450
 Юрьеву («Любимец ветреных Лаис...») 289 («Послание к Юрьеву»), 421
 «Я вас любил: любовь еще, быть может...» 428
 Ex ungue leonem («Недавно я стихами как то свистнул...») 192
 «Habent sua fata libelli. Полтава не имела успеха...» 397, 401, 407, 416
 Table-Talk 383, 498
 To Dawe Esq-g («Зачем твой дивный карандаш...») 192, 379

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ*

- Альбом северных муз 38, 39, 337, 338, 343, 344
Альманах анекдотов 442
Амфион 401, 446
Атены 12, 16, 56, 57, 102, 142, 145, 155, 203, 217, 218, 295, 328, 341, 348–355, 358, 360, 373, 377, 380–382, 388, 397–400, 402, 404, 406, 412, 414, 416, 417, 426, 431, 462, 473, 499, 514, 517, 523, 524
Бабочка 110, 327, 381, 524, 525
Благопомерный 350, 355, 420, 421, 540
Вестник Европы 15, 16, 20, 57, 74, 113, 121, 122, 142, 157, 159, 185, 216, 218, 221, 228, 232, 242, 260, 263, 264, 283, 285, 288, 290, 294, 295, 298, 308, 327, 330, 332, 351, 355, 359, 362, 366, 367, 382, 384–389, 399, 403, 405, 406, 408, 410, 411, 415, 418, 421, 428, 431, 437, 438, 440, 444, 446, 449, 457, 458, 460, 463–467, 473–475, 481, 485, 487–489, 493–495, 498–500, 503, 517, 519, 524, 540
Галатея 12, 16, 123, 130, 167, 228, 243, 328, 380, 382, 390, 391, 393, 395, 397–399, 423, 424, 431, 437, 443, 449, 457, 458, 462, 463, 467, 481, 487, 498, 506, 507, 524, 525, 526
Гирланд 420
Дамский журнал 74, 263, 327, 330, 333, 334, 346, 359, 362, 366, 367, 377, 380, 381, 442, 468, 473, 475, 487, 502, 524, 525, 526
Дешница 218, 224, 226, 227, 280, 307, 327, 328, 361, 397, 401, 407, 415, 416, 434–438, 442, 444, 447, 448, 449, 455, 472, 475, 480, 482, 486–488, 490, 495, 498, 508, 517, 526, 527, 531, 540
Драматический альманах 340
Европеец 361, 536
Живописец 515
Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов (приложение к журналу «Атены») 523
Карманная книжка для любителей русской старины и словесности 239, 240, 243, 327, 424, 464, 465, 467, 527, 528
Колокольчик 528
Литературная газета 12, 13, 18, 19, 22–24, 216, 217, 220, 223, 224, 229, 232, 242, 260, 276, 277, 279, 280, 286, 293, 300, 302–305, 328, 329, 335, 347, 361, 385, 415, 429, 431, 434, 435, 437, 438, 440, 441, 443, 444, 446, 450–462, 464–472, 478–482, 485–490, 492, 495, 498, 501, 504–507, 514, 517–520, 522, 526, 528–536, 538, 540
Литературное зеркало 316
Литературные листки 362, 522, 540
Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 406, 533
Литературный музей 342, 426
Майский листок 420, 421
Метеор 427
Мисмозина 332, 343, 477
Молва 382
Москвитянин 335, 536, 541
Московские ведомости 225, 333, 334, 339, 344, 346, 349, 353, 355, 366, 367, 370, 373, 374, 382, 390, 392, 395, 398, 399, 402, 404, 405, 408, 411, 415, 417, 420, 426, 433, 442, 444–446, 449, 462, 466–468, 472, 473, 477, 478, 506, 509, 520, 526, 541
Московский альманах 33, 334, 340, 442
Московский вестник 7–13, 17, 20, 29, 36, 37, 41, 62, 64, 72, 73, 79, 102, 211, 217, 222–224, 237, 246, 276, 280, 328, 330, 333–342, 344–349, 352–357, 359–365, 367–370, 373,

* В указатель вошли издания пушкинской эпохи и предшествующего периода.

375, 379–383, 391–394, 400, 401, 414, 421, 426, 428–430, 434, 435, 441, 442, 445, 446, 449, 452–454, 461–463, 469, 472, 477, 480, 487, 500, 502, 507, 517, 518, 524, 526, 528, 534–536, 541

Московский журнал 448

Московский наблюдатель 335, 536

Московский телеграф 13–16, 19–21, 37, 40, 57, 74, 86, 102, 104, 127, 143, 156, 172, 189, 216, 218, 221, 232, 237, 238, 242, 256, 257, 259–261, 263–265, 276, 277, 280, 306 (один из наших журналов), 328, 330, 332, 333, 344, 355, 357, 362–364, 366, 368, 371, 373–377, 379–381, 384, 385, 392–397, 401, 403, 404, 406, 407, 411–413, 415, 417, 418, 420, 422, 423, 425–427, 428–430, 432, 433, 436–438, 442–444, 447, 455, 457, 458, 461, 463, 464, 468–478, 481, 487–490, 492, 501, 502, 504, 506–508, 510, 515–517, 520, 526–528, 530–532, 535, 536, 541

Невский альманах 37, 219, 340, 342, 428, 442, 444, 458, 463, 468, 477, 516

Невский зритель 276, 366, 477

Новая детская библиотека 357

Новости литературы 355, 538

Новые Аониды 525

Новый живописец общества и литературы (прибавление к журналу «Московский телеграф») 432, 463, 464, 472, 473, 478, 489, 515, 516, 520

Одесский альманах 383

Отечественные записки 339, 406, 541

Памятник отечественных муз 289 (альманах, изданный г-ном Федоровым), 339, 343, 356, 380, 493

Подснежник 155, 156, 172, 238–240, 242, 385, 402–404, 406, 408, 411, 460, 463–467, 489, 520, 524

Полярная звезда 329, 332, 509

Радуга 215, 262, 438, 442, 474

Российский музей, или Журнал европейских новостей, издаваемый В. Измайловым 421, 460, 542

Русская Талия 331, 332, 459

Русский зритель 382

Русский инвалид 105, 362, 408, 412, 457, 538, 539, 541

Санктпетербургские ведомости 339, 408

Санктпетербургский вестник 542

Санктпетербургский дневник 536

Санктпетербургский зритель 102, 298 (журнал г. Федорова), 327, 352, 355–357, 373, 381, 501, 514, 536, 542

Северная звезда 289 (какой-то альманах), 328, 420–422, 429, 469, 493, 537

Северная лира 525

Северная пчела 8, 13–18, 31, 39, 40, 46, 83, 90, 91, 104, 105, 124, 126, 132, 152, 159, 188, 190, 191, 217, 218, 236–238, 246, 259, 261–263, 266, 268, 270, 274, 276, 277, 279, 283–285, 286 (одна газета (почти официальная)), 291 (одна газета), 299, 300, 304, 305, 315, 328–330, 337, 339, 340, 342–345, 349, 355, 356, 359, 362–365, 367–370, 373–380, 388–397, 402, 408, 412, 417–420, 422, 424–426, 429, 430, 434, 436, 438, 439, 441, 444, 446, 450–455, 457–461, 463, 465, 467–474, 476, 477, 479–481, 484, 485, 487–489, 492, 493, 495, 498, 499, 502, 503, 505–508, 512, 513, 515, 517, 518, 521, 525–527, 529–532, 535, 537, 542

Северные цветы 6, 13, 30, 31, 33, 36–39, 86, 87, 91, 104, 105, 114, 123, 124, 155, 194, 195, 216, 218–222, 224, 228, 285, 328–330, 332–334, 338–343, 345, 346, 348, 350, 354, 358, 376, 377, 379–381, 385, 386, 388, 390, 391, 393, 402, 403, 407, 414, 419, 422, 423, 428–431, 434, 439, 441, 442, 444, 445, 447, 449, 451, 459, 460, 468, 472, 475, 487, 488, 490, 493, 498, 513, 520, 522, 528, 530, 531, 535, 537, 542

Северный архив 331, 497

Северный Меркурий 22, 215, 221, 226, 230, 238–240, 255, 274, 293 (другая газета), 324, 328, 375, 407, 420, 423, 431, 437, 438, 445, 448, 456, 462–467, 469–471, 472, 476, 481, 487–489, 498, 502, 507, 513, 514, 521, 522, 530, 531, 537, 538, 542

Сириус 420

Славянин 105, 138, 217, 317, 328, 330, 364, 365, 378, 398, 420, 430, 431, 442, 517, 538, 539

Современник 23, 24, 347, 407, 460, 542

Соревнователь просвещения и благотворения (Труды вольного общества любителей
русской словесности) 499, 542
Сын отечества (с 1829 г. под заглавием «Сын отечества и Северный архив») 13, 14, 39,
74, 86, 90, 93, 121, 126, 127, 142, 161, 163, 183, 186, 237, 238, 276, 317, 327–330,
332, 344, 357, 362, 366, 367, 373, 384, 387–390, 394–398, 402, 403, 406, 409, 412,
415, 423–425, 429–433, 438, 442, 451, 454, 456, 463, 465, 469, 470, 477, 478, 482,
487–489, 494, 495, 498, 499, 517–522, 530, 535, 542
Телескоп 382, 383
Тифлиские ведомости 191, 328, 418, 419, 539
Царское село 441, 442
Эвтерпа. Подарок любительницам и любителям поэзии на 1828 г. 37, 343
Bulletin du Nord 344
Le Catholique 448
Le Conservateur 408 (Консерватор)
The Courier 503, 504
Le Furet 488, 490, 507, 513, 514
Halle'sche Literaturblatts 518
Minerve littéraire 492
Revue Encyclopédique 40, 344

СОДЕРЖАНИЕ

Е. О. Ларионова. «Услышишь суд глушца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) 5

1828

<i>О. М. Сомов.</i> Обзор российской словесности за 1827 год. <Отрывок>	29 329
<i>Ф. В. Булгарин.</i> Рассмотрение русских альманахов на 1828 год. 1. «Северные цветы». <Отрывки>	30 330
<i>П. И. Шаликов.</i> Об альманахах на 1828 год. <Отрывок>	33 333
<i>С. П. Шевырев.</i> Обзор русской словесности за 1827-й год. <Отрывок>	34 334
<i>Из журнала «Московский вестник».</i> Альманахи на 1828 год. <Отрывки>	36 339
<i>Из журнала «Сын отечества».</i> Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И. <Отрывок>	39 344
<i>С. Д. Полторацкий.</i> «Г. Шопен, французский литератор...»	40 344
<i>Из «Северной пчелы».</i> «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина». Главы IV и V	40 345
<i>Из журнала «Московский вестник».</i> «А. С. Пушкин сдержал свое обещание...»	41 345
<i>И. В. Санктпетербургские вести.</i> <Отрывок>	42 346
<i>М. П. Погодин.</i> «Евгений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина, песнь 4 и 5	42 346
<i>Д. В. Веневитинов.</i> <Об «Евгении Онегине»>	46 348
<i>М. А. Дмитриев.</i> «Евгений Онегин». Роман в стихах. Соч. Александра Пушкина	47 349
<i>М. П. Погодин.</i> Мысли, замечания и анекдоты	56 353
<i>Из журнала «Московский телеграф».</i> «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Главы IV и V	57 355
<i>Б. М. Федоров.</i> «Евгений Онегин». Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Главы IV и V	59 355
<i>И. В. Киреевский.</i> Нечто о характере поэзии Пушкина	73 360
<i>Ф. В. Булгарин.</i> «В одном французском журнале напечатан следующий анекдот...»	82 363
<i>Из «Северной пчелы».</i> «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава VI	83 365
<i>О. М. Сомов.</i> «Руслан и Людмила». Поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное	85 365
<i>Из журнала «Московский телеграф».</i> «Руслан и Людмила». Поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава VI	86 366

Из журнала «Сын отечества». «Руслан и Людмила». Поэма Александра Пушкина. Издание второе, исправленное и умноженное	90	367
С. П. Шевырев. Обзорение литературных русских журналов. «Северная пчела». <Отрывок>	90	367
Н. А. Полевой. «Корсер», романтическая трагедия в трех действиях <...>. Сочинение (?) В. Н. Олина. <Отрывок>	91	370
Из журнала «Сын отечества». «Евгений Онегин». Гл. IV и V	93	373
Из журнала «Московский телеграф». «Кавказский пленник». Повесть Александра Пушкина. Второе, исправленное издание	102	373
Н. А. Полевой. «Киргизский пленник», повесть в стихах. Н. Муравьева. <...> «Разбойник». Соч. Петра Машкова. <Отрывок>	103	374
Из «Северной пчелы». «Две повести в стихах»: «Бал», сочинение Евгения Баратынского, и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина	104	376
Из журнала «Славянин». «Две повести в стихах»: «Бал», соч. Баратынского, и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина	105	378

1829

О. М. Сомов. Обзор российской словесности за 1828 год. <Отрывки>	109	379
Из газеты «Бабочка». «Граф Нулин». Повесть (в стихах) Александра Пушкина, напечатанная вместе с повестью «Бал» г. Баратынского.	110	381
Н. И. Надеждин. Две повести в стихах: «Бал» и «Граф Нулин»	112	382
О. М. Сомов. «Две повести в стихах»: «Бал», сочинение Евг. Баратынского, и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина. <Отрывок>	120	388
Из журнала «Сын отечества и Северный архив». <I>. Вопросы г. экс-студенту Недоумке <II>. О чутье критика имярек, живущего на Патриарших прудах <III>. О молодости лет г. критика с Патриарших прудов	121	388
Из журнала «Галатейя». «Северные цветы на 1829 год» (Изданы бароном Дельвигом и О. Сомовым). <Отрывки>	123	390
Из «Северной пчелы». «Поэма "Мазепа" в 3-х песнях, сочинение А. С. Пушкина, уже печатается...»	124	391
Н. А. Полевой. «Чека». Уральская повесть. Сочинение Феодора Алексеева. <Отрывок>	124	392
Ф. В. Булгарин. «Полтава», поэма Александра Пушкина	126	394
Из журнала «Московский телеграф». «Полтава», поэма Александра Пушкина	127	394
Из журнала «Галатейя». «Полтава», поэма Александра Пушкина	130	395
Ф. В. Булгарин. Разбор поэмы «Полтава», соч. Александра Сергеевича Пушкина	132	395
И. В. Киреевский. О разборе «Полтавы» в 15 № «Сына отечества и Северного архива»	142	398
Из журнала «Атеней». «Полтава», поэма Александра Пушкина	145	399
Из журнала «Атеней». <I>. «Подснежник». <Отрывок>		
<II>. Замечание на рецензию «Подснежника»	155	402
Из журнала «Московский телеграф». «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина	156	404
Н. И. Надеждин. «Полтава», поэма Александра Пушкина	157	405
К. А. Полевой. «Полтава», поэма Александра Пушкина	176	411
М. А. Максимович. О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении	183	415
Из «Северной пчелы». «Приготовлено издание всех стихотворений А. С. Пушкина...»	188	417

Из журнала «Московский телеграф». «Стихотворения Александра Пушкина». Первая часть	189	417
Из «Северной пчелы». «Стихотворения Александра Пушкина». Первая часть	190	418
Из «Тифлисских ведомостей». «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию...»	191	418
Из «Северной пчелы». «Стихотворения Александра Пушкина». Вторая часть	191	420
К. А. Полевой. «Стихотворения Александра Пушкина». Вторая часть	192	420
М. А. Бестужев-Рюмин. Мысли и замечания литературного наблюдателя. <Отрывок>	193	420
В. Н. Олин. Взгляд на стихотворение А. Пушкина под названием «Цыганы»	196	424
В. Т. Пляскин. Взгляд на состояние русской словесности в последнем периоде (Лекции из истории литературы). <Отрывок>	200	425
Н. Д. Иванчин-Писарев. Мысли и замечания касательно современной русской словесности. <Отрывок>	201	426
Из журнала «Атеней». «Московский пленник». Повесть в стихах. Сочинение Ф. С-ва. <Отрывки>	203	426

1830

О. М. Сомов. Обзорение российской словесности за первую половину 1829 года. <Отрывок>	207	428
П. А. Вяземский. Введение к жизнеописанию Фон-Визина. <Отрывки>	209	431
Из журнала «Московский вестник». О нынешней славе России в чужих краях. <Отрывок>	211	434
И. В. Киреевский. Обзорение русской словесности 1829 года <Отрывки>	211	434
Из газеты «Северный Меркурий». «Радуга», литературный и музыкальный альманах на 1830 г. Изданный П. Араповым и Д. Новиковым. <Отрывок>	215	438
Ф. В. Булгарин. «Северные цветы на 1830 год». <Отрывки>	216	439
Из «Северной пчелы». Вопрос	216	441
Н. А. Полевой. Новые альманахи <Отрывки>	217	442
Н. И. Надеждин. «Северные цветы на 1830 год». <Отрывки>	219	444
Из газеты «Северный Меркурий». Письмо к приятелю. <Отрывки>	221	445
Из журнала «Московский вестник». «Северные цветы на 1830 год». <Отрывки>	222	445
М. П. Погодин. Известия, замечания, анекдоты	223	445
К. А. Полевой. Взгляд на два обзорения русской словесности 1829 года, помещенные в «Деннице» и «Северных цветах». <Отрывок>	224	447
Из газеты «Северный Меркурий». «Денница», альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. <Отрывок>	226	448
Из журнала «Галатей». «Северные цветы на 1830 год». <Отрывок>	228	449
Ф. В. Булгарин. Анекдот	228	450
А. С. Пушкин. «В одном из № «Литературной» газеты» упоминали о Записках парижского палача...»	229	453
Из газеты «Северный Меркурий». «В литературе африканской происходят удивительные вещи...»	230	456
П. А. Плетнев. «Егений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Глава седьмая	230	457

Ф. В. Булгарин. «Евгений Онегин», роман в стихах, глава VII. Сочинение Александра Пушкина	232	457
А. А. Дельвиг. «В 39-м № "Северной пчелы" помещено окончание статьи...»	236	460
С. Т. Аксаков. Письмо к издателю «Московского вестника»	237	462
Из газеты «Северный Меркурий». «К наступающему Светлому празднику любители словесности получили...»	238	463
В. Н. Олин. «Подснежник», альманах на сей 1830-й год	239	465
Из газеты «Северный Меркурий». Нечто о «Собрании насекомых», эпиграмме А. Пушкина, помещенной в «Подснежнике»	239	465
Л. С. «Подснежник на 1830». <Отрывок>	240	466
А. С. Пушкин. Собрание насекомых, стихотворение А. С. Пушкина	241	466
М. А. Бестужев-Рюмин. Смотри журналам. <Отрывок>	242	467
Из журнала «Галатей». «Евгений Онегин», роман в стихах, сочинение Александра Пушкина	243	467
П. И. Шаликов (?). «Евгений Онегин». Глава VII	248	468
А. А. Дельвиг. «Бахчисарайский фонтан». Сочинение Александра Пушкина. Издание третье	249	468
М. А. Бестужев-Рюмин. Сплетница	250	469
Из журнала «Московский телеграф». «Евгений Онегин». Сочинение Александра Пушкина	256	472
Н. И. Надеждин. «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII, сочинение Александра Пушкина	258	473
Из газеты «Северный Меркурий». «Евгений Вельский», роман в стихах. Три главы	274	476
Из журнала «Московский вестник». Некоторые замечания о критических статьях в «Сыне отечества», в «Северной пчеле» и «Московском телеграфе»	276	477
Н. А. Полевой. Утро в кабинете знатного барина. <Отрывок>	279	478
Ф. В. Булгарин. Второе письмо из Карлова на Каменный остров. <Отрывок>	279	479

Приложение I

Болдинские полемические заметки Пушкина	283	481
<Опровержение на критики>. Первоначальная редакция	283	486
Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений	300	503
<Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина»>	305	507
Из альманаха «Денница». Отрывок из рукописи Пушкина («Полтава»)	307	508

Приложение II

М. И. Воскресенский. Евгений Вельский. <Отрывок>	309	509
М. А. Бестужев-Рюмин. Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин. Анекдотическая сцена. <Отрывок>	312	512
М. А. Бестужев-Рюмин. A Madame de N. N., просившей меня прислать ей роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»	315	514
Из журнала «Московский телеграф». Отрывки из нового альманаха «Литературное зеркало»	316	515
Из журнала «Сын отечества». Запоздалое предисловие к «Альдебарану»	317	517
Н. А. Полевой (?). Эпиграмма (на голос: <i>Мое собранье насекомых</i>)	318	520
Ф. В. Булгарин. Предок и потомки (Сатирическая повесть). <Отрывок>	319	521
Из газеты «Северный Меркурий». Несчастный поэт	324	522

Примечания	327	
----------------------	-----	--

Историко-библиографические справки о периодических изданиях . . .	523
Условные сокращения	540
Указатель имен	543
Указатель произведений Пушкина	563
Указатель периодических изданий	568

ПУШКИН В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ. 1828—1830

Настоящая книга продолжает издание «Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827». В ней представлен свод критических откликов на произведения Пушкина 1828—1830 гг., с обширными комментариями, в которых раскрывается литературная обстановка этих лет. В Приложениях печатаются болдинские полемические заметки Пушкина и некоторые пародийные тексты того времени.

СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр
в Санкт-Петербурге, 2001. – 576 с.

Художественный редактор *А. Дзяк*
Компьютерная верстка *С. Арефьев*

ISBN 5-85080-026-8
ЛП № 000329 от 15.12.1999.

Подписано в печать 20.04.2001.
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36. Тираж 2000 экз. Заказ № 309.
Государственный Пушкинский театральный центр
в Санкт-Петербурге.
191011, СПб., наб. р. Фонтанки, 41
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Искусство России»
198099, С.-Петербург, Промышленная ул., 38/2.

